И. И. ВАСИЛЬЕВ, Л. Б. ЛИБЕРМАН, Г. М. ФРИДМАН

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ

В ТРУДАХ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА, СТАЛИНА И РЕШЕНИЯХ ВКП(б) И КОМИНТЕРНА

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ И ВРАЧЕЙ

Под редакцией
С. Шперлинга
и
Г. Яксона

ЦЕНТР по ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ОГИЗ — ЛЕНИНГРАД — 1933 — МОСКВА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

285, Стецкий

ФЗУ. им. КИМ'а. Типография „Коминтерн", Ленинград, Красная ул., № 1.

Вместо предисловия

Значение социальной гигиены в теории и практике советского здравоохранения определяется, прежде всего, теми основными задачами, которые выдвинуты Октябрьской революцией в области охраны здоровья трудящихся.

Эти задачи наиболее четко сформулированы в программе Всесоюзной коммунистической партии, принятой на 8-м съезде в 1919 г.

«В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья ВКП(б) полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний».

Было бы упрощенчеством, даже прямым головотяпством заслонять санитарно-профилактическими задачами необходимость серьезнейшей работы в направлении количественного роста и повышения качества лечебной помощи.

Забывавшие об этом товарищи упускали из виду ту часть партийной программы, которая выдвигает в ряду ближайших задач ВКП(б) «обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощью» [из программы ВКП(б)].

И совершенно прав поэтому т. Стецкий, когда он пишет о товарищах, противопоставляющих основную задачу оздоровления — важнейшим задачам организации квалифицированной лечебной помощи, что они «не понимают ни марксизма-ленинизма, ни медицины, ни наших задач» [1].

Наше советское здравоохранение за 15 лет своего существования достигло многого по части постановки лечебной помощи трудящимся. Предстоит сделать в этом направлении неизмеримо больше. Необходимо усилить работу по улучшению лечебно-профилактического обслуживания трудящихся. Подчеркивая эту задачу, нельзя забывать о том, что основным направлением нашей советской медицины являются широкие профилактические мероприятия.

«Предупредительные меры (профилактика), **социальная гигиена, являющаяся завоеванием революции,** займут и будут занимать **все большее значение** в работе органов здравоохранения». (Стецкий) [2].

(Стецкий. Подчеркнуто нами — Аа).

Вреднейшей антипартийной установкой, попыткой свернуть наше здравоохранение на буржуазные рельсы явилось бы игнорирование этого положения.

---

[1] Стецкий. Об упрощенстве и упрощенцах, Ц. О. «Правда» от 4/VI 1932 г.
[2] Подчеркнуто нами — Аа.

Основные принципы нашего здравоохранения, наши сегодняшние задачи в этой области социалистического строительства диктуют необходимость усиления внимания к социальной гигиене в практической работе, в научно-исследовательской деятельности, в подготовке медицинских кадров. Именно так и ставит вопрос Центральный Комитет партии в своем постановлении о медкадрах от 1 июня 1931 г.

«Исходя из необходимости социалистической реконструкции санитарно-гигиенических условий труда и быта рабочих и реализации, как первоочередной задачи проблемы чистоты, считать неотложным укрепление и развитие в системе научных учреждений Наркомздравов институтов социальной гигиены, коммунальной санитарии, гигиены труда и профессиональных заболеваний, улучшив преподавание санитарно-гигиенических дисциплин».

Реализация партийных установок о профилактическом направлении нашей медицины, дальнейшее развитие социальной гигиены со всей остротой ставят вопрос о марксистско-ленинской разработке теории социалистического здравоохранения.

Этот участок теоретического фронта и до настоящего времени характеризуется резким отставанием от практических задач социалистического строительства.

В области социальной гигиены мы еще совсем недавно ограничивались переводами «ученых» трудов немецких профессоров (Фишер, Гротьян, Хайес).

Эти труды, ярко отражающие мировоззрение социал-демократии, монополизировавшей в Германии социальную гигиену, преподносились советскому читателю без сколько-нибудь серьезной критики. По ним учились студенты наших медвузов. Переводчики и редакторы этих руководств забывали основное указание Ленина о том, что использование данных буржуазной науки предполагает умение «отсечь реакционные тенденции» трудов «ученых приказчиков буржуазии».

Оригинальных руководств по социальной гигиене у нас очень мало. В 1925 г. вышли «Очерки социальной гигиены» проф. А. Ф. Никитина. В нашей печати справедливо отмечалось, что эта книга ни в какой мере не явилась вкладом в советскую науку о социальном здоровьи, представляя собой эклектическую мешанину из различных буржуазных учений. Мы имеем, далее, два тома руководства по социальной гигиене под редакцией проф. Молькова. Важнейшие разделы этого руководства («Труд», «Жилище», «Питание» и «Социальная патология») отчетливо отражают влияние социал-демократических концепций уже упоминавшихся немецких профессоров.

60 лет тому назад Энгельс характеризовал концепцию современных ему буржуазных социал-гигиенистов следующим образом: «В этом вся суть буржуазного социализма — сохранить основную причину всех зол современного общества и одновременно стремиться к уничтожению этих зол». Энгельс характеризовал современную ему буржуазную социально-гигиеническую литературу как «водянистый экстракт из иностранных, по преимуществу английских писателей, которому громкими и пышными фразами мошеннически придают вид высшего полета мысли» («Жилищный вопрос»). Эта характеристика может быть отнесена к упоминавшимся учебникам, разве только с той оговоркой, что место английских писателей заняли теперь немецкие...

Если так обстояло дело по части учебников и курсов социальной гигиены, то до последнего времени мы не могли похвастать обилием работ по отдельным частным вопросам социальной гигиены, которые были бы вполне выдержанными в духе учения Маркса—Ленина—Сталина, т. е. вполне научными.

Философская дискуссия последних лет, критика механицизма и меньшевиствующего идеализма, разоблачение троцкистской контрабанды на различных участках теоретического фронта, в связи с письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» — все это выявило, какое громадное количество извращений мы имели в области социальной гигиены. Проделанная критическая и разоблачительная работа сыграла большую положительную роль в деле развития теоретической мысли, «ибо только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма» (Сталин).

На данном этапе нашего развития мало, однако, одной только критической работы. Строители социалистического здравоохранения — медицинские работники, учащиеся — нуждаются в положительных установках в области теории социальной гигиены.

Социальная гигиена представляет собой науку, занимающую особое место в ряду тех дисциплин, овладение которыми необходимо советскому врачу. Особенность социальной гигиены в том, что она, в отличие от клинических наук, в отличие от экспериментальной гигиены, базируется не на физике, химии и биологии, а на данных социально-экономических наук. Это значительно облегчает уже теперь перестройку социальной гигиены на основе единственно научной марксистско-ленинской методологии — на основе диалектического материализма.

Тов. Стецкий был абсолютно прав, когда писал о том, что только шарлатан может браться за то, чтобы показать «как вести доменный процесс на основе марксизма-ленинизма». Только шарлатан может браться за то, чтобы показать, как на основе материалистической диалектики произвести, скажем, операцию гастро-энтеростомии, или, например, исследовать молоко, или произвести дезинсекцию.

В этих областях знания так же, как в технике, архитектуре, живописи, научные работники, специалисты должны, изучая марксизм-ленинизм, подумать о том, как применить «диалектический метод на основе имеющихся у них знаний фактического материала, действительного понимания проблем своей науки». (Стецкий).

Научный работник в области социальной гигиены, практический работник здравоохранения постоянно сталкиваются с необходимостью анализа явлений, происходящих в сфере социальных отношений, в сфере политики и экономики. А именно в этих областях, хотя и далеко не только в них, Маркс — Энгельс, Ленин и Сталин **непосредственно** применяли революционный метод материалистической диалектики. Мало этого. В работах классиков марксизма-ленинизма собран богатейший социально-гигиенический материал.

Маркс и Энгельс, всесторонне изучая положение рабочего класса в капиталистическом обществе, естественно не могли пройти мимо вопроса о социальном здоровьи пролетариата в условиях капитализма.

Используя фактический материал, добытый во многих случаях работами врачей, Маркс и Энгельс дали образцы подлинно-научного анализа этого материала.

В «Капитале», «Положении рабочего класса в Англии», «Жилищном вопросе» и многих других работах Маркс и Энгельс, касаясь вопросов социального здоровья, дали непревзойденные образцы социально-гигиенического исследования, опирающегося на конкретные фактические материалы.

В работах Ленина и Сталина мы находим не менее важные указания по различным проблемам социальной гигиены. Вопросы здоровья трудящихся занимали свое место в ряду требований, выдвигавшихся пролетариатом в процессе его борьбы за власть.

Партия рабочего класса выдвигала свои требования в области здравоохранения рабочих, исходя из «охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе» (из программы РСДРП, принятой 2-м съездом).

Социальная гигиена — одна из важнейших отраслей социальной политики. Пролетариат нашей страны, взяв власть в свои руки, столкнулся с необходимостью практически разрешать вопросы здравоохранения трудящихся, проблемы социальной гигиены. Мы имеем в связи с этим ряд работ Ленина и Сталина, решений партийных съездов, постановлений ЦК, имеющих исключительную важность для теоретической разработки социально-гигиенических проблем, для практики здравоохранения. Несомненно, что одной из важнейших причин отставания в области социально-гигиенической теории является и до сих пор еще далеко не достаточное изучение классиков, партийных документов, посвященных социально-гигиеническим вопросам.

Это относится к значительной части медицинских работников, в том числе и к специалистам по социальной гигиене.

Предлагаемая хрестоматия ставит своей задачей помочь всем этим кругам медицинских работников овладеть основными трудами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, важнейшими партийными решениями по вопросам или непосредственно касающимся, или тесно связанным с социальной гигиеной. Необходимость в такой работе представляется нам обоснованной тем соображением, что как в работах классиков, так и в партийных решениях вопросы социальной гигиены часто трактуются в общем контексте с другими политическими и экономическими проблемами, по отношению к которым социально-гигиенические во многих случаях естественно занимают подчиненное положение.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающий подбор материала. Составители стремились по крайней мере не упустить важнейших положений, совершенно необходимых для каждого социал-гигиениста, для каждого врача. Материал расположен по главнейшим отделам социальной гигиены. При этом надо иметь в виду, что в ряде случаев представляет значительные затруднения решение вопроса, к какому отделу отнести ту или иную работу, тот или иной отрывок, касающийся различных отделов социальной гигиены одновременно.

В этих случаях материал относился к тому отделу, с которым его содержание было ближе всего связано. Предметный указатель поможет ориентироваться читателю. Внутри каждого раздела материал расположен в такой последовательности, чтобы сперва осветить состояние проблемы в условиях капитализма вообще, затем особенности его в империалистический период, и, наконец, показать пути разрешения конкретных социально-гигиенических проблем в пролетарской революции, показать состояние каждого вопроса в условиях социалистического строительства вплоть до данного этапа. Там, где это возможно, даны материалы, указывающие перспективы дальнейшего развития, в частности в отношении второй пятилетки.

Нижеследующие страницы предисловия не претендуют на роль комментариев и дальнейшей разработки учения классиков марксизма и партийных постановлений по вопросам социальной гигиены. Они не являются также обстоятельным критическим анализом установок представителей буржуазной и социал-фашистской социальной гигиены. На этих страницах мы ограничиваем свою задачу попыткой показать, как изучение работ классиков марксизма-ленинизма и партийных решений позволяет избежать тех ошибок и извращений, которые мы имеем еще во всех отделах социальной гигиены, как изучение этих работ позволяет выявить правильные пути дальнейшей разработки социальной гигиены.

Каждой системе производственных отношений свойственны свои закономерности экономического и культурного развития. Закономерности экономической и культурной жизни определяются прежде всего политической борьбой основных общественных классов.

«Политика есть концентрированное выражение экономики». «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма» (Ленин — «Еще раз о профсоюзах», т. XXVI).

Исследование закономерностей развития социального здоровья должно базироваться прежде всего на анализе содержания и форм классовой борьбы, интересов борющихся классов, их политики.

Борьба за сохранение и развитие капиталистического способа производства составляет цель и определяет содержание политики господствующего класса капиталистического общества — буржуазии.

Классовые интересы пролетариата определяют его борьбу за уничтожение капитализма, за пролетарскую диктатуру, как путь к построению бесклассового социалистического общества. Из этого должно исходить исследование развития социального здоровья общественных классов при капитализме.

В нашей стране, на данном этапе ее развития, победивший пролетариат, борясь с остатками разгромленного, но не добитого еще классового врага, строит социалистическое общество на возведенном уже его фундаменте.

Это исходный пункт, определяющий закономерности развития социального здоровья трудящихся нашей страны.

С этой исходной точки зрения мы подходим к анализу любой социально-гигиенической проблемы.

Важнейшей из их числа является **проблема труда.** Правильный анализ проблемы труда определяет возможность подлинно-научной характеристики социального здоровья трудящихся классов на различных исторических этапах, в различных социально-экономических формациях. Правильный анализ этой проблемы вооружает практику нашего здравоохранения. Являясь неразрывной составной частью народнохозяйствен-

ного плана, здравоохранение обязано участвовать в разрешении важнейшей экономической проблемы — повышению производительности труда. Огромное значение повышения производительности труда в строительстве социализма Ленин отмечал еще в 1918—1919 гг. «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих» (Ленин — «Великий почин», 1919 г.). Партия боролась за повышение производительности труда и в восстановительный период развития нашего народного хозяйства.

Эта же задача подчеркивалась партией и на протяжении четырех лет борьбы за выполнение плана первой пятилетки. Она приобретает особое значение в выполнении плана второй пятилетки, когда пафос **нового строительства** должен быть дополнен «пафосом **освоения** новых заводов и новой техники, **серьезным поднятием производительности труда».** (Сталин).

Правильное понимание проблемы труда в теории социалистического здравоохранения — советской социальной гигиене — помогает практическому разрешению вопросов организации здорового труда, охраны труда, организации рабочего быта и отдыха, играющих весьма существенную роль в повышении производительности труда.

Основная ошибка неправильного толкования социально-гигиенического значения проблемы труда заключается в непонимании соотношения социального и биологического в этой проблеме.

Последнее характеризует постановку этой проблемы у очень многих социал-гигиенистов, гигиенистов, физиологов труда. Оно сказывается в механистическом сведении труда к работе, к изучению отдельных движений, физиологических процессов, характеризующих затрату мышечной и нервной энергии в труде без анализа конкретной социальной обстановки труда (Бернштейн, Кекчеев и др.). Оно сказывается в изолированном изучении физиологии труда и конкретных социально-экономических моментов трудовой обстановки (Вигдорчик и др.).

Общим для этих, отличающихся друг от друга в частностях концепций, является либо полное игнорированье, либо непонимание социальной природы труда и решающего значения социальных закономерностей для выявления влияния труда на здоровье.

Между тем, вопрос о соотношении социального и биологического в труде получил свое четкое разрешение уже в работе Энгельса — «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны».

В этой работе Энгельс доказал не только то, что «труд создал самого человека». Он показал также качественное отличие человеческого труда от совершаемой другими животными работы. Он показал, каким образом труд определял анатомо-физиологические особенности развития человека, каким образом человеческое общество в конкретных исторических условиях своего существования определяло тот или иной ход физиологических процессов.

Маркс и Энгельс отнюдь не отвлекались от физиологических элементов в труде, затраты в процессе труда определенного количества человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д. и от необходимости их возмещения. Они вместе с тем подчеркивали, что характер этой затраты и способы удовлетворения возникающих в связи с ней физиологических потребностей «представляют продукт истории» (Маркс), а, следовательно,

определяются социальными закономерностями. Маркс, Энгельс, Ленин показали, каким образом конкретный ход человеческой истории оказался определяющим как физиологию, так и социальную патологию труда.

Капиталистически-организованный труд на любой стадии развития капитализма, с точки зрения социальной гигиены, представляет собой важнейший источник болезней и вырождения. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» видит в этом принудительном характере труда рабочих источник не только деморализации, но и резкого притупления интелектуальных способностей. Он прямо говорит о том, что такой характер труда низводит человека до положения рабочего скота, подчеркивая тут же, что только в борьбе с буржуазией рабочий может защитить свое человеческое достоинство.

Несомненно, что с социально-гигиенической точки зрения классовая борьба рабочих с капиталистами является могучим фактором, поднимающим интеллект рабочего над тем жалким уровнем, к которому стремится свести его капиталистическая система принудительного труда.

Маркс подчеркивает, что капитал выкачивает из рабочих «определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения» («Капитал», т. III, ч. II, стр. 290).

Современный капитализм дает нам много ярких примеров такого применения труда, где его принудительный характер выступает в форме, не замаскированной заработной платой, в форме, лишенной иллюзии «свободного» договорного соглашения. Можно сослаться, например, на условия труда арендаторов в сельском хозяйстве южных штатов САСШ, где сохранились еще остатки крепостного труда, на принудительный труд рабочих-эмигрантов во Франции, в паспортах которых перечислены отрасли промышленности, в которых может быть допущен работать владелец паспорта. Можно указать на законы о бесплатном принудительном труде крестьян по сооружению дорог в Польше, Югославии, Греции. Прямой принудительный труд особенно широко применяется в колониях. Колониальное законодательство Франции, Голландии, Португалии, Бельгии освящает различные формы прямого принудительного труда.

Труд в условиях капитализма представляет «самое жестокое, самое унизительное мучение» (Энгельс). Всякий такой труд оказывает отупляющее действие на психику рабочего в силу того, что «не требует от него никакой духовной деятельности и все же настолько требует от него внимания, что для того, чтобы ее (работу) совершать хорошо, он ни о чем другом не должен думать» (Энгельс). Но прямой принудительный труд непосредственно приводит к вымиранию населения колоний — факт, связь которого с капиталистической организацией труда не могут замолчать даже агенты буржуазии. Сошлемся только на выступление д-ра Нормана Уайта в комиссии здравоохранения Лиги наций (27/IV 1927 г.) о вымирании населения островов южной части Тихого океана, на книгу бывшего бельгийского министра труда — Вайтерса «Le Congo au travail», вышедшую в Брюсселе в 1924 г.

Капиталистическая эксплоатация делает всякий труд принудительным. Эта эксплоатация — выжимание прибавочного труда — лежит в основе всей капиталистической экономики. Капиталистической «организации» труда неизбежно присуща безработица и постоянный страх

безработицы. Поэтому анализ любой стороны капитализма с социально-экономической точки зрения окажется беспомощным, если он будет оторван от того, что составляет самую суть капитализма.

Анализируя социально-патологическое значение капиталистического закона населения, влияние жилищных условий, характер потребления и, в частности, питания, короче — трактуя любую социально-гигиеническую проблему в условиях капитализма, мы всегда наталкиваемся на вопрос о капиталистической эксплоатации труда, как и на вопрос о безработице.

То, что сейчас происходит в капиталистическом мире, исключительно выпукло показывает социально-патологическую роль безработицы. Можно было привести для иллюстрации этой роли громадное количество литературных ссылок. В этом нет, однако, надобности. В речи Сталина на январском пленуме (1933 г.) ЦК и ЦКК ВКП(б) в немногих словах ярко показаны те важнейшие факты, которые являются вполне достаточными для понимания социально-патологического значения безработицы: «Посмотрите-ка на капиталистические страны, какие ужасы творятся там на почве безработицы. В этих странах имеется теперь не менее 30—40 миллионов безработных. Что это за люди? О них обычно говорят, что это «конченные люди». Они каждый день добиваются работы, ищут работы, готовы принять почти любые условия работы, но их не принимают на работу потому, что они «лишние» люди. И это в то время, когда огромные массы товаров и продуктов расточаются ради капризов баловней судьбы — сынков капиталистов и помещиков. Безработным отказывают в пище, потому что им нечем платить за пищу, им отказывают в крове, потому что им нечем платить за квартиру. Чем и где они живут? Они живут скудными подачками с барского стола, раскапыванием мусорных ящиков, где они находят гнилые остатки пищи, живут в трущобах больших городов, а больше всего в лачужках за городом, наскоро выстроенных безработными из досок от ящиков и древесной коры. Но это не все. От безработицы страдают не только безработные. От нее страдают также имеющие работу рабочие. Страдают, так как наличие большого количества безработных создает для них неустойчивое положение на производстве, неуверенность в завтрашнем дне. Сегодня они работают на предприятии, но они не уверены, что, проснувшись завтра, не узнают, что они уже рассчитаны».

Усердие «ученых приказчиков буржуазии» — буржуазных социал-гигиенистов в их стремлении к апологии капитализма не останавливается даже перед лицом этих неопровержимых и вопиющих фактов. Не далее, как в конце 1931 г. в немецком «Reichsarbeitblatt» (№ 28, стр. 569 и след.) помещено «ученое» исследование д-ра Ашера (Ascher L.) «О влиянии безработицы на заболеваемость». На основании материалов больничной кассы во Франкфурте-на-Майне о заболеваемости рабочих и безработных (500 случаев), автор стремится доказать, что безработные болеют реже, чем работающие, что они гораздо реже заболевают такими болезнями, как грипп, ангина, туберкулез, истощение и нервные болезни. Он находит объяснение этому «факту» в том, что у безработных отпадает расход сил на работу, отпадает влияние простуды в производственной обстановке, и эти «благоприятные» (günstige) влияния более чем выравнивают (mehr als ausgeglichen würden) вредные воздействия падения доходов и остающихся дурными жилищных условий.

Референт этой статьи в социально-гигиеническом журнале «Archiv für Soziale Hygiene und Demographie» (H. 1, 1932, S. 67) F. Hoppe ограничивает свои замечания по поводу статьи Ашера тем, что считает выводы автора «недостаточно убедительными» (nicht für überzeugend), потому что Ашер не учел того факта, что заболевания безработных реже регистрируются (им не нужны больничные листки), что медицинская помощь оказывается безработным лишь в случаях особо тяжелых заболеваний.

Социал-фашистский журнал, естественно, проходит мимо основной идеи работы Ашера—апологии капиталистического строя с его кризисами и безработицей.

Капиталистический способ производства теснейшим образом связан с разделением труда. Оно отчетливо выступает уже в капиталистической мануфактуре, в свое время игравшей исторически-прогрессивную роль, способствовавшей громадному повышению производительности труда сравнительно с мастерской средневекового ремесленника. Но уже на ранних ступенях своего развития, с самого своего зарождения из противоречий феодальной экономики, капитализм несет в себе собственные противоречия.

Капитализм в период своего подъема бурно развивает общественные производительные силы и, вместе с тем, разрушает основную производительную силу — самого человека. Разделение труда уже в капиталистической мануфактуре, выступая как фактор повышения производительности труда, есть, вместе с тем, и фактор расхищения сил и здоровья рабочего.

«Капиталистическое разделение труда дробит человека и уродует его», — писал Ленин по поводу разделения труда в капиталистической мануфактуре в России, обосновывая этот вывод рядом фактов. Капиталистическая мануфактура в России не была, разумеется, исключением. Приводимые в тексте хрестоматии отрывки из работ Маркса и Энгельса дают значительный фактический материал для иллюстрации социально-патологического значения капиталистической системы разделения труда. Переход от мануфактуры к машинному способу производства — промышленная революция — была могучим фактором экономического развития общества. Но капиталистическое применение машин, вместе с тем, значительно повысило степень эксплоатации рабочих, усилило в крайней степени расхищение социального здоровья пролетариата.

«Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает от человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности». **«Даже облегчение труда становится источником пытки,** потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания... Все органы чувств одинаково страдают от искусственно повышенной температуры, от воздуха, наполненного частицами сырого материала, от оглушительного шума и т. д., не говоря уже об опасности для жизни между тесно поставленными машинами, которые с правильностью времен года доставляют свои промышленные бюллетени убитых и раненых. **Сбережение общественных средств производства, достигающее впервые на фабричной системе тепличной зрелости, в руках капитала превращается в систематический грабеж у рабочего, занятого процессом труда, всех условий, необходимых для жизни: пространства, воздуха, света, а также**

всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или антигигиенических условий производства»... (подчеркнуто нами—Составители).

В этих строках «Капитала» Маркс дает исчерпывающую характеристику социально-патологического значения капиталистического применения машин.

Развитие машинного способа производства в капиталистических условиях завершает отделение «интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда» (Маркс), углубляет противоречия между физическим и умственным трудом. Капиталистический способ производства не дает простора развитию физической деятельности, одновременно притупляя умственные способности рабочего. При изучении социальной патологии труда при капитализме этот вопрос должен привлечь особое внимание социал-гигиениста.

Распространение машин дало возможность широко применить в промышленности женский и детский труд. Капитализм использовал эту возможность для дальнейшего расширения границ эксплоатации рабочего класса.

«Промышленная эксплоатация, таким образом, тотчас же завладела всей семьей рабочего и заперла ее на фабрике» (Энгельс). Жуткие картины этой эксплоатации рисуют нам многие страницы «Капитала» и «Положения рабочего класса в Англии».

Современная капиталистическая действительность превзошла, однако, эти ужасы. Безработица связана с растущей заменой мужского труда женским и детским, как более дешевым. Вышедший в 1931 г. в Берлине 7-й том «Ежегодника женского труда»[1] дает богатый фактический материал о растущем с 1929 г. вытеснении мужского труда женским. Вышедшая в 1932 г. в Берлине брошюра под названием «Дети голодают, дети умирают» приводит данные о непрерывном увеличении числа детей, вовлекаемых в производство при растущей общей безработице. Брошюра приводит данные, касающиеся САСШ, Латинской Америки, Англии, Чехо-Словакии и Германии. Ужасающие размеры приняла эксплоатация труда детей, начиная с 5-летнего возраста, в современной японской промышленности. Во всех этих материалах мы находим также и данные о росте женской и детской заболеваемости и смертности.

Капиталистическая рационализация, имеющая своей целью удешевить производство, в каких бы формах она ни выражалась, всегда, однако, вела к усилению эксплоатации, и с социально-гигиенической точки зрения всегда являлась отрицательным фактором. «Выжимают пот по всем правилам науки», — писал в свое время Ленин о тейлоризме, и это положение может быть отнесено ко всякой капиталистической «рационализации».

Большое социально-гигиеническое значение имеет вопрос о продолжительности рабочего дня.

Капитализм определяет границы рабочего дня исходя исключительно из своей «волчьей жадности к прибавочному труду». При этом капитал «узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела... Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня... Таким образом, капиталистическое производство... посредством удлинения рабочего дня ведет не только к разрушению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. Оно удлиняет время производства для рабочего в течение определенного срока, приводя, таким образом, к сокращению продолжительности его жизни» (Маркс).

Стремление капитала к безграничному удлинению рабочего дня приводило к разрушению всех преград, встречаемых им в этой области. Понадобились специальные разъяснения вопроса о том, что такое день и что такое ночь. Маркс упоминает о том, что в 1860 г. одному английскому судье пришлось разъяснять этот вопрос в порядке судебного разбирательства. Российский капитализм поступал проще. Фабричный закон 1897 г. устанавливал, что день для рабочих должен начинаться в 3—4 часа утра, а заканчиваться в 10 часов вечера. Капитал вынуждался на уступки в вопросе о продолжительности рабочего дня лишь под влиянием организованного сопротивления пролетариата, «более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом» (Маркс). При этом капитал не ограничивался тем, что компенсировал вынужденные уступки увеличением интенсивности труда. При всякой возможности перейти в наступление, он брал эти уступки обратно.

Наступление капитализма в современный нам период имеет одним из своих проявлений увеличение продолжительности рабочего дня и интенсивности труда. Оно лишний раз доказывает правильность положения, выдвинутого еще в 1850 г. Энгельсом в его статье «Вопрос о 10-часовом рабочем дне», положения о том, что никакое прочное улучшение участи пролетариата **«не может быть достигнуто для него другим, но что он должен достигнуть его сам, и прежде всего — завоеванием политической власти».**

Ряд отрывков из работ Маркса, Энгельса и Ленина, приведенных в хрестоматии, показывает справедливость этого положения не только в отношении продолжительности рабочего дня, но и в применении ко всему капиталистическому санитарному законодательству о труде.

Борьба рабочего класса за улучшение условий труда определялась его стремлением к повышению своей боеспособности в классовой борьбе, для чего требовалось оградить рабочий класс от расхищения его социального здоровья капиталом.

В проекте программы РСДРП, предложенном 2-му съезду партии, разделу об охране труда предшествовала мотивировка: «В интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности». Ленин предложил изменение, выдвигающее как момент повышения «способности к борьбе за свое освобождение», так и «охрану рабочего класса от физического и нравственного вырождения».

Буржуазные и социал-фашистские социал-гигиенисты — присяжные апологеты капиталистического строя—не устают доказывать, что с ходом капиталистической индустриализации растет благосостояние населения, улучшаются меры охраны труда, уменьшается вредное влияние труда на здоровье пролетариата. Укажем для примера на одного из виднейших германских социал-гигиенистов А. Фишера, который в своих «Основах социальной гигиены», изданных в 1929 г. на русском языке, утверждает,

[1] Jahr-buch für Frauenarbeit, B. 7. hrsg. v. J. Silbermann. Berlin, 1931, 128 S.

что положение труда в Германии улучшается, что, например, «в 1907 г. по сравнению с 1895 г. несколько возросло благосостояние и просвещение — факторы благоприятные для состояния здоровья народа вообще» (стр. 98). Это же положение пытается доказать уже упоминавшийся нами по другому поводу д-р Ашер в серии статей, напечатанных в «Zeitschrift für Gewerbhygiene und Umfallerhütung».

Для доказательства этого по существу недоказуемого положения все эти авторы не только прибегают к средним величинам, относящимся к населению «вообще», но и абстрагируются от влияния кризисов и войн, рассматривая эти неизбежно связанные с капитализмом явления как побочные обстоятельства, нарушающие «нормальный», «прогрессивный» ход развития.

Не замечая основных пороков этих исследований, не видя буржуазно-классовой сущности, лежащей в их основе, многие наши советские социал-гигиенисты безоговорочно повторяют выводы из них. Из числа многих примеров, которые можно было бы привести, отметим лишь проф. Каплуна, который, в написанной им в учебнике социальной гигиены под редакцией проф. А. В. Молькова, главе «Труд» утверждает, что «с каждым годом все уменьшается вредное влияние труда и производства на жизнь и здоровье рабочего» (стр. 246). По мнению Каплуна, оздоровление рабочих в капиталистических странах «шло бы еще более быстрым темпом», если бы «буржуазные государства обращали больше внимания на охрану труда рабочих».

Работы классиков марксизма-ленинизма дают в руки социал-гигиениста богатейший материал, показывающий, какова научная цена подобным утверждениям. Жизнь блестяще подтвердила правильность выдвинутого Марксом положения о том, что «по мере того, как капитал накопляется, положение рабочего класса должно ухудшаться, как бы ни была высока или низка его оплата». Современный кризис капитализма каждый день подтверждает то, что капитал «уносит с собой в могилу... целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов» (Маркс — «Наемный труд и капитал»).

Практика строительства социализма в нашей стране блестяще подтвердила положение классиков марксизма-ленинизма о том, что подлинное оздоровление труда осуществимо лишь после завоевания пролетариатом политической власти . ,

«Овладев всеми средствами производства, чтобы общественно планомерно распоряжаться ими, общество должно уничтожить господствовавшее до сих пор порабощение людей их собственными средствами производства», — писал Энгельс в «Анти-Дюринге». Свержение господства буржуазии уничтожает капиталистическую организацию труда. Коммунистическое общество не рождается немедленно вслед за свержением господства буржазии.

В октябре 1919 г. Ленин характеризовал экономику «России в эпоху диктатуры пролетариата» как «борьбу первых шагов коммунистически объединенного в едином масштабе громадного государства — труда с мелким товарным производством и с сохранившимся, а равно и возрождающимся на его базе капитализмом» («Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», т. XXIV).

Продолжая эту мысль, Ленин пишет: «Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися».

В крупном, принадлежащем пролетарскому государству производстве, уже в этот период коренным образом меняется характер труда.

«Впервые, после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплоататоров», — писал Ленин в статье «Как организовать соревнование» — «является возможность **работы на себя,** и притом опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры». Именно в этом и заключается свободный характер труда в нашей стране. Свобода труда не может заключаться в освобождении от обязанности трудиться каждого отдельного члена общества. О такой «свободе» не может быть и речи уже по одному тому, что труд — «первое основное условие человеческого существования». У Маркса мы находим совершенно четкий ответ на вопрос о том, в чем заключается подлинная свобода труда. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними, в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе» («Капитал», т. III, ч. II).

Строительство социалистического общества, классовая борьба пролетариата, борьба коммунистически-объединенного труда с мелким товарным производством, связана с «благодарнейшей и благороднейшей» (Ленин) работой по созданию новых форм привлечения людей к труду.

Новое отношение к труду не сразу проникает в сознание каждого члена общества, но различные формы социалистического труда исторически возникают уже вслед за завоеванием пролетариатом власти. «Субботники, трудовые армии, трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда», — писал Ленин в 1920 г.

У Маркса, Энгельса и Ленина мы находим характеристику коммунистического труда. Коммунистический труд — труд «по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости трудиться на общую пользу — труд как потребность здорового организма» (Ленин — «От разрушения векового уклада к творчеству нового»). Ход общественного развития ведет к превращению труда из тяжелой обязанности в удовольствие, этот ход ведет к уничтожению противоположности между умственным и физическим трудом, к предоставлению «каждой личности возможности развивать во всех направлениях и проявлять все свои способности — как физические, так и духовные». Энгельс доказал, что это «отнюдь не фантазия и не благочестивое пожелание».

Уничтожение капитализма, диктатура пролетариата ведет к превращению труда в могущественнейшее средство улучшения социального здоровья.

В период развернутого социалистического наступления новое отношение к труду проявляется в форме массового трудового подъема, пафоса строительства, выражаемого в социалистическом соревновании и ударничестве.

Коренной перелом в отношении к труду заключается в превращении труда «из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, **в дело чести, дело славы, доблести и геройства.**» (Сталин).

Этот перелом, являясь величайшим двигателем социалистической экономики вперед, имеет в то же время и глубочайшее, положительное социально-гигиеническое значение.

В нашей литературе мы имеем уже ряд работ, показывающих положительное влияние трудового подъема и связанной с ним высокой производительности труда на физиологические процессы в организме. Выводы одной из таких работ («Опыт изучения труда ударников на бетонных работах строительства Харьковского тракторного завода»—бригада проф. Э. М. Кагана, «Врачебное дело» № 14, 1931 г., стр. 703 и след.) говорят о том, что «нет сомнения, что этот высокий эмоциональный подъем действительно способствовал мобилизации всех сил и рессурсов организма, и что повышенный тонус симпатической нервной системы настолько активизировал важнейшие функции организма и внутренние процессы, связанные с работой, что в результате — большая нагрузка выполнялась с соответственно невысоким утомлением».

Трудовой энтузиазм, развертывание социалистического соревнования и ударничества, обеспечили тот колоссальный экономический подъем, какой мы имеем в результате завершения в 4 года первого пятилетнего плана. «Не может быть сомнения, что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг», — так оценивает тов. Сталин значение соревнования и ударничества в тех достижениях, которые мы имеем на сегодняшний день. Но экономический подъем страны означает у нас в то же время и улучшение быта трудящихся и укрепление их социального здоровья.

Достаточно упомянуть хотя бы о том гигантском социально-гигиеническом значении, какое имеет такое наше хозяйственное достижение, как ликвидация безработицы. Поэтому наша важнейшая экономическая задача — повышение производительности труда не только не противоречит социально-гигиеническим задачам, но, наоборот, в высокой мере способствует их разрешению.

Современный этап диктатуры пролетариата в нашей стране характеризуется иным соотношением борющихся сил. «В итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли **мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав оттуда капиталистические элементы**» (И. Сталин—«Итоги первой пятилетки» — доклад на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г.).

Классовая борьба в наше время имеет другие формы, но она отнюдь не ослабевает. «**Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления**» (И. Сталин).

В области отношения к труду это выдвигает в качестве актуальной политической задачи беспощадную борьбу с лодырями и тунеядцами, борьбу, завещанную нам Лениным и определяемую тем, что «богатые и жулики это — две стороны одной медали, это два главных разряда **паразитов,** вскормленных капитализмом». Эта борьба, составляющая сегодня актуальнейшую политическую задачу, не может рассматриваться социал-гигиенистами, как нечто противостоящее их задачам.

Противопоставление политических и экономических задач задачам социально-гигиеническим в нашей стране коренится в полном непонимании того нового качества, которое характеризует труд в нашей стране в отличие от капиталистического труда. Установки на то, что «труд — яд», что «жизнь рабочего начинается тогда, когда кончается его работа», какие мы до самого недавнего времени читали в работах проф. Вигдорчика («Труд и отдых») и др. гигиенистов, из каких исходила работа некоторых наших гигиенических институтов в Москве и Ленинграде, были совершенно антинаучным перенесением закономерностей капиталистического общества в наши условия. Это перенесение возникает как следствие абстрактного изучения труда, непонимания двойственной природы труда, соотношения социального и биологического в нем.

Такая ошибка по существу является выражением классово-враждебной нам идеологии, пережитком капитализма в сознании вчерашнего мелкого собственника, попавшего на наше социалистическое предприятие.

Такие «теории» подводят «научную» базу, оправдывающую бездельников и тунеядцев.

«Библия рвача и прогульщика» — так озаглавлена напечатанная в «Ленинградской Правде» рецензия на брошюру проф. Н. А. Вигдорчика «Труд и отдых». Этот заголовок как нельзя лучше выражает социальную сущность теории, предлагаемой автором брошюры.

Та же ошибка возникает и у ряда гигиенистов и социал-гигиенистов, неспособных понять коренной разницы в социально-гигиеническом значении развития техники при социализме и при капитализме — у нас, в СССР, и у них, в капиталистических странах. Не самый факт применения машин и технических усовершенствований является источником социальной патологии, а капиталистическое применение машин. Ликвидация технической отсталости, внедрение новой техники и освоение ее в условиях строительства социализма ведет к улучшению условий труда и быта рабочих и улучшению социального здоровья трудящихся. В статье «Одна из великих идей техники», написанной в 1913 г. и посвященной открытию В. Рамсэя, Ленин не только указывал на то, что при капитализме это и подобные ему открытия ухудшают положение рабочих, но и одновременно подчеркивал, что при социализме оно «сделает условия труда более гигиеничными». Этого не поняли такие социал-гигиенисты, которые, как, например, проф. А. Ф. Никитин, утверждали, что «свойства машины, не соответствующие основным свойствам живого существа, вызывают истощение рабочего класса вообще, травматизм и широкое развитие неврастении, в частности» (Никитин А. Ф. — «Труд и социальная гигиена», 1925 г., стр. 57). Этого не понимают и те авторы, которые считали травматизм имманентно присущим машинному производству, что приводило их к пророчествам о неминуемом росте травматизма у нас в связи с индустриализацией страны. Практика социалистического строительства, снижение травматизма при невиданных в истории темпах индустриализации опровергла эти пророчества. В этом отношении показательны данные, приведенные в «Бюллетене Ленинградского института организации и охраны труда» № 12—13 за 1932 г. В статье Белелюбского — «Несчастные случаи с рабочими ленинградской

промышленности» дан убедительный материал о снижении профессионального травматизма в ленинградской промышленности, разбивающий его же первоначальный прогноз о неизбежном росте травматизма в ближайшие годы, проводившийся в его статье «Травматизм в ленинградской промышленности в «Бюллетене» того же института № 3—4 за 1931 г.

Для социал-гигиениста исключительно важное значение имеет тот факт, что техническая реконструкция нашей страны является важнейшим рычагом в борьбе пролетариата за полную победу социализма, за уничтожение классов, что создаст величайшие возможности для разрешения оздоровительных задач. Рост техники в нашей стране происходит в условиях непрерывного повышения квалификации технических и научных кадров, что создает материальные и культурные предпосылки для борьбы за уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом, борьбы длительной, являющейся делом «не одной и не двух пятилеток» (Молотов, доклад на 17-й партконференции). Наряду с усовершенствованием техники производства большое значение в нашей экономике имеет использование научных достижений в вопросах организации труда, его рационализации. Социалистическая рационализация труда принципиально отличается от капиталистической. «Социалистическая рационализация имеет своей целью увеличение численности рабочего класса, повышение его материального и культурного уровня, удовлетворение растущих потребностей широких трудящихся масс, укрепление смычки между пролетариатом и крестьянством и создание материальной базы дальнейшего развития социалистических элементов нашего хозяйства» (Постановление ЦК ВКП(б)—март 1927 г.).

Это определяет отношение социал-гигиениста к социалистической рационализации производства. Наша рационализация, научная организация труда теснейшим образом связана с охраной труда, с оздоровлением производственной обстановки. Наша страна имеет самое передовое в мире законодательство об охране труда. Подавляющее большинство рабочего класса уже охвачено семичасовым рабочим днем. Вместе с тем в программе ВКП(б) и Коминтерна предусматривается дальнейшее сокращение рабочего дня по мере общего увеличения производительности труда. Специальные меры охраны женского труда обеспечили возможность широкого участия женщин в производительном труде, исключая из производственной обстановки те моменты, какие могут оказать вредное влияние на здоровье женщины в виду ее физиологических особенностей. Вовлечение женщины в производительный труд является у нас источником ее раскрепощения, источником укрепления социального здоровья всего рабочего класса. И в этом вопросе ясна тесная связь наших социально-гигиенических задач с задачами экономическими. Ведущая роль экономических задач не может затушевать актуальности оздоровительной работы в наших условиях.

Связь повышения производительности труда с улучшением организации труда, с его оздоровлением неоднократно подчеркивалась партийными решениями. Об этом свидетельствует ряд партийных документов [обращение ЦК ВКП(б) от 5 июля 1929 г., резолюция 16-го съезда и решения 17-й партконференции]. Постановление 17-й партконференции о внедрении широкой механизации мотивируется необходимостью как успешного выполнения плана производства и строительства, так и за-

мены ручного труда при тяжелых работах во вредных производствах. Эти постановления давали решительный отпор как правооппортунистической практике в области охраны труда, имевшей место в некоторых звеньях народного хозяйства, так и левым фразерам, которые под покровом «революционных» фраз о ненужности у нас охраны труда, так как рабочего не от кого охранять, по существу смыкались с правыми оппортунистами.

Вопросы охраны труда на данном этапе нашего развития являются одной из важнейших социально-гигиенических проблем и должны разрешаться в тесной связи с повышением производительности труда.

Проблема населения

Проблема населения привлекает внимание социал-гигиенистов потому, что основные демографические показатели (рождаемость, смертность, прирост населения) и структура населения (классовый, половой и возрастной состав) представляют собой весьма существенные материалы для характеристики социального здоровья.

Правильное понимание социально-гигиенического значения этих показателей требует вскрытия сущности закона народонаселения. Маркс показал, что «абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек», что «всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения».

Буржуазные социологи — Мальтус и его предшественники (Валас, Тоусенд), Спенсер — и их современные последователи, напротив, пытаются найти некий абстрактный закон населения, рассматривая рождаемость и смертность как чисто биологические явления, определяющие естественный прирост населения. Буржуазные социал-гигиенисты идут по их стопам. Так, А. Фишер различает в движении населения процессы естественные и социальные, относя к первым рождения и смертные случаи, ко вторым — эмиграцию и иммиграцию («Основы социальной гигиены», стр. 71).

Профессор А. Ф. Никитин устанавливает такой абстрактный закон: «большой рождаемости соответствует и большая смертность» («Очерки социальной гигиены», стр. 145).

Проф. А. И. Сысин называет этот закон эмпирическим, считая, что население, «как бы борется таким путем за свое существование и защищает себя посредством высокой рождаемости от вымирания» («Социальная гигиена», под редакцией Молькова, стр. 119).

Исходя из того же абстрактного понимания закона населения, германские статистики (Кан, Бюргдорфер и др.) вычисляют, каково будет население в Германии в 1940, 1975 и 2000 гг., а германские социал-гигиенисты рассчитывают, каким образом это изменение населения поможет сократить жилищную нужду. (Статья д-ра Гаумиц в «Archiv für Soziale Hygiene» за декабрь 1931 г.).

Маркс не только показал историчность закона населения, но и вскрыл конкретное содержание закона населения, свойственного капиталистическому способу производства. Разоблачив мальтузианство, Маркс доказал, что капитализм приводит к созданию относительного перенасе-

ления, проявляющегося в различных формах (текучее перенаселение, скрытое и застойное). Совокупность всех этих слоев населения и составляет относительнео избыточное население или резервную армию.

«Относительное перенаселение есть тот фон, на котором зиждется закон спроса и предложения труда» (Маркс — «Капитал», т. III).

Избыточное население создает хронический пауперизм в городе и в деревне. Резервная армия капитала увеличивается в период кризисов.

Современная капиталистическая действительность вдребезги разбила все теории, исходящие из абстрактного толкования проблемы населения, все эмпирические законы, основанные на таком толковании.

В капиталистических странах на сегодняшний день резкое снижение рождаемости сопровождается повышением смертности. Так, например, в Германии рождаемость упала с 29,5 на 1000 в 1908—13 гг. до 17,5 в 1930 г., во Франции — соответственно с 24,9 до 18,1, в Англии — с 24,9 до 16,3. Темп снижения рождаемости не только не падает, но за последние годы даже несколько усилился. Вместе с тем, смертность уже в первой четверти 1931 г. возросла сравнительно с тем же периодом 1930 г. в Германии на 13,3%, во Франции — на 26%, Англии на 20,5%.

Выше были приведены данные, характеризующие размеры современной безработицы и пауперизма в капиталистическом мире. Резкое обнищание крестьянства значительно пополняет ряды резервной армии труда.

Социально-гигиеническое значение приведенных данных заключается в том, что они позволяют составить правильное представление об уровне и динамике социального здоровья трудящихся в странах капитализма.

Эти данные показывают вместе с тем, как мало соответствует действительности точка зрения столь многих социал-гигиенистов и санитарных статистиков о том, что развитие капитализма характеризуется одновременным снижением рождаемости и смертности. Эта точка зрения, полностью заимствованная из социал-фашистских источников, представляет попытку апологии капитализма.

Ее сторонники ухитряются объяснять благотворным влиянием капитализма не только снижение смертности, но и падение рождаемости. Приводя цифры снижения смертности, отвлекаясь при этом от миллионов смертей во время войн и кризисов, они видят причины этого снижения в общем подъеме «благосостояния», повышения жизненного и культурного уровня широких масс населения и т. п. благах капитализма.

Обращаясь к причинам падения рождаемости, они декларируют, что «материальное благосостояние широких народных масс в XIX в. улучшилось и жизненный уровень повысился. Повышение культурности, сознательности и образованности вызвали, вместе с тем, в народных массах настойчивые стремления к дальнейшему повышению жизненного уровня. Наряду с этим, особенно во второй половине XIX в., все более давали себя знать свойственная капиталистическому строю усилившаяся конкуренция и беспощадная борьба за существование. Наличие большого числа детей ухудшало шансы удержаться на известном «жизненном уровне и затрудняло борьбу за его повышение». Приведенная цитата, равно как и предыдущая, взята из книги «Основые фемографической и санитарной статистики» Уиппла и Новосельского, вышедшей в 1929 г. и предназначенной в качестве пособия для медвузов.

Мы не будем останавливаться на тезисе С. А. Новосельского о повышении жизненного уровня «широких масс населения» при капитализме — вопрос, которого мы уже касались выше.

В приведенной цитате наше внимание останавливает неомальтузианское положение о снижении рождаемости, как средства борьбы рабочих за «дальнейшее повышение» своего жизненного уровня.

В 1913 г. Ленин в своей статье «Рабочий класс и неомальтузианство» показал всю реакционность неомальтузианства, показал, что неомальтузианство отражает пессимизм гибнущих под напором капитализма мелкобуржуазных слоев. Непосредственным поводом к этой статье Ленина послужили выступления Вигдорчика и Астрахана на Пироговском съезде врачей, в которых они приветствовали идеи неомальтузианства.

Ленин подчеркивал, что рабочий класс требует безусловной отмены запрещения аборта, требует свободной пропаганды противозачаточных средств, но вместе с тем является беспощадным врагом неомальтузианства.

В современной капиталистической действительности, рядом с неомальтузианской пропагандой, все более усиливаются призывы к повышению рождаемости, поиски выхода из «трагической депопуляции». Делаются попытки стимулировать повышение рождаемости путем налоговых скидок, облегчений квартирной платы, льгот по воинской повинности, особых премий для многосемейных. Такое законодательство давно существует во Франции. В августе 1930 г. такой закон принят бельгийским парламентом. Буржуазные социал-гигиенисты пытаются уверить, что подобные меры могут оказаться реальным средством повышения рождаемости. Германские социал-гигиенисты в последнее время уделяют все большее внимание этому вопросу. «Archiv für Soziale Hygiene» посвящает ему многие статьи. В частности в № 2 за 1932 г. помещен обзор бельгийского законодательства («Der Schutz der kinderreichen Familieh in Belgien»), автор которого, д-р Брегер, восторженно отзывается о новом бельгийском законе. Паллиативность этих мероприятий настолько очевидна, что не требует особых комментариев.

Прямое вырождение населения, характеризующее современный капитализм, такими мерами не остановить. Капиталистический закон народонаселения перестанет действовать лишь с уничтожением капиталистического строя.

В период строительства социалистического общества закон населения коренным образом меняется по сравнению с капиталистическим.

В этот переходной период мы не имеем еще, разумеется, закона населения коммунистического общества. Однако, уже в этот период на основе планового ведения хозяйства, планового воспроизводства и распределения рабочей силы, революционизированья типа самого производителя — пролетарская диктатура уничтожает классовые корни образования резервной армии.

Коренным образом меняется и характер количественного роста населения. Демографические показатели нашей страны свидетельствуют об этом с полной убедительностью. Мы не имеем и намека на то падение рождаемости, которое в странах капитализма носит характер ката-

строфы. Коэфициент рождаемости у нас очень высок (около 42 на 1000). Мы не прибегали при этом к тем рецептам, которые рекомендуются буржуазными социал-гигиенистами и социал-фашистскими «лекарями» капиталистического строя. Мы не шли за теми социал-гигиенистами в нашей стране, которые предлагали для повышения брачности и рождаемости «поднятие престижа семьи и родительского начала, налог на холостяков» и т. п. меры (А. Ф. Никитин — «Очерки социальной гигиены», стр. 190).

Мы шли и идем путем улучшения материального и культурного положения рабочих и крестьян на базе социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства.

Именно путь индустриализации обеспечил нам такие демографические показатели, о которых говорил тов. Сталин на 16-м съезде партии. «Смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36% по общей и на 42,5% по детской линии, а **ежегодный прирост** населения составляет у нас более 3 миллионов душ».

Именно этот путь привел к уничтожению безработицы, к ликвидации аграрного «перенаселения» и пауперизма.

Характеризуя итоги пятилетки в 4 года в области улучшения материального положения рабочих и крестьян, тов. Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. говорил о том, что эти итоги «состоят, во-первых, в **уничтожении безработицы** и ликвидации неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих. Они состоят, во-вторых, в охвате колхозным строительством почти всей крестьянской бедноты, в подрыве на этой основе расслоения крестьянства на кулаков и бедняков и в **уничтожении,** в связи с этим, **обнищания** и **пауперизма в деревне».**

Дальнейший рост нашего хозяйственного и культурного строительства создает громадные возможности для еще гораздо большего улучшения наших демографических показателей, особенно в отношении снижения смертности. Перед нашим здравоохранением и социальной гигиеной стоят, в связи с этим, огромной важности задачи по разработке и реализации тех мер, которые помогут превратить эти возможности в действительность.

Проблема питания

Проблема **питания** занимает видное место в гигиенической науке.

Буржуазные и социал-фашистские социал-гигиенисты ставят проблему питания вне связи с социально-экономическим укладом общества. Поскольку им не удается затушевать резко бросающиеся в глаза различия в питании пролетариата и буржуазии, они приписывают систематическое недоедание рабочих влиянию каких-нибудь второстепенных, мелких факторов — лишь бы скрыть основную первичную причину, породившую их — господство капиталистического строя. Так, в отношении довоенной Германии, если одни социал-гигиенисты (Гротьян, Кауп) не могли замолчать недостаточность питания рабочих, то другие (Гиршфельд) отрицали этот совершенно несомненный факт.

А. Фишер считает, что «трудно определить, соответствовало ли германское народное питание в довоенное время санитарным требованиям».

Склоняясь, на основании личных впечатлений, к тому, что «в широких кругах индустриальных рабочих существовало более или менее выраженное недостаточное питание», он указывает на две причины, приводившие к такому положению вещей.

Первая из них — хлебные пошлины, вызывавшие дороговизну пищевых продуктов, вторая — недостаточность просвещения и воспитания рабочих. Этой последней причине он придает особо важное значение. «Поистине, проблема питания — это в большей своей части проблема воспитания», так заканчивает Фишер главу о питании (стр. 133—162) своих «Основ социальной гигиены». Проблема питания рабочих при капитализме, оказывается, таким образом, по Фишеру, легко разрешимой: достаточно изменить таможенную политику и «должным образом воспитать» рабочих.

Между тем правильное понимание закономерностей потребления возможно лишь, исходя из того единственно научного положения, что «размер так называемых необходимых потребностей, равно, как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории» (Маркс — «Капитал», т. I).

Закономерности потребления, и в частности питания, рабочих при капитализме совершенно отчетливо вскрыты Марксом. Маркс доказал, что капитализм заботится лишь о том, чтобы потребление рабочих ограничивалось, по возможности, самым необходимым. Он показал, что «потребление продуктов определяется социальными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов» («Нищета философии»).

Хлопок, картофель и водка потому представляют наиболее распространенные предметы потребления, что «в обществе, основанном на нищете, самые нищенские продукты имеют роковое преимущество служить для потребления широких масс населения.» Цены на самые необходимые предметы относительно дорожают, по сравнению с ценами на мануфактурные изделия и предметы роскоши. Эти положения подтверждаются Марксом на основе богатейшего фактического материала, наглядно показывающего уровень питания рабочих, роль его в рабочем бюджете, массовое распространение фальсификации продуктов питания и отражение всех этих явлений в социальной патологии пролетариата.

Царская Россия не выходила из голодовок. В ряде статей Ленин вскрыл сущность продовольственной политики царизма, боровшегося не с голодом, а с голодающими. Он показал, что «кроме классовой борьбы пролетариата против всего капиталистического строя нет и не может быть иного средства ни против безработицы и кризисов, ни против тех азиатски-диких и жестоких форм экспроприации мелкого производителя, какие принял этот процесс у нас» («Внутреннее обозрение», т. IV, 1901 г.).

Империалистическая война привела к регулированию потребления в воюющих стран. Ленин вскрыл лицемерие этого буржуазного регулирования потребления, отнюдь не распространявшегося на богачей, обходивших всякие нормы, заменявших простонародные продукты изысканными предметами роскоши. Он показал, что совершенно тот же смысл имела карточная система, введенная временным правительством в России.

Состояние питания широких масс трудящихся на разных этапах развития капитализма отражает прогрессирующее снижение жизненного уровня пролетариата.

Современный мировой экономический кризис перепроизводства ярко подтверждает этот закон. Промышленных и сельскохозяйственных товаров произведено больше, чем могут купить трудящиеся. В результате, в обстановке массового голода уничтожаются колоссальные количества продуктов. На 16-м съезде партии тов. Сталин говорил о том, что в то время, как народные массы бедствуют, «ради сохранения высоких цен и прибылей буржуазии, в Бразилии выброшено в море 2 млн. мешков кофе, в Америке стали топить вместо угля кукурузой, в Германии миллионы пудов ржи превращены в корм для свиней»...

За истекшие со времени 16-го съезда 2½ года дальнейшее обострение кризиса еще усилило картину массового голодания.

В нашей прессе повседневно приводится достаточно данных о голоде и вызываемых им болезнях. Замолчать эти данные уже не могут и буржуазные авторы. Достаточно вспомнить такие книги, как «Голодная Англия» — Брокуэя, «Нищая Европа» —Г. Тильтмена

Пролетарская революция кладет конец закону прогрессивного обнищания и создает возможность действительного повышения уровня потребления трудящихся, улучшения их питания.

Реализация этих возможностей протекает в обстановке жесточайшей классовой борьбы, принимающей различные формы на разных этапах развития нашей страны.

В период блокады и интервенции коммунистическая партия, под руководством Ленина, мобилизовала рабочие массы на борьбу с голодом.

Ленин призвал рабочий класс «организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников». Он звал, вместе с тем, к борьбе за правильное распределение хлеба, «строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе» («О голоде», т. XXIII, 1918 г.). Лучшие силы партии, лучший ленинец — тов. Сталин, были мобилизованы на продовольственный фронт. В 1921 г., в условиях исключительно тяжелого продовольственного положения в нашей стране, Ленин, в речи на пленуме Московского совета, ярко вскрыл различие между нашим положением и положением рабочих в странах капитала. «У нас большая нищета во всем, но все же мы разорены не больше, чем разорены рабочие Вены. Рабочие Вены умирают, голодают, дети их так же умирают, голодают, но у них нет самого главного, что есть у нас: у них нет надежды». Уже в этот тяжелый для нашей страны период было налицо коренное различие в условиях потребления у нас и у них, различие, имеющее большое значение и с социально-гигенической точки зрения. Уже тогда наше развитие шло по пути повышения уровня потребления, тогда как для капиталистических стран такое развитие в рамках капитализма исключено.

Уже в этот период Ленин ясно видел основные пути преодоления голода, решительного улучшения рабочего снабжения. Основной путь, решающий эту проблему, заключается в социалистической индустриализации нашей страны. В речи на 3-м Всероссийском съезде совнархозов (1920 г.) Ленин ставил вопрос так: «Мы развьем упорную борьбу, товарищи, борьбу, которая потребует тяжелых жертв в этот период на фронте труда, но которую мы неизбежно должны провести, так как у нас голод, холод, разруха транспорта, сыпняк. Со всеми этими бедствиями мы должны бороться и со всех сторон начать строить наше государство

на почве крупных машинных способов промышленности, чтобы сделать нашу страну культурной и путем правильной социалистической борьбы выбраться из того болота, в котором потонули в настоящее время другие страны капитализма и империализма».

В том же году Ленин подчеркивал, что основой повышения наших продовольственных ресурсов может служить только крупное социалистическое сельское хозяйство, дающее возможность применения машин, тракторов. «Тракторы — важнейшее средство для радикальной ломки старого земледелия и расширения запашек» («Доклад СНК фракции 8-го Всероссийского съезда советов», т. XXVI, 1920 г.).

Конкретные исторические условия, на различных этапах развития нашей страны, определяли то ведущее звено, ухватившись за которое партия и рабочий класс разрешали задачу строительства социализма.

Так в начале нэпа, именно в интересах обеспечения подъема тяжелой индустрии, Ленин выдвигал в качестве исходного пункта сельское хозяйство, выдвигал задачу обеспечения промышленности продовольствием.

«За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений», писал он Кржижановскому 16/V 1921 г. (т. XXVI).

Решения 14-го партсъезда (декабрь 1925 г.) о развитии производства орудий и средств производства, решения 15-го съезда партии (декабрь 1927 г.) о коллективизации сельского хозяйства, решения 16-го съезда о генеральном наступлении по всему фронту указывали основные звенья строительства социалистической экономики.

Именно на основе индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства рабочий класс нашей страны под руководством партии и ее вождя — тов. Сталина добился значительных успехов в улучшении своего культурного и материального положения, обеспечил возможность дальнейшего улучшения питания.

Этот путь был связан с преодолением серьезных трудностей, с ожесточенной классовой борьбой, с беспощадной борьбой с правым и «левым» оппортунизмом.

Неуклонный подъем материального и культурного уровня трудящихся нашей страны, неуклонный рост потребления и определяемое этим повышение социального здоровья происходит на базе нашего политического укрепления и экономического роста. При этом соотношение темпов роста легкой и тяжелой промышленности менялось в зависимости от конкретных условий нашего развития. В восстановительный период быстрее росли отрасли легкой промышленности. Уже в 1927 г. легкая индустрия превзошла довоенный уровень, а большинство отраслей тяжелой индустрии — в 1928—29 гг. Уже на 16-м съезде партии тов. Сталин формулировал положение о возможности на базе роста тяжелой промышленности быстрее поднимать легкую.

Темпы развития последней в первой пятилетке были сравнительно с тяжелой промышленностью относительно более медленными, что диктовалось задачами укрепления независимости нашей страны, задачами обеспечения дальнейшего, более быстрого, повышения уровня потребления.

На январском пленуме ЦК и ЦКК 1933 г. тов. Сталин говорил о том, что «предметов широкого потребления произведено меньше, чем нужно,

а это создает известные затруднения». Тов. Сталин ясно показал, что если бы мы отказались от политики индустриализации ради усиления производства предметов широкого потребления, то «мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения». Он показал, вместе с тем, что если бы мы отодвинули индустриализацию, то «мы лишили бы себя тогда возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами, стало быть — мы сидели бы без хлеба».

Теснейшая связь между индустриализацией страны и возможностями обеспечения трудящихся основными продуктами питания дана здесь с совершенной отчетливостью.

Не менее определенно выражена эта связь и с нашими успехами в области коллективизации сельского хозяйства. Преобразование СССР в страну самого крупного сельского хозяйства в мире дало возможность добиться того, «что вместо 500—600 млн. пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства», теперь есть «возможность заготовлять 1200—1400 млн. пудов зерна ежегодно».

Только при условии правильного понимания политики партии в деле улучшения потребления и питания трудящихся СССР, социал-гигиенист сможет правильно подойти к проблеме питания рабочих в нашей стране на данном этапе нашего развития. Изучая проблемы питания изолированно от наших основных политических и экономических задач, социал-гигиенист окажется совершенно беспомощным. Общая оценка состояния питания трудящихся совпадает с тем выводом, который сделан тов. Сталиным в отношении итогов пятилетки в области улучшения материального положения рабочих и крестьян .«Конечно, мы еще не добились того, чтобы полностью обеспечить материальные запросы рабочих и крестьян. И едва ли мы добьемся этого в ближайшие годы. Но мы несомненно добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год».

С точки зрения социальной гигиены большое значение имеет не только количество производимых продуктов питания, но и способы их распределения.

Принципы распределения стоят у нас в тесной связи с нашими основными производственными задачами, находятся в тесной зависимости от них.

В 1920—21 гг. Лениным были даны основные указания о принципах распределения. «Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства», говорил Ленин на 3-м продовольственном совещании в 1920 г. Из того, что распределение «является орудием политики», непосредственно вытекает, что необходимо проведение ударности не только в производстве, но и в распределении. Пролетариат кровно заинтересован в повышении производительности труда. Принцип ударности в распределении целиком поэтому соответствует его классовым интересам. «Уравниловка», наоборот — в интересах мелкой буржуазии и наиболее отсталых слоев пролетариата, не изживших мелкобуржуазной идеологии. «Ударность — это есть предпочтение одного производства из всех необходимых производств во имя его наибольшей насущности». Это предпочтение должно обязательно сказаться и в распределении продовольствия. В статье о профсоюзах (1920 г.) Ленин по поводу тезиса Троцкого о том, что «в области **потребления**, т. е. условий личного существования трудящихся необходимо вести линию уравнительности», — писал: «Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления — ничто». («О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», т. XXVI).

Если «из всех **необходимых** производств» мы должны предпочесть наиболее насущные и лучше кормить рабочих этих производств, то мы вовсе не намерены кормить не желающих работать паразитов. «В каждом крупном потребляющем центре... мы кормим много лишних людей, примазавшихся чиновников, притаившихся буржуев и спекулянтов и т. д. Надо систематически ловить таких «лишних» едоков, нарушающих основной закон «Не трудящийся да не ест». (Ленин, «Из наказа от СТО», т. XXVI, 1921 г.).

Сейчас мы неизмеримо богаче, чем были в 1920—21 гг. Но и сейчас мы должны отдавать предпочтение одним производствам перед другими, по-ударному трудящимся рабочим перед работающими с «прохладцей». И это предпочтение отчетливо выражено в нашей политике распределения. И сейчас мы не можем и не будем кормить лодырей и спекулянтов. Принцип ударности в распределении и на данном этапе нашего развития имеет исключительно важное значение. Борьба с уравниловкой выдвинута тов. Сталиным в числе его шести исторических условий. Проводимые партией и правительством меры по улучшению снабжения рабочих (развитие советской торговли, передача ЗРК заводоуправлениям, реформа карточной системы и др.) служат целям проведения той же политики потребления. Чтобы прийти к коммунистическому принципу распределения по потребностям, мы должны укреплять и укрепляем систему, основанную на распределении по труду.

Социально-гигиеническое значение такой политики распределения вытекает из того, что в нашей стране труд и создаваемые им богатства являются основным источником укрепления социального здоровья трудящихся. Уравнительная политика распределения привела бы к снижению производительности труда, что в наших условиях угрожало бы не только экономике, но и социальному здоровью трудящихся СССР. Непонимание этого положения приводит некоторых социал-гигиенистов нашей страны к тому, что проблема питания трактуется ими с буржуазных позиций. Оперируя понятиями «человечество», «население», «сельское население», они выдвигают мелкобуржуазное требование уравнительного распределения продуктов питания. Такой именно характер носит, например, вышедшая на Украине работа проф. Томилина и Меркова «Соціяльна гігієна харчування».

Для социальной гигиены громадное значение имеет вопрос об общественном питании, которое, при рациональной его организации, служит мощным оздоровительным фактором. «Организация общественного питания на научно-гигиенических началах» выдвинута в порядок дня нашей здравоохраненческой работы программой коммунистической партии. План первой 5-летки по общественному питанию перевыполнен в 6 раз: 70% рабочих решающих отраслей промышленности охвачены общественным питанием. Далеко не все, однако, благополучно в качестве этого питания. ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 19 августа

1931 г. отметил ряд крупнейших дефектов в постановке общественного питания, в том числе «нетерпимое положение с санитарным состоянием в ряде предприятий общественного питания», и дал ряд указаний по ликвидации этих дефектов. Многое еще предстоит сделать для улучшения качества общественного питания. Органам здравоохранения принадлежит тут значительная роль. Громадные задачи в связи с этим стоят перед социальной гигиеной в части научной разработки многих вопросов организации дифференцированного питания, диэтического питания, планировании питания для различных групп трудящихся и т. п.

Проблемы семьи и воспитания

В июле 1932 г. во Франкфурт-на-Майне съехались 1200 буржуазных «благотворителей», профессоров и просто государственных чиновников из 34 стран на вторую международную конференцию по «социальной работе».

Стержнем всей работы этой конференции, очень поучительной для характеристики направления современной буржуазной социальной гигиены, была проблема семьи.

Достаточно перечислить хотя бы только названия докладов пленумов и комиссий. Аббат Виоле (Viollet) из Парижа докладывал на тему «Семья как объект и опорный пункт призрения». Д-р Вильямсон (George Scott Williamson) из Эдинбурга говорил на тему «Об охране здоровья семьи». Мистрисс Мэри Глэн (Mary Willcot Glenn) из Нью-Йорка докладывала «О разрушительных влияниях на семью и индивида». Д-р Шторк (Storck) из Любека читал на тему «Разрушение семьи как социологическая и педагогическая проблема». На тему «О влиянии безработицы на семью» было целых три доклада. Об этом говорили м-сс Колькорд (Colcord) из Нью-Йорка, Герфорд (Harford) из Шеффильда и д-р Мемельсдорф (Memmelsdorf) из Берлина. Той же темы в том или ином разрезе касались и остальные докладчики и оппоненты.

Спасти или, по крайней мере, поддержать в конец разрушающуюся семейную ячейку — вот лейтмотив теоретических построений и практических предложений, выдвигавшихся на конференции.

Эта международная конференция по социальному вопросу еще раз подчеркивает справедливость нижеследующего положения, выставленного Марксом и Энгельсом 85 лет тому назад в «Коммунистическом манифесте».

«Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми становятся тем противнее, чем более разрушаются, благодаря крупной промышленности, все семейные связи в среде пролетариата и дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты».

В работах Маркса и Энгельса мы находим и историю возникновения буржуазных форм брака и семьи, и яркую характеристику противоречий их развития и научный прогноз тех отношений между полами, которые должны возникнуть с уничтожением капитализма.

Использовав богатейшие исторические и этнографические материалы, Энгельс с полной убедительностью доказал, что возникновение моногамной семьи явилось результатом не биологических законов, а определенных социальных отношений.

«Моногамия, — писал Энгельс, — не была последствием индивидуальной половой любви, с нею она не имеет ничего общего... Моногамия — первая семейная форма, основанная не на естественных, а на социальных требованиях».

Он показал, каким образом возникновение этой формы семьи исторически оказалось связанным с развитием разделения труда, частной собственности, первого разделения общества на классы.

Маркс и Энгельс показали, что характеризующая буржуазное общество частная собственность на средства производства отражается и в буржуазном браке и в буржуазной семье. «На чем основана современная буржуазная семья? — На капитале, на частной наживе; в совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции» («Коммунистический манифест»). Господство мужчины над женщиной, характеризующее буржуазную семью, имело своим следствием то, что по мере своего развития эта семья, оставаясь на словах единобрачной, фактически представляла собой нелегализованную общность жен, дополняемую официальной проституцией.

В процессе своего развития буржуазная семья утратила свои прежние характерные черты. Она все больше становилась формой прикрытия неофициальной проституции. Она все больше и больше утрачивала функции совместного воспитания детей. Она стала лишь формой общности потребления имущества, общности паразитирования.

При капитализме семья пролетария разрушается в связи с растущей эксплоатацией ее членов, с падением жизненного уровня, с безработицей, с растущей проституцией и детской беспризорностью.

Капитализм не может ни спасти семью, ни укрепить ее. Он бессилен против социально-патологических последствий проституции и детской беспризорности. Насквозь лжива и лицемерна, поэтому, буржуазная болтовня о семье, как «хозяйственном и духовно-нравственном единстве» — одна из программных тем Франкфуртской конференции. Эта болтовня имеет, однако, вполне определенный практический смысл с точки зрения тех установок, которыми руководится социальная политика буржуазии. В этом отношении очень показателен упоминавшийся нами уже доклад д-ра Мемельсдорфа. Исходя из того, что мерами призрения ни теперь, ни когда бы то ни было не удастся ликвидировать или хотя бы уменьшить безработицу, докладчик видит функции призрения в том, чтобы «уменьшать страдания и осушать слезы» («Leiden zu lindern und Tränen zu trocknen»)[1].

В этом и других докладах ясно была выражена мысль, что основное назначение всей «социальной помощи» — внушить безработным иллюзию заботы о них буржуазного общества, об улучшении их положения при помощи укрепления внутрисемейных связей.

Двадцать лет тому назад (1913 г.) в Лондоне заседал Пятый международный съезд по борьбе с проституцией. Ленин писал об этом съезде: «Акробаты благотворительности и полицейские защитники издевательств над нуждой и нищетой собираются для «борьбы с проституцией», которую поддерживают именно аристократия и буржуазия» (т. XXVI). Эта характеристика целиком и полностью может быть отне-

[1] Цит. по обзору в „Archiv f. Soz. Hyg." H. IV, 1932, S. 367.

сена к современной социально-политической и социально-гигиенической буржуазной мысли. Проституция — необходимое дополнение буржуазной семьи. «Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и то и другое исчезнет вместе с исчезновением капитала» («Коммунистический манифест»).

Мышление виднейших представителей социал-фашистской социальной гигиены, не выходящее из рамок буржуазного строя, видит в проституции результат совокупного действия биологических (дурная наследственность) и некоторых не устранимых социально-экономических факторов. Это приводит их к выводу о вечности проституции. «Полностью уничтожить проституцию никогда не удастся» (ist niemals gelungen), — пишет проф. А. Гротьян («Soziale Pathologie», Berlin, 1923 г. S. 123). Ту же мысль проводит А. Ф. Никитин: «Несомненно, есть женщины, врожденные (приобретенные по наследству) качества которых должны привести к проституции» («Труд и социальная гигиена», 1925 г., стр. 288).

Ликвидация проституции в нашей стране показала всю вздорность таких утверждений и вытекающих из них прогнозов.

Пролетарская революция уничтожила основу буржуазной семьи — частную наживу. Она уничтожила бесправие женщины. «Именно большевистская революция является единственно последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей», — писал Ленин в ответ на клеветнические выпады П. Сорокина по поводу легализации у нас разводов.

Капитализм не может последовательно осуществить даже формальное равенство мужчины и женщины.

Наша система не может удовлетвориться одним только формальным равенством. «Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача. Это — борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма», — писал Ленин в 1920 г. («К международному дню работниц», т. XXV).

На сегодняшний день сделано уже очень многое для осуществления этой задачи. Больше шести миллионов женщин вовлечено в производство (33,7% к общей численности работающих). В ведущих отраслях промышленности дети работниц на 75% охвачены яслями и на 58% дошкольным воспитанием.

Дальнейшее строительство подобных учреждений, а главное, значительное улучшение качества их работы, борьба за их образцовость — ставит громадные задачи перед органами здравоохранения и социальной гигиеной.

Наше брачное и семейное право уничтожило существующее во всех буржуазных странах крепостническое отношение к женщине и ее ребенку. Но свобода разводов, легализация абортов, уничтожение разделения детей на брачных и внебрачных, «законно» и «незаконно» рожденных, — все это отнюдь не означает какого бы то ни было поощрения половой распущенности. Клара Цеткин в своей книге «Ленин и трудящаяся женщина» передает ряд высказываний В. И. по этому вопросу. Ленин, указывал на то, что «необузданность половой жизни буржуазна,

выражает стремление упадочных классов забыться», что «пролетариат — восходящий класс. Ему не нужен хмель, ни как наркотик, ни как стимул. Ни хмель половых злоупотреблений, ни хмель алкоголя». Ленин считал всяческие увлечения половым вопросом вредными, реакционными, отвлекающими пролетариат от его революционных задач, ведущими к растрате сил. Ленин подчеркивал, что имевшая в свое время распространение среди нашей молодежи теория «стакана воды» — вредная, реакционная. «Питье воды действительно индивидуально. Для любви нужны двое, и третья новая жизнь нарождается. В этом отношении заключается общественный интерес, обязанность по отношению к обществу».

Установки Ленина в этом вопросе имеют громадное значение и с социально-гигиенической стороны. Они должны быть основой полового просвещения и воспитания нашей молодежи. Этой основой должна явиться мысль Ленина о том, что «именно молодежи нужны жизнерадостность и жизненные силы. Здоровый спорт, гимнастика, плавание, путешествия, физические упражнения всякого рода, многосторонность умственных интересов. Возможно более совместно учиться, изучать, исследовать. Все это даст молодежи больше, чем вечные лекции и дискуссии о половых задачах и так называемое изживание. Здоровое тело, здоровый дух. Не монах и не Дон-Жуан, но и не немецкий обыватель».

В период построения социализма пролетарское государство и общественность не может еще отказаться от вмешательства (законодательство, общественное мнение) в отношения между полами. Только коммунистический общественный строй «превратит отношения между обоими полами в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц, в которые обществу нечего вмешиваться». (Энгельс — «Принципы коммунизма»). В переходный период государство вторгается и в область отношений между супругами и в область воспитания детей, еще остающегося в известной степени функцией семьи. В 1926 г. на 15-й партконференции тов. Сталин говорил о том, что воспитание всех детей государством «у нас осуществляется, но оно далеко еще не осуществлено». На сегодня мы сильно продвинулись вперед и в этом отношении, но воспитание **всех** детей государством — еще не может быть осуществлено на данном этапе. Не может быть и речи о каком бы то ни было принуждении трудящегося к общественному воспитанию своих детей. Предложения немедленно обобществить воспитание, отделив детей от родителей, устранив бытовые связи членов семьи выдвигались некоторыми работниками (Сабсович, Ю. Ларин и др.). Партия квалифицировала эти предложения как «полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные» [постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г.].

Отвергая подобные предложения, мы, вместе с тем, в ходе нашего строительства подготовляем материальные и культурные предпосылки для полного осуществления в дальнейшем коммунистических принципов воспитания.

Громадное значение в этом отношении имеют пионерское движение, всеобщее обязательное политехническое обучение. Последняя мера, соединяя труд с воспитанием и образованием, является, как об этом писал еще Маркс, «единственным методом создания всесторонне-развитых людей».

Этими мерами создаются возможности разрешения социально-гигиенических задач крупнейшего значения. Вместе с тем и пионердвижение и строительство политехнической школы ставят пред социальной гигиеной громадные задачи в смысле разработки мероприятий, обеспечивающих максимальный оздоровительный эффект советских способов воспитания.

Жилищный вопрос

Многие буржуазные социал-гигиенисты считают **жилищный** вопрос если не самой важной, то, по крайней мере, одной из основных социально-гигиенических проблем (Hüppe, Krautwig).

Другие (A. Fischer) считают все проблемы одинаково важными. Представители обеих точек зрения подменяют основной источник социальной патологии — капиталистический способ производства — изолированным рассмотрением отдельных социально-гигиенических проблем. При этом, предлагаются различные способы разрешить эти проблемы, не задевая сущности капитализма, оставляя в покое капиталистическую эксплоатацию труда. Такой подход к вопросу, соответствуя социальному заказу буржуазии, всегда приводил к теоретически-беспомощным и практически-бесплодным предложениям в области разрешения жилищного вопроса.

Это с абсолютной убедительностью показал уже Энгельс в его «Жилищном вопросе». «Жилищная нужда, испытываемая рабочими и частью мелкой буржуазии наших современных больших городов, представляет собой одно из бесчисленных **мелких** второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства».

Жилищная нужда существовала еще задолго до капитализма; «она постигала довольно равномерно все угнетенные классы всех времен». Капитализм резко ухудшил и без того тяжелые жилищные условия рабочих. Развитие капитализма привело к быстрому наплыву населения в большие города. Это вызвало громадный рост квартирной платы. В связи с частной собственностью на землю, быстрый прирост населения городов порождал земельную и строительную спекуляцию. В результате рабочее население вынуждено жить в условиях все увеличивавшейся скученности и антисанитарии. Многие лишены всякой возможности найти себе приют. Рост капиталистической индустрии привел вместе с тем к тому, что отделение города от деревни, исторически значительно предшествовавшее капитализму, приняло формы ярко-выраженной противоположности. Это отделение «приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работой» (Энгельс — «Жилищный вопрос»).

В «Капитале», в «Положении рабочего класса в Англии» приведен огромный фактический материал, рисующий процесс вытеснения рабочих на окраины городов в особые кварталы, антисанитарные способы застройки этих кварталов, тесноту и грязь в рабочих жилищах. Использовав санитарные отчеты и другие врачебные работы, Маркс и Энгельс показали, к каким разрушающим здоровье последствиям ведут те жилищно-бытовые условия, в которые ставит пролетария капиталистическая эксплоатация.

В небольшой статье «Об одном открытии», написанной в 1913 г. (т. XXVI), Ленин, пользуясь напечатанной тогда в «Новом Времени» заметкой д-ра Козловского об антисанитарии в угловых квартирах Рождественской части Петербурга, показал, что это «открытие» Козловского — одно из бесчисленных частных проявлений капитализма, который «живет и держится исключительно на наемном труде миллионов».

Буржуазия начинает замечать ужасающие жилищные условия пролетариата лишь тогда, когда эти условия грозят опасностью здоровью самой буржуазии.

Уже Энгельс показал, что жилищный вопрос начинает интересовать крупную буржуазию тогда, когда он ставит ее под угрозу эпидемических болезней. «Современное естествознание показало, что так называемые «дурные кварталы», в которых скучены рабочие, представляют очаги всех тех эпидемий, которые периодически посещают наши города... Господа-капиталисты не могут безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия падают на них самих, и смерть косит свои жертвы среди капиталистов так же беспощадно, как и среди рабочих» («Жилищный вопрос»).

Отсюда — «пламенное соревнование» «человеколюбивых» буржуа о здоровье рабочих, отсюда — обследование жилищных условий, проекты, законы, специальные общества, книги. Но из каких бы побуждений ни исходили попытки буржуазии улучшить жилищные условия, эти попытки обрекаются на неудачу самой сущностью капиталистического строя.

Буржуазия обладает лишь одним методом «решения жилищного вопроса на **свой** лад, а именно она решает его так, что решение каждый раз снова выдвигает вопрос. Этот метод носит название «метода Османа». («Жилищный вопрос»). Сущность буржуазного решения жилищного вопроса, которую Энгельс назвал именем министра Наполеона III — Османа, применившего этот метод в Париже, заключается в том, что сквозь рабочие кварталы проводятся прямые и широкие улицы с большими роскошными зданиями. Оздоровление этих кварталов, конечно, достигается, но только не для рабочих. «Самые грязные переулки и закоулки исчезают при величайшем самохвальстве буржуазии по поводу этого огромного успеха, но они... тотчас же возникают где-либо на новом месте, часто даже в непосредственном соседстве». Таким образом, какие бы проекты оздоровления жилищных условий ни выдвигались, какие бы законы на этот счет ни писались, «капиталистический общественный порядок непрерывно воспроизводит бедствия, о лечении которых идет речь, с такой необходимостью, что даже в Англии лечение едва ли подвинулось даже на один шаг вперед».

Состояние жилищного вопроса в современной нам Англии, как и в других странах капитализма, полностью подтверждает этот констатированный Энгельсом факт.

По данным официальной статистики, четверть всего населения Англии находится в невозможных жилищных условиях.

В Лондоне в условиях ужасающей антисанитарии живут 100 тыс. человек. В Бирмингаме 40 тыс. густо населенных домов должны быть снесены, как непригодные для жилья. Шотландское бюро здравоохранения в своем отчете приводит также описания трущоб современного Глазго, которые даже в деталях совпадают с картинами, обрисованными в са-

нитарных отчетах сороковых годов прошлого века, цитированных Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии».

Современная английская буржуазия «разрешает» жилищный вопрос по старым рецептам Османа, но рабочий класс воспринимает уже иначе «лечение» жилищной нужды по этим рецептам. Руководимая коммунистической партией наиболее сознательная и революционная часть его, в ответ на бесплодные потуги капиталистов разрешить жилищный вопрос в условиях сохранения буржуазного строя, выдвигает лозунг социалистической революции, единственно способный радикально разрешить жилищный вопрос. Проявлением этих революционных требований рабочего класса являются учащающиеся случаи протеста против тяжелых жилищных условий рабочего класса в капиталистических странах. Наиболее дальновидные буржуа понимают опасность для себя этого положения. Об этом свидетельствует, например, тот факт, который имел место в Англии.

В декабре 1932 г. английское правительство внесло в палату общин законопроект о постройке новых домов взамен старых, обреченных на слом. Против проекта выступил бывший министр иностранных дел Остин Чемберлен. Говоря об обитателях трущоб, Чемберлен заявил: «Если бы я жил как они, я не ручался бы за свои действия. Я считал бы положение совершенно невыносимым и пришел бы к выводу, что что-то неблагополучно в государстве, допускающем подобные жилищные условия. Я сам совершил бы в этих условиях безумные действия, за которые я был бы осужден в любом суде» (Приведено по сообщению в ЦО «Правда» от 22/XII 1932 г., № 352).

Вполне обоснованный страх буржуазии перед «безумными действиями» обитателей трущоб не может, однако, изменить положение вещей, ибо возможность разрешения жилищного вопроса в рамках капитализма исключена.

Английский капитализм не может оздоровить лондонский Ист-Энд, как капитализм американский не оздоровит восточных кварталов Нью-Йорка, где по словам корреспондента венской «Arbeiter Zeitung» Гепниера «жилищная нужда Старого Света сочетается с жилищным кризисом Нового Света» («Известия ЦИК СССР», от 12/XII 1932 г., № 342).

Буржуазные и мелкобуржуазные социал-гигиенисты уже в силу их классовой ограниченности не могут встать на единственно научный путь признания того, что первой предпосылкой разрешения жилищного вопроса должно быть уничтожение капиталистического способа производства.

В современной буржуазной и социал-фашистской социально-гигиенической литературе по жилищному вопросу нет недостатка в предложениях разного рода способов решения этого вопроса. Все эти предположения не содержат ни одного принципиально нового слова по сравнению с теми проектами, которые выдвигались в книге д-ра Э. Закса — «Жилищные условия трудящихся классов и их реформа», вышедшей в Вене в 1868 г., которые выдвигались в начале семидесятых годов доктором медицины Мюльбергером в его статьях в «Volkstaat».

Эти работы, как изложение наиболее типичных взглядов буржуазной и мелкобуржуазной литературы «по общественной гигиене и жилищному вопросу», послужили поводом для статей Энгельса, впоследствии объединенных в его «Zur Wohnungsfrage». Уничтожающая критика всех

этих проектов, данная в этой работе Энгельса, сохраняет все свое значение и для сегодняшнего дня. «Ядром как буржуазного, так и мелкобуржуазного решения жилищного вопроса является собственность рабочего на свое жилище», — писал Энгельс. Все предложения современных социал-гигиенистов построены на той же основе. Особой популярностью пользуется идея покупки рабочими коттэджей, выдвигавшаяся в 1869 г. д-ром Заксом.

В его книге в свое время делалась попытка охватить по возможности всю буржуазную литературу по жилищному вопросу. В этой книге выдвигается ряд практических предложений для разрешения жилищного вопроса: покупка рабочими коттэджей, устройство фабрикантами жилищ для рабочих, организация на основе взаимопомощи строительных товариществ и, наконец, муниципальное и даже государственное строительство.

В конце 1931 г. в «Archiv f. Soz. Hyg.» Н. 6 был напечатан обзор д-ра Гаумиц из Золингена «Kommunalärtzliche Wohnungsfürsorge», представляющей сводку современной буржуазной социально-гигиенической литературы по жилищному вопросу.

Статья подчеркивает, что в основе современных предложений решения жилищного вопроса лежит постройка строительными товариществами и частично муниципалитетами маленьких домиков (коттэджей), которые должны стать путем выкупа собственностью рабочих. Статья отчетливо показывает, что мысль современных буржуазных социал-гигиенистов вертится вокруг все тех же прудонистских идей, уничтожающая критика которых дана была Энгельсом в «Жилищном вопросе» более шестидесяти лет тому назад. Обзор отмечает ужасающую жилищную нужду рабочих, мельком касается факта наличия большого количества пустующих квартир и вовсе не ставит вопроса об их экспроприации. В связи с этим заметим, что в 1919 г. съезд Германского Союза общественного здравоохранения (Deutsch. Verein für öffentliche Gesundheitspflege) отверг проект закона о муниципализации домов. А. Фишер считает, что «без дальнейших пояснений понятно, что «принудительное вселение, в особенности с гигиенической точки зрения, представляет собой весьма сомнительное средство» («Основы социальной гигиены», стр. 198).

Предложения современных социал-гигиенистов, как показывает обзор Гаумица, отражают и влияния кризиса.

В виду того, что требование сколько-нибудь широкого строительства в современной Германии явно нереально, предлагается строить дома только для многодетных семей. В качестве гигиенической нормы жилищной площади выдвигаются размеры площади, позволяющей поставить отдельную кровать для каждого члена семьи. Особо указывается необходимость при строительстве «отказаться от всякого технического и гигиенического комфорта, не вызываемого жизненной необходимостью».

Все это достаточно характеризует социально-гигиеническую программу идейных преемников гг. Закса и Мюльбергера в современной Германии.

Влияние их идей заметно отражается на некоторых работах социал-гигиенистов в нашей стране. Так, проф. А. Н. Сысин в главе «Жилище»— «Социальной гигиены», под. ред. проф. Молькова, считает, что государственное, муниципальное, кооперативное строительство в капиталистических странах «уже и в рамках буржуазного строя» намечает «некото-

рые практические возможности» в направлении разрешения социально-гигиенических задач в жилстроительстве. Отсюда — его положительное отношение к законодательству ряда капиталистических стран, направленному «в сторону содействия кооперативному строительству».

Между тем, даже А. Фишер не может скрыть того факта, что все эти меры практически нисколько не подвинули вперед разрешение жилищного вопроса.

Со своей стороны, А. Фишер подчеркивает «значение пропаганды сведений — как правильно пользоваться жилищами, с санитарной точки зрения, для того, чтобы самая большая комната не оставалась в качестве «парадной» и неиспользованной, когда в то же время люди спят в маленьких каморках, как это часто случается» (стр. 201 «Основ социальной гигиены»). Этот рецепт крайне характерен для социальной гигиены мелкого буржуа.

Первым шагом пролетариата, взявшего власть в нашей стране в свои руки в области разрешения жилищного вопроса, была экспроприация буржуазного домовладения. Указание Энгельса на то, что разрешение жилищного вопроса требует «экспроприировать нынешних владельцев, иначе сказать — заселить их дома беспризорными или живущими слишком скученно рабочими»—было, таким образом, осуществлено. Тот факт, что за годы революции из подвалов и коечно-каморочных квартир переселено в благоустроенные квартиры, занимавшиеся раньше буржуазией, по одной только Москве больше полумиллиона рабочих и трудящихся— имеет неоспоримо громадное положительное социально-гигиеническое значение.

Не меньшее значение в этом смысле имеет и тот факт, что «пролетарская революция положила конец эксплоататорской политике в городском хозяйстве» [Пленум ЦК ВКП(б) — июнь 1931 г.].

Дореволюционные буржуазные, домовладельческие городские думы заботились исключительно о благоустройстве буржуазных кварталов, оставляя рабочие кварталы в условиях ужасающей антисанитарии.

Возможности оздоровления рабочих кварталов созданы были лишь переходом власти в руки советов.

Городское хозяйство царской России было крайне отсталым. Империалистическая война, а затем контр-революционная интервенция привели к громадным разрушениям жилищного фонда, к выходу из строя значительной части водопроводной и канализационной сети.

Основная задача, стоявшая перед нашим народным хозяйством после окончания гражданской войны, — восстановление промышленности, — отодвигала на второй план работу по восстановлению коммунального хозяйства.

Пленум ЦК ВКП(б) в июне 1931 г. в резолюции о развитии городского хозяйства отметил, что «только за последние три года партии и советской власти удалось взяться серьезно за приведение в порядок, восстановление и развитие городского хозяйства, что уже принесло серьезные осязательные результаты».

В докладе тов. Кагановича на июньском пленуме ЦК ВКП(б) указывалось, что за последние пять лет было вложено свыше 3,5 млрд. руб. и выстроено около 30 млн. кв. м жилплощади.

Вселено в эти новые жилища до 1931 г. около миллиона рабочих семей.

Тов. Каганович приводил также данные о росте водопроводной и канализационной сети. В 1911 г. водопроводы имелись в 219 городах, в 1926 — в 283, а к 1933 г. они будут в 333. Канализация была до революции в 19 городах, в 1931 г. — в 33. Сильно повысилось душевое потребление воды: для Москвы, например, с 61 л в день до революции — до 128 л. в 1931 г.

При наличии всех этих громадных достижений, которые не могут быть недооценены и с точки зрения их социально-гигиенического значения, состояние жилищно-коммунального дела и в 1931 г. и еще на сегодняшний день далеко от тех требований, которые предъявляются к нему растущими потребностями трудящихся масс. Июньский пленум ЦК во всю ширь поставил «проблему города в реконструктивный период, проблему перестройки старых и строительства новых городов». Пленум отметил, что растущие у нас на основе индустриализации и коллективизации сельского хозяйства социалистические города «должны обеспечить культурный подъем и охрану здоровья широких трудящихся масс, повышение производительности труда и освобождение женщины-работницы от оков домашнего хозяйства».

Пленум подчеркнул крупнейшее значение, которое приобретают вопросы городского хозяйства в борьбе «за улучшение материально-бытовых условий трудящихся, за культурный подъем и охрану их здоровья».

Постановления пленума о путях дальнейшего развития народного хозяйства, об ускорении темпов его развития, о расширении водопроводной и канализационной сети, улучшении очистки городов, расширении банно-прачечного строительства, развитии зеленых насаждений и пр. являются важнейшим руководством к действию. Реализация этих постановлений возлагает громадные задачи и на наше здравоохранение и социальную гигиену.

Постановление январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г., определяющее на 1933 г. «размер капитальных вложений в комунальное хозяйство в сумме 969 млн. руб. и в жилищное строительство 1472 млн. руб.», естественно выдвигает перед органами здравоохранения ответственные задачи оказания помощи коммунальным органам и активного участия в такой реализации этих значительных средств, которая обеспечила бы в наибольшей степени укрепление здоровья трудящихся.

Крупные вложения в жилищно-коммунальное хозяйство создают материальный базис для социалистичеекой перестройки быта, имеющей чрезвычайно серьезное оздоровительное значение. Постановления ЦК неоднократно подчеркивали необходимость решительной борьбы в этом вопросе «как с правым оппортунизмом, выступающим против большевистских темпов развития социалистического хозяйства, против перестройки культурно-бытового обслуживания рабочего и колхозного населения, так и с загибами лево-оппортунистических фразеров, выступающих со всякого рода прожектерскими предложениями (принудительная ликвидация индивидуальных кухонь, искусственное насаждение бытовых коммун и т. д.)» (Июньский пленум ЦК 1931 г.). В нашей гигиенической и социал-гигиенической литературе мы встречаемся с преклонением перед выдвинутой Говардом идеей «городов-садов». Проект Говарда отражал страх буржуазии перед большими городами с растущим революционным движением в них.

По проекту Говарда «город-сад» должен состоять из ряда комфортабельных, окруженных зеленью, коттэджей-особняков.

Культивирование буржуазно-индивидуалистического быта — идея, которую сам Говард усиленно подчеркивает в своей работе «Город — сад будущего».

Пропаганда этой идеи, преклонение перед ней отчетливо выражены в работах Хлопина, Сысина и др. В доказательство высоких гигиенических преимуществ плана Говарда, Сысин приводит данные о значительно меньшей детской смертности в «городе-саде» Лечворсе сравнительно с Лондоном, Манчестером, Бирмингамом. При этом замалчивается тот факт, что Лечворс населен крупной и средней буржуазией и лишь в незначительной мере рабочей аристократией.

Идея Говарда объявляется средством разрешения жилищного вопроса, средством уничтожения противоположности между городом и деревней. Сысин, вслед за другими гигиенистами и социал-гигиенистами, говорит о «международной ассоциации «городов-садов», делая отсюда заключение, что в капиталистических условиях возможно «объединить и гармонично слить выгоды и удобства городской жизни, с ее высокой культурой и высокой техникой, с выгодами и преимуществами сельской жизни, с ее естественными природными условиями, — солнцем, воздухом, зеленью и простором» («Социальная гигиена», под редакц. проф. Молькова, стр. 165). В действительности, все это движение, на опыте которого стремятся обосновать гигиенические преимущества индивидуального быта, крайне ограничено, отвечает потребностям самой буржуазии и в известной мере служит целям подкупа аристократической верхушки рабочего класса. По своей классовой сущности оно чуждо рабочему классу, как движение реакционное и утопическое.

Уже Энгельс показал, что капиталистическое общество не только не может уничтожить противоположность между городом и деревней, но «принуждено, напротив, с каждым днем все больше обострять ее» («Жилищный вопрос»). Он показал, что только с уничтожением капитализма создаются условия для устранения этого противоречия, что диктуется как экономическими интересами, так и целями общественной гигиены.

В своей работе «Аграрный вопрос и критики Маркса» (т. IV), направленной против русских последователей Брентано (Струве, Булгаков и др.), Ленин доказал, что после победы пролетариата становится вполне осуществимой идея уничтожения противоположности мжду городом и деревней, отметив, что «следует, конечно, представлять себе это уничтожение не в форме одного акта, а в форме целого ряда мер».

В процессе социалистического строительства в нашей стране создаются условия для уничтожения этой противоположности. Колхозное строительство «преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоположности между городом и деревней» (Сталин — «К вопросам аграрной политики в СССР»).

Развитие промышленных очагов в крестьянских районах, развитие их в национальных республиках, представлявших в прошлом наиболее отсталые в экономическом и культурном отношениях районы, вооружение совхозов и колхозов машинной техникой, превращающей сельско-хозяйственный труд в разновидность индустриального — все это условия для устранения противоположности между городом и деревней.

В области жилищного строительства для нас совершенно неприемлемы предложения, направленные к усилению скопления людей в больших городах. Планы развития так называемого «Великого Берлина», выдвигаемого, например, Сысиным как образец правильной планировки городов, не могут быть нами приняты.

Мы не собираемся по этому образцу строить «Великую Москву» или «Великий Ленинград». Постановление июньского пленума ЦК 1931 г., считающего «нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах» и предложившего «в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.» — является установкой громадного социально-гигиенического значения.

Это отнюдь не значит, что наша сегодняшняя задача заключается в разукрупнении наших основных промышленных центров. Тот факт, что эти центры играли и играют крупнейшую революционную роль, что они имеют громадное значение и для поднятия культурного уровня деревни и ее социалистической перестройки, не может игнорироваться и с политической и с социально-гигиенической точки зрения. «Мы идем к ликвидации противоположности между городом и деревней не на основе ликвидации городов, а на основе их видоизменения и социалистической переделки деревни и подъема ее до уровня передовой городской культуры» (Л. М. Каганович).

В условиях сегодняшнего дня, когда наличный жилищный фонд далеко не может удовлетворить всех потребностей трудящихся, большое значение имеют принципы распределения жилищ. Основы нашей политики в этом вопросе те же, что и в распределении питания. И тут принцип ударности — подчинение задач распределения интересам повышения производительности труда — играет решающую роль. Говоря выше о питании, мы подчеркивали положительное социально-гигиеническое значение этого принципа. Сказанное там полностью относится и к распределению жилищ, очередности строительства, классовой политике квартирной платы.

Наряду с новым жилищным строительством, важной задачей является сбережение и правильное использование наличного фонда. Постановление пленума ЦК от июня 1931 г. подчеркивает эту задачу, отмечает важность ее с экономической и санитарной стороны. Для органов здравоохранения выполнение этой задачи означает разработку вопросов санитарного минимума в жилище, во дворе, пропаганду санминимума, организацию борьбы за его осуществление.

Социальная патология

Говоря о труде, как важнейшей проблеме социальной гигиены, мы выяснили, что его отношение к социальному здоровью исторически меняется в связи со сменой социально-экономических формаций. Мы видели, что эксплоатация труда при капитализме является основным источником болезней трудящихся. Мы видели также, что капиталистический способ производства создает такие закономерности движения населения, которые ведут к физическому вырождению. Создаваемые капитализмом условия быта трудящихся (формы семейной жизни, пи-

тание, жилище) разрушают здоровье. Все это определяет наш подход к проблемам социальной патологии. Все это показывает полную несостоятельность господствующих в буржуазной и социал-фашистской социальной гигиене взглядов на вопросы социальной патологии.

Трактовка этих вопросов всеми буржуазными социал-гигиенистами характеризуется следующими основными чертами.

Все болезни рассматриваются как результат действия «суммы биологических и социальных факторов». Величина каждого из слагаемых, составляющих эту «сумму», различна для каждой из нозологических единиц. Поэтому, буржуазный социал-гигиенит прежде всего выделяет из длинного ряда болезней те нозологические единицы, в этиологии которых «социальные факторы» выступают с его точки зрения как наиболее значительное слагаемое. Получается что-то в роде списка социальных болезней, у одних авторов короткого (Хайес), у других — более длинного (Фишер), у третьих — охватывающего десятки болезненных форм (Гротьян).

«Социальные факторы» подвергаются затем расчленению на составляющие их компоненты: жилище, питание, профессия, благосостояние, культура, религия и т. д., и т. п. Затем делаются внешние статистические сопоставления данных о частоте отдельных заболеваний с данными, характеризующими один из этих компонентов, взятый изолированно от всех остальных.

На основе этих сопоставлений делаются выводы о влиянии отдельных «факторов» и их компонентов на распространение отдельных нозологических форм болезней и предлагаются меры к их уменьшению. Все эти меры общественные и законодательные, как правило, непосредственно не вытекающие из конкретного анализа, являются умозрительными предложениями. Они насквозь буржуазны по своей сущности, они, как правило, утопичны, в крайнем случае паллиативны. Привлекая более или менее значительное количество статистических данных, представляющих относящиеся ко «всему населению» отдельных участков капиталистической системы средние величины, эти авторы пытаются доказать благотворное действие этим мер. А тогда, когда никакое жонглированье цифрами и подтасовка фактов не позаноляют этого доказать, на сцену выступает роковое действие биологических слагаемых. К этому надо добавить выделяемые обычно в особую группу «слагаемых» — факторы так называемой естественной среды: землю, воду, воздух. Их влияние на здоровье рассматривается вне всякой зависимости об общественного строя, рассматривается как выражение физико-химических закономерностей.

В действительности капитализм превращает естественную среду в социальную, делая эту среду источником социальной патологии. «Но бросьте взгляд на все современное капиталистическое общество, на крупные города, на железные дороги, на шахты и рудники, фабрики и заводы. Вы увидите, как десятки и сотни тысяч рабочих осуждены на лишения свежего воздуха, на работу под землей ,на жизнь в подвалах, на употребление испорченной соседством фабрик воды... Да что говорить о купле-продаже воды, воздуха и земли, когда все нынешнее общество только и держится, что куплей-продажей рабочей силы, т. е. **наемным рабством** миллионов людей» (Ленин — «Проект речи по аграрному вопросу во 2-й Госуд. думе 1907 г., т. XI).

Всеми путями буржуазные авторы пытаются доказать, что капитализм уже достиг ряда успехов в области борьбы с социальными болезнями, что путем внесения ряда поправок в капиталистическую систему эти успехи можно значительно приумножить.

Между тем, в действительности, капиталистическое производство «в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга» (Маркс — «Капитал», т. III, гл. 5).

Это положение доказано Марксом, Энгельсом, Лениным в ряде работ на основании богатейшего фактического материала.

Вся капиталистическая действительность подтверждает правильность этого положения. Но апологеты капитализма, которые, как мы видели выше, даже безработицу объявляют положительным фактором социального здоровья, не останавливаются и перед тем, чтобы утверждать, что современный глубочайший кризис всей капиталистической системы благотворно повлиял на здоровье. Именно в этом пытается убедить обзор «О влиянии кризиса на здоровье», составленный по данным гигиенической секции Лиги наций («Archiv für Sociale Hygiene». H. 5, 1932).

В связи с кризисом в капиталистических странах резко сокращены расходы на здравоохранение. Особенно сильно урезано здравоохранение в Германии. В середине 1932 г. «Общество немецких коммунальных, школьных врачей и врачей попечительств» (Fürsorgeärtzte) провело среди своих членов анкету на тему о влиянии сокращения здравоохраненческих учреждений на состояние здоровья населения германского города и деревни. Из 86 ответивших — 40 отметили связанный со снижением жизненного уровня рост (болезней грязи» (Schmutzkrankheiten), вшивости, глистных заболеваний, рост простудных болезней (ангин, гриппа), резкое ухудшение физического состояния детей и подростков, рост рахита ,множественные случаи позднего рахита (у 14—16-летних), резкий рост туберкулеза у взрослых и детей, особенно случаев открытого и тяжело протекающего туберкулеза, резкий рост нервных и душевных болезней, особенно среди женщин и детей.

Большая часть заполнивших анкету медицинских чиновников, вопреки очевидным фактам, отмеченным их же коллегами, в той или иной форме, отрицала ухудшение здоровья под влиянием кризиса, утверждая, что «до сих пор отрицательное действие (Rückwirkungen) хозяйственной нужды на здоровье населения **объективно не установлено**». Были даже и такие ответы: «общее состояние здоровья лучше, чем прежде».

Д-р Фонессен (Vonessen), излагающий результаты обработки этих анкет (Archiv für Sociale Hygiene H. 4, 1932, S. 319—323) замечает по поводу этой последней группы ответов, что в их правильности не приходится сомневаться.

Приведенные данные достаточно наглядно подтверждают неоднократно отмечавшееся уже Марксом и Энгельсом положение о том, что чиновники буржуазии всячески извращают действительность, стремясь во что бы то ни стало «доказать голубиную чистоту фабрикантов» (Энгельс), стремясь всячески «отрицать страдания современного поколения рабочих» (Маркс).

Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть потому, что преклонение перед «учеными» работами социал-гигиенистов капиталистического Запада и особенно перед приводимыми ими статистическими материалами — носят в целом ряде вышедших у нас работ характер прочного предрассудка. Многие авторы (Вигдорчик, Дыхно и др.) приводят данные буржуазных источников, часто игнорируя апологетический характер этих источников. Это не исключает, однако, возможности пользоваться в ряде случаев буржуазными источниками.

В силу разных причин буржуазные авторы социально-гигиенических трудов и санитарных отчетов иногда оказываются вынужденными против собственной воли приводить такие материалы, которые по существу являются обвинительным актом против капиталистического строя.

Именно по поводу таких работ Энгельс писал в свое время: «если все это читать, все это принять во внимание, — чье сердце не загорится негодованием, ненавистью против этого класса, который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как единственно, что для него важно, это — набивать карманы «во чтобы то ни стало» («Положение рабочего класса в Англии»).

В нашей социально-гигиенической литературе мы встречаемся и с другим предрассудком в форме утверждения, что капитализм именно в силу интересов своего кармана вынужден заботиться об оздоровительных мерах (Каплун, Дыхно и др.). Маркс доказал, что «если капитал имеет столь «достаточные основания» отрицать страдания современного поколения рабочих, то перспективы будущего вырождения человечества, т. е., в конце-концов, неизбежного его вымирания, также мало влияют на его практическую деятельность, как соображения относительной возможности падения земли на солнце...» «Après moi le déluge» («После меня — хоть потоп») — вот лозунг каждого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению» («Капитал», т. I. гл. 8).

Класс капиталистов обеспечивает пролетариату лишь тот минимальный жизненный уровень, который необходим для выколачиванья прибавочной стоимости.

Что именно оказывается вынужденным сделать капитализм в области «оздоровительных» мер — решается борьбой классов. Однако, пока буржуазия господствует, ни о каком кардинальном улучшении социального здоровья трудящихся не может быть и речи.

Мало того. При первом удобном случае буржуазия берет назад все вынужденные уступки. Это подтверждается многочисленными фактами, как уже приводившимися выше, так и теми, к которым нам придется обратиться в дальнейшем изложении.

Социал-гигиенисты типа А. Фишера, А. Гротьяна подчеркивают в качестве исторической заслуги капитализма уничтожение острых инфекционных болезней эпидемического характера и снижение таким путем смертности:

«Капитализм с его мощным развитием производительных сил в культурных европейских странах обогащает эти страны и значительно понижает в них смертность» (А. Гротьян — «Социальная патология», стр. 13).

«Оспа, сыпной тиф и холера почти совершенно исчезли, число же жертв брюшного и возвратного тифов и дизентерии быстро сокращается» (там же, стр. 359).

Выше в связи с жилищным вопросом, уже указывалось на то, что побудило капитализм принять ряд мер против оспы, холеры и тифов. Однако, «капиталистический общественный порядок непрерывно воспроизводит бедствия, о лечении которых идет речь» (Энгельс). В городах метрополии капитализм действительно значительно снизил распространение эпидемических болезней. Однако, даже и тут снижение далеко отстает от тех возможностей, какие даются высокоразвитой техникой, уровнем развития медицинской науки, накопленными капитализмом средствами. Ликвидация эпидемичности даже в пределах метрополии оказывается для капитализма невыполнимой задачей. Даже такая богатейшая страна, как САСШ, не может справиться с тифом. Журнал Американского медицинского общества (Journal of the American Assotiation) от 9 мая 1931 г. публикует данные о смертности от тифозной лихорадки за 1930 г. в 93 городах САСШ. Эти данные представляют средние цифры, не дающие представления о частоте смертности от тифа в различных классах общества. Они представляют, однако, интерес в том отношении, что показывают значительные колебания смертности в различных городах САСШ, показывают, что смертность, в одном месте снижаясь, повышается в другом. Показатель смертности от тифа в 1930 г. составлял в Чикаго 0,6; Нью-Йорке — 0,9; Вашингтоне — 3,3; Новом Орлеане — 6,5; Нейвилле — 13,3, на 100 000 жителей. Снизившись сравнительно с 1929 г. в штате Новой Англии (1,23 в 1930 г. против 1,35 в 1929 г.) и некоторых других, этот показатель поднялся в штате South-Atlantic с 2,68 в 1929 г. до 3,87 в 1930 г.; в штате East-North Central с 0,96 до 1,4; в штате West North Central с 1,5 до 1,74.

В САСШ и в Англии нет обязательного оспопрививания. В 1931 г. в Англии было зарегистрировано 4185 случаев оспы, из них в Лондоне 1360 случаев («Office International d'Hygiène publique» № 1, 1932). Заболеваемость оспой в Англии за 1931 г. была почти вдвое выше, чем в СССР (в Англии 0,99 на 10 000 населения, в СССР — 0,55). Вместе с тем, сверхэксплоатация колоний и полуколоний связана с вымиранием трудящегося населения в этих странах, вымиранием, в значительной степени связанным с развитием эпидемий. Британская Индия — самый мощный очаг чумы во всем мире. По крайне неполным данным, там болеют чумой от 100 до 400 тысяч человек ежегодно. В провинциях Индии население ежегодно уменьшается на 3 чел. на 1000. От холеры ежегодно умирает в Индии около ¼ млн., от оспы — около 100 тыс., от малярии около 1 млн.

Детская смертность составляет там 400—600 на 1000 родившихся.

Такую же эпидемиологическую картину представляют колонии и полуколонии других империалистических стран. Ежемесячные эпидемиологические отчеты гигиенической секции Лиги наций не могут скрыть ни того факта, что Сенегал, Нигерия, Уганда, Марокко, Алжир и ряд других стран — постоянные очаги чумы, ни того, что французский Индокитай и американские Филиппины не покидаются холерой.

Чрезвычайная сессия постоянного Международного комитета общественной гигиены, собравшаяся в Париже 11—20 мая 1932 г., констатировала эпидемию холеры в Иране, эпидемию возвратного тифа, продол-

жающую свирепствовать в Судане («Révue d'Hygiène et de Médecine préventive» № 9, 1932, p. 718).

Китай, являющийся, как известно, ареной столкновения интересов ряда империалистических государств, ввозящих туда капиталы, представляет ужасающую эпидемиологическую картину. За последние 50 лет в Шанхае было 12 серьезных эпидемий холеры, унесших миллионы жертв. Крайне распространены такие инфекции, как малярия, дизентерия, сибирская язва, проказа. Сколько-нибудь точного учета заболеваемости нет. Весной 1931 г. в центральной части Китая было громадное наводнение, в связи с которым эпидемии распространились еще больше обычного.

По данным отчета гигиенической комиссии Лиги наций («Bulletin trimestriel de l'organisation d'Hygiène» — март 1932 г.), весна 1931 г. дала в одном Ханькоу около 5000 случаев дезинтерии, 1600 случаев холеры. Одновременно свирепствовали тяжелые формы сыпного тифа и оспы. Больницы Упея за период сентябрь — декабрь 1931 г. пропустили 38 055 маляриков. Наряду с этими инфекциями, чрезвычайное распространение имеет трахома, которой поражено от 20% (Южный и Западный Китай) до 40% (Северный Китай) населения.

Трахома не менее распространена в ряде колоний. Так, по данным Туляна (Toulant), трахомой поражены от 7 до 20% европейских школьников в Алжире и от 40 до 85% — детей туземцев. В Сенегале Лефевр (Lefèvre) насчитывает 33% трахоматозных школьников. В Либии их насчитывается до 85%. По данным, приведенным Суби-бем, на Амстердамском конгрессе в 1929 г. из 14 млн. населения Египта — 13 млн. трахоматозных. Тот же автор отмечает, что трахома щадит лишь немногочисленную аристократию. (Приведено по Culnod — «Le trachome en Afrique» в «Révue d'Hygiène et de médecine préventive, № 2, 1932). Капитализм ведет к вырождению миллионы трудящегося населения, обрекая их на голодное и полуголодное существование.

Из болезней, непосредственно связанных с ужасающими условиями питания, надо отметить бери-бери, связанную, как известно, с употреблением авитаминозной пищи. Бери-бери не только свирепствует в Китае и колониальной Африке; она уносит громадное количество жертв среди трудящихся такой высоко индустриальной страны, как Япония. Бери-бери уносит в Японии ежегодно от 10 до 20 тысяч жертв. Д-р Ироши Маки — автор «Статистического обзора смертности от бери-бери в Японии» («Révue d'Hygiène», № 9, ноябрь, 1932 г.) называет бери-бери национальной болезнью. Однако, приводимые им же статистические данные показывают, что эта «национальная» болезнь дает для индустриальных центров гораздо более высокие показатели общей и детской смертности, чем средние для всего населения. В 1929 г. смертность от бери-бери во всей Японии составляла 24,6 на 100 тыс. жителей. Между тем, показатель смертности для 21 города с населением свыше 100 тыс. достигал 57,4. «В больших городах население скучено (dense), оно живет в плохих гигиенических условиях и очень охотно потребляет («consomme très volontiers») крайне переработанный рис». Смертность от бери-бери детей до года во всей Японии составляла 6,4 на 1000 родившихся, тогда как в 21 индустриальном центре этот показатель доходил до 10,8.

Таким образом, если в крупнейших империалистических странах капитализм, в интересах безопасности буржуазии, достиг известного сни-

жения эпидемических болезней, то это сделано за счет миллионов жизней трудящихся колоний, гибнущих от тех же эпидемических заболеваний, от болезней голода и грязи.

Войны, которые велись между буржуазными государствами еще во второй половине прошлого века, сопровождались развитием эпидемий холеры, тифов, малярии в войсках. Эти эпидемии давали гораздо больше жертв, чем неприятельское оружие.

Энгельс в своих статьях о «Восточной войне 1853—1856 гг.», печатавшихся в «Нью-йоркской трибуне», отмечает это обстоятельство (статьи — «Об английском военном устройстве», «Крымская экспедиция»), непосредственно связывая его с скверной постановкой организации обслуживания армий в хозяйственном и санитарном отношениях. Дефекты организации значительно повышали также смертность от ранений. Организация снабжения и постановка санитарной службы в современных нам армиях передовых империалистических стран стоят значительно выше, чем во время Крымской войны.

Интересы боеспособности армии заставили буржуазию многое сделать в этом отношении. В мировой империалистической войне 1914—1918 гг. потери от эпидемий составляли по отношению к боевым потерям гораздо меньший процент, чем во все предыдущие войны.

Санитарная служба армий передовых капиталистических стран широко использовала достижения эпидемиологии и хирургии, сумела организовать ряд профилактических мероприятий, значительно уменьшивших эпидемическую заболеваемость в армии и стране.

Но и тут буржуазия «воспроизводит бедствия, о лечении которых идет речь».

Число жертв от боевых потерь и от болезней было в войну 1914 — 1918 гг. неизмеримо выше, чем во все предыдущие войны, как потому, что численность армий возросла во много раз, так и особенно в силу усовершенствования орудий истребления.

Подчеркнутая Энгельсом зависимость между состоянием обслуживания войск и их заболеваемостью имеет большое значение и в настоящее время. Война 1914—18 гг. убедительно показала эту зависимость.

Царская армия, в которой вся военная организация и в частности санитарная служба стояла неизмеримо ниже, чем в германской, французской, английской, американской армиях, несла значительно большие потери от болезней. Жизнь, практика подтвердила положение Энгельса. Она доказала несостоятельность теорий и посейчас распространенных среди эпидемиологов и санитарных статистиков (Яковенко и др.), считающих эпидемии фатально повторяющимися через ряд лет (Теория цикличности эпидемий).

Практика доказала совершенную ненаучность имеющихся в современной литературе попыток на основании данных о заболеваемости в русской армии во время империалистической войны вычислить «нормальную» заболеваемость армии в будущей войне.

Использование достижений науки и техники позволило буржуазии и в военное время и в мирное время в метрополиях достичь того, что эпидемические болезни уже не занимают первых мест среди причин смерти. Однако, на их место капиталистическое развитие выдвинуло другие, не менее опасные болезни. «Какой славный ряд болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии. Женщины лишаются способности ро-

жать, калечатся дети, ослабляется организм мужчин, дробятся, отрываются члены тела, целые поколения гибнут, зараженные всевозможными болезнями и бессилием — и все это для того, чтобы набить карманы буржуазии». Эти строки Энгельса («Положение рабочего класса в Англии») полностью приложимы к современной капиталистической действительности.

Те факты, которые сообщаются современной буржуазной социально-гигиенической литературой, которые попадают на страницы журналов, рисуют, конечно, далеко не полную картину социальной патологии трудящихся сегодняшнего дня в капиталистических странах. Но и эти факты говорят о многом. Ряд таких фактов уже приводился нами выше. Катастрофическое снижение рождаемости, значительный рост смертности, повышение заболеваемости — вот что характеризует социальное здоровье пролетариата капиталистических стран. Особенно тяжело положение подрастающего поколения. Отчет о конференции по сохранению попечения о юношестве (Konferenz zur Erhaltung der Jugendwohlfahrtspflege), состоявшейся в Берлине 7 декабря 1931 г., недаром помещен в «Archiv für Sociale Hygiene» (H. 1, 1932) под красноречивым заголовком — «Повышение юношеской нужды. Падение помощи. Что же произойдет?» (Was muss geschehen?). Докладчики говорили на конференции о «психозе разрушения» учреждений по охране здоровья подростков (докладчик д-р Маас), о колоссальном росте туберкулеза, рахита, нервных и др. болезней (д-р Церпер), о детях-ворах, проститутках, половых извращениях (Цилькен).

Из многочисленных болезней, созданных алчностью буржуазии, в первую очередь надо отметить туберкулез, венерические болезни и алкоголизм.

Маркс писал в свое время о том, что «чахотка и другие легочные болезни — условие существования капитала» («Капитал», т. I, гл. 13). Буржуазные социал-гигиенисты всячески доказывают, что капитализм повышает благосостояние широких народных масс, заработную плату, уменьшает цены на жизненные продукты, ведет к снижению туберкулеза. Готштейн в своем очерке о туберкулезе, помещенном в Гротьяновском социально-гигиеническом словаре, приводит даже специальную таблицу, демонстрированную в английском парламенте. Проф. Дыхно в своей «Социальной патологии» перепечатывает эту таблицу (стр. 49). Ее правильность не вызывает у него никаких сомнений. Ленин разоблачил лживость буржуазно-реформистских теорий о том, что при капитализме «благосостояние масс хотя и медленно, но растет.» Он с совершенной убедительностью доказал, что «рабочий нищает а б с о л ю т н о, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам.» Он доказал, что «богатство растет в капиталистическом обществе с невероятной быстротой — наряду с обнищанием рабочих масс» («Обнищание в капиталистическом обществе», т. XVI).

Наряду с ростом обнищания, растет и туберкулез. Как ни стараются буржуазные социал-гигиенисты доказать обратное, пользуясь тем фактом, что лишенные прав на пособия безработные не обращаются к врачам, что рабочие всячески скрывают заболевания из опасения быть выброшенными на улицу, — тем не менее ряд данных прямо указывает на рост туберкулеза.

Так, по данным миланских диспансеров, число первичных случаев tbc, в период с 1925 по 1931 гг. включительно, все время возрастало (с 2546 в 1925 г. до 5458 — в 1931 г.). Число случаев открытого туберкулеза, зарегистрированных в Нью-Йорке, выросло с 10 873 в 1927 г. до 11 794 — в 1931 г.

Относительные числа смертности от туберкулеза по городам САСШ дают за период 1927—31 г. соответственно такие показатели: 264, 270, 315, 324 на 100 тыс. жителей (данные гигиенической секции Лиги наций — «Arch. f. Soz. Hygiene» H. 5, ноябрь 1932 г.). Не надо забывать, что действительное число заболеваний неизмеримо выше этих цифр, относящихся только к зарегистрированным случаям.

Неизбежным и необходимым спутником капитализма, постоянно пополняющего резервную армию труда, является проституция. Как мы видели выше, помимо официальной проституции, в капиталистическом обществе всегда есть и будет неофициальная проституция. Рост проституции приводит к росту венеризации населения.

Утверждения ряда социал-гигиенистов (Дыхно и др.) о том, что на Западе «профессиональная проституция перестает играть роль главного основного источника венеризма» — столь же неверно, как и их многословные описания успехов ряда капиталистических стран в области социальной борьбы с венеризмом .

Бессилие капитализма в борьбе с венеризмом вынуждены теперь признать и буржуазные авторы.

В 1931 г. в Париже вышла в издании Международного общества борьбы с венеризмом книга д-ра Кавейона (Cavaillon) — генерального секретаря общества и руководителя делом борьбы с венеризмом французского министерства здравоохранения — «Мировое противовенерическое законодательство».

Автор, на основании изучения данных о венеризме в 60 странах и колониях, приходит к выводу, что все предпринятые меры не сделали борьбу с венеризмом «более эффективной». В самое последнее время в литературе раздаются громкие голоса в пользу отказа от всяких мер борьбы с проституцией, голоса призывающие считаться с фактом существования проституции. В этом отношении очень показательна статья Годюшо (A. Gauducheau) «Перипетии борьбы с венеризмом», в январском номере «Révue d'Hygiène» за 1933 г. Автор предлагает отказаться от всяких социальных мер борьбы с венеризмом и искать спасения на пути личной профилактики. Тот факт, что этот путь уже испробован, особенно в армии и флоте, и не дал сколько-нибудь серьезных реаультатов, — он пытается объяснить недостаточно тщательным применением соответствующих средств.

Капиталистическое законодательство бесильно в борьбе с венеризмом так же, как и с туберкулезом и алкоголизмом.

Энгельс показал, что вся обстановка жизни пролетария в условиях капитализма толкает его на пьянство. Условия труда и бытовая обстановка заставляют искать забвения в наркотическом действии алкоголя. «Все как-будто соединилось для того, чтобы сделать рабочего пьяницей. Водка — почти единственный источник наслаждения для них, и все как-будто толкает их к этому источнику». В этом же направлении действуют интересы получившей значительное развитие при капитализме, алкогольной промышленности.

Запрещение алкоголя, практиковавшееся в некоторых капиталистических странах (Финляндия, САСШ), не дало никаких результатов. Финляндия под давлением французских виноторговцев отменила противоалкогольный закон. В САСШ он действует и до сих пор, что нисколько не мешает росту пьянства за счет потребления контрабандного спирта при попустительстве заинтересованной в деле полиции.

Ни в какой мере не соответствуют действительности уверения Дыхно об успехах САСШ на противоалкогольном фронте, — о том, что «опыт Америки является поучительным с точки зрения оценки целесообразности запретительной системы и утверждения трезвых обычаев и нравов, оказывающих благотворное влияние на поднятие благосостояния народных масс» («Социальная патология», стр. 181).

В тысячу раз более прав Годюшо, который в упоминавшейся уже работе пишет: «Пуритане Америки декретировали запрещение алкоголя и отмену публичных домов. В результате их же правительственные агенты стали поставщиками водки и покровителями проституток» (Révue d'Hygiène № 1, 1933, p. 48). Статистика алкоголизма в капиталистических странах обычно сильно преуменьшена. Иногда она непосредственно исходит от прикащиков водочных фабрик, усердно доказывающих безвредность алкоголя. К числу таких работ относится, например, вышедшие в 1930 г. в Германии «Медико-статистические материалы по алкогольному вопросу.» Автор их Папрот, усердно подчеркивающий научную объективность своих данных, состоит на службе «Немецкого пивоваренного союза» в Берлине. Этот факт сообщает Гартвиг (директор Любекского государственного статистического института) в статье «Борьба с алкоголизмом и статистика» («Archiv f. Soz. Hygiene», 1931, H.6). Однако, публикуемые иногда данные о смертности от алкоголизма показывают рост употребления алкоголя в капиталистических странах.

Для примера укажем на опубликованные в журнале «Difesa Sociale» за февраль 1932 г. в статье Елены Фамбри данные о смертности от алкоголизма в Италии с 1895 по 1925 гг. За эти тридцать лет число смертных случаев от алкоголизма увеличилось почти в три раза: 1895—473, 1925—1261 (приведено по журналу «Office Internatiol d'Hygiène publique» № 10, октябрь 1932 г.).

Руководства по социальной патологии часто проходят мимо обширного круга созданных капитализмом профессиональных болезней и производственного травматизма.

Маркс, Энгельс, Ленин неоднократно подчеркивали неразрывную связь этих болезней с капиталистическим способом производства. В отрывках из их работ, помещенных в этой хрестоматии в разделах «Труд» и «Социальная патология» дан обширный материал по этим вопросам.

В эпоху империализма вместе с вывозом капитала в колонии туда транспортируется и туберкулез, и венерические болезни, и алкоголизм. Развитие там капиталистической промышленности в условиях сверхэксплоатации туземных рабочих насаждает профессиональные болезни и травматизм в ужасающих размерах. Все это вместе с эпидемиями, о которых речь шла выше, ведет к дегенерации и вымиранию туземного населения.

Работы буржуазных социал-гигиенистов по вопросам санитарного состояния колоний представляют собой верх лицемерия и цинизма. «Колонизация не имеет других целей, кроме облегчения положения некультурных народов, борьбы с невежеством, внедрения принципов санитарной профилактики и всяческой материальной и моральной помощи» — заявляет, например, проф. Поль Борда (Paul Bordas) в статье «Гигиена и санитарная профилактика на колониальной выставке» («Annales d'Hygiène publique, industrielle et sociale № 1, 1932). Такими высказываниями буквально пестрят «ученые» работы социал-гигиенистов империалистических стран. Но когда эти ученые защитники капитала оказываются вынужденными от общих фраз перейти к цифрам, тогда даже их работы дают значительный материал, вскрывающий подлинную картину вырождения населения колоний. Для примера укажем на статью д-ра Аббатучи (Abbatuci) — руководителя отдела социальной гигиены французской колониальной службы — «Материнство в Черной Африке» («Révue d'Hygiène» № 2, 1932), Автор — ярый колонизатор, он всячески стремится убедить читателя в наличии серьезных социально-гигиенических достижений во французских колониях. Но цифры и факты, им же приводимые, говорят о другом. Они говорят о болотной лихорадке, свирепствующей почти на всем протяжении Африки и дающей у детей до 80% смертельных исходов, о сонной болезни, угрожающей почти полным уничтожением Камеруна, об оспе, дизентерии, анкилостомиазе, о возвратном тифе, чуме, желтой лихорадке, уничтожающих племена черной Африки. Они говорят также об алкоголизме, развившемся благодаря ввозу водки белыми и «ведущему к дегенерации, несмотря на все законодательные меры.» Они говорят о туберкулезе, возникшем с тех пор, «как африканцы завязали сношения с метрополией». Они говорят о распространении венеризма на всей территории Африки, о поголовной сифилизации ряда племен, о гонорее, о том, что, например, в Дакаре, по данным Ног и Адама (Nogue et Adam)—85% женщин больны хроническим гонорейным метритом и 50% — гонорейным сальпингоофоритом. Эти данные заставляют д-ра Аббатучи с тревогой смотреть на будущее колонизации, требовать каких-то мер против вырождения, мер для «форсирования производства черных» (s'efforcer de fabriquer du Noir), подобно тому, как в метрополии приходится «форсировать производство белых» (цитированный журнал, стр. 106).

В свете приводимых Аббатучи данных не трудно оценить по достоинству то положение, которым проф. Борда заканчивает упоминаемую нами статью: «Как совершенно справедливо отмечает д-р Нево (Neveau), французы являются отличными колонизаторами».

Приведенные данные представляют общую характеристику социального здоровья в эпоху капитализма и особенности его в империалистический период. Капиталистической системе неизбежно присущи кризисы и войны, ведущие к ужасающему росту заболеваемости и смертности. Выше был уже приведен ряд данных о влиянии на социальное здоровье современного кризиса. Остановимся лишь на некоторых цифровых данных о влиянии войн.

Во франко-прусской войне 1870—71 гг. германская армия потеряла убитыми 17 572 чел., ранеными 94 766 чел., из которых 10 707 чел. умерло в лечебных заведениях.

За эту же войну в германской армии было 208 820 заболевших, из числа которых умерло 12 466 чел. К этому надо добавить распространение эпидемий в стране.

Оспа унесла в Германии втрое больше жертв, чем все боевые потери. Много жертв унесли в Германии паразитарные тифы.

Русско-турецкая, русско-японская войны сопровождались тифозными эпидемиями. Однако, все эти данные бледнеют в сравнении с теми жертвами, которые были вызваны империалистической войной 1914—18 гг.

Безвозвратные потери в армиях всех стран определяются в 10 млн. чел. По расчетам, основанным на данных Копенгагенского общества изучения последствий войны, война привела к инвалидизации примерно 7 175 000 чел.

Во всех странах было мобилизовано к концу войны 66 млн. чел. Между тем, «около 50% участников войны потерпели значительный ущерб в здоровье» (Ефремов — «Мировая война и ее последствия». Сборник ЦСУ). Ни в одной капиталистической стране нет статистики общей заболеваемости. Однако, данные об отдельных болезнях достаточно показательны, чтобы судить о влиянии войны.

Смертность от туберкулеза повысилась в Германии с 14,3 на 10 000 жителей в 1913 г. до 30,0 в 1917 г., а в Австрии соответственно с 25,9 до 40,0, в Англии — с 10,1 до 18,0.

О размерах венеризации армий говорят следующие цифры: первичный сифилис составлял в 1913 г. во французской армии 1,06 на 1000 состава, в 1917 г. достиг 21,0 на 1000. Примерно такое же соотношение было и в других армиях. Венеризация армии приводила к венеризации гражданского населения еще в больших размерах.

Эти и многие другие фактические материалы сегодняшнего дня полностью подтверждают положение классиков марксизма-ленинизма о том, что капитализм ведет к вырождению.

Санитарное состояние царской России стояло на значительно более низком уровне, чем в капиталистических странах Запада. Развивающийся капитализм вызвал быстрое распространение характерных для него социальных болезней, профессиональных болезней, травматизма. Наряду с этим, сохранение в экономике значительных остатков крепостничества, крайне низкий уровень общей и санитарной культуры приводил к распространению эпидемий и бытовых болезней.

Из числа инфекционных болезней надо отметить эпидемии паразитарных тифов, особенно крупные вспышки которых были в 1893 и 1908 гг.

Холерные эпидемии постоянно повторялись. Еще в 1910 г. холера унесла 230 тыс. человек.

Количество заболеваний оспой измерялось сотнями тысяч в год, малярией до 3 млн. в год, цынга в 1912 г. дала более 100 тыс. случаев.

В группе паразитарных болезней следует отметить чесотку, число случаев которой, зарегистрированных в 1914 г., превышало 5 млн. человек. Эта цифра, конечно, сильно преуменьшена, что станет ясно, если учесть, что 90% заболеваний зарегистрированы в деревне.

Число случаев трахомы, зарегистрированных в 1913 г., превышает 1 млн. Наряду с оспой, трахома являлась в России основной причиной слепоты.

Туберкулез и сифилис росли с чрезвычайной интенсивностью. Так, туберкулез легких вырос с 1900 по 1913 г. больше чем в два раза (1900 г. — 25,6 на 10 тыс., в 1913 г. — 55,9). Сифилис: в 1900 г. — 70 на 10 тыс., в 1913 г. — 77.

Развитие промышленности связано было с быстрым ростом травматизма и профессиональных болезней.

В 1912 г. коэфициент травматизма составлял 46 на 100 рабочих.

Национальная политика царизма, двойной гнет, которым подвергались национальные меньшинства, отображались в области их социальной патологии постоянными эпидемиями (чума, холера, оспа), поголовной венеризацией ряда районов, поголовным развитием чесотки и трахомы.

Царский бюджет был построен на спаивании трудового населения страны. Переселенческая политика царизма — политика внутренней колонизации — велась таким образом, что вызывала развитие среди переселенцев сыпняка, малярии, цынги, куриной слепоты.

В статье «Переселенческий вопрос» (т. XV) Ленин, использовав ряд официальных сообщений, дал яркую картину массовой заболеваемости переселенцев.

Ленин цитирует официальную записку наместника «его величества» на Кавказе, говорящую о том, что «после тифа не меньшие размеры приняла здесь цынга; почти во всех поселках, во всех избах есть больные этой болезнью или кандидаты к ней...»

«За цынгой и тифом следует куриная слепота. Можно встретить поселки, в которых буквально все переселенцы, без исключения, слепы...»

Ленин цитирует дальше земского уполномоченного князя Львова о санитарном положении переселенцев в Приамурье.

«Цынга и тиф захватывают истощенный организм и уносят его на кладбище. Во многих поселках 1907 г. прямо невероятная смертность 25 и 20%...»

Приводя эти данные, Ленин замечает: «Такие донесения попадаются на каждом шагу. Как ни ужасны эти официальные сообщения, видимо, они все же не договаривают того, что есть, и, таким образом, приукрашивают действительность».

Империалистическая война привела к дальнейшему ухудшению социального здоровья трудящихся. Эпидемии получили широкое развитие.

Так, заболеваемость брюшным тифом составляла в армии 25,1, паразитарными тифами 24,3, дизентерией — 16,5, холерой — 7,9 на 1000 состава (данные Аврамова). За январь—сентябрь 1917 г. заболело цынгой 283 646 чел.

Беженцы, число которых достигало по далеко неполным данным 3 200 000, разносили эпидемии по всей стране. Среди самой беженской массы отмечались высокий травматизм, резкое повышение общей заболеваемости и смертности, высокая нервно-психическая заболеваемость.

Таково было то наследство в области санитарного состояния страны, которое получил взявший в свои руки власть пролетариат. Контрреволюционная интервенция значительно способствовала дальнейшему развитию эпидемий на почве вызванных интервенцией голода, холода, транспортной разрухи.

Реализация выдвинутой в программе партии задачи решительного проведения «широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся» должна была пойти в первую очередь по линии борьбы с эпидемиями, особенно с сыпняком. В этот начальный период социалистического строительства, когда хозяйственное и санитарное состояние нашей страны было еще исключительно тяжелым, коренное различие между

нашей системой и капиталистической было уже совершенно ясным и в области борьбы с социальной патологией.

Задача оздоровления широких трудящихся масс, неразрешимая при капитализме, поставлена была на совершенно реальную почву Октябрьской революцией. Основной путь, которым шла и идет наша страна в области борьбы за ликвидацию социальной патологии, — путь разрешения основных политических и хозяйственных задач, выдвигаемых социалистическим строительством. Победа в гражданской войне, разгромы интервентов и белогвардейцев обеспечили возможность серьезно взяться за разрешение оздоровительных задач, в первую очередь за борьбу с эпидемиями. В 1919 г. положение на эпидемическом фронте достигло громадной остроты. Ленин в речи на 7-м Съезде советов говорил: «Товарищи, все внимание к этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей.» Ставя задачу — «стереть с лица земли русской сыпной тиф, — результат некультурности, нищеты, темноты и невежества»... — Ленин связывал эту задачу с очередными вопросами хозяйственного строительства. «Главное наше внимание мы должны уделить тому, чтобы укрепить этот наш фундамент — хлеб, топливо, борьба с сыпняком».

На базе социалистического строительства только и возможна борьба за ликвидацию социальной патологии, этого тяжелого наследия царской России. Это доказано опытом восстановительного периода, когда на основе нашего хозяйственного роста мы имели уже значительные достижения в борьбе с социальной патологией, почти полное уничтожение холеры, значительное снижение других эпидемий, резкое снижение смертности. Уже в 1923 г. прирост населения у нас составлял 19,6 на 1000, тогда как еще в 1921 г. была убыль населения (0,4 на 1000). Это с величайшей убедительностью доказывает опыт нашей борьбы и строительства в реконструктивный период, когда социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, значительно повысив материальное и культурное положение рабочих и крестьян, привели к ряду успехов в области борьбы с социальной патологией, в области укрепления социального здоровья. Именно так ставил вопрос тов. Сталин на XVI съезде партии. Он говорил там о том, что «поступательный рост обобществленного сектора как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства с точки зрения улучшения материального положения трудящихся означает численный рост рабочего класса, рост доли рабочих, не эксплоатирующих чужого труда трудящихся крестьян в народном доходе, рост реальной заработной платы, рост бюджета соцстрахования, рост расходов на охрану материнства и младенчества, на дошкольное воспитание, на рабочее жилищное строительство, увеличение роли общественного питания, переход значительной части индустриальных рабочих на 7-часовой рабочий день, развитие широкой сети домов отдыха, санаторий и курортов для рабочих и т. д.» Он говорил о том, что «все это создает такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество советской страны на должную высоту и защитить ее грудью от покушений со стороны врагов». Динамика показателей социального здоровья в нашей стране полностью подтверждает это положение. В области острых заразных заболеваний мы имеем сравнительно

с довоенным временем (1910—1914 гг.) снижение сыпного тифа в 3½ раза, брюшного тифа — в 3 раза, малярии — в 1½ раза, оспы — в 16 раз, возвратного тифа — в 18 раз (по данным за 1929 г.). Смертность от туберкулеза, составлявшая в Ленинграде в 1909—1913 гг. 345 на 100 000 населения, в 1930 г. составляла 214. Количество зарегистрированных в Союзе венерических заболеваний в 1927 г. составляло 94,07 на 1000 населения, в 1929 г. — 69,0. Мы не имеем возможности сравнить эту цифру и многие другие наши показатели с дореволюционными потому, что при крайне слабой доступности медпомощи трудящимся в царской России, основная масса болезней не регистрировалась. Но те данные, которые мы имеем, достаточны для того, чтобы с совершенной убедительностью утверждать, что социалистическое строительство обеспечило громаднейшие достижения в области борьбы с социальной патологией. Этот очевидный факт оказывается, однако, непонятым некоторыми социал-гигиенистами, которые, механистически перенося закономерности капиталистического мира в условия нашей страны, скатываются к прямой клевете на наше социалистическое строительство. В качестве примера таких «общих законов» социальной патологии приведем некоторые положения из «Социальной патологии» проф. Дыхно.

Этот автор устанавливает «параллелизм между ростом индустриализации и нарастанием туберкулеза в городах» (стр. 30), «общий закон повышения заболеваемости венболезнями в связи с ростом экономического состояния» (стр. 106) и ростом количества населения города (стр. 108). Он же утверждает, что «труд сам по себе может вызвать туберкулез» (стр. 50). В той же книге социалистическое строительство ставится в такого рода связь с социальной патологией: «Задачи социалистического строительства, требующие огромнейшей ответственности и напряжения нервно-психической энергии, способствуют росту неврастении и нервно-психических расстройств» (стр. 217).

Можно было бы значительно приумножить подобного рода примеры из «ученых» трудов различных авторов. Мы не видим, однако, в этом надобности. Приводившиеся нами факты и цифры о снижении общей заболеваемости, эпидемий, туберкулеза, венерических болезней показывают, какая цена этим утверждениям.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, что социал-гигиенист, не понимающий роли социалистического строительства как основного условия укрепления здоровья трудящихся, повторяющий «общие законы», установленные буржуазными и мелкобуржуазными социологами и социал-гигиенистами, неизбежно приходит к антинаучным, противоречащим действительности, выводам.

Наши политические и хозяйственные достижения обеспечивают разрешение задачи ликвидации соцпатологии. Но эта задача не может быть решена путем самотека. Ее решение предъявляет громадные требования к социалистическому здравоохранению и социальной гигиене.

Борьба за ликвидацию эпидемичности, за дальнейшее снижение заболеваемости, в частности за значительное снижение туберкулеза, вензаболеваний, алкоголизма — требует громадного напряжения со стороны теоретиков и практиков здравоохранения.

В нашей стране социальная патология — наследие капитализма, пережиток его, от которого мы должны и можем избавиться. Ликвидация соцпатологии в нашей стране — часть большой задачи уничтоже-

ния всех пережитков капитализма в экономике и сознании людей, разрешаемой строителями социализма в нашей стране. Активное участие в разрешении этой задачи — обязанность работников соцздравоохранения и соцгигиены.

Организация здравоохранения

Организация здравоохранения играет весьма существенную роль в деле повышения социального здоровья различных классов общества. Характер этой организации всегда определялся интересами господствующих классов.

Капитализм строит систему здравоохранения в своих собственных интересах. Основные черты организации здравоохранения в капиталистическом обществе вскрыты в трудах Маркса, Энгельса, Ленина.

Совершенно неудовлетворительную постановку медицинской помощи рабочим Энгельс рассматривал как одну из причин «физических недугов рабочего класса». Капитализм меньше всего заботился об обеспечении рабочих сколько-нибудь квалифицированной медицинской помощью. Он рассматривает здоровье как частное дело каждого, он объявляет его предметом купли-продажи. Деятельность филантропических учреждений — жалкие крохи, которые ни в какой степени не могут удовлетворить потребность трудящихся в медицинской помощи. В результате, рабочие часто остаются либо вовсе без помощи, либо вынуждены прибегать к разного рода шарлатанам.

«Английские врачи требуют больших денег за визит, а рабочие столько платить не в состоянии. Они вынуждены, поэтому, или не предпринимать ничего, или прибегать к помощи всевозможных шарлатанов, которые, в конце концов, им скорее вредят, чем помогают».

Так характеризовал Энгельс постановку медицинской помощи трудящимся в Англии 40-х годов прошлого века.

За те почти 90 лет, которые прошли со времени выхода в свет первого издания «Положения рабочего класса в Англии», многое изменилось в смысле **форм** организации медицинской помощи рабочим. Если во времена Энгельса организация медицинской помощи рабочим была только делом частной благотворительности, то в процессе классовой борьбы пролетариат вынудил буржуазию к таким уступкам, как организация в ряде стран социального страхования, как создание после империалистической войны департаментов и даже особых министерств здравоохранения.

Никакие реформы не уничтожают закона прогрессивного обнищания рабочих при капитализме. Это положение целиком применимо и к тем изменениям, которые произошли в области форм оказания медицинской помощи. Положение Энгельса о невозможности для рабочих «в случаях болезни пользоваться помощью искусных врачей» — верно и на сегодняшний день.

В обстановке всеобщего кризиса капиталистической системы, справедливость этого положения выступает с особенной отчетливостью. Социальное страхование свернуто до крайних пределов, особенно в Германии и Англии. Уже в период частичной стабилизации была значительно свернута деятельность министерств здравоохранения во Франции, Англии, Польше.

Беспощадно урезываются бюджеты этих министерств. Оказание лечебной помощи при капитализме всегда шло в основном по линии частной врачебной практики. В настоящее время свертывается и та нищенская помощь, которая оказывалась в государственных и коммунальных лечебных заведениях.

Директор социального гигиенического отделения Главного управления здравоохранения города Берлина д-р О. Швеерс (O. Schwéers) обосновывает необходимость фактически уже проведенного значительного сокращения родильной помощи, туберкулезной и венерической помощи, как и всех других разделов здравоохранительной работы (см. его статью «Sparmassnahmen der Stadt Berlin auf dem Gebiete der Gesundheitsfürsorge», Arch. f. Soz. Hyg.» 1932 г. H. 2).

Врачебная помощь сейчас не более доступна широким массам трудящихся, чем 90 лет тому назад. В условиях острой нужды в этой помощи — резкое «перепроизводство» врачей, значительная безработица среди них. И сейчас, как и в те времена, когда писалось «Положение рабочего класса в Англии», значительно распространена обращаемость к разного рода шарлатанам. По данным Дрезденской гигиенической выставки 1930 г. в Германии насчитывалось 50 000 шарлатанов и всего 36 000 врачей.

Деятельность государственной организации здравоохранения в основном сводится к ряду противоэпидемических мероприятий, нужных для сохранения жизни и здоровья самих капиталистов. В этом отношении очень показательна организация здравоохранения в такой крупнейшей капиталистической стране, как САСШ. Центральный орган — Управление здравоохранения (возникший в 1893 г.) — представляет департамент Министерства финансов. Из 8 отделов департамента — 6 осуществляют различные противо-эпидемические функции. Два других представляют собой: 1) службу венерических болезней, возникшую лишь в 1918 г. и 2) наркологическую службу, на которую возложены функции контроля за фабрикацией и продажей наркотиков. Таким образом ни вопросы охраны материнства и младенчества и охраны здоровья детей, ни противотуберкулезная борьба, ни санитарно-пищевой, ни санитарно-промышленный надзор, ни санитарно-жилищный надзор не являются функциям центрального органа, ведающего здравоохранением.

Правда, во всех этих вопросах штаты пользуются самостоятельностью. Во всех штатах существует противоэпидемическая организация. В большинстве штатов в той или иной форме существует противотуберкулезная организация, бюро борьбы с венерическими болезнями, санитарно-пищевой надзор, учреждения по охране материнства и детства. Зато санитарно-промышленный надзор существует лишь в 5 штатах: Миссисипи, Массачузетсе, Огайо, Конектикуте, Луизиане. На периферии (в графствах) санитарная организация введена лишь с 1913 г., но и в настоящее время из 3500 графств она существует лишь в 505.

Организационные формы здравоохранения в отдельных капиталистических государствах варьируют, но всюду сохраняют те же черты, которые особенно ярко представлены в организации здравоохранения САСШ. Всюду капиталистическое государство крайне ограничивает свою «заботу» о здравоохранении областью лечебного дела и по преимуществу по линии лечения заразных больных, а санитарное сводит

к противоэпидемическим мерам, предоставляя филантропическим организациям «заботу» о борьбе с туберкулезом, венеризмом, охране материнства и младенчества и т. д.

Еще в 1910 г. вице-президентом Британского медицинского общества Барром было высказано мнение, что «государство не должно помогать больным. Это не его дело. Больной представляет интерес только для своих родных, доктора и аптекаря. Если у государства есть лишние деньги, их следует затрачивать на то, чтобы сильным, здоровым и смелым жилось лучше». Эта точка зрения получает сейчас у буржуазных деятелей здравоохранения все большее распространение. Поднимаются голоса за ограничение деятельности частных благотворительных организаций в области здравоохранения, в частности противотуберкулезной. Государственным чиновникам представляется слишком обширным круг лиц, на которых распространяется деятельность частных учреждений, сомнительной их политическая благонадежность (см. статью д-ра Триоле в «Révue d'Hygiéne et de Méd. Sociale, ноябрь 1931 г., стр. 12).

Санитарно-полицейская организация, ведающая надзором за питанием и жилищем, теснейшим образом связана с фабрикантами, крупными торговцами и домовладельцами и зависит от них. Не менее тесно связаны с фабрикантами и заводчиками представители государственного санитарно-промышленного надзора.

Было бы грубейшей ошибкой, «левацким» загибом, если бы мы, критикуя теорию и практику капиталистического здравоохранения, отсюда сделали вывод о том, что в области здравоохранения нам нечему учиться у капиталистов.

Капитализм имеет ряд научно-технических завоеваний в различных отраслях, важных для дела здравоохранения.

Научные достижения в области бактериологии, вакцинно-сывороточного дела, в области дезинфекции и других санитарных установок, в таких санитарно-технических областях, как водоснабжение, канализация, удаление отбросов и нечистот, достижения в области больничного строительства, в различных сторонах лечебного дела, — всему этому мы можем и должны учиться.

Капиталистическое здравоохранение, несмотря на все эти достижения, в силу своей классовой сущности не только не может в какой бы то ни было степени оздоровить широкие массы трудящихся, но даже и не ставит своей задачей обеспечение их доступной и квалифицированной лечебной помощью.

Такие задачи впервые выдвигает перед здравоохранением диктатура пролетариата. Уже первые шаги ее в области здравоохранения связаны с реализацией мер, не осуществимых в рамках буржуазного общества: национализацией аптек, курортов, крупных частных лечебных заведений и т. д.

Ближайшие задачи, поставленные в области здравоохранения программой ВКП(б): решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, борьба с социальными болезнями, обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи — могут ставиться и разрешаться только после победы пролетариата, только в процессе социалистического строительства. Диктатура пролетариата впервые в истории обеспечила возможность строительства дела здравоохранения самим рабочим классом,

в его собственных интересах, в интересах широких трудящихся масс. Эта классово-пролетарская сущность нашего здравоохранения принципиально отличает его от всех разновидностей здравоохранения в капиталистических странах.

Это коренное различие оказалось непонятым рядом работников советского здравоохранения и социал-гигиенистов.

Отсюда — ряд теоретических ошибок и в частности отождествление принципов советской медицины с земской и городской медициной дореволюционной России. Отсюда — крупнейшие ошибки в практике строительства здравоохранения, на которых остановимся несколько ниже.

Реализация основных принципов партийной программы в области здравоохранения на отдельных этапах нашего социалистического строительства выдвигала в порядок дня различные стороны оздоровительной и лечебной работы.

В период борьбы с белогвардейцами и интервентами все внимание трудящихся нашей страны было привлечено к Красной армии, к задачам помощи ей, укреплению фронтов и тыла. Эта задача определила собой и содержание работы нашего здравоохранения. Помощь раненому красноармейцу, борьба с эпидемиями на фронте и в тылу — вот что было тогда главным, основным в работе здравоохранения.

Немедленно вслед за победоносным окончанием гражданской войны задачей здравоохранения было ликвидировать санитарные последствия империалистической войны и интервенции. В 1920 г. Ленин призывал: «к победе на фронте бескровной войны, против голода и холода, против сыпняка и разорения, против темноты и разрухи». Он подчеркивал при этом, что «эта бескровная война навязана нам тем разорением, которое вызвано трехлетней империалистической, двухлетней гражданской войной». («Коль война — так по-военному», т. XXV).

В том же году в речи на Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда Ленин говорил о том, что «всю решительность, весь опыт гражданской войны мы должны обратить на борьбу с эпидемиями».

Здравоохранению того периода пришлось решать стоявшие перед ним задачи, опираясь на те кадры, которые остались в наследство от капиталистического строя, привлекая их к работе, используя их опыт. Ленин подчеркивает важность этой задачи, одновременно указывая, что в процессе своего сотрудничества с пролетариатом медицинские работники убеждаются в том, что только пролетарское государство может по-настоящему разрешить проблему оздоровления страны.

На съезде работников Медсантруда Ленин говорил: «Когда-то представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу, когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя. Теперь и они убедились, что только вместе с пролетариатом можно привести Россию к культурному расцвету. Сотрудничество представителей науки и рабочих — только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано».

Ленин подчеркивал в те годы то колоссальное значение, которое имеет борьба за чистоту в разрешении оздоровительных задач. Ликвидация веками накапливавшейся грязи — результата вековой тьмы, некуль-

турности и невежества, которые насаждались капиталистическим строем — задача не одного дня и года.

Указание Ленина о решительной борьбе за чистоту имеет громадное значение для работы нашего здравоохранения и на современном этапе. Ленин связывал задачу борьбы за чистоту с необходимостью образцовой постановки работы в наших культурно-бытовых и лечебных учреждениях. Эта мысль с особой силой подчеркнута в его работе «Великий почин».

Реализация этого важнейшего указания Ленина — задача нашего здравоохранения и на сегодняшний день.

Достигнутые в период восстановления нашего народного хозяйства успехи на экономическом и культурном фронте дали возможность нашему здравоохранению значительно расширить размах и углубить содержание своей работы, добиться ряда больших достижений.

За эти годы сильно возросла лечебная сеть как амбулаторная, так и стационарная. Заново организована помощь на дому. Широко развернулось строительство санаторий, домов отдыха и курортов. Впервые была развернута работа в области борьбы с профессиональной патологией. Выросла сеть туберкулезных и венерических диспансеров. Многое было сделано в области охраны материнства и младенчества, охраны здоровья детей и подростков. Широкий размах получила санитарно-просветительная работа. Создан ряд научно-исследовательских институтов в различных областях медицины и здравоохранения. Особенно много было сделано в крупных промышленных центрах. Пленум ЦК ВКП(б) в июне 1931 г. отметил в своих постановлениях ряд крупнейших достижений здравоохранения в Москве. Не мало было сделано и в сельском секторе. Примерно с 1925 г. начался рост и укрепление сельских медицинских участков. В содержание их работы, кроме лечебного дела, была включена охрана материнства и младенчества, борьба с социальными и бытовыми болезнями, организация крестьянской самодеятельности в области проведения санитарно-оздоровительных мероприятий.

Разрешение проблемы коренного оздоровления села упиралось в этот период в мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство.

Уже в восстановительный период была проведена большая оздоровительная работа на окраинах, среди национальных меньшинств, почти вовсе лишенных медицинской помощи при царизме, обреченных царизмом на вырождение и вымирание. Во всей Калмыцкой области в 1913 г. было 5 больниц и 6 врачей. Уже в 1926 г. там было 14 врачебных участков, 10 больниц, 26 врачей, 52 фельдшера, 11 акушерок.

Быстро вымиравшее при царизме население Кольского полуострова — лопари, в связи с приближением их к социалистическому строительству (Хибиногорск), в связи с возникновением и развитием медицинского обслуживания, теперь буквально возрождаются. В 1930 г. прирост населения среди лопарей составлял 6,6 на 1000 («Социалистическое здравоохранение» № 5—6, 1932 г.).

Период реконструкции нашего народного хозяйства выдвинул новые задачи перед здравоохранением, потребовал его коренной перестройки.

Органы здравоохранения запоздали с перестройкой. ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 23 декабря 1929 г., констатировав огромные достижения советской медицины, подчеркнул, что «темп развития дела

здравоохранения значительно отстает от роста всего народного хозяйства страны и потребностей всего рабочего класса и крестьянства, слабо развита общественность в работе органов здравоохранения, совершенно недостаточно участие в их работе профсоюзов, особенно союза Медсантруд, недостаточно внимание со стороны местных партийных и советских организаций к вопросам здравоохранения, слаб руководящий аппарат органов здравоохранения, в частности мало рабочих, и, наконец, неудовлетворительно руководство со стороны «наркомздравов союзных республик их местными органами». Те указания, какие даны в этом постановлении ЦК, для изжития указанных недостатков, имеют громадное принципиальное значение в деле поднятия на высокий уровень всего нашего здравоохранения.

ЦК подчеркнул прежде всего необходимость во всей практической работе здравоохранения четко отразить классовую пролетарскую линию. Это означает необходимость особого внимания к вопросам улучшения лечебной и профилактической работы в промышленных центрах, в ведущих отраслях промышленности. ЦК предложил совнаркомам СССР, РСФСР и УССР «провести ряд широких мероприятий по санитарному оздоровлению» Донбасса, Кузбасса и Урала. Эта часть постановления имеет громадное значение для повышения социального здоровья как в этих важнейших промышленных районах, так и во всей стране. Большое принципиальное значение имеет указание ЦК о том, что «развертывание работы в деревне должно быть увязано с колхозным и совхозным строительством».

Социалистическое здравоохранение всегда строилось на началах широкой самодеятельности и активности трудящихся. Однако, в реализации этого принципа далеко не были использованы все предоставляемые советской системой возможности. ЦК подчеркнул необходимость «оживления работы секций советов по здравоохранению, здравячеек на предприятиях и комиссий по охране труда при фабзавместкомах, комиссий по оздоровлению труда и быта при лечебно-профилактических учреждениях, жилищно-санитарных комиссий, оживления деятельности экономсовещаний здравоорганов, поощрения социалистического соревнования и большего привлечения к работе делегатских собраний работниц и крестьянок.

Указание ЦК о необходимости «усилить привлечение медработников к социалистическому строительству (участие в экономработе, социалистическое соревнование), одновременно укрепляя в их рядах трудовую дисциплину» — имеет громадное значение и на сегодняшний день.

Те значительные дефекты, которые мы имели в области здравоохранения и от которых оно далеко еще полностью не избавилось и теперь, непосредственно связаны с ослаблением классовой бдительности на фронте теории и практики здравоохранения. Некоторые работники здравоохранения забывали о том, что сопротивление гибнущих эксплоататорских классов принимает особенно острые формы, что классовый враг стремится проникнуть в каждый участок нашего экономического и культурного строительства.

Напомним, например, что в числе подсудимых на процессе «Союза вызволения Украины» были видные представители медицины, проводившие вредительство в области лечебного дела. В Московской области в течение 1931 г. и ряда предшествующих лет борьба с эпидемиями не-

прикрыто саботировалась группой сценов, которым право-оппортунистическое руководство здравоохранением передоверило этот ответственный участок своей работы.

Постановление Московского комитета ВКП(б) от 13 марта 1931 г. отметило наличие право-оппортунистической практики в строительстве дела здравоохранения в Московской области. Конкретным выражением правого оппортунизма было отсутствие четкой, классовой линии, отсутствие рабочего актива, слепое доверие к работе ряда чуждых по своей идеологии специалистов, приведшее к прорыву в противоэпидемической борьбе; зажим самокритики, слабое развертывание социалистического соревнования и ударничества.

Это постановление Московского комитета имело и имеет большое значение не только для Москвы и Московской области, но и для всего нашего здравоохранения.

Задачи борьбы с остатками разгромленного классового врага, с влиянием его идеологии, чрезвычайно актуальны и на сегодняшний день во всех областях нашего строительства и для здравоохранения в том числе. С ними непосредственно связаны задачи борьбы со всеми уклонами от генеральной линии партии и прежде всего с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе.

Постановление Московского комитета имеет большое значение и в том отношении, что подчеркивает необходимость бдительности и на фронте теоретической борьбы в области медицины и здравоохранения. Недостаточная четкость классовой линии в здравоохранении находила свое теоретическое обоснование в работах Обуха, Каца и др., в механистическом подходе к ряду вопросов здравоохранения, в проповеди построения здравоохранения на началах мелкобуржуазной уравнительности.

Теоретические работы группы меньшевствующих идеалистов в области медицины (Левит и др.) не только не способствовали разоблачению механистов, но и часто прямо смыкались с ними.

Преодоление дефектов в области здравоохранения настоятельно требует разрешения проблемы медицинских кадров. Постановление ЦК от 1 июня 1931 г. указывает конкретные пути для дальнейшего количественного роста и улучшения качества подготовки этих кадров. Подчеркивая задачу внедрения марксистско-ленинской методологии в научной работе, задачу борьбы с враждебными теориями, постановление ЦК отмечает, что «необходимо создать условия для подлинного овладения коммунистами медицинской наукой и техникой, используя вместе с тем кадры беспартийных специалистов и создавая им товарищеские условия в их работе».

Это постановление ЦК дает руководящие указания в области подготовки средних и высших медицинских кадров, подготовки аспирантов, научных работников, перестройки медицинской науки.

Перестроившись на основе руководящих указаний высших партийных органов, социалистическое здравоохранение добилось в последние годы ряда новых крупных успехов. Пятилетка здравоохранения в 4 года значительно перевыполнена. Остановимся только на некоторых показателях.

В 1927—1928 гг. в РСФСР мы имели 178 тыс. больничных коек (в 1913 г. — 121 тыс.). По плану к концу первой пятилетки намечалось

увеличить число их до 280 тыс. Фактически развернуто к концу 1932 г.— 318 тыс. коек.

По плану намечалось в 1932—1933 гг. 4502 здравпункта, фактически в 1932 г. — 5400.

Число сельских врачебных участков возросло с 4980 в 1927 г. до 8000 в 1932 г. Ведущим звеном здравоохранения в промышленных центрах стал здравпункт на предприятии, в цехе. Здравоохранение включилось в общую борьбу за повышение производительности труда. Оно добилось в последние годы снижения заболеваемости рабочих, сберегая этим значительные средства для социалистического строительства. Многое сделано для реализации постановления ЦК об улучшении обслуживания совхозов и колхозов.

На основе наших хозяйственных успехов значительно повысились материальные ресурсы здравоохранения. Бюджет здравоохранения, составлявший в 1929 г. 610 млн. руб., в 1933 г. возрастает до 2,5 млрд. Очередные задачи всего нашего социалистического строительства, предусмотренные решениями пленума ЦК в январе 1933 г., определяют ближайшие пути нашего здравоохранения. Улучшение качества обслуживания должно быть выдвинуто на первое место в связи с общими задачами повышения производительности труда. Задача освоения техники полностью приложима и к здравоохранению.

Дальнейший рост материального и культурного уровня трудящихся, увеличение в 1933 г. на 20% сравнительно с 1932 г. общего объема затрат на обслуживание социальных и культурных нужд в высокой мере способствуют разрешению стоящих перед нами здравоохранеческих задач.

Большое значение в этом отношении имеет рост социального страхования.

В условиях капиталистического общества требование государственного страхования рабочих на случай потери трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства, вытекает из того, что «та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва ли хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей» (Ленин, т. XV). Написанная Лениным страховая программа пролетариата служит и на сегодняшний день основой требований, выдвигаемых революционным рабочим движением в капиталистических странах. Ни в одной буржуазной стране эти требования не осуществлены и не могут быть осуществлены. Те частичные уступки в области социального страхования, какие были сделаны буржуазией в ряде стран, под напором революционного рабочего движения, при первой возможности берутся назад.

Сейчас же после Октябрьской революции в нашей стране полностью была реализована ленинская страховая программа. Вместе с тем «в результате мощного развития народного хозяйства и быстрого темпа индустриализации страны социальное страхование превратилось в важнейший фактор улучшения быта, материального и культурного положения рабочего класса» (постановление ЦК о социальном страховании от 28 сентября 1929 г.). Это коренным образом отличает социальное страхование у нас от положения его в капиталистических странах.

У нас социальным страхованием охвачен весь рабочий класс — 22 млн. человек. Бюджет социального страхования вырос от 1 млрд. руб. в 1928—1929 г. до 4,5 млрд. в 1933 г.

Социальное страхование вместе с здравоохранением является одним из мощных средств борьбы за повышение производительности труда. Из этой установки должны исходить практика нашего соцстраха, как и теоретическая разработка основных, связанных с ним вопросов.

Постановление ЦК о социальном страховании отмечало в качестве одного из его существенных недостатков слабость научной работы в этой области. В теории социального страхования имели место попытки проведения буржуазных установок, смазывание коренного различия социального страхования у нас сравнительно с капиталистическим (Вигдорчик, Забелин, Тетенборн, Ярощкий и др.). Эти теоретические установки нашли свое отражение в правооппортунистической практике, имевшей место в органах НКТ СССР и ВЦСПС до смены руководства в них.

Теоретическая разработка вопросов социального страхования на основе марксистско-ленинской методологии является важнейшей задачей социальной гигиены.

СОСТАВИТЕЛИ

Ленинград.
1933 г. Январь.

I ТРУД

СОЦИАЛЬНОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ В ТРУДЕ

«Труд создал самого человека»

Труд — источник всякого богатства, утверждают экономисты. Труд действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие человеческого существования, — и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

Много сотен тысячелетий тому назад, в еще не поддающуюся точному определению эпоху того периода в развитии земли, который геологи называют третичным, предположительно к концу этого периода, жила где-то в жарком поясе — по всей вероятности, на обширном материке, ныне находящемся на дне Индийского океана, — необычайно высокоразвитая порода человекоподобных обезьян. Дарвин дал нам приблизительное описание этих наших предков. Они были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши и жили стадами на деревьях.

Первым следствием обусловленного их образом жизни обычного им способа передвижения (лазать, карабкаться), при котором руки выполняют совсем другие функции, чем ноги, было то, что эти обезьяны постепенно перестали пользоваться руками при передвижении по поверхности земли, стали усваивать прямую походку. **Этим был сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку.**

Все еще ныне живущие человекоподобные обезьяны могут стоять прямо и двигаться при посредстве одних ног, но только кое-как и беспомощно. Их естественное передвижение совершается в полувыпрямленном положении и предполагает употребление рук. Большинство из них упирается тыльными сторонами сжатых в кулак пальцев рук в землю и продвигает тело, с поднятыми в воздух ногами, между длинными руками, подобно хромому, двигающемуся при помощи костылей. В общем мы и теперь еще можем наблюдать у обезьян все переходные ступени от хождения на четвереньках до хождения на двух ногах. Но ни у одной из них последнее не стало нормальной формой передвижения.

Чтобы прямая походка могла стать у наших волосатых предков сначала правилом, а потом и необходимостью, нужно было, чтобы руки уже раньше специализировались на других функциях. Уже у обезьян существует известное разделение функций между руками и ногами.

Как уже раньше замечено было, при лазании пользуются руками иначе, чем ногами. Первыми пользуются преимущественно для целей собирания и удержания пищи, как это уже делают некоторые низшие млекопитающие при помощи своих передних лап. При помощи рук некоторые обезьяны строят себе гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Руками они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последних плодами и камнями. При помощи рук они выполняют в плену целый ряд простых операций, подражая соответствующим действиям людей. Но именно тут-то и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее подобных человеку обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и мускулов одинаковы у обеих, и тем не менее даже рука первобытнейшего дикаря способна выполнить сотни работ, не доступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа.

Поэтому операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку, на протяжении многих тысячелетий, постепенно научились приспособлять свои руки, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари, даже такие, у которых приходится предположить возврат к звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят выше тех промежуточных существ. До того, как первый булыжник, при помощи человеческих рук, мог превратиться в нож, должен был, пожалуй, пройти такой длинный период времени, что, в сравнении с ним, знакомый нам исторический период является совершенно незначительным. Но решительный шаг был сделан, **рука стала свободной** и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению.

Рука, таким образом, является не только органом труда, **она также его продукт.** Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особенного развития мускулов, связок, и, за более долгие промежутки времени, также и костей, так же как благодаря все новому применению этих передаваемых по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.

Но рука не была чем-то самодовлеющим. Она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма. И то, что шло на пользу руке, шло также на пользу всему телу, которому она служила, и шло на пользу в двояком отношении.

Прежде всего, в силу того закона, который Дарвин назвал законом соотношения роста. Согласно этому закону, известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, повидимому, ни в какой связи с первыми не стоят. Так, например, все без исключения животные, которые обладают красными кровяными клетками без клеточного ядра и у которых затылок соединен с первым позвонком при помощи двух суставов, обладают также молочными железами для кормления детенышей. Так,

у млекопитающих животных разделенные копыта обыкновенно связаны с обладанием сложным желудком для производства жвачки. Изменения известных форм влекут за собой изменение формы других частей тела, хотя мы еще не в состоянии объяснить эту связь. Совершенно белые кошки с голубыми глазами всегда или почти всегда оказываются глухими. Постепенное усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке, несомненно, оказали, в силу закона соотношения, влияние и на другие части организма. Однако этого рода зависимость еще слишком мало исследована, и мы вынуждены ограничиться здесь лишь одним констатированием этого факта.

Значительно важнее прямое, поддающееся учету воздействие развития руки на остальной организм. Наши предки — обезьяны, как уже сказано, — были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека этого наиболее общественного из всех животных, от не-общественных ближайших предков. Начинавшееся, вместе с развитием руки и труда, господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась **потребность что-то сказать друг другу.** Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, постепенным усилением модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение развития языка из процесса труда и вместе с ним является единственно верным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иное, когда оно приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким переживаниям, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности, которые раньше им были чужды. Всякий, кому приходилось иметь дело с такими животными, едва ли будет отрицать, что **теперь** часто бывают случаи, когда они ощущают, как недостаток, свою неспособность к членораздельной речи. К сожалению, однако, их голосовые органы настолько уже специализированы в определенном направлении, что этому горю их уже никак помочь нельзя. Там, однако, где условия органа для этого более благоприятны, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Голосовые органы птиц отличаются, конечно, радикально от соответствующих органов человека. Тем не менее, птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и именно птица с нап-

более отвратительным голосом, попугай, обладает этой способностью в наибольшей мере...

Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов чувств. Как постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна обладает в грубой, неразвитой форме, развилось у человека рядом с развитием самой руки, при посредстве труда. Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов и в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже прерываемый попятным движением, в общем могуче шествовал вперед, сильно подгоняемый с одной стороны, а с другой — толкаемый в более определенном направлении новым элементом, возникшим с появлением готового человека — **обществом.**

Сотни тысяч лет — в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека[1] — наверно протекли, прежде чем возникло человеческое общество из стада карабкающихся по деревьям обезьян. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же мы снова находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В **труде.** Стадо обезьян довольствовалось тем, что пожирало готовые от природы запасы пищи, размеры которых определялись географическими условиями или степенью сопротивления соседних стад. Оно кочевало с места на место, добиваясь, путем борьбы, новой, богатой кормом, области, но оно было неспособно извлечь из доставляющей ей корм области больше того, что эта область давала от природы, за исключением разве того, что это стадо бессознательно удобряло почву своими экскрементами. Как только все области, богатые кормом, были заняты, рост обезьяньего населения должен был приостановиться; в лучшем случае это население численно могло остаться на одном и том же уровне. Но все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост. Волк, в противоположность охотнику, не щадит козули, которая в ближайшем году должна была бы доставить ему козлят; козы в Греции, которые пожирают все мелкие кустарники, не давая

[1] Авторитет первого ранга в этой области, В. Томсон, вычислил, что *немногим более сотни миллионов лет*, вероятно, прошло с тех пор, как земля настолько остыла, что на ней могли жить растения и животные.

им подрасти, оголили все горы страны. Это «хищническое хозяйство» животных играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспособляться к новым, необычным родам пищи, благодаря чему кровь приобретает другой химический состав, и вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают. Нет никакого сомнения, что это хищническое хозяйство необычайно способствовало очеловечению наших предков. У той расы обезьян, которая превосходила все остальные смышленностью и приспособляемостью, это хищническое хозяйство должно было привести к тому, что все большее и большее количество новых растений, а из этих растений все большее количество съедобных частей, стало употребляться в пищу; одним словом — к тому, что пища стала более разнообразной, следствием чего было проникновение в организм все более разнообразных элементов, создавших химические предпосылки очеловечения. Но тут еще труд, в собственном смысле слова, не играл никакой роли. Процесс труда начинается только при изготовлении орудий. А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим, — наиболее древние, судя по найденным при раскопках предметам утвари доисторических людей и по образу жизни наиболее ранних исторических народностей и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собою орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и предметами вооружения. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на путй к очеловечению. **Мясная пища** содержит в почти готовом виде наиболее важные элементы, в которых нуждается организм для своего обмена веществ. Мясная пища сократила как процесс пищеварения, так и продолжительность других, соответствующих явлениям растительного царства растительных процессов в организме и сберегла этим больше времени, элементов и энергии для активного выявления животной, в собственном смысле слова, жизни. И чем больше формирующийся человек удалялся от растительного царства, тем более он возвышался также над животными. Как приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи рядом с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и приучение к мясной пище рядом с растительной чрезвычайно способствовало увеличению физической силы и самостоятельности формирующегося человека. Наиболее существенное влияние, однако, мясная пища оказала на мозг, получивший, благодаря ей, в большем количестве, чем раньше, вещества, в которых он нуждается для своего питания и развития, что дало ему возможность быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение. Рискуя навлечь на себя гнев господ вегетарианцев, приходится признать, что мясная пища явилась необходимой предпосылкой развития человека, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собой даже людоедство (предки берлинцев, велатабы или вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нам теперь до этого нет никакого дела.

Введение в потребление мясной пищи привело к двум усовершенствованиям, имеющим огромное значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое сократило еще более процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу;

второе обогатило запасы мясной пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее можно было регулярно черпать, и доставило в виде молока и его продуктов новый, по разнообразию элементов, равноценный мясу, предмет питания. Таким образом, оба эти усовершенствования стали непосредственно средствами эмансипации для человека. Останавливаться здесь подробно на их косвенных последствиях, как ни важны они были для развития человека и общества, мы не можем, так как это отвлекло бы нас слишком в сторону.

Подобно тому как человек научился потреблять все съедобное, он научился также жить во всяком климате. Он рассеялся по всему обитаемому миру; он — единственное животное, которое в состоянии было это сделать. Другие животные, сумевшие повсюду акклиматизироваться, делали это не самостоятельно, а следуя за человеком, как, например, домашние животные и насекомые. И переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится между зимой и летом, создал новые потребности, потребности в жилище и платье для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые области труда, новые формы активности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной работе руки, органов речи и мозга, не только у каждого индивидуума, но и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Процесс труда становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение, ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходный промысел. Наряду с торговлей и промыслами появились искусство и наука. Из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ним то фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове, которое представляет собой религия. Перед всеми этими образованиями, которые представлялись сначала продуктами головы, господствующими над обществом, отступали на задний план более скромные произведения человеческой руки, тем более что голова, имевшая задачу составлять планы для трудовых операций, уже на очень ранней ступени развития (например уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки заняться практическим выполнением своих предначертаний. В голове, в развитии и деятельности мозга видели единственных двигателей быстро развивающейся цивилизации. Люди привыкли при объяснении своих действий исходить из своего мышления, а не из своих потребностей (которые, конечно, отражаются в голове, осознаются), и таким образом возникло с течением времени то идеалистическое миросозерцание, которое с эпохи падения античного мира владело умами. Оно владеет и теперь ими в такой мере, что даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как в силу влияния этого идеалистического миросозерцания, они не видят роли, которую играл при этом труд.

Животные, как уже было вскользь упомянуто, изменяют своей деятельностью внешнюю природу так же, если и не в такой же мере, как человек, и эти совершаемые ими изменения окружающего оказывают, как мы видим, обратное влияние на виновников этих изменений.

Ибо в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление воздействует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи. Мы видели, как козы сделали невозможным новое облесение Греции; на острове св. Елены козы и свиньи, привезенные первыми колонистами, сумели истребить без остатка всю старую растительность острова и этим подготовили почву для распространения других, привезенных позднее шкиперами и колонистами растений. Но если животные оказывают прочное влияние на окружающую природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к этим самым животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных, направленных к определенным, заранее намеченным целям, действий. Животное уничтожает растительность какой-нибудь местности, не ведая, что творит. Человек же ее уничтожает, чтобы на освободившейся почве посеять полевые плоды, насадить деревья или разбить виноградник, которые — он это знает — вознаградят сторицей его труд. Он переносит культурные растения и домашних животных из одной страны в другую и изменяет таким образом флору и фауну целых частей света. Более того. При помощи разных искусственных приемов выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что они становятся неузнаваемыми. Те дикие растения, от которых ведут свое происхождение наши хлебные культуры, еще до сих пор не найдены. От какого дикого животного происходят наши, между собой столь различные собаки или наши многочисленные лошадиные породы, — является еще и по сию пору спорным.

Ясно, впрочем, само собой, что мы не думаем отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям. Напротив, планомерный образ действий существует в зародыше везде, где есть протоплазма, где живой белок существует и реагирует, т.е. совершает хотя бы самые простые движения как следствие определенных раздражений извне. Такая реакция имеет место уже там, где еще нет никакой клетки, не говоря уже о нервной клетке. Прием, при помощи которого насекомоядные растения захватывают свою добычу, представляется тоже в известном отношении планомерным, хотя совершается совершенно бессознательно. У животных способность к сознательным, планомерным действиям развивается параллельно развитию мозговой системы и достигает у млекопитающих высокой ступени развития. При охоте на лисицу в Англии можно ежедневно наблюдать, как безошибочно лисица умеет применять свое великолепное знание местности, чтобы скрыться от своих преследователей, и как хорошо она знает и умеет использовать все благоприятные для нее свойства местоположения, прерывающие ее след. У наших — благодаря общению с людьми более высоко развитых — домашних животных можно ежедневно заметить акты хитрости, стоящие на одинаковом уровне с такими же актами у детей. Ибо, подобно тому как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой только сокращенное повторение развертывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же пред-

ков, — по крайней мере, более поздних. Но все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это смог сделать только человек.

Коротко говоря, животное **пользуется** только внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же своими изменениями заставляет ее служить своим целям, **господствует** над ней. И это последнее — важное отличие человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду (облагорожение).

Не будем, однако, слишком, обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первой линии те последствия, на которые мы рассчитывали, но во второй и третьей линии совсем другие, непредвиденные последствия, которые слишком часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, в Греции, в Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы добыть таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему опустошению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров собирания и хранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубили на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни скотоводству их области; еще меньше они предвидели, что этим лишают свои горные источники воды на бо́льшую часть года, с тем еще эффектом, что тем более бешеные потоки они будут изливать в долину в период дождей. Распространители картофельной культуры в Европе не знали, что они одновременно с мучнистыми клубнями распространяют и золотуху. Так, на каждом шагу мы волей-неволей замечаем, что мы ни в коем случае не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, как кто-либо, находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и внутри нее находимся, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем постигать и правильно применять ее законы.

И мы, в самом деле, с каждым днем научаемся правильнее понимать ее законы и постигать как наиболее близкие, так и наиболее отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход.

В частности, после мощного движения вперед естественных наук в нашем столетии, мы станем все более и более способными предвидеть, а благодаря этому и регулировать, наиболее отдаленные последствия, по крайней мере, наших наиболее обычных производительных процессов. И чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, — представление, возникшее в Европе в период упадка классической древности и нашедшее свое высшее развитие в христианстве.

Но если уже потребовались тысячелетия для того, чтобы мы научились учитывать заранее отдаленные **естественные** последствия нашей, направленной на производство деятельности, то еще труднее нам

давалась эта наука в отношении **общественных** последствий этих действий...

Когда арабы научились дестиллировать алкоголь, им в голову не приходило, что они этим создали одно из главных орудий, при помощи которого будут истреблены аборигены тогда еще даже не открытой Америки. И когда Колумб потом открыл Америку, то он не знал, что он этим пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми. Люди, которые в XVII и XVIII столетиях работали над созданием паровой машины, не представляли себе, что они создают орудия, которые в большей мере, чем что-либо другое, окажут революционизирующее влияние на общественные отношения мира, и, в частности, Европы, путем концентрации богатств в руках меньшинства, что обездоление огромного большинства сначала доставит социальное и политическое господство буржуазии, а затем, однако, вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, которая должна закончиться низвержением буржуазии и уничтожением классовых противоречий. Но и в этой области мы постепенно научились, путем долгого, часто жестокого опыта, путем собирания и анализа исторического материала, ясно учитывать посредственные, наиболее отдаленные последствия нашей производительной деятельности. Таким путем нам дается возможность подчинить их себе и регулировать.

Чтобы это регулирование, однако, практически осуществить, требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется радикальное изменение господствующего доныне способа производства и вместе с ним всего нашего современного социального строя...

(Ф. Энгельс. — «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». Соч. Маркса и Энгельса т. XIV).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА ТРУДА

Потребление рабочей силы — это самый труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний благодаря этому становится рабочей силой, проявляющейся в действии, рабочим, между тем как раньше он был таковым лишь потенциально (в возможности). Для того, чтобы воплотить свой труд в товарах, он должен прежде всего овеществить его в потребительных стоимостях, в вещах, которые служат для удовлетворения тех или иных потребностей. Следовательно, капиталист заставляет рабочего изготовлять какую-либо особую потребительную стоимость, какой-либо определенный товар. То обстоятельство, что производство потребительных стоимостей или товаров совершается для капиталиста и под его контролем, нисколько не изменяет его общей природы. Поэтому процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы.

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Дей-

ствуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животнообразных инстинктивных форм труда. По сравнению с состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, к глубинам первобытных времен относится то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы. Мы предполагаем труд в форме, составляющей исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

Простые моменты процесса труда следующие: 1) целесообразная деятельность, или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия которыми он действует...

Предмет, которым рабочий овладевает непосредственно, — мы оставляем в стороне захват готовых средств существования, напр., плодов, причем только органы тела рабочего и служат средствами труда, — есть не предмет труда, а средство труда. Итак, предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего. Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда. Она доставляет ему, напр., камень, которым он пользуется для того, чтобы метать, производить трение, давить, резать и т. д. Сама земля становится средством труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии в свою очередь предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы. Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные. Употребление и создание средств труда, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса

труда, и потому Франклин определяет человека, как «a toolmaking animal», как животное, делающее орудия. Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд...

Итак, в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда производит преднамеренное изменение в предмете труда. В продукте процесс изглаживается. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособление к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Он овеществился, а предмет подвергся обработке. То, что для рабочего представлялось в форме движения, теперь со стороны продукта является установившимся свойством в форме бытия. Рабочий прял, и продукт есть пряжа.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата, продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства [1], а самый труд—производительным трудом... [2]

Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются не только продуктами труда по меньшей мере прошлого года, но, рассматриваемые в своих современных формах, и продуктами изменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Что же касается собственно средств труда, то даже для самого поверхностного взгляда громадное большинство их обнаруживает следы прошлого труда...

Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, — этого было достаточно. Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным глазом капиталиста, совершает ли его Цинцинат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя.

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 5).

---

[1] Представляется парадоксальным рыбу, напр., которая еще не поймана, называть средством производства по отношению к рыболовству. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет.

[2] Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства.

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила является стоимостью, она сама представляет лишь определенное количество овеществленного в ней общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Существование последнего есть поэтому предпосылка ее сохранения. Раз существование индивидуума дано, производство его рабочей силы состоит в его самопроизводстве или самосохранении. Для самосохранения живой индивидуум нуждается в известной сумме средств существования. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих средств существования, или стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего проявления и обнаруживается лишь в труде. В процессе ее проявления, в труде затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., — количество, которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата создает необходимость усиленного возмещения. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен иметь возможность повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма средств существования должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других особенностей природы той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам, определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элементы. Однако для определенной страны и для определенного периода среднее количество необходимых для рабочего средств существования есть величина данная.

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 4).

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Вместе с рабочим орудием и виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Дееспособность орудия освобождается от тех ограничений, которые накладываются на нее связью человеческой рабочей силы с личностью рабочего. Таким образом устраняется тот технический базис, на котором покоится разделение труда, в мануфактуре. Поэтому вместо характеризующей ее иерархии специализированных рабочих на автоматической фабрике выступает тенденция к уравнению или нивелированию тех работ, которые должны выполняться помощниками машин; вместо искусственно порожденных различий между частичными рабочими приобретают перевес естественные различия возраста и пола...

Всякая работа при машине требует заблаговременной подготовки рабочего. Будучи еще ребенком, он легче всего научается сообразовать свои собственные движения с однообразно-непрерывными движениями автомата. Поскольку совокупные машины фабрики сами образуют систему разнообразных одновременно действующих и комбинированных машин, постольку и кооперация, в основе которой лежит эта система машин, требует распределения разнородных групп рабочих между разнородными машинами. Но машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять это распределение, овладевая одними и теми же рабочими неизменно для одних и тех же функций. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда. Самое убедительное доказательство этого дает система смен (Relaissystem), нашедшая применение во время фабрикантского бунта 1848—1850 гг. Наконец, та быстрота, с которой человек в юношеском[3] возрасте научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость выработки особого класса рабочих в исключительно машинных рабочих.[1] Работа же простого чернорабочего на фабрике отчасти может замещаться машинами,[2] отчасти вследствие своей крайней элементарности допускает быструю и постоянную смену занятых ею лиц.

Хотя машина технически опрокидывает таким образом старую систему разделения труда, тем не менее последняя продолжает влачить свое существование на фабрике сначала в силу привычки, как традиция мануфактуры, а потом систематически воспроизводится и укрепляется капиталом в еще более отвратительной форме как средство эксплоатации рабочей силы. Пожизненная специальность: управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность: служить частичной

[1] В случаях нужды, как, напр., во время американской гражданской войны, буржуа употребляет фабричных рабочих исключительно на самые грубые работы, как мощение улиц и т. д. Английские „ateliers nationaux" (национальные мастерские) 1802 и следующих годов для безработных хлопчатобумажных рабочих тем отличались от французских национальных мастерских 1848 г., что в последних рабочим приходилось выполнять за счет государства непроизводительные работы, в первых же — производительные городские работы к выгоде буржуа, причем они производились дешевле, чем при посредстве регулярных рабочих, с которыми принудили конкурировать безработного. «Вид рабочих с хлопчатобумажных фабрик в физическом отношении несомненно улучшился. Это я приписываю... поскольку дело идет о мужчинах, занятиям общественными работами на открытом воздухе». — Здесь говорится о престонских фабричных рабочих, которые нашли работу при осушении «престонского болота» («Reports of Insp. of Fact. for October 1865», p. 59).

[2] Пример: различные механические аппараты, введенные на шерстяных фабриках со времени закона 1844 г. для замещения детского труда. Когда детям самих господ-фабрикантов придется проходить «школу» простых помощников на фабрике, тогда эта почти еще незатронутая область механики быстро сделает замечательные шаги вперед. «Едва ли найдется какая-либо другая столь же опасная машина, как selfacting mules. Большая часть несчастий случается с маленькими детьми вследствие того, что они для метения пола подползают под мюли во время движения последних. Многие „minders" (рабочие при мюлях) привлекались (фабричными инспекторами) к судебной ответственности и были присуждены к денежным штрафам за проступки этого рода, по без каких бы то ни было заметных общих результатов. Если бы машиностроители изобрели машину для подметания, которая устранила бы для этих малюток необходимость ползать под машины, то это послужило бы счастливым дополнением к нашим охранительным мерам» („Reports of Insp. of Factories for 31-st October 1866", p. 63).

машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с раннего детства в часть частичной машины. Таким образом не только значительно уменьшаются издержки, необходимые для воспроизводства его самого, но в то же время получает завершение и его беспомощная зависимость от фабрики в целом, следовательно, от капиталиста. Здесь, как и всегда, необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплоатации этого развития.

В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за его движением. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки. «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один и тот же механический процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда, подобно скале, все снова и снова падает на истомленных рабочих». Машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд от всякого содержания. Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а, наоборот, условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически-осязательную реальность. Благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему, как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее.

Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение, как мы указывали уже раньше, в крупной промышленности, воздвигающейся на базисе машин. Частичное искусство отдельного машинного, подвергшегося опустошению рабочего, исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенными в системе машин и создающими вместе с последней власть «хозяина» (Meister, master). А потому этот хозяин, в мозгу которого машины неразрывно срослись с его монополией на них, в случаях столкновений с «руками» презрительно восклицает по их адресу: «Пусть фабричные рабочие не забываются на тот счет, что их труд представляет в действительности очень низкий сорт обученного труда; что никакой другой не усвивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакого другого труда нельзя достать посредством столь краткого обучения, в столь короткое время и в таком изобилии. Машины хозяина фактически играют более важную роль в деле производства, чем труд и искусство рабочего, которому можно научить в 6 месяцев и которому может научиться всякий деревенский батрак».

Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средства труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим и доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на рабочих ручного труда и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров.

«Главная трудность на автоматической фабрике заключалась в дисциплине, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их привычной беспорядочности в труде и привести их к уподоблению неизменной регулярности крупного автомата. Но изобрести и с успехом применить дисциплинарный кодекс, соответствующий потребностям и быстроте автоматической системы, — это дело, достойное Геркулеса, было благородным делом Аркрайта! Даже в настоящее время, когда эта система организована во всей ее полноте, почти невозможно между рабочими, уже достигшими возмужалого возраста, найти полезных помощников для автоматической системы».[1] Фабричный кодекс, в котором капитал в частно-правовом порядке и самовластно, без разделения властей, вообще столь дорогого буржуазии, и без представительной системы, еще более дорогой для нее, формулирует свое самодержавие над рабочими, — этот кодекс есть просто капиталистическая карикатура того общественного регулирования процесса труда, которое становится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин. Кнут надсмотрщика за рабами заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение.[2]

Мы отмечаем здесь только материальные условия, при которых совершается фабричный труд. Все органы чувств одинаково страдают от искусственно повышенной температуры, от воздуха, наполненного частицами сырого материала, от оглушительного шума и т. д., не говоря уже об опасности для жизни между тесно поставленными машинами, которые с правильностью времен года доставляют свои промышленные

---

[1] Ure. „Philosophy of Manufacture", p. 15. Кто знаком с биографией Аркрайта, тот никогда не даст этому гениальному цирюльнику названия «благородный». Из всех великих изобретателей XVIII века, это был бесспорно величайший вор чужих изобретений и самый низкий субъект.

[2] «Рабство, которым буржуазия сковала пролетариат, ни в чем не сказывается с такой ясностью, как в фабричной системе. Здесь юридически и фактически конец всякой свободе. Утром в 5½ часов рабочий должен быть на фабрике; если он опаздывает на несколько минут, его штрафуют, если он опаздывает на 10 минут, его не пропускают до конца завтрака, и плата за четверть дня у него потеряна. Он должен есть, пить и спать по команде... Деспотический звонок зовет его с постели, зовет от завтрака и обеда. А что сказать о самой фабрике? Фабрикант здесь — самодержавный законодатель. Он издает фабричные правила, как ему заблагорассудится; он изменяет и делает добавления к своему кодексу, как ему вздумается, и хотя бы он внес в кодекс полную бессмыслицу, суды говорят рабочему: так как вы добровольно согласились на этот договор, то вам необходимо теперь исполнить его... Этим рабочим суждено с девятилетнего возраста и до самой смерти жить под нравственной и физической палкой». (F. Engels — „Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig 1845", S. 217 ff.).

бюллетени убитых и раненых.[1] Сбережение общественых средств производства, достигающее впервые на фабричной системе тепличной зрелости, в руках капитала превращается в систематический грабеж у рабочего, занятого процессом труда, всех условий, необходимых для жизни: пространства, воздуха, света, а также всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или антигигиенических условий процесса производства, — о приспособлениях же для удобства рабочего нечего и говорить.[2] **На прав ли Фурье, называя фабрики «смягченной каторгой»?**

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 13).

Известно, как с возникновением крупной промышленности началась совершенно новая, безграничная и беззастенчивая эксплоатация рабочего класса фабрикантами. Новые машины сделали излишней работу взрослых мужчин; для присмотра за машинами требовались женщины и дети, которые были гораздо более пригодны для этого и вместе с тем обходились дешевле мужчин. Промышленная эксплоатация, таким образом, тотчас же завладела всей семьей рабочего и заперла ее на фабрике; женщины и дети должны были беспрерывно работать день и ночь, пока они не падали от физического истощения. Дети бедняков из работных домов (workhouses) при росте спроса на детей стали настоящим предметом торговли. Начиная с четырех- и даже трехлетнего возраста, их десятками продавали с торгов, под видом заключения договоров об обучении, тем фабрикантам, которые больше давали. Воспоминание об этой беззастенчивой и жестокой эксплоатации детей и женщин, которая не прекращалась до тех пор, пока у них оставалась еще капля крови в жилах, пока еще действовали у них мускулы, — воспоминание это до сих пор живо среди старшего поколения рабочих Англии, и некоторые из них сохранили это воспоминание в виде искривления позвоночника или изувеченных членов. Все они получили в наследство от того времени окончательно расстроенное здоровье. Судьба рабов на американских плантациях была еще счастьем в сравнении с судьбой английских рабочих того времени.

(Ф. Энгельс — «Английский билль о 10-часовом рабочем дне». Соч. Маркса-Энгельса т. VIII).

Обратимся теперь к другой стороне фабричной системы, которую не так легко устранить соответствующими законами и предписаниями, как вытекающие из этой системы болезни... Надзор за машинами, связывание разорванных нитей есть такая работа, которая, с одной стороны, не занимает ума рабочего, а с другой — мешает ему думать о других вещах. Мы видели также, что работа эта не требует напряжения мускулов, не дает простора физической деятельности. Труд этот, таким образом, не труд, а одна скука — самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать. Фабричный рабочий осужден совершенно губить в этой скуке свои физические и духовные силы; его призвание — с восьмилетнего возраста мучиться скукой целый день. К тому же ему нельзя отлучиться ни на один момент: паровая машина работает целый день, колеса, ремни и шпульки непрестанно гудят над головой, и стоит ему отвлечься на один момент, как уже за его спиной немедленно является надсмотрщик со штрафной книгой в руках. Эта проклятая необходимость быть как бы заживо погребенным на фабрике, постоянно внимательно следить за неутомимой машиной, является тягчайшей пыткой для рабочих. Она действует также самым отупляющим и ослабляющим образом как на тело, так и на дух рабочего. И действительно, трудно было придумать лучший способ для притупления умственных способностей человека, чем фабричный труд, и если тем не менее фабричные рабочие не только сохранили здравый рассудок, но даже развили его более, чем другие, то это было возможно опять-таки только благодаря возмущению против своей судьбы и против буржуазии, т. е. благодаря одному тому, о чем они во всяком случае могли еще думать и что они могли чувствовать при своей работе. И если это негодование против буржуазии не становится преобладающим чувством у рабочего, то его положение необходимо доводит его до пьянства и вообще всего того, что обыкновенно называют деморали-

[1] Законы для охраны от опасных машин оказали благотворное действие. «Но... в настоящее время появились новые причины несчастных случаев, не существовавшие 20 лет тому назад, а именно, возросшая скорость машин. Колеса, валы, веретена и ткацкие станки приводятся теперь в движение с возросшей и постоянно возрастающей силой; пальцы должны быстрее и увереннее захватывать порванную нить, потому что медлительность и неуверенность принесут для них гибель... Большое число несчастных случаев вызвано стремлением рабочих быстрее закончить свою работу. Необходимо напомнить, что для фабрикантов в высшей степени важно держать свои машины в непрерывном ходу, т. е. непрерывно производить пряжу и ткани. Всякая остановка на одну минуту есть потеря не только двигательной силы, но и продукта. Поэтому надсмотрщики, заинтересованные в количестве продукта, подгоняют рабочих, чтобы машины не останавливались; да это не менее важно и для рабочих, если они оплачиваются по весу или поштучно. Поэтому, хотя на большинстве фабрик формально воспрещается чистить машины во время их хода, это на практике всегда так делается. Одна эта причина за последние 6 месяцев вызвала 906 несчастных случаев... Хотя чистка производится ежедневно, однако по субботам обыкновенно назначается основательная чистка машин, и она совершается по большей части во время хода машин... Эта операция не оплачивается, и потому рабочие стараются как можно быстрее покончить с нею. Поэтому число несчастных случаев в пятницу, в особенности же в субботу, много больше, чем в остальные рабочие дни. Для пятницы излишек несчастных случаев по сравнению с средним числом за первые 4 дня недели составляет около 12%, для субботы излишек несчастных случаев над средней величиной за предыдущие 5 дней — 25%; а если принять во внимание, что фабричный день по субботам составляет всего 7½ часов, а в остальные рабочие дни 10½ часов, то излишек выразится в цифре более 65% (Reports of Insp. of Factories for 31-st October 1866. London 1867", p. 9, 15, 16, 17).

[2] В первом отделе третье книги я расскажу об относящемся к последнему времени походе английских фабрикантов против тех статей фабричного закона, которые имеют целью оградить члены «рук» от опасных для жизни машин. Здесь достаточно будет одной цитаты из официального отчета фабричного инспектора Леонарда Горнера: «Я слышал, с какой непростительной легкостью отзываются фабриканты о некоторых несчастных случаях; напр., утрата пальца, это — пустяк. В действительности жизнь и все виды на будущее у рабочего настолько зависят от его пальцев, что такая потеря является для него в высшей степени серьезным событием. Слыша такую бессмысленную болтовню, я обращался с вопросом: «Представим, вам требуется добавочный рабочий, и к вам пришли два рабочих, оба во всех остальных отношениях одинаково хороши, но у одного нет большого или указательного пальца; на котором же вы остановитесь? Они без малейшего колебания высказывались за того, у которого все пальцы целы... У этих господ-фабрикантов ложные предубеждения против того, что они называют псевдофилантропическим законодательством» „Reports of Insp. of Fact for 31-st October 1855»). Эти господа — «рассудительные люди», и недаром они симпатизировали рабовладельческому мятежу.

зацией. Уже одного физического расслабления и вызываемых фабричной системой болезней было достаточно, по мнению официального комиссара Гавкинса, для того, чтобы деморализация эта стала неизбежной. Но тем более она должна быть неизбежной, если сюда присоединяются еще душевная слабость и все те упомянутые нами выше обстоятельства, которые влияют деморализирующим образом на каждого рабочего. Поэтому, нет ничего удивительного и в том, что именно в фабричных городах пьянство и разврат достигли размеров, описанных нами выше.[1]

(Ф. Энгельс. — «Положение рабочего класса в Англии»).

Во всяком обществе со стихийно развивающимся производством — а современное является таковым — не производители господствуют над средствами производства, но средства производства господствуют над производителями. В такого рода обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Это относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной индустрии был наиболее могущественен, — к разделению труда. Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работой. Оно уничтожило основу духовного развития первого и физического — вторых. Если крестьянин делается собственником земли, а городской ремесленник — своих орудий производства, то земля еще в большей степени порабощает крестьянина, а ремесло — ремесленника. С разделением труда был разорван на части и сам человек. В целях развития какой-нибудь одной его деятельности были принесены в жертву все прочие его физические и духовные способности. — Это измельчание человека растет одновременно с развитием разделения труда, которое достигает высшей ступени в мануфактуре. Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные операции, отводит каждую из них отдельному рабочему как его пожизненную профессию и приковывает его, таким образом, на всю жизнь к определенной детальной функции и определенному орудию труда. «Она калечит рабочего, превращает в какого-то урода, чисто оранжерейным путем вызывая в нем развитие детальных

[1] Послушаем еще одного компетентного свидетеля: «Если к дурному влиянию ирландцев прибавить еще непрерывный труд рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, то царящая среди них ужасная деморализация будет удивлять нас гораздо меньше. Постоянный истощающий труд изо дня в день, из года в год не может содействовать развитию интеллектуальных и нравственных способностей человека. Бесконечная, скучная, нудная и мучительная работа (Drudgery), в которой не перестает повторяться все один и тот же механический процесс, подобна мукам Сизифа; подобно камню этого последнего, работа всей своей тяжестью все снова и снова обрушивается на слабые плечи рабочего. При постоянной и вечной работе одних и тех же мышц, ум не приобретает ни знаний, ни способности мыслить; человек все более и более тупеет, но зато пышно развивается более грубая часть его натуры. Осудить человека на такой труд, значит развивать в нем животные наклонности. Он становится равнодушным ко всему, оставляет в пренебрежении свойственные его природе инстинкты и нравы, перестает стремиться к удобствам и более утонченным наслаждениям жизни, живет в грязи и нищете, скудно питается и тратит свой заработок на разные излишества». Dr. Y. P. Kay, *ibid.*

навыков и подавляя целый мир производительных склонностей и способностей... Сама личность раздробляется, превращаясь в автоматическое колесо, исполняющее одну частичную работу» (Маркс), — автоматическое колесо, которое во многих случаях достигает своего совершенства лишь путем полного физического и духовного калечения рабочего. Машинизм крупной индустрии превращает рабочего из машины в простой придаток к ней. «Пожизненная специальность работы частичным инструментом превращается в пожизненную же специальность служения частичному механизму. Машиной злоупотребляют для превращения самого рабочего с раннего детства в составную часть частичного механизма» (Маркс). И не только рабочие, но также и эксплоатирующие их, прямо или косвенно, классы, благодаря разделению труда, порабощаются орудиями своей деятельности: духовно опустошенный буржуа — своим собственным капиталом и своею страстью к прибыли; юрист — своими закостеневшими правовыми воззрениями, которые господствуют над ним как самостоятельная сила; «образованные классы» вообще — своей ограниченностью и односторонностью, своей телесной и духовной близорукостью, своей искалеченностью, вызванной воспитанием, приспособленным к их специальности, и прикованностью на всю жизнь к этой специальности, хотя бы она и состояла в ничегонеделании.

(Ф. Энгельс. — «Анти-Дюринг», изд. 4).

Интенсификация труда[1]

Безграничное удлинение рабочего дня, которое производят машины, находящиеся во власти капитала, приводит впоследствии, как мы видели, к реакции со стороны общества, жизненным корням которого угрожает такая опасность, а вместе с тем и к законодательному установлению ограниченного нормального рабочего дня. На основе последнего приобретает решающую важность одно явление, с которым мы встречались уже раньше, а именно интенсификация труда. При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине (т. е. о расширении) труда, степень же его интенсивности (напряженности) предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени.

Само собой разумеется, что по мере развития машин и накопления опыта в специальном классе машинных рабочих естественно увеличиваются скорость, а потому и интенсивность труда. Так, в Англии в течение полустолетия удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда. Однако понятно, что при такой работе, которая не имеет характера преходящих пароксизмов лихорадочной деятельности, а совершается изо дня в день с повторяющимся регулярным однообразием неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот, повышение степени интен-

[1] Во французском издании *Маркс* делает здесь следующее замечание: «Под словом интенсификация труда я понимаю способ достигнуть повышенной напряженности рабочей силы».

сивности — лишь с сокращением рабочего дня. Когда постепенное нарастание возмущения рабочего класса принудило государство насильно сократить рабочее время и прежде всего на фабрике в собственном смысле продиктовать нормальный рабочий день, т. е. с того момента, когда раз навсегда сделалось невозможным увеличение производства прибавочной стоимости посредством удлинения рабочего дня, капитал со всею энергией и с полной сознательностью бросился на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы...

Теперь спрашивается, каким образом труд интенсифицируется?

Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, согласно которому дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности. Поэтому, в известных границах, то, что теряется на продолжительности труда, выигрывается на его интенсивности. К тому же, чтобы рабочий действительно расходовал больше рабочей силы, капитал прилагает особые меры в виде метода оплаты.[1] В мануфактурах, напр. в гончарных заведениях, в которых машины не играют почти никакой роли или играют лишь незначительную роль, проведение фабричного закона с полной убедительностью показало, что просто сокращение рабочего дня поразительно увеличивает правильность, однородность, порядок, непрерывность и энергию труда. Однако казалось сомнительным, что такой же результат получится и на собственно фабрике, так как зависимость рабочего от непрерывного и однообразного движения машины давным-давно создала здесь самую строгую дисциплину. Поэтому, когда в 1844 г. обсуждался вопрос о сокращении рабочего дня ниже 12 часов, фабриканты почти единогласно заявили, что «их надсмотрщики в различных рабочих помещениях наблюдают за тем, чтобы руки не теряли ни минуты времени», что «степень бдительности и внимательности рабочих («the extent of vigilance and attention on the part of the workmen») едва ли может быть повышена», и что, предполагая равенство всех прочих условий, напр., быстроты машин, «было бы бессмысленно в благоустроенных фабриках ожидать сколько-нибудь значительного результата от увеличения внимательности рабочих и т. д.». Это утверждение было опровергнуто опытами. Г-н R. Gardner ввел с 20 апреля 1844 г. на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовый рабочий день вместо 12-часового. По истечении почти года обнаружился тот результат, что «при прежних издержках было получено прежнее количество продукта, и что все рабочие в 11 часов зарабатывали ровно столько же, сколько раньше в 12 часов».

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 13).

Труд в капиталистической мануфактуре в России[2]

Производство ручное с значительным применением **разделения труда:** у горшечников мы видим точильщиков (специализирующихся по видам посуды), рабочих, обжигающих продукт и пр., а иногда еще особого работника для приготовления красок. У фарфоровых заводчиков разделение труда чрезвычайно мелко: молольщики, точильщики, подавальщики, горновщики, живописцы и т. д. Точильщики специализируются даже на отдельных видах посуды. Живописные мастерские работают на фарфоровых заводчиков, будучи, следовательно лишь отделениями их мануфактуры, исполняющими особую детальную операцию. Характерно для сложившейся капиталистической мануфактуры, что специальностью становится здесь и физическая сила. Так, в Гжели некоторые деревни заняты (чуть не поголовно) копанием глины; для тяжелых и не требующих особенного искусства работ (работа молольщика) употребляются почти исключительно пришлые рабочие Тульской и Рязанской губерний, превосходящие слабосильных гжельцев силой и крепостью. В большом ходу расплата товарами. Земледелие в плохом положении. «Гжельцы — выродившееся поколение» — слаборуды, узки в плечах, малосильны, живописцы рано теряют зрение и т. д. Капиталистическое разделение труда дробит человека и уродует его. Рабочий день — 12—13 часов.

(Ленин — «Развитие капитализма в России», гл. 6., т. III, изд. 3).

Принудительный труд при капитализме

Другим источником деморализации среди рабочих является принудительность их труда. Если добровольная производительная деятельность есть высшее наслаждение, которое мы знаем, то работа вынужденная есть самое жестокое, самое унизительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно. И чем рабочий более развит, более человечен, тем более он должен ненавидеть свою работу, чувствуя всю вынужденность ее, всю бесполезность для него самого. Ради чего он работает? Чтобы удовлетворить свое естественное стремление к творчеству? Никоим образом. Он работает ради денег, ради вещи, которая с самой работой ничего общего не имеет, он работает, потому, что должен работать, и к тому же он работает так долго, и работа эта так непрерывна и однообразна, что уже по одной этой причине она должна стать для него мучением в первые же недели, если в нем сохранилось хоть какое-нибудь человеческое чувство. С разделением труда это отупляющее действие обязательной работы еще более возросло. В большинстве отраслей труда деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто механической манипуляцией, повторяющейся из минуты в минуту, из года в год. Какие человеческие чувства и способности могут быть развиты у человека, который с самого детства ежедневно в течение двенадцати часов и больше занимался приготовлением булавочных головок или опиливанием зубчатых колес и к тому же жил в условиях английского пролетария? Таковы были последствия применения пара и введения машин. Работа рабочего облегчается, напряжение мышц становится ненужным, и самый труд незначительным, но зато однообразным в высшей степени. Работа его не требует от него никакой духовной деятельности и все же настолько требует от него внимания, что для того, чтобы ее совершать хорошо, он ни о чем другом не должен думать. Как же этой работе, отнимающей у рабочего все имеющееся у него время, едва оставляющей ему время для еды и сна, но не оставляющей ему времени для движения на свежем воздухе, наслаждения природой, не говоря уже

[1] В особенности в виде сдельной платы, формы, которая рассматривается в шестом отделе.

[2] См. примеч. 1-е.

о духовной деятельности, не низводить человека до степени скота! И опять перед рабочим одна альтернатива: либо подчиниться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа, — и тогда он несмненно становится скотом, — либо возмущаться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе с буржуазией.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

Рабочий день

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? До каких пределов может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полные 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собою разумеется, что рабочий всю свою жизнь без изъятия есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву представляет рабочее время и, следовательно, должно целиком входить в процесс самовозрастания капитала. Что касается времени, необходимого для образования человека, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране святителей субботы, — все это один пустой вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, небходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он урезывает обеденное время и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому, как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить вконец истощенный организм. Таким образом не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а, наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна ни была она, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, всасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к разрушению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. Оно удлиняет время производства для рабочего в течение определенного срока, приводя таким образом к сокращению продолжительности его жизни. Но стоимость рабочей силы заключает в себе стоимость тех товаров, которые необходимы для воспроизводства рабочего или для размножения рабочего класса. Таким образом, если противоестественное удлинение рабочего дня, которого домогается капитал в своем безграничном стремлении к самовозрастанию, сокращает период жизни отдельных рабочих, а вместе с тем и продолжительность функционирования их рабочей силы, то становится необходимым более быстрое возмещение сношенных рабочих сил, т. е. в воспроизводство рабочей силы должны входить более крупные издержки снашивания: совершенно так же, как часть стоимости машины, ежедневно подлежащая воспроизводству, тем больше, чем быстрее снашивается машина. Таким образом, собственный интерес капитала как будто указывает ему на установление нормального рабочего дня.

Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Вместе с рабом он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке. Но «какое фатально-разрушительное влияние ни оказывали бы рисовые поля Георгии и болота Миссисипи на человеческий организм, тем не менее это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных рассадников негров в Виргинии и Кентукки. Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отожествляют интерес хозяина с сохранением раба, по введении торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как раз его можно возместить новым рабом, привезенным из чужих рассадников негров, продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность в то время, пока она продолжается. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно бо́льшую массу труда в возможно меньший промежуток времени. Как-раз в странах тропической культуры, в которых годовая прибыль часто равняется всему капиталу плантаций, жизнь негров приносится в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы считаются миллионами, и плантаторы выглядят как князья, значительная часть рабов ежегодно прямо истребляется вследствие не только крайней грубости пищи и непрерывного изнурительного мучительства, но и вследствие медленного истязания чрезмерным трудом и недостатком сна и отдыха».

Mutato nomine de te fabula barratur! [Под другим именем о тебе рассказывается здесь эта история!] Заменим торговлю невольниками — рабочим рынком, Кентукки и Виргинию — Ирландией и земледельческими округами Англии, Шотландии и Уэльса, Африку — Германией!

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 8).

[1] Красильные и белильные заведения [2] были подчинены фабричному закону 1850 года в 1860 году, кружевные фабрики и чулочные заведения — в 1861 году. Следствием первого отчета «Комиссии о детском труде» (1863 г.) было то, что та же судьба постигла [благодаря акту 1864 г. о распространении фабричных законов. — *К.*] все мануфактуры глиняных изделий (не только гончарные заведения), фабрикацию спичек, пистонов, патронов, обойные фабрики, резку плиса (fustian cutting) и многочисленные процессы, объединяемые под названием «finishing» (окончательная аппретура). В 1863 г. «белильни на открытом воздухе» [3] и пекарни были подчинены особым законам, из которых первый воспре-

[1] См. примеч. 2-е.

[2] Изданный в 1860 г. закон о белильных и красильных заведениях устанавливает, что рабочий день 1 августа 1861 г. будет предварительно сокращен до 12, а 1 августа 1862 г. окончательно сокращен до 10 часов, т. е. до 10½ часов в будни и 7½ в субботу. Но когда наступил злополучный 1862 год, повторился старый фарс. Господа-фабриканты обратились к парламенту с петицией потерпеть еще один «единственный год двенадцатичасовой труд подростков и женщин... «При современном состоянии промышленности (во время хлопкового голода) весьма выгодно для рабочих, если им разрешать работать по 12 часов в сутки и получать возможно большую заработную плату... Уже удалось внести составленный в этом духе билль [законопроект] в нижнюю палату. Он провалился вследствие агитации рабочих в белильных заведениях Шотландии» „Reports etc. for 31-st October 1862" p. 14, 15). Капитал, побитый таким образом теми самыми рабочими, от имени которых он, по его уверениям, говорил, открыл теперь при помощи юридических очков, что закон 1860 г., подобно всем парламентским актам для «охраны труда», составленный в затемняющих смысл выражениях, дает предлог не распространять его действия на категории рабочих „calenderers" [прессовальщиков] и „finishers" [аппретурщиков]. Английская юрисдикация в лице учреждения, называемого «Common Pleas" [гражданское отделение суда], всегда верный холоп капитала, санкционировал это крючкотворство. «Это вызвало большое недовольство среди рабочих, и приходится весьма пожалеть о том, что ясные намерения законодательства уничтожаются под предлогом неудовлетворительного определения слов» (там же, стр. 18).

[3] „Белильни на открытом воздухе" освободились из-под действия закона 1860 г. о белильных заведениях посредством ложного заявления, будто у них женщины ночью не работают. Ложь была обнаружена фабричными инспекторами, но в то же время петиции рабочих поколебали идиллические представления парламента относительно «белилен на открытом воздухе», на «душистых прохладных лугах». В этих воздушных белильнях существуют сушильни с температурой в 90—100 градусов Фаренгейта [32—38 градусов Цельсия], в которых работают главным образом девушки. Существует даже техническое выражение „Cooling" (прохлаждение), которым обозначается выход время от времени из сушильни на свежий воздух. «Пятнадцать девушек в сушильне, 80—90 градусов [27—32 градуса Цельсия] жары для полотна, 100 [38 градусов Цельсия] и более градусов для батиста. Двенадцать девушек утюжат и складывают (батист) в маленькой комнате приблизительно в 10 футов в квадрате, с плотно закупоренной печкой посредине. Девушки замкнутым кольцом окружают печь, которая пышет ужасающим жаром и быстро высушивает батист, поступающий к гладильщицам. Число часов для этих «рук» не ограничено. Если дел много, они работают до 9 или 12 часов ночи много дней под ряд» («Reports etc. for 31-st October 1862" p. 56). Один врач заявляет: «Особых часов для освежения нет, но если температура становится слишком невыносимой или руки работниц загрязняются от пота, им разрешается отлучиться на несколько минут... Мой опыт в лечении болезней этих работниц заставляет меня констатировать, что состояние их здоровья много хуже состояния здоровья бумагопрядильщиц (а капитал в своих петициях парламенту расписал их в стиле Рубенса, пышущими здоровьем!). Болезнями, наиболее часто поражающими их, являются: чахотка, бронхит, маточные болезни, истерия в самой ужасной форме и ревматизм. Все они прямо или косвенно происходят, как я полагаю, от чрезмерно жаркого воздуха их мастерских и от недостатка удовлетворительной теплой одежды, которая могла бы защитить их при возвращении домой от

шает, между прочим, работу детей, подростков и женщин в ночное время (от 8 часов вечера и до 6 часов утра), а второй — пользование трудом пекарей-подмастерьев моложе 18 лет между 9 часами вечера и 5 часами утра. Мы еще возвратимся к позднейшим предложениям упомянутой комиссии, которые угрожали отнять «свободу» у всех важных отраслей английской промышленности за исключением земледелия, шахт и транспортной промышленности.

Действующий теперь [с 1867 и по 1878 гг.] фабричный закон 1850 года устанавливает средний недельный день в 10 часов, именно в течение первых 5 дней недели по 12 часов, с 6 часов утра за 6 часов вечера,— причем из этого промежутка времени ½ часа полагается по закону на завтрак и 1 час на обед, так что остается 10½ рабочих часов, — и в субботу 8 часов, от 6 часов утра до 2 часов пополудни, причем ½ часа полагается на завтрак. Остается 60 рабочих часов, по 10½ для первых пяти дней недели, 7½ — для последнего дня недели. Созданы особые контролеры, наблюдающе за исполнением закона, непосредственно подчиненные министерству внутренних дел фабричные инспектора, отчеты которых должны опубликовываться парламентом каждое полугодие. Они дают, таким образом, постоянные и официальные статистические данные относительно капиталистической жажды прибавочного труда.

Послушаем же на минуту фабричных инспекторов.

«Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа, — раньше 6 часов утра и заканчивает ее на четверть часа — иногда больше, иногда меньше — позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца получаса, определенного на завтрак, и утягивает по 10 минут в начале и в конце часа, определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа — иногда больше иногда меньше, чем на четверть часа, — позже двух часов пополудни. Таким образом он выигрывает (см. табл. на стр. 88).

Это составляет 5 часов 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом 2 недель на праздники и случайные перерывы работы, дает 27 рабочих дней».

«Если рабочий день ежедневно удлиняется на 5 минут за пределы нормальной продолжительности, то это составит 2½ рабочих дня в год». «Лишний час в день, добываемый таким способом, что кусочек времени урывается то тут, то там, делает из 12 месяцев в году 13».

сырой и холодной атмосферы в зимние месяцы» (там же, стр. 56, 57). Фабричные инспектора замечают относительно дополнительного закона 1863 г., вырванного у жизнерадостных владельцев «белилен на открытом воздухе»: «Этот закон не только не достигает цели в смысле охраны труда рабочих, которую он будто бы им предоставляет... он и формулирован таким образом, что охрана труда начинается лишь с того момента, когда дети и женщины захвачены за работой после 8 часов вечера, но даже и в этом случае устанавливаемый этим законом способ доказательств отличается таким крючкотворством, что едва ли может воспоследовать наказание виновных в его нарушении» (там же, стр. 52). «В смысле достижения гуманных и воспитательных целей закон этот никуда не годится. Вряд ли можно назвать гуманным позволять женщинам и детям или, что сводится к тому же, заставлять их работать по 14 часов в день, а, может быть, и долее, с перерывами для еды или без них, как придется, не делая ограничений по отношению к возрасту, без различия пола и не обращая внимая на общественные привычки семейств, живущих по соседству с белильными мастерскими» („Reports etc. for 30-th April 1863", p. 40).

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 8).

До 6 часов утра	15 минут	
После 6 часов вечера . .	15 »	
На времени завтрака . . .	10 »	
На обеденном времени . .	20 »	
	60 минут	
Итого за 5 дней . .	300 минут	Весь недельный выигрыш: 340 минут.
По субботам		
На 6 часов утра	15 минут	
До времени завтрака . . .	10 »	
После 2 часов пополудни	15 »	

Кризисы, во время которых производство прерывается и работа совершается лишь «неполное время», лишь по нескольку дней в неделю, конечно, ничего не изменяют в стремлении к удлинению рабочего дня. Чем больше сократились дела, тем больше должна быть выручка с каждого дела. Чем меньше времени может продолжаться работа, тем продолжительнее должно быть прибавочное рабочее время. Вот что сообщают фабричные инспектора о периоде кризиса 1857—1858 гг.

«Может показаться непоследовательностью самая возможность чрезмерного труда в такое время, когда торговля идет так плохо, но плохое ее состояние подстрекает беззастенчивых людей к излишествам; они обеспечивают себе таким образом экстраординарную прибыль... «В то самое время, — говорит Леонард Горнер, — когда 122 фабрики моего округа совсем прекратили свое существование, 143 бездействуют, а все остальные работают неполное время, попрежнему совершаются нарушения установленного законом рабочего времени».

«Хотя, — говорит г. Howell, — большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половинное время, я получаю все такое же количество жалоб на то, что ежедневно утягивается (snatched) у рабочих ½ или ¾ часа, средством для чего служат посягательства на время, определенное законом для еды и отдыха».

То же самое явление повторяется в меньшем масштабе во время ужасного хлопчатобумажного кризиса с 1861 по 1865 гг.

«Если мы застаем рабочих за работой в обеденное или какое-нибудь другое неузаконенное время, то нам иногда говорят в оправдание, будто они ни за что не хотят уйти из фабрики, так что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу (чистку машин и т. д.), особенно вечером в субботу. Но если «руки» остаются на фабрике после остановки машин, так это происходит лишь благодаря тому, что между 6 часами утра и 6 часами вечера, в установленные законом рабочие часы, им не уделяется времени для исполнения таких работ».[1]

[1] „Reports etc. 31-st. October 1860», p. 23. С каким фанатизмом, по показанию фабрикантов на суде, противятся их фабричные руки всякому перерыву фабричной работы, об этом свидетельствует следующий курьез. В начале июня 1836 г. судье полиции в Dewsbury (Йоркшир) сообщили о том, что собственниками 8 больших фабрик близ Batley нарушается фабричный закон. Часть этих господ обвинялась в том, что они заставляли работать пять мальчиков в возрасте 12—15 лет с 6 часов утра пятницы до 4 часов пополудни следующей субботы, не давая им ни малейшего отдыха, кроме времени на еду и одного часа сна в половине ночи. И эти дети принуждены были заниматься непрерывной 30-часовой работой в „shoddy-hole" как называется дыра, в которой раздергиваются шерстяные тряпки, и в которой воздух до такой степени насыщен пылью, оческами и т. д.,

«Экстраординарная прибыль получаемая от чрезмерного труда, продолжающегося сверх узаконенного времени, представляет для многих фабрикантов слишком большой соблазн для того, чтобы они могли ему противостоять. Они полагаются на то, что их не поймают, и рассчитывают, что даже в случае обнаружения незначительность денежных штрафов и судебных издержек все-таки обеспечивает им в конечном итоге барыш». В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем присоединяющихся друг к другу мелких покраж («a multiplication of small thefts»), совершаемых в течение дня, инспектора наталкиваются на трудности почти неопреодолимого свойства, когда они хотят получить доказательства нарушения закона. Эти «маленькие кражи» совершаемые капиталом за счет обеденного времени и времени отдыха рабочих, фабричные инспектора называют «petty pilferigs of minutes», кража минут, «snatching a few minutes», урывание минут, или, по техническому выражению рабочих, «nibbling and cribbling at meal times» [выдирание и выскребание из времени, предназначенного для еды].

«Мы видим, что в этой атмосфере образование прибавочной стоимости посредством прибавочного труда не составляет тайны. «Если бы вы мне разрешили, — сказал мне как-то один весьма уважаемый фабрикант, — заставлять работать ежедневно всего 10 минутами больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по 1000 фунт. стерл. в год». «Атомы времени суть элементы прибыли».

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами «full timers» («полный рабочий») рабочих, работающих полное время, и «half timers» («полурабочий») — детей до 13-летнего возраста, которым дозволяется работать лишь по 6 часов. Рабочий здесь не что иное, как персонифицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между «Vollzeitler» и «Halbzeitler», «рабочим» и «полурабочим».

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 8).

Рабочий день на фабриках Московской губернии [1]

Инженер И. М. Козьминых-Ланин выпустил книгу о продолжительности рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии.

Материал, собранный автором, относится к концу 1908 г. и охватывает 219 669 рабочих, т. е. немного более $^{7}/_{10}$ всего числа фабрично-заводских рабочих Московской губернии (307 773).

Средний рабочий день определен автором на основании этих данных в **9½ часов**—для взрослых и подростков, в 7½ часов—для малолетних.

Необходимо заметить, что в эти данные совершенно не вошел учет сверхурочных работ (о сверхурочных работах автор подготовил к печати

что даже взрослые рабочие принуждены постоянно завязывать себе рот носовыми платками, чтобы предохранить свои легкие. Господа обвиняемые давали уверения вместо присяги, как квакеры, они были слишком щепетильно-религиозными людьми для того, чтобы давать присягу, — что по великому милосердию своему они могли бы разрешить детям спать в продолжение 4 часов, но эти упрямцы ни за что не хотят ложиться в постель! Господа квакеры были присуждены к 20 фунт. стерл. штрафа.

[1] Заголовок Ленина.

особый труд), — а во-вторых, что данные автора основаны исключительно на «обязательных для предпринимателей и рабочих правилах внутреннего распорядка».

Соблюдаются ли в жизни эти правила, — вопрос, которого наш инженер и не ставит. Только рабочие союзы, создавая свою статистику, могли бы собрать данные и по этому вопросу.

По отдельным предприятиям этот рабочий день в 9½ часов подвергается большим колебаниям. Из таблиц автора видно, что **33 466 рабочих** работает **свыше 10 часов в день!** Это составляет более 15% всего числа обследованных рабочих.

13 189 рабочих работает **свыше 11 часов в день,** а 75 рабочих — свыше 12 часов в день. Главная масса рабочих, задавленных таким безмерно-длинным рабочим днем, приходится на текстильную промышленность.

Если принять во внимание, что около трети рабочих не вошло в обследование автора, то получается вывод, что **свыше 20 тысяч** фабрично-заводских рабочих Московской губернии работает безобразно-долгий рабочий день.

Наконец, данные инженера Козьминых-Ланина показывают, что даже крайне устарелый русский закон 1897 г. разрешающий 11½-часовой (!!!) рабочий день, **не соблюдается фабрикантами.** По этому закону, при работе в две смены, рабочее время для каждого рабочего, по расчету за 2 недели, не должно превосходить 9 часов в сутки.

На деле же, из обследованных автором 83 990 двухсменных рабочих — 14 376 работали **свыше 9 часов.** Это составляет 17% всего числа двухсменных рабочих. А из 3733 двухсменных рабочих, занятых ремонтными и вспомогательными работами, 2173 рабочих, т. е. **почти** ⅔ работали более 9 часов в сутки! Итого 16½ тысяч рабочих, которых — даже по казенным данным — заставляют работать дольше, чем дозволено по закону!

8-часовой рабочий день существовал в Московской губернии в 1908 г. только для 4398 рабочих — из 219 669 всего числа обследованных рабочих. Значит, все же 8-часовой рабочий день и теперь вполне возможен, остается только 215 тысячам рабочих догнать эти четыре тысячи.

(Ленин — «Рабочий день на фабриках Московской губ.» — т. XVI, изд. 3).

Вышедшая под этим заглавием[1] работа инженера Козьминых-Ланина (М. 1912, изд. Пост. ком. музея сод. труду при Моск. отд. И. Русск. техн. о-ва. Ц. 1 руб. 75 коп.) представляет собою сводку данных, которые относятся к концу 1908 г.

Данные охватывают 219 669 рабочих, т. е. 71,37% всего числа фабрично-заводских рабочих губернии (307 773). Автор говорит, что «материал был тщательно исследован им отдельно по каждому промышленному заведению, и в общую сводку вошла лишь та часть его, которая не возбуждала каких-либо сомнений».

Подобного рода статистика представляла бы собой — несмотря на большое опоздание — выдающийся интерес, если бы сводка данных была более осмысленная. К сожалению, приходится употребить именно это слово, ибо таблицы г. Козьминых-Ланина составлены чрезвычайно тщательно, труда положено им на вычисление всякого рода итогов и процентных отношений очень много, но труд этот применен нерационально.

Богатый материал как бы подавил собою автора. Он сделал сотни и тысячи вычислений, совершенно излишних, только загромождающих работу, и не сделал несколько десятков подсчетов, которые безусловно необходимы, ибо без них не получается общей картины явления.

В самом деле, в основных таблицах автора, составляющих почти всю книгу, приводятся такие детальные данные, что, например, рабочие, работающие от 9 до 10 часов в сутки, подразделены на 16 **подразделений,** — смотря по числу рабочих часов в смежные две недели (от 109 до 120 часов) — и для каждого подразделения вычислено среднее число рабочих часов в сутки! И все это сделано дважды: для рабочих по производству и для рабочих вспомогательных.

Нельзя не согласиться, что такая детализация, во-первых, совершенно излишняя, что здесь получается увлечение статистикой ради статистики, своего рода игра в цифры — **в ущерб** ясности картины и пригодности материала для изучения. А, во-вторых, девять десятых этих «средних», вычислявшихся автором с точностью до одной сотой, — прямо-таки пропащий труд, ибо можно ручаться, что из тысячи читателей книги (которая вряд ли найдет тысячу читателей) разве один почувствует надобность в такой «средней» (и притом этот один мог бы **сам ее** вычислить, если бы уж стряслась над ним такая исключительная беда!). В то же время в книге **вовсе нет** абсолютно необходимых сводок, которые автор **мог** сделать с несравненно меньшей затратой труда и без которых обойтись невозможно, если хотеть осмысленно ознакомиться с данными обследования. Нет сводок: 1) подытоживающих по группам производств рабочих односменных, двухсменных и трехсменных; 2) рабочих по производству и вспомогательных; 3) дающих среднее число рабочих часов по группам производств; 4) дающих общие итоги рабочего времени взрослых и малолетних; 5) выделяющих фабрики с различным числом рабочих.

Остановимся на этом последнем пункте. Автор работы, видимо, трудолюбив, — если судить по данному списку работ, которые им опубликованы и подготовлены к печати, — он обладает таким богатым и интересным материалом, что, может быть, критический разбор его приемов в состоянии принести не только теоретическую, но и непосредственно-практическую пользу. Мы уже привели слова автора, что собранный «материал был тщательно исследован **им отдельно** по каждому промышленному заведению».

Значит, сводка этого материала хотя бы по тем группам фабрик, которые введены даже нашей казенной статистикой (до 20 рабочих, 21—50, 51—100, 101—500, 501—1000 и свыше 1000), была вполне возможна. Была ли она необходима?

Безусловно, да. Статистика должна давать не произвольные столбцы цифр, а цифровое освещение тех различных социальных типов изучаемого явления, которые вполне наметились или намечаются жизнью. Можно ли сомневаться в том, что заведения в 50 и в 500 рабочих принадлежат к существенно иным **социальным типам** интересующего нас явления, что все общественное развитие всех цивилизованных стран усиливает **различие** этих типов и ведет к **вытеснению** одного **из** них другим?

[1] Заглавие см. в конце отрывка на стр. 95.

Возьмем как-раз данные о рабочем дне. Из сводной итоговой таблицы автора мы можем почерпнуть тот вывод, — если **сами** произведем некоторую необходимую статистическую работу, которой мы не видим в книге, — тот вывод, что 33 тыс. рабочих (из 220 тыс. обследованных) работают **дольше 10 часов в сутки.** Средняя же продолжительность рабочего дня для всех 220 тыс. рабочих равняется 9½ часам. Спрашивается, не заняты ли эти рабочие, задавленные непомерно длинным рабочим днем, в **мелких** заведениях?

Этот вопрос возникает естественно и необходимо. Он вовсе не выбран произвольно. Политическая экономия и статистика всех стран мира **обязывает** нас поставить именно этот вопрос, ибо удлинение рабочего дня мелкими заведениями наблюдалось слишком часто. Условия капиталистического хозяйства вызывают необходимость в таком удлинении у мелких хозяев.

И вот оказывается, что в материалах автора данные для ответа на этот важнейший вопрос **были,** а в сводке автора они пропали! В сводке автор нам дал никчемные длиннейшие столбцы детальных «средних» и **не дал** необходимого деления фабрик по числу рабочих.

В Московской губернии такое деление еще более необходимо (если позволительно здесь употребить сравнительную степень), чем вообще, ибо в Московской губернии, наряду с громадной концентрацией производства, мы видим сравнительно очень большое число мелких заведений. По статистике 1910 г. в ней было всего 1440 заведений с 335 190 рабочими.

Половина этого числа рабочих (167 199) сосредоточена в **66 фабриках,** — а на другом полюсе перед нами 669 заведений с общим числом рабочих 18 277. Ясно, что перед нами совершенно различные социальные типы, и что статистика, которая их не различает, решительно никуда не годится.

Автор до такой степени увлекся рядами цифр о числе рабочих, занятых 94, 95 и т. д. до 144 часов в смежные две недели, что **вовсе опустил** данные о числе заведений. Это число указано для второй части его труда, где речь идет о продолжительности рабочего года, но в первой части, где речь идет о рабочем дне, никаких сведений о числе заведений не приведено, — хотя эти сведения, несомненно, в распоряжении автора были.

Крупнейшие фабрики Московской губернии — не только своеобразные типы промышленных заведений, но и своеобразные типы населений, с особым бытовыми и культурными (или, вернее, некультурными) условиями. Выделение этих фабрик, подробная разработка данных отдельно для каждого разряда заведений по числу рабочих составляет необходимое условие рациональной экономической статистики...

...Приведем главнейшие итоги из труда г. Козьминых-Ланина.

Его исследование о длине рабочего дня охватило, как мы уже сказали, 219 669 московских фабрично-заводских рабочих, т. е. 71,37% всего их числа, причем текстильщики несколько в большем числе охвачены его статистикой, чем рабочие других производств. Обследованию подверглось 74,6% всех текстильщиков и лишь 49—71% рабочих остальных производств. **Повидимому,** менее обследованы данные о **мелких** заведениях; по крайней мере, статистика числа рабочих дней в году охватила 58% заведений (811 из бывших в 1908 г. 1394) и 75% рабочих

(231 130 из 307 773). Ясно, что здесь опущены были именно более мелкие заведения.

Итоговые данные о длине рабочего дня автор дает только для всего числа рабочих, вместе взятых. Получается средняя — 9½ часов в сутки для взрослого и 7½ часов для малолетних. Число малолетних, надо заметить, невелико: 1363 против 218 306 взрослых. Это наводит на мысль, не были ли «сокрыты» от глаз инспекторов в особенности малолетние рабочие?

Из всего числа 219 669 рабочих работали в одну смену 128 628 чел. (58,56%), в 2 смены — 88 552 (40,31%) и в 3 смены — 2489 (1,13%). Двухсменная работа преобладает над односменной в текстильной промышленности: 75 391 двухсменный рабочий («по производству», т. е. без вспомогательных) против 68 604 односменных. Прибавка ремонтных и вспомогательных рабочих дает сумму 78 107 двухсменных и 78 321 односменного рабочего. Напротив, у металлистов значительно преобладает односменная работа (17 821 взрослых рабочих) над двухсменной (7673).

Подводя итог общему числу рабочих, работающих различное число рабочих часов в сутки, получаем такие данные:

Число рабочих часов в сутки	Число рабочих	
До 8 часов	4 398	
От 8 до 9 часов	87 402	
„ 9 „ 10 „	94 403	
„ 10 „ 11 „	20 202	33 466
„ 11 „ 12 „	13 189	
„ 12 и более „	75	
Итого	219 669	

Отсюда видно, как ничтожно еще в России число рабочих, занятых не более 8 часов в сутки: всего 4398 из 219 669. Напротив, число рабочих с непомерно, безобразно длинным рабочим днем очень велико: 33 466 из 220 тыс., т. е. свыше 15% рабочих работает **более 10 часов в сутки!** И тут еще не считается сверхурочная работа.

Далее. Различие длины рабочего дня у односменных и двухсменных рабочих видно из следующих данных, охватывающих только взрослых «рабочих по производству», т. е. без ремонтных и вспомогательных рабочих, которые составляют 8% общего числа рабочих.

Длина рабочего дня	Процент рабочих (занятых указанное число часов в сутки) односменных	двухсменных
До 8 часов	1,3	1,0
От 8 до 9 часов	13,3	81,9
„ 9 „ 10 „	60,7	14,7
„ 10 „ 11 „	15,2	1,4
„ 11 „ 12 „	9,5	1,0
„ 12 и более „	—	—
Итого	100,0	100,0

Отсюда видно, между прочим, что 17% рабочих двухсменных работает **больше 9 часов** в сутки, т. е. больше, чем разрешает даже наш закон 1897 года, справедливо признаваемый г. Ланиным за непомерно

отсталый. По этому закону, при двухсменной работе, число рабочих часов в сутки не должно превосходить девяти часов — по расчету за 2 недели. А г. Ланин во всех своих расчетах и таблицах берет, именно, период в «2 смежные недели».

Если нарушается так явно вполне определенный и точный закон, то можно себе представить, что делается с большинством остальных постановлений нашего фабричного законодательства.

Среднее число рабочих часов в сутки для одного односменного рабочего (только взрослого и только «рабочего по производству») составляет 9,89 часов. Господствует, значит **десятичасовой рабочий день** без всякого сокращения, даже по субботам, и не считая сверхурочных работ. Нечего и говорить, что такая продолжительность труда безусловно чрезмерна и не может быть терпима.

Среднее число рабочих часов в сутки для двухсменного рабочего составляет 8,97 часов, т. е. на практике преобладает требуемый законом в этих случаях девятичасовой рабочий день. Понижение его до восьми часов особенно настоятельно, в виду того, что при двух сменах «ночью» считается время с 10 часов вечера до 4 (!!) часов утра, т. е. на деле весьма и весьма большая часть **ночи** для рабочего признается **«днем»**. Девятичасовой рабочий день с превращением ночи в день, с постоянной ночной работой — вот что царит в Московской губернии!

В заключение нашего обзора данных г. Козьминых-Ланина укажем, что средняя продолжительность рабочего года определена им в 270 дней. У текстильщиков же цифра несколько ниже — 268,8 дней, у металлистов немного выше — 272,3 дня.

Разработка этих данных, о продолжительности рабочего года, у Козьминых-Ланина тоже крайне неудовлетворительна. С одной стороны, непомерная, ни с чем несообразная детализация: мы насчитали целых 130 горизонтальных граф в сводной таблице о продолжительности рабочего года! Данные о числе заведений, рабочих и т. д. приведены здесь **отдельно** для каждого встречающегося числа рабочих дней (в году), начиная от 22 и кончая 366. Такая «детализация» больше похожа на полную «непереваренность» сырого материала.

С другой стороны, и здесь нет совершенно необходимых сводок ни по числу рабочих на фабриках, ни по различению двигателей (ручные и механические фабрики). Никакой картины поэтому, позволяющей **понять** зависимость длины рабочего года от разных условий, составить себе нельзя. Богатейший материал, собранный автором, **пропал** вследствие из рук вон плохой сводки.

Значения различия между крупным и мелким производством мы можем — приблизительно и далеко не точно! — проследить даже и по данным автора, если несколько переработаем их. Возьмем **четыре** главных группы заведений по длине рабочего года: 1) работающие до 200 дней в году; 2) — от 200 до до 250; 3) — от 250 до 270 и 4) — 270 дней и дольше.

Сводя для каждого из этих разрядов числа фабрик и числа рабочих обоего пола, получаем такую картину: (см. табл. на стр. 95).

Отсюда ясно видно, что чем крупнее фабрики, тем продолжительнее (в общем) рабочий год. Следовательно, общественно-экономическое значение мелких предприятий еще гораздо **меньше** в действительности, чем можно судить по доле этих предприятий, например, в общем числе

Продолжительность рабочего года	Среднее число рабочих дней в году	Число фабрик	Число рабочих	Среднее число рабочих на 1 фабрику
До 200 дней	96	74	5 676	76
„ 200—250 дней . . .	236	91	14 400	158
„ 250—270 „ . . .	262	196	58 313	297
„ 270 и выше	282	450	152 741	339
Итого	270	811	231 130	285

рабочих. Рабочий год в этих предприятиях настолько короче, чем в крупных, что доля производства в них должна быть совсем ничтожна. А, кроме того, при коротком рабочем годе эти фабрики (мелкие) неспособны создать постоянных кадров пролетариата, — значит, здесь рабочие более «связаны» землей, вероятно, хуже оплачиваются, менее культурны и т. д.

Крупная фабрика усиливает эксплоатацию, удлиняя рабочий год до максимума и тем создавая совершенно рвущий с деревней пролетариат.

Если бы проследить различия в длине рабочего года в зависимости от технической постановки фабрик (ручные и механические двигатели и т. д.), то можно бы найти, без сомнения, целый ряд интереснейших указаний на условия жизни населения, на положение рабочих, на эволюцию нашего капитализма и т. д. Но автор, можно сказать, и не прикоснулся ко всем этим вопросам.

Он дал только цифры средней продолжительности рабочего года на фабриках различных групп производства. Колебания общей средней получились очень небольшие: от 246 рабочих дней в году в IX группе (обработка минеральных веществ) до 291 рабочих дней в году в XII группе (химические производства).

Различия эти, как видит читатель, гораздо меньше, чем различия продолжительности рабочего года на мелких и крупных фабриках вообще, независимо от того, к какому производству они принадлежат.

Различия по роду производства **менее** характерны и менее существенны для социально-экономической статистики, чем различия по **размерам** производств. Это не значит, конечно, чтобы первые различия можно было игнорировать. Но это значит, что абсолютно невозможна осмысленная статистика без учета вторых различий.

(Ленин — „Рабочий день и рабочий год на фабриках Московской губ.," т. XVI, изд. 3).

Урезывание отдыха рабочих царским правительством

КАК НАШЕ «ХРИСТИАНСКОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО УРЕЗЫВАЕТ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ РАБОЧИХ [1]

Кроме правила о рабочем времени новый закон содержит также правило об обязательном воскресном и праздничном отдыхе фабричных и заводских рабочих. Пресмыкающиеся писаки, которых так много среди

[1] Заголовок Ленина.

русских газетчиков и журналистов, поспешили уже восхвалить за это правило превыше небес наше правительство и его гуманность. Мы увидим сейчас, что на деле этот гуманный закон стремится **урезать** праздники для рабочих. Но сначала рассмотрим общие правила о воскресном и праздничном отдыхе. Заметим прежде всего, что об установлении воскресного и праздничного отдыха законом ходатайствовали петербургские фабриканты 14 лет тому назад (в 1883 г.). Значит, русское правительство и тут только тормозило и тянуло дело, **сопротивляясь** ревизии, по форме доколе было возможно. По закону, в расписание праздников, в которые не полагается работы, обязательно включаются все воскресенья и затем еще 14 праздников, о которых мы еще будем говорить подробно ниже. Работу в праздник закон запрещает не безусловно, но допущение ее ограничено следующими условиями: необходимо, во-первых, «взаимное соглашение» фабриканта и рабочих; во-вторых, работа в праздничный день допускается «взамен буднего»; в третьих, о состоявшемся соглашении насчет замены праздника буднем необходимо сообщить немедленно фабричной инспекции. Таким образом, работа в праздники ни в каком случае не должна, по закону, уменьшить число дней отдыха, ибо фабрикант обязан заменить рабочий праздник нерабочим буднем. Рабочим следует всегда иметь это в виду, а также то, что закон требует для такой замены взаимного соглашения фабриканта и рабочих. Значит, рабочие всегда могут на вполне законном основании **отказаться** от такой замены, и фабриканты их принуждать **не вправе.** На деле, конечно, фабрикант и тут будет принуждать рабочих посредством такого приема: они станут спрашивать рабочих по одиночке об их согласии, и каждый рабочий побоится отказаться, опасаясь, как бы несогласного не рассчитали; такой прием фабриканта будет, конечно, незаконен, ибо закон требует **соглашения рабочих,** т. е. всех рабочих вместе. Но каким же образом, могут все рабочие одного завода (их иногда несколько сот, даже тысяч, разбросанных по многим местам) заявить о своем общем согласии? Закон этого не указал и этим опять-таки дал в руки фабриканта средство прижать рабочих. Чтобы не допустить такой прижимки, у рабочих есть одно средство: требовать в каждом таком случае выбора депутатов от рабочих для передачи хозяину **общего** решения всех рабочих. Такое требование рабочие могут основывать на законе, ибо закон говорит о соглашении всех **рабочих,** а все рабочие не могут же говорить сразу с хозяином. Учреждение выборных депутатов от рабочих будет для них, вообще, очень полезно и пригодится для всяких других сношений с фабрикантом и с конторой, так как отдельному рабочему очень трудно и часто даже вовсе невозможно заявлять требования, претензии и т. п. Далее, про рабочих «инославных исповеданий» закон говорит, что для них «разрешается» не вносить в список праздников те дни, которые не чтутся их церковью. Но ведь зато есть другие праздники, которые чтутся католиками и которых нет у православных. Закон об этом умолчал, попытавшись, следовательно, несколько прижать неправославных рабочих. Еще сильнее прижимка рабочих не-христиан: для них, по закону, «допускается» вносить в праздники другие дни недели вместо воскресенья. Только «допускается»! Наше христианское правительство так дико травит лиц, не принадлежащих к господствующей религии, что возможна, пожалуй, и здесь попытка притеснить не-христиан посредством неясности закона.

Закон же выразился тут очень темно. Надо понимать его так, что один день в неделе обязательно должен быть днем отдыха и допускается лишь замена воскресенья другим днем. Но и «господствующая» религия дает поблажку только «господам», а для рабочего человека она тоже не упустит случая придумать всякую каверзу. Посмотрим-ка, **какие праздники** требует закон вносить обязательно в расписание. Хорошо ведь это говорить об установлении воскресного и праздничного отдыха; на деле и до сих пор рабочие не работали обыкновенно, в большинстве случаев, ни в воскресенья, ни в праздники. Закон может ведь так установить праздничный отдых, что число **обязательных** праздников окажется гораздо ниже **обычных** праздников. **Именно так и сделало в новом законе наше христианское правительство.**

(Ленин — «Новый фабричный закон», т. II, изд. 3).

Ночной труд

С точки зрения процесса увеличения стоимости, постоянный капитал, средства производства существуют лишь для того, чтобы впитывать труд и с каждой каплей труда впитывать соответственное количество прибавочного труда. Раз они этого не делают, уже самое существование их представляет для капиталиста отрицательную величину, так как в продолжение всего времени, пока средства производства остаются без употребления, они являются бесполезно авансированным капиталом; потеря эта становится положительной, если возобновление прерванного производства делает необходимым добавочные затраты. Удлинение рабочего дня за пределы естественного дня, удлинение за счет ночи действует только как паллиатив, лишь до известной степени утоляет вампирову жажду живой крови труда. Присвоение труда впродолжение всех 24 часов в сутки является поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Но так как физически невозможно высасывать днем и ночью одни и те же рабочие силы, то, чтобы преодолеть физические препятствия, требуется смена рабочих сил, пожираемых днем и ночью, — смена, допускающая различные методы, напр. организованная таким способом, что часть рабочего персонала одну неделю несет дневную работу, другую неделю — ночную и т. д. Как известно, такая система смен, такое переменное хозяйство господствовало в эпоху пышащего здоровьем, юношеского периода английской хлопчатобумажной промышленности и т. д. и процветает в настоящее время, между прочим, на бумагопрядильных фабриках Московской губернии.

Как система этот 24-часовой процесс производства существует и поныне во многих до сих пор еще «свободных» отраслях промышленности Великобритании, между прочим, при доменных печах, в кузницах, на железопрокатных заводах и других металлургических мануфактурах Англии, Уэльса и Шотландии.

Трудовой процесс кроме 24 часов шести рабочих дней захватывает здесь по большей части и воскресные сутки. В состав рабочих входят мужчины и женщины, взрослые и дети обоего пола. Возраст детей и подростков охватывает все переходные ступени от 8 (в иных случаях от 6) до 18 лет. В некоторых отраслях девушки и женщины работают ночью совместно с мужским персоналом.

Не говоря уже об общих вредных последствиях ночного труда,[1] непрерывный, длящийся в течение суток процесс производства дает в высшей степени удобный случай для того, чтобы переступать границы номинального рабочего дня. Например, в упомянутых выше отраслях промышленности, требующих большого напряжения, официальный рабочий день составляет по большей части 12 часов ночных или дневных. Но сверхурочный труд, выходящий за эти пределы, во многих случаях, выражаясь словами английского официального отчета, «поистине ужасен» (truly fearful). «Никакой человеческий ум, — говорится в отчете, — не может представить себе той массы труда, которая, согласно свидетельским показаниям, выполняется мальчиками 9—12 лет, и не прийти после этого к тому неизбежному выводу, что такое злоупотребление властью родителей и работодателей не может быть долее терпимо.

«Одно то обстоятельство, что мальчиков вообще заставляют работать попеременно то днем, то ночью, приводит как во время оживления дел, так и во время их обычного хода к позорному удлинению рабочего дня. Это удлинение во многих случаях носит не только ужасающий, но прямо-таки невероятный характер. Неизбежно случается время от времени, что по той или иной причине не явится кто-нибудь из мальчиков, которые должны сменить окончивших работу. В таком случае один или несколько из присутствующих мальчиков, уже закончивших свой рабочий день, должны заменить недостающего. Система эта настолько общеизвестна, что директор одного прокатного завода на мой вопрос, каким образом заполняются места отсутствующих мальчиков, ответил: «Я ведь знаю, что вам это так же хорошо известно, как и мне», — и без всяких колебаний признал отмеченный факт»[2]...

[1] «Конечно, представляется естественным,— замечает один фабрикант стали, у которого применяется ночной труд детей,— что подростки работающие ночью, не имеют возможности спать днем и получить необходимый отдых, а принуждены весь следующий день слоняться без отдыха» („Children's Employment Commission Fourth. Rep.", 62, p. XIII). Вот что говорит один врач относительно важного влияния солнечного света на сохранение и развитие организма: «Свет оказывает непосредственное влияние на ткани тела, которым он придает крепость и упругость. Мускулы животных, лишенных нормального количества света, становятся рыхлыми и теряют свою упругость, нервная сила вследствие отсутствия возбуждающих стимулов утрачивает свой тон, и развитие всего, что находится в процессе роста, задерживается... Что касается детей, то для их здоровья особенно важен постоянный обильный приток дневного света и непосредственное действие солнечных лучей в продолжение некоторой части дня. Свет способствует переработке пищи в хорошую пластическую кровь и укрепляет новообразовавшиеся фибры. Он влияет так же, как возбудитель на зрительные органы и таким образом вызывает более интенсивную деятельность различных мозговых функций». Г-н W. Strange, главный врач „General Hospital'я" в Worcester'е, на сочинения которого «О здоровье» (1864 г.) мы заимствуем этот отрывок, сообщает в письме к члену следственной комиссии г. White: «Раньше я имел возможность наблюдать в Ланкашире влияние ночного труда на фабричных детей, и вопреки обычному уверению некоторых работодателей я решительно утверждаю, что этот труд скоро наносит ущерб здоровью детей» („Children's Employment Commission. 4-th Report", 284, 55). Одно то обстоятельство, что подобные вещи могут вообще служить предметом серьезного обсуждения, лучше всего доказывает, как влияет капиталистическое производство на «мозговые функции» капиталистов и их приспешников.

[2] На писчебумажных фабриках, на которых бумага производится посредством машин, ночная работа существует как общее правило для всех процессов, кроме сортировки тряпья. В некоторых случаях ночную работу, благодаря сменам, безостановочно продолжают всю неделю, обыкновенно с ночи воскресенья до 12 часов ночи следующей субботы. Рабочий персонал, находящийся в дневной

Послушаем теперь, как сам капитал изображает эту 24-часовую систему. Он, конечно, обходит молчанием эксцессы этой системы, злоупотребления ею в целях «жестокого и невероятного» удлинения рабочего дня. Он говорит лишь о системе в ее «нормальной» форме.

Вот, что говорят господа Naylor и Vickers, фабриканты стали, применяющие от 600 до 700 рабочих, из которых лишь 10% не достигло 18-летнего возраста, причем из числа этих последних лишь 20 мальчиков работают в ночной смене: «Мальчики совсем не страдают от жары. Температура, вероятно, достигает 30—32 градусов Цельсия... В кузнечной и прокатной мастерских руки заняты посменно днем и ночью, напротив, во всех остальных мастерских труд исключительно дневной, от 6 часов утра до 6 часов вечера. В кузнечной работают от 12 часов до 12 часов. Некоторое число рук работает постоянно ночью, без смены дневного и ночного труда... Мы не находим, чтобы дневной и ночной труд оказывали различное влияние на здоровье (господ Naylor'а Vickers'а?), и вероятно люди спят лучше, когда отдых наступает в одно и то же время, чем когда оно изменяется... Около двадцати мальчиков моложе 18 лет работают в ночной смене... ы не можем обойтись (not well do) без ночного труда мальчиков до 18-летнего возраста. Наше возражение — увеличение издержек производства. Искусные руки и руководителей отделений находить не легко, мальчиков же можно достать сколько угодно... Конечно, принимая во внимание относительную незначительность числа занятых у нас мальчиков, ограничение ночного труда не имело бы для нас существенной важности или значения».

Господин J. Ellis, от фирмы господ John Brown and C°, стале- и железоделательных заводов, на которых занято 3000 мужчин и подростков, причем часть тяжелых работ по выделке стали и железа производится «сменами днем и ночью», заявляет, что в трудных сталепрокатных отделениях на двух взрослых приходится один или два подростка. Их предприятие насчитывает 500 подростков до 18-летнего возраста и из них 170, или около ⅓, моложе 13 лет. Относительно проектированного изменения в законе господин Ellis говорит: «Я не думаю, что было бы

смене, работает ежедельно пять дней по 12 часов и один день — 18 часов, а находящийся в ночной смене — 5 ночей по 12 часов и одну ночь — 6 часов. В других случаях каждая смена работает в дни ломки смен по 24 часа и одна за другой попеременно. Одна смена работает 6 часов в понедельник и 18 в субботу, чтобы пополнить 24 часа. В некоторых случаях введена промежуточная система, при которой все рабочие, занятые на бумагопрядильных машинах, работают каждый день недели по 15—16 часов. Эта система—говорит член следственной комиссии Lord ,— как бы соединяет в себе все зло 12-часовой и 24-часовой систем смен. При этой системе ночной работы работают дети моложе 13 лет, подростки моложе 18 лет и женщины. Иногда, при 12-часовой системе, им приходится работать двойную смену, 24 часа, чтобы заменить отсутствующих рабочих. Свидетельские показания обнаруживают, что сверхурочная работа мальчиков и девочек очень часто непрерывно продолжается по 24 и даже по 36 часов. В «непрерывном и беспеременном процессе» глазирования можно встретить двенадцатилетних девочек, которые работают целый месяц по 14 часов в сутки «без какого бы то ни было регулярного отдыха или перерыва в работе, кроме двух, самое большее трех получасовых перерывов для принятия пищи». На некоторых фабриках, где совсем оставлена регулярная ночная работа, продолжительность сверхурочного времени достигает ужасающих размеров, и что часто в самых грязных, совершающихся при раскаленной температуре и самых монотонных процессах („Children's Employment Commission. 4-th Report 1865», p. XXXVIII and XXXIX).

очень предосудительно (very odjectionable), если бы воспретили заставлять лиц, не достигших 18-летнего возраста, работать более 12 часов в сутки. Но я не думаю, чтобы можно было привести какие-нибудь доказательства в пользу того, что при ночном труде можно обойтись без подростков старше 12 лет. Мы скорее приняли бы закон, воспрещающий вообще применение труда детей, не достигших 13- или даже 15-летнего возраста, чем такой, который воспрещал бы ночной труд подростков, уже работающих у нас. Подростки, занятые в дневной смене, должны попеременно работать и в ночной смене, так как взрослые рабочие не могут непрерывно работать по ночам; это повлияло бы разрушающим образом на их здоровье. Однако мы полагаем, что ночной труд с промежутком в неделю не приносит вреда. (Господа Naylor и Vickers, защищая интересы своего предприятия, полагали, наоборот, что не беспрерывный, а как-раз периодически сменяющийся ночной труд может принести вред). Мы видим, что люди, занятые ночным трудом в перемежку с дневным, так же здоровы, как те, которые работают только днем... Мы возражаем против воспрещения ночного труда подростков моложе 18 лет потому, что это увеличило бы издержки, но в этом и есть единственное основание. (Какой наивный цинизм!) Мы думаем, что это увеличение издержек превысило бы то, чего было бы позволительно требовать от промышленности (the trade) при должном внимании к ее успехам. (As the trade with due regard to its being successfully carried out could fairly bear! Какая киселеобразная фразеология!) Труд здесь редок, а при таком регулировании он мог бы сделаться недостаточным» (т. е. Ellis, Brown and C° могли бы попасть в фатальное положение: полностью уплачивать стоимость рабочей силы)...

Господин E. F. Sanderson, от фирмы Sanderson, Bros and C°, сталелитейных, железопрокатных и кузнечных заводов в Attercliffe, следующим образом высказывается по тому же вопросу: «Большие затруднения повлекло бы за собою воспрещение ночного труда подростков моложе 18 лет; главное затруднение в увеличении издержек, к которому по необходимости повела бы замена детского труда трудом взрослых мужчин. Я не сумел бы сказать, во что обошлось бы это, но вероятно увеличение издержек не было бы настолько значительным, чтобы фабрикант мог повысить цену стали, а следовательно, убыток пал бы на него, так как рабочие (что за упрямый народ!), конечно, отказались бы его нести». Господин Sanderson не знает, сколько он платит детям, но, «вероятно, это составляет от 4 до 5 шилл. на душу в неделю... Труд детей таков, что для него вообще («generally», конечно, не всегда «в частности») совершенно достаточно силы подростков, а потому бо́льшая сила взрослых рабочих не дала бы никакой выгоды, которая могла бы компенсировать потери, или это наблюдалось бы лишь в немногих случаях, когда приходится иметь дело с очень тяжелым металлом. Взрослым рабочим в свою очередь не улыбалось бы, если бы они не имели в своем распоряжении мальчиков, так как взрослые мужчины менее послушны. Кроме того, мальчикам следует начинать работу с раннего возраста, чтобы изучить дело. Ограничение труда подростков исключительно дневным трудом препятствовало бы достижению этой цели». Но почему же? Почему подростки не могли бы изучать своего ремесла днем? Ваши основания? «Потому, что взрослые рабочие, работающие попеременно неделю днем, другую неделю ночью, отделяемые от подростков своей смены в течение

всего этого времени, теряли бы половину той выгоды, которую они могли бы из них извлечь. А именно, то руководство, которое получают от них подростки, учитывается как часть заработной платы последних, и это дает взрослым рабочим возможность дешевле получать труд подростков. Каждый взрослый рабочий потерял бы половину своей прибыли. Другими словами, господа Sanderson должны были бы уплачивать соответствующую часть заработной платы взрослых рабочих из собственного кармана вместо того, чтобы уплачивать ее ночным трудом подростков. Прибыль господ Sanderson при этом несколько понизилась бы, и это служит для Sanderson'ов достаточным основанием, почему подростки не должны изучать свое ремесло днем. Кроме того, это взвалило бы регулярный ночной труд целиком на плечи взрослых, которые теперь сменяются подростками, и они не выдержали бы этого. Коротко говоря, затруднения были бы настолько велики, что они привели бы, по всей вероятности, к совершенному уничтожению ночного труда. «Что касается собственно производства стали, — говорит E. F. Sanderson, — то это не составило бы никакой разницы, но!» Но господам Sanderson'ам есть о чем позаботиться, кроме производства стали. Производство стали — это только предлог для производства прибыли. У плавильных печей, прокатных мастерских и т. д., у строений, машин, железа, угля и т. д. есть дело поважнее, чем превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы впитывать прибавочный труд, а впитывают они его, конечно, больше в 24 часа, чем в 12 часов. В самом деле, по законам божеским и человеческим обладание ими дает Сандерсонам право на рабочее время известного числа рук в течение полных суток; они утрачивают свой характер капитала и потому представляют чистый убыток для Сандерсонов, если только их функция впитывания труда прерывается. «Но в таком случае произошла бы потеря вследствие того, что очень дорогие машины половину времени бездействовали бы, и мы были бы принуждены удвоить размер помещений и количество машин для того, чтобы произвести такое же количество продуктов, какое мы в состоянии произвести при теперешней системе, а это удвоило бы издержки». Но почему как-раз эти Сандерсоны заявляют притязание на привилегию по сравнению с другими капиталистами, которым позволено работать только днем, и у которых строения, машины, сырой материал ночью «бездействуют»? «Это правда, — отвечает E. F. Sanderson от лица всех Сандерсонов, — это правда, что потеря, происходящая вследствие бездействия машин, распространяется на все мануфактуры, в которых работают только днем. Но применение плавильных печей повело бы в нашем случае к экстраординарным потерям. Если их поддерживать в ходу, растрачивается топливо (вместо жизни рабочих, которая растрачивается в настоящее время), если же их не поддерживать в ходу, то теряется время на то, чтобы вновь развести огонь и получить необходимую температуру (тогда как потеря даже восьмилетними детьми времени сна является выигрышем рабочего времени для всей сандерсоновской братии), да и сами печи пострадали бы от перемены температуры» (тогда как те же печи нисколько не страдают от дневной и ночной смены труда).[1]

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 8)

[1] Подобным же образом господин фабрикант стекла выразил нежное сомнение на тот счет, чтобы определение «регулярного времени для обеда» детей было

«Ночь» для черного народа, который должен всю жизнь работать для других, и «ночь» для чистых господ, которые могут жить чужим трудом — это по «закону» [1] совсем различные вещи. И в С.-Петербурге, и в Москве в 4 час. утра большую часть года еще совсем темно, совсем ночь. Но русский закон постановляет, что рабочий должен сообразовываться всю жизнь с интересами капитала, рабочий должен верить, что в пятом часу **обязательно** начинается день, хотя бы до восхода солнца оставалось еще несколько часов. А ведь если рабочий живет не на фабрике, то ему придется вставать в **три** часа, а, может быть, и раньше, чтобы поспеть к четырем на фабрику! Для петербургских чиновников «день» начинается с 12 часов дня, даже с 1 часу, но ведь чиновники — это совсем особые люди... Кончается «день» для рабочих только в 10 часов вечера и, выходя с фабрики на совершенно темную улицу, рабочий не должен смущаться этой темнотой: он должен помнить и верить, что только-только кончился «день», ибо так постановляет закон. Почему бы уже не постановить в законе, что «день» для рабочего начинается тогда, когда фабричный свисток зовет его на фабрику, и кончается тогда, когда тот же свисток зовет другую смену — ведь это было бы

возможно, так как это пошло бы к «чистой потере» и «расточению» определенного количества теплоты, налучаемой печами. На это член следственной комиссии White, совершенно не похожий на Ure, Senior'a и т. д. и их жалкие немецкие подголоски в роде Рошера и других, растроганных «воздержанием», «самоотречением» и «бережливостью» капиталистов в расходовании своих денег и их тимуртамерлановской «расточительностью» в расходовании человеческой жизни, дает такой ответ: «Если и будет растрачиваться некоторое излишнее количество теплоты по сравнению с теперешним вследствие того, что будет обеспечено регулярное обеденное время, то такая растрата, даже выраженная в денежной стоимости, не идет ни в какое сравнение с расточением жизненной силы („the waste of animal power"), которое терпит теперь королевство вследствие того, что дети, занятые на стеклянных заводах и находящиеся в периоде роста, не имеют свободного времени, чтобы спокойно принять и переварить пищу» (там же, стр. XIV). И это в «год прогресса», 1865! Мы не говорим уже о том, какая затрата силы требуется на то, чтобы поднимать и переносить тяжести: на заводах, выделывающих бутылки и флинтглас, ребенок, непрерывно совершая свою работу, должен сделать в продолжение 6 часов 15—16 (английских) миль! А работа продолжается часто 14—15 часов! На многих из таких стеклянных заводов господствует, как на московских прядильнях, система шестичасовых смен. В продолжение недельного рабочего времени самый продолжительный непрерывный отдых продолжается 6 часов. Но отсюда следует вычесть время, необходимое для того, чтобы дойти до фабрики и обратно, умыться, одеться, принять пищу, а все это требует времени. Таким образом в действительности остается лишь самое непродолжительное время для отдыха. Если не урывать времени у сна, то некогда поиграть и подышать свежим воздухом, что так необходимо детям, занятым таким напряженным трудом в столь горячей атмосфере... Но и короткий сон ребенка нарушается ночью заботой о том, чтобы не проспать на работу, днем — доходящим наве шумом». Г-н White приводит случаи, когда один подросток работал 36 часов без перерыва, когда двенадцатилетние мальчики работают до двух часов ночи, а затем спят на заводе до 5 часов утра (3 часа), чтобы затем снова приняться за дневную работу! «Количество работы, — говорят редакторы общего отчета Tremenheere u. Tufnell, — выполняемое мальчиками, девочками и женщинами во время дневной или трудовой смены (spell of labour), прямо баснословно» (там же, стр. XLIII и XLIV. А между тем «преисполненный самоотречения» капитал стеклопромышленности, пошатываясь от портвейна, возвращается поздно ночью из клуба домой и идиотски напевает себе под нос: «Britons never, never, shall be slaves»! (Нет, никогда не будут британцы рабами!).

[1] См. примечание 3-е.

откровеннее и справедливее!.. Единственное ограничение «ночной работы» в новом законе состоит в том, что рабочие, занятые хотя бы отчасти ночью, не должны работать более 10 часов в сутки. И только. Запрещения ночных работ в законе нет. Закон и в этом отношении остался позади **ходатайств** петербургских фабрикантов, которые 14 лет тому назад (1883 г.) ходатайствовали о запрещении ночной работы взрослым рабочим. Петербургские рабочие и в этом отношении добились бы, следовательно, бо́льшего от фабрикантов, **если бы не помешало правительство,** которое вступилось за интересы наиболее отсталых русских фабрикантов. Правительство не послушась петербургских фабрикантов, ибо не желало обидеть московских фабрикантов, которые большею частью заставляют рабочих работать по ночам. Свое прислужничанье интересам **худших** фабрикантов правительство постаралось, как водится, прикрыть лживыми фразами и уверениями. «Вестник финансов», издаваемый министерством финансов, в объяснительной статье по поводу нового закона указал, что в других государствах (напр., Франции) ночная работа воспрещена. Но в нашем законе нельзя было, по его словам, этого сделать. «Ограничение суточной работы заведения не всегда возможно: есть целый ряд производств, требующих, по своим свойствам, непрерывности».

Очевидно, что это совсем пустая оттоворка. Ведь речь идет не о тех особых производствах, которые требуют непрерывности, а о всех производствах вообще. Непрерывность и по теперешнему закону невозможна при двух сменах, без сверхурочной работы, так как дневная работа определена в 11½ часов, а ночная в 10 часов, вместе 21½ ч. Поэтому насчет производств, требующих непрерывности, все равно в новом законе предусмотрены исключения (т. е. особые министерские правила, о которых мы скажем ниже). Значит, ровно никакой «невозможности» запретить ночные работы не было. Мы уже сказали, что правительство хочет выставить себя заботящимся о здоровье рабочих; вот как говорит министерство финансов о ночной работе: «Ночные работы, бесспорно, более утомительны, вредны для здоровья и вообще менее естественны, нежели работы при дневном свете; вред этой работы тем больше, чем она продолжительнее и постояннее. Казалось бы, что, в виду вредности ночных работ, лучше всего запретить их и взрослым рабочим (как это воспрещается женщинам и подросткам обоего пола в некоторых производствах, а малолетним безусловно), но для этого нет никаких оснований даже с точки зрения общего благосостояния рабочего; умеренный ночной труд безвреднее для него, нежели слишком продолжительная, но одинаково оплачиваемая дневная работа». Вот как хорошо умеют отводить глаза народу чиновники русского правительства! Даже защита интересов худших из фабрикантов выставляется заботой о «благосостоянии рабочего». И как бесстыдно то оправдание, которое придумано министерством: «умеренный ночной труд», изволите видеть, «безвреднее, чем слишком продолжительная, но оплачиваемая одинаково, дневная работа». Министерство хочет сказать, что рабочего вынуждает итти на ночную работу низкая заработная плата, такая низкая плата, при которой **рабочему** нельзя обойтись без непомерно длинной работы. И вот министерство, уверенное, что это всегда так останется, что рабочему не добиться лучшей платы, цинично объявляет: если рабочему приходится работать безобразно долго, чтобы прокормить семью,

то не все ли ему равно уж, днем работать лишние часы или ночью? Конечно, если останутся прежние нищенские заработки у большинства русских рабочих, то нужно заставит их работать лишние часы, но какое же нахальство нужно, чтобы объяснить разрешение ночной работы забитым положением рабочего! «Оплачиваться труд будет одинаково» — вот в чем суть для прислужников капитала — «а при теперешней оплате труда рабочему не обойтись без лишних часов». И подобные чиновники, сочиняющие кулацкие доводы для прижимистых фабрикантов, смеют еще говорить о «точке зрения общего благосостояния рабочего». Не напрасно ли только они надеются на то, что рабочий всегда будет таким забитым, всегда станет соглашаться на «одинаковую оплату», именно прежнюю нищескую оплату его труда? Низкая плата и длинный рабочий день всегда идут рядом и одно без другого невозможно. Если плата низка, то рабочему необходимо придется работать лишние часы, работать и по ночам, чтобы выработать себе на прокормление. Если рабочее время непомерно длинно, то оплата всегда будет низка, потому что при длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне: — потому что рабочий, задавленный непомерной работой, всегда будет оставаться забитым и бессильным против гнета капитала. Поэтому, если министерство русских фабрикантов предполагает сохранение в неизменности теперешней безобразно низкой заработной платы русских рабочих и в то же время толкует о «благосостоянии рабочих», — то это яснее ясного показывает лицемерие и ложь его фраз.

(Ленин — «Новый фабричный закон», т. II, изд. 3).

Женский и детский труд

Рассмотрим ближе тот факт, что развитие машинного производства более и более ограничивает работу взрослых мужчин. Работа при машинах как прядильных, так и ткацких сводится, главным образом, к связыванию разорванных нитей, а все остальное делает машина; для этой работы требуется не столько сила, сколько большая гибкость пальцев. Вот почему мужчины взрослые для этого не только не нужны, но даже, вследствие более сильного развития мышц и костей их рук, менее для этого годятся, чем женщины и дети, и потому из этой отрасли труда почти совершенно вытеснены. Таким образом, чем больше деятельность рук, сила мышц, заменяется с введением машин силой воды или пара, тем менее фабрикант нуждается во взрослых мужчинах, а так как женщины и дети получают более низкую плату, и, как уже сказано, более пригодны к этой работе, то они и занимают места взрослых мужчин. В прядильных работают у прялок «Тростль» только женщины и девушки, у мюль — один прядильщик, взрослый мужчина (который у сельфакторов становится излишним) и несколько помощников, большей частью женщин или детей, порой молодых мужчин 18—20 лет, иногда старых, лишившихся работы прядильщиков — для связывания нитей. За механическими ткацкими станками работают большей частью женщины от 15 до 20 лет и старше, иногда и мужчины, которые, однако, редко остаются при этом занятии после двадцати одного года. У кард-машин тоже работают только женщины; мужчины лишь оттачивают и чистят чесальные машины. Кроме

того, на всех фабриках находит еще работу несколько детей и несколько взрослых мужчин: первые заняты сниманием шпулек (doffers) и насаживанием новых, а вторые служат в качестве надсмотрщиков, механика, машиниста при паровой машине, столяров, привратника и т. д. Но сама работа при машинах производится женщинами и детьми. Фабриканты и это отрицают, и в прошлом году обнародовали даже важные таблицы, которые должны были доказать, что машины взрослых мужчин не вытесняют. Из таблиц этих видно, что из всех фабричных рабочих более половины (52%) принадлежит к женскому полу и около 48% к мужскому, и что из всех этих рабочих более половины старше 18 лет. Все это совершенно верно, но господа фабриканты осторожно не говорят нам, сколько взрослых рабочих было мужского и сколько женского пола, а в этом все дело. Они и без того, очевидно, внесли в таблицы всех взрослых мужчин, находящихся в каком-нибудь соприкосновении с фабрикой: механиков, столяров и даже, может быть, писцов, и тем не менее они не осмеливаются высказать, каково действительное положение дела. Таблицы эти вообще полны всевозможными ложными данными, превратными понятиями и вычислениями средних данных, на взгляд человека несведующего очень много доказывающими, но на взгляд человека сведующего недоказывающими ничего, умалчивают о важнейших пунктах и доказывают только слепой эгоизм и плутовство авторов-фабрикантов. Заимствуем из речи, произнесенной лордом Ашлеем 15 марта 1844 г. в Нижней палате, некоторые данные о возрасте и поле рабочих, данные, неопровергнутые данными фабрикантов, которые, впрочем, касаются только части английской фабричной промышленности. Из 419 560 фабричных рабочих Великобритании (1839) — 192 887, т. е. почти половина, были моложе 18 лет и 242 296 человек было женского пола и из них 112 192 были моложе 18 лет. Таким образом оказывается, что 80 695 мужчин рабочих было моложе 18 лет, а взрослых мужчин рабочих было 96 569 или 23%, т. е. **меньше одной четверти** всех рабочих. На хлопчатобумажных фабриках женщины составляли 56¼%, на фабриках шерстяных изделий — 69%, на фабриках шелковых изделий — 70½, на льнопрядильных — 70,5%. Этих цифр, думается, достаточно, чтобы доказать вытеснение взрослых мужчин рабочих.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

Перейдем теперь к самым важным отраслям английской горной промышленности, к железным рудникам и каменноугольным копям.

В каменноугольных копях и железных рудниках, эксплуатируемых приблизительно одними и теми же способами, работают дети 4, 5, 7 лет, но большинство старше 8 лет. Работа заключается в том, что они переносят руду с места ее добычи в главную шахту или место, откуда она может транспортироваться дальше на лошадях. Другая работа их состоит в том, что они стоят у дверей, ведущих из одной части шахты в другую, чтобы открывать и закрывать их для пропуска рабочих и руды. Для последней работы употребляются большей частью самые маленькие дети. В течение 12 часов в день они одинаково стоят в темноте, в тесном, большой частью сыром проходе, не имея даже столько работы, сколько это необходимо, чтобы спасти их от отупляющей скуки ничегонеделания. Зато переноска угля и железной руды очень тяжелый труд, потому что материал приходится перетаскивать

в довольно больших корзинах без колес прямо по неровному полу штолен, часто по сырой глине или по воде, по крутым подъемам и проходам, иногда столь тесным, что рабочим приходится пробираться по ним ползком. Для этой тяжелой работы употребляются дети постарше, мальчики и девочки. Каждую корзину тащит или один взрослый рабочий или двое детей, из которых один тащит корзину, а другой ее подталкивает. Откалывание руды — тоже очень утомительная работа: ею занимаются взрослые мужчины и сильные юноши старше 16 лет. Обычный рабочий день — 11—12 часов, часто работают и дольше, а в Шотландии работают до 14 часов. Очень часто работают двойное время, так что все рабочие проводят под землей 24, а нередко и 36 часов кряду. Определенного времени для еды по большей части нет, так что рабочие едят, когда они голодны и есть время поесть.

С внешней стороны положение рудокопов в общем довольно хорошо, а заработная плата их даже высока сравнительно с заработной платой их соседей, сельско-хозяйственных рабочих (которые, конечно, умирают с голоду). Исключение составляют некоторые части Шотландии и ирландский каменноугольный округ, где царит большая нищета. Ниже мы вернемся еще к этому благополучию — благополучию сравнительно с положением беднейшего класса всей Англии. Сначала же мы займемся рассмотрением зол, вытекающих из современного способа эксплуатации копей и рудников и предоставим решить читателю, может ли какая бы то ни было денежная плата вознаградить рабочего за такие страдания.

Дети и молодые люди, занятые перетаскиванием угля и железной руды, жалуются на большую усталость. Ни в одном промышленном заведении, как бы беспощадно ни эксплуатировались там рабочие, нельзя найти такого общего и такого крайнего утомления. На каждой странице отчета приведены примеры последнего. Очень часто случается, что дети, вернувшись домой, бросаются на каменный пол у очага и тотчас же засыпают, не будучи в состоянии даже кое-как поесть, и родителям приходится умывать их сонных и укладывать в постель.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

Конечно, закон 1844 года воспрещал для детей 8—13 лет, которые работали до 12 часов дня, возобновлять работу после 1 часа дня. Но он нисколько не регулировал 6½-часового труда детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов дня или позже! Поэтому восьмилетние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могут употребляться на работу от 12 до 1 часа, что составляет 1 час; от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа, и от 5 до 8½ часов вечера, что составляет 3½ часа, итого установленные законом 6½ часов! Или еще лучше. Чтобы приурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих-мужчин, работающих до 8½ часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до 8½ часов вечера! «И теперь уже прямо признаются, что в последнее время, вследствие алчного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов в сутки, в Англии установилась практика заставлять 8—13-летних детей обоего пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами

до 8½ часов вечера. Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал [словами Шейлока].

«На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного, — я требую уплаты
По векселю».

В самом деле, по статистическим данным, представленным в нижнюю палату 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3742 ребенка на 275 фабриках, несмотря на все протесты подверглись этой «практике». Но и этого мало! Рысий глаз капитала открыл, что закон 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося по крайней мере 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился счастья заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до 8½ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!»

Это достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была однако просто подготовить открытый бунт против того же самого закона, поскольку он регулирует труд «подростков и женщин».

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 8).

Одна категория фабрикантов обеспечила себе на этот раз,[1] как и раньше, особые сеньериальные права на пролетарских детей. Это были шелковые фабриканты. В 1833 г. они угрожающе вопили, что «если отнимут свободу заставлять работать детей всех возрастов по 10 часов в день, то этим остановят их фабрики» (if the liberty of working children of any age for 10 hours a day was taken away, it would stor their works). Для них невозможно купить достаточное количество детей старше 13 лет. Они добились желательной привилегии. Предлог при позднейшем исследовании оказался сплошной ложью, что однако не помешало им целое десятилетие по 10 часов в день тянуть шелковую пряжу из крови маленьких детей, которых для выполнения их работы приходилось ставить на стулья. Хотя закон 1844 г. «похитил» у них «свободу» обрабатывать детей моложе 11 лет более 6½ часов в день, но он обеспечил им зато привилегию обрабатывать детей 11—13 лет по 10 часов в день и отменил установленное для других фабричных детей обязательное посещение школы. На этот раз был выставлен такой предлог: «Тонкость ткани требует нежности пальцев, которая может быть приобретена лишь при условии раннего поступления на фабрику». Из-за нежных пальцев убивали детей, как рогатый скот на юре России бьют из-за кожи и сала. Наконец, в 1850 г. привилегия, предоставленная в 1844 г., была оставлена только за отделениями сучения и размотки шелка; но чтобы возместить убытки лишенного своей «свободы» капитала, рабочее время детей 11—13 лет было увеличено с 10 до 10½ часов. Предлог: «Работа на шелковых фабриках легче, чем на других, и ни в коем случае не приносит такого вреда для здо-

[1] См. примеч. 4-е.

ровья». Официальное медицинское исследование впоследствии показало, что, наоборот, «средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства Ланкашира». [1] Несмотря на протесты фабричных инспекторов, повторяющиеся каждое полугодие, это безобразие продолжается до настоящего времени [написано в 1866 г. — *К*].

Закон 1850 г. превратил только для «подростков и женщин» 15-часовой период с 5½ часов утра до 8½ часов вечера в 12-часовой период с 6 часов утра до 6 часов вечера. Таким образом это не относилось к детям, которых все еще можно было эксплоатировать ½ часа до начала и 2½ часа по окончании этого периода, хотя общая продолжительность их работы не должна была превышать 6½ часов. При обсуждении закона фабричные инспектора представили парламенту статистические данные относительно позорных злоупотреблений, к которым ведет эта аномалия. Но тщетно. Затаенное намерение заключалось в том, чтобы при помощи детей в годы процветания снова увеличить рабочий день взрослых рабочих до 15 часов. Опыт последующих 3 лет показал, что подобная попытка разбилась бы о сопротивление взрослых рабочих-мужчин. Поэтому закон 1850 г. был, наконец, дополнен в 1853 г. воспрещением «применять труд детей утром до начала и вечером по окончании труда подростков и женщин». Начиная с этого времени, фабричный закон 1850 г., за немногими исключениями, регулировал

[1] В общем физическое состояние рабочего населения, на которое распространяется действие фабричного закона, значительно улучшилось. Все отзывы врачей одногласны в этом отношении, и мои личные наблюдения, относящиеся к различным периодам, убедили меня в этом. Несмотря на то и оставляя в стороне невероятно высокую смертность детей в первые годы жизни, официальные отчеты доктора Greenhow'a указывают на неблагоприятное состояние здоровья в фабричных округах по сравнению с «земледельческими округами с нормальным состоянием здоровья». В доказательство привожу, между прочим, следующую таблицу из его отчета 1861 г.

Названия округов	Процентное отношение взрослых мужчин, занятых в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 мужчин	Процентное отношение взрослых женщ., зан. в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 женщин	Род занятий женщин
Wigan	14,9	598	18,0	644	Хлопок
Blackburn	42,6	708	34,9	734	Тоже
Halifax	37,3	547	20,4	564	Шерсть
Bradford	41,9	611	30,0	603	Тоже
Macclesfield	31,0	691	26,0	804	Шелк
Leck	14,9	588	17,2	705	Тоже
Stoke-upon-Trent .	36,6	721	19,3	665	Гонч. тов.
Woolstanton . . .	30,4	726	13,9	727	Тоже
Восемь здоровых земледельческих округов	—	305	—	340	— /

в подчиненных ему отраслях промышленности рабочий день всех рабочих. [1]

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 8)

Детский труд в крестьянском хозяйстве [2]

Для правильной оценки тех условий, в которые поставлено мелкое земледельческое производство при капитализме, всего важнее вопрос о положении работника, его заработке, количестве труда, обстановке жизни, — затем о содержании скота и о качестве ухода за ним, — наконец, о приемах обработки земли, об удобрении ее, о расхищении ее сил и т. д.

Не трудно понять, что, обходя эти вопросы (как поступает сплошь да рядом буржуазная политическая экономия), мы получим совершенно извращенное представление о крестьянском хозяйстве, ибо **действительная** его «жизнеспособность» зависит именно от положения работника, от условий содержания скота и ухода за землей. Предположить голословно, что в этих отношениях мелкое производство поставлено одинаково с крупным, значит принять за доказанное как-раз то, что требуется доказать, — значит встать сразу на буржуазную точку зрения.

Буржуазии хочется доказать, что крестьянин — заправский и жизнеспособный «хозяин», а не раб капитала, придавленный так же, как наемный рабочий, но более связанный, более запутанный, чем этот последний. Если серьезно и добросовестно искать **данных** для решения спорного вопроса, то надо доискиваться систематических и объективных показателей **условий жизни и труда** в мелком и крупном производстве.

К числу таких показателей — и притом особенно важных — принадлежит степень применения **детского** труда. Чем сильнее эксплуатация детского труда, тем, несомненно, хуже положение работника, тем тяжелее его жизнь.

Австрийская и германская сельскохозяйственные переписи дают сведения о числе детей и подростков в общем числе занятых сельским хозяйством лиц. При этом в Австрии особо сосчитаны все работники и работницы, имеющие **меньше** 16 лет. Таких оказалось 1,2 миллиона из 9 миллионов, т. е. 13%. В Германии же выделены только малолетние **до 14 лет**, и таких оказалось шестьсот тысяч (601 637) из пятнадцати миллионов (15 169 549), т. е. 3,9%.

[1] В годы наивысшего расцвета английской хлопчатобумажной промышленности, в 1850 и 1860 гг., некоторые фабрикаты приманкой высокой заработной платы за сверхурочное время попытались склонить взрослых прядильщиков-мужчин и т. д. к увеличению рабочего дня. Прядильщики, работающие на ручных станках и на сельфакторах, положили конец этому эксперименту запиской, которую они подали сим хозяевам, и в которой, между прочим, говорится: «Прямо сказать, наша жизнь для нас в тягость, и пока нас приковывают к фабрике почти на два дня в неделю (на 20 часов) больше, чем других рабочих, мы чувствуем себя в стране плутами и укоряем себя за то, что увековечиваем такую систему, которая физически и морально вредит нам самим и нашему потомству... Поэтому мы почтительно доводим сим до вашего сведения, что, начиная с первого дня нового года, мы не будем работать ни одной минутой больше 60 часов в неделю, с 6 часов до 6 часов, за вычетом законом установленных перерывов в 1½ часа» («Reports etc. for 30-th April 1860», p. 30).

[2] Заголовок Ленина.

Ясно, что австрийские и германские данные несравнимы. Но вполне сравнимы **отношения** между пролетарскими, крестьянскими и капиталистическими хозяйствами, обнаруживающиеся при этом.

К пролетарским хозяйствам мы относим крошечные кусочки земли (до двух гектаров, т. е. почти двух десятин на хозяйство), — которые дают подсобный заработок наемным рабочим. К крестьянским хозяйствам относим имеющие от 2 до 20 гектаров; здесь семейный труд преобладает над наемным. Наконец, капиталистические, это — более крупные хозяйства, в которых наемный труд преобладает над семейным.

Вот данные о детском труде в хозяйствах этих трех типов:

Группы хозяйств:	Хозяйства:	На сто лиц в сельском хозяйстве приходится детей: до 16 лет Австрия	до 14 лет Германия
Пролетарские	до ½ гектара	8,8	2,2
	от ½ до 2 гектаров	12,2	3,9
Крестьянские	„ 2 „ 5 „	15,3	4,6
	„ 5 „ 10 „	15,6	4,8
	„ 10 „ 20 „	12,8	4,5
Капиталистические	„ 20 „ 100 „	11,1	3,4
	„ 100 и более „	4,2	3,6
	Всего	13,0	3,9

Мы видим отсюда, что в обеих странах эксплуатация детского труда **всего сильнее** именно в **крестьянских** хозяйствах вообще и в частности как-раз в **средне-крестьянских** хозяйствах (5—10 гектаров, т. е. 4½—9 десятин земли).

Итак, мало того, что мелкое производство поставлено хуже крупного. Мы видим еще, что специально крестьянское хозяйство поставлено хуже не только чем капиталистическое, но даже чем пролетарское хозяйство.

Как объяснить это явление?

В пролетарском хозяйстве земледелие ведется на таком ничтожном клочке земли, что о «хозяйстве» собственно и говорить серьезно не приходится. Земледелие здесь **подсобное** занятие; главное же — наемный труд в земледелии и в промышленности. Влияние промышленности вообще поднимает уровень жизни работника и в частности сокращает эксплуатацию детского труда. Например, в Германии перепись насчитала в промышленности только 0,3% работников до 14 лет (т. е. вдесятеро меньше против земледелия) и только 8% до 16 лет.

В крестьянском же хозяйстве влияние промышленности всего слабее, а конкуренция с капиталистическим земледелием всего сильнее. Крестьянин не в силах держаться, не надрываясь над работой сам и не заставляя вдвое тяжелее работать своих детей. Нужда заставляет крестьянина своим горбом наверстывать недостаток капитала и технических усовершенствований. А если у крестьянина тяжелее всего работают дети, то это означает также, что тяжело работать и хуже кормиться приходиться крестьянскому скоту: необходимость напрягать все силы и «экономить» на всем сказывается неизбежно на всех сторонах хозяйства.

Германская статистика показывает, что среди наемных рабочих детей всего больше (почти 4—3,7%) в крупных капиталистических хозяйствах (100 и более десятин). А среди семейных рабочих детей всего больше у крестьян, именно: около 5% (4,9—5,2%). Из **временных** наемных рабочих процент детей доходит до 9,0% у крупных капиталистов, а из временных **семейных** рабочих этот процент у крестьян достигает 16,5—24,4%!!

Крестьянин в горячее время страдает от недостатка рабочих сил; нанимать рабочих он может лишь в небольшом числе; приходится налегать всячески на работу собственных детей. В результате получается тот факт, что в германском земледелии вообще процент детей среди семейных рабочих **почти в полтора** раза превышает этот процент среди наемных рабочих. Дети среди семейных рабочих — 4,4%, а среди наемных—3,0%.

Крестьянину приходится напрягаться на работе **больше,** чем наемному рабочему. Этот факт, подтвержденный тысячами отдельных наблюдений, доказан теперь вполне статистикой целых стран. Капитализм осуждает крестьян на величайшую придавленность и на гибель. Спасения иного нет, кроме присоединения к классовой борьбе наемных рабочих. Но, чтобы понять этот вывод, крестьянству приходится пережить долгие годы разочарований в обманчивых буржуазных лозунгах.

(Ленин. — «Детский труд в крестьянском хозяйстве», т. XVI, изд. 3).

Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот что несет капитализм везде и повсюду крестьянину.

Крестьянину **нет** спасения иначе как в присоединении к действиям пролетариата, наемных рабочих в первую голову.

Буржуазная политическая экономия и ее не всегда сознательные сторонники, в лице народников и оппортунистов, стараются, напротив, доказать, что мелкое производство жизнеспособно и выгоднее крупного. Не к пролетариату, а к буржуазии, не к классовой борьбе наемных рабочих, а к укреплению своего положения, как собственника и хозяина, должен тяготеть крестьянин, имеющий прочное и надежное положение в капиталистическом строе — такова сущность теории буржуазных экономистов.

Попытаемся проверить на точных данных состоятельность пролетарской и буржуазной теории. Возьмем данные о **женском** труде в земледелии Австрии и Германии. Для России до сих пор не существует полных данных — вследствие нежелания правительства произвести перепись всех сельскохозяйственных предприятий на научных основаниях.

В Австрии перепись 1902 г. из 9 070 682 лиц, занятых в сельском хозяйстве, насчитала 4 422 981 женщину, т. е. 48,7% женщин. В Германии, где капитализм развит значительно выше, женщин оказалось **большинство** среди всех занятых сельским хозяйством работников, именно 54,8%. Чем больше развивается капитализм в земледелии, тем больше он усиливает женский труд, т. е. **ухудшает** условия жизни трудящихся масс. В германской промышленности женщин занято 25%, а в земледелии более чем вдвое больше. Это значит, что промышлен-

ность отвлекает к себе **лучшие** рабочие силы, оставляя земледелию более слабые рабочие силы.

Земледелие в развитых капиталистических странах стало уже занятием преимущественно женским.

Но, если мы посмотрим на данные о земледельческих хозяйствах различных размеров, то мы увидим, что именно в **мелком** производстве эксплуатация женского труда достигает особенно больших размеров. Наоборот, крупное, капиталистическое, производство и в земледелии пользуется преимущественно мужским трудом, хотя и не догоняет в этом отношении промышленность.

Вот сравнительные данные по Австрии и Германии:

Хозяйства:	Группы хозяйств:	Процент женщин в общем числе работников	
		Австрия	Германия
Пролетарские	До ½ гектара[1]	52,0	74,1
	От ½ до 2 гектаров	50,9	65,7
Крестьянские	„ 2 „ 5 „	49,6	54,4
	„ 5 „ 10 „	48,5	50,2
	„ 10 „ 20 „	48,6	48,4
Капиталистические	„ 20 „ 100 „	46,6	44,8
	„ 100 и более „	27,4	41,0
Всего		48,7	54,8

Мы видим в обеих странах один и тот же закон капиталистического земледелия. Чем мельче производство, тем **хуже** состав рабочих сил, тем больше преобладание женщин в общем числе занятых сельским хозяйством лиц.

Общее положение дел при капитализме оказывается следующим.

В пролетарских хозяйствах, т. е. таких, «хозяева» которых живут главным образом наемным трудом (батраки, поденщики и вообще наемные рабочие с крохотным кусочком земли), **женский труд преобладает над мужским**, иногда в громадных размерах.

Не надо забывать, что число этих пролетарских или батрацких хозяйств громадно: в Австрии 1,3 миллиона из всего числа 2,8 миллиона, а в Германии даже 3,4 миллиона из всего числа 5,7 миллиона.

В крестьянских хозяйствах мужской и женский труд приблизительно одинаково распространен.

Наконец, в капиталистических хозяйствах мужской труд **преобладает над женским.**

Что это значит?

Это значит, что в мелком производстве состав рабочих сил хуже, чем в крупном, капиталистическом.

Это значит, что в земледелии работница-пролетарка и крестьянка — должна гораздо сильнее напрягаться, из кожи лезть, надрываться над работой в ущерб своему здоровью и здоровью своих детей, чтобы сравняться по возможности с работником-мужчиной в крупном, капиталистическом производстве.

Это значит, что мелкое производство держится при капитализме только **выколачиванием** из работника **большего** количества труда, чем выколачивает из работника крупное производство.

[1] Гектар = $^9/_{10}$ десятины.

Крестьянин более связан, более запутан сложною сетью капиталистической зависимости, чем наемный рабочий. Ему кажется, что он самостоятелен, что он может «войти в хозяйство», а на деле, чтобы держаться, он должен работать (на пользу капитала) тяжелее, чем наемный рабочий.

Данные о **детском** труде в земледелии еще яснее показывают это.

(Ленин. — «Мелкое производство в земледелии», т. XVI, изд. 3).

Антисанитарные условия труда при фабричном и мануфактурном производстве[1]

Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемом домашнем труде эксплоатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разделением, и потому что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, потому что домашний труд повсюду борется с машинным или по меньшей мере мануфактурным производством той же самой отрасли, бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда, — просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д.,—нерегулярность занятий растет и, наконец, потому что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишними», конкуренция между рабочими необходимо достигает своего максимума.

Впервые систематически выработанное машинным производством экономизирование [бережливое расходование] средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою истребительную и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развиты общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда.

Современная мануфактура

Металлургические мануфактуры в Бирмингаме и окрестностях на работы, по большей части очень трудные, применяют 30 000 детей и подростков и 10 000 женщин. Мы встречаем их здесь в антигигиенических меднолитейных заведениях, фабриках пуговиц, глазировальных, гальванопластических и лакировочных заведениях[2]. Чрезмерный труд для взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям почетное прозвище «бойни». В книжных брошюровочных такой же чрезмерный труд, жертвами которого здесь являются женщины, девушки и дети. Тяжелый труд малолетних в ка-

[1] См. примечание 5-е.

[2] И даже в шлифовании напильников в Шеффильде заняты дети!

натных заведениях, ночной труд на соляных заводах, свечных и других химических мануфактурах; в шелкоткацких заведениях, которые не пользуются механической двигательной силой, убийственное применение детского труда для вращения ткацких станков [1]. Одна из наиболее отвратительных, грязных и плохо оплачиваемых работ, для которых преимущественно применяются молодые девушки и женщины, — сортировка тряпья. Как известно, Великобритания, не говоря уже об огромной массе ее собственного тряпья, служит средоточием тряпичной торговли всего мира. Тряпье привозится сюда из Японии, отдаленнейших государств Южной Америки и с Канарских островов. Но главные источники тряпья, привозимого в Великобританию, — Германия, Франция, Россия, Италия, Египет, Турция, Бельгия и Голландия. Тряпье служит для удобрения, фабрикации кнопа (для набивки постелей), Shoddy (искусственой шерсти) и как сырой материал для производства бумаги. Эти женщины, сортировщицы тряпья, служат посредницами по распространению оспы и других заразных болезней, первыми жертвами которых являются они сами. Классическим примером чрезмерного труда, тяжелого и неподходящего труда и связанного с ним огрубения рабочих, которые потребляются с самого юного возраста, могут служить кроме рудников и угольных копей черепичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1867 г.) лишь в единичных случаях. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если сушка производится на вольном воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6- и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как и взрослые, часто больше взрослых. Труд суровый, а летний зной еще увеличивает истощение. Напр., на кирпичном заводе в Mosley одна 23-летняя девушка выделывала 2000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким краям ямы, с глубины в 30 футов, и переносили ее на расстояние 210 футов. «Невозможно пройти ребенку через чистилище кирпичного завода без того, чтобы не пасть нравственно... Непристойности, которые им приходится слышать с самого нежного возраста, грязные, неприличные и бесстыдные привычки, среди которых они вырастают в невежестве и одичании, превращают их на последующее время в беспутных, отверженных, распутных людей. Способ расквартирования служит ужасающим источником деморализации. Каждый moulder (формовщик, собственно искусный рабочий и глава группы рабочих) дает своей артели из 7 человек квартиру и стол в своей хижине или коттэдже. В этой хижине спят мужчины, подростки и девушки независимо от того, принадлежат они в семье формовщика или нет. Хижина обыкновенно состоит из 2 и лишь в исключительных случаях из 3 комнат, все на одном уровне с землей, с недостаточной вентиляцией. Тело настолько истощено суровым трудом в течение дня, что нечего и думать о соблюдении каких бы то ни было правил гигиены, чистоты и приличия. Многие из этих хижин могут служить настоящими

[1] „Children's Employment Commission, 5-th Report 1866", p. 114, 115, n. 6, 7. Член комиссии справедливо замечает, что если машина вообще замещает человека, то здесь подросток в буквальном смысле замещает машину.

образцами беспорядка, грязи и пыли... Величайшее зло системы, применяющей молодых девушек на работы этого рода, заключается в том, что они обыкновенно с самого детства на всю свою жизнь привязываются ею к самым отверженным отребьям. Прежде чем природа скажет им, что они — женщины, они превращаются в грубых, сквернословящих мальчишек («rough, foul-mouthed boys»). Одетые в скудное грязное тряпье, с ногами, обнаженными много выше колен, с волосами и лицом покрытыми грязью, они привыкают с презрением относиться ко всякому чувству благопристойности и стыда. В обеденное время они лежат растянувшись на лугах или подсматривают за подростками, которые купаются в соседнем канале. Закончив свой тяжелый труд, они одевают платья получше и сопровождают мужчин в кабаки и пивные». Что среди всего этого класса с самого детства царит страшное пьянство, это вполне естественно. Хуже всего, что кирпичники отчаиваются в самих себе. «Вы, сэр, — сказал один из лучших между ними каплану в Southallfield,—с одинаковым успехом могли бы попытаться поднять и исправить дьявола, как и кирпичника!» («You might as well try to raise and improve the devil as a brickie, Sir!») [1].

Относительно капиталистического экономизирования условий труда в современной мануфактуре (под которой здесь следует подразумевать все крупные мастерские, за исключением собственно фабрик) богатейший официальный материал можно найти в четвертом (1861 г.) и шестом (1864 г.) «Public Health Report». Описание workshops (мастерских), особенно у лондонских типографщиков и портных, превосходит по отвратительности все, что могла дать фантазия наших романистов. Влияние на здоровье рабочих понятно само собою. Д-р Simon, старший медицинский чиновник Privy Council и официальный редактор «Public Health Report», говорит между прочим: «В моем четвертом отчете (1863 г.) я указывал, до какой степени практически невозможно для рабочих отстоять свое первое право, — право на здоровье, настоять на том, чтобы, для каких бы работ ни собрал их хозяин, работа, поскольку это зависит от него, была освобождена от всех устранимых антигигиенических обстоятельств. Я показал, что в то время, как рабочие практически не в состоянии добиться своими силами осуществления этого права на здоровье, они не могут достигнуть действительной помощи и со стороны специальных чинов санитарной полиции... Жизнь десятков тысяч рабочих и работниц в настоящее время без нужды калечится и сокращается бесконечными физическими страданиями, которые порождаются тем простым фактом, что они работают». Для иллюстрации влияния мастерских на состояние здоровья рабочих д-р Simon дает следующую таблицу смертности: [2]

[1] „Children's Employment Commission. 5-th Report 1866», p. XVI, n. 96, 97, p. 130, n. 39, 61. Сравн. также там же, 3-rd Report 1864, p. 48, 56.

[2] Там же, p. 30. Д-р Simon отмечает, что смертность лондонских портных и печатников 25—35-летнего возраста в действительности много выше, так как лондонские предприниматели получают из деревни большое количество молодых людей до 30-летнего возраста в качестве «учеников» и „Improvers" (желающих усовершенствоваться в своем ремесле). Фигурируя по переписям в качестве лондонцев, они раздувают то число душ, на которое исчисляется смертность в Лондоне, хотя дают сравнительно меньшее число смертных случаев в Лондоне. Значительная часть из них, особенно в случае тяжелых заболеваний, возвращается в деревню (там же).

Отрасли промышленности в их отношении к здоровью	Число лиц различного возраста, занятых в соответствующих отраслях промышленности	Норма смертности на 100 000 человек в соответствующих отраслях промышленности (по возрастам)		
		25 — 35 л.	35 — 45 л.	45 — 55 л.
Земледелие в Англии и Уэльсе	958 265	743	805	1145
Лондонские портные	22 501 мужчин 12 379 женщин	958	1262	2093
Лондонские печатники	1 803	894	1747	2367

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 13).

Капитализм подчиняет себе один из продуктов сельского хозяйства, и к этому главному продукту приноравливаются все остальные стороны хозяйства. Содержание молочного скота вызывает посев трав, переход от трехполья к многопольным системам и т. д. Остатки, получающиеся при производстве сыра, идут на откармливание скота, поступающего в продажу. Предприятием становится не одна переработка молока, а все сельское хозяйство [1].

(Ленин — «Развитие капитализма в России», т. III, изд. 3).

Капиталистическая рационализация

В то же время эта [2] область фабричных законов ярко показывает, что капиталистический способ производства по самому своему существу за известной границей исключает всякое рациональное улучшение. Мы уже несколько раз отмечали, что английские врачи единогласно признают 500 куб. футов воздуха на человека едва лишь достаточным минимумом при постоянной работе. Хорошо! Раз фабричный закон всеми своими принудительными мерами косвенно ускоряет превращение мелких мастерских в фабрики, а потому косвенно посягает на право собственности мелких капиталистов и обеспечивает крупным монополию, то, если бы закон обеспечил в мастерских необходимое количество воздуха на каждого рабочего, это одним ударом прямо экспроприировало бы тысячи мелких капиталистов! Это поразило бы в самый корень капиталистический способ производства, т. е. самовозрастание капитала, и крупного и мелкого, при посредстве «свободной» купли и потребления рабочей силы. Потому-то перед этими 500 куб. футами воздуха у фабричного законодательства захватывает дух. Санитарные учреждения, комиссии по обследованию промышленности, фабричные инспектора снова и снова повторяют о необходимости этих 500 куб. футов и невозможности вынудить их у капитала. Таким образом они фактически заявляют, что чахотка и другие легочные болезни — условие существования капитала.

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 13).

Капитализм ни на минуту не может стоять на месте. Он должен итти вперед и вперед. Конкуренция, особенно обостряющаяся в эпохи кризиса, подобные нашей, заставляет изобретать все новые средства для удешевления производства. А господство капитала превращает все такие средства в орудия дальнейшего угнетения рабочего.

Система Тэйлора — одно из таких средств.

Недавно в Америке сторонники этой системы применяли такие приемы.

К руке рабочего прикрепляют электрическую лампочку. Фотографируют движения рабочего и изучают движения лампочки. Находят, что известные движения были «излишни»—и рабочего заставляют избегать этих движений, т. е. работать интенсивнее, не терять ни секунды на отдых.

Составляют целые планы новых фабричных построек — таким образом, чтобы не терялась ни одна лишняя минута при доставке материалов на фабрику, при передаче их из одной мастерской в другую, при вывозе готового продукта. Кинематограф применяется систематически для изучения работы лучших рабочих и для увеличения ее интенсивности, т. е. для большего «подгонянья» рабочего.

Например, в течение целого дня кинематографировали работу монтера. Изучив его движения, ввели особую скамейку настолько высокую, чтобы монтеру не надо было терять времени на то, чтобы наклоняться. Приставили мальчика в помощники монтеру. Мальчик должен был подавать ему каждую часть машины определенным, наиболее целесообразным способом. Через несколько дней монтер исполнял данную работу по сборке машины в **четверть** того времени, которое он употреблял раньше! Какой успех производительности труда!.. но плату рабочему повышают не в четверо, а всего в полтора раза, самое большое, да и то **только на первое время.** Как только рабочие привыкнут к новой системе, плату опять понижают до прежнего уровня. Капиталист получает громадную прибыль, а рабочий трудится вчетверо интенсивнее, выматывая свои нервы и мускулы вчетверо быстрее.

Новопоступающего рабочего ведут в заводский кинематограф, который показывает ему «образцовое» производство его работы. Рабочего заставляют «догонять» тот образец. Через неделю рабочему показывают в кинематографе его собственную работу и сравнивают ее с «образцом».

Все эти громадные усовершенствования делаются **против** рабочего, ведя к еще большему подавлению и угнетению его и при этом ограничивая рациональным, разумным, распределением труда **внутри фабрики.** Естественно является мысль: а распределение труда внутри всего общества? Какая бездна труда пропадает даром в настоящее время

[1] Д-р *Жбанков* говорит в своем «Санитарном исследовании фабрик и заводов Смоленской губ.» (Смол. 1894, в. I, стр. 7), что «число рабочих, занятых собственно сыроварением... очень незначительно... Гораздо больше вспомогательных рабочих, которые одновременно необходимы для сыроварни и для ведения сельского хозяйства, — это пастухи, доильщицы коров и др.; этих рабочих на всех (сыроваренных) заводах в два, три и даже четыре раза больше, чем специальных сыроваров». Заметим кстати, что, по описанию д-ра *Жбанкова*, условия работы здесь очень антигигиеничны, рабочий день чрезмерно продолжителен (16—17 час.) и т. д. Таким образом и для этого района торгового земледелия оказывается неверным традиционное представление об идиллической работе земледельца.

[2] См. примечанию 6-е.

от безалаберности, хаотичности всего капиталистического производства! Сколько теряется времени на переход сырого материала к фабриканту через сотни скупщиков и перекупщиков при неизвестности требований рынка! Не только время, но и самые продукты теряются и портятся. А потеря времени и труда на доставку готового продукта потребителям через бездну мелких посредников, которые тоже не могут знать требований покупщиков и делают массу не только лишних движений, но лишних закупок, поездок и так далее и тому подобное!

Капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы.

Система Тейлора — без ведома и против воли ее авторов — подготовляет то время, когда пролетариат возмет в свои руки все общественное производство и назначит свои, рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон — все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь.

И рабочие комиссии при помощи рабочих союзов сумеют применить эти принципы разумного распределения общественной работы, когда она избавлена будет от порабощения ее капиталом.

(Ленин. — «Система Тэйлора — порабощение человека машиной», т. XVII, изд. 3).

«НАУЧНАЯ» СИСТЕМА ВЫЖИМАНИЯ ПОТА [1]

Американский капитализм стоит впереди всех. Наибольшее развитие техники, наибольшая быстрота прогресса — все это заставляет старую Европу тянуться за янки. Но не демократические учреждения перенимает из Америки европейская буржуазия, не политическую свободу, не республиканский строй государства, а новейшие приемы эксплоатации рабочего.

Всего больше говорят теперь в Европе, а отчасти и в России, о «системе» американского инженера Фредерика Тейлора. Не так давно в актовом зале института инженеров путей сообщения в Петербурге г. Семенов читал доклад об этой системе. Тэйлор сам описал эту систему под названием «научной», и его книгу усердно переводят и пропагандируют в Европе.

В чем состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня. Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам — в секундах и долях секунды — количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приемы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте и т. д.

А в результате — за те же 9—10 часов работы выжимают из рабочего втрое больше труда, выматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наемного раба. Умрет раньше? — Много других за воротами!..

Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот.

Вот пример из книги Тэйлора.

Сравнивается работа нагрузки на тележки чугуна, который идет в дальнейшую переработку, сравнивается старая и новая, «научная» система:

	Старая система	Новая
Число рабочих, занятых нагрузкой	500	140
Один рабочий нагружает в среднем тонн (по 61 пуд.)	16	59
Средний заработок рабочего	2 р. 30 к.	3 р. 75 к.
Расход фабриканта на нагрузку одной тонны	1⅝ к.	⅔ к.

Капитал понижает свои расходы **вдвое** и более. Прибыль растет. Буржуазия в восторге и не нахвалится Тэйлорами!

Рабочий сначала получает прибавку. А сотни рабочих рассчитаны. Кто остался, работает вчетверо интенсивнее, надрываясь на работе. Выжмут все силы рабочего и выгонят его вон. Берут только молодых и сильных.

Выжимают пот по всем правилам науки...

(Ленин. — «Научная система выжимания пота», т. XVI, изд. 3).

БОРЬБА ЗА НОРМАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

После того, как капиталу потребовались целые столетия, чтобы удлинить рабочий день до его нормальных максимальных пределов, а затем и за эти пределы, до границы естественного двенадцатичасового дня, [1] со времени возникновения крупной промышленности в последней трети XVIII века начинается стремительное, напоминающее лавину, опрокидывающую все преграды, движение в этой области. Всякие пределы, которые ставятся нравами и природой, возрастом и полом, сменою дня и ночи, были разрушены. Даже понятия о дне и ночи, по-крестьянски простые для старых статутов, сделались настолько расплывчатыми, что один английский судья еще в 1860 г. должен был проявить поистине талмудистскую мудрость для того, чтобы разъяснить в порядке судебного решения, что такое день и что такое ночь. Капитал справлял свои оргии.

[1] Заголовок Ленина.

[1] «Несомненно, большого сожаления заслуживает тот факт, что какой бы то ни было класс людей должен убиваться над работой по 12 часов ежедневно. Если включить сюда время, употребляемое на еду и на то, чтобы пройти до мастерской и обратно, то это составит в действительности 14 из 24 часов в сутки... Я надеюсь, что, не говоря уже о здоровье, никто не станет отрицать, что с моральной точки зрения такое полное поглощение времени трудящихся классов, непрерывно совершающееся, начиная с раннего 13-летнего возраста, а в «свободных» отраслях промышленности и с еще более раннего возраста, чрезвычайно вредно и представляет ужасное зло... В интересах общественной нравственности, в целях воспитания здорового населения, для того, чтобы обеспечить большинству народа возможность разумного пользования жизнью, необходимо настаивать на том, чтобы во всех отраслях промышленности часть каждого рабочего дня оставалась для отдыха и досуга». *(Leonhard Horner* в „Reports of Insp. of Fact. for 31-st December 1841").

Как только рабочий класс, оглушенный грохотом производства, до некоторой степени пришел в себя, он начал оказывать сопротивление, и прежде всего на родине крупной промышленности, в Англии. Однако в продолжение трех десятилетий уступки, которых он добивался, оставались чисто номинальными. Парламент издал 5 законов о труде за время 1802—1833 гг., но был настолько лукав, что не вотировал ни единой копейки на их принудительное проведение, на необходимый персонал чиновников и т. д.[1] Они остались мертвой буквой. «Факт тот, что до закона 1833 г. дети и подростки вынуждались работать («were worked») всю ночь, весь день или же и день и ночь ad libitum» (по произволу).

Только со времени фабричного закона 1833 г., распространяющегося на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности. Ничто так не характеризует дух капитала, как история английского фабричного законодательства с 1833 по 1864 гг.!

(К. Маркс. — «Капитал», т. I, гл. 8).

История регулирования рабочего дня в некоторых отраслях производства и еще продолжающаяся борьба за это регулирование в других наглядно доказывают, что изолированный рабочий, рабочий как «свободный» продавец своей рабочей силы, на известной ступени созревания капиталистического производства не в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление. Поэтому установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом. Так как борьба открывается в сфере современной промышленности, то она разгорается впервые на ее родине, в Англии. Английские фабричные рабочие были профессиональными борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса; точно так же, как их теоретики первые бросили вызов теории капитала[2]. Философ фабрики

[1] Весьма характерным для режима Людовика Филиппа, этого короля буржуазии («кроль-буржуа), является то обстоятельство, что единственный изданный при нем фабричный закон 22 марта 1841 г. никогда не был проведен в жизнь. Да и этот-то закон касается только детского труда. Он устанавливает восемь часов труда для детей 8 — 12-летнего возраста, двенадцать часов для детей 12 — 16 лет и т. д., причем делает многочисленные исключения, допускающие ночной труд даже восьмилетних детей. Наблюдение за применением этого закона и принуждение к его выполнению были предоставлены доброй воле „amis de commerce" («друзей торговли»), это в стране-то, где каждая мышь находится в ведении полиции. Только с 1853 г. в одном единственном департаменте, Département du Nord, учреждается оплачиваемая должность правительственного инспектора. Не менее характерным для развития французского общества является вообще то обстоятельство, что закон Людовика Филиппа до революции 1848 г. оставался единственным законом в этой области, хотя французская законодательная фабрика опутывает своею сетью все стороны жизни.

[2] Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ланарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «Соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные начинания рабочих. В настоящее время первая утопия сделалась фабричным законом, вторая — фигурирует в виде официальной фразы в каждом „Factory Act" (фабричном законе), а третья даже играет роль личины, прикрывающей реакционное шарлатанство.

Ure клеймит поэтому как неизгладимый позор английского рабочего класса то обстоятельство, что на своем знамени он начертал «рабство фабричных законов», противопоставив этот лозунг капиталу, который мужественно выступает за «полную свободу труда».

Франция медленно плетется за Англией. Понадобилась Февральская революция для того, чтобы появился на свет двенадцатичасовой закон[1], который много более неудовлетворителен, чем его английский оригинал. Несмотря на то, — французский революционный метод обнаруживает свои особые достоинства. Одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня, тогда как английское законодательство, топорщась, уступает давлению обстоятельств то в том, то в другом пункте и избирает самый верный путь для порождения все новых и новых юридических хитросплетений.

С другой стороны, французский закон провозглашает в качестве принципа то, что завоевывается в Англии лишь во имя детей, несовершеннолетних и женщин, и на что лишь в последнее время начинают предъявляться требования как на общее право.

В Северо-американских соединенных штатах всякое самостоятельное рабочее движение парализовалось, пока часть республики обезображивалась рабством. Белокожий труд не может освободиться там, где труд черных рук носит на себе позорное клеймо. Но смерть рабства тотчас же породила новую юную жизнь. Первым плодом гражданской войны была агитация за восьмичасовой рабочий день, перешагнувшая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Новой Англии до Калифорнии. Всеобщий рабочий конгресс в Балтиморе (16 августа 1866 г.) заявляет: «Первым и великим требованием современности является требование освобождения труда этой страны от капиталистического рабства посредством издания закона, который признал бы восьмичасовой день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского союза. Мы решились напрячь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата. Одновременно (начало сентября 1866 г.) «Конгресс интернациональной ассоциации рабочих» в Женеве согласно предложению Лондонского генерального совета постановил: «Мы объявляем ограничение рабочего дня предварительно условием, без которого все другие стремления к эмансипации неизбежно потерпят крушение... Мы предлагаем признать 8 часов труда законным пределом рабочего дня»...

[1] В Compte Rendu (отчете) «Интернационального статистического конгресса в Париже, 1855 г.», говорится между прочим: «Французский закон, ограничивающий продолжительность дневного труда на фабриках и в мастерских 12 часами, не назначает для этого труда определенных постоянных часов (периодов времени), потому что только для детского труда предписывается период между 5 часами утра и 9 часами вечера. Поэтому часть фабрикантов пользуется правом, которое предоставляется им этим роковым умолчанием, для того, чтобы заставлять работать без перерывов изо дня в день, может быть, за исключением воскресений. Они употребляют для этого две различные смены рабочих, из которых ни одна не проводит в мастерской более 12 часов, но производство в предприятии продолжается и днем и ночью. Требования закона удовлетворены, но удовлетворены ли требования гуманности?» Помимо «разрушающего влияния ночного труда на человеческий организм» отмечается также «роковое влияние ночного совместного пребывания обоих полов в одних и тех же скудно освещенных мастерских».

Приходится признать, что наш рабочий выходит из процесса производства иным, чем вступил в него. На рынке он противостоял владельцам других товаров как владелец товара «рабочая сила», т. е. как товаровладелец товаровладельцам. Договор, по которому он продавал капиталисту свою рабочую силу, так сказать, черным по белому демонстрировал, что он свободно распоряжается самим собою. По заключении сделки оказывается, что он вовсе не был «свободным агентом», что время, на которое он свободно продает свою рабочую силу, является временам, на которое ему приходится ее продавать, что в действительности пиявка не выпускает его до тех пор, пока еще «остается для высасывания хотя бы единый мускул, единая жилка, единая капля крова».[1] Чтобы защитить себя от «змеи их мучений» (Генрих Гейне), рабочие должны объединиться и, как класс, вынудить государственный закон, мощное общественное препятствие, которое мешало бы им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство.[2]. На место пышного каталога «неотчуждаемых прав человека» выступает скромная Magna Charta (основные права) ограниченного законом рабочего дня, которая, «наконец, выясняет, когда оканчивается время, которое рабочий продает, и когда начинается время, которое принадлежит ему самому». Quantum mutatus ab ilio! (Какая огромная дистанция!).

(К. Маркс. — «Капитал», т. I, гл. 8).

Эта стихийно совершающаяся промышленная революция[3] искусственно ускоряется распространением фабричных законов на все отрасли промышленности, в которых работают женщины, подростки и дети. Принудительное регулирование рабочего дня со стороны продолжительности, перерывов, момента начала и окончания, система смен для детей, исключение всех детей до известного возраста и т. д., с одной стороны, побуждают к усиленному применению машин и к замене мускулов как двигательной силы паром; а с другой стороны, с целью выиграть на помещении то, что теряется во времени, происходит расширение средств производства, подлежащих общему использованию, печей, построек и т. д., коротко говоря, усиливается концентрация средств производства и в соответствии с этим уплотнение рабочих...

Существенным условием фабричного производства, в особенности с того времени, как на него распространяется урегулирование рабочего дня, является обеспеченность нормального результата, т. е. уверенность в том, что в данный промежуток времени будет произведено определенное количество товара или достигнут желательный полезный эффект. Далее, установленные законом перерывы урегулированного рабочего дня предполагают, что внезапные и периодические остановки труда возможны без вреда для продукта, находящего в процессе производ-

[1] *Friedrich Engels* — „Lage der arbeitenden Klasse in England". Leipzig 1845.

[2] Десятичасовой билль в подчиненных ему отраслях промышленности «спас рабочих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье» («Reports etc. for 31-st October 1850», p. 47). «Капитал (на фабриках) не может поддерживать машину в движении сверх ограниченного периода времени, не причиняя вреда здоровью и нравственности занятых им рабочих, а они не в состоянии защитить себя сами».

[3] См. примечание 7-е.

ства. Эта обеспеченность результата и возможность прерывать труд, разумеется, легче осуществимы в чисто механических производствах, чем в таких, в которых известную роль играют химические и физические процессы, как, напр., в гончарном, белильном, красильном, пекарном промыслах, в большинстве металлургических мануфактур. Там, где царствует рутина неограниченного рабочего дня, ночного труда и свободного расточения человеческих сил, во всяком стихийном препятствии скоро начинают видеть «естественную границу» производства. Никакой яд не уничтожает быстрее насекомых, чем фабричный закон такие «естественные границы». Никто громче господ из гончарного промысла не кричал о «невозможностях». В 1864 г. им был октроирован фабричный закон, и уже через 16 месяцев исчезли все невозможности...

В фабрикации зажигательных спичек считалось законом природы, что подростки, даже в то время, когда они проглатывали обед, должны были окунать спички в теплый фосфорный состав, ядовитые пары которого поднимались им в лицо. Принудив экономизировать время, фабричный закон (1864 г.) заставил ввести «dipping machine» (машину для опускания спичек в фосфор), пары которой не могут доходить до рабочего[1].

Точно также относительно тех отраслей кружевной мануфактуры, которые еще не подчинены фабричному закону, в настоящее время утверждают, будто время для принятия пищи не может быть здесь регулярным, так как различные материалы для кружев требуют на просушку неодинакового времени, которое колеблется от 3 минут до одного часа и больше. На это члены «Children's Employment Commission» отвечают: «Условия такие же, как в печатании обоев. Некоторые из главных фабрикантов в этой отрасли энергично настаивали на том, что характер применяемых материалов и разнородность процессов, через которые эти материалы проходят, не позволяют, без опасения крупной потери, внезапных перерывов работ для принятия пищи... Согласно пункту шестому отдела шестого Factory Act's Extension Act's (1864 г.) им предоставляется после издания этого закона 18-месячный срок, по истечении которого им придется ввести перерывы для отдыха, установленные фабричным законом». Едва лишь закон был санкционирован парламентом, как господа фабриканты уже открыли: «Неудобства, которых мы ожидали от проведения фабричного закона, не наступили. Мы не находим, чтобы производство сколько-нибудь ослабело. В действительности в течение данного времени мы производим больше». Таким образом английский парламент, которого никто не попрекнет гениальностью, путем опыта пришел к убеждению, что принудительный закон простым предписанием может устранить все так называемые естественные препятствия, которые производство будто бы ставит ограничению и регулированию рабочего дня. Поэтому при проведении фабричного закона в известной отрасли промышленности назначается срок от 6 до 18 месяцев, и уже дело фабриканта позаботиться о том, чтобы за это время устранить технические препятствия.

(К. Маркс. — «Капитал», т. I, гл. 13).

[1] Введение этой и других машин на фабрике спичек вызвало в одном ее отделении замещение 230 подростков 32 подростками и девушками 14—17 *лет*. Эта экономия на числе рабочих в 1865 г. была проведена еще дальше посредством применения паровой силы.

«А каково было положение рабочего класса в течение этого периода? [1] Наступали порой и улучшения и даже для большой массы. Но эти улучшения каждый раз снова падали до прежнего уровня, вследствие притока массы безработных резервов, непрестанного вытеснения рабочих новыми машинами, притоком в города сельских рабочих, тоже все более и более вытесняемых машинами.

«Прочное улучшение мы находим только у двух, находящихся под особым покровительством, групп рабочего класса. Первую составляли фабричные рабочие. Установление законом, по крайней мере относительно, разумного, нормального рабочего дня в их интересах относительно снова восстановило их физическое здоровье и дало им некоторое моральное превосходство, усиленное еще их концентрацией в одном месте. Положение их несомненно лучше, чем до 1848 г. Лучшим доказательством этого может служить тот факт, что из десяти проведеных ими стачек девять были вызваны самими фабрикантами и в собственном их интересе, как единственное средство ограничить производство. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на всеобщее сокращение рабочего дня, как бы их фабрикаты ни находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку, и все капиталисты до одного закроют свои фабрики.

«Вторую группу составляли крупные трэд-юнионы. Это организации таких рабочих отраслей, в которых применяется исключительно или, по крайней мере, главным образом труд **взрослых мужчин**. Их организованную силу до сих пор не удалось сломить ни конкуренции женского и детского труда, ни конкуренции машин. Слесари, плотники, столяры и каменьщики составляют каждые особую силу так, что они сами могут с успехом мешать введению машин. Их положение, без сомнения, до изумительного улучшилось с 1848 г.; лучшим доказательством этого служит то, что в течение более 15 лет не только работодатели ими, но и они работодателями были очень довольны. Они составляют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно комфортабельного положения, и это положение они рассматривают как окончательное. Они — образцовые рабочие г. Лиона, Леви, Гиффена (как и достопочтенного Луи Брентано), и они на самом деле очень милые люди для всякого разумного капиталиста в особенности и класса капиталистов вообще.

«Но что касается большой массы рабочих, то уровень нищеты и неуверенность в завтрашнем дне в настоящее время те же, если не хуже, чем когда-либо раньше. Промышленные центры Лондона представляют собой огромную, все расширяющуюся тину безмерной нищеты и отчаяния, как и голода вследствие отсутствия работы и физического и морального упадка в случае работы. И то же самое мы находим во всех других крупных городах за исключением меньшинства рабочих, находящихся в каком-нибудь преимущественном положении, как и в маленьких городах и деревнях. Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых для нее жизненных средств, и другой закон, доводящий обыкновенно среднюю стоимость этой силы до минимума этих жизненных средств, действуют с непреодолимой силой автоматической машины, растирающей их между своими колесами.

(Ф. Энгельс. — «Положение рабочего класса в Англии» 1845 г.).

[1] См. примечание 8-е.

Билль о десятичасовом рабочем дне прошел после долгой и жестокой борьбы, тянувшейся до сорока лет в парламенте, в избирательных кампаниях, в печати, на каждой фабрике и на каждом заводе в промышленных районах. С одной стороны рисовали потрясающие картины: рассказывали о детях, задержанных в своем росте и медленно убиваемых; о матерях, оторванных от своих семей и малолетних детей; о заражении целых поколений хроническими болезнями; о распродаже оптом человеческой жизни и разрушении человеческого счастья в масштабе целой страны, — все ради обогащения ничтожной кучки лиц, и без того уже чрезмерно богатых. И в этом не было ни капли вымысла; все это были факты, упрямые факты. Тем не менее никто не решался потребовать уничтожения этого гнусного порядка; речь шла только о том, чтобы до некоторой степени ограничить его. А с противоположной стороны выступал холодный, бессердечный экономист, платный слуга тех, кто нагревал себе руки на этом порядке, и доказывал посредством цепи умозаключений, столь же неопровержимых и принудительных, как тройное правило, что под страхом «гибели страны» существующий порядок должен остаться неизменным.

Надо признать, что заступники фабричных рабочих совершенно не умели справляться с аргументами экономистов и даже очень редко решались пускаться в споры с ними. Объясняется это тем, что при существующем социальном строе, когда капитал сосредоточен в руках немногих, которым большинство вынуждено продавать свой труд, каждый из этих политико-экономических аргументов действительно являлся фактом, столь же неоспоримым, как факты, приводимые противной стороной. Да, при существующем социальном строе Англия, со всеми классами ее населения, целиком зависит от процветания ее промышленников; а это процветание целиком зависит, при существующем строе, от ничем не ограниченной свободы торговли, от извлечения максимальной прибыли из всех ресурсов страны.

Да, единственное средство обеспечить этот вид промышленного процветания, от которого теперь зависит самое существование империи, заключается при нынешнем строе в том, чтобы с каждым годом увеличивать продукцию, сокращая издержки производства. А как увеличить продукцию, сокращая издержки? Для этого нужно, во-первых, заставлять орудие производства — машину и рабочего — работать в каждом следующем году больше, чем в предыдущем, во-вторых, заменить принятый до сих пор способ производства новым и лучшим, т. е. заменять людей усовершенствованными машинами; в третьих, снижать стоимость рабочей силы, снижая стоимость ее содержания (свободная торговля хлебом и т. д.) или просто снижая зарплату до предельно низкого уровня. Значит, во всех случаях теряет рабочий; значит, спасение Англии может быть куплено только ценою постепенной гибели ее рабочего населения! Таково положение, таков тупик, в который привели Англию успехи машинной техники, накопление капитала и вытекающая отсюда внутренняя и внешняя конкуренция.

Билль о десятичасовом рабочем дне, рассматриваемый сам по себе и как окончательная мера, был, таким образом, несомненно ложным шагом, нецелесообразным и даже реакционным мероприятием, носящим в себе зародыш своего собственного уничтожения. Он, с одной стороны, не уничтожает существующий социальный порядок, а, с дру-

гой, не благоприятствует его развитию. Вместо того, чтобы довести этот порядок до крайних пределов, до той точки, когда все ресурсы господствующего класса будут исчерпаны и когда переход господства к другому классу, когда социальная революция станет неизбежной, — вместо этого билль о десятичасовом рабочем дне поставил себе целью насильно вернуть общество к его прошлому состоянию, давно превзойденному современным строем...

Принятие билля о десятичасовом рабочем дне доказало не силу рабочего класса, а только то, что промышленники были еще не достаточно сильны, чтобы действовать по своему усмотрению.

С тех пор промышленники фактически обеспечили себе господствующее положение, добившись парламентского признания фритредерских принципов в области хлебной торговли и мореплавания. Интересы землевладельцев и судоходных кампаний были принесены в жертву их восходящей звезде. И чем сильней они становились, тем все больше тяготили их оковы десятичасового рабочего дня. Они стали открыто нарушать его; они восстановили систему смен, они заставили министра внутренних дел издавать циркуляры, предписывающие фабричным инспекторам игнорировать это нарушение закона; когда же, в виду возрастающего спроса на их товары, требования некоторых докучливых инспекторов стали для них слишком несносны, они перенесли вопрос в Court of Exchequer, который одним росчерком пера целиком аннулировал действие закона о десятичасовом рабочем дне.

Так плоды сорокалетней агитации были уничтожены в один день благодаря возросшей силе промышленников, которым стоило только сослаться на «процветание» и «повышение спроса»; а английские судьи доказали, что они в такой же мере, как служители культа, казенные стряпчие, государственные деятели и экономисты, только платные слуги господствующего класса, будет ли то класс землевладельцев, финансистов или фабрикантов.

Значит ли это, что мы против закона о десятичасовом рабочем дне, что мы за сохранение этой отвратительной системы выкачивания денег из крови и пота женщин и детей? Нет, конечно. Мы не только не против, но мы думаем даже, что в первый же день своего прихода к политической власти рабочий класс примет для охраны женского и детского труда еще гораздо более решительные меры, чем закон о десятичасовом или даже восьмичасовом рабочем дне. Но мы утверждаем, что билль, проведенный в 1847 г., был проведен не рабочими, а их временными союзниками, реакционными классами общества, и что, не будучи связан ни с какой дальнейшей мерой по коренной ломке отношений между капиталом и трудом, он явился несвоевременным, несостоятельным и даже реакционным шагом.

Но хотя десятичасовой рабочий день и потерян, все же рабочий класс останется победителем в этом деле. Пусть рабочие не смущаются минутным ликованием фабрикантов: в конечном счете они будут ликовать, а фабриканты будут плакать. И вот почему.

Во-первых.

Время и усилия, тратившиеся столько лет на агитацию за десятичасовой рабочий день, не пропали даром, хотя их непосредственные результаты сведены на-нет. Трудящиеся нашли в этой агитации могущественное средство для ознакомления друг с другом, для

уразумения своего социального положения и своих интересов, для самоорганизации и для осознания своей силы. Рабочий, прошедший через эту агитацию, уж не тот, каким он был до того; и весь рабочий класс в целом, пройдя через нее, сделался во сто раз более сильным, более просвещенным и лучше организованным, чем он был раньше. Он представлял собою собрание отдельных единиц, не знающих друг друга, не связанных никакими общими узами; теперь он стал могущественной и сознающей свою силу группой, которую уже признали четвертым сословием, а вскоре признают **первым.**

Во-вторых.

Рабочий класс убедился на опыте, что **никакое прочное улучшение его участи не может быть достигнуто для него другим, но что он должен достигнуть его сам и прежде всего посредством завоевания политической власти...**

В-третьих.

Фактическая отмена закона 1847 г. вовлечет промышленников в такую лихорадку усиленного производства, что кризисы посыплются один за другим, так что очень скоро все средства и ресурсы современной системы будут исчерпаны и неизбежно разразится **революция,** которая перевернет общество еще гораздо радикальнее, чем революция 1793 и 1848 гг., и быстро приведет к политическому и социальному господству пролетариев. Мы уже видели, что существующий социальный порядок покоится на господстве промышленных капиталистов и что это господство покоится в свою очередь на возможности непрерывного расширения производства, при одновременном снижении его издержек. Но это расширение производства имеет известный предел: оно не может выйти из рамок существующих рынков. Когда оно выходит из них, возникает кризис с последующим разорением, крахами и обнищанием. Мы пережили много таких кризисов, с которыми до сих пор справлялись благодаря открытию новых рынков (китайского в 1842 г.) или лучшему исследованию старых и посредством снижения издержек производства (напр., посредством введения свободной торговли хлебом)... Ведь ясно, что без возможности дальнейшего расширения рынков, при системе, вынужденной расширять производство с каждым днем, **господству фабриканта наступает конец. Что же будет дальше?** «Всеобщая гибель и хаос», говорят фритредеры. — **Социальная революция и господство пролетариата,** — утверждаем мы.

Рабочие Англии! Если вас, ваших жен и детей снова ждет каторга тринадцатичасового рабочего дня, не приходите в отчаяние. Эту чашу нужно испить, как она ни горька. Чем скорее вы пройдете через это, тем лучше. Ваши надменные хозяева, будьте в этом уверены, сами вырыли себе могилу своей «победой» над вами. Фактическая отмена десятичасового рабочего дня значительно ускорит наступление часа вашего избавления. Ваши братья, французские и немецкие рабочие, никогда не довольствовались законами о десятичасовом рабочем дне. Они добиваются **полного освобождения от тирании капитала.** И вы, которые в смысле машин, трудовой квалификации и сравнительной численности располагаете еще гораздо большими средствами, чтобы добиться своего избавления и производить достаточное количество благ для всех вас, — **вы, конечно, тоже не удовлетворитесь мелкими подачками.** Не требуйте же дольше «охраны труда», но смело приступайте к немед-

ленной борьбе за **политическое и социальное господство пролетариата, которое даст вам возможность охранять самим свой труд.**

(Ф. Энгельс — «Вопрос о десятичасовом рабочем дне», 1850 г. Соч. Маркса и Энгельса — т. VIII).

К характеристике фабричного законодательства царской России

Второго июня 1897 г. издан новый фабричный закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и об установлении праздничного отдыха. Петербургские рабочие давно уже ждали этого закона, который правительство обещало еще в 1896 г., напуганное массовой стачкой рабочих весной 1896 г. Вслед за этой массовой стачкой рабочих на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках последовали другие стачки, и везде рабочие требовали сокращения рабочего дня. Правительство отвечало на стачки дикими преследованиями, хватало и высылало без суда массы рабочих; правительство пыталось с перепугу повлиять на рабочих глупенькими фразами о христианской любви фабрикантов к рабочим (циркуляр министра Витте фабр. инспекторам, изданный в 1895—96 г.). Но на эти фразы рабочие отвечали только смехом, и никакие преследования не могли остановить движения, охватившего десятки и сотни тысяч рабочих. Правительство поняло тогда, что необходимо уступить и исполнить хоть часть требований рабочих. Кроме зверской травли стачечников и лживо ханжеских фраз, петербургские рабочие получили в ответ обещание правительства издать закон о сокращении рабочего дня. Это обещание было заявлено рабочим с небывалой торжественностью в особых объявлениях, расклеенных на фабриках от министра финансов. Рабочие с нетерпением ждали исполнения обещания, ждали закона к 19 апреля 1897 г., готовы были уже думать, что и это правительственное обещание, подобно массе правительственных заявлений, было грубой ложью. Но на этот раз правительство сдержало обещание: закон издан; но каков этот закон, — мы увидим ниже. Теперь же нам надо рассмотреть те обстоятельства, которые заставили правительство исполнить обещание.

Вопросом о сокращении рабочего дня наше правительство занялось не с 1896 г., а гораздо раньше. Вопрос возбужден был 15 лет тому назад: еще в 1883 г. петербургские фабриканты ходатайствовали об издании подобного закона. Такие же ходатайства повторялись несколько раз и другими фабрикантами (именно польскими), но все эти ходатайства клались под сукно, подобно массе других проектов об улучшении положения рабочих. С такими проектами русское правительство не торопится; они лежат под сукном десятки лет. Вот, когда дело идет о том, чтобы сделать подачку в несколько миллионов рублей гг. русским благонамеренным землевладельцам, «ходатайствовавшим» о милостыньке из народных денег, или о том, чтобы назначить субсидию или премию «угнетенным» гг. фабрикантам, — вот тогда русское правительство торопится и колеса чиновничьих и министерских канцелярий вертятся очень быстро, как бы «подмазанные» каким-то особым «маслом». Относительно же рабочих не только проекты законов лежат под сукном годы и десятилетия (напр. проект об ответственности предпринимателей вот уже, кажется, второе десятилетие все еще «изготовляется»), но даже изданные уже законы не применяются, ибо чиновники и императорское

правительство совестятся беспокоить гг. фабрикантов (напр., закон 1886 г. об устройстве больниц фабрикантами до сих пор в громадном большинстве случаев не применяется). Отчего же, спрашивается, на этот раз давно поднятый вопрос сразу получил движение? сразу был разрешен и проведен не в очередь чрез министерство и Государственный совет? сразу получил вид законопроекта и сделался законом? Очевидно, была какая-то сила, которая толкала чиновников, которая встряхнула их, поборола их упорное нежелание «привязываться» с новыми требованиями к отечественным фабрикантам. Этой силой были петербургские рабочие и те громадные стачки, которые устроены были ими в 1895—96 г. и которые сопровождались, благодаря помощи рабочим со стороны социал-демократов (в виде «Союза борьбы»), предъявлением определенных требований к правительству и распространением среди рабочих социалистических прокламаций и листков. Правительство поняло, что никакая полицейская травля не сломит рабочих масс, сознавших свои интересы, объединившихся для борьбы и руководимых партией социал-демократов, защищающих рабочее дело. Правительство вынуждено было пойти на уступки. Новый фабричный закон точно так же **вынужден** рабочими у правительства, точно так же **отвоеван** рабочими у их злейшего врага, как и изданный 11 лет тому назад закон 3 июня 1886 г. о правилах внутреннего распорядка, о штрафах, о расценке и т. д. Тогда борьба рабочих проявилась всего сильнее в Московской и Владимирской губерниях. Проявилась она тоже массой стачек, рабочие тоже предъявили тогда прямые и точные требования к правительству, и во время знаменитой морозовской стачки из толпы рабочих были переданы инспектору условия, составленные самими рабочими. В этих условиях говорится, напр., о том, что рабочие требуют сокращения штрафов. Изданный вскоре после этого закон 3 июня 1886 г. прямо **отвечал** на эти требования рабочих и содержал в себе правила о штрафах.

Так и теперь. Рабочие требовали в 1896 г. сокращения рабочего дня, поддерживали свое требование громадными стачками. Правительство **отвечает** теперь на требования изданием закона о сокращении рабочего дня. Тогда, в 1886 г., правительство уступило рабочим под давлением рабочих восстаний и старалось свести уступки к наименьшим размерам, старалось оставить лазейки фабрикантам, задержать введение новых правил, отжилить у рабочих, что только можно из их требований. Теперь, в 1897 г., правительство уступает точно так же только давлению рабочих восстаний и точно так же стремится всеми силами уменьшить уступки рабочим, стремится **выторговать**, отжилить часик-другой, увеличивая даже тот рабочий день, который предложен фабрикантами, стремится оттягать в пользу фабрикантов несколько больше праздников, не вводя их в число дней обязательного отдыха, стремится затянуть введение новых порядков, откладывая главные правила до будущих распоряжений министров.

Законы 3 июня 1886 и 2 июня 1897 г., эти главные фабричные законы в России, оба являются таким образом вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства. Оба они показывают, **как** относится русское правительство к самым законным требованиям рабочих.

(Ленин. — «Новый фабричный закон», т. II, изд. 3).

ПРОГРАММА БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА ЗА УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА

Ошибки готской программы

1. **«Нормальный рабочий день».**[1] Ни в какой другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указывала, какую продолжительность рабочего дня она считает при данных условиях нормальной.

«Ограничение женского и запрещение детского труда». Ограничение женского труда должно входить в нормирование рабочего дня, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и пр. В противном случае это «ограничение» может означать лишь отмену женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны именно как раз для женского организма и для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевалось именно это, то так и следовало сказать.

«Запрещение детского труда». Здесь безусловно было необходимо указать предельный возраст.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и останется поэтому пустым, благочестивым пожеланием.

Проведение этой меры, если бы оно было возможно, было бы реакционно, так как, при строгом регулировании рабочего времени детей, сообразно с их возрастом, и при прочих мерах защиты детей, раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

Государственный надзор за фабрично-заводской, ремесленной и кустарной промышленностью. Имея в виду прусско-германское государство, следовало определенно требовать, чтобы фабричные инспектора были сменяемы не иначе как по суду; чтобы всякий рабочий мог привлекать их к суду за неисполнение служебных обязанностей; чтобы должность инспектора занимали лишь лица с медицинским образованием...

Замечу между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и пр.

(К. Маркс — «Критика готской программы», 1875 г.). (По 2 изд. Партиздат, 1938).

Вопросы охраны труда в ленинском проекте программы РСДРП

Для рабочих русская социал-демократическая партия требует:

1. Учреждения промышленных судов во всех отраслях промышленности, с выборными судьями от капиталистов и рабочих поровну.

2. Законодательного ограничения рабочего дня 8 часами в сутки.

[1] См. примечание 9-е.

3. Законодательного запрещения ночной работы и смен. Запрещения работы детей до 15 лет.

4. Законодательного установления праздничного отдыха.

5. Распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности во всей России и на казенные фабрики, а также и на кустарей, работающих на дому.

6. Фабричная инспекция должна иметь самостоятельное положение и не находиться в ведомстве министерства финансов. Члены промышленных судов получают равные права с фабричной инспекцией по надзору за исполнением фабричных законов.

7. Безусловного запрещения повсюду расплаты товарами.

8. Надзора выборных от рабочих за правильным составлением расценок, за браковкой товара, за расходованием штрафных денег и за фабричными квартирами рабочих.

Закона о том, чтобы все вычеты из заработной платы рабочих, для какого бы предназначения они не делались (штрафы, браковка и пр.), вместе взятые, не могли превышать 10 коп. с рубля.

9. Закона об ответственности фабрикантов за увечья рабочих с обязательством фабриканту доказывать, что вина на стороне рабочих.

(Ленин. — «Проект и объяснения программы с.-д. партии», т. I, изд. 3, 1895—1896 гг).

По второму отделу практических требований мы находим в программе группы «Освобождение труда» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, **рабочая партия** должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы, запрещения работы детей до 14 лет; (3) непрерывного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространение фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выборы рабочими помощников инспекторов, имеющих равные права с инспекторами; (5) учреждения промышленных и сельскохозяйственных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих как промышленных, так и сельских; (8) законодательного установления при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр. законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работы; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и пр.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предыдущим) дать основные, руководящие положения

для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставления агитаторами в отдельных местностях, отраслях производства, фабриках и пр. других, несколько видоизменяющих, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не упустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для **всего** рабочего класса; с другой стороны,—надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы не рационально.

(Ленин. — «Проект программы нашей партии», 1899 г., т. II, изд. 3).

В интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности [1] российская социал-демократическая рабочая партия требует:

1) ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) установления законом еженедельного отдыха, продолжающегося непрерывно не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) полного запрещения сверхурочных работ;

4) воспрещения ночного труда (от 9 час. вечера до 5 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям;

5) воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 15-летнего возраста;

6) воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден специально для женского организма;

7) установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, — потерю, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства; освобождения рабочего от обязательства доказывать, что указанная потеря произошла по вине нанимателя;

8) запрещение выдачи заработной платы товарами. [2].

9) выдачи государственных пенсий престарелым рабочим, лишившимся способности к труду;

10) увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; учреждения надзора за исполнением фабричных законов через посредство выбранных рабочими и оплачиваемых государством представителей, а также надзора выборных от рабочих за составлением расценок и браковкой товаров;

11) учреждения надзора органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями сдачи — в целях

[1] Предложения Фрея: изменить начало этого абзаца таким образом: «В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение...» (Фрей — В. И. Ленин. Соет.).

[2] Предложение Фрея: вставить сюда (в этот же пункт): «установления законом еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих».

ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

12) учреждения правильно организованного всестороннего санитарного надзора за условиями труда во всех предприятиях, употребляющих наемный труд;

13) распространения надзора фабричной инспекции на ремесленную, домашнюю и кустарную промышленность и на казенные предприятия;

14) установления уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда;

15) запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они не делались (штрафы, браковка и пр.);

16) учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства из представителей от рабочих и предпринимателей поровну.

(Ленин. — «Проект программы Российской с.-д. раб. партии», 1902 г., т. V, изд. 3).

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. *Ограничение рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих.* [1]

1. Ограничения рабочего дня для всех наемных рабочих — восемью часами в сутки, включая сюда при непрерывности работы не менее часового перерыва на принятие пищи. В опасных же производствах и вредных для здоровья рабочий день должен быть сокращен до 4—6 часов в сутки.

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.

3. Полного запрещения сверхурочных работ.

4. *Воспрещения ночного труда (от 9 часов вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.*

4. Воспрещения ночного труда (от 8 час. вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями, — с тем, однако, чтобы ночной рабочий труд не мог превышать 4 часов.

5. *Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в дошкольном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет детей) шестью часами.*

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в дошкольном возрасте **(до 16 лет), ограничения рабочего времени молодых людей (16—20 лет) четырьмя часами и воспрещения им работы по ночам в опасных для здоровья производствах и рудниках.**

[1] См. примечание 10-е.

6. *Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщин от работ в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.*

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; воспрещения женского ночного труда; освобождения женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и др. предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и помещений для кормления грудью; освобождения женщин, кормящих грудью, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем полчаса; выдачи пособий кормящим матерям и сокращения рабочего дня для них до 6 часов.

8. *Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов.*

8. Полного социального страхования рабочих:

а) для всех видов наемного труда;

б) для всех видов потерь трудоспособности, именно: от болезней, увечья, инвалидности, старости, профессиональных болезней, материнства, вдовства и сиротства, а также безработицы и др.;

в) полного самоуправления застрахованных во всех страховых учреждениях;

г) оплаты расходов по страхованию за счет капиталистов;

д) бесплатной медицинской и лекарственной помощи с передачей медицинского дела в руки самоуправляющихся больничных касс, избираемых рабочими.

9. *Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи им заработка в рабочее время.*

10. *Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они не делались (штрафы, браковка и пр.).*

11. *Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора; назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы.*

9. Учреждения выборной от рабочих организаций инспекции труда и распространения ее на все виды предприятий, употребляющих наемный труд, не исключая и домашней прислуги; введения института инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд.

12. *Надзора органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы,— в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их как частных лиц и граждан.*

13. *Учреждения правильно-организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей с сохранением содержания во время болезни.*

14. *Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.*

10. Издания санитарного законодательства по улучшению гигиенических условий труда и ограждения жизни и здоровья рабочих во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, с передачей санитарного дела в руки выборной от рабочих организаций санитарной инспекции.

11. Издания жилищного законодательства и учреждения — для надзора за санитарным состоянием жилых помещений — выборных от рабочих организаций жилищных инспекций. Однако только уничтожение частной собственности на землю и устройство дешевых и гигиеничных квартир может разрешить жилищный вопрос.

12. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов.

15. *Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимательских организаций.*

16. *Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства, с участием в их управлении представителей от рабочих и предпринимателей.*

13. Для правильной постановки дела подыскания работы безработным учреждаются биржи труда. Биржи труда должны быть классовыми пролетарскими организациями (отнюдь не паритетными), должны находиться в ближайшей связи с профессиональными союзами и другими рабочими организациями и получать средства из общественных самоуправлений.

(Ленин. — «Материалы по пересмотру партийной программы» — май 1917 г., т. XX, изд. 3).

ОХРАНА ТРУДА В ПРОГРАММЕ КОМИНТЕРНА

Охрана труда

а) Сокращение рабочего дня до 7 час. и до 6 час. в отраслях, особо вредных для здоровья трудящихся. Дальнейшее сокращение рабочего дня и переход к 5-дневной рабочей неделе в странах с развитыми производительными силами. Регулирование рабочего дня в зависимости от роста производительности труда.

б) Запрещение, по правилу, ночного труда и труда в особо вредных отраслях всем лицам женского пола. Запрещение детского труда. Запрещение сверхурочных работ.

в) Особое сокращение рабочего дня для молодежи (максимальный 6-часовой рабочий день для подростков до 18 лет). Социалистическая реорганизация труда молодежи путем сочетания материального производства с общим и политическим образованием.

(Программа Коминтерна).

ТРУД ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Овладев всеми средствами производства, чтобы общественно-планомерно распоряжаться ими, общество должно уничтожить господствовавшее до сих пор порабощение людей их собственными средствами производства. Само собою разумеется, такое самоосвобождение общества не может совершиться без того, чтобы не освободился и каждый отдельный член его. Ввиду этого старый способ производства должен быть изменен до основания, а следовательно, должно исчезнуть и старое разделение труда, угнетающее как все общество, так и каждого отдельного его члена. Вместо разделения труда должна возникнуть такая организация производства, при которой, с одной стороны, никто не мог бы свалить на другого свою долю участия в производительном труде, как естественном условии человеческого существования, а, с другой стороны, — производительный труд, вместо того, чтобы быть средством порабощения, сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность развивать во всех направлениях и проявлять все свои способности как физические, так и духовные. Труд, следовательно, из тяжелой обязанности должен превратиться в удовольствие.

Все это в настоящее время отнюдь не фантазия и не благочестивое пожелание. При современном развитии производительных сил достаточно уже того увеличения производства, которое дается самим фактом обобществления производительных сил, достаточно устранения присущих капитализму затруднений и помех нормальному ходу производства и бесполезного расточения продуктов и средств производства, чтобы, при всеобщем участии в работах, возможно было сократить рабочее время до минимальных размеров.

Точно так же устранение старой системы разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть достигнуто лишь за счет уменьшения производительности труда. Напротив, оно стало условием производства именно благодаря крупной промышленности.

(Ф. Энгельс — «Анти-Дюринг». Соч. Маркса и Энгельса, т. XIV).

Устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. При этом, однако, при прочих равных условиях, необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления (такого запаса средств производства и существования, который позволяет расширять производство и возмещать возможные убытки, между прочим и от несчастных случаев).

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 15).

Коренное различие в условиях труда и развитии техники при капитализме и социализме

Всемирно-знаменитый английский химик Вильям Рамсэй (Ramsay) открыл способ непосредственного добывания газа из каменноугольных пластов. Рамсэй ведет уже переговоры с одним владельцем каменноугольных рудников о практической постановке дела.

Одна из великих задач современной техники близится, таким образом, к разрешению. Переворот, который вызовет ее решение, громаден.

В настоящее время, чтобы использовать энергию, заключающуюся в каменном угле, его развозят по стране и сжигают в массе отдельных предприятий и домов.

Открытие Рамсэя означает гигантскую техническую революцию в этой, едва ли не самой важной, отрасли производства капиталистических стран.

Рамсэй открыл способ непосредственно, на месте нахождения угля, без извлечения его на поверхность земли, превращать этот уголь в газ. Подобный прием, только гораздо более простой, употребляется иногда при добыче соли: ее не извлекают на поверхность земли прямо, а растворяют водой, и уже рассол поднимают потом по трубам.

Способ Рамсэя превращает каменноугольные рудники как бы в громадные дестилляционные аппараты для выработки газа. Газ приводит в движение газовые моторы, которые дают возможность использовать **вдвое большую** долю энергии, заключающейся в каменном угле, чем это было при паровых машинах. Газовые моторы, в свою очередь, служат для превращения энергии в электричество, которое техника уже теперь умеет передавать на громадные расстояния.

Стоимость электрического тока понизилась бы, при таком техническом перевороте, до **одной пятой**, а может быть даже до **одной десятой** теперешней стоимости. Громадная масса человеческого труда, употребляемого теперь на добывание и развозку каменного угля, была бы сбережена. Использовать можно было бы даже наиболее бедные и неразрабатываемые ныне залежи каменного угля. Расходы на освещение и отопление домов понизились бы чрезвычайно.

Переворот в промышленности, вызванный этим открытием, будет огромен.

Но последствия этого переворота для всей общественной жизни в современном капиталистическом строе будут совсем не те, какие вызвало бы это открытие при социализме.

При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения положат себе в карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы — с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала.

При социализме применение способа Рамсэя, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить **для всех** рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

Техника капитализма с каждым днем все более и более **перерастает** те общественные условия, которые осуждают трудящихся на наемное рабство.

(Ленин. — «Одна из великих побед техники» 1913 г., т. XVI, изд. 3).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД

В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство для того, чтобы увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд, это — лишь средство для того, чтобы расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном обществе прошедшее господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошедшим.

(Маркс и Энгельс. — «Коммунистический манифест»).

Наша газета [1] посвящена вопросу о коммунистическом труде. Это важнейший вопрос строительства социализма.

За два года опыт строительства на основе социализма у нас уже некоторый есть. Поэтому вопрос о коммунистическом труде можно и должно ставить вплотную, — вернее, впрочем, будет сказать: не о коммунистическом, а о социалистическом труде, ибо речь идет не о высшей, а о низшей, о первоначальной ступени развития нового общественного уклада, вырастающего из капитализма.

Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу — труд, как потребность здорового организма.

[1] См. примеч. 11-е.

Всякому ясно, что до широкого, действительно массового применения такого труда нам, т. е. нашему обществу, нашему общественному укладу, еще очень и очень далеко.

Но шагом вперед по этому пути является уже и то, что этот вопрос поставлен, что он поставлен и всем передовым пролетариатом (коммунистической партией и профессиональными союзами), и государственной властью.

Чтобы прийти к большему, надо начать с меньшего.

И, с другой стороны, после «большего», после государственного переворота, низвергнувшего собственность капиталистов и передавшего власть пролетариату, — строительство хозяйственной жизни на **новой основе можно** начать только с **малого.**

Субботники, трудовые армии, трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда.

В этом осуществлении еще масса недостатков. Отделываться смехом (или злобой) по поводу них могут только совсем не умеющие думать люди, если не говорить о защитниках капитализма.

Недостатки, ошибки, промахи в таком новом, таком трудном, таком великом деле неизбежны. Кто боится трудностей строительства социализма, кто дает себя запугать ими, кто впадает в отчаяние или малодушную растерянность, тот не социалист.

Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий.

Это — благодарнейшая и благороднейшая работа.

Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив ее сопротивление, мы могли завоевать себе почву, на которой такая работа **стала возможной.**

И мы возьмемся за эту работу со всей энергией. Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и уменье сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели, — эти качества пролетариат вырабатывал себе 10, 15, 20 лет до Октябрьской революции, он вырабатывал их в течение двух лет после этой революции, перенося невиданные лишения, голод, разорение, бедствия. Эти качества пролетариата — порука, что пролетариат победит.

(Ленин. — «От разрушения векового уклада к творчеству нового», 1920 г., т. XXV, изд. 3).

Отмена частной собственности и исчезновение классов уничтожают эксплоатацию одних людей другими. Труд перестает быть работой на классового врага: он перестает быть только средством к жизни и превращается в первейшую жизненную потребность: исчезает бедность, исчезает экономическое неравенство между людьми, нищета порабощенных классов, жалкий уровень материальной жизни вообще; исчезает иерархия людей при разделении труда, а с нею и противоречие между умственным и физическим трудом; исчезают, наконец, все следы социального неравенства полов. Вместе с тем исчезают и органы клас-

сового господства, в первую очередь, государственная власть. Она, будучи воплощением классового господства, отмирает по мере того, как отмирают классы. С нею постепенно отмирают все и всяческие нормы принуждения.

Исчезновение классов сопровождается уничтожением всякой монополии образования. Культура становится общим достоянием, и прошлые классовые идеологии уступают место научному материалистическому миросозерцанию. При таком положении вещей становится невозможным какое бы то ни было господство людей над людьми, и открывается громаднейшее поле для общественного отбора и гармонического развития всех заложенных в человечестве способностей.

Росту производительных сил не ставится здесь никаких границ общественного характера. Ни частная собственность на средства производства, ни корыстные расчеты прибыли, ни искусственно поддерживаемое невежество масс, ни их бедность, которая задерживает технический прогресс в капиталистическом обществе, ни огромные непроизводительные издержки не существуют в обществе коммунистическом. Наиболее целесообразное использование сил природы и естественных условий производства в отдельных частях мира, уничтожение противоположности между городом и деревней, противоположности, связанной с систематическим отставанием сельского хозяйства и низким уровнем его техники; максимальное объединение науки и техники, исследовательской работы и ее практического применения в самом широком общественном масштабе, планомерная организация самого научного труда; применение наиболее совершенных методов статистического учета и планового хозяйственного регулирования; сильнейшие внутренние двигатели всей системы — быстро растущие общественные потребности, — все это обеспечивает максимум производительности общественного труда и высвобождает, в свою очередь, человеческую энергию для могучего роста науки и искусства.

Развитие производительных сил мирового коммунистического общества дает возможность подъема благосостояния всей человеческой массы и максимального сокращения времени, отдаваемого ею на материальное производство и, следовательно, для невиданного в истории культурного расцвета. Эта новая культура объединенного впервые человечества, уничтожившего все и всяческие государственные границы, будет, в противоположность капитализму, опираться на ясные и прозрачные взаимоотношения между людьми. Поэтому она навсегда похоронит всякую мистику, религию, предрассудки и суеверия и даст мощный толчок для развития всепобеждающего научного познания.

Эта **высшая** стадия коммунизма, когда коммунистическое общество уже развилось на своей собственной основе, когда вместе со всесторонним развитием людей, в огромной степени выросли и общественные производительные силы, когда общество уже написало на своем знамени: «С каждого по его способностям, каждому по его потребностям!» — предполагает, как свое предварительное историческое условие, низшую стадию своего развития, **стадию социализма**. Здесь коммунистическое общество еще только выходит из капиталистического общества, выходит покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно рождается. Производительные силы социализма еще

недостаточно развиты, чтобы обеспечить распределение продуктов труда по потребностям: они распределяются по труду. Разделение труда, т. е. закрепление определенных трудовых функций за определенными группами лиц, еще не изжито, и в частности еще не уничтожена в основном противоположность между умственным и физическим трудом. Налицо имеются еще, несмотря на уничтожение классов, остатки старого классового деления общества, а следовательно, и остатки государственной власти пролетариата, принуждения, права. Остаются, следовательно, известные следы неравенства, которые еще не успели отмереть. Не уничтожена и еще не изжита целиком противоположность между городом и деревней. Но все эти остатки старого общества не защищаются и не отстаиваются никакой общественной силой. Будучи связаны с определенным уровнем развития производительных сил, они исчезают по мере того, как освобожденное от оков капиталистического строя человечество быстрым темпом покоряет себе силы природы, перевоспитывает самого себя в духе коммунизма и переходит от социализма **к полному коммунизму.**

(Программа Коминтерна).

Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свои инициативу и почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел бы в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Если Союз коммунистической молодежи во всех областях не сумеет построить так свою работу, это значит, что он сбивается на старый буржуазный путь. Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплуататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены Союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород, или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д. Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Союз коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее строгой дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, — народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

(Ленин. — «Речь на съезде рабочих кожевенного производства» 1920 г., т. XXV, изд. 3).

Социалистическое соревнование

Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка. Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с «натурой человека». А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь **широких** размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при **таком** капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина **массы** населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы.

Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно **широко,** действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами.

Наша задача теперь, когда социалистическое правительство **у власти,** — организовать соревнование...

Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь. Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист или хотя бы обуздан настоящим рабочим контролем, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплоататора и отобрали его землю, является теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить себя человек труда, может разогнуть немного спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком. Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплоататоров является возможность **работы на себя,** и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры.

Учет и контроль — вот **главная** экономическая задача каждого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще.

Борьба со старой привычкой — смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок **у буржуазии,** эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к **народной фабрике,** к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать». Все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах, встанет в этой борьбе на сторону передовых рабочих.

Учет и контроль, **если** они производятся советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как верховной государственной властью или по указаниям, по полномочию **этой** власти, — учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный, — учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов — в этом **суть** социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено.

Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество **массы** рабочих и крестьян в учете и контроле **за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами** может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма.

Рабочие и крестьяне, трудящиеся и эксплоатируемые! Земля, банки, фабрики, заводы перешли в собственность всего народа! Беритесь **сами** за учет и контроль производства и распределения продуктов, — в этом и **только** в этом путь к победе социализма, залог его победы, залог победы над всякой эксплоатацией, над всякой нуждой и нищетой! Ибо в России хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, лишь бы правильно распределить труд и продукты, лишь бы установить всенародный **деловой, практический** контроль за этим распределением, лишь бы победить **не только** в политике, но и в **повседневной экономической** жизни врагов народа: богатых, их прихлебателей, — затем жуликов, тунеядцев и хулиганов.

Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние — родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, — общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, — общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплоатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими.

Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда **паразитов,** вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сантиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом.

Чтобы обезвредить социалистическое общество от этих паразитов, надо организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов. А чтобы организовать этот учет и кон-

троль, **вполне** доступный, вполне подсильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие, организаторские таланты, надо возбудить в них — и наладить в общегосударственном масштабе — **соревнование** по части организаторских успехов, надо, чтобы рабочие и крестьяне ясно поняли разницу между необходимым советом образованного человека и необходимым контролем «простого» рабочего и крестьянина за **разгильдяйством,** столь обычным у «образованных» людей.

Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вытекающих более не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное...

Парижская коммуна показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии, размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши советы идут по тому же пути. Но они еще «робеют», еще не развернулись, не «въелись» в свою новую, великую, творческую работу создания социалистических порядков. Надо, чтобы советы смелее, инициативнее брались за дело. Надо, чтобы каждая «коммуна» — любая фабрика, любая деревня, любое потребительное общество, любой комитет снабжения — выступили, **соревнуя** друг с другом как практические организаторы учета и контроля за трудом и за распределением продуктов. Программа этого учета и контроля проста, ясна, понятна всякому: чтобы хлеб был у каждого, чтобы все ходили в крепкой обуви и в недраной одежде, имели теплое жилье, работали добросовестно, чтобы ни один жулик (в том числе и отлынивающий от работы) не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог уклониться от участи жулика, по справедливости долженствующей стать участью богатого. «Кто не работает, тот пусть не ест» — вот **практическая** заповедь социализма. Вот что надо **практически** наладить. Вот какими **практическими** успехами должны гордиться наши «коммуны» и наши организаторы из рабочих и крестьян, тем более из интеллигентов (тем **более,** ибо гордиться своими общими указаниями и резолюциями они **слишком** привыкли, **чересчур** привыкли).

Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: **очистки** земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми биле-

тами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними, как за **вредными** людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — **наилучшие** приемы и средства борьбы.

В какой коммуне, в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне **нет** голодных, **нет** безработных, **нет** богатых тунеядцев, **нет** мерзавцев из лакеев буржуазии, саботажников, называющих себя интеллигентам? в какой больше сделано для повышения производительности труда? для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей? — вот на каких вопросах должно развернуться **соревнование** коммун, общин, потребительно-производительных обществ и товариществ, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вот на какой работе должны **практически** выделяться и выдвигаться наверх, в дело общегосударственного управления, **организаторские таланты.** Их много в народе. Они только придавлены. Им надо помочь развернуться. Они и **только они,** при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма.

(Ленин — «Как организовать соревнование», т. XXII, изд. 3).

Новое отношение к труду

Партия организовала, далее, широкое социалистическое **соревнование** и массовый **трудовой подъем на фабриках и заводах.** Воззвание XVI конференции партии о соревновании поставило дело на рельсы. Ударные бригады двигают его дальше. Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь увенчивают дело соревнования и ударничества решающими успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль. Теперь уже не может быть сомнения, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент социалистическое соревнование фабрик и заводов, перекличка сотен тысяч рабочих о достигнутых результатах по соревнованию, широкое развитие **ударничества.** Только слепые не видят, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик. Не так давно еще раздавались у нас голоса о «надуманности» и «несостоятельности» соревнования и ударничества. Теперь эти «мудрые» люди не удостаиваются даже насмешки, — их считают просто отжившими свой век «мудрецами». Теперь дело соревнования и ударничества является делом завоеванным и закрепленным. Это факт, что социалистическим соревнованием охвачено у нас не менее двух миллионов рабочих, а в ударные бригады вовлечено более миллиона рабочих.

Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался

раньше, в дело **чести,** в дело **славы, доблести** и **геройства.** Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах. Там, у них, у капиталистов, самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения, — иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием. У нас, в СССР, наоборот, самым желанным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможность быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся.

(Сталин — «Политотчет ЦК ВКП(б) 16-му съезду партии», «Вопросы ленинизма» — изд. 3).

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических республиках темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс — пролетариат.

(Ленин — «Великий почин», 1919 г., т. XXIV, изд. 3).

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как **фактическое** начало **коммунизма,** а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь **первые шаги** к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота **рядовых рабочих** об увеличении производительности труда, об охране **каждого пуда хлеба, угля, железа** и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз советских республик.

(Ленин — «Великий почин», 1919 г., т. XXIV, изд. 3).

Социалистическая рационализация и охрана труда при диктатуре пролетариата

С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда.

Советская власть в законодательном порядке провела и в «Кодексе законов о труде» закрепила: 8-часовой рабочий день для всех трудящихся, как максимальное рабочее время, причем для лиц, не достигших 18-летнего возраста, в особо вредных отраслях производства, а равно для горнорабочих, занятых под землей, рабочий день не должен превышать 6 час.; 42-часовой еженедельный непрерывный отдых для всех трудящихся; запрещение сверхурочных работ как общее правило; запрещение пользоваться трудом детей и подростков в возрасте до 16 лет; запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно и сверхурочных работ, всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста; освобождение женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время, при бесплатной врачебной и лекарственной помощи и предоставлении работницам через каждые три часа не менее получаса на кормление ребенка и выдаче кормящим матерям дополнительного пособия; инспекцию труда и санитарную инспекцию, избираемую советами профессиональных союзов.

Советская власть провела в законодательном порядке полное социальное обеспечение всех трудящихся, не эксплоатирующих чужого труда, от всех видов потери трудоспособности и — впервые в мире — от безработицы, за счет нанимателей и государства, — при полном самоуправлении обеспечиваемых и при широком участии профессиональных союзов.

Более того, советская власть в некоторых отношениях пошла далее программы-минимум и установила в том же «Кодексе законов о труде» участие рабочих организаций в решении вопросов о найме и увольнении; месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших непрерывно не менее одного года; государственное урегулирование заработной платы на основе тарифов, вырабатываемых профсоюзами; определенные органы, именно отделы распределения и учета рабочей силы при советах и профессиональных союзах, обязанные предоставлять работу безработным.

Но крайнее разорение, вызванное войной, и натиск мирового империализма принудили советскую власть сделать нижеследующие отступления: допустить применение в исключительных случаях сверхурочных работ, ограничив их 50 днями в год; разрешить труд подростков от 14 до 16 лет, ограничив их рабочий день 4 часами; временно предоставить взамен 1-месячного отпуска двухнедельный; увеличить продолжительность ночных работ до 7 часов.

РКП должна вести широкую пропаганду за активное участие самих трудящихся в энергичном направлении всех мероприятий в области охраны труда, для чего необходимо:

1) усилить работу по организации и расширению инспекции труда путем подбора и подготовки для этой цели активных работников из среды самих рабочих и по распространению ее на мелкую и домашнюю промышленность;

2) распространить охрану труда на все виды труда (строительных рабочих, сухопутно-водный транспорт, прислугу и сельскохозяйственных рабочих);

3) окончательно снять с работ малолетних и провести дальнейшее сокращение рабочего дня для подростков.

Кроме того, РКП должна поставить себе задачей установить:

1) в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся, сверх того, уделять два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству;

2) введение поощрительной системы вознаграждения за повышение производительности труда.

В области социального обеспечения РКП стремится организовать широкую государственную помощь не только жертвам войны и стихийных бедствий, но и жертвам ненормальностей общественных отношений, ведет решительную борьбу со всякого рода паразитизмом и тунеядством и ставит своей задачей вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи.

(Программа ВКП(б)).

Оплата труда и распределение предметов первой необходимости должны быть приведены в полное соответствие с результатами нормирования труда, на что союзные и хозяйственные органы должны обратить исключительное внимание.

Для осуществления всех этих мер необходимо: а) устранить параллелизм органов нормирования труда путем сосредоточения всей тарифной работы в органах союзов; б) считать обязательным для всех советских учреждений, военных и гражданских, точное и строгое выполнение всех постановлений органов нормирования труда; в) органы нормирования связать теснейшим образом с рабочей массой через выборные расценочные комиссии и т. п.; г) всеми силами местных партийных организаций помочь профсоюзам укрепить и научно организовать их тарифный аппарат.

В виду того, что нормирование труда в процессе работы сосредоточилось в профсоюзах и фактически осуществляется ими, и что дело охраны труда, осуществляемое в настоящее время при непосредственном участии профсоюзов, должно быть всецело передано им, съезд признает необходимым изъять из Наркомтруда и местных отделов труда тарифные отделы и отделы охраны труда и передать их в ВЦСПС и совпрофы.

(Постановление 10-го Съезда ВКП(б) о профсоюзах).

Важность и необходимость широкого развертывания работы по улучшению техники и организации производства в условиях социалистического строительства в нашей стране особенно подчеркивал т. Ленин. Он неоднократно указывал, что, для того, «чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм», пролетариат должен стать на путь «новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство, ибо, — говорил он, — социализм немыслим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову науки» **(Ленин,** «Великий почин»).

В соответствии с этим XIV Съезд партии дал директиву об индустриализации страны и рационализации производства, а XV Конференция партии, конкретизируя этот лозунг, постановила:

«Все усилия партии Советского государства должны быть в первую очередь направлены на обеспечение **такого расширения основного капитала, которое обусловливало бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе.** Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (резолюция XV Партконференции).

Чтобы двигаться вперед, развивать индустрию, укреплять народное хозяйство и сохранить смычку с крестьянством, — необходимы рост производительности труда и систематическое снижение цен на промышленные товары. Но проводить политику снижения цен на промтовары и развивать производительность труда невозможно, не вводя новую технику и не улучшая систематически организацию труда в производстве. Ленин говорил:

«Производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда» («Великий почин»).

VII Всесоюзный съезд профессиональных союзов был поэтому совершенно прав, когда он подчеркнул в своей резолюции, что «в дальнейшем внимание союзных и хозяйственных органов в течение длительного периода времени должно быть сосредоточено на вопросах рационализации производственных процессов и рабочей силы».

Ввиду этого все организации рабочего класса, особенно парторганизации и профсоюзы, должны уделять сугубое внимание улучшению техники и организации производства, учитывая их решающее значение в деле социалистического строительства.

Проводимая пролетарским государством социалистическая рационализация производства (улучшение техники и организации производства) коренным образом отличается от капиталистической рационализации. Капиталисты, проводя рационализацию, перекладывают всю ее тяжесть на плечи рабочего класса, в результате чего капиталистическая рационализация производства приводит к удлинению рабочего дня, росту безработицы, понижению жизненного уровня рабочего класса и обнищанию широких трудящихся масс. В отличие от капиталистической рационализации социалистическая рационализация имеет своей целью увеличение численности рабочего класса, повышение его материального и культурного уровня, удовлетворение растущих потребностей широких трудящихся масс, укрепление смычки между пролетариатом и крестьянством и создание материальной базы дальнейшего

развития социалистических элементов нашего хозяйства. Тот факт, что за последние два года численность рабочего класса в крупной индустрии (не считая транспорт, строительное дело и т. д.) поднялась на 640 тыс. чел., при одновременном подъеме реальной заработной платы на 37%, а также то обстоятельство, что в текущем хозяйственном году предстоит дальнейшее увеличение численности рабочего класса в крупной индустрии на 130 тыс. чел., при уже проведенном повышении заработной платы в среднем на новых 10%, — эти факты с несомненностью говорят о том, что мероприятия пролетарского государства по поднятию производительности труда и рационализации производства ведут на деле к систематическому улучшению материального и культурного уровня рабочего класса и безусловному укреплению его политической мощи.

Именно поэтому в решении задач переустройства и расширения технической базы промышленности огромное значение приобретает организующая роль рабочего класса и его профсоюзов. От сознательного и активного участия широких масс рабочих и их профсоюзов в деле улучшения техники и организации производства целиком и полностью зависят наши успехи в этой области.

Улучшение техники и организации производства должно итти по трем основным направлениям:

1) созданию новых предприятий на основе последних достижений в области науки и техники;

2) коренному переоборудованию действующих предприятий путем введения лучшего технического оборудования и более правильной организации труда;

3) проведению ряда практических мероприятий в целях максимального использования наличного оборудования и переустройства производства.

Опыт работы по проведению мероприятий улучшения техники и организации производства во всех этих областях за истекший период обнаружил крупнейшие недостатки. Основным из этих недостатков следует считать то обстоятельство, что предпринятые мероприятия не привели к сколько-нибудь значительному снижению себестоимости, понижению цен на товары и улучшению их качества...

Для успешного проведения работы по рационализации производства необходимо проведение следующих мероприятий:

1. На фабриках и заводах должна быть широко поставлена работа по машинизации производства, специализации заводов, рационализации теплосилового хозяйства, организации работ непрерывным потоком (конвейерная система), механизации и улучшению внутризаводского транспорта. Наряду с этим необходимо ускорить проведение мероприятий по большему разделению труда на предприятиях, обслуживанию рабочим большего количества механизмов и лучшей организации всего трудового процесса. Особое внимание должно быть обращено на массовое и серийное производство и развитие работ по стандартизации изделий.

2. Хозорганы, профсоюзы и органы Наркомтруда должны разработать ряд практических мер по оздоровлению и улучшению условий труда, механизации тяжелых и вредных работ с тем, чтобы эти мероприятия одновременно облегчали подъем производительности труда

рабочего (мероприятия по технике безопасности, улучшение освещения, нормальная температура, вентиляция и пр.).

3. В связи с неизбежным перераспределением рабочей силы по стране, связанным как с переброской рабочих с одних заводов на другие, так и с пуском новых заводов, предложить НКТ и НКВД срочно разработать закон, регулирующий пользование квартирами (коммунальными, кооперативными и при предприятиях) в направлении установления права свободного обмена квартир, введения договорных начал в пользовании заводскими квартирами на срок, после истечения которого рабочие должны освобождать занимаемые ими квартиры, установления права свободного перехода из одного жилищного кооператива в другой и полного освобождения фабричнозаводских помещений от лиц, не работающих на данном предприятии.

(Постановления ЦК ВКП(б) — март 1927).

Охрана труда молодежи

В работе среди городской пролетарской молодежи необходима прежде всего усиленная деятельность союза по экономически-правовой линии. Здесь следует, в связи с ростом безработицы и относительным понижением заработной платы подростков, вести борьбу за сохранение рабочей молодежи, как будущих полноценных квалифицированных работников, проведение в жизнь законодательства об охране труда молодежи, сохранение установленного процента подростков по отношению к взрослым, удержание системы оплаты труда подростков, их социального страхования и т. д.; работа по охране труда, тарифная работа и пр. Особо необходимо обратить внимание на увязку между перспективами развития промышленности и подготовкой рабочих сил соответствующей квалификации. РКСМ должен так же систематически работать в сфере защиты интересов подростков в частных, арендованных и концессионных предприятиях, тщательно следя за соблюдением советских законов и организуя, в случае их нарушения, совместно с профсоюзами и партией соответствующее сопротивление...

Сохранение рабочей молодежи в производстве и предохранение ее от форм чрезмерной эксплоатации, разрушающих ее физические и духовные силы, является необходимой предпосылкой дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры, развития промышленности Советской республики; эти мероприятия обеспечивают также возможность выполнения РКСМ его основных задач как в организационной, так и воспитательной областях.

Это сохранение должно быть достигнуто энергичной работой профсоюзов и госорганов при непосредственном и инициативном участии РКСМ путем:

а) забронирования по производствам нормального процента рабочих-подростков;

б) обеспечения условий для проведения всех норм охраны труда путем такого регулирования тарифа, при котором рабочий-подросток за сокращенный рабочий день получал бы как за полный восьмичасовой, и надзора за трудом подростков как в государственной, так и в частной промышленности;

в) реорганизация труда рабочей молодежи, подчинения его целям обучения и квалификации, строительства школы рабочей молодежи, объединяющей практическое обучение производству с теоретическим образованием и общественно-политическим воспитанием. Эта школа должна материально обслуживаться хозорганами и стать в центре внимания Наркомпроса.

(Постановление 12-го Съезда ВКП(б) о работе комсомола).

Вопросы оздоровления труда в плане первой пятилетки

Растущая численность рабочего класса и повышающаяся производительность труда в обстановке коренной реконструкции промышленности, резко увеличивающей выпуск продукции на одного рабочего, приводят в условиях пролетарского государства к сокращению рабочего дня до семи часов, усилению мер охраны труда, направленных к оздоровлению обстановки труда на предприятиях, и к дальнейшему росту заработной платы, особенно интенсивному в ее **реальном** выражении. Общий подъем народного хозяйства обеспечит возможность дальнейшего увеличения расходов на другие материальные и культурные нужды рабочих масс — в первую очередь **на жилищное строительство,** постройку школ, техникумов, клубов, организацию общественного питания, детских яслей, детских домов и общее благоустройство рабочих поселков.

Все это при одновременном развитии сети учреждений профтехнического образования, в частности школ фабзавуча, и приспособления всего народного просвещения к потребностям социалистического строительства создает предпосылки для быстрого повышения культурного уровня рабочих масс, постоянно растущей активности их участия в строительстве социализма и тем самым укрепления основной базы пролетарской диктатуры.

(Резолюция 15-го Съезда ВКП(б) о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства).

Особо важная задача выпадает при этом на долю **профессиональных** организаций пролетариата, от их низших до самых высших звеньев. Беспощадно борясь против всех извращений рационализации, стоя на страже повседневных нужд рабочего класса, давая самый энергичный отпор всякой волоките и бюрократизму, где бы они ни замечались, смело преодолевая любую попытку сократить размах творческой инициативе масс, широчайшим образом вовлекая пролетарские ряды в поток великой строительной работы и развязывая всеми мерами эту инициативу, профессиональные союзы в то же время должны еще в большей степени стать **основным рычагом** переделки нашей промышленности. На основе политики сокращения рабочего дня и повышения заработной платы (в меру ресурсов страны и подъема промышленности) профессиональные союзы должны всячески (через фабзавкомы, производственные совещания и конференции, контрольные комиссии и т. д.) помогать делу трудового воспитания пролетарских масс, организации труда на фабриках и заводах, улучшению внутренних

фабрично-заводских распорядков и рационализации техники предприятий. Профессиональные союзы должны помочь отсталым слоям пролетариата осознать до конца, что именно пролетариат, как класс, является хозяином индустрии, что перед ним раскрываются огромные перспективы, если будут неустанно и неуклонно итти вперед индустриализация страны, рационализация ее хозяйства, строительство социализма.

(Резолюция 15-го Съезда ВКП(б) о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства).

Об усилении партруководства работой по охране труда

Социалистическая реконструкция и капитальное переоборудование промышленности и транспорта требуют для своего осуществления решительных мероприятий по оздоровлению условий труда на предприятиях и поднятию техники безопасности работы.

Между тем, несмотря на заметные продвижения вперед в области реконструкции промышленности и на значительные ассигнования на капитальные работы по охране труда рабочих, охрана труда не стоит на должной высоте, а промышленный травматизм остается все еще на высоком уровне.

Работа хозорганов в области охраны труда и техники безопасности все еще недостаточна (в частности до сих пор не организованы на многих предприятиях специальные бюро безопасности), и часто наблюдается невнимательное, а в ряде случаев и халатное отношение к этим вопросам руководящего административно-технического персонала предприятий; органы НКТ, а также профессиональные союзы зачастую не проявляют необходимой настойчивости при проведении (через хозорганы) мероприятий по обеспечению охраны труда рабочих; со стороны парторганизаций не проявляется должного внимания к вопросам охраны труда.

ЦК обращает внимание парторганизаций на имевшие место в последнее время крупные аварии в ряде предприятий, сопровождавшиеся несчастными случаями (взрыв домны на Тагильском заводе и на заводе им. Рыкова, обвал свода мартеновской печи на заводе им. Фрунзе, катастрофа на шахте «Мария»), и предлагает усилить партийное руководство работой хозорганов, органов НКТ и профсоюзов в области охраны труда и техники безопасности, особенно в горной промышленности, где уровень травматизма является особенно высоким, руководствуясь следующими директивами:

1. Органам РКИ установить систематический контроль за тем, чтобы:

а) в новом промышленном и транспортном строительстве, а также при переоборудовании предприятий и рационализации производственных процессов были полностью обеспечены условия, предъявляемые требованиями и нормами техники безопасности и промышленной санитарии;

б) при проведении уплотнения работ и при переходах на сплошную годовую и трехсменную работу проводились необходимые дополнительные меры, гарантирующие соблюдение норм охраны труда.

2. В течение ближайших трех месяцев обеспечить подбор соответствующих важности задач кадров работников техники безопасности и охраны труда путем:

а) проверки работы хозорганов по выделению инженеров и техников на посты заведующих техникой безопасности на предприятиях с тем, чтобы на эту работу были выдвинуты достаточно квалифицированные и доказавшие свою преданность рабочему классу специалисты, и чтобы работа этих специалистов была обеспечена необходимой поддержкой хозяйственных и профессиональных организаций и соответствующими материально-бытовыми условиями;

б) подбора достаточно квалифицированных инспекторов труда, очистки состава инспектуры от негодных и не знакомых с условиями производства работников и решительного выдвижения инспекторами труда лучших рабочих-производственников.

В дальнейшем установить систематическую проверку кадров работников в этих областях.

3. Добиться действительной ответственности руководителей хозорганов, предприятий и цехов, а также специальных работников, ведающих техникой безопасности, за проведение мероприятий по безопасности и охране труда, соответственно намеченным планам, за правильное и полное расходование ассигнуемых на эти цели средств (которые должны направляться в первую очередь на наиболее неблагополучные по состоянию безопасности и уровню травматизма отрасли промышленности предприятия и цеха), за соблюдение обязательных правил НКТ о технике безопасности и за происходящие по вине или вследствие нераспорядительности и халатности хозорганов аварии и несчастные случаи.

Наряду с этим необходимо добиться выполнения со стороны рабочих всех правил внутреннего распорядка, связанных с обеспечением безопасности работ, не останавливаясь перед решительными мерами взыскания по отношению к нарушителям этих правил.

4. Профорганизации должны улучшить работу комиссий по охране труда, обеспечить контроль со стороны рабочих масс как над работой хозорганов в области охраны труда и обеспечения безопасности, так и над работой инспекторов труда.

Обязать профорганизации перед предстоящей кампанией по перезаключению колдоговоров провести деловую проверку выполнения на каждом предприятии обязательств хозорганов по охране труда и технике безопасности, предусмотренных в колдоговорах и специальных соглашениях, и организовать широкое обсуждение этих вопросов на рабочих собраниях в связи с заключением новых колдоговоров.

5. Дать указания хоз- и профорганам об усилении работы по воспитанию производственных навыков среди новых рабочих, поднятию их технического уровня и по широкой пропаганде среди рабочих техники безопасности, имея в виду, что эта работа имеет громадное значение в борьбе за повышение производительности труда.

6. При проведении социалистического соревнования необходимо наряду с достижениями в области производства обеспечить максимальные успехи в деле охраны труда и борьбы с несчастными случаями, мобилизовав вокруг этого инициативу и внимание широких масс рабочих.

7. Партийные комитеты при проверке работы хозорганов и отдельных предприятий должны уделять достаточное внимание (наряду с проверкой выполнения промфинпланов, снижения себестоимости, поднятия производительности труда) состоянию техники безопасности и охраны труда, оценивая работу хозяйственных и других организаций и с точки зрения их работы в этой области.

ЦК предлагает провести специальную проверку работы по обеспечению безопасности и охраны труда на отдельных важнейших предприятиях и заслушать соответствующие доклады на заседаниях партийных комитетов.

(Обращение ЦК ВКП(б) к ЦК нацкомпартий, Облбюро ЦК, Крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам ВКП(б) от 5 июля 1929 г.).

За большевистские темпы в организации, охране и оздоровлении труда.

Гигантские успехи партии в деле строительства социализма в промышленности и сельском хозяйстве стали возможны только на базе **огромной активности рабочего класса** и идущих за ним трудящихся масс, выразившейся в широком развитии среди рабочих социалистического соревнования и ударничества, в начавшейся перестройке работы всех органов пролетарской диктатуры, партийных, профсоюзных, советских и кооперативных организаций, под лозунгом **мобилизации масс за большевистские темпы социалистической реконструкции страны,** за преодоление трудностей, за поворот профсоюзов лицом к производству и советов — к колхозному строительству.

Осуществляя перестройку работы профсоюзов, партия встретила сопротивление **прежнего руководства** ВЦСПС, которое культивировало внутри профаппарата оппортунистические тред-юнионистские настроения аполитичности, отрыва от партии и от строительства социалистического хозяйства, пытаясь создать в профдвижении опорный пункт для правооппортунистических элементов в их борьбе против генеральной линии партии и ее ленинского ЦК.

Съезд целиком и полностью одобряет меры, принятые ЦК для **укрепления ленинско-большевистского руководства профдвижением.** Перед партией и новым руководством ВЦСПС стоит задача продолжения и завершения поворота профсоюзов лицом к производству, к активному участию в строительстве социалистического хозяйства, к преодолению мелкобуржуазных шатаний внутри отсталых слоев рабочего класса, теснейшим образом увязывая всю эту работу с усилением работы по улучшению рабочего снабжения, по охране труда, борьбе с бюрократизмом в гос- и хозорганах и профаппарате.

(Из рез. 16-го съезда ВКП(б) о профсоюзах).

Съезд считает необходимым улучшить работу Наркомтруда и его органов, а также хозяйственных и профсоюзных органов по охране и оздоровлению условий труда на предприятиях (особенно в тяжелой индустрии). Профсоюзы должны добиваться, чтобы при капитальном и новом строительстве и при рационализации производства соблюдались требования охраны и оздоровления условий труда и технической безопасности.

Отмечая как огромное политическое завоевание рабочего класса введение 7-часового рабочего дня и непрерывной недели, съезд считает необходимым закончить перевод на 7-часовой рабочий день всех промышленных и транспортных рабочих в 1931/32 г., а на непрерывку — в 1930/31 г. Съезд предлагает хозяйственным, профсоюзным и партийным организациям решительно исправить недочеты, связанные с плохой подготовкой к переводу на 7-часовой рабочий день и непрерывку, улучшить постановку культурного и социально-бытового обслуживания рабочих масс в связи с этими важнейшими мероприятиями и принять меры к правильной организации отдыха рабочих в выходные дни.

(Из резол. 16-го Съезда ВКП(б) о профсоюзах).

Механизация труда во вредных производствах в плане завершающего года первой пятилетки

XVII партийная конференция обращает внимание всех партийных организаций и самой промышленности на необходимость ускоренной механизации трудоемких и тяжелых работ как в производстве, так и в строительстве, особенно в таких отраслях, как каменноугольная, металлургия, горнорудная, лесозаготовки, торфоразработки, транспортные и погрузочно-разгрузочные работы.

Широкое внедрение механизации становится совершенно необходимым как для успешного выполнения плана производства и строительства, требующих передвижения огромных грузовых потоков, так и для замены ручного труда при тяжелых работах и во вредных производствах.

Конференция считает необходимым, чтобы уже в плане 1932 г. было предусмотрено усиленное снабжение перечисленных отраслей промышленности механизмами и средствами железнодорожного и автомобильного транспорта.

(Резолюция 17-й партконференции ВКП(б)).

Труд у них и у нас

В мире капиталистическом — массовое разорение бедняцких и середняцких хозяйств под ударами аграрного кризиса, выросшего налогового бремени, кабальной задолженности. Целые крестьянские районы вымирают голодной смертью. В СССР подавляющее большинство крестьян добровольно объединилось в колхозы. Коллективизация сельского хозяйства на основе применения высокой машинной техники радикально улучшила материальное и культурное положение крестьянских масс и включила колхозную деревню в систему социалистического хозяйства.

В условиях капиталистического рабства труд — проклятие для рабочего, в СССР — новые социалистические формы труда: ударничество, социалистическое соревнование — труд, как «дело чести, славы, доблести, геройства».

(Из воззвания ИККИ к 1 мая 1932 г.).

II НАСЕЛЕНИЕ

ЗАКОНЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Так как каждый год требует больше занятых рабочих, чем в предыдущий, то раньше или позже должен наступить момент, когда потребности накопления начинают перерастать обычное предложение труда, когда, следовательно, наступает повышение заработной платы. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всего XV и первой половины XVIII века. Однако более или менее благоприятные условия, при которых наемные рабочие сохраняются и размножаются, нисколько не изменяют основного характера капиталистического производства. Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит и само капиталистическое отношение, — капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой, — так воспроизводство в расширенном масштабе или накопление воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом. Как мы видели уже раньше, воспроизводство рабочей силы, которая постоянно должна входить в состав капитала как средство увеличения его стоимости и не может отрешиться от него, и подчинение которой капиталу маскируется лишь сменой индивидуальных капиталистов, которым она продает себя, — это воспроизводство является в действительности моментом воспроизводства самого капитала. Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата.[1]

Классическая политическая экономия настолько хорошо понимает это положение, что А. Смит, Рикардо и т. д., как упомянуто раньше, даже отожествляли ошибочным образом накопление с потреблением всей капитализуемой части прибавочного продукта производительными рабочими, или с превращением ее в добавочных наемных рабочих.

Уже в 1696 г. Джон Беллерс говорит: «Если бы у кого-либо было 100 000 акров земли, столько же фунтов стерлингов денег и столько же голов скота, чем был бы богатый человек без рабочих, как не рабочим? И так как рабочие обогащают людей, то чем больше рабочих, тем больше богатых... Труд бедных — рудники для богатых».

---

[1] *Karl Marx*, „Lohnarbeit und Kapital" [сравн. *К. Маркс:* «Наемный труд и капитал», перев. И. Степанова. Изд. «Красная новь». М. 1922 г., стр. 51]. — «При одинаковой степени угнетения масс, чем больше в стране пролетариев, тем она богаче» (*Colins*, „L'Economie Politique, Source des Révolutions et des Utopies prétendues Socialistes. Paris 1857», vol III, p. 331). Под «пролетарием» в экономическом смысле следует разуметь исключительно наемного рабочего, который производит «капитал» и увеличивает его стоимость и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей самовозрастания «господина капитала», как называет эту персону Пекер. «Немощный пролетарий первобытных лесов», — это милая фантазия Рошера. Житель первобытного леса — собственник первобытного леса и обращается с первобытным лесом как с своей собственностью, так же бесцеремонно, как орангутанг. Следовательно, он не пролетарий. Он был бы пролетарием лишь в том случае, если бы первобытный лес эксплоатировал его, а не он этот лес. Что касается состояния его здоровья, то он в этом отношении выдержал бы сравнение не только с современным пролетарием, но и с сифилитическими и золотушными «почтенными людьми». Однако под первобытным лесом Рошер, по всей вероятности, разумеет свою родную Lüneburger Heide.

Точно так же Bernard de Mandeville говорит в начале XVIII столетия: «Там, где собственность пользуется достаточной защитой, было бы легче жить без денег, чем без бедных, ибо кто стал бы трудиться?.. Как следует ограждать рабочих от голодной смерти, так следует сделать так, чтобы они не получали ничего, что стоило бы сбережения. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря необыкновенному трудолюбию и недоеданию возвышается над положением, в котором он вырос, то никто не должен ставить ему в этом какие-либо препятствия: ведь бесспорно, что жить бережливо это — самое разумное для каждого отдельного лица, для каждой отдельной семьи в обществе; однако интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы бо́льшая часть бедных никогда не оставалась без дела, и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают... Те, кто поддерживает существование повседневным трудом, побуждаются к работе исключительно своими нуждами, которые благоразумно смягчать, но было бы глупо исцелять. Единственная вещь, которая только и может сделать рабочего человека прилежным, это — умеренная заработная плата. Слишком низкая заработная плата доводит его, смотря по темпераменту, до малодушия или отчаяния, слишком большая делает наглым и ленивым... Изо всего до сих пор сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков. Не говоря уже о том, что они служат неиссякаемым источником для укомплектования флота и армии, без них не было бы никаких наслаждений и невозможно было бы использовать произведения страны. Чтобы сделать общество (которое, конечно, состоит из нерабочих) счастливым, а народ довольным даже его жалким положением, для этого необходимо, чтобы огромное большинство оставалось невежественным и бедным. Познание расширяет и умножает наши желания, а чем меньше желает человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности».

Mandeville, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления вместе с капиталом увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и тем самым увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, воплощенного в капиталисте. Об этом отношении зависимости сэр F. M. Eden замечает в своем «Положении бедных, или истории рабочего класса Англии»: «Природный продукт нашей земли недостаточен для того, чтобы полностью содержать нас; поэтому без предшествующего труда мы не могли бы снабдить себя ни одеждой, ни жилищем, ни пищей. И потому хотя бы часть общества должна неустанно работать... Другие, которые «не сеют и не прядут», имеют, однако, в своем распоряжении продукты трудолюбия. Таким освобождением от труда они обязаны исключительно цивилизации и порядку; они — всецело творение гражданских учреждений. Ибо они признают, что плоды труда можно присваивать и иным способом, кроме труда. Люди с независимым состоянием почти целиком обязаны своим состоянием труду других, а не своим собственным способностям, которые отнюдь не выше, чем способности других; не владение землей и деньгами, а господство над трудом («the command of labour») — вот что отличает богатых от работающей части общества...

Этот [приветствуемый Eden'ом] план дал бы собственникам большое, но во всяком случае не чрезмерное влияние и власть над теми... кто работает на них, и этих рабочих поставил бы не в положение рабства, а в состояние приятной и мягкой зависимости... Такое отношение зависимости, как известно всякому знатоку человеческой природы, необходимо для блага самих рабочих». Кстати сказать, сэр F. M. Eden — единственный из учеников Адама Смита, совершивший в XVIII веке нечто значительное. [1]

---

[1] Если читатель вспомнит о *Мальтусе*, „Essay on Population" которого появился в 1798 г., то я напомню, что эта работа в своей первоначальной форме есть не что иное, как ученически-поверхностный и попозски-напыщенный плагиат [литературная кража] из De Foe, Sir James Steuart, Townsend, Franklin, Wallace и т. д. и не содержит ни одного самостоятельного придуманного положения. Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами. Французская революция нашла в Британском королевстве страстных защитников; «принцип населения», медленно вырабатывавшийся в XVIII веке, потом с трубными звуками и барабанным боем возвещенный среди великого социального кризиса как несравненное противоядие против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию. Мальтус, до крайности изумленный своим успехом, принялся тогда за то, чтобы заполнить старую схему поверхностно компилированным материалом и присоединить к нему новый, который был однако не открыт, а просто присвоен Мальтусом. — Кстати сказать, Мальтус, поп английской церкви, тем не менее дал монашеский обет безбрачия. Это — одно из условий fellowship (членства) в протестантском Кэмбриджском университете. «Мы не допускаем того, чтобы женатые делались членами коллегии. Напротив, женатый должен немедленно выйти из числа членов» („Peports of Cambridge University Commission", p. 172). Это обстоятельство выгодно отличает Мальтуса от других протестантских попов, которые, стряхнув с самих себя католическую заповедь безбрачия священников, усвоили заповедь «плодитесь и множитесь» как свою специфически-библейскую миссию в такой мере, что повсюду поистине в неприличной степени содействуют увеличению населения, — и в то же время проповедуют рабочим «принцип населения». Характерно, что экономическая пародия грехопадения, Адамово яблоко, „urgent appetite" [«непреоборимое желание»], „the ckecks which tend to blund the shafts of Cupid" («препятствия, которые стремятся притупить стрелы Купидона), как весело говорит поп Townsend, что этот щекотливый пункт был монополизирован и теперь монополизируется господами представителями протестантской теологии или, вернее, церкви. За исключением венецианского монаха Ortes'a, оригинального и остроумного писателя, большинство проповедников «принципа населения» — протестантские попы. Таковы: *Bruckner*, „Thèorie du Système animal, Leyde 1767", в которой исчерпана вся современная теория населения и идея для которой дал мимолетный спор на эту тему между Кэпа и его учеником, Мирабо старшим [отцом деятеля революции]; затем поп Wallace, поп Townsend, поп Malthus и его ученик, архипоп Th. Chalmers, не говоря уже о мелких попах-писаках in this line [в том же направлении].

Первоначально политической экономией занимались философы, как Honds, Locke, Hume, коммерческие и государственные люди, как Thomas Morus, Temple, Sully, de Witt, North, Law, Vanderlint, Cantillon, Franklin, и в особенности теорией ее, притом с величайшим успехом, медики, как Petty, Barbon, Mandeville, Quesnay. Еще и полорине XVIII столетия священник Josiah Tucker, видный для своего времени экономист, извиняется в том, что он занялся мамоном. Позже, именно одновременно с «принципом населения», пробил час протестантских попов. Как бы предчувствуя появление этих анархий, Петти, считающий население основой богатства и, подобно Адаму Смиту, непримиримый враг попов, говорит: «Религия больше всего процветает там, где у священников больше всего умерщвляется плоть, как право — там, где адвокаты умирают от голода». Поэтому протестантским священникам, раз они не хотят следовать апостолу Павлу и «умерщвлять плоть» безбрачием, он советует «не производить по крайней мере попов больше („not to breed more Churchmen»], чем могли бы поглотить наличные приходы

При тех наиболее благоприятных для рабочих условиях накопления, которые предполагались до сих пор, отношение зависимости рабочих от капитала облекается в сносные или, как выражается Eden, «приятные и мягкие» формы. Вместо того, чтобы по мере роста капитала становиться интенсивнее, оно становится лишь экстенсивнее, т. е. сфера эксплоатации и господства капитала просто расширяется параллельно его собственной величине и числу его подданых. Наибольшая часть их собственного прибавочного продукта, который все возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме платежных средств, благодаря чему они могут расширять круг своих потребностей, лучше обставлять свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и образовать даже небольшой денежный запасный фонд. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более или менее значительное peculium [1] не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплоатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и эксплоатации и для наемного рабочего. Повышение цены труда, являющееся следствием накопления капитала, в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным. В спорах об этом предмете обыкновенно упускали из виду самое главное, а именно differentia specifica [отличительный признак] капиталистического производства. Рабочая сила покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая тем не менее реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или обогащение — таков абсолютный закон этого способа производства. Рабочая сила может находить покупателей лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства как капитал, воспроизводит свою собственную стоимость как капитал и в неоплаченном труде доставляет источник добавочного капитала.

Следовательно, самые условия ее продажи, будут ли они более или менее благоприятны для рабочих, предполагают необходимость постоянного повторения ее продажи и постоянно расширяющееся воспроизводство богатства как капитала. Заработная плата, как мы видели, по самой своей природе постоянно предполагает, что рабочий доставляет определенное количество неоплаченного труда. Не говоря уже о таких случаях, как повышение заработной платы одновременно с понижением цены труда и т. д., увеличение ее означает даже в лучшем случае просто количественное уменьшение того неоплаченного труда, который

benefices); т. е. если в Англии и Уэльсе имеется всего 12 000 приходов, то было бы неразумно произвести 24 000 попов («it will not be safe to breed 24 000 ministers"), ибо 12 000 непристроенных постоянно будут искать средств к существованию, и как же легче могли бы они найти эти средства, если не таким способом: пойти в народ и втолковать ему, что эти 12 000 имеющих приходы губят души, доводит эти души до голода и указывают им скользкий путь, по которому они не дойдут до неба?» *Petty*, „A Treatise on Taxes and Contributions. London 1667», p. 57).

[1] Римское право называет «peculium» отдельное имущество, предоставлявшееся главой дома в самостоятельное распоряжение несамостоятельным лицам, именно рабам, которые не могли приобретать собственность. *К.*

приходится исполнять рабочему. Это уменьшение никогда не может дойти до такого пункта, на котором оно угрожало бы самому существованию капиталистической системы, т. е. капиталистическому характеру производственного процесса и воспроизводству условий его собственного существования, воспроизводству, с одной стороны, средств производства и существования как капитала, а с другой стороны, рабочей силы как товара, — на одном полюсе капиталиста, на другом полюсе — наемного рабочего. Оставляя в стороне решающиеся силой конфликты из-за уровня заработной платы, — а уже Адам Смит показал, что в таких конфликтах хозяин всегда остается хозяином, — повышение цены труда, вытекающее из накопления капитала, предполагает следующую альтернативу.

Или цена труда продолжает повышаться, потому что ее повышение не препятствует процессу накопления: в этом нет ничего удивительного, потому что, говорит А. Смит, «даже при понижении прибыли капиталы не только продолжают возрастать, но они возрастают даже много быстрее... Большой капитал даже при небольшой прибыли в общем возрастает быстрее, чем мелкий капитал при большой прибыли» («Wealth of Nations», II, p. 189). В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не препятствует распространению господства капитала, — напротив, это явление приучает рабочего к тому, чтобы все свое спасение видеть в обогащении своего хозяина.

Или, — и это другая сторона альтернативы, — накопление вследствие повышения цены труда ослабевает, потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли. Накопление уменьшается. Но вместе с его уменьшением исчезает причина его уменьшения, а именно несоразмерность между капиталом и подлежащей эксплоатации рабочего силой, чрезмерность капитала по сравнению с предложением рабочей силы. Следовательно, самый механизм капиталистического процесса производства устраняет те преходящие препятствия, которые он создает. Цена труда снова понижается до уровня, соответствующего потребностям возрастания капитала, будет ли уровень этот ниже, выше или равен тому, который был нормальным перед началом повышения заработной платы.

Итак, в первом случае не замедление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал избыточным, а, наоборот, увеличение капитала делает недостаточной доступную для эксплоатации рабочую силу. Во втором случае не усиление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал недостаточным, а, наоборот, уменьшение капитала делает избыточной доступную эксплоатации рабочую силу и понижает ее цену. Как-раз эти абсолютные движения накопления капитала и отражаются в виде относительных движений массы доступной эксплоатации рабочей силы, благодаря чему кажется, как-будто они вызываются собственным движением последней. Употребляя математическое выражение, величина накопления есть независимая переменная, величина заработной платы — зависимая, а не обратно. Таким же образом, когда промышленность проходит в своем цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как-будто происхо-

дит относительное понижение стоимости денег. Так называемая currency-школа делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало, а при низких — слишком много денег. Ее невежество и полное забвение фактов находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом — слишком много наемных рабочих.

Закон капиталистического производства, лежащий в основе мнимого «естественного закона населения», сводится просто к следующему: отношение между капиталом, накоплением и уровнем заработной платы есть не что иное, как отношение между неоплаченным трудом, превращенным в капитал, и добавочным трудом, необходимым для того, чтобы привести в движение дополнительный капитал. Следовательно, это — отнюдь не отношение между двумя независимыми одна от другой величинами, между величиной капитала, с одной стороны, и количеством рабочего населения — с другой: напротив, это в последнем счете отношение лишь между неоплаченным и оплаченным трудом одного и того же рабочего населения. Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но если это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода, которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе. Следовательно, закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплоатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе. Иначе оно и быть не может при таком способе производства, при котором рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей вместо того, чтобы, наоборот, вещественное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук.

(Маркс. — «Капитал» т. I, гл. 23).

Относительное перенаселение

Относительное перенаселение тем более заметно обнаруживается в известной стране, чем более развит в ней капиталистический способ производства. В свою очередь оно является причиной того, что, с одной

стороны, во многих отраслях производства продолжает существовать более или менее неполное подчинение труда капиталу — и притом продолжает существовать дольше, чем это на первый взгляд соответствует общему уровню развития; это — следствие дешевизны и чрезмерного количества имеющихся в распоряжении или уволенных наемных рабочих, а также более упорного сопротивления, которое в известных отраслях производства, в зависимости от их природы, встречает превращение ручного труда в машинный. С другой стороны, открываются новые отрасли производства, в особенности предметов роскоши,—отрасли, базисом для которых зачастую служит именно такое относительное население, освобождающееся вследствие преобладания постоянного капитала в других отраслях производства, и которые, напротив, покоятся на преобладании в них элементов живого труда и лишь понемногу проходят такой же путь развития, как другие отрасли производства. В обоих случаях переменный капитал составляет значительную долю всего капитала, а заработная плата стоит ниже средней, так что в этих отраслях производства и норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости необычайно высоки. А так как общая норма прибыли образуется вследствие уравнения норм прибыли особых отраслей производства, то та же причина, которая порождает тенденцию нормы прибыли к понижению, вызывает здесь противодействие этой тенденции, более или менее парализующее ее влияние.

(К. Маркс — «Капитал» т. III, гл. 14).

Различные формы существования относительного перенаселения

Относительное перенаселение существует во всевозможных оттенках. К нему принадлежит всякий рабочий, пока он занят наполовину или вовсе не имеет работы. Если оставить в стороне те крупные периодически повторяющиеся формы, которые придает перенаселению смена фаз промышленного цикла, так что оно является то острым, как во время кризисов, то хроническим, как во время вялого хода дел, — если оставить в стороне эти формы, то мы получаем три постоянных формы перенаселения: текучую, скрытую и застойную.

В центрах современной промышленности — фабриках, мануфактурах, горных заводах, рудниках и т. д. — рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве, благодаря чему в конечном выводе число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства. Перенаселение существует здесь в текучей форме.

Как на собственно фабриках, так и во всех крупных мастерских, где машины играют известную роль или по меньшей мере проведено современное разделение труда, требуется масса рабочих-мужчин в юношеском возрасте. По наступлении совершеннолетия только очень немногие из них находят себе применение в прежних отраслях производства, большинство же обыкновенно выбрасывается на улицу. Они образуют такой элемент текучего перенаселения, который возрастает по мере возрастания промышленности. Часть их эмигрирует, т. е. в действительности просто отправляется вслед за эмигрирующим капиталом. Одним из следствий этого является более быстрый рост женского населения по

сравнению с мужским, пример чего дает Англия. То противоречие, что естественный прирост рабочего населения не удовлетворяет потребностям накопления капитала, хотя в то же время превосходит их, есть противоречие самого движения капитала. Для него требуются бо́льшие массы рабочих в раннем возрасте, меньшие — в зрелом возрасте. Противоречие — не более вопиющее, чем другие, заключающееся в том, что жалобы на недостаток рабочих рук раздаются в то самое время, когда многие тысячи выбрасываются на улицу потому, что разделение труда приковало их к одной определенной отрасли производства.[1] К тому же капитал потребляет рабочую силу так быстро, что рабочий уже в среднем возрасте оказывается более или менее одряхлевшим. Он попадает в ряды избыточных или оттесняется с высшей ступени на низшую, в то время как его место занимает более свежая рабочая сила. Как-раз у рабочих крупной промышленности мы наталкиваемся на самую короткую продолжительность жизни.

«Dr. Lee, санитарный врач Манчестера, установил, что в этом городе средняя продолжительность жизни для состоятельного класса составляет 38 лет, для рабочего класса — всего 17 лет. В Ливерпуле она составляет 35 лет для первого, 15 лет для второго класса. Из этого следует, что привилегированный класс получает от жизни ассигновку (have a lease of life) вдвое большую, чем класс их сограждан, находящихся в менее благоприятных условиях».

При таких обстоятельствах абсолютное возрастание этой части пролетариата должно происходить в такой форме, при которой, несмотря на быстрое снашивание ее элементов, численность ее увеличивается. Таким образом требуется быстрая смена поколений рабочих. (Этот закон утрачивает свое значение для остальных классов населения.) Эта общественная потребность удовлетворяется ранними браками, — необходимым следствием условий, в которых живут рабочие крупной промышленности, — и той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплоатация.

Когда капиталистическое производство овладевает земледелием или в той мере, в какой оно овладевает земледелием, спрос на сельское рабочее население параллельно накоплению функционирующего здесь капитала абсолютно уменьшается; отталкивание рабочего населения не дополняется здесь бо́льшим притяжением, как это наблюдается в неземледельческой промышленности. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в ряды городского или мануфактурного пролетариата и выжидает условий, благоприятных для этого превращения (под мануфактурой здесь подразумевается вся неземледельческая промышленность)[2]. Следовательно, этот источник относительного перенаселения течет непрерывно. Но непрерывность его течения к городам предполагает, что и в самой деревне постоянно имеется скрытое перенаселение, размеры которого становятся заметными, едва лишь открываются исключительно широкие отводные каналы. Поэтому плата сельского рабочего низводится к минимуму, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма.

Третья категория относительного перенаселения, застойное перенаселение, образуя часть активной рабочей армии, но характеризуется крайней нерегулярностью занятий. Таким образом она составляет для капитала неисчерпаемое хранилище свободной рабочей силы. Ее жизненный уровень — ниже среднего нормального уровня рабочего класса, и как-раз это и делает ее для капитала широким базисом особых отраслей эксплоатации. Она характеризуется максимумом рабочего времени и минимумом заработной платы. Мы уже познакомились под рубрикой домашнего труда с ее главной формой. Она рекрутируется из избыточных рабочих крупной промышленности и земледелия, в особенности же из рабочих погибающих отраслей промышленности, в которых ремесленное производство побеждается мануфактурным, мануфактурное — машинным производством. Размер ее увеличивается по мере того, как с размерами и энергией накопления прогрессирует создание «избыточных» рабочих. Но она образует в то же время самовоспроизводящийся и самоувековечивающийся элемент рабочего класса, — элемент, принимающий относительно бо́льшее участие в общем приросте рабочего класса, чем все остальные элементы. В самом деле, не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе средств существования, которою располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества звучал бы бессмыслицей, если бы мы отнесли его к дикарям или даже к цивилизованным колонистам. Он напоминает нам о массовом размножении животных видов, индивидуально слабых и подвергающихся жестоким преследованиям.[1].

Наконец, низший слой относительного перенаселения обитает в сфере пауперизма. Оставляя в стороне бродяг, преступников и живущих проституцией, коротко говоря, весь пролетариат босяков (Lumpenproletariat) в собственном смысле этого слова, — этот слой общества состоит из трех категорий. 1. Работоспособные. Стоит только поверхностно

---

[1] В то время, как во вторую половину 1866 г. в Лондоне было от 80 до 90 тысяч безработных, в фабричном отчете за это самое полугодие говорится: «Повидимому не может претендовать на абсолютную правильность то утверждение, будто спрос почти в тот самый момент, когда это необходимо, вызывает предложение. По отношению к труду дело обстояло не так, потому что в прошлом году за недостатком рабочих рук многие машины бездействовали» („Reports of Insp. of Fact. for 31-st October 1866», p. 81).

[2] По переписи 1861 г. в Англии и Уэльсе числилось «781 городов с 10 960 998 жителей, между тем как в деревнях и сельских приходах насчитывалось только 9 105 226». В переписи 1851 г. фигурировало 580 городов, население которых почти равнялось населению прилегающих к ним сельских округов. Но в то время, как в сельских округах население увеличилось в течение следующего десятилетия только на полмиллиона, в 580 городах оно возросло на 1 554 067. Прирост населения в сельских приходах составляет 6,5%, в городах 17,3%. Разница в норме прироста обусловливается переселением из деревни в город. Три четверти общего прироста населения приходится на долю городов» («Census etc.» Vol. III, p. 11, 12).

[1] «Бедность, повидимому, благоприятствует размножению» (A. Smith, „Wealth of Nations", b. I, ch. 8). По мнению гениального и остроумного аббата Galiani, это является даже особенно мудрым установлением божиим: «Бог устроил так, что люди, исполняющие наиболее полезные работы, рождаются в наибольшем числе» (Galiani, „Della Moneta", vol. III, собрание Custodi, „Scrittori Classici italiani di Ecònomia Politica". Parte Moderna. Milano 1801, p. 78). «Нищета, до крайних границ голода и эпидемий, не задерживает роста населения, а имеет тенденцию увеличивать его» (S. Laing, „National Distress. 1844», p. 69). После статистических иллюстраций этого положения Laing продолжает: «Если бы все жили в благоприятных условиях, то мир скоро обезлюдел бы».

посмотреть статистику английского пауперизма, и мы увидим, что масса его увеличивается при каждом кризисе и уменьшается при каждом оживлении дел. 2. Сироты и дети пауперов — это кандидаты промышленной резервной армии; в периоды большого промышленного подъема, как напр., в 1860 году, они быстро и массами вступают в ряды активной рабочей армии. 3. Опустившиеся, обнищавшие, неработоспособные. Это именно те лица, которые погибают от своей малой подвижности, создаваемой разделением труда, или те, которые перевалили за нормальную продолжительность жизни рабочего; это, наконец, жертвы промышленности, число которых все увеличивается с распространением опасных машин, горного дела, химических фабрик и т. д.: калеки, больные, вдовы и т. д. Пауперизм представляет инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии. Производство его предполагается производством относительного перенаселения, необходимость первого — необходимостью второго; вместе с относительным перенаселением он представляет условие существования капиталистического производства и развития богатства. Он относится к faux frais[1] капиталистического производства, которые капитал умеет, однако, в бо́льшей части сваливать с себя на плечи рабочего класса и мелкой буржуазии.

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше относительное перенаселение или промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно-пропорциональна мукам его труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный, признанный властями пауперизм. Это — **абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.** Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многосложными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится.

Можно понять глупость той экономической мудрости, которая проповедует рабочим, что они должны соразмерять свою численность с потребностями капитала в самовозрастании. Как-будто механизм капиталистического производства и накопления не приводит всегда к этому процессу приспособления. Первое слово требуемого приспособления — создание относительного перенаселения или промышленной запасной армии, последнее слово — нищета все возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый груз пауперизма.

Закон, согласно которому, вследствие прогресса производительности общественного труда, все возрастающая масса средств производства может приводиться в движение все с меньшей и меньшей затратой человеческой силы,—этот закон на базисе капитализма, где не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что, чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятия, следовательно, тем ненадежнее необходимое условие их существования: продажа собственной силы для увеличения чужого богатства или для самовозрастания капитала. Таким образом возрастание средств производства и производительности труда более быстрое, чем возрастание производительного населения, получает капиталистическое выражение, наоборот, в том, что рабочее население постоянно возрастает быстрее, чем потребность в самовозрастании капитала.

[1] Faux frais, — дословно «ложные издержки»,— такие расходы предприятия, которые ничего не привносят в его результат, но при данных обстоятельствах неизбежны. *К.*

В четвертом отделе при анализе производства относительной прибавочной стоимости мы видели, что при капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда развиваются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплоатации производителя, уродуют рабочего, делая из него неполного человека, принижают его до роли придатка машины, с тяжестью труда отнимают и его содержательность, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука соединяется с последним как самостоятельная сила; они извращают условия, при которых рабочий работает, подчиняют его во время процесса труда самому мелочному, отвратительному деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жену и детей под джаггернаутову колесницу капитала. Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере того, как капитал накопляется, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка его оплата. Наконец, тот закон, что относительное перенаселение, или промышленная резервная армия, постоянно поддерживается в состоянии равновесия с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковывал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Этот антагонистический характер капиталистического накопления[1] в различных формах признан экономистами, хотя они сваливают в одну кучу с ними отчасти аналогичные, но тем не менее существенно отличные явления предкапиталистических способов производства.

Венецианский монах **Ортес,** один из величайших писателей-экономистов XVIII столетия, рассматривает антагонизм капиталистического

[1] «С каждым днем становится яснее, что отношения производства, в которых движется буржуазия, носят не целостный, простой, а двойственный характер; что в той самой мере, как производится богатство, производится и нищета; что в той самой мере, как совершается развитие производительных сил, развивается и сила угнетения; что эти отношения производят буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазного класса, лишь таким способом, что они постоянно уничтожают богатство отдельных членов этого класса и создают все возрастающий пролетариат» (Karl Marx „Misère de la Philosophie», p. 116).

производства как всеобщий естественный закон общественного богатства. «Экономическое добро и экономическое зло во всякой нации постоянно взаимно уравновешиваются (il bene ed il male economico in una nazione sempre all' istessa misura), изобилие благ у одних всегда равносильно недостатку благ у других (la copia dei deni in alcuni sempre eguale alla mancanza di essi in altri). Большое богатство немногих всегда сопровождается абсолютным отсутствием необходимого у несравненно бо́льшего количества других». Богатство нации соответствует ее населению, а бедность ее соответствует ее богатству. Трудолюбие одних вынуждает праздность других. Бедные и праздные — необходимый плод богатых и деятельных и т. д.

Почти через 10 лет после Ortes'a англиканско-протестантский поп Townsend с полной грубостью возвеличивал бедность как необходимое условие богатства. «Правовое принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, между тем как голод представляет не только мирное, тихое, непрестанное давление, но и вызывает, как наиболее естественное побуждение к промышленности и труду, самое сильное напряжение». Следовательно, все сводится к тому, чтобы сделать голод постоянным для рабочего класса, и, по мнению Townsend'a, об этом заботится принцип населения, в особенности действительный среди бедных. «Повидимому закон природы таков, что бедные до известной степени не предусмотрительны (Improvident) (т. е. непредусмотрительны до такой степени, что являются на свет без золотой ложки во рту), так что в обществе постоянно имеются люди (that there always may be some) для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья (the fund of human happiness) благодаря этому сильно увеличивается, более утонченные люди (the more delicate) освобождаются от тягостей и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию и т. д. Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую создали в мире бог и природа».[1]

Если венецианский монах в жребии судьбы, увековечивающем нищету, видел оправдание существования христианской благотворительности, безбрачия духовенства, монастырей и богоугодных заведений, то протестантский обладатель прихода, напротив, открывает в этом предлог для осуждения английских законов о бедных, в силу которых бедный имел право на жалкое общественное вспомоществование.

«Прогресс общественного богатства, — говорит Шторх, — порождает тот полезный класс общества, который исполняет самые скучные, низкие и отвратительнейшие работы, одним словом, возлагает на свои плечи

[1] «A. Dissertation on the Poor Laws. By a Wellwisher of Manking (The Reverend Mr. J. Townsend), 1786», republished London 1817, p. 15, 39, 41. Этот «утонченный» поп — у которого из только-что названной работы, а также из путешествия по Испании Мальтус часто списывает страницы под-ряд, — заимствовал большую часть своих теорий у Sir. J. Steuart'a, которого он однако искажает. Напр., когда Steuart говорит: «Здесь, при рабстве, способом принуждать людей к труду (на неработающих) было насилие... Людей тогда принуждали к труду (т. е. к даровому труду на других), потому что они были рабами других; теперь люди принуждаются к труду (т. е. к даровому труду на неработающих) тем, что они — рабы своих собственных потребностей», — если он говорит это, то однако он отнюдь не делает, как жирный приходской поп, того вывода, что наемные рабочие всегда должны голодать. Наоборот, он хочет расширить их потребности и сделать в то же время рост их потребностей стимулом к труду на «более утонченных».

все, что только есть в жизни неприятного и порабощающего, и тем самым обеспечивает для других классов досуг, веселое расположение духа и условное (это хорошо!) достоинство характера (dignité conventionelle) и т. д.». Шторх ставит вопрос, в чем же собственно заключается преимущество этой капиталистической цивилизации с ее нищетой и деградацией масс перед варварством? Он находит только один ответ: в безопасности!

Благодаря прогрессу промышленности и науки, — говорит Сисмонди, — каждый рабочий может производить ежедневно много больше, чем требуется ему для собственного потребления. Но хотя его труд производит богатство, то же самое богатство, если бы он сам был призван потреблять его, сделало бы его мало способным к труду. По его мнению, «люди (т. е. нерабочие), вероятно, отказались бы от всяких усовершенствований искусств, равно как и от всех наслаждений, доставляемых им промышленностью, если бы им пришлось покупать это ценою столь же упорного труда, каким является труд рабочего... В настоящее время усилия отделены от вознаграждения за них; не один и тот же человек сначала работает, а потом отдыхает; напротив, именно потому, что один работает, другой должен отдыхать... Следовательно, бесконечное умножение производительных сил труда не может иметь никакого иного результата, кроме увеличения роскоши и наслаждений праздных богачей. Шербюлье, ученик Сисмонди, дополняет его, присовокупляя: «Сами рабочие, содействуя накоплению производительных капиталов, помогают созданию того положения, которое раньше или позже отнимает у них часть их заработной платы».

Наконец, Destutt de Tracy, холодный буржуазный доктринер, грубо заявляет: «Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден».

(К. Маркс. — «Капитал», т. I, гл. 23).

Возрастающее производство промышленной резервной армии

Хотя с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть, или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции. Промежутки, на протяжении которых накопление действует как простое расширение производства на данном техническом базисе, все сокращаются. Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих, и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу. Мало того, это возрастающее накопление и централизация в свою очередь сами превращаются в источник нового изменения состава капитала или нового ускоренного уменьшения его переменной части по сравнению с постоянной. Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как-будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала или средств для занятия этого населения. В действительности капиталистическое накопление постоянно произво-

дит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее, или добавочное рабочее население или перенаселение.

Рассматривая весь общественный капитал, мы видим, что процесс его накопления то вызывает периодические изменения, то его отдельные моменты одновременно распределяются между различными сферами производства. В некоторых сферах изменение состава капитала происходит без возрастания его абсолютной величины, просто вследствие концентрации; в других абсолютное возрастание капитала связано с абсолютным уменьшением его переменной составной части, или поглощаемой ею рабочей силы; в третьих капитал то возрастает на данной технической основе и пропорционально своему возрастанию привлекает добавочную рабочую силу, то происходит органическое изменение капитала, и сокращается его переменная часть; во всех сферах возрастание переменной части капитала и вместе с тем числа занятых рабочих всегда связаны с сильными колебаниями и созданием временного перенаселения, причем безразлично, принимает ли оно более заметную форму отталкивания уже занятых рабочих или не так заметную, но не менее действительную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами. Вместе с величиной уже функционирующего общественного капитала и степенью его возрастания, с расширением масштаба производства и массы функционирующих рабочих, с развитием производительной силы их труда, с расширением и увеличением изобилия всех источников богатства расширяются и размеры того явления, что усиление притяжения рабочих капиталом связано с усилением отталкивания их, ускоряется изменение органического состава капитала и его технической формы и расширяется круг тех отраслей производства, которые то одновременно, то одна за другой охватываются этим изменением. Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит **средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства** закон **населения** как и всякому особенному историческому способу производств в действительности свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вмешивается человек.

Но если избыточное рабочее население есть необходимый продукт накопления, или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение в свою очередь становится рычагом капиталистического накопления и даже условием существования капиталистического способа производства. Оно образует **промышленную резервную армию,** которой может располагать капитал и которая так же абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет. Она создает для его изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплоатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения.

С накоплением и сопровождающим его развитием производительной силы труда возрастает сила внезапного расширения капитала, — не только потому, что возрастает эластичность функционирующего капитала и то абсолютное богатство, лишь некоторую эластичную часть которого составляет капитал, не только потому, что кредит, при всяком особом возбуждении, разом отдает в распоряжение производства необычную часть этого богатства в качестве добавочного капитала: кроме всего этого технические условия самого процесса производства, машины, средства транспорта и т. д. делают возможным в величайшем масштабе самое быстрое превращение прибавочного продукта в добавочные средства производства. Масса общественного богатства, возрастающая с прогрессом накопления и способная превратиться в добавочный капитал, бешено устремляется в старые отрасли производства, рынок которых внезапно расширяется, или во вновь открывающиеся, как железные дороги и т. д., потребность в которых возникает из развития старых отраслей производства. Во всех таких случаях необходимо, чтобы возможно было разом и без сокращения размеров производства в других сферах бросать в важнейшие пункты огромные массы людей. Их доставляет перенаселение. Характерный жизненный путь современной промышленности, представляющий форму прерываемого небольшими колебаниями десятилетнего цикла периодов среднего оживления производства под высоким давлением, кризиса и застоя, покоится на постоянном образовании, бо́льшем или меньшем поглощении и снова образовании промышленной резервной армии, или перенаселения. Превратности промышленного цикла в свою очередь увеличивают перенаселение и становится одним из наиболее энергичных факторов его воспроизводства.

Этот своеобразный жизненный путь современной промышленности, которого мы не наблюдаем ни в одну из прежних эпох человечества, был невозможен и в период детства капиталистического производства. Медленно шло совершенствование техники, и еще медленнее распространялось оно. Состав капитала изменялся лишь очень медленно. Следовательно, его накоплению соответствовало в общем пропорциональное возрастание спроса на труд. Каким бы медленным ни был прогресс накопления капитала, по сравнению с современной эпохой, но и он наталкивался на естественные границы доступного эксплоатации рабочего населения; устранить эти границы можно было только насильственными средствами, о которых будет упомянуто впоследствии. Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее в свою очередь вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплоатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного возрастания населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «освобождает» часть рабочих, посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки. Поверхность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами. Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство: раз оно брошено в это движение попеременно

ного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Только с того времени, когда механическая промышленность пустила столь глубокие корни, что она стала оказывать преобладающее влияние на национальную промышленность; когда благодаря ей внешняя торговля начала брать перевес над внутренней торговлей; когда мировой рынок открыл для себя колоссальные области в Америке, Азии, Австралии; когда, наконец, промышленные нации, вступившие в конкуренцию друг с другом, сделались достаточно многочисленными,— только с того времени выступили те все снова и снова повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают годы и которые каждый раз ведут ко всеобщему кризису, завершающему один цикл и начинающему новый. До сих пор такой цикл обыкновенно охватывал от десяти до одиннадцати лет. Но у нас нет никаких причин считать это число неизменным. Напротив, изложенные нами законы капитализма дают основания предполагать, что это число— изменяющееся, и что оно мало-по-малу сократится.

Раз периодичность цикла кризисов упрочилась, то даже политическая экономия начинает понимать, что производство относительного перенаселения, т. е. населения, избыточного по сравнению с средней потребностью капитала в самовозрастании, является условием существования современной промышленности.

«Предположим, — говорит H. Merivale, раньше профессор политической экономии в Оксфорде, впоследствии чиновник английского министерства колоний, — предположим, что нация по случаю кризиса сделает напряжение всех своих сил с той целью, чтобы посредством эмиграции освободиться от нескольких сотен тысяч избыточных бедняков, что было бы следствием этого? То, что при первом же возрождении спроса на труд в последнем оказался бы недостаток. Как быстро ни происходило бы воспроизводство людей, для возмещения взрослых рабочих во всяком случае требуется промежуток времени в одно поколение. Но прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от возможности эксплоатировать благоприятный момент оживленного спроса и возна-градить себя таким образом за период его ослабления. Эта же возможность обеспечивается для них только господством над машинами и над ручным трудом. Необходимо, чтобы они могли найти свободные руки, они должны быть способны по мере необходимости напрягать или ослаблять активность своих операций в зависимости от состояния рынка, — иначе они явно не могли бы среди бешеной конкуренции удержать то преобладание, на котором основано богатство этой страны».

Даже Мальтус в перенаселении, — которое он со свойственной ему ограниченностью объясняет абсолютно избыточным приростом рабочего населения, а не тем, что оно делается избыточным, — признает необходимость для современной промышленности. Он говорит: «Благоразумные привычки по отношению к браку, доведенные до известного уровня среди рабочего класса страны, которая зависит главным образом от мануфактуры и торговли, могут сделаться вредными для нее. По самой природе населения, прирост работников, вызываемый особенным спросом, не может быть доставлен на рынок раньше, чем через 16—18 лет, а превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться несравненно быстрее; страна постоянно подвержена риску, что ее рабочий фонд будет возрастать быстрее, чем население»[1].

Объявив таким образом постоянное производство относительного перенаселения рабочих необходимым условием капиталистического накопления, политическая экономия, которая и является-то на этот раз в образе старой девы, влагает в уста своего «идеала» — хорошего капиталиста — следующие слова, обращенные к «избыточным» рабочим, выброшенным на улицу добавочным капиталом, их собственным созданием: «Мы, фабриканты, увеличивая капитал, которым вы должны существовать, делаем для вас все, что только можем, а вы должны сделать остальное, сообразуя свое число с средствами существования».

Для капиталистического производства отнюдь не достаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, независимой от этой естественной границы.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала точно соответствует увеличению или уменьшению числа занятых рабочих.

Однако и при неизменяющемся или даже сокращающемся числе рабочих переменный капитал, господствующий над ними, возрастает, если только индивидуальный рабочий начинает доставлять больше труда, и его заработная плата поэтому возрастает, хотя цена труда остается без изменения или даже падает, но падает медленнее, чем увеличивается масса труда. В таком случае увеличение переменного капитала становится показателем бо́льшего количества труда, а не бо́льшего количества занятых рабочих. Абсолютный интерес каждого капиталиста заключается в том, чтобы выжать определенное количество труда из меньшего, а не из бо́льшего числа рабочих, хотя бы последнее стоило так же дешево или даже дешевле. В последнем случае затрата постоянного капитала возрастает пропорционально массе приводимого в движение труда, в первом случае — много медленнее. Чем крупнее масштаб производства, тем более решающее значение приобретает этот мотив. Его важность возрастает с накоплением капитала.

Мы видели, что развитие капиталистического способа производства и производительной силы труда — одновременно причина и следствие накопления — дает капиталисту возможность, увеличивая экстенсивно или интенсивно эксплоатацию индивидуальных рабочих сил, при прежней затрате переменного капитала приводить в движение бо́льшее количество труда. Мы видели далее, что на ту же самую капитальную стоимость он покупает бо́льшее количество рабочих сил, все более и более вытесняя искусных рабочих менее искусными, зрелых незрелыми, мужчин женщинами, взрослых подростками или детьми.

Итак, с прогрессом накопления бо́льший переменный капитал, с одной стороны, приводит в движение бо́льшее количество труда, не увеличивая количества рабочих, с другой стороны, переменный капитал прежней величины приводит в движение бо́льшее количество труда

[1] Malthus, „Principles of Political Economy", p. 254, 319, 320. В этой работе Мальтус открывает, наконец, при помощи Сисмонди, прекрасную троицу капиталистического производства: перепроизводство, перенаселение, перепотребление, эти три наиболе дорогих для него чудовища!

при прежней массе рабочей силы, и, наконец, вытесняя рабочие силы высшего качества, приводит в движение большее количество рабочих сил низшего качества.

Производство относительного перенаселения или освобождение рабочих идет поэтому еще быстрее, чем совершается технический переворот производственного процесса, и без того ускоряемый прогрессом накопления, — еще быстрее, чем происходит соответствующее этому перевороту отосительное уменьшение переменной части капитала по сравнению с постоянной. Если средства производства, увеличиваясь по размерам и дееспособностям, все в убывающей степени становятся средством занятия рабочих, то самое это отношение модифицируется еще и по следующей причине: по мере возрастания производительной силы труда капитал скорее создает увеличенное предложение труда, чем повышает свой спрос на рабочих. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает его резервные ряды, а усиленное давление, оказываемое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает их к чрезмерному труду и подчинению велениям капитала. Обречение одной части рабочего класса к вынужденной праздности чрезмерным трудом другой его части, и наоборот, становится средством обогащения отдельных капиталистов и в то же время ускоряет производство промышленной резервной армии в масштабе, соответствующем прогрессу общественного накопления.

Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, доказывает, напр., Англия. Ее технические средства «сбережения» труда колоссальны. Однако, если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров, и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных».

В общем и целом широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно, они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается. В самом деле, хорош был бы закон, который ставил бы движение капитала в зависимость от абсолютного движения численности населения вместо того, чтобы регулировать спрос и предложение труда расширением и сокращением капитала, следовательно, в соответствии с его изменяющимися потребностями самовозрастания,—регулировать таким образом, что рабочий рынок вследствие сокращения капитала представляется относительно переполненным, а вследствие расширения капитала недостаточно полным, — хорош был бы этот закон для современной промышленности с ее десятидетним циклом и его периодическими фазами, которые притом прерываются неправильными колебаниями, с прогрессом накопления все чаще и чаще следующими одно за другим. Однако этот закон — догмат политической экономии. Согласно ему вследствие накопления капитала заработная плата повышается. Повышенная заработная плата служит стимулом для более быстрого размножения рабочего населения, и это продолжается до тех пор, пока рабочий рынок не переполнится, т. е. пока капитал не сделается относительно недостаточным по сравнению с предложением рабочих. Заработная плата падает, и тогда перед нами оборотная сторона медали. Вследствие понижения заработной платы рабочее население мало-по-малу разрежается, так что по отношению к нему капитал опять становится избыточным, или же, как это истолковывают другие, понижение заработной платы и соответствующее этому повышение эксплоатации рабочих опять ускоряют накопление, в то время как низкий уровень заработной платы задерживает возрастание рабочего класса. Таким образом снова складываются условия, при которых предложение труда ниже спроса на труд, заработная плата повышается и т. д. Что за прекрасный метод движения для развитого капиталистического производства! Прежде чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-нибудь положительное увеличение действительного работоспособного населения, при этих условиях несколько раз успел бы миновать тот срок, в течение которого необходимо провести промышленную кампанию и дать решительную битву.

Между 1849 и 1859 гг., одновременно с понижением хлебных цен, произошло фактически чисто номинальное повышение заработной платы в английских земледельческих округах; напр., в Wiltshire'е понедельная плата повысилась с 7 до 8 шилл., в Dorsetshire'е с 7 или 8 до 9 шилл. и т. д. Это было следствием необычного отлива избыточного земледельческого населения, который был вызван потребностями войны, громадным расширением железнодорожных сооружений, фабрик, горного дела и т. д. Чем ниже заработная плата, тем выше те процентные числа, в которых выражается всякое ее повышение, как бы незначительно оно ни было. Напр., если заработная плата составляла 20 шилл. в неделю и повысилась до 22, то повышение составляет 10%; если, напротив, она была всего 7 шилл. и повышается до 9, то это составляет $28^{4}/_{7}$%, что звучит очень значительно. Во всяком случае фермеры подняли вопль, и даже «London Economist» по поводу этих голодных заработков совершенно серьезно стал болтать об «a general and substantial advance» [об общем и существенном повышении заработной платы]. Что же предприняли фермеры? Или они стали дожидаться, пока вследствие такой блестящей платы сельские рабочие не размножатся до такой степени, что их плата снова понизится, как представляет себе это дело догматически-экономическая голова? Они ввели больше машин, и рабочие быстро снова оказались «излишними» в такой мере, которая удовлетворила даже фермеров. Теперь в земледелие было вложено «больше капитала», чем прежде, и вложено в более производительной форме. Вместе с тем спрос на труд понизился не только относительно, но и абсолютно.

Законы, регулирующие общее движение заработной платы или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и между совокупным общественным капиталом, указанная экономическая гипотеза смешивает с законами, регулирующими распределение рабочего населения между отдельными сферами производства. Если, напр., вследствие благоприятной конъюнктуры [положения дел] накопление в известной сфере производства в особенности оживленно, прибыль

выше средней прибыли, и добавочный капитал устремляется туда, то, разумеется, увеличиваются спрос на труд и заработная плата. Повышенная заработная плата увеличивает приток рабочего населения в эту сферу, находящуюся в благоприятных условиях, пока она не будет насыщена рабочей силой; тогда заработная плата на продолжительное время опять падает до своего прежнего среднего уровня или даже ниже его, если приток был слишком велик. Тогда приток рабочих к данной отрасли производства не только прекращается, но даже сменяется отливом. В таких случаях экономист воображает, будто ему удается наблюдать, «где и каким образом» при увеличении заработной платы происходит абсолютное увеличение числа рабочих, а при абсолютном увеличении числа рабочих—понижение заработной платы; но в действительности он наблюдает лишь местное колебание рабочего рынка одной отдельной сферы производства, он наблюдает лишь явления распределения рабочего населения между различными сферами приложения капитала, в зависимости от изменяющихся потребностей последнего.

Промышленная резервная армия, или относительное перенаселение, в периоды застоя и среднего оживления оказывает давление на активную рабочую армию и обуздывает ее притязания в период перепроизводства и пароксизмов [лихорадочной деятельности]. Следовательно, относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает размах этого закона в границы, абсолютно согласные с жаждой эксплоатации и стремлением к господству, свойственными капиталу.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23).

Кризисы и законы населения

Но одновременно [1] действовали бы другие влияния. Застой производства лишил бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую, занятую часть его, поставил бы в такие условия, при которых ей пришлось бы примириться с понижением заработной платы даже ниже среднего уровня, — обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней заработной плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость. Период процветания благоприятствовал бы бракам среди рабочих и уменьшил бы смертность их детей, — обстоятельства, которые, какое бы действительное увеличение населения ни было связано с ними, вовсе не предполагают увеличения действительно работающего населения, но на отношение рабочих к капиталу влияют совершенно так же, как если бы увеличилось число действительно функционирующих рабочих. С другой стороны падение цен и борьба конкуренции побуждали бы каждого капиталиста понижать индивидуальную стоимость всего продукта ниже его общей стоимости посредством применения новых машин, новых усовершенствованных методов труда, новых комбинаций, т. е. повышать производительную силу данного количества труда, понижать отношение переменного капитала к постоянному и таким образом освобождать рабочих, короче говоря, создавать искусственное перенаселение. Далее, обесценение элементов постоянного капитала само сделалось бы элементом, влекущим за собой повышение нормы прибыли.

[1] См. примечание 12-е.

Масса применяемого постоянного капитала возросла бы по сравнению с переменным, но стоимость этой массы могла бы уменьшиться. Наступивший застой производства подготовил бы позднейшее расширение его в капиталистических границах.

И таким образом круг был бы снова закончен. Часть капитала, обесценившаяся вследствие приостановки функционирования, снова приобрела бы свою прежнюю стоимость. Впрочем, при расширенных условиях производства, при расширенном рынке и при повышенной производительной силе был бы опять совершен такой же порочный кругооборот.

Но даже при допущенном нами крайнем предложении абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства. Оно является перепроизводством средств производства лишь постольку, поскольку эти последние **функционируют, как капитал,** и, следовательно, поскольку они, рассматриваемые со стороны стоимости, увеличивающиеся вместе с увеличением их массы, предполагают процесс самовозрастания этой стоимости, должны порождать дополнительную стоимость.

Но, несмотря на то, это все же было бы перепроизводство, потому что капитал оказался бы неспособным эксплоатировать труд в той степени, которая обусловливается «здоровым», «нормальным» развитием капиталистического процесса производства, в той степени, при которой с возрастанием массы применяемого капитала увеличивается, по крайней мере, масса прибыли и которая, следовательно, исключает возможность того, чтобы норма прибыли падала в той самой мере, как возрастает капитал, и, в особенности, чтобы норма прибыли понижалась быстрее, чем возрастает капитал.

Перепроизводство капитала никогда не означает чего-либо иного, как перепроизводство средств производства, — средств труда и средств существования, — которые могут функционировать, как капитал, т. е. могут применяться для эксплоатации труда при данной степени эксплоатации; понижение же этой степени эксплоатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала сопровождается более или менее значительным относительным перенаселением. Те самые обстоятельства, которые повысили производительную силу труда, увеличили массу товарных продуктов, расширили рынки, ускорили накопление капитала как по массе, так и по стоимости и понизили норму прибыли, — эти же самые обстоятельства создали и постоянно создают относительное перенаселение, перенаселение рабочих, которые не применяются избыточным капиталом вследствие низкой степени эксплоатации труда, при которой они только и могли бы найти применение, или, по крайней мере, вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплоатации.

(К. Маркс — «Капитал» т. III, гл. 15).

Пауперизм

При патриархальных отношениях, когда рабочие жили со своими семьями во дворе арендатора, и дети его вырастали тут же, где арен-

датор старался, поэтому, найти какую-нибудь работу этому подрастающему поколению, а поденщики были исключением, а не правилом, в каждом хозяйстве бывало больше рабочих, чем было, строго говоря, необходимо. Поэтому арендаторы старались в собственных интересах разрушить эти патриархальные отношения, прогнать батрака со двора и превратить его в поденщика. Это произошло почти во всей Англии к концу двадцатых годов XIX столетия, и результатом этого было то, что излишек населения, бывший до этого времени, — употребляя выражение физики, — в скрытом состоянии, теперь освободился, заработная плата упала, и налог в пользу бедных очень повысился. С этого времени земледельческие округа сделались очагами **хронического пауперизма**, а фабричные округа — очагами **перемежающегося пауперизма**, и реформа законов о бедных была первой мерой, к которой вынуждена была прибегнуть общественная власть против все возрастающего обеднения сельских общин. К тому же, с непрестанным развитием системы крупного хозяйства, были введены молотилки и другие машины, работа взрослых мужчин была заменена работой женщин и детей, что в настоящее время стало таким общим явлением, что последствия этого были даже недавно предметом исследования специально для этого назначенной официальной комиссии. Итак, мы видим, что система промышленного производства проникла и сюда при посредстве крупных хозяйств, разрушения патриархальных отношений, — имевшего именно здесь величайшее значение, — и введения машин, паровой силы и работы женщин и детей, а, проникнув сюда, она вовлекла и последнюю наиболее консервативную часть трудящегося человечества в революционное движение. Но чем дольше земледелие сохраняло свою прежнюю устойчивость, тем большей тяжестью пало на плечи рабочих разрушение этой устойчивости, тем разрушительнее оказалась здесь дезорганизация старого социального строя, «избыток населения» сразу выступил на свет божий, и его нельзя было устранить расширением производства, как в промышленных округах. Раз есть только, куда сбывать продукты, можно всегда устроить новые фабрики, но новую землю создать нельзя. Обработка пустующих общинных земель была слишком рискованной спекуляцией, чтобы после заключения мира на нее пожелали бросить большие капиталы. Неизбежными последствиями этого были чрезвычайное усиление конкуренции рабочих между собой и падение заработной платы до минимума. Пока существовал старый закон о бедных, рабочие получали кое-какие прибавки к своему вознаграждению из кассы для бедных. Само собою разумеется, что это только еще больше понижало заработную плату, так как арендаторы старались возможно большую часть ее свалить на кассу для бедных. Повышение налога в пользу бедных, ставшее необходимым уже вследствие излишнего населения, стало еще более необходимым, что и привело к изданию нового закона о бедных, о котором у нас еще будет речь впереди. Но закон этот делу не помог. Заработная плата не повышалась, избыточное население не исчезло, и жестокость нового закона лишь до крайности озлобила народ. Даже налог в пользу бедных, сначала уменьшившийся, достиг по истечении нескольких лет прежней высоты. Единственным результатом нового закона было то, что если раньше насчитывалось 3—4 миллиона полунищих, то теперь оказался миллион совершенных нищих, а остальные оставались полунищими и

лишились всякой поддержки. Нищета в земледельческих округах с каждым годом возрастает. Люди живут в величайшей нищете, целые семьи должны прожить на 6, 7 или 8 шиллингов в неделю, а по временам и этого не имеют. Послушаем, как изображал положение этого населения уже в 1830 г. член парламента — либерал: «Английский крестьянин (т. е. поденный сельскохозяйственный рабочий) и английский паупер (нищий) — эти слова синонимы. Отец его был паупером, и молоко матери не имело питательных сил. С детских лет он плохо питался, никогда не наедался до-сыта и теперь еще не испытывает мук неудовлетворенного голода только тогда, когда он спит. Он полуодет, топлива у него едва хватит для приготовления скудной пищи, и холод и сырость — постоянные гости его, появляясь вместе с непогодой и исчезая только вместе с ней. Он женат, но радости отца и супруга ему незнакомы. Жена его и дети, голодные, озябшие, часто больные и беспомощные, вечно такие же озабоченные и полные отчаяния, как он сам, разумеется, жадны, эгоистичны и надоедливы. Поэтому ему, выражаясь его собственными словами, ненавистен самый вид их (hates the sight of them), и он является в свою лачугу только потому, что она все же является лучшей защитой от дождя и непогоды, чем забор. Он должен содержать семью, а сделать этого не может: он прибегает, поэтому, к нищенству, к неблаговидным уловкам всякого рода и делается настоящим жуликов. Будь у него даже охота, у него нет смелости, чтобы сделаться, подобно другим, более энергичным людям своего класса, браконьером или контрабандистом; он ворует при случае и учит своих детей лгать и воровать. Его раболепное отношение к более богатым соседям показывает, что они обращаются с ним грубо и подозрительно; поэтому он боится и ненавидит их, но никогда не решится совершить над ними насилие. Он испорчен до мозга костей и настолько унижен, что неспособен даже проявить энергию отчаяния. Его несчастная жизнь коротка, ревматизм и астма приводят его в богадельню, где он испустит последний дух без единственного приятного воспоминания в прошлом и очищая место для другого несчастного, который так же жил и так же умрет, как он».

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь всегда, за исключением коротких периодов высшего расцвета, целые резервы безработных: не будь их, она в наиболее оживленные месяцы не была бы в состоянии произвести всей массы товаров, требуемой на рынке. Резервы эти более или менее многочисленны, смотря по тому, какая часть их находит работу при данном положении рынка. И если в эпоху наибольшего расцвета земледельческая промышленность, Ирландия, и менее захваченные расцветом отрасли промышленности могут освободить некоторые кадры рабочих, то, во-первых, таких меньшинство, а во-вторых, и они принадлежат к резервам, с той только разницей, что только расцвет констатирует, что эти резервы существуют. Когда они переходят в более оживленные отрасли промышленности, то, чтобы заполнить образуемый ими пробел, начинают работать дольше, привлекают к работе женщин и более молодых людей, и, когда они с наступлением кризиса теряют свои места и возвращаются домой, то находят все места занятыми, и тогда они, — по меньшей мере боль-

шая часть их, — становятся в ряды излишнего населения. Вот эти-то резервы, которые в эпохи кризисов возрастают неимоверно, и в периоды, которые можно принять, как нечто среднее между расцветом и кризисом, тоже насчитывают еще не мало людей, и составляют «излишнее население» Англии; оно попрошайничает и крадет, метет улицы, собирает лошадиный навоз, перевозит клади на ручных тележках или при помощи ослов, занимается мелкой розничной торговлей и всякими мелкими случайными работами поддерживает свое жалкое существование. Во всех крупных городах видишь множество таких людей, которые всякими мелкими случайными заработками «поддерживают тело и душу», как выражаются англичане. Прямо изумительно, какие заработки находит это «излишнее население». Лондонские чистильщики улиц (crossing sweeps) всемирно известны; но до сих пор безработные чистили не только перекрестки, но и главные улицы во всех крупных городах и нанимались для этого обществами призрения бедных и городского благоустройства; теперь для этого употребляется машина, которая ежедневно катит по улицам, лишая безработных этого заработка. На больших дорогах, ведущих в города, там, где большое движение телег, можно видеть множество людей с мелкими тележками, с опасностью для жизни подбирающих между катящимися по всем направлениям каретами и омнибусами свежий лошадиный навоз, который они собирают для продажи. Часто им приходится за то выплачивать несколько шиллингов в неделю обществу, заведующему очисткой улиц, а во многих местах последнее им даже это запрещает, потому что иначе оно не может продать в качестве удобрения собираемый ими сор, в котором оказывается слишком мало лошадиного навоза. Счастливы те «лишние», которым удается обзавестись ручной тележкой для перевозки небольших кладей, еще счастливее те, которым удается обзавестись не только тележкой, но и ослом; последний должен сам отыскивать себе пищу или получает кое-какие отбросы и все-же может принести кое-какой доход. — Большинство «лишних» занимается мелкой торговлей в разнос. В субботу вечером, когда все рабочее население высыпает на улицу, эти торговцы снуют среди него по всем направлениям. Шнурки для ботинок, подтяжки, тесемки, апельсины, печения и всевозможные другие вещи предлагаются наперерыв бесчисленными мужчинами, женщинами и детьми. Да и в иное время встречаешь на каждом шагу таких продавцов с апельсинами, печениями и прохладительными напитками. Предметом торговли этих людей являются также спички, сургуч, патентованные аппараты для зажигания огня и тому подобные вещи. Другие, так называемые, jobbers ходят по улицам, отыскивая себе какие-нибудь случайные мелкие работы; некоторым из них удается достать поденную работу, но такое счастье выпадает на долю немногих. «У ворот всех лондонских доков, — рассказывает В. Чампней, священник восточного округа Лондона, — можно видеть каждое утро зимой, еще до рассвета, сотни бедняков, поджидающих открытия ворот в надежде на получение поденной работы, и, когда самые сильные и молодые и наиболее известные администрации доков наняты, сотни еще с обманутой надеждой уныло плетутся домой в свои бедные жилища». Что остается делать этим людям, если не попрошайничать, когда они не находят работы и не хотят восстать против существующего общества? Не следует поэтому удивляться толпе нищих,

состоящих в большинстве из работоспособных людей, — нищих, с которыми полиция постоянно воюет. Но попрошайничество этих людей носит особый характер. Такой человек ходит обыкновенно в сопровождении всего своего семейства по улицам, останавливаясь то тут, то там, чтобы пропеть жалобную песню или произнести речь о сострадании соседей. И замечательно то, что таких нищих можно встретить только в рабочих округах и что поддерживают они свое существование почти только подаянием рабочих. Иногда вся семья молча стоит на какой-нибудь оживленной улице, действуя на людей одним видом своей беспомощности. И здесь рассчитывается только на участие рабочих, которые по собственному опыту знают, что такое голод, и каждый момент могут попасть в такое же положение. И, действительно, встречаются такие группы с этой безмолвной, но столь много говорящей речью почти исключительно на таких улицах, по которым часто ходят рабочие, и в такие часы, когда они идут с работы; в особенности же часто они встречаются в субботу вечером, когда вообще «тайны» рабочих кварталов раскрываются на главных улицах, и средний класс по возможности избегает эти места. А кто из «лишних» имеет достаточно смелости, чтобы открыто восстать против общества и на **скрытую** войну, которую против него ведет буржуазия, ответить **открытой** войной против буржуазии, — тот отправляется красть, грабить и убивать.

Согласно отчетам специальных комиссаров, таких «лишних» насчитывается в Англии и Уэльсе в среднем около полутора миллиона; в Шотландии за отсутствием таких комиссаров число их не установлено, а об Ирландии у нас будет речь особо. Впрочем, в эти полтора миллиона входят только те, которые действительно обращались за помощью в комиссию для бедных, но сюда не включены те многочисленные бедняки, которые стараются сами справиться, не прибегая к этой последней, столь непопулярной форме помощи; но зато значительная часть упомянутого выше числа падает на земледельческие округа и потому не может быть принята здесь во внимание. Во время кризиса число это, естественно, значительно возрастает, и нужда доходит до высшей степени. Возьмем, напр., кризис 1842 г., который, будучи последним, был и наиболее сильным: ведь интенсивность кризисов растет с повторением их, и ближайший кризис, который должен наступить не позже 1847 г., по всем видимостям будет еще сильнее и продолжительнее. Во время этого кризиса налог в пользу бедных возрос во всех городах в небывалой еще степени. Так в Стокпорте платили с каждого фунта стерлингов, уплачиваемого за наем квартиры, восемь шиллингов в пользу бедных, так что один этот налог составлял 40% квартирной платы; к тому же пустовали целые улицы, так что в городе было, по меньшей мере, на 20 000 жителей меньше обыкновенного, и на дверях пустовавших домов часто находили надписи: «Stockport to let» (Стокпорт отдается в наем). В городе Болтоне, где в обычные годы квартирная плата, с которой взимался налог в пользу бедных, составляла в среднем 86 000 фунтов стерлингов, она упала до 36 000 фунтов стерлингов, а число бедняков, нуждающихся в помощи, возросло до 14 000, т. е. составило свыше 20% всего населения.

(Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии»).

Особенности движения населения в период империализма

К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистских[1] стран и увеличение иммиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой. Эмиграция из Англии, как отмечает Гобсон, падает с 1884 г.: она составляла 242 тыс. в этом году и 169 тыс. в 1900. Эмиграция из Германии достигла максимума за 10-летие 1881—1890 г.: 1453 тыс., падая в два следующие десятилетия до 544 и до[2] 431 тыс. Зато росло число рабочих, приходящих в Германию из Австрии, Италии, России и пр. По переписи 1907 г., в Германии было 1 342 294 иностранца, из них рабочих промышленных — 440 800, сельских — 257 329. Во Франции рабочие в горной промышленности «в значительной части» иностранцы: поляки, итальянцы, испанцы. В Соединенных штатах иммигранты из восточной и южной Европы занимают наихудшие оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы. Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть[3] их от широкой массы пролетариата.

(Ленин — «Империализм как высшая стадия капитализма», т. XIX, изд. 3).

МАЛЬТУЗИАНСТВО, ЕГО НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕАКЦИОННОСТЬ

Но самым явным объявлением войны пролетариату со стороны буржуазии является **теория народонаселения Мальтуса** и построенный на ней **новый закон о бедных.** О теории Мальтуса нам приходилось говорить уже не раз. Повторим здесь вкратце ее главные выводы. На земле имеется всегда избыток населения, и, поэтому, на ней всегда должны царить нужда, нищета, бедность и безнравственность. Такова судьба и вечный удел человечества, что его всегда бывает слишком много, и потому оно распадается на различные классы, из которых одни более или менее богаты, образованы и нравственны, а остальные более или менее бедны, невежественны и безнравственны. Отсюда вытекает следующий практический вывод, — и этот вывод делает сам Мальтус, — что благотворительность, кассы для рабочих, в сущности, лишены всякого смысла, ибо они служат только для сохранения избыточного населения и для его увеличения, а оно своей конкуренцией понижает заработную плату других. Столь же бессмысленно снабжение бедняков работой со стороны попечительства о бедных, ибо раз может быть потреблено только определенное количество продуктов труда, то на место каждого безработного, получающего работу, лишается заработка другой рабочий, имевший до сих пор заработок, т. е. промышленность попечительств о бедных развивается на счет частной промышленности. В виду этого

[1] В изд. 1917 г.: «империалистических». *Ред.*
[2] В издании 1917 г. «до» отсутствует. *Ред.*
[3] В издании 1917 г. вместо слова «отколоть» напечатано «откалывать». *Ред.*

дело совсем не в том, чтобы прокормить избыточное население, а в том, чтобы тем или иным образом возможно более ограничить его. Мальтус без всяких околичностей называет чистой бессмыслицей право каждого живого человека на средства к существованию. Он цитирует слова поэта: Бедняк садится за праздничный пир природы и не находит для себя свободного прибора и, — прибавляет он от себя, — природа приказывает ему убираться (she bids him to be gone), «ибо он не спросил у общества до своего рождения, желает ли оно иметь его у себя». Теория эта в настоящее время сделалась специальной теорией всех настоящих английских буржуа. И это вполне естественно: она очень для него удобна и кроме того довольно правильно изображает существующие условия. Раз дело вовсе не в том, чтобы сделать «избыточное население» полезной частью общества, а только в том, чтобы самым простым образом дать людям умереть с голода и помешать им наплодить слишком много детей. Дело, конечно, очень упрощается. Но при этом важно одно условие: чтобы избыточное население само признало себя таковым и согласилось бы умереть с голода. Но на это покуда нет надежды, несмотря на самые ревностные усилия гуманной буржуазии убедить в этом рабочих. Пролетарии, наоборот, вбили себе в голову, что именно они с своими трудолюбивыми руками полезны и нужны, а избыточными, лишними являются, в сущности, богатые господа капиталисты, которые ничего не делают.

Но покуда власть находится в руках богачей, пролетарии ничего не могут поделать против того, что, если они не хотят признать этого добровольно, то закон объявляет их излишними. Вот это и делает новый закон о бедных. Старый закон о бедных, основанный на акте 1601 г. (43-rd of Elisabeth), наивно исходил еще из того принципа, что община обязана заботиться о содержании бедных. Кто не имел работы, получал вспомоществование, и с течением времени бедные совершенно справедливо стали считать общину обязанной защитить их от голодной смерти. Они требовали своего еженедельного пособия не как милости, а как права, и это, наконец, буржуазии надоело. В 1833 году, когда она, благодаря биллю о реформах, достигла власти, и пауперизм в сельских округах достиг своего высшего развития, она немедленно приступила к реформе законов о бедных в своих интересах. Была назначена комиссия для исследования деятельности попечительств о бедных, раскрывшая целую массу злоупотреблений. Оказалось, что весь рабочий класс сельских округов превратился в пауперов и всецело или отчасти зависит от касс для бедных, которые при низкой заработной плате выдавали бедным некоторую прибавку. Нашли, что система, поддерживающая безработных, получающих малое вознаграждение, и многосемейных, заставляющая отца незаконных детей платить за их воспитание, признающая вообще, что бедняки нуждаются в защите, — эта система разоряет страну, «тормозит развитие промышленности, награждает за необдуманные браки, содействует увеличению населения и парализует влияние роста населения на заработную плату». Система эта была названа национальным учреждением для деморализации прилежных и честных людей и для защиты лентяев, порочных и легкомысленных людей. Нашли, что она разрушает семейные узы, систематически тормозит накопление капиталов, раздробляет капиталы существующие и разоряет плательщиков налогов. Кроме того, «обязуя

отцов незаконных детей содержать их, она назначает как бы премию за незаконных детей» (слова отчета комиссии для выработки закона о бедных). Влияние старого закона о бедных в общем и целом нарисовано здесь верно. Вспомоществования развивают леность и содействуют увеличению «избыточного» населения. При современных социальных условиях бедняк несомненно вынужден быть эгоистом, и если ему предоставляется выбор и это не может повлиять на условия его жизни, он предпочитает бездельничать, чем работать. Отсюда, однако же, следует только то, что современные социальные условия никуда не годятся, но вовсе не то, к чему приходят мальтузианцы-комиссары, а именно, что бедность — преступление и что с нею следует бороться путем запугивания.

Но эти мудрые мальтузианцы были так убеждены в непогрешимости своей теории, что они без всяких колебаний бросили бедняков на прокрустово ложе своих взглядов и поставили их в самое возмутительное положение. Будучи вместе с Мальтусом и другими сторонниками свободной конкуренции убеждены, что лучше всего предоставить каждому заботиться о себе, проводить последовательно принцип невмешательства (laissez faire), они охотнее всего совсем отменили бы законы о бедных. Но они для этого не имели ни смелости, ни авторитета и потому они придали новому закону о бедных по возможности более мальтузианский характер, что было еще большим варварством, чем принцип невмешательства, потому что он проявляет активность там, где тот рекомендует лишь пассивное отношение. Мы видели, что Мальтус объявляет бедняка или, вернее, не имеющего средств к жизни лишним и потому преступником, которого общество должно карать голодной смертью. Такими варварами комиссары не были: прямая голодная смерть представляет собою нечто ужасное даже в глазах члена комиссии, вырабатывающей закон о бедных. Хорошо, — сказали они, — вы, бедные, имеете право существовать, но и **только существовать:** право размножаться вы не имеете, как не имеете права на **человеческое** существование. Вы — бич народный, и если мы не можем немедленно вас устранить, как всякий другой бич, то вы, по крайней мере, должны себя чувствовать таковым; вас необходимо держать в узде, лишить возможности производить других «излишних» людей прямо или соблазняя других сделаться лентяями или безработными. Вы можете жить, но только, как предостережение всем тем, которые могли бы пожелать тоже сделаться излишними.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

И мне тоже при первом чтении Дарвина бросилось в глаза поразительное сходство его изображения жизни растений и животных с теорией Мальтуса. Только вывод я сделал не тот, что сделали вы. А именно: я считаю, что для современного буржуазного развития величайшим позором является то обстоятельство, что оно в этом отношении не вышло еще из экономических форм животного царства. Для нас так называемые «экономические законы» не являются вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь сводкой

законов и условий, при которых современное буржуазное общество только и может существовать. Словом, это есть отвлеченное выражение, резюме [сводка] условий производства и общения буржуазного общества (Produktions- und Verkehrsbedingungen). Для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает **чисто буржуазные условия,** не старше буржуазного общества. Те законы, которые имеют силу более или менее для всей истории, до настоящего времени выражают только такие условия, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплоатации. К первым принадлежит так называемый закон Рикардо, который не имел силы ни для крепостного строя, ни для рабского строя античного мира. К последним можно отнести то, что есть правильного в теории Мальтуса. Поп Мальтус украл свою теорию непосредственно у своих предшественников, как, впрочем, и все свои остальные мысли. Собственно ему принадлежащего тут ничего нет, кроме чисто произвольного применения им своих двух прогрессий. Сама теория давно уже сведена английскими экономистами к ее разумному размеру. Население оказывает давление не на средства существования, а на средства, необходимые для труда (die Bevölkerung drückt auf die Mittel — nicht der Subsistenz, sondern der Beschäftigung). Человечество могло бы размножаться быстрее, чем это может быть совместно с современным буржуазным обществом. Для нас это является еще одним новым основанием для того, чтобы объявить это буржуазное общество препятствием развитию, таким препятствием, которое должно быть убрано.

Вы сами ставите вопрос, каким образом можно согласовать возрастание населения с возрастанием средств существования. Но, кроме одной фразы в предисловии, я не нашел ни одной попытки разрешения этого вопроса. Мы исходили из того, что те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество, — паровая машина, современное машинное производство, массовая колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля, — и которые теперь работают уже над его разрушением (Zerrüttung) и над его окончательным уничтожением (Vernichtung) благодаря непрерывно повторяющимся торговым кризисам, — что эти средства производства и сообщения будут также вполне достаточны для того, чтобы в течение короткого времени превратить все соотношение в противоположное (das Verhältnis umzukehren) и поднять настолько производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что современная городская промышленность сможет теперь выделить достаточно сил, являющихся для нее лишним, для того, чтобы применить к сельскому хозяйству совсем иные силы, чем это было до сих пор; что теперь можно приступить к применению в сельском хозяйстве новейших научных открытий и применять их в крупных размерах и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплоатацию областей Юго-Восточной Европы и Западной Америки, удобренных самой природой и по плодородию неисчерпаемых, можно теперь производить в грандиозном размере, совсем иначе сравнительно с тем, как это делалось до сих пор. Если все эти области будут перепаханы и будут приближаться недороды, то найдется еще достаточно времени, чтобы предупредить опасность.

Производят слишком мало, — вот в чем дело. Но почему же производят слишком мало? Совсем не потому, что исчерпаны пределы производства даже теперь, при современных средствах. Нет, а потому, что пределы производства определяются не количеством голодных желудков, но количеством покупающих, способных платить **кошельков.** Буржуазное общество не хочет производить больше. Безденежные желудки рабочих, которые нельзя применить с **прибылью**, которые, следовательно, не могут покупать, попадают в цифру смертности. Если при внезапном промышленном подъеме, как это постоянно случается, этот труд станет возможно применить с выгодой, тогда у этих рабочих появятся деньги на покупку, и в таком случае средства существования всегда найдутся. Это — вечный заколдованный круг, в котором вертится вся экономика. Обычно исходят из того факта, что существует совокупность буржуазных условий, и затем доказывают, что всякая отдельная деталь является их необходимой частью — следовательно, «вечным законом».

(Ф. Энгельс. «Письмо Ф. А. Ланге от 29 марта 1866 г»).

Производительные силы, находящиеся в распоряжении человечества, неизмеримы. Производительность земли может быть бесконечно повышена приложением капитала, труда и знания. «Перенаселенная» Англия по расчетам самых дельных экономистов и статистиков (ср. Алисона «Principle of population», т. I, гл. 1 и 2), может быть в течение десяти лет приведена в такое состояние, чтобы производить достаточно хлеба для населения, в шесть раз больше нынешнего. Капитал ежедневно увеличивается; рабочая сила растет вместе с ростом населения, а наука с каждым днем все больше покоряет человеку силы природы. Эта неизмеримая производительность, урегулированная сознательно и в интересах всех, вскоре свела бы к минимуму выпадающую на долю человечества работу; предоставленная конкуренции, она выполняет то же самое, но в пределах противоречия. Одна часть земли подвергается наилучшей обработке, тогда как другая — в Великобритании и Ирландии 30 миллионов акров хорошей земли — остается невозделанной. Часть капитала обращается с необыкновенной быстротой, другая же лежит мертвой в сундуках. Часть рабочих работает по четырнадцати, шестнадцати часов в сутки, тогда как другая пребывает в лености и бездеятельности и умирает с голоду. Или распределение выступает из этой одновременности: сегодня торговля идет хорошо, спрос очень значителен, тогда все работает, капитал оборачивается с удивительной быстротой, земледелие процветает, рабочие работают до изнеможения, — завтра наступает застой, земледелие не оплачивает труда, целые пространства земли остают невозделанными, капитал коченеет среди движения, рабочие остаются без занятий, и вся страна страдает от избыточного богатства и избыточного населения.

Такое положение вещей экономист не может считать правильным; иначе он должен был бы, как сказано, отказаться от всей своей системы конкуренции; он должен был бы признать пустоту своей противоположности между производством и потреблением, избыточным населением и избыточным богатством. Но дабы привести этот факт в согласие с теорией,—отрицать этого факта нельзя было,—была изобретена теория народонаселения.

Мальтус, родоначальник этой доктрины, утверждает, что население всегда оказывает давление на средства существования, что население растет в той же степени, в какой увеличивается производство, и что присущая населению тенденция размножаться свыше имеющихся в его распоряжении средств существования является причиной всей нищеты, всех пороков.

Ибо когда слишком много людей, то тем или иным способом они должны быть устранены — или насильственно убиты, или перемереть с голоду. А раз это произошло, снова образуется пробел, который тотчас же снова заполняется другими преумножателями населения, и прежняя нищета снова наступает. Мало того, так бывает при всех условиях не только в культурном, но и в естественном состоянии человека; дикари Новой Голландии, по одному человеку на квадратную милю, так же сильно страдают от перенаселения, как Англия. Коротко говоря, если мы хотим быть последовательными, то должны признать, что **земля была уже перенаселена, когда существовал один только человек.** Следствием этого развития является следующее: так как именно бедняки наиболее многочисленны, то для них ничего не следует делать; надо только по возможности облегчить им смерть от голода, убедить их, что этого нельзя изменить, что для всего их класса нет иного спасения, как в том, чтобы возможно меньше размножаться, или, если этого нельзя достигнуть, то все же лучше устроить государственное учреждение для безболезненного умерщвления детей бедноты, — как это предлагал «Марк», — а именно: на каждую рабочую семью должно приходиться два с половиной ребенка, дети свыше этого числа — должны безболезненно умерщвляться. Милостыня преступна, так как она усиливает прирост избыточного населения; но очень полезно обратить бедность в преступление и рабочие дома в исправительные заведения, как это уже сделано в Англии новым «либеральным» законом о бедных. Правда, теория эта очень плохо уживается с библейским учением о совершенстве бога и его творения, но плохо то опровержение, которое аргументирует Библией против фактов».

Следует ли мне еще подробнее излагать эту гнусную низкую теорию, это отвратительное издевательство над природой и человечеством, продолжать дальнейшие из нее выводы? Наконец здесь выступает перед нами безнравственность экономистов в ее высшей форме. Что все войны и ужасы системы монополий в сравнении с этой теорией? А между тем она — краеугольный камень в либеральной системе свободной торговли, с падением которого должно рухнуть и все здание. Ибо раз здесь доказано, что конкуренция является основной причиной нищеты, бедности, преступности, кто же тогда еще отважится сказать слово в ее защиту?

Алисон в выше цитированном сочинении поколебал теорию Мальтуса, апеллируя к производительным силам земли и противопоставляя мальтусову принципу факт, что всякий взрослый человек может произвести больше, чем он сам потребляет, — факт, без которого человечество не могло бы размножаться, не могло бы даже существовать; чем жило бы тогда подрастающее поколение? Но Алисон не подошел к корню вещей, и потому, в конце-концов, пришел к тому же выводу, что и Мальтус. Правда, он доказывает неправильность принципа Мальтуса, но не может отрицать фактов, приведших последнего к его принципу.

Если бы Мальтус не смотрел на вопрос так односторонне, он должен был бы увидеть, что избыточное население или рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью. Население бывает слишком велико лишь там, где слишком велики производительные силы вообще. Яснее всего это показывает состояние всякой перенаселенной страны, напр. Англии, с того времени, как писал Мальтус.

Таковы факты, совокупность которых Мальтус должен был бы принять во внимание и рассмотрение которых должно было бы привести к правильному выводу; вместо этого он выхватил один из фактов, оставил другие без внимания и таким образом пришел к своему безумному заключению. Вторая ошибка, допущенная им, заключалась в смешении средств существования со средствами содержания труда. Что население всегда давит на средства содержания труда, что людей рождается лишь столько, сколько может получить работу, коротко говоря, что производство рабочей силы до сих пор регулировалось законом конкуренции и потому было также подвержено периодическим кризисам и колебаниям, — это факт, установление которого составляет заслугу Мальтуса. Но средства содержания труда — не средства существования. Средства содержания труда лишь в конечном результате увеличиваются с увеличением силы машин и капитала; средства же существования увеличиваются немедленно, как только сколько-нибудь увеличатся производительные силы вообще. Здесь ясно выступает новое противоречие экономии. Спрос экономистов не есть действительный спрос, их потребление — искусственное потребление. Для экономистов является действительным покупателем, действительным потребителем лишь тот, кто может предложить эквивалент за то, что он получает. Но если верно, что всякий взрослый человек производит больше, чем сам может потребить, что дети подобны деревьям, с избытком возвращающим произведенные на них расходы, — а ведь все это факты, — то надо бы полагать, что каждый рабочий должен был бы производить значительно больше того, что ему нужно, и потому община должна была бы охотно снабжать его всем необходимым; надо бы полагать, что большая семья должна быть для общины весьма желанным даром. Но экономисты, по грубости своих воззрений, не знают никакого иного эквивалента, кроме того, что выплачивается осязательными наличными деньгами. Они так крепко засели в своих противоречиях, что наиболее бьющие факты интересуют их так же мало, как и научные принципы.

Мы уничтожаем противоречие просто тем, что упраздняем его. Со слиянием интересов, теперь противоположных, исчезнет противоположность между перенаселением в одном месте и избыточным богатством в другом, исчезнет удивительный факт, — удивительнее всех чудес всех религий вместе взятых, — что народ должен умереть с голоду как-раз от богатства и изобилия; исчезнет безумное утверждение, что у земли нет сил прокормить людей. Это утверждение есть высшая мудрость христианской экономии, а что наша экономия по существу является христианской, я мог бы доказать на любом положении, на любой категории, — в свое время я это и сделаю; теория Мальтуса есть лишь экономическое выражение религиозной догмы о противоречии между духом и природой и вытекающей отсюда испорченности их обоих.

Я надеюсь, что и в экономической области доказал ничтожность этого противоречия, давно разрешенного для религии и вместе с религией; впрочем, я не назову компетентным ни одного защитника теории Мальтуса, пока он заранее не объяснит мне из собственного ее принципа, каким образом может умереть с голоду народ от одного лишь избытка, и пока не приведет этого объяснения в согласие с разумом и фактами.

Теория Мальтуса была, впрочем, безусловно необходимым промежуточным этапом, бесконечно подвинувшим нас вперед. Благодаря ей, как и вообще благодаря экономии, мы стали обращать наше внимание на производительную силу земли и человечества и, преодолев это экономическое отчаяние, навсегда застраховали себя от страха перед перенаселением. Из нее мы черпаем самые сильные экономические аргументы в пользу социального преобразования; ибо если бы Мальтус был даже безусловно прав, все же было бы необходимо немедленно предпринять это преобразование, так как лишь оно, лишь просвещение масс, возможное благодаря ему, сделает возможным и то моральное ограничение инстинкта размножения, которое сам Мальтус считает наиболее легким и наиболее действительным средством против перенаселения. Благодаря этой теории мы познали самое глубокое унижение человечества, его зависимость от условий конкуренции; она показала нам, что в последней инстанции частная собственность обратила человека в товар, производство и потребление которого также зависит лишь от спроса; что вследствие этого система конкуренции отдала и ежедневно отдает на закалание миллионы людей; все это мы увидели, и все это побуждает нас покончить с этой приниженностью человечества путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов.

Вернемся еще раз к вопросу об отношении производительных сил к населению, чтобы показать всю безосновательность общераспространенного страха перенаселения. Вся система Мальтуса построена на следующем расчете. Население возрастает в геометрической прогрессии 1 — 2 — 4 — 8 — 16 — 32 и т. д., производительность же земли в арифметической прогрессии 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6. Разница очевидная, устрашающая; но правильна ли она? Где доказано, что производительность земли повышается в арифметической прогрессии? Площадь земли ограничена, — прекрасно. Рабочая сила, затрачиваемая на эту площадь, растет с населением; допустим даже, что увеличение производительности с увеличением затраты труда не всегда повышается в той же степени, что и труд; тогда останется еще третий элемент, не имеющий, конечно, для экономистов никакого значения, — наука, прогресс, который также бесконечен и, по меньшей мере, происходит так же быстро, как и рост населения. Какими успехами обязано земледелие нашего века одной только химии, собственно двум лишь людям — сэру Гэмфри Дэви и Юстусу Либиху? Но наука растет, по меньшей мере, с быстротой роста населения; население растет пропорционально численности последнего поколения, наука же движется вперед пропорционально массе знания, унаследованной ею от всех предшествующих поколений, следовательно при самых обыкновенных условиях она также растет в геометрической прогрессии. А что невозможно для науки?

Смешно говорить о перенаселении, покуда «долина Миссисипи имеет достаточно свободной земли, чтобы поместить у себя все население Европы»; покуда вообще одна лишь треть земли может считаться под обработкой, а производительность этой трети может быть повышена

в шесть раз и больше от одного только применения уже ныне известных мелиораций.

(Ф. Энгельс — «Очерки критики политической экономии», сочин. Маркса и Энгельса т. II).

Классовые корни мальтузианства

Развитие капиталистической машинной индустрии с конца прошлого века повело за собой образование излишнего населения, и перед политической экономией встала задача объяснить это явление. Мальтус пытался, как известно, объяснить его естественно-историческими причинами, совершенно отрицая происхождение его из известного, исторически-определенного, строя общественного хозяйства и совершенно закрывая глаза на вскрываемые этим фактом противоречия. Сисмонди указал на эти противоречия и на вытеснение населения машинами. В этом указании его неоспоримая заслуга, ибо в ту эпоху, когда он писал, такое указание было новостью. Но посмотрим, как он отнесся к этому факту.

В 7-й книге («О населении») 7-я глава специально говорит «о населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин». Сисмонди констатирует, что «машины вытесняют людей» (р. 315, II, VII), и сейчас же ставит вопрос, есть ли изобретение машин выгода для нации или несчастье? Понятно, что «решение» этого вопроса для всех стран и времен вообще, а не для капиталистической страны состоит в бессодержательнейшей банальности: выгода — тогда, когда «спрос на потребление превышает средства производства в руках населения» (les moyens de produire de la population) (II, 317), и бедствие — «когда производство вполне достаточно для потребления». Другими словами: констатирование противоречия служит у Сисмонди лишь поводом для рассуждений о каком-то абстрактном обществе, в котором уже нет никаких противоречий, и к которому применима мораль расчетливого крестьянина! Сисмонди и не пытается анализировать это противоречие, разобрать, как оно складывается, к чему ведет и т. д. в данном капиталистическом обществе. Нет, он пользуется этим противоречием, лишь как материалом для своего нравственного негодования против такого противоречия. Все дальнейшее содержание главы не дает абсолютно ничего по данному теоретическому вопросу, исчерпываясь сетованиями, жалобами и невинными пожеланиями. Вытесняемые рабочие были потребителями... сокращается внутренний рынок... что касается внешнего, то мир уже достаточно снабжен... умеренное довольство крестьян лучше гарантировало бы сбыт... нет более поразительного, ужасающего примера, как Англия, которой следуют государства континента — вот какие сентенции дает Сисмонди, вместо анализа явления! Его отношение к предмету точь-в-точь таково, как и отношение наших народников. Народники тоже ограничиваются одним констатированием факта избыточности населения, и утилизируют этот факт для сетований и жалоб на капитализм (ср. Н. — он, В. В. и т. п.). Как Сисмонди не пытается даже анализировать, в каком отношении к требованиям капиталистического производства находится это излишнее население, — так и народники никогда и не ставили себе подобного вопроса.

Полная неправильность подобного приема была выяснена научным анализом этого противоречия. Этот анализ установил, что избыточное население, представляя из себя несомненно противоречие (рядом с избыточным производством и избыточным потреблением) и будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время **необходимой составной частью** капиталистического механизма.[1] Чем дальше развивается крупная индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочих, в зависимости от кризисов или периодов процветания во всем национальном производстве или в каждой отдельной отрасли его. Эти колебания — закон капиталистического производства, которое **не могло бы существовать,** если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего **средний** спрос капитализма на рабочих), готового в каждый данный момент доставить рабочие руки для любой отрасли промышленности или для любого предприятия. Анализ показал, что избыточное население образуется во всех отраслях промышленности, куда только проникает капитализм, — и в земледелии точно так же, как в промышленности, — и что избыточное население существует в разных формах. Главных форм три:[2] 1) **Перенаселение текучее.** К нему принадлежат незанятые рабочие в промышленности. С развитием промышленности необходимо растет и число их. 2) **Перенаселение скрытое.** К нему принадлежит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий. Это население всегда готово доставить рабочие руки для любых предприятий. 3) **Перенаселение застойное.** Оно занято «в высшей степени неправильно» при условиях, стоящих ниже обычного уровня. Сюда относятся главным образом работающие дома на фабрикантов и на магазины, как сельские жители, так и городские. Совокупность всех этих слоев населения и составляет **относительно избыточное население,** или **резервную армию.** Последний термин отчетливо показывает, о каком населении идет речь. Это — рабочие, которые необходимы капитализму для **возможного** расширения предприятий, но которые никогда не могут быть заняты постоянно.

Таким образом, и по данному вопросу теория пришла к выводу, который диаметрально противоположен выводу романтиков. Для последних избыточное население означает невозможность капитализма или

---

[1] Впервые, насколько известно, эта точка зрения на избыточное население была высказана Энгельсом в «Die Lage der arbeitenden Klasse England» (1845) (Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*). Описав обычный промышленный цикл английской промышленности, автор говорит:

«Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь во всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих, — для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживленные месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части ее членов. И если в момент наибольшего оживления рынка земледельческие округа и отрасли промышленности, наименее затронутые общим процветанием, дают временно мануфактурам известное количество рабочих, то таковых небольшое меньшинство, и они принадлежат точно также к резервной армии, с тем единственным различием, что именно быстрое процветание требовалось для того, чтобы вскрыть их принадлежность к этой армии».

В последних словах важно отметить отнесение к резервной армии части *земледельческого* населения, временно обращающегося к промышленности. Это именно то, что позднейшая теория назвала *скрытой* формой избыточного населения (см. «Капитал» Маркса).

[2] Ср. Зибера, «Давид Рикардо и т. д.», с 552—3 Спб. 1885.

«ошибочность» его. На самом же деле — как-раз наоборот: избыточное население, являясь необходимым дополнением избыточного производства, составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, **без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться.** Эфруси и тут совершенно неправильно представил дело, умолчав об этом положении новейшей теории.

Итак, Сисмонди не дал абсолютно ничего для **теоретического анализа** перенаселения. Но как же он смотрел на него? Его взгляд складывается из оригинального сочетания мелкобуржуазных симпатий и мальтузианства. «Великий порок современной социальной организации, — говорит Сисмонди, — тот, что бедный не может никогда знать, на какой спрос труда он может рассчитывать» (II, 261), и Сисмонди вздыхает о тех временах, когда «деревенский сапожник» и мелкий крестьянин точно знали свои доходы. «Чем более бедняк всякой собственности, тем более подвергается он опасности ошибиться насчет своего дохода и содействовать созданию такого населения (contribuer à accroître une population...), которое, будучи в соответствии со спросом на труд, не найдет средств к жизни» (II, 263—264). Видите: этому идеологу мелкой буржуазии мало того, что он желал бы задержать все общественное развитие, ради сохранения патриархальных отношений полудикого населения. Он готов предписывать какое угодно калечение человеческой природы, лишь бы оно служило сохранению мелкой буржуазии. Вот еще несколько выписок, которые не оставляют сомнения насчет этого последнего пункта:

Еженедельная расплата на фабрике с полуницим рабочим приучила его не смотреть на будущее дальше следующей субботы: «в нем притупили таким образом нравственные качества и чувство симпатии» (II, 266), состоящие, как мы сейчас увидим, в «супружеском благоразумии!.. — «его семья будет становиться тем многочисленнее, чем более она в тягость обществу; и нация будет страдать (gémira) под гнетом населения, не приведенного в соответствие (disproportionnée) с средствами его содержания» (II, 267). Сохранение мелкой собственности во что бы то стало — вот лозунг Сисмонди — хотя бы даже ценой понижения жизненного уровня и извращения человеческой природы! И Сисмонди, поговорив, с видом государственного человека, о том, когда «желателен» рост населения, посвящает особую главу нападкам на религию за то, что она не осуждала «неблагоразумных» браков. Раз только затронут его идеал — мелкий буржуа, Сисмонди является более мальтузианцем, чем сам Мальтус. «Дети, рождающиеся лишь для нищеты, — поучает Сисмонди религию, — рождаются также только для порока... Невежество в вопросах социального строя заставило их (представителей религии) вычеркнуть целомудрие из числа добродетелей, свойственных браку, и было одной из тех постоянно действующих причин, которые разрушают соответствие, естественно устанавливающееся между населением и его средствами существования» (II, 294). «Религиозная мораль должна учить людей, что, возобновив семью, они не менее обязаны жить целомудренно со своими женами, чем холостяки с женщинами, им не принадлежащими» (II, 298). И Сисмонди, претендующий вообще не только на звание теоретика-экономиста, но и на звание мудрого администратора, тут же подсчитывает, что для «возобновления семьи» требуется «в общем и среднем три рождения», и дает совет правительству «не обманывать людей

надеждой на независимое положение, позволяющее заводить семью, когда это обманчивое учреждение (cet établissement illusoire) оставит их на произвол страданий, нищеты и смертности» (II, 299). «Когда социальная организация не отделяла класса трудящегося от класса, владеющего какой-нибудь собственностью, одного общественного мнения было достаточно для предотвращения бича (le fléau) нищенства. Для земледельца — продажа наследия его отцов, для ремесленника — растрата его маленького капитала всегда заключают в себе нечто постыдное... Но в современном строе Европы... люди, осужденные не иметь никогда никакой собственности, не могут чувствовать никакого стыда перед обращением к нищенству» (II, 306—307). Трудно рельефнее выразить тупость и черствость мелкого собственника! Из теоретика Сисмонди превращается здесь в практического советчика, проповедующего ту мораль, которой, как известно, с таким успехом следует французский крестьянин. Это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа. Читая эти главы Сисмонди, невольно вспоминаешь страстно-гневные выходки Прудона, доказывавшего, что мальтузианство есть проповедь супружеской практики... некоторого противоестественного порока.

(Ленин — «К характеристике экономического романтизма» т. II, изд. 3).

Таким образом нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения в России, как нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать **степень развития капитала,** как это делает г. Н. — он, который в своем увлечении представляет его почти завершившимся и потому сочиняет теорию о сокращении или отсутствии внутреннего рынка, тогда как на самом деле капитал, хотя уже господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней, и каждый шаг вперед земледельческого капитализма означает **рост** внутреннего рынка, который, по теории Маркса, именно земледельческим капитализмом и создается, — который в России не сокращается, а, напротив, складывается и развивается.

Далее, мы видим из этой, хотя бы и самой общей характеристики нашего земледельческого капитализма, [1] что он не покрывает собой **всех** общественно-экономических отношений в деревне. Рядом с ним мы видим все еще и крепостнические отношения — и в хозяйственной области (напр., сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой — тут налицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный «обмен услуг» между производителем и владельцем средств производства, и эксплоатация производителя посредством **прикрепления его** к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической (обязательное «обеспечение наделом», прикрепление к земле, т. е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т. е. того же оброка помещику, подчинение привилегированным землевладельцам в области суда и управления и т. д.); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице», «перенаселению» при-

[1] О нем будет подробнее говориться ниже, по отношению к крестьянам и помещикам отдельно.

крепленных к земле батраков. Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые **еще не разрушены** капитализмом именно вследствие его неразвитости. Неразвитость капитализма, «отсталость России», которую народники считают «счастьем»,[1] является «счастьем» только для эксплоататоров благородного звания. В современном «перенаселении» кроме основных капиталистических черт есть, следовательно, еще крепостнические.

Если мы сравним это последнее положение с положением г-на Струве о том, что в «перенаселении» есть натурально-хозяйственные и товарно-хозяйственные черты, то увидим, что первое не исключает второго, а, напротив, включается в него: крепостное право относится к явлениям «натурально-хозяйственным», капитализм — к «товарно-хозяйственным». Положение г-на Струве, с одной стороны, точно не указывает, какие именно **отношения** натурально-хозяйственные и какие товарно-хозяйственные, а, с другой стороны, ведет нас назад к голословным и бессодержательным «законам» Мальтуса.

(Ленин — «Экономическое содержание народничества», т. II, изд. 3).

Переходя к пореформенной эпохе, г. Струве говорит: «в истории населения после падения крепостного права мы видим ту же основную черту, что и до освобождения. Энергия размножения в общем стоит в прямой зависимости от земельного простора и земельного надела». Это доказывается табличкой, группирующей крестьян по размеру надела и показывающей, что прирост населения тем больше, чем больше размер надела. **«Да оно и не может быть иначе при условии натурального,** «самопотребительского»... хозяйства, служащего прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя».

Действительно, **если бы это было так,** если бы наделы служили прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд производителя, если бы они представляли единственный источник удовлетворения этих нужд, — тогда и только тогда можно было бы выводить из подобных данных общий закон размножения. Но мы знаем, что это не так. Наделы служат «прежде всего» для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти «нужды» не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность. Далее, это — не единственный рессурс крестьянина. Дефицит в хозяйстве — говорит автор — должен презентивно и репрессивно отражаться на населении. Отхожие промыслы, отвлекая взрослое мужское население, сверх того задерживают размножение. Но если дефицит надельного хозяйства покрыт арендой или промысловым заработком, то средства существования крестьянина могут оказаться вполне достаточными для «энергичного размножения». Бесспорно, что так благоприятно обстоятельства могут сложиться лишь для меньшинства крестьян, но — при отсутствии специального разбора производственных отношений внутри крестьянства — ниоткуда не видно, чтобы этот прирост шел равномерно, чтобы он не вызывался преимущественно благосостоянием меньшинства. Наконец, автор сам ставит условием доказательности своего положения — натуральное

[1] Г. Южаков в «Р. бог.».

хозяйство, а после реформы, по его собственному признанию, широкой волной проникло в прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что **для установления общего закона размножения** данные автора абсолютно недостаточны. Мало того — абстрактная «простота» этого закона, предполагающего, что средства производства в рассматриваемом обществе «служат прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя», дает совершенно неправильное, ничем не доказанное освещение в высшей степени сложным фактам. Например, после освобождения, — говорит о Струве, — помещикам выгодно было сдавать крестьянам земли в аренду. «Таким образом, пищевая площадь, доступная крестьянству, т. е. его средства существования увеличились» (200). Это прямолинейное отношение всей аренды на счет «пищевой площади» совершенно голословно и неверно. Автор сам указывает, что помещики брали себе львиную долю продукта, производимого на их земле (200), так что еще вопрос, не ухудшала ли такая аренда (за отработки, напр.) положения арендаторов, не возлагала ли она на них обязательств, приводивших в конце-концов к уменьшению пищевой площади. Далее, автор сам указывает, что аренда под силу лишь зажиточным (216) крестьянам, в руках которых она должна являться скорее средством расширения товарного хозяйства, чем укрепления «самопотребительского». Если бы даже было доказано, что в общем аренда улучшила положение «крестьянства», — то какое значение могло бы иметь это обстоятельство, когда по словам самого автора, бедняки разорялись арендами (216) — т. е. это улучшение для одних означало ухудшение для других? В крестьянской аренде, очевидно, переплетаются старые, крепостнические отношения и новые, капиталистические; абстрактное рассуждение автора, не принимающего во внимание ни тех, ни других, не только не помогает разобраться в этих отношениях, а, напротив, запутывает дело.

Остается еще одно указание автора на данные, подтверждающие, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что «старое слово **малоземелье** есть только общежитейский термин для того явления, которое наука называет перенаселением» (186). Автор как бы опирается таким образом на всю нашу народническую литературу, которая бесспорно установила тот факт, что крестьянские наделы «недостаточны», которая тысячи раз «подкрепляла» свои пожелания о «расширении крестьянского землевладения» таким «простым» соображением: население увеличилось — наделы измельчали — естественно, что крестьяне разоряются. Едва ли однако это избитое народническое рассуждение о «малоземелье» имеет какое-нибудь научное[1] значение, едва ли оно может годиться на что-нибудь иное, кроме как на «благонамеренные речи» в комиссии по вопросу о безболезненном шествовании отечества по правильному пути. В этом рассуждении за деревьями не видно леса, за внешними контурами явления не видно основного общественно-экономического фона картины. Принадлежность огромного земельного фонда представителям «стародворянского» уклада — с одной стороны, приобретение земли покупкой, с другой — вот тот основной фон, при котором всякое «расширение землевладения» останется жалким паллиативом. И народнические

[1] Т. е. это рассуждение совершенно непригодно для *объяснения* разорения крестьянства и перенаселения, хотя самый факт «недостаточности» стоит вне спора, равно как и обострение его вследствие роста населения. Требуется не констатировать факт, а объяснить, откуда он вышел.

рассуждения о малоземелье, и мальтусовы «законы» о соответствии размножения со средствами существования грешат именно своей абстрактной «простотой», игнорирующей данные, конкретные общественно-экономические отношения.

Этот обзор аргументов г. Струве приводит нас к тому выводу, что положение его, будто перенаселение в земледельческой России объясняется несоответствием размножения со средствами существования, решительно ничем не доказано. Свои аргументы он заключает таким образом: «и вот — перед нами картина натурально-хозяйственного перенаселения, осложненного товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаследованными от социального строя крепостной эпохи» (200). Конечно, про всякий экономический факт, происходящий в стране, которая переживает переход от «натурального» хозяйства к «товарному», можно сказать, что это — явление «натурально-хозяйственное, осложненное товарно-хозяйственными моментами». Можно и наоборот сказать: «товарно-хозяйственное явление, осложненное натурально-хозяйственными моментами» — но все это не в состоянии дать не только «картины», но даже и малейшего представления о том, **как именно** создается перенаселение на почве **данных общественно-экономических отношений.** Окончательный вывод автора против г. Н. — она и его теории капиталистического перенаселения в России гласит: «наши крестьяне производят недостаточно пищи» (237).

Земледельческое производство крестьян до сих пор дает продукты, идущие помещикам, получающим чрез посредство государства выкупные платежи, — оно служит постоянным объектом операций торгового и ростовщического **капитала,** отбирающего громадные доли продукта у преобладающей массы крестьянства, — наконец, среди самого «крестьянства» это производство распределено так сложно, что общий и средний плюс (аренда) оказывается для массы минусом, и всю эту сеть общественных отношений г. Струве разрубает как гордиев узел абстрактным и голословнейшим решением: «недостаточно производство». Нет, эта теория не выдерживает никакой критики: она только загромождает то, что подлежит исследованию, — производственные отношения в земледельческом хозяйстве крестьян. Мальтузианская формула изображает дело так, как будто перед нами tabula rasa, а не крепостнические и буржуазные отношения, переплетающиеся в современной организации русского крестьянского хозяйства.

Разумеется, мы никак не можем удовлетвориться одной критикой взглядов г. Струве. Мы должны еще задаться вопросом: в чем основания его ошибки и кто из противников (г. Н. — он и г. Струве) прав в своих объяснениях перенаселения?

Г. Н. — он основывает свое объяснение перенаселения на факте «освобождения» массы рабочих вследствие капитализации промыслов. При этом он приводит только данные о росте крупной фабрично-заводской промышленности и оставляет без внимания параллельный факт роста кустарных промыслов, выражающий углубление общественного разделения труда.[1] Он переносит свое объяснение на земледелие, даже

[1] Известен факт роста наших кустарных промыслов и пополнения массы новых после реформы. Известно также теоретическое объяснение этого факта наряду с капитализацией других промыслов, данное Марксом при объяснении «создания внутреннего рынка для промышленного капитала» [Das Kapital, 2 Aufl. S. 776 u. ff.]

и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацию и **степень ее развития.**

Г. Струве указывает в ответ на это, что «капиталистическое перенаселение в смысле Маркса тесно связано с прогрессом техники» (83) и так как он, вместе с г.—оном, находит, что «техника» крестьянского «хозяйства почти не прогрессировала» (200), то он и отказывается признать перенаселение в земледельческой России капиталистическим и ищет других объяснений.

Указание г. Струве в ответ г. Н. — ону правильно. Капиталистическое перенаселение создается тем, что **капитал** овладевает производством и, уменьшая число необходимых (для производства данного количества продуктов) рабочих, создает излишнее население.

Маркс говорит о капиталистическом перенаселении в земледелии следующее:

«Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того, как оно овладевает им, — спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности неземледельческой, большим привлечением их. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в городское или мануфактурное население.[1] (Мануфактура — здесь в смысле всякой неземледельческой промышленности.) Этот источник относительного перенаселения течет таким образом постоянно. Но его постоянное течение предполагает уже в деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. В силу этого сельский рабочий вынужден ограничиваться минимумом заработной платы и постоянно стоит одной ногой в болоте пауперизма» (Das Kapital, 2 Aufl., S. 668).

(Ленин — «Экономическое содержание народничества», т. I, над. 3).

За беспощадную борьбу против реакционного неомальтузианства

На Пироговском съезде врачей много интереса и много дебатов вызвал вопрос об аборте, т. е. о производстве искусственных выкидышей. Докладчик Личкус привел данные о чрезвычайно сильном распространении вытравления плода в современных так называемых культурных государствах.

В Нью-Йорке за один год было 80 000 искусственных выкидышей, во Франции их бывает по 35 000 ежемесячно. В Петербурге процент искусственных выкидышей увеличился за 5 лет более чем вдвое.

Пироговский съезд врачей принял решение, что уголовное преследование матери за искусственный аборт никогда не должно иметь места, а врачи должны преследоваться за это лишь в случае «корыстных целей».

[1] Между прочим. Наблюдение этого факта и подало, вероятно, повод Ланге сочинять поправку к теории Маркса, которую он недостаточно понял. Вместо того, чтобы, анализируя этот факт, взять исходным пунктом данный (капиталистический) способ общественного производства и следить за его проявлением в земледелии, он вздумал сочинять из головы разные особенности «народных нравов».

В прениях большинство, высказываясь за ненаказуемость аборта, естественно затрагивало и вопрос о так называемом неомальтузианстве (искусственные меры, предохраняющие от зачатия), причем касались и социальной стороны дела. Напр., г. Вигдорчик, по отчету «Русского слова», заявлял, что «предохранительные от зачатия меры надо приветствовать», а г. Астрахан восклицал, срывая бурные аплодисменты:

«Мы должны убеждать матерей рождать детей, чтобы их калечили в учебных заведениях, чтобы для них устраивались жеребьевки, чтобы их доводили до самоубийства!»

Если верно сообщение, что подобная декламация г. Астрахана вызывала бурные аплодисменты, то этот факт меня не удивляет. Слушатели были буржуа, средние и мелкие, с мещанской психологией. Чего же от них и ждать, кроме самого пошлого либерализма?

Но с точки зрения рабочего класса едва ли можно приискать более наглядное выражение всей реакционности и всего убожества «социального неомальтузианства», чем приведенная фраза г. Астрахана.

...«Рождать детей, чтобы их калечили»... Только для этого? Почему же не для того, чтобы они лучше, дружнее, сознательнее, решительнее нашего **боролись** против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение?

Вот тут-то и заключается коренное отличие психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще мелкого буржуа, от психологии пролетария. Мелкий буржуа видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное. Факт бесспорный. И мелкий буржуа протестует против него.

Но **как** протестует?

Он протестует, как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа.

Сознательный рабочий бесконечно далек от этой точки зрения. Он не даст затемнять своего сознания подобными воплями, как бы ни были они искренни и прочувствованы. Да, и мы, рабочие, и масса мелких хозяйчиков, мы ведем жизнь, полную невыносимого гнета и страданий. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам. Но в одном отношении мы гораздо счастливее наших отцов. **Мы научились и быстро учимся бороться** — и бороться не в одиночку, как боролись лучшие из отцов, не во имя внутренно чуждых нам лозунгов буржуазных краснобаев, а во имя своих лозунгов, лозунгов своего класса. Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и **они победят.**

Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его.

Вот почему — и только поэтому — мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской барочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно.

Разумеется, это нисколько не мешает нам требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие законы — одно лицемерие господствующих классов. Эти законы не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс. Одно дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства. Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества.

(*Ленин* — «Рабочий класс и неомальтузианство» т. XVI, изд 3)

ЛИКВИДАЦИЯ „ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ“ В СССР

Крупнейшей отрицательной чертой современной деревни, выражающей ее историческое прошлое и остатки общей отсталости страны, является так называемое «аграрное перенаселение», т. е. большое количество «излишних» рабочих рук, не находящих себе трудового применения в деревне и значительно увеличивающих количество безработных в городе. Другим отрицательным явлением, задерживающим темп развития сельского хозяйства, нужно считать неустроенность значительной части земельных площадей и недостаток инвентаря у маломощных слоев крестьянства, что влечет за собой и недостаточную освояемость сельскохозяйственной земельной площади этими слоями крестьянства. Наконец, отрицательной чертой теперешнего положения, касающейся соотношения между городом и деревней, являются так называемые «ножницы», т. е. расхождение цен на продукты промышленности, с одной стороны, продукты сельского хозяйства — с другой. Эти отрицательные черты могут быть изжиты лишь в результате ряда мер крупного хозяйственного размаха. Перенаселение в деревне должно преодолеваться наряду с развитием промышленности, ростом интенсификации сельского хозяйства и развития культур большой трудоемкости, что в свою очередь связано с индустриализацией сельского хозяйства и постройкой заводов по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов, а также развитием местных кустарных промыслов и, наконец, правильной переселенческой политикой.

Неустроенность земельных площадей требует усиления работ по землеустройству, без проведения которых невозможны быстрый подъем и социалистическое переустройство крестьянского хозяйства и вне которых имеется опасность концентрации землепользования в руках кулачества. Недостаток инвентаря у маломощных крестьян может быть преодолен усилением кооперирования этих слоев и снабжения их инвентарем на основе долгосрочного кредита. Наконец, «ножницы» должны систематически преодолеваться политикой снижения промышленных цен, на основе рационализации и понижения себестоимости промышленной продукции.

(Из резолюции 15-го съезда ВКП(б) «О работе в деревне»).

Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, был, стало быть, некий самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город.

Помните формулу: «Бегство мужика из деревни в город»? Что заставляло крестьянина бегать из деревни в город? Страх голода, безработица, то обстоятельство, что деревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее хоть к черту на рога, лишь бы получить какую-либо работу. Так или почти так обстояло у нас дело в недавнем прошлом.

Можно ли сказать, что мы имеем теперь такую же точно картину? Нет, нельзя этого сказать. Наоборот, обстановка теперь изменилась в корне. И именно потому, что обстановка изменилась, у нас нет больше самотека рабочей силы.

Что же, собственно, изменилось за это время? Во-первых, мы ликвидировали безработицу — стало быть, мы уничтожили ту силу, которая давила на «рынок труда». Во-вторых, мы подорвали в корне расслоение в деревне, — стало быть, преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город. Наконец, мы снабдили деревню десятками тысяч тракторов и сельхозмашин, разбили кулака, организовали колхозы и дали крестьянам возможность жить и работать по-человечески. Теперь деревню уже нельзя назвать мачехой для крестьянина. И именно потому, что ее нельзя назвать больше мачехой, крестьянин стал оседать в деревне, и у нас не стало больше ни «бегства мужика из деревни в город», ни самотека рабочей силы.

Вы видите, что мы имеем теперь совершенно новую обстановку и новые условия обеспечения предприятий рабочей силой.

(Сталин — «Новая обстановка, новые задачи хоз. строительства». Речь на совещании хозяйственников 23/VI 1931 г.).

III ПИТАНИЕ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА

Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, обменивается рабочим классом на средства существования, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение средств существования, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, подлежащую новой эксплоатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство самого необходимого для капиталиста средства производства самого рабочего. Таким образом индивидуальное потребление рабочего в общем и целом составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, внутри или вне процесса труда, — подобно тому как чистка машины есть составная часть производства независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего.

Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради себя самого, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочего скота не перестает быть необходимым моментом процесса производства от того, что скот сам потребляет то, что он ест. Непрерывное сохранение и воспроизводство рабочего класса всегда остается необходимым условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, он очень далек от южно-американской грубости, с которой рабочих насильно заставляют есть более питательную пищу вместо менее питательной.[1].

Поэтому капиталист и его идеолог, экономист, рассматривают как производительное потребление лишь ту часть индивидуального потребления рабочего, которая необходима для увековечения рабочего класса, которая действительно должна быть потреблена рабочим, чтобы капитал мог потреблять рабочую силу; а все, что рабочий потребляет сверх того, ради своего собственного удовольствия, есть непроизводительное потребление. Если бы накопление капитала вызывало повышение заработной платы и, следовательно, возрастание средств потребления рабочего, не приводя к увеличенному потреблению рабочей силы капиталом, то добавочный капитал был бы потреблен непроизводительно. В самом деле, индивидуальное потребление рабочего непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума, нуждающегося в средствах потребления; оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно есть производство силы, создающей чужое богатство.

Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбежали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны, уничтожая средства существования, вызы-

[1] «Рабочие рудников Южной Америки, ежедневная работа которых (быть может, самая тяжелая в мире) состоит в том, чтобы вытаскивать на своих плечах по поверхность земли груз руды в 180—200 фунтов из глубины в 450 футов, питаются лишь хлебом и бобами; они предпочли бы питаться одним хлебом, но их господа обращаются с ними как с лошадьми: найдя, что при одном хлебе они не могут работать так интенсивно, они принуждают их есть бобы; бобы значительно богаче костяной золой, чем хлеб» (Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie", 7 Auflage 1862, 1 Theil, p. 194, примечание).

вает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Но только этот собственник не отдельный капиталист, а класс капиталистов.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23).

Потребление продуктов определяется социальными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов.

Хлопок, картофель и водка представляют собою наиболее распространенные предметы потребления. Картофель породил золотуху; хлопок в большинстве случаев вытеснил лен и шерсть, хотя эти последние продукты во многих отношениях — напр. с чисто гигиенической точки зрения — гораздо полезнее хлопка; наконец, водка, взяла верх над пивом и вином, хотя по общему признанию водка, как предмет потребления, оказывается ядом. В течение целого века правительства тщетно боролись с этим европейским опием. Экономика победила; она продиктовала свои законы потреблению.

Почему же хлопок, картофель и водка стали краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обусловливает максимум потребления? Уж не вследствие ли абсолютной, внутренней полезности дешевых предметов, их способности наилучшим образом удовлетворять потребности рабочего как человека, а не человека как рабочего? — Нет, это потому, что в обществе, основанном на **нищете**, самые **нищенские** продукты имеют роковое преимущество служить для потребления широких масс населения.

Говорить, что так как самые дешевые предметы имеют наиболее широкий круг потребления, то они обладают, следовательно, самою большою полезностью, — говорить это теперь, значит утверждать, что громадное распространение водки, обусловливаемое дешевизной ее производства, есть самое убедительное доказательство ее полезности; это значит говорить пролетарию, что для него картофель полезнее мяса; это значит признать существующий порядок вещей; это значит, наконец, вместе с г. Прудоном выступать апологетом общества, которого не понимаешь.

(К. Маркс — «Нищета философии»).

Цены жизненных припасов почти постоянно возрастали, тогда как цены мануфактурных продуктов и предметов роскоши почти постоянно падали. Возьмем хотя бы сельское хозяйство: самые необходимые предметы — хлеб, мясо и т. п. — дорожают, цена же хлопка, сахара, кофе и т. п. постоянно, и в поразительной пропорции, понижается. Даже из числа собственно съестных припасов предметы роскоши, вроде артишоков или спаржи, стоят в настоящее время сравнительно дешевле, чем припасы первой необходимости. В наше время излишнее производится легче необходимого. Наконец, в различные

исторические эпохи взаимное отношение цен не только различно, но противоположно. Во все продолжение средних веков земледельческие продукты были относительно дешевле мануфактурных; в новейшие же времена между ними существует обратное отношение. Следует ли из этого, что полезность земледельческих продуктов уменьшилась со времени средних веков?

(К. Маркс — «Нищета философии»).

ПИТАНИЕ РАБОЧИХ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Рабочие питаются хуже преступников в тюрьмах

В 1863 г. было предпринято официальное исследование условий питания и работы преступников, присужденных к ссылке в уголовную колонию и к принудительным общественным работам. Результаты его изложены в двух толстых Синих книгах. «Тщательное сравнение» — говорится там между прочим, — пищи английских преступников, заключенных в тюрьмы, с пищей пауперов в работных домах и свободных сельских рабочих той же страны, неоспоримо доказывает, что первые питаются много лучше, чем какая бы то ни было из двух остальных категорий», а «количество работы, которое требуется от присужденных к принудительным общественным работам, составляет приблизительно половину того, что выполняет обыкновенный сельский рабочий». Вот некоторые характерные свидетельские показания. Jon Smith, директор эдинбургской тюрьмы, показывает — № 5056: «Пища в английских тюрьмах много лучше, чем пища обыкновенных сельских рабочих». № 5075: «Факт, что обыкновенные земледельческие рабочие Шотландии очень редко получают какое-либо мясо». № 3047: «Не знаете ли вы каких-либо оснований в пользу того, что преступников необходимо кормить много лучше (much better), чем обыкновенных сельских рабочих? Конечно, нет». № 3048: «Не считаете ли вы целесообразным производить дальнейшие эксперименты для того, чтобы пищу арестантов, присужденных к принудительным работам, приблизить к пище свободных сельских рабочих?» «Сельский рабочий, — говорится там, — мог бы сказать: «Я несу суровый труд и не могу получить достаточного количества пищи. Когда я был в тюрьме, работа была не так тяжела, а питался я вдоволь, и потому мне лучше быть в тюрьме, чем на воле». Из таблиц, приложенных к первому тому отчета, составлена следующая сравнительная сводка (см. на стр. 204).

Общий результат исследования медицинской комиссии 1863 г. о состоянии питания тех классов народа, которые питаются хуже, уже известен читателю. Он помнит, что питание бо́льшей части семейств сельских рабочих стоит ниже той минимальной меры, которая необходима «для предотвращения болезней от голода». Так обстоит дело в особенности во всех чисто земледельческих округах — Cornwall, Devor, Somerset, Wilts, Stafford, Oxford, Berks и Herts.

«Количество пищи, которое получает сельский рабочий, — говорит Dr. Simon, — больше, чем можно судить по средней величине, так как сам рабочий получает много бо́льшую, чем остальные члены его семьи,

Недельное количество пищи

	Азотистые сост. части	Безазотист. сост. части	Минеральн. сост. части	Общая сумма
	Унций	Унций	Унций	Унций
Преступника в портландской тюрьме	28,95	150,06	4,68	183,69
Матроса королевского флота	29,63	152,91	4,52	187,06
Солдата	25,55	114,49	3,94	143,98
Каретника (рабочего)	24,53	162,06	4,23	190,82
Наборщика	21,24	100,83	3,12	125,19
Сельского рабочего	17,73	118,06	3,29	139,08

часть средств существования, потому что это необходимо в виду его труда; в более бедных округах на его долю приходится почти все мясо или сало. То количество пищи, которое достается на долю жены, а также детей в период их быстрого роста, во многих случаях и почти во всех графствах недостаточно, в особенности по содержанию азота».

Батраки и работницы, квартирующие у самих фермеров, питаются хорошо. Число их с 288 277 в 1851 г. понизилось до 204 962 в 1861 г. «Труд женщин в поле, — говорит Dr. Simon, — какими бы вредными последствиями вообще ни сопровождался он, при данных условиях представляет большую выгоду для семейства, потому что он дает средства на обувь, одежду, плату за наем жилища и таким образом дает возможность лучше питаться». Одним из замечательнейших результатов этого исследования было раскрытие того факта, что сельский рабочий Англии питается много хуже, чем сельский рабочий в других частях Соединенного королевства («is considerably the worst fed»); это показывает следующая таблица.[1]

[1] «Public Health, 6-th Report», 1863, p. 17. Английский сельский рабочий получает лишь ¼ того количества молока и лишь ½ того количества хлеба, какое получает ирландский сельский рабочий. Уже в начале XIX столетия А. Юнг в своей „Tour through Ireland" отметил, что условия питания ирландского рабочего лучше. Причина заключается просто в том, что бедный ирландский фермер много гуманнее, чем богатый английский фермер. Что касается Уэльса, то приведенные в тексте данные не относятся к его юго-западной части. «Все тамошние врачи единогласно признают, что интенсивное возрастание смертности от туберкулеза, золотухи и т. д. связано с ухудшением физического состояния населения, и все приписывают это ухудшение бедности. Дневное содержание рабочего определяется там в 5 пенсов, во многих округах фермер (который и сам бедствует) платит еще меньше. Кусок соленины, иссушенный до твердости красного дерева и едва ли окупающий тяжелый процесс пищеварения, или кусок сала служат приправой к большому количеству похлебки из муки и лука или к овсянке, и это изо дня в день составляет весь обед сельского рабочего... Прогресс промышленности имел для него то последствие, что солидное домотканное сукно вытеснено в этом суровом и сыром климате дешевыми хлопчатобумажными тканями, а более крепкие напитки—«номинальным» часом... После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину, чтобы присесть перед огнем от торфа или комьев, составленных из глины

Недельное потребление углерода и азота в среднем выводе на одного сельского рабочего

	Углерода	Азота
Англия	40 673 граи	1 594 граи
Уэльс	48 354 „	2 031 „
Шотландия	48 960 „	2 348 „
Ирландия	43 366 „	2 439 „

(*К. Маркс.* — «Капитал», т. I, гл. 23).

Лицемерие буржуазии в вопросе о питании рабочих

«Заработная плата, — говорит Дж. Ст. Милль, — не имеет производительной силы; это — цена производительной силы; заработная плата, как и цена машин, отнюдь не участвует в производстве товаров наряду с самим трудом. Если бы труд можно было получить без купли, заработная плата была бы излишня». Но если бы рабочие могли питаться воздухом, их нельзя было бы нанять ни за какую цену. Следовательно, даровой труд есть граница в математическом смысле этого

и отбросов каменного угля и дающих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая была здесь и перед постройкой хижины, крыша — масса растрепанной, ничем не скрепленной соломы. Всякая щель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто вынужденный просушивать на своем теле свою единственную одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязном земляном полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробуравливать отверстие в стене, чтобы хоть немного передохнуть свежим воздухом. Многочисленные свидетели с разнообразным общественным положением показывают, что недостаточно питающийся (underfed) крестьянин каждую ночь подвергается этим и другим вредным для здоровья влияниям, и нет недостатка в доказательствах того, что результат этого — слабое и золотушное население... Сообщение приходских служащих в Caermarthenshire и Cardiganshire убедительно свидетельствует о таком же положении вещей. К этому присоединяется еще большее зло—распространение идиотизма. Теперь несколько слов о климатических условиях. Сильные юго-западные ветры пронизывают всю страну в течение 8—9 месяцев в году, им сопутствуют проливные дожди, которые разражаются в особенности на западных склонах холмов. Деревья редки, встречаются лишь в закрытых местах; оставаясь незащищенными, они уничтожаются ветром. Хижины ютятся под какой-нибудь горной террасой, часто в выемке или каменоломне, только самые мелкие овцы и туземный рогатый скот могут жить на этих пастбищах... Молодые люди уходят в восточные горнопромышленные округа Clamorgan и Monmouth. Caermarthenshire — рассадник рудокопов и их инвалидный дом... Население лишь с трудом удерживает неизменную численность. Так, в Cardiganshire'e числилось:

	1851 г.	1861 г.
Мужского пола	45 155	44 446
Женского „	52 450	52 955
	97 614	97 401

(Dr. Hunters Report в „Public Health. 7-th Report 1866, London 1865." p. 498—502 passim).

слова: к ней всегда можно приближаться, никогда, однако, не достигая ее. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы низвести рабочих до этого нигилистического уровня.

Часто цитируемый мною писатель XVIII века, автор «Essay on Trade and Commerce», выдал лишь заветную мечту английского капитала, заявив, что историческая жизненная задача Англии состоит в том, чтобы понизить заработную плату английских рабочих до уровня французских или голландских.[1] Он, между прочим, наивно горюрит: «Если наши бедняки (символическое обозначение рабочих) хотят жить в роскоши... то, конечно, их труд должен быть дорог... ведь волосы становятся дыбом, когда подумаешь о тех колоссальных излишествах («heap of superfluties»), которыми отличается потребление наших мануфактурных рабочих; тут и водка, и джин (можжевеловая водка), и чай, и сахар, заграничные плоды, крепкое пиво, ситцы, нюхательный и курительный табак и т. д.».

Автор цитирует далее сочинение одного портгэмптонширского фабриканта, который, благочестиво вперив взор свой в небо, вопит: «Труд на целую треть дешевле во Франции, чем в Англии: ибо французские бедные несут тяжелый труд, умерены в пище и одежде, и главные предметы их потребления суть хлеб, плоды, травы, коренья и сушеная рыба; они очень редко едят мясо, и, когда дорога пшеница, очень мало едят хлеба». «К тому же, — продолжает этот эссеист, — их питье составляет вода и подобные слабые напитки, так что они действительно тратят поразительно мало денег... Такого положения вещей, конечно, трудно достигнуть, однако его возможно достигнуть, как это доказывает его существование и во Франции, и в Голландии».

Ныне (1873 г.), благодаря иностранной конкуренции, которой вследствие развития капиталистического способа производства подпали рабочие всего земного шара, мы значительно подвинулись в этом вопросе. В настоящее время дело идет уже не о том, чтобы английские заработные платы понизить до уровня заработных плат на европейском континенте, а о том, чтобы европейский уровень в более или менее близком будущем спустить до китайского уровня. Такие перспективы развернул перед своими избирателями г. Stapleton, член английского парламента, в речи о цене труда в будущем. «Если Китай, — говорил он, — станет великой промышленной страной, то я не вижу, каким образом промышленное население Европы может выдержать борьбу с ним, не опускаясь до уровня своих конкурентов» («Times», 3 сентября 1873 г.).

Два десятилетия после появления цитированного Essay 1770 г. один американский шарлатан, возведенный в баронское звание янки Бенжамен Томсон (alias граф Румфорд), развивал те же филантропические планы, списав себе ими величайшее благоволение бога и людей. Его «Essays» представляют поваренную книгу, наполненную всякого рода рецептами, указывающими, как заменить дорого стоящие нормальные предметы потребления рабочих дешевыми суррогатами. Вот особенно удачный рецепт этого удивительного «философа»: «Пять фунтов ячменя, пять фунтов кукурузы, на 3 пенса селедок, на 1 пенс соли, на 1 пенс уксуса, на 2 пенса перцу и зелени, итого на сумму 20¾ пенса, получается суп на 64 человека, при этом при средних ценах хлеба стоимость этого может быть еще понижена до ¼ пенса (немного более копейки) на голову».[1] С развитием капиталистического производства фальсификация товаров сделала такие успехи, что идеалы Томсона стали излишни.[2]

(К. Маркс. — «Капитал» т. 1, гл. 22).

В конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия английские фермеры и лэндлорды добились понижения заработка рабочих до крайнего низшего предела, выплачивая в форме заработной платы меньше необходимого для существования минимума и добавляя остальное в форме пособий приходской благотворительности. В те прекрасные времена английским юнкерам еще принадлежало право устанавливать «законные» тарифы заработной платы за земледельческий труд. Вот пример того пыхтенчания, с которым они тогда действовали: «Когда (в 1795 г.) сквайры (провинциальные помещики) Speenhamland'a вырабатывали тариф заработных плат, они как-раз сидели за обедом, но очевидно полагали, что рабочие не нуждаются ни в чем подобном... Они решили, что недельная плата должна быть 3 шиллинга на человека, когда коврига хлеба в 8 фун. 11 унций стоит 1 шиллинг и должна правильно повышаться, пока цена ковриги не достигнет 1 ш. 5 пенсов. При еще более значительном возрастании цены хлеба заработная плата должна относительно уменьшаться, так что, когда цена ковриги будет 2 шиллинга, потребление работника должно стать на одну пятую меньше, чем было раньше.

(К. Маркс. — «Капитал» т. I, гл. 22).

---

[1] „An Essay on Trade and Commerce. London 1770", p. 44. Равным образом „Times" в декабре 1866 и январе 1867 гг. поместил сердечные излияния владельцев английских рудников, в которых описывалась блаженная жизнь бельгийских рудокопов, получающих ровно столько, сколько нужно, чтобы поддержать свое существование на пользу «хозяев», и не желающих ничего большего. Бельгийские рабочие долго терпит, но все же „Times" слишком поторопился аттестовать их как образцовых рабочих. Стачка бельгийских рудокопов (близ Marchienne) в феврале 1867 г., подавленная свинцом и порохом, дала ответ на эту аттестацию.

[1] Benjamin Thomson, „Essays political, economical and philosophical etc. 3 volumes". London 1796 — 1802", vol. I, p. 288. В своей работе „The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc." сэр F. M. Eden особенно усиленно рекомендует румфордовскую болтушку начальникам работных домов и с упреком указывает английским рабочим на то, что «в Шотландии многие семейства в течение целых месяцев питаются исключительно овсяной и ячменной мукой, смешанной с водой и солью, не потребляя ни пшеницы, ни ржи, ни мяса, и, тем не менее, живут еще очень комфортабельно» („and that very comfortably too") (там же, Book II, ch. II, p. 503). Аналогичные «указания» делались и в XIX веке. «Английские сельскохозяйственные рабочие, — читаем мы, напр., — не хотят есть хлеба с подмесями низших сортов муки. В Шотландии, где воспитание лучше, этот предрассудок, вероятно, отсутствует (Charles H. Parry M. D., «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered, London 1816», p. 69). Тот же самый Parry жалуется, однако, что английский рабочий в настоящее время (т. е. в 1815 г.) сильно опустился по сравнению с временами Eden'a (1797 г.).

[2] По отчетам последней парламентской следственной комиссии относительно фальсификации средств существования оказывается, что даже фальсификации лекарств является для Англии не исключением, а правилом. Так, напр., исследование 34 проб опиума, взятых из 34 аптек, показало, что в 31 случае продукт был фальсифицирован примесью маковых головок, пшеничной муки, камеди, глины, песку и т.д., причем во многих пробах не оказалось и следов морфия.

Питание и заработная плата.

Само собой разумеется, что обычная пища неодинакова у всех рабочих, изменяясь в зависимости от заработной платы. Рабочие, получающие лучшую плату, в особенности такие фабричные рабочие, в семьях которых всякий член семьи в состоянии кое-что заработать, питаются, покуда дело так идет, хорошо: едят ежедневно мясо, а вечером сало и сыр. Там, где заработок меньше, едят мясо два или три раза в неделю или даже только по воскресеньям и за то едят больше хлеба и картофеля. Там, где заработок еще меньше, животная пища сводится к кусочку сала, намазанного на картофель, дальше исчезает и сало, и остаются только сыр, хлеб, овсяная каша (porridge) и картофель, и, наконец, у рабочих, заработок которых всего меньше, у ирландцев, картофель является единственной пищей. При этом везде пьют слабый чай, в некоторых местах с сахаром, молоком или водкой; чай считается в Англии и даже в Ирландии питьем, столь же необходимым, как в Германии, например, кофе, и там, где и чаю не пьют, властвует самая тягчайшая нужда. — Но все это происходит так, при том условии, что у рабочего есть заработок; когда же у него работы нет, то все зависит от случая, и он ест, что ему дарят, или что он выпросит, или что украдет; а если же он не достает ничего, то и голодает так, как мы это видели выше.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

Для характеристики положения рабочих приведем следующее место из подробного сообщения одного корреспондента «Morning Star», посетившего в начале 1867 года главные центры бедствия.[1] «В восточной части Лондона, в округах Poplar, Malwall, Greenwich, Deptford, Limehouse и Canning Town по меньшей мере 15 000 рабочих с семействами находится в положении крайней нужды, и в этом числе более 3000 искусных ремесленников. Их резервные фонды исчерпаны вследствие шести-восьмимесячной безработицы... Большого труда стоило мне протискаться к воротам работного дома (в Poplar'e), потому что он был осажден изголодавшейся толпой. Она ожидала билетов на получение хлеба, но время их раздачи еще не настало... Оставив работный дом, я прошелся по улицам с одноэтажными по большей части домами, которых так много в Poplar'e. Моим проводником был член комитета безработных. Первый дом, в который мы вошли, был дом рабочего с железоделательного завода: он уже 27 недель оставался без работы. Я нашел его со всем его семейством в задней комнате. В комнате еще оставалась кое-какая мебель, она еще отапливалась. Это было необходимо для того, чтобы защитить голые ноги маленьких детей от холода, — день был ужасно холодный. На тарелке против огня лежала пакля, которую жена и дети щипали в расплату за хлеб из работного дома. Муж работал в одном из только-что описанных дворов и получал билет на хлеб и 3 пенса в день. Теперь он пришел домой обедать, очень голодный, как сказал он нам с горькой усмешкой, и его обед состоял из нескольких ломтиков хлеба с салом и чашки чаю без молока. Следующую дверь, в которую мы постучались, открыла женщина средних лет, которая, не говоря ни слова, провела нас в маленькую заднюю комнату, где молча сидело все ее семейство, устремив глаза на быстро гаснущий огонь. Такое запустение, такая безнадежность виднелись на лицах этих людей и в их маленькой комнате, что я не хотел бы еще раз увидать подобную сцену. «Они ничего не заработали, сударь, — сказала женщина, указывая на своих детей, — ничего в продолжение 26 недель, и все наши деньги вышли, все 20 ф. стерл., которые я и отец отложили в лучшие времена, мечтая перебиться с ними в плохие времена. Вот посмотрите», — почти диким голосом воскликнула она, доставая банковую книжку со всеми ее правильными записями внесенных и взятых обратно денег; по ней мы могли видеть, как маленькое состояние началось с первого вклада в 5 шиллингов, как оно мало-по-малу выросло до 20 ф. стерл., а потом начало таять, с фунтов стерлингов до шиллингов, пока последняя запись не привела к тому, что теперь книжка также не имеет никакой цены, как клочок белой бумаги. Эта семья получает один скудный обед в день из работного дома. Следующий наш визит был к жене одного ирландца, который работал на корабельной верфи. Мы нашли ее больной от недостатка пищи; нераздетая она лежала на матраце, едва прикрытая лоскутом ковра, потому что все постельные принадлежности были заложены. Несчастные дети ухаживали за ней, но было видно, что сами они нуждаются в материнском уходе. Девятнадцать недель вынужденной праздности довели ее до этого положения, и, рассказывая нам историю своего горького прошлого, она стонала так, как-будто утратила всякую надежду на лучшее будущее... Когда мы вышли из дома, к нам подбежал какой-то молодой человек и просил нас зайти в его дом и посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать для него. Молодая жена, двое красивых ребят, куча квитанций ссудной кассы и совершенно холодная комната, — вот все, что он мог показать нам».

Вот еще извлечение из одной торийской газеты о бедствиях, которые были отголоском кризиса 1866 г. Не следует забывать, что Истэнд, восточная часть Лондона, о которой здесь идет речь, является не только местом, где живут рабочие, занятые при постройке железных судов и в прочих отраслях крупной промышленности, но и центром так называемого «домашнего труда», оплата которого всегда стоит ниже минимума. Об нем говорит следующее место, заимствованное из «Standard», главного органа тори, консерваторов!: «Ужасное зрелище развернулось вчера в одной части столицы. Хотя тысячи безработных Истэнда с черными знаменами и не устроили массовой демонстрации, тем не менее толпа была довольно внушительная. Вспомним, как страдает это население. Оно умирает от голода. Это — простой и ужасный факт. Их 40 тысяч... На наших глазах, в одном из кварталов этой удивительной метрополии, наряду с громаднейшим накоплением богатства, какое только видывал свет, рядом с этим 40 000 человек без всякой помощи умирают от голода! Теперь эти тысячи вторгаются в другие кварталы; всегда полуголодные, они кричат нам в уши о своих страданиях, они вопиют о них к небу, они рассказывают нам о своих едва сколоченных жилищах, о том, что им невозможно найти работу и бесполезно просить милостыню. Коммунальные плательщики налога на бедных в свою

[1] См. примечание 13-е.

очередь близки к пауперизму вследствие все новых и новых требований со стороны приходов» («Standard», 5 April 1866).

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 23).

Расходы на питание в бюджете рабочего

Среди английских капиталистов вошло в моду изображать Бельгию раем для рабочих, потому что «свобода труда», или, что то же самое, «свобода капитала» не нарушается там ни деспотизмом тред-юнионов, ни фабричными законами; поэтому следует сказать несколько слов о «счастье» «свободного» бельгийского рабочего, которого одурачивают только духовенство, земельная аристократия, либеральная буржуазия и бюрократия, но отнюдь не трэд-юнионы и не фабричные законы. Вероятно, никто не был более посвящен в тайны этого счастья, чем покойный г. Ducpétiaux, главный инспектор бельгийских тюрем и благотворительных учреждений и член центральной статистической комиссии. Обратимся к его работе: «Budgets économiques des classes ouvrieres an Belgique, Bruxelles 1855». Здесь мы находим, между прочим, бельгийское среднее рабочее семейство, ежедневные расходы и приходы которого вычислены на основании очень точных данных и условия питания которого сравниваются потом с условием питания солдата, флотского матроса и арестанта. Семья «состоит из отца, матери и четырех детей». Из этих шести лиц «четверо могут круглый год заниматься полезным трудом»; предполагается, что между ними нет больных и неработоспособных, что не производится «расходов на религиозные, нравственные и интеллектуальные потребности, за исключением самого маленького расхода на оплату мест в церкви», не производится «взносов в сберегательные кассы и в кассы призрения в старости», нет «расходов на предметы роскоши и вообще каких бы то ни было излишних расходов». Однако отец и старший сын курят табак и по воскресеньям ходят в трактир, на что им следует положить целых 86 сантимов в неделю. «Из общей сводки заработной платы, получаемой рабочими различных отраслей производства, следует... что высшая заработная плата составляет в среднем выводе: 1 франк 56 сантимов в день для мужчин, 89 сантимов для женщин, 56 сантимов для мальчиков и 55 сантимов для девочек. При таком расчете приходы семьи составят самое бо́льшее 1068 франков в год... В семействе, которое мы признали типичным, мы подсчитали общую сумму всех возможных доходов. Но если мы предположим, что и мать получает заработную плату, мы тем самым отнимаем у домохозяйства руководительницу; кто позаботится тогда о доме, о маленьких детях? Кто будет стряпать, стирать, штопать? Этот вопрос каждый день встает перед рабочим».

Так получается следующий бюджет семейства:

Отец	300 рабочих дней по 1,56 фр.	. . . . .	468 фр.
Мать	» » » » 0,89 »	. . . . .	267 »
Старший сын	» » » » 0,56 »	. . . . .	168 »
Старшая дочь	» » » » 0,55 »	. . . . .	165 »
		Итого	1068 фр.

Годовой расход семьи и ее дефицит составляли бы, если бы рабочий получал пищу:

Флотского матроса	1828 фр. —	Дефицит	760 фр.
Солдата	1473 » —	»	405 »
Арестанта	1112 » —	»	44 »

«Из этого видно, что лишь немногие рабочие семейства могут питаться хотя бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах или солдатах. В среднем выводе каждый бельгийский арестант обходился в 1847—49 г. 63 сантима в день, что по сравнению с ежедневными издержками рабочего на пропитание дает разницу в 13 сантимов. Издержки управления и надзора уравновешиваются тем, что арестант не платит за квартиру... Но как объяснить, что большое число, — мы могли бы сказать огромное большинство, — рабочих живет еще в более скудных условиях? Только тем, что рабочие прибегают к средствам, тайна которых известна им одним; они урезывают свою ежедневную порцию; едят ржаной хлеб вместо пшеничного; едят меньше мяса или совсем не едят его; то же с маслом и овощами; семья теснится в одной или двух каморках, в которых вместе спят девочки и мальчики, часто на одном и том же соломенном тюфяке; они экономят на одежде, белье, средствах поддержания чистоты; отказывают себе в праздничных развлечениях, коротко говоря, идут на самые тягостные лишения. Раз рабочий дошел до этой крайней границы, самое ничтожное повышение цены средств существования, всякая заминка в работе, болезнь увеличивают нищету рабочего и доводят его до полного разорения.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23).

Фальсификация продуктов питания

Невероятная фальсификация хлеба, в особенности в Лондоне, была впервые разоблачена комитетом нижней палаты по вопросу «о фальсификации пищевых веществ» (1855—1856 гг.) и работой д-ра Hassal'я «Adulteration detected» [1]. Следствием этих разоблачений явился закон 6 августа 1860 года «for preventing the adulteration of articles of food and drink» [для предотвращения фальсификации предметов пищи и напитков], закон, не оказавший никакого влияния, так как он соблюдает, конечно, высшую степень деликатности по отношению к каждому фритреду, который намерен при помощи купли и продажи фальсифицированных товаров «to turn an honets penn» [добыть копейку честным трудом] [2]. Сам комитет в достаточно наивной форме выразил свое убеж-

[1] Квасцы, истертые в мелкий порошок или смешанные с солью, являются нормальным предметом торговли, носящим характерное название „baker's stuff" (порошок пекарей).

[2] Сажа, как известно, представляет весьма энергичную форму углерода и образует удобрительное вещество, которое капиталистические трубочисты продают английским фермерам. В 1862 г. в одном судебном процессе британскому „Juryman" (присяжным) пришлось решать, будет ли такая сажа, к которой без ведома покупателя примешано 90% пыли и песку, «настоящей» сажей в «коммерческом» смысле слова, или фальсифицированный сажей в узаконенном смысле». „Amis du commerce" [«друзья торговли] решили, что это настоящая «коммерческая сажа, и оставили без удовлетворения иск фермера, которому вдобавок пришлось уплатить судебные издержки.

дение, что свобода торговли в сущности означает торговлю фальсифицированными или, по остроумному выражению англичан, «софистицированными продуктами». И в самом деле такого рода «софистика» умеет лучше Протагора делать из белого черное и из черного белое и лучше элеатов демонстрировать ad oculos [ясно] полную иллюзорность всего реального.[1].

Во всяком случае комитет обратил внимание публики на ее «хлеб насущный», а тем самым и на хлебопечение. В то же время на публичных митингах и в петициях, обращенных к парламенту, раздались жалобы лондонских пекарей-подмастерьев на чрезмерный труд и т. д. Эти жалобы звучали так настоятельно, что г. H. S. Tremenheere, бывший также членом неоднократно упоминавшейся комиссии 1863 г., был назначен королевским следственным комиссаром. Его отчет в связи с свидетельскими показаниями взволновал публику, не ее сердце, а желудок. Правда, начитанному в библии англичанину было хорошо известно, что призвание человека, если только он милостью божьей не капиталист, не лендлорд и не обладатель синекуры, заключается в том, чтобы в поте лица своего есть хлеб свой, но он не знал того, что он должен ежедневно съедать в своем хлебе некоторое количество человеческого пота, смешанного с гноем, паутины, мертвых тараканов и гнилых немецких дрожжей, не говоря уже о квасцах, песке и других не менее приятных минеральных примесях. Поэтому, игнорируя его святейшество «свободу торговли», «свободное» до того времени пекарное производство было подчинено надзору государственных инспекторов (в конце парламентской сессии 1863 г.), причем тот же парламентский акт воспретил пекарям-подмастерьям моложе 18 лет работать между 9 часами вечера и 5 часами утра. Последний пункт красноречивее, чем целые томы, говорит о чрезмерном труде в этой отрасли промышленности, от которой веет такой патриархальностью.

(К. Маркс. — «Капитал» т. I, гл. 8).

Как обстоит дело с одеждой, так оно обстоит и с питанием. Рабочим достается то, что слишком плохо для имущего класса. В больших городах Англии можно достать все и в лучшем виде, но за большие деньги, рабочий же, весь бюджет которого исчисляется грошами, столько тратить не в состоянии. К тому же он получает свою заработную плату большей частью лишь в субботу вечером, — некоторые стали выплачивать и в пятницу, но это очень хорошее обыкновение далеко еще не стало всеобщим. Таким образом он является на базар в субботу вечером в четыре, пять или семь часов, а средний класс еще до обеда выбирает себе самое лучшее. Утром базар изобилует всем лучшим, но когда туда является рабочий, лучшее давно раскуплено, а если бы оно и было, то

[1] Французский химик Шевалье в статье о «софистикациях» (фальсификациях) товаров насчитывает для некоторых из 600 с чем-то продуктов, рассматриваемых им, до 10, 20, 30 различных способов фальсификации. Он прибавляет, что не знает всех способов, а упоминает не все способы, которые знает. Для сахара он указывает 6 способов фальсификации, для прованского масла 9, для коровьего масла 10, для соли 12, для молока 19, для хлеба 20, для водки 23, для муки 24, для шоколада 28, для вина 30, для кофе 32 и т. д. Даже милосердному господу богу не удалось избежать этой участи. См. Ronard de Card, „De la falsification des substances sacramentelles. Paris 1856".

оплатить его он был бы не в силах. Картофель, который покупает рабочий, бывает большей частью дурного качества, зелень не свежа, сыр стар и плох, сало прогорклое, мясо без жира, старое, жилистое от старых, часто больных или околевших животных, часто уже полусгнившее. Покупают они большей частью у мелких лавочников, скупающих плохой товар и именно в виду этого продающих его столь дешево. Беднейшим рабочим приходится прибегать к еще одному особенному приему, чтобы за свои небольшие деньги суметь закупить все, даже плохого качества: так как в субботу вечером в двенадцать часов все магазины должны быть закрыты, а в воскресенье ничего продавать нельзя, то между десятью и двенадцатью часами распродаются за баснословно дешевую цену те товары, которые до понедельника утра испортились бы. Но из того, что остается до десяти часов, девять десятых не годится уже и в воскресенье утром, и именно эти-то товары образуют воскресную еду беднейшего класса. Мясо, которое достается рабочим, очень часто невозможно есть, но раз они его купили, они его едят. 6 января (если я не очень ошибаюсь) 1844 г. одинадцать мясников в Манчестре были привлечены к суду за то, что они продавали негодное мясо. У одного был конфискован целый вол, у другого — свинья, у третьего — несколько овец, у четвертого 50—60 фунтов мяса, и т. д. У одного из них были конфискованы 64 гуся с начинкой, приготовленных к рождественским праздникам в Ливерпуле, там во-время не проданных и потому отправленных в Манчестер, где они и появились на базаре, полусгнившие и распространяя сильное зловоние. Вся эта история была тогда рассказана в газете «Manchester Guardian», с упоминанием имен и размеров штрафов. В течение шести недель от 1 июля до 14 августа в той же газете появились отчеты о трех подобных же случаях: в номере 3 июля рассказывается, что в Гейвуде была конфискована свинья в 200 фунтов, которая, будучи найдена мертвой и полусгнившей, была продана мяснику, а тот разрезал ее на части и пустил в продажу; в номере от 31 июля сообщается, что два мясника в Вигане, из которых один уже раз понес наказание за такие вещи, были приговорены к штрафу в два и четыре фунта стерлингов за продажу негодного мяса; наконец в номере от 10 августа рассказывается, что у одного лавочника в Болтоне были конфискованы 26 негодных кусков ветчины и публично сожжены, а лавочник был приговорен к штрафу в 20 шиллингов. Но здесь приведены далеко не все случаи, которые имели место, и приведенные случаи далеко не могут рассматриваться, как нечто среднее для периода в шесть недель, по которому можно было бы вычислить среднее число случаев для года. Часто наступают времена, когда в каждом номере этой газеты, выходящей в свет два раза в неделю, сообщается о таком случае из Манчестра или соседних фабричных городов. Если же вспомнить, сколько случаев в виду обширных базаров, тянущихся вдоль всех главных улиц, и небрежного надзора базарных инспекторов ускользает от их внимания, — ибо иначе была бы совершенно немыслима такая наглость, с которой выносятся на продажу целые туши испорченного мяса, — если принять во внимание, как велико должно быть искушение у лавочников в виду поразительно ничтожных штрафов, приведенных нами выше, и если сообразить, в каком состоянии должно быть уже мясо, чтобы инспекторы конфисковали его, как совершенно негодное, вряд ли кто-нибудь скажет, что рабочие в среднем получают хорошее

питательное мясо. Но они еще и иным образом страдают от алчности среднего класса. Купцы и фабриканты фальсифицируют все съестные припасы самым беззастенчивым образом, совершенно не соображаясь с здоровьем тех, которым придется это есть. Выше мы приводили свидетельство газеты «Manchester Guardian»; послушаем теперь другую газету среднего класса, — я люблю приводить в свидетели моих противников, — «Liverpool Mercury»: «Соленое масло продают вместо свежего, для чего или покрывают куски соленого масла слоем свежего, или дают попробовать с фунта свежего масла и после этой пробы дают соленое, или вымывают соль и продают масло, как свежее. — К сахару подмешивается толченый рис или другие дешевые вещи. Отбросы мыловаренных заводов тоже смешиваются с другими веществами и продаются, как сахар. К молотому кофе примешивается цикорий и другие дешевые продукты; бывают подмеси даже и к немолотому кофе, причем смесь поступает в продажу в форме кофейных бобов. — Какао очень часто смешивается с мелко-истолченной бурой, глиной, растертой с бараньим жиром и тогда лучше смешивающейся с настоящим какао. — Чай часто смешивается с терновым листом и другой подобной же гадостью, или чай, бывший в употреблении, высушивается, поджаривается на горячих медных листах, чтобы придать ему вид свежего чаю, и так продается, как свежий. К перцу подмешивается стручковая пыль и т. д.; портвейн прямо-таки фабрикуется (из красящих веществ, спирта и т. д.), потому что доказано, что в одной Англии выпивается больше портвейна, чем могут дать виноградники, растущие во всей Португалии; к табаку подмешиваются всевозможные вещества и во всех формах, в которых он встречается в продаже». (К этому я могу еще прибавить, что некоторые из наиболее видных табачных торговцев Манчестра прошлым летом открыто заявили, что без фальсификации их дело вестись не может и что ни одна сигара, стоящая менее трех пенсов, не состоит из чистого табаку). Само собою разумеется, что фальсифицируются не только одни съестные припасы, примеры чего я мог бы привести еще дюжинами, — следует, между прочим, упомянуть о низости подмешивать гипс или мел к муке. Надувают все торговцы: фланель, чулки и т. п. растягиваются, чтобы они казались длиннее, и после первой же стирки опять суживаются; продают сукно, имеющее в ширину дюйма на 2—3 менее, чем должно быть; посуда продается с такой тонкой глазурью, что она тотчас же лопается, и т. д. — Tout comme chez nous (все как у нас), но более всего страдают от всех этих надувательств рабочие. Богача не надувают: он может покупать и платить несколько дороже в крупных магазинах, владельцы которых дорожат своим реноме и сами себе повредили бы, если бы они продавали плохие фальсифицированные товары; затем богач привык к хорошей пище и потому легче замечает обман своим изощренным вкусом. Но бедняк рабочий, у которого несколько грошей составляют капитал, который должен получить за небольшие деньги много товару, которому не приходится обращать много внимания на качества товара и который порой не может этого сделать, потому что ему негде и некогда было развить свой вкус для этого, — он получает все эти фальсифицированные, часто отравленные товары; ему приходится отправляться к мелким лавочникам, порой покупать даже в кредит, а этим лавочникам, которые в виду своего небольшого капитала и больших расходов на ведение дела не могут при

равном качестве товаров продавать их столь же дешево, как крупные розничные торговцы, приходится, уже в виду требований покупателями дешевизны товаров и в виду конкуренции других, волей или неволей покупать и продавать фальсифицированные товары. Далее, если крупный торговец, вложивший в дело крупный капитал, разоряется, будучи обвинен в обманах и лишившись из-за этого кредита, то что может потерять какой-нибудь мелкий лавочник, снабжающий товарами одну какую-нибудь улицу, если он и будет уличен в обманах? Если ему перестают доверять на одной улице, он переезжает на другую, где его еще никто не знает, и снова начинает надувать народ. Наказываются же законом лишь очень немногие фальсификации, за исключением разве того случая, когда они включают и растрату, подлежащую уголовному преследованию. Но английских рабочих надувают не только на качестве, но и на количестве товаров. Фальшивые мера и вес составляют у мелких торговцев обычное явление.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»).

Капиталистическая эксплоатация и голодание населения колоний

Как известно, англо-ост-индская компания кроме политической власти в Ост-Индии добилась исключительной монополии на торговлю чаем и вообще на торговлю с Китаем, и кроме того в ее же руках сосредоточилась монополия транспортировки товаров из Европы и в Европу. Но судоходство у берегов Индии и между островами, а также торговля внутри Индии сделались монополией высших должностных лиц компании. Монополии на соль, опиум, бетель и другие товары стали неисчерпаемыми источниками богатства. Должностные лица сами устанавливали цены и по произволу обдирали несчастных индусов. Генерал-губернатор участвовал в этой частной торговле. Его любимцы получали контракты на таких условиях, которые позволяли им, лучше, чем алхимикам, делать золото из ничего. Крупные состояния вырастали как грибы после дождя, и первоначальное накопление осуществлялось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебный процесс Warren Gastings'a полон такого рода примерами. Вот один из них. Один контракт на поставку опиума был дарован некоему Sullivan'y в момент его отъезда — по официальному поручению — в часть Индии, далеко отстоящую от района производства опиума. Sullivan продает свой контракт за 40 000 ф. стерлингов некоему Binn'y, а Binn перепродает его в тот же день за 60 000 ф. стерлингов. Последний покупатель и выполнитель контракта заявляет, что он еще извлек из него громадную выгоду. Согласно одному документу, представленному в парламент, между 1757 и 1766 годами компания и ее должностные лица заставили индийцев подарить себе 6 миллионов ф. стерлингов. В 1769—1770 годах англичане искусственно устроили голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам.

(К. Маркс. — «Капитал» т. I, гл. 24).

Расплата продуктами

Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала

в течение срока, установленного договором о ее купле, напр., в конце каждой недели. Таким образом везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом, везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста, но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние. [1].

(К. Маркс. — «Капитал» т. I, гл. 4).

В заключение [2] остановимся немного на вопросе о том, какую долю заработка получают московские рабочие наличными деньгами.

---

[1] Вот пример. В Лондоне существуют двоякого рода булочные: „full priced" продающие хлеб по его полной стоимости, и „undersellers", продающие его ниже стоимости. Последний класс булочников составляет около ¾ общего их числа (p. XXXII в „Report" правительственного комиссара H. S. Tremenheere относительно „Grievances complained of by the journeymen bakers etc.", London 1862) Эти undersellers продают почти исключительно хлеб, фальсифицированный примесями квасцов, мыла, поташа, извести, дербиширской каменной муки и другими столь же приятными, питательными и здоровыми ингредиентами. Сэр Джон Гордон заявил в своих показаниях перед комитетом 1855 г., что «вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляют два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части этого количества питательных веществ, не говоря уже о вредных последствиях фальсификации для его здоровья». На вопрос, почему же «значительная часть рабочего класса», будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Tremenheere отвечает, что рабочие «вынуждены брать в своей „chandler's shop", у своего лавочника или пекаря, такой хлеб, какой ему заблагорассудится им предложить». Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели, то и они, с своей стороны, «могут оплатить лишь в конце недели хлеб, потребленный их семействами в течение недели», и, добавляет Tremenheere подтверждая это свидетельскими показаниями, несомненно установлено, что хлеб, сдабриваемый такими примесями, изготовляется именно для покупателей этого рода («It is notorious that bread composed of those mixtures, is made expressly for sale in this manner»). «Во многих сельскохозяйственных округах Англии (особенно Шотландии) заработная плата выплачивается раз в две недели и даже раз в месяц. Сельскохозяйственный рабочий вынужден при таких продолжительных сроках уплаты покупать себе товары в кредит... Ему приходится платить повышенные цены, и он фактически привязан к данному лавочнику, который высасывает из него соки. Так, напр., в Horningsham in Wilts, где заработная плата выдается раз в месяц, ему обходится в 2 шилл. 4 пен. stone [14 фунтов] такой же самой муки, которую он в другом месте мог бы купить по 1 шилл. 10 пен. за stone" („Sixth Report" on „Public Health" by „The Medical Officer of the Privy Council etc.", 1864, p. 264). «Ручные набойщики ситца в Пэсли и Кильмарноке (Западная Шотландия) добились в 1853 г. при помощи стачки сокращения срока расплаты с одного месяца до 14 дней» („Reports of the Inspectors of Factories for 31-st October 1853", p. 34). Как дальнейшее, очень милое развитие кредита, оказываемого рабочим капиталисту, можно рассматривать метод многих английских углепромышленников, которые платят рабочему по истечении месяца, а за это время дают ему ссуды, зачастую товарами, за которые рабочий уплачивает выше их рыночной цены [Trucksystem, система выдачи заработной платы товарами, вместо наличных денег. — *К.*]. «Среди углепромышленников вошло в общее обыкновение платить раз в месяц и давать рабочим ссуды в конце каждой недели. Ссуда выдается в лавке (а именно в tommy-shop, т. е. в лавке, принадлежащей самому хозяину); рабочие получают деньги в одном углу ее и тотчас же отдают их в другом» (Children's Employment Commission. III-rd Report", London 1864, p. 38, n. 192).

[2] См. примечание 14-е.

Положение московских рабочих в этом отношении тяжелое. В 1909 году они получили всего 73 миллиона рублей заработной платы; из них 61½ милл. руб., т. е. 84,2%, было выдано наличными деньгами. Почти десятая часть платы, 7,2 милл. руб., была выдана харчевыми продуктами и товарами фабричных лавок. Этот вид платы ставит рабочих в крепостническую зависимость от хозяев и дает «сверхприбыль» хозяевам.

Особенно плохо в этом отношении положение рабочих в промышленности по обработке хлопка: свыше пятой части заработка (5,9 милл. руб. из 28,8) выдано харчевыми продуктами. Если бы рабочие добились себе свободных рабочих кооперативов, то не только были бы сбережены сотни тысяч рублей для рабов капитала, но и отпала бы полукрепостническая зависимость от **хозяйских** лавок.

Далее, 3¾ миллиона рублей (5%) заработной платы рабочие платили в уплату за продукты, забранные ими из лавок потребительных обществ и др. Наконец, 680 тыс. руб. (0,9%) заработной платы получено содержанием рабочих, состоящих на хозяйских харчах.

Этот вид платы, обрекающий рабочего на тысячи форм личной зависимости крепостнического характера, сохранился более заметно в производствах по обработке шелка и льна, затем пищевых и животных продуктов.

Что касается до влияния 1905 г. на формы заработной платы, то в этом отношении завоеваний почти никаких не сделано. Вот данные с 1901 года:

Годы	Вся сумма заработка рабочих (млн. руб.)	В том числе уплачено (в %)			
		Наличными	Товарами фабр. лавок	Забрано из потреб. обществ	Содержанием рабочих на хоз. харчах
1901	53	81,4	8,9	7,3	2,4
1902	54	81,5	9,1	7,0	2,4
1903	57	83,0	8,3	6,6	2,1
1904	55	82,7	9,0	6,5	1,8
1905	57	82,8	9,2	6,5	1,5
1906	64	85,1	7,6	5,8	1,5
1907	71	83,8	9,4	5,3	1,5
1908	73	82,9	10,4	5,2	1,5
1909	73	84,2	9,8	5,1	0,9

После 1905 г. расплата наличными увеличилась в крайне незначительных размерах. Так же мало сократилась система содержания рабочих на хозяйских харчах. Напротив, расплата через фабричные лавки даже несколько увеличилась.

В общем и целом, положение осталось такое же плохое, как и прежде. Московским рабочим придется добиваться расплаты наличными деньгами и бороться за замену фабричных лавок свободными рабочими потребительными обществами.

(Ленин. — «Язык цифр» 1913 г., т. XVI, изд. 3).

КАК ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО „БОРОЛОСЬ“ С ГОЛОДОМ

ГОЛОД [1]

Опять голод! Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв. Против мужика соединились все самые могучие силы современной эпохи: и развивающийся все быстрее мировой капитализм, создавший заокеанскую конкуренцию и снабдивший небольшое меньшинство сельских хозяев, которые способны выжить в отчаянной борьбе за существование, самыми усовершенствованными способами производства и орудиями, и военное государство, ведущее политику приключений в своих колониальных владениях, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, взваливающее все непомерные тяготы этой, стоящей бешеные деньги, политики на рабочие массы и к тому же еще устраивающее на народные деньги все новые и новые батареи полицейского «пресечения» и «обуздания» против растущего недовольства и возмущения этих масс.

После того, как голод стал у нас явлением обычным, естественно было ожидать, что правительство постарается оформить и закрепить свою обычную же политику в продовольственном деле. Если в 1891—1892 гг. правительство было застигнуто врасплох и порядочно-таки растерялось сначала, то теперь оно уже богато опытом и твердо знает, куда (и как) итти. «В этот момент — писала «Искра» в июле (№ 6), — на страну надвигается черная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отвоевывающей кусок хлеба от голодного населения, каравшей всякое невходящее в виды начальства «оказательство» заботы о голодных людях».

Приготовления правительства были очень быстры и очень решительны. В каком духе велись эти приготовления, — достаточно обнаружила елисаветградская история. Князь Оболенский, начальник Херсонской губернии, объявил сразу войну всем, кто был настолько дерзновенен, чтобы писать и говорить об елисаветградском голоде, призывать общество к помощи голодающим, устраивать частные кружки и приглашать частных лиц для организации этой помощи. Земские врачи писали в газетах, что в уезде голод, что народ болеет и мрет, что «хлеб», употребляемый им в пищу, есть нечто невероятное, вовсе и не заслуживающее названия хлеб. Губернатор вступает в полемику с земскими врачами, печатает официальные опровержения. Кто знает хоть сколько-нибудь общие условия нашей печати, кто возьмет на себя труд припомнить ту сугубую травлю, которой подверглись в последнее время весьма умеренные органы и еще несравненно более умеренные литераторы, — тот поймет, что означала эта «полемика» начальника губернии с какими-то земскими врачами, даже и на государственной службе не состоящими! Это было простое затыканье рта, это было самое явное и бесцеремонное заявление, что правительство не потерпит правды о голодовке. Да что заявление! Кого другого, а уж русское правительство вряд ли можно упрекнуть, что оно ограничивается заявлениями, когда есть возможность «власть употребить». И князь Оболенский не замедлил употребить власть, явясь лично на театр войны — войны против голодающих и против тех, кто, не числясь ни по какому ведомству, хотел оказать **действительную** помощь голодающим, — и **запретив устройство столовых** нескольким приехавшим уже на голод частным лицам (в том числе г-же Успенской). Подобно Юлию Цезарю, князь Оболенский пришел, увидел, победил, — и телеграммы немедленно оповестили всю читающую Россию об этой победе. Удивительно одно: что эта победа, этот нахальный вызов всем русским людям, в ком осталось хоть капля порядочности, хоть чуточку гражданского мужества, не встретил никакого отпора из среды наиболее заинтересованных, если можно так выразиться, лиц. В Херсонской губернии очень многие, несомненно, знали и знают всю подноготную этого замалчивания голода и борьбы против помощи голодающим, но никто не опубликовал ни изложения этого поучительного дела, ни документов, к нему относящихся, ни даже простого призыва протестовать против чудовищного запрещения устраивать столовые. Рабочие устраивают стачку, когда правительство приводит в исполнение свою угрозу: рассчитать «прогулявших» первое мая; интеллигентное общество молчит, когда его представителям запрещают... оказывать помощь голодающим.

Как бы поощренное успехом этой первой стычки с «смутьянами», которые смеют помогать голодающим, правительство перешло вскоре к атаке по всей линии. Храбрый подвиг князя Оболенского возводится в руководящее начало, в закон, регулирующий отныне отношения всех администраторов ко всем прикосновенным к продовольственному делу лицам (слово «прикосновенный» есть, собственно, термин уголовный, принадлежащий специальному нашему уложению о наказаниях, но мы уже видели и увидим еще ниже, что в настоящее время неразрешенная помощь голодающим всецело входит в понятие уголовщины). Такой закон и не замедлил последовать — на этот раз в упрощенной форме «циркуляра министра внутренних дел начальникам губерний, пострадавших от неурожая 1901 г.» (17 августа 1901 г., № 20).

Этот циркуляр останется, надо думать, надолго памятником того, до каких геркулесовых столпов доводит полицейский страх перед грозным народным бедствием, перед сближением голодающих с помогающими им «интеллигентами», наряду с твердым намерением задавить всякий «шум» о голоде и ограничить помощь самыми ничтожными размерами. Можно только пожалеть, что неумеренный объем этого циркуляра и тяжеловесность того канцелярского слога, которым он написан, помешают, пожалуй, ознакомлению с ним самой широкой публики.

«Известно, что закон 12 июня 1900 г. изъял продовольственное дело из ведения земств и передал его в руки земских начальников и уездных съездов. Казалось бы, уж чего благонадежнее: выборный элемент устранен, мало-мальски независимые от начальства люди распоряжаться делом и, следовательно, шуметь теперь не будут. Но, после выхода князя Оболенского, всего этого показалось мало: надо строже подчинить все дело министерству и непосредственно исполняющим его предписания чиновникам, надо устранить окончательно возможность всяких преувеличений. Поэтому **решать** вопрос о том, какие уезды

[1] Подзаголовок Ленина.

являются «неблагополучными по урожаю», будет отныне исключительно само министерство [1], в котором устроится, очевидно, главный штаб военных действий против голодающих. И через посредство гг. губернаторов этот штаб будет направлять деятельность тех лиц (главным образом, уездных предводителей дворянства), в руках которых сосредоточено «уездное центральное по продовольственной части управление». Инициатору военных действий против голодающих, князю Оболенскому, приходилось самому ехать на место, чтобы пресечь, обуздать и сократить. Теперь это «упорядочено», и достаточно будет простого обмена телеграммами (благо на канцелярские расходы ассигновано уже по тысченке на уезд) между «уездным центральным» и петербургским центральным управлениями, чтобы «распорядиться». Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголоса сделанным замечанием через одетого во фрак и белые перчатки лакея: «Насчет Федора... распорядиться!» Вот и у нас теперь так же «без шума», тихо-благородно будут «распоряжаться» об обуздании неумеренных аппетитов голодающего населения.

А что г. Сипягин убежден в неумеренности аппетитов голодного мужика, — это видно из той настойчивости, с которой циркуляр не только предостерегает от «преувеличений», но прямо создает новые и новые правила, устраняющие самую возможность преувеличений. С составлением списков нуждающихся — не торопитесь: это вызывает в населении «преувеличенные надежды» — прямо говорит министр и предписывает составлять списки только непосредственно перед самой раздачей хлеба. Далее, о том, когда **следует** считать уезд неблагополучным по урожаю, — циркуляр находит излишним говорить, но зато с точностью определяет, когда **не следует** признавать уезда неблагополучным (напр. когда пострадало не более трети волостей, когда существуют обычные заработки и т. д.). Наконец, относительно норм пособия голодающим министр преподает такие правила, которые яснее ясного показывают, что правительство хочет **во что бы то ни стало** урезать эти пособия до невозможности и отделаться подачками, нисколько не предохраняющими населения от вымирания. В самом деле: норма — 48 пудов хлеба на семью (считая по величине среднего сбора в данном селении); кто имеет не меньше этого, — тот не нуждается. Каким путем получена эта цифра, — неизвестно. Известно только, что в год **не**голодный даже самые беднейшие крестьяне потребляют вдвое больше хлеба (см. земско-статистические исследования крестьянских бюджетов). Недоедание считается, следовательно, явлением нормальным, на основании предписания г. министра. Но и эта норма уменьшается, во-первых, вдвое, чтобы не мог получить ссуды рабочий элемент, составляющий около половины населения, а во-вторых, **еще** на $\frac{1}{3}$—$\frac{1}{5}$—$\frac{1}{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо (именно так: «или же какой-либо»!!) материальный достаток». Можно судить поэтому, какой ничтожной дробью должна выразиться та доля действительно недостающего населению хлеба, которую намерено ему ссудить правительство! И, точно любуясь своим нахальством, г. Сипягин, изложив эту невероятную систему урезывания пособий, заявляет, что такой приблизительный расчет «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным». Комментарии едва ли не излишни.

Официальные заявления русского правительства, когда в них кроме голых предписаний есть хоть какие-нибудь попытки объяснить эти предписания, заключают в себе почти всегда — это своего рода закон, гораздо более устойчивый, чем большинство наших законов, — два основные мотива или два основных типа мотивов. С одной стороны, вы встретите непременно несколько общих фраз, в напыщенной форме заявляющих о попечительности начальства, его желании считаться с требованиями времени и пожеланиями общественного мнения. Напр., говорится о «важном деле предотвращения в среде сельского населения продовольственной нужды», о «нравственной ответственности за благосостояние местного населения» и т. п. Само собою разумеется, что эти общие места ничего, в сущности, не означают и ни к чему положительному не обязывают; зато они похожи как две капли воды на бессмертные речи бессмертного Иудушки Головлева, отчитывавшего обираемых им крестьян. В скобках сказать, эти общие места эксплоатирует всегда (отчасти по наивности, отчасти по «долгу службы») либеральная подцензурная печать, чтобы конструировать принципиальную солидарность правительства с ее точкой зрения.

Но если вы внимательно присмотритесь к другим, не столь общим и не столь очевидно пустозвонным, мотивам правительственных велений, вы найдете всегда конкретные пояснения, **целиком повторяющие** установившиеся доводы самых реакционных органов нашей печати (напр. «Московских ведомостей»). Прослеживать и отмечать в каждом отдельном случае эту солидарность правительства с «Моск. ведомостями» было бы, на наш взгляд, небесполезной (и не совсем недоступной даже и для легальных деятелей) работой. В рассматриваемом циркуляре, напр., мы встречаем повторение самых гнусных обвинений, исходивших от самых «диких помещиков», — что преждевременное составление списков нуждающихся возбуждает «стремление некоторых состоятельных домохозяев привести свое хозяйство в вид обеднявшего путем продажи запасов и излишков и инвентаря». Министр говорит, что это «доказал опыт предшествующих продовольственных кампаний». Следовательно? Следовательно, министр почерпает свой политический опыт из назиданий наиболее заядлых крепостников, которые так шумели в прежние голодные годы и шумят теперь об обманах крестьян и которые так возмущены «шумом» по поводу эпидемий голодного тифа.

У тех же крепостников научился г. Сипягин говорить о деморализации: «весьма важно, — пишет он, — чтобы... местные учреждения... содействовали сбережению ассигнованных средств, а главное (sic!!) — предотвратили имеющие вредное деморализующее влияние случаи неосновательной выдачи правительственного пособия лицам обеспечен-

[1] Как решает министерство этот вопрос, можно видеть из примера Пермской губернии. Как сообщают последние газеты, губерния эта продолжает все еще считаться «благополучной по урожаю», хотя неурожай в ней (по сведениям экстренного губернского земского собрания, бывшего 10 октября) *еще сильнее* неурожая 1898 г. Сбор хлебов составляет только 58% среднего сбора, а по Шадринскому и Ирбитскому уездам — только 36 и 34%. В 1898 г. было выдано правительством (не считая местных средств) 1½ миллиона пудов хлеба и более ¾ миллиона рублей деньгами. Теперь же у земства нет средств, земство ограничено в правах, неурожай гораздо сильнее, чем в 1898 г., цены на хлеб начали подниматься *еще с 1 июля*, крестьяне уже *распродают скот*, — а правительство все-таки упорно считает губернию «благополучной»!!

ным». И это беззастенчивое предписание содействовать сбережению средств подкрепляется следующим принципиальным наставлением: «...широкая раздача продовольственных пособий могущим обойтись без оных семействам» (могущим обойтись 24 пудами хлеба в год на семью?) «независимо от непроизводительности (!) расходов казны в этих случаях имеет по пагубным последствиям такой системы в будущем не менее вредное с точки зрения польз и нужд государственных значение, чем оставление без надлежащей помощи истинно нуждающихся». В старину расчувствовавшиеся монархи говорили: «Лучше десять виновных оправдать, нежели одного невинного осудить». А теперь ближайший помощник царя заявляет: не менее вредно дать пособие семейству, которое может обойтись и 24 пудами хлеба в год, чем оставить без пособия «истинно» нуждающегося. Как жаль, что эта великолепная по своей откровенности «точка зрения» на «пользы и нужды государственные» прикрыта от широкой публики длиннейшим и скучнейшим циркуляром! Одна надежда: может быть, социал-демократическая печать и социал-демократическая устная агитация поближе познакомят народ с содержанием министерского циркуляра.

* * *

Но с особенной решительностью «нападает» циркуляр на частных благотворителей: по всему видно, что ведущие войну против голодающих администраторы наиболее важной позицией «неприятеля» считают частные кружки помощи, частные столовые и пр. Г. Сипягин с прямотой, заслуживающей полной признательности, объясняет, почему эта частная благотворительность давно уже не давала спать министерству внутренних дел. «Начиная с недорода 1891 и 1892 гг. и при всех последующих подобных же бедствиях, — гласит циркуляр, — нередко обнаруживалось, что иные благотворители наряду с оказанием материальной помощи жителям неблагополучных местностей стараются возбудить в их среде недовольство существующим порядком и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству. При этом не в полной мере удовлетворенная нужда, неизбежные при этом болезни и расстройства хозяйства создают весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему. Обыкновенно при первых же известиях о значительном недороде в пострадавшую местность стекаются отовсюду лица с небезупречным политическим прошлым, стараются вступить в сношение с приезжающими из столиц уполномоченными благотворительных обществ и учреждений и принимаются ими по неведению в сотрудники на места, чем создаются немаловажные затруднения интересам порядка и управления»...

* * *

Мы не будем останавливаться на такой — сравнительно с разобранным циркуляром — «мелочи», как циркуляр того же министра об усилении надзора за благотворительными концертами, представлениями и пр. (Ср. «Искра» № 9, «Новые рогатки».)

Попробуем посмотреть, в каком отношении находится теперь правительственная помощь населению, назначенная и распределенная по

новым правилам, к действительному размеру нужды. Правда, данные об этом до последней степени скудны. Печать теперь взнуздана донельзя, голоса частных устроителей столовых замолкли вместе с «запрещением» их деятельности, и для осведомления оторопевшей от новых строгостей российской публики служат только казенно-полицейские пометки о благополучном ходе продовольственной кампании, да статейки в том же духе в «Московских ведомостях», да передаваемые кое-когда разговоры досужего репортера с тем или иным помпадуром, преважно излагающим «мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем». Напр., «Новое время» в № 9195 передает, что саратовский (бывший архангельский) губернатор А. П. Энгельгардт принял сотрудника местной газеты и высказал ему, между прочим, что он, губернатор, лично устроил на месте совещание предводителей дворянства, представителей земских управ, земских начальников и представителей Красного креста и «распределил занятия».

«Цынги, — сказал А. П. Энгельгардт, — в том виде, как я ее наблюдал в Архангельской губернии, здесь нет: там к больному нельзя подойти на пять шагов; там эта болезнь действительно «гнилая». — здесь же больше всего последствий сильного малокровия, развивающегося благодаря ужасной обстановке домашней жизни. Единственные почти признаки цынготного заболевания здесь — белые губы, белые десны... Выздоравливает такой больной в течение недели при правильном питании. Теперь и идет это подкармливание. В общем выдается 1000 порций в день, хотя зарегистрировано не больше 400 крайне нуждающихся.

«Кроме цынготных заболеваний, по всей местности отмечены только три случая тифа. Дальше, надо надеяться, дело и не пойдет, так как везде уже открыты общественные работы, и население обеспечено заработком».

Вот какое благополучие: на весь Хвалынский уезд (о котором говорит г. помпадур) только 400 крайне нуждающихся (остальные, вероятно, «могут обойтись», по мнению гг. Сипягина и Энгельгардта, и 24 пудами хлеба в год на семью!), и население уже обеспечено и выздоравливают больные через неделю. Как же после этого не верить «Московским ведомостям», которые в особой передовице (№ 258) внушают нам, что «по последним известиям из 12 губерний, пострадавших от неурожая, **в них кипит деятельная работа администрации по устройству помощи.** Многие уезды уже обследованы, на предмет признания их неблагополучными в продовольственном отношении, **назначаются уездные заведующие** продовольственной частью и т. д. Повидимому правительственными должностными лицами делается все возможное для оказания своевременной и достаточной помощи».

«Кипит деятельная работа», и... «зарегистрировано не более 400 крайне нуждающихся»... В Хвалынском уезде 165 тысяч сельского населения, а порций выдается одна тысяча. Недобор ржи в этом году составляет во всем юго-восточном районе (в том числе и в Саратовской губернии) 34%. В Саратовской губернии из общего посева на крестьянских землях (1½ миллиона десятин) полным неурожаем поражены 15% (по данным губернской земской управы) и плохим — 75%, а Хвалынский уезд, вместе с Камышинским, принадлежат к наиболее пострадавшим уездам Саратовской губернии. Следовательно, общий недобор хлеба у

крестьян Хвалынского уезда составляет не менее 30 процентов. Допустим, что половина этого недобора падает на зажиточное крестьянство, которое доведено этим еще не до голодания (хотя это допущение более чем рискованное, ибо зажиточное крестьянство имеет лучшие земли и лучше их обрабатывает, так что от неурожая страдает всегда меньше бедноты). Даже и при таком предположении окажется, что голодающих должно быть процентов 15, т. е. до 25 тысяч. А нас хотят утешить тем, что хвалынской цынге далеко еще до архангельской, что случаев тифа будто бы было только три (врали бы хотя поискуснее!) и что выдается одна тысяча порций (рассчитанных и размеренных, вероятно, по сипягинской системе борьбы... с преувеличением).

Что касается до тех «заработков», которые г. Сипягин в своем циркуляре старался **три** раза учесть, чтобы избежать преувеличений (раз — предписывая не считать неблагополучными уезды с развитыми обычно заработками, другой раз—предписывая уменьшать 48-пудовую норму наполовину, ибо 50% рабочего населения «должны» заработать, и третий раз — предписывая уменьшать и эту последнюю цифру на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{10}$, по местным условиям); что касается заработков, то в Саратовской губернии упали не только земледельческие, но и неземледельческие заработки. «Последствия неурожая, — сообщает нам вышеназванный доклад управы, — отразились и на кустарях благодаря уменьшению сбыта их продуктов. В силу этих обстоятельств в уездах с наиболее развитыми кустарными промыслами **наблюдаются кризисы».** А к числу этих уездов принадлежит и наиболее пострадавший Камышинский уезд, в котором, между прочим, многие и многие тысячи бедноты заняты знаменитым сарпиночным промыслом. И в обыкновенные годы порядки в этом, заброшенном в деревенское захолустье, промысле были самые безобразные: работали, напр., дети 6—7 лет, получая 7—8 копеек в день. Можно себе представить, что там делается в год громадного неурожая и особого кустарного кризиса.

Неурожай хлебов сопровождается в Саратовской губернии (как и во всех, разумеется, неурожайных губерниях) недостатком кормов. За последние месяцы (т. е. уже во второй половине лета!) было отмечено чрезвычайное развитие разных эпизоотий, усиливающих смертность скота. «По сообщению ветеринарного врача из Хвалынского уезда (заимствуем это сведение из той же газеты, которая излагала содержание вышеупомянутого доклада губернской земской управы), при вскрытии павших животных в желудках последних ничего кроме земли не оказывалось».

В «сообщении земского отдела министерства внутренних дел» о продолжении продовольственной кампании было сделано, между прочим, заявление, что из числа объявленных неблагополучными уездов «лишь в Хвалынском с июля месяца обнаружился, в двух селах, ряд эпидемических заболеваний цынгой, к прекращению которых направлены усилия местного врачебного персонала, причем в помощь местным силам командированы два отряда общества Красного креста, действующие, по донесению губернатора (того самого А. П. Энгельгардта, с которым мы уже познакомились), с большим успехом; во всех же прочих, объявленных неблагополучными в продовольственном отношении уездах, по имеющимся в министерстве к 12 сего сентября сведениям, случаев неудовлетворенной острой продовольственной нужды не было, и развития болезней на почве недостаточного питания не замечается».

Чтобы показать, какого доверия может заслуживать это утверждение, будто не было случаев неудовлетворенной **острой** нужды (а **хроническая** нужда была?) и будто не замечается развития болезней, мы ограничимся сопоставлением данных еще по двум губерниям.

В Уфимской губернии объявлены неблагополучными Мензелинский и Белебеевский уезды, и земский отдел министерства внутренних дел сообщает, что правительственная ссуда «собственно на продовольствие» потребуется, «по заявлению губернатора», в размере 800 000 пудов. Между тем чрезвычайное Уфимское губернское земское собрание, созванное на 27 августа для обсуждения вопроса о помощи пострадавшим от неурожая, определило нужду этих уездов на продовольствие в 2,2 миллиона пудов хлеба, да плюс 1 миллион на остальные уезды, независимо от ссуды на обсеменение (3,2 миллиона пудов на губернию) и на прокорм скота (600 000 пудов). Продовольственная ссуда, следовательно, определена министерством в **одну четвертую долю** того, что определяло земство.

Другой пример. В Вятской губернии уездов, объявленных неблагополучными, не было к тому времени, когда земский отдел опубликовал свое сообщение, а размер ссуды на продовольствие он же определял в 782 000 пудов. Это — та самая сумма, которую исчислило, по сообщениям газет, еще Вятское губернское присутствие по продовольственной части в своем заседании 28 августа (исчислило согласно с постановлениями уездных съездов от 18 до 25 августа). **Те же самые** съезды **около** 12 августа определили размер ссуды иначе, именно: 1,1 милл. пудов на продовольствие и 1,4 милл. пудов на обсеменение. Откуда эта разница? Что произошло между 12 и 28 августа? Произошло то, что появился циркуляр г. Сипягина от 17 августа о борьбе с голодающими. Действие циркуляр возымел, значит, моментальное, и маленькая сумма в 230 тысяч пудов хлеба была вычеркнута из расчета, составленного — это заметьте — уездными съездами, т. е. учреждениями, заменившими (по закону 12 июня 1900 г.) неблагонадежное земство, учреждениями, состоящими из чиновников вообще и земских начальников в особенности...

Отношение царского правительства к голоду

Наряду с новой голодовкой все еще тянется старый, ставший уже затяжным, торгово-промышленный кризис, выбросивший на улицу десятки тысяч не находящих себе работы рабочих. Нужда среди них страшно велика, и тем более бросается в глаза совершенно различное отношение и правительства и образованного «общества» к этой нужде и к нужде крестьян. Никаких попыток ни со стороны общественных учреждений, ни со стороны печати определить число нуждающихся рабочих и степень нужды хотя бы с такой же степенью приближения, с какой определяется нужда крестьян. Никаких систематических мероприятий по организации помощи голодающим рабочим.

Отчего зависит эта разница? Нам думается: всего менее оттого, что нужда рабочих как бы меньше выступает наружу, проявляется в менее резких формах. Правда, городские жители, не принадлежащие к рабочему классу, мало знают о том, как маются теперь фабричные, теснясь еще более в подвалах, чердаках и конурах, недоедая еще

больше, чем обыкновенно, сбывая ростовщикам последние остатки домашней рухляди; правда, увеличение числа босяков и нищих, посетителей ночлежных домов и обитателей тюрем и больниц не обращает на себя особенного внимания, потому что ведь «все» так привыкли к тому, что в большом городе должны быть переполнены ночлежные дома и всякие притоны самой безысходной нищеты; правда, безработные рабочие совсем не привязаны к месту, как крестьяне, и либо сами расходятся в разные концы государства, отыскивая занятие, либо высылаются «на родину» администрацией, опасающейся скопления безработных. Но, несмотря на все это, каждый, соприкасающийся с промышленной жизнью, наблюдает воочию и каждый, следящий за общественной жизнью, знает из газет, что безработица растет и растет.

Нет, причины указанного различия лежат глубже: их надо искать в том, что деревенская голодовка и городская безработица принадлежат к совершенно различным укладам хозяйственной жизни страны, обусловливаются совершенно различным взаимоотношением класса эксплоататоров и класса эксплоатируемых. В деревне отношения между этими двумя классами вообще чрезвычайно запутаны и усложнены массой переходных форм, когда земледельческое хозяйство соединяется то с ростовщичеством, то с работой по найму и пр. и пр. И голодают при этом не сельскохозяйственные наемные рабочие, противоположность интересов которых интересам помещиков и зажиточных крестьян ясна для всех и в значительной степени для самих рабочих, а голодают мелкие крестьяне, которых принято считать (и которые сами себя считают) самостоятельными хозяевами, лишь случайно попадающими иногда в ту или иную «временную» зависимость. Ближайшая причина голода — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «мероприятий». И как ни мало отвечают нуждам современной эпохи эти мероприятия, заимствованные большей частью из времен крепостного права и преобладания патриархального натурального хозяйства, тем не менее каждый голод приводит в движение целый административный и земский механизм. А этому механизму даже при всем желании власть имущих лиц трудно, почти невозможно обойтись без всесторонней помощи этих ненавистных «третьих лиц», интеллигентов, стремящихся поднять «шум». С другой стороны, связь голодовки с неурожаем и забитость крестьянина, — не сознающего (или до последней степени смутно сознающего), что только усиливающийся гнет капитала в связи с грабительской политикой правительства и помещиков довел его до такого разорения, — ведут к тому, что голодающие чувствуют себя совершенно беспомощными и не проявляют не только чрезмерной, но даже и ровно никакой «требовательности».

А чем ниже в угнетенном классе уровень сознания своего угнетения и требовательности по отношению к угнетателям, тем больше является среди имущих классов лиц, склонных к благотворительности, тем меньше сравнительно сопротивление этой благотворительности со стороны непосредственно заинтересованных в нищете крестьянина местных помещиков. Если принять во внимание этот несомненный факт, то

окажется, что усиление помещичьего сопротивления, усиление криков о «деморализации» мужика и, наконец, принятие «начиненным» в таком духе правительством чисто военных мер против голодающих и против благотворителей, — все это ясно свидетельствует о полном упадке и разложении того исконного, патриархального, веками освященного и непреоборимо якобы устойчивого деревенского быта, которым восхищались наиболее ярые славянофилы, наиболее сознательные реакционеры и наиболее наивные «народники» стародедовского толка. Нас, социал-демократов, обвиняли всегда — народники в том, что мы искусственно переносим понятие классовой борьбы туда, куда оно вовсе не приложимо; — реакционеры в том, что мы разжигаем классовую ненависть и натравливаем «одну часть населения против другой». Не повторяя десятки раз уже данного ответа на эти обвинения, мы заметим только, что русское правительство идет **впереди нас всех** в оценке глубины классовой борьбы и в энергии мероприятий, из такой оценки вытекающих. Всякий, кто соприкасался так или иначе с публикой, направлявшейся в голодные годы «кормить» крестьян, — а кто из нас не соприкасался с ней? — знает, что ее побуждало к этому простое чувство человеческого сострадания и жалости, что какие бы то ни было «политические» планы были совершенно чужды ей, что пропаганда идей классовой борьбы оставляла эту публику совершенно холодной, что аргументы марксистов в их горячей войне с народническими взглядами на деревню эту публику не убеждали. Причем тут классовая борьба? говорили они. Просто крестьяне голодают и надо им помочь.

Но кого не убедили аргументы марксистов, того, может быть, убедят «аргументы» г. министра внутренних дел. Нет, не «просто голодают» — вещает он благотворителям — и без разрешения начальства нельзя «просто» помогать, ибо это развивает деморализацию и ничем не оправдываемую требовательность. Вмешиваться в продовольственную кампанию значит вмешиваться в те божеские и полицейские предначертания, которые гг. помещикам обеспечивают рабочих, согласных работать чуть не даром, а казне обеспечивают поступление податей, собираемых посредством выколачивания. И кто внимательно вдумается в сипягинский циркуляр, тот должен будет сказать себе: да, в нашей деревне идет социальная война, и, как и при всякой войне, не доводится отрицать право воюющих сторон осматривать груз судов, идущих в неприятельские порты хотя бы и под нейтральным флагом! Отличие от других войн лишь то, что здесь одна сторона, обязанная вечно работать и вечно голодать, даже и вовсе не сражается, а только бывает сражаема... пока.

В области фабрично-заводской промышленности наличие этой войны давно уже не подлежит никакому сомнению, и «нейтральному» благотворителю нет надобности в циркулярах разъяснять, что, не спросясь броду (т. е. разрешения начальства и гг. фабрикантов), не следует соваться в воду. Еще в 1885 г., когда о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи, даже в центральном районе, где рабочие ближе стоят к крестьянству, чем в столице, промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там. Благотворительность при таком положении дела заранее осуждена на бессилие, и она остается поэтому случайным и

чисто индивидуальным делом тех или иных лиц, не приобретая и тени общественного значения.

Отметим еще одну особенность в отношении общества к голодовкам. До самого последнего времени у нас, можно без преувеличения сказать, господствовало то мнение, что весь русский экономический, да даже и государственный, строй только и держится на **массе** владеющего землей и самостоятельно хозяйничающего на земле крестьянства. До какой степени этот взгляд проникал даже в передовые круги мыслящих людей, всего менее склонных попадать на удочку официального славословия, это особенно рельефно показала всем памятная книга Николая — она, вышедшая после голода 1891—92 г. Разорение громадного числа крестьянских хозяйств казалось всем таким абсурдом, таким невозможным прыжком в небытие, что необходимость самой широкой помощи, способной действительно «залечить раны», сделалась почти общим лозунгом. И опять не кто иной, как г. Сипягин взял на себя труд рассеять последние иллюзии. На чем же держится «Россия», чем живут земледельческие и торгово-промышленные классы, как не разорением и нищетой народа? Пытаться не на бумаге только залечить **эту** «рану» — да это государственное преступление!

Г. Сипягин, несомненно, посодействует распространению и укреплению той истины, что, кроме классовой борьбы революционного пролетариата против всего капиталистического строя, нет и не может быть иного средства ни против безработицы и кризисов, ни против тех азиатски-диких и жестоких форм экспроприации мелкого производителя, какие принял этот процесс у нас. До массовых жертв голода и кризиса хозяевам капиталистического государства так же мало дела, как мало дела паровозу до тех, кого он давит на своем ходу. Мертвые тела тормозят колеса, поезд останавливается, он может даже (при чересчур энергичных машинистах) сойти при этом с рельсов, но он во всяком случае продолжает, после тех или иных задержек, свой путь. Вы слышите о голодной смерти и разорении десятков и сотен тысяч мелких хозяев, но в то же время вы слышите и о прогрессах отечественного земледелия, об успешном завоевании иностранного рынка российскими помещиками, отправившими экспедицию русских сельских хозяев в Англию, о расширении сбыта улучшенных орудий и распространении травосеяния и пр. Для хозяев русского земледелия (как и для всех капиталистических хозяев) усиление разорения и голодовки есть не более как маленькая временная задержка, на которую они почти и не обратят внимания, если голодающие не **заставят** обратить на себя внимания. Все идет своим чередом, — даже спекуляция по продаже земель той части **хозяев,** которую образуют зажиточные крестьяне.

Вот, напр., Бугурусланский уезд Самарской губернии объявлен «неблагонадежным по урожаю». Значит, разорение **массы** крестьянства и голодовка достигли здесь самой высокой степени. Но бедствие массы не только не мешает, а как-будто бы даже содействует укреплению хозяйственной позиции буржуазного меньшинства крестьянства. Вот что мы читаем о том же уезде в сентябрьской корреспонденции «Русских ведомостей» (№ 244):

«Бугурусланский уезд Самарской губернии. Злобою дня у нас являются повсеместный быстрый рост цен на землю и огромная спекуляция ею, вызванная этим ростом. Всего каких-нибудь 15—20 лет тому

назад прекрасные долинные земли шли здесь **по 10—15 руб.** за десятину: были местности, удаленные от железной дороги, в которых всего три года назад цена 35 руб. за десятину считалась высокой и только за самую лучшую землю с великолепной усадьбой и базаром было однажды заплачено 60 руб. за десятину. Теперь же за худшую землю дают **50—60 руб.,** а за лучшие земли цена поднялась до 80 и даже до 100 руб. за десятину. Спекуляции, вызванные этим ростом цен на землю, — двух родов: во-первых, это — скупка земли для немедленной же перепродажи (есть случаи, что земля покупалась по 40 руб. и через год перепродавалась местным **крестьянам по 55 руб.**); продают обыкновенно те помещики, которым или неохота, или уже некогда возиться с проволочками и формальностями продажи земли крестьянам через Крестьянский банк, покупают же купцы-капиталисты **и перепродают тем же местным мужикам.** Во-вторых, разного рода многочисленные посредники занимаются всучиванием крестьянам из дальних губерний (преимущественно малороссийских) всякого рода неудобной земли, за что получают от владельцев имений недурные **проценты (от 1 до 2 руб.** за десятину). Из сказанного уже видно, что главный объект земельной спекуляции — **крестьянин,** и на его жажде земли основывается вся эта невообразимая и необъяснимая простыми экономическими причинами скачка цен на землю; конечно, сыграли роль и железные дороги, но не такую, так как главным покупателем земли у нас остается крестьянство, для которого железная дорога — фактор далеко не первостепенный».

Эти цепкие «хозяйственные мужички», так жадно вкладывающие свои «сбережения» (и награбления) в покупку земли, неминуемо доканают и тех из малоимущих крестьян, которые еще уцелели от теперешней голодовки.

Если для буржуазного общества средством против разорения и голодания неимущих крестьян служит покупка земли зажиточными крестьянами, то средством против кризиса, переполнения рынка продуктами промышленности, служат поиски новых рынков. Пресмыкающаяся печать («Новое время», № 9188) восторгается успехами новой торговли с Персией, оживленно обсуждаются коммерческие виды на Среднюю Азию и особенно на Манчжурию. Железоделательные и прочие промышленные тузы радостно потирают руки, слыша об оживлении железнодорожного строительства. Решено строить большие линии: Петербург — Вятка, Бологое — Седлец, Оренбург — Ташкент, гарантированы правительством железнодорожные займы на 37 миллионов (обществ Московско-Казанской, Лодзинской и Юго-Восточных дорог), предположены линии: Москва — Кыштым, Камышин — Астрахань и Черноморская. Голодающие крестьяне и безработные рабочие могут утешаться: казенные денежки (если казна добудет еще денег) не будут, разумеется, «непроизводительно» (ср. сипягинский циркуляр) расходоваться на пособия, нет, они польются в карманы инженеров и подрядчиков — вроде тех виртуозов казнокрадства, которые годы и годы крали и крали в Нижнем при постройке сормовской дамбы и которые только теперь осуждены (в виде исключения) сессией московской судебной палаты в Нижнем-Новгороде.

(Ленин. — Внутреннее обозрение» 1901 г., т. IV, изд. 3)

Размеры «помощи» голодающим

Слова «голод» Витте[1] совсем избегает, уверяя в своем докладе, что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется **20** м. р., тогда как недобор хлеба оценивается в **250** м. р. (считая по очень низкой цене, по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скаредность русского правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры»), что правительство урезывает ссуды **впятеро.** Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим. Щедр он также и на милионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года — сообщает Витте — на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло **80 млн. руб.**, да **«сверх того** весьма значительные суммы были издержаны **за счет обыкновенного бюджета».** Всего, значит, вероятно, до **сотни миллионов рублей,** если не свыше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Манчжурия зато наверное будет наша...

(Ленин. — «По поводу государственной росписи» 1901 г., т. IV, изд. 3)

БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ[2]

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр (от 17 августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение объемом больше обыкновенного печатного листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее орудие для агитации против царского правительства и, принося свою почтительнейшую благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным гг. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «реченнями», от которых больно становится за родную русскую речь, — когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя, точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники, уже по одному своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке.

Три главных пункта особенно обращают на себя внимание в новой правительственной программе: во-первых, усиление единоличной власти чиновников, попечение о том, чтобы дух казенщины и служебной дисциплины был укреплен и охранен от всякого дуновения свежего воздуха; во-вторых, определение норм пособия голодающим, т. е. указание, поскольку и как надо рассчитывать количество хлеба на «нуждающуюся» семью; в-третьих, выражение отчаянного ужаса по поводу того, что помогать голодающим бросаются «неблагонадежные» люди, способные возбуждать народ против правительства, и принятие заранее мер против этой «агитации». Остановимся поподробнее на каждом из этих пунктов.

Прошел всего год с тех пор, как правительство отняло у земств заведывание продовольственным делом и передало его в руки земских начальников и уездных съездов (закон 12 июня 1900 г.). И вот, раньше еще, чем этот закон успел войти в действие, — его уже отменяют простым циркуляром. Достаточно было нескольких сообщений губернаторов, чтобы разувериться в пригодности закона. Это как нельзя лучше показывает, какое значение имеют те законы, которые пекутся как блины в петербургских департаментах без серьезного обсуждения людьми действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьезного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохи-министра, желающего отличиться и поскорее выказать свою благонамеренность. Земство неблагонамеренно — отнять у него продовольственное дело! Но не успели еще отнять, — оказывается, что земские начальники, даже составленные из одних чиновников уездные съезды, как-будто все еще слишком много рассуждают: из земских начальников попадались, вероятно, люди, которые имели глупость называть голод голодом, имели наивность думать, что надо бороться с голодом, а не с теми, кто хочет действительно помочь голодающим; в уездных съездах некоторые чиновники, не состоящие в ведомстве министерства внутренних дел, обнаруживали, вероятно, такое же непонимание истинных задач «внутренней политики». И вот, по простому циркуляру министра — создается новое «уездное центральное»... да, да, это не опечатка: «уездное центральное по продовольственной части управление», все назначение которого в том, чтобы не пропускать неблагонамеренных людей, неблагонамеренных мыслей, неблагоразумных поступков по продовольственному делу. Напр., министр находит неблагоразумным и запрещает «преждевременно» (т. е. не перед самой раздачей хлеба) составлять списки нуждающихся: это вызывает в населении «преувеличенные надежды»! «Уездное центральное по продовольственной части управление» сосредоточивается в руках **одного лица,** а министерство рекомендует при этом **уездного предводителя дворянства.** И в самом деле: он настолько

[1] См. примечание 15-е.
[2] Заголовок Ленина.

тесно связан с губернатором, он так много исполняет полицейских обязанностей, что наверное сумеет понять настоящий дух продовольственной политики. И притом он — местный крупный землевладелец, почтенный доверием всех помещиков. Такой человек уже наверное поймет лучше всех глубокую мысль министра о «деморализующем» действии пособий, которые даются людям, «могущим обойтись» и без них. Что касается полномочий губернатора, то министр напоминает о них с самого начала и много раз повторяет, что губернатор за все ответственен, что губернатору все должны повиноваться, что губернатор должен уметь принимать «особые» меры и т. д. Если и до сих пор губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «вверенной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении. Необыкновенное усиление строгостей — по поводу помощи голодающим! Это совсем по-русски!

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: гг. уездным предводителям дворянства или другим лицам, заведующим «уездным центральным по продовольственной части управлением», будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей, — добавляет циркуляр на своем «особом» наречии, — ваше превосходительство имеете войти ко мне с надлежащим представлением». Затем на «расходы по делопроизводству» уездных советов—по 1000 р. единовременно, на канцелярские средства губернских присутствий по 1000 — 1500 руб. Канцелярии всего больше будут работать, вся работа и будет состоять в канцелярщине — как же тут не позаботиться о канцелярских средствах? Прежде всего на канцелярии, а что останется, то голодающим.

Г. Сипягин проявляет удивительную настойчивость и изобретательность в изыскании мер **сокращения** пособия голодающим. Прежде всего он требует, чтобы губернаторы обсудили, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю» (окончательно решать этот вопрос будет само министерство: даже губернаторам нельзя доверить, смогут ли они избежать «преувеличений»!). И вот преподаются указания, когда **не следует** признавать уезда неблагополучным: 1) когда не более трети волостей пострадало; 2) когда недостаток хлеба обычен и хлеб прикупается из года в год путем заработка; 3) когда недостает местных средств для выдачи пособий. Мы видим уже здесь маленький образчик чиновничьего решения продовольственных вопросов: одну мерку на всех! Как велико население в одной трети волостей, как сильно они пострадали, не упали ли обычные «заработки» в год сильнейшего промышленного кризиса, — это все праздные вопросы после решительных «предписаний» министерства! Но это только цветики, а ягодки дальше будут. Вся суть в том, кого считать нуждающимся и по скольку выдавать пособия. Г. Сипягин рекомендует следующий «приблизительный расчет», который «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным» (мы больше всего боимся преувеличений; боимся преувеличенных надежд, боимся преувеличенных ссуд! И голод и безработица — все это одни «преувеличения»: таков ясный смысл всех министерских рассуждений). Во-первых, по пробному умолоту определяется **«средний** сбор с десятины в каждом селении» и затем величина всего посева у каждого

хозяина. Почему бы не определить также величины урожаев у хозяев разного достатка? У крестьянской бедноты урожай ниже, и определение «среднего» сбора именно нуждающимся-то и невыгодно. Во-вторых, считается не нуждающимся, у кого приходится не менее 48 пуд. хлеба в год на семью (считая по 12 пуд. на трех взрослых и по 6 пуд. на двух детей). Это расчет самого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48 а по 80 пуд. в год на семью в 6—5 чел., как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пуд. хлеба на семью в 5 чел. Значит, царское правительство **на половину** понижает количество хлеба, необходимое в действительности на продовольствие. В третьих, «это количество» т. е. (48 пуд. на семью) — гласит циркуляр — «уменьшается наполовину, в виду того, что рабочий элемент составляет около 50% населения». Правительство неуклонно настаивает на своем правиле, что рабочее население не должно получить ссуду, ибо оно-де может заработать. Но ведь уже раз министр предписал не считать неблагополучными те уезды, где есть обычные заработки. Зачем же **второй раз** исключать из пособия рабочее население? Ведь всем известно, что в настоящий год не только нет особых заработков, но и обычные-то заработки все упали по случаю кризиса. Ведь само правительство повысылало из городов в деревни десятки тысяч безработных рабочих! Ведь опыт прежних голодовок доказал, что исключение рабочего населения ведет только к разделу недостаточной ссуды между детьми и взрослыми! Нет, поговорка «с одного вола двух шкур не дерут» была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое в два приема исключает из числа нуждающихся всех способных к работе! В четвертых, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточного пособия **уменьшается** еще на $\frac{1}{3}$—$\frac{1}{6}$—$\frac{1}{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо материальный достаток»!! Это уже третья шкура с одного и того же вола! Какой еще «достаток» или «запас» могут быть у крестьянина, собравшего не более 48 пуд. хлеба на семью? Всякие остальные заработки сочтены уже дважды, а кроме того ведь одним хлебом не может просуществовать даже русский крестьянин при всем нищенстве, до которого его довела политика правительства, гнет капитала и помещиков. Необходим расход и на топливо, и на ремонт дома, и на одежду, и на пищу, кроме хлеба. В обыкновенный год даже беднейшие крестьяне, как это известно из научных описаний крестьянского хозяйства, расходуют **более половины** своего дохода на другие нужды, кроме хлеба. Если принять во внимание все это, то окажется, что министр определяет нужду в помощи **в четыре или в пять раз меньше** действительной надобности. Это не борьба с голодом, а борьба с теми, кто хочет действительно помочь голодающим.

И циркуляр заканчивается прямым походом против частных благотворителей. Нередко обнаруживалось — гремит г. Сипягин — что иные благотворители стараются возбудить в населении «недовольство существующими порядками и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству», ведут «противоправительственную агитацию» и проч. Это — обвинения, в сущности, прямо **лживые.** Известно, что в 1891 г. были рассылаемы прокламации «крестьянских доброхотов», прокламации, справедливо указывающие народу на его

настоящего врага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацию революционеры. Масса благотворителей — это несомненный факт — были **только** благотворителями, и если г. Синягин ссылается на то, что из них многие — «лица с небезупречным политическим прошлым», то ведь кто у нас теперь с «безупречным прошлым»? Даже «высокопоставленные лица» отдавали очень часто в юности дань общедемократическому движению! Мы, конечно, не хотим сказать, чтобы агитация против правительства на почве голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборот, агитация необходима всегда и во время голода в особенности. Мы хотим сказать только, что г. Синягин **выдумывает небылицы,** стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Синягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает — и подозревает совершенно справедливо — что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезывают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. Теперь новый циркуляр требует прямо «подчинить контролю властей» все пожертвования и приглашения к пожертвованиям, всякие устройства столовых; требует, чтобы все приезжающие «представлялись» губернатору, выбирали себе помощников не иначе, как с его разрешения, давали ему же отчет в своей деятельности!! Кто хочет помогать, подчиняйся полицейским чинам и полицейской системе всяческих урезок помощи и бессовестных сокращений пособий! Кто не хочет подчиняться этой гнусности, — тот не смеет помогать: в этом вся суть политики правительства. Г. Синягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему», а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик (напр., «Моск. вед.»). Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, **даже** самая далекая от политики, филантропическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведет к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и пр. и пр. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики свое идущкино стремление — отнять кусок у голодающего, урезать впятеро размер пособий, запретить всем, кроме полицейских чинов, подступаться к умирающим от голода! И мы повторяем еще раз призыв, сделанный уже «Искрой»: открыть обличительную кампанию против продовольственной кампании полицейского правительства, разоблачать в бесцензурной свободной печати все безобразия местных сатрапов, всю корыстную тактику урезывания пособий, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшение голода и позорную борьбу против тех, кто хочет помогать голодающим! Мы советуем всем, у кого есть хоть капля искреннего сочувствия к народному бедствию, позаботиться о распространении в народе знакомства с истинным смыслом и значением министерского циркуляра. Ведь только бесконечной темнотой народа и можно объяснить себе, что **подобные** циркуляры не вызывают тотчас всеобщего возмущения. И пусть сознательные рабочие, которые всего ближе стоят и к крестьянству и к неразвитым городским массам, возьмут на себя почин в деле разоблачения правительства!

(Ленин. — т. IV, изд. 3, 1901 г.).

ГОЛОД И ЧЕРНАЯ ДУМА[1]

...Даже по правительственным подсчетам, точность и «скромность» которых доказали предшествующие голодовки, бедствием неурожая охвачены 20 губерний; 20 миллионов душ населения «имеют право на оказание продовольственной помощи», т. е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство.

Коковцов не был бы министром финансов и главою контр-революционного правительства, если бы не «ободрял»: неурожая видите ли нет, а есть только «недород»; голод «не ведет к болезням», наоборот, «иногда помогает» от них, рассказы о бедствии голодающих — сплошная газетная выдумка — об этом красноречиво свидетельствуют губернаторы; наоборот, «экономические условия застигнутых недородом местностей вовсе не так плохи»; «идея даровой кормежки населения вредна»; наконец, меры, принятые правительством, «достаточны и своевременны».

Глава конституционного правительства забыл еще упомянуть о своем гениальном изобретении в борьбе с голодом: о предоставлении сыщикам полномочий организовывать «помощь голодающим».

Теперь «общественная помощь» даже со стороны легальных либеральных обществ устранена, и саратовский сыщик, в качестве монопольного радетеля о голодающих, мог невозбранно пропивать в кабаках вверенные ему для голодающих ссуды.

Разумеется, правые крепостники в восторге от «обстоятельной и, так сказать, всеобъемлющей речи г. председателя Совета министров» (депутат Вишневский, заседание 9 ноября); разумеется, холопствующие октябристы поспешили засвидетельствовать в своей думской формуле перехода, что «правительство своевременно озаботилось принятием мер борьбы с последствиями неурожая»; а один из их лидеров (не простых смертных!) глубокомысленно рассуждал о «свободной циркуляции рыбных консервов для того, чтобы обеспечить населению целесообразную пищу».

Голодный тиф, цынга, питание падалью, отбиваемой у собак, или мякинно-навозным хлебом, который показывали в заседаниях Государственной думы — все это не существует для октябристов. Для них слово министра — закон.

А кадеты? Даже в таком вопросе они вместо честной оценки гнусного поведения правительства не нашли ничего лучшего, как устами своего оратора Кутлера «делать успокоительные выводы из обширной речи председателя Совета министров» (заседание 9 ноября); а в своей

[1] Заголовок Ленина.

формуле перехода нежно называли деятельность правительства лишь «мало (!) планомерной, недостаточной и далеко не всегда (!) своевременной»...

Вопрос о способах продовольственной помощи и об организации ее, как правильно заметил в своей речи с.-д. депутат, товарищ Белоусов, лишь одна сторона дела. Не менее важен основной вопрос, возникающий каждый раз, когда заходит речь о голоде, — вопрос о **причинах** голодовок и мерах борьбы с неурожаем.

Для правых крепостников решение — «очень просто»: нужно заставить работать мужиков-«лодырей» еще больше и тогда — «ён достанет». Курский зубр Марков 2-й находит «ужасным», что «из 365 дней мужик работает 55—70 дней, а 300 дней ничего не делает» и лежа на печи «требует казенного пайка».

Полукрепостники из националистов и октябристов смотрят «глубже»: по обязанности славословить начальство они пробуют еще убеждать, что «радикально вопрос о голоде будет решен тогда, когда земля уйдет из рук слабых и пьяных в руки сильных и трезвых», «когда осуществится реформа, намеченная покойным П. А. Столыпиным, когда ставка на сильных будет выиграна» (речь Келеповского в заседании Думы 9 ноября).

Но более дальновидные из недавних защитников указа 9 ноября уже начинают чувствовать, что над этой «великой реформой» веет дыханием смерти. Саратовский депутат Н. Львов, стоявший и «стоящий за закон 9 ноября», делится с Думой следующими впечатлениями, вынесенными «от соприкосновения с действительностью»: «Как-то страшно далеко все то, что вы здесь говорите в Гос. думе, от той непосредственной ближайшей нужды, которую вы видите своими глазами». «Нужна большая осторожность и нужно щадить то население, которым некоторые хотят пренебречь. Благодаря закону 9 ноября в некоторых губерниях, и в том числе в Саратовской, появилось много новых людей, цена на землю поднялась и положение беднейшего населения стало крайне тяжким... В крестьянском населении растет страшная ненависть и проклятие бедноты, против которых следовало бы принять какие-нибудь меры... Ведь ставка на сильных вовсе не означает, что надо беднейших доканать и оставить их погибать в нищенстве» и т. д., и т. д.

Словом, впечатления, «вынесенные от соприкосновения с действительностью», начинают протирать глаза этому помещику, «стоявшему за закон 9 ноября».

Несравненно более глубокое сомнение в спасительности столыпинской «земельной реформы» голод нынешнего года посеял в душах правых крестьян; и предложение правого крестьянина Андрейчука, «чтобы правительство в скором времени внесло в Гос. думу законопроект об установлении предельной нормы количества земли крупного землевладения», — это предложение, поддержанное всеми правыми крестьянами и даже сельскими священниками, лучше всего показывает, как крестьяне, хотя бы и правые, понимают «борьбу с голодом».

«Нутряное» мужицкое требование Андрейчука еще и еще раз (вспомним заявление правых и левых крестьян о наделении малоземельных путем принудительного отчуждения помещичьих земель, вспомним выступления крестьян в прениях об указе 9 ноября и т. д.) свидетельствует о том, насколько необходимость земельной революции проникает

в сознание даже правых крестьян, насколько борьба с голодом мыслится и у них **неразрывно с борьбою «за землю».**

Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель — **без революции.**

И в этом смысле неурожай нынешнего года является новым напоминанием о смерти для всего нынешнего строя, для всей третьеиюньской монархии.

Ленин — т. XV, изд. 3. 1912 г.).

Большевики о задачах партии в борьбе с голодом при царизме

1) Голодовка 20 миллионов крестьян в России показывает еще раз невыносимое, немыслимое ни в одном цивилизованном государстве мира, задавленное положение масс крестьянской бедноты, угнетаемой царизмом и классом крепостников-помещиков.

2) Настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков, царящих, в лице правых партий, и в Думе 3-го июня, и в Государственном совете, и в придворных сферах Николя II.

3) Черносотенные партии (с гг. Марковыми и т. п. во главе) своими заявлениями в Думе и возложением ответственности на «лодырей крестьян» довели бесстыдство грабящей Россию царскопомещичьей шайки до такой степени, что самым темным открываются глаза и самые равнодушные приходят в волнение.

4) Правительственные помехи делу помощи голодающим, полицейские придирки к земствам, к собирающим сборы и организующим столовые комитетам и т. п. вызывают самое широкое недовольство даже в среде земств и городской буржуазии .

5) Либерально-монархическая буржуазия, помогая своей печатью осведомлять общество о голоде и о поведении правительства, с другой стороны, в лице к.-д. фракции в III Думе выступила в качестве такой умеренной оппозиции, что ее поведение ни в каком случае не может удовлетворить демократию, равно как нельзя примириться и с филантропической постановкой вопроса о помощи голодающим у большинства либералов.

6) Среди рабочего класса, совершенно независимо от того ухудшения его экономического положения, которое вытекает из увеличения числа голодных и безработных, наблюдается стихийное стремление к сборам в пользу голодающих и иной помощи. Это стремление, естественное у всякого демократа, не говоря уже о социалистах, должно быть поддержано и направлено в духе классовой борьбы всеми социал-демократами.

Принимая все это во внимание —

Конференция постановляет, что необходимо:

а) напрячь все социал-демократические силы для расширения пропаганды и агитации среди широких масс населения и особенно кре-

ства, разъясняя связь голода с царизмом и всей его политикой, распространяя в деревне в целях агитации думские речи не только с.-д. и трудовиков, но и таких друзей царя, как Маркова 2-го, и распространять политические требования социал-демократии: свержение царской монархии, учреждение демократической республики, конфискация помещичьей земли;

б) поддерживать стремление рабочих помогать, поскольку возможно, голодающим, советуя направлять пожертвования исключительно в думскую с.-д. фракцию, в рабочую прессу или в рабочие культурно-просветительные и др. общества и т. д. и составляя особые ячейки социал-демократов и демократов при вступлении в группы, комитеты и комиссии помощи голодающим;

в) стараться направить демократическое возбуждение по поводу голода в сторону демонстраций, митингов, массовок и других форм борьбы масс против царизма.

(Резолюция Пражской конференции РСДРП. Ленин — т. XV, изд. 3, 1912 г.).

Лицемерие буржуазного регулирования потребления во время войны

Война заставила все воюющие и многие нейтральные государства перейти к регулированию потребления. Хлебная карточка появилась на свет божий, стала привычным явлением, потянула за собой и другие карточки. Россия не осталась в стороне и тоже ввела хлебные карточки.

Но именно на этом примере мы можем всего, пожалуй, нагляднее сравнить реакционно-бюрократические методы борьбы с катастрофой, старающиеся ограничиться минимумом преобразований, с революционно-демократическими, которые, чтобы заслуживать свое название, должны ставить своей прямой задачей насильственный разрыв с отжившим старым и возможно большее ускорение движения вперед.

Хлебная карточка, этот типичный[1] образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. Вводится максимум потребления далеко не всех, а только главных «народных» продуктов. И это все. О большем не заботятся. Бюрократически подсчитывают наличные запасы хлеба, делят их по душам, устанавливают норму, вводят ее и ограничиваются этим. Предметов роскоши не трогают, ибо их «все равно» мало,[2] и они «все равно» так дороги, что «народу» недоступны. Поэтому во **всех,** без всякого исключения, воюющих странах, **даже** в Германии, которую, кажется, не вызывая споров, можно счесть образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления, **даже** в Германии мы видим постоянный **обход** богатыми каких бы то ни было «норм» потребления. Это тоже «все» знают, об этом тоже «все» говорят с усмешечкой, и в германской социалистической, а иногда даже буржуазной, прессе, несмотря на свирепости казарменно строгой немецкой цензуры, постоянно встречаются заметки и сообщения о «меню» богачей, о получении белого хлеба в любом количестве богатыми в таком-то курорте (под видом больных его посещают все... у кого много денег), о замене богачами простонародных продуктов изысканными и редкими предметами роскоши.

Реакционное капиталистическое государство, которое **боится** подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, **боится** развить самодеятельность рабочих и вообще трудящихся, **боится** «разжечь» их требовательность; **такому** государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду **реакционной** цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь **не посягая** на действительное регулирование потребления в смысле **контроля за богатыми,** в смысле возложения на них, лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, **больших тягот в военное время.**

Реакционно-бюрократическое решение задачи, поставленной народом войной, ограничивается хлебной карточкой, распределением поровну абсолютно-необходимых для питания «народных» продуктов, ни на йоту не отступая от бюрократизма и реакционности, именно от цели: самодеятельности бедных, пролетариата, массы народа («демоса»), **не** поднимать контроля **с их стороны** за богатыми, **не** допускать лазеек для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставлять **побольше.** И во **всех** странах, повторяем, даже в Германии, — о России нечего и говорить,—лазеек оставлено масса, голодает «простой народ», а богатые ездят в курорты, пополняют скудную казенную норму всячески «додатками» со стороны и **не** позволяют **себя** контролировать.

В России, только-что проделавшей революцию против царизма во имя свободы и равенства, в России, сразу ставшей демократической республикой по ее фактическим политическим учреждениям, особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, что легкость обхода «хлебных карточек» богатыми **все** видят. Легкость эта особенно велика, «Под полой» и за особенно высокую цену, особенно **«при связях»** (которые есть только у богатых) достают всего и помногу. Голодает народ. Регулирование потребления ограничивается самыми узкими бюрократически-реакционными рамками. Со стороны правительства нет и тени помышления[1], ни тени заботы о том, чтобы поставить это регулирование на началах действительно революционно-демократических.

От хвостов страдают «все», но... по богатые посылают прислугу стоять в хвостах и нанимают даже для этого особую прислугу! Вот вам и «демократизм»!

Революционно-демократическая политика во время неслыханных бедствий, переживаемых страной, для борьбы с надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлебными карточками, а добавила бы к ним, во-первых, принудительное объединение всего населения в по-

[1] В печатном тексте: «главный». *Ред.* 3-его издания собр. соч. В. И. Ленина.

[2] В печатном тексте слова: ибо их «все равно» мало — опущены. *Ред.* 3-его издания соб. соч. В. И. Ленина.

[1] В печатном тексте слова «и тени помышления» опущены». *Ред.* 3-его издания собр. соч. В. И. Ленина.

требительные общества, ибо без такого объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя; во-вторых, трудовую повинность для богатых, с тем, чтобы они обслуживали бесплатно эти потребительные общества секретарским и другим трудом; в третьих, раздел поровну между населением действительно всех продуктов потребления, чтобы тягости войны распределялись действительно равномерно; в четвертых, организацию контроля такую, чтобы потребление именно богатых контролировали бедные классы населения.

Создание действительного демократизма в этой области, проявление действительной революционности в организации контроля как-раз наиболее нуждающимися классами народа было бы величайшим толчком к напряжению каждой наличной интеллигентной силы, к развитию действительно революционной энергии всего народа. А то теперь министры республиканской и революционно-демократической России совершенно так же, как их собратья во всех остальных империалистических странах, говорят пышные слова об «общем труде на пользу народа», о «напряжении всех сил», но именно народ видит, чувствует и осязает лицемерность этих слов.

Получается топтанье на месте и неудержимый рост развала, приближение катастрофы, ибо по-корниловски, по-гинденбурговски, по общему империалистическому образцу ввести военной каторги для рабочих наше правительство не может: слишком еще живы в народе традиции, воспоминания, следы, навыки, учреждения **революции;** а сделать действительно серьезные шаги по пути революционно-демократическому наше правительство не хочет, ибо оно насквозь пропитано и сверху донизу опутано отношениями зависимости от буржуазии, «коалиции» с ней, боязнью затронуть ее фактические привилегии.

(Ленин — «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» — сент. 1917 г., т. XXI, изд. 3)

Голод масс служит теперь во всех империалистических странах лучшим полем для развития самой бешеной спекуляции, для наживы неслыханных богатств на нужде и голоде.

Империалистические страны это поощряют, как, напр., в Германии, где лучше всего организован голод. И недаром говорят, что там центр организованного голода, лучше всего пайки и корки хлеба распределены между населением. Мы видим, там новые элементы миллионеров становятся бытовым явлением империалистического государства, иначе они не могут бороться с голодом. Они дают наживу вдвое, втрое, вчетверо тому, у кого хлеба много и кто умеет спекулировать и превращать организацию, нормировку, регулировку, распределение в спекуляцию. Итти по этому пути мы не желаем, кто бы нас на этот путь ни толкал сознательно или бессознательно. Мы скажем: мы стояли и будет стоять рука об руку с тем классом, с которым мы выступали против войны, вместе с которым свергали буржуазию и вместе с ним переживаем все тяжести настоящего кризиса. Мы должны стоять за хлебную монополию до конца, но не так, чтобы узаконять капиталистическую спекуляцию в крупных или мелких размерах, а чтобы бороться с сознательным мародерством.

И здесь мы видим большие трудности, более тяжелые опасности борьбы, чем когда перед нами стояли вооруженный до зубов против-

рода царизм или вооруженная до зубов русская буржуазия, которая не считала преступлением проливать кровь тысяч и сотен тысяч русских рабочих и крестьян в июньском наступлении прошлого года, с тайными договорами в кармане, с участием в дележе добычи, и которая считает преступлением войну трудящихся против угнетателей, единственную справедливую, священную войну, о которой мы говорили в самом начале империалистической бойни и которую теперь неизбежно все события на каждом шагу связывают с голодом.

Мы знаем, как в самом начале царское самодержавие установило твердые цены и эти цены на хлеб повысило. Еще бы! Оно оставалось верным своим союзникам — хлебным торговцам, спекулянтам, банковским воротилам, которые наживали на этом миллионы.

Мы знаем, как соглашатели из кадетской партии, вместе с эсерами и меньшевиками, и Керенский вводили хлебную монополию, так как вся Европа говорила, что без монополизации удержаться дольше нельзя, и как тот же Керенский в августе 1917 г. обходил тогдашний демократический закон. На то и существуют демократические законы и ловко толкуемые режимы, чтобы их обходить. И мы знам, как тот же Керенский в августе эти цены удвоил, и тогда социалисты всех цветов против этой меры протестовали и возмущались этим фактом. Тогда не было ни одного органа печати, который не возмущался бы этим поведением Керенского и который не разоблачал бы, что тут за спиной министров-республиканцев, кабинета меньшевиков и эсеров, были проделки спекулянтов, что им уступили, повысив хлебные цены вдвое, что ничего больше, кроме как уступки спекулянтам, тут не было. Мы знаем эту историю.

(Ленин. — Речь на объединенном заседании ВЦИК и Моск. совета от 4 июня 1918 г. «Доклад о борьбе с голодом», т. XXIII, изд. 3)

Бессилие временного правительства, капиталистов и соглашателей в борьбе с голодом

В стране, извивавшейся в тисках трехлетней войны, как лавина, нарастал небывалый **экономический и финансовый кризис.** Жестокий молот войны дробил и стирал в порошок уцелевшие остатки накопленного народного труда. Страна с каждым днем становилась все более похожей на паралитика. Разрушение производительных сил, варварское расхищение их приводило к краху. Война, точно огромный вампир, высасывала все соки, отнимала все силы. Нет топлива, нет сырья, нет хлеба. Призрак голода стал гулять по городам, по квартирам бедноты. Бездонная пропасть гибели разверзлась перед страной.

Капитал сознательно толкает народ в эту пропасть.

Манифест 6-го съезда партии — авг. 1917 г.)

России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно

саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо. Об этом говорилось уже во всех газетах бесчисленное количество раз. Неимоверное количество резолюций принято и партиями и советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы «героические усилия» народа для предотвращения гибели и так далее.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается.

Прошло полгода революции. Катастрофа надвинулась еще ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при недостаточном количестве хлеба и сырья, — и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица! Какое еще нужно доказательство того, что за полгода революции (которую иные называют великой, но которую, пока-что, справедливее было бы, пожалуй, назвать гнилой)[1] при демократической республике, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именующих себя «революционно-демократическими», на деле ровнехонько ничего серьезного против катастрофы, против голода **не** сделано? Мы приближаемся к краху все быстрее и быстрее, ибо война не ждет, и создаваемое ею расстройство всех сторон народной жизни все усиливается.

А между тем, достаточно самого небольшого внимания и размышления, чтобы убедиться в том, что способы борьбы с катастрофой и голодом имеются, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам и что меры эти **не** принимаются **только** потому, **исключительно** потому, что осуществление их затронет неслыханные прибыли горстки помещиков и капиталистов.

В самом деле. Можно ручаться, что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как-раз **не делают** из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь, прямо или косвенно, чуть ли не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают.

[1] В печатном тексте фраза, заключенная в скобки, опущена. *Ред.* 3-го издания собр. соч. В. И. Ленина.

И ровно ничего для сколько-нибудь серьезного контроля, учета, надзора со стороны государства не делается.

(Ленин — «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» — сент. 1917 г., т. XXI, изд. 3)

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ГОЛОД

При изучении кризиса бросаются в глаза прежде всего следующие факты:

1) Нынешний экономический кризис есть кризис **перепроизводства**. Это значит, что произведено товаров больше, чем может поглотить рынок. Это значит, что произведено мануфактуры, топлива, фабрично-заводских изделий, предметов питания больше, чем могут купить на наличные деньги основные потребители, т. е. народные массы, доходы которых остаются на низком уровне. А так как покупательная способность народных масс в условиях капитализма остается на минимально-низком уровне, то «излишек» товаров, мануфактуры, хлеба и т. д. капиталисты оставляют на складах или даже уничтожают, чтобы удержать высокие цены, производство сокращают, рабочих рассчитывают, и народные массы вынуждены бедствовать из-за того, что произведено слишком много товара.

2) Нынешний кризис является первым после войны **мировым** экономическим кризисом. Он является мировым кризисом не только в том смысле, что охватывает все или почти все **промышленные** страны мира, причем даже Франция, систематически вырискивающая в свой организм миллиарды марок репарационных платежей Германии, не смогла избегнуть известной депрессии, которая должна, по всем данным, перейти в кризис. Он является мировым кризисом еще в том смысле, что кризис **промышленный** совпал по времени с кризисом **сельскохозяйственным**, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия в основных **аграрных** странах мира... Кризис перепроизводства в сельском хозяйстве дошел до того, что ради сохранения высоких цен и прибылей буржуазии в Бразилии выброшено в море 2 млн. мешков кофе, в Америке стали топить вместо угля кукурузой, в Германии миллионы пудов ржи превращены в корм для свиней, а по части хлопка и пшеницы принимаются все меры к тому, чтобы сократить посевные площади процентов на 10—15.

Такова общая картина развертывающегося мирового экономического кризиса.

(Сталин — «Политотчет 16-му съезду ВКП(б)». Основы ленинизма — 9 изд.)

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОГРАММА БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

...«Хлеба в Питере на два — три дня. Можем ли мы дать хлеб повстанцам?..»

Одно из тысячи скептических замечаний (скептики **всегда** могут «сомневаться», и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их), из таких замечаний, которое валит с больной головы на здоровую.

Именно Родзянки и К°, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом. Нет и быть **не может** иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет **нельзя.** Это доказала именно история простоев, ни создать строгий учет **нельзя.** Это доказала именно история простоев, ни создать строгий учет **нельзя.** Это доказала именно история простоев

в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства или в скрывании запасов хлеба и продуктов или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

(Ленин — «К населению», 18 ноября 1917 г., т. XXII, изд. 3)

Пора сговориться всем сознательным, всем передовым рабочим. Пора им встряхнуться и понять, что каждая минута промедления грозит гибелью страны и гибелью революции.

Полумерами не поможешь. Жалобы ни к чему не приведут. Попытки добыть хлеба или топлива «в розницу», себе, т. е. «своему» заводу, «своему» предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело.

И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги.

У нас было сорок тысяч на Путиловском, — говорил мне делегат питерских рабочих, — но из них большинство было «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди. Теперь осталось пятнадцать тысяч, но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе.

Вот такой-то авангард революции — и в Питере и во всей стране — должен кликнуть клич, должен **подняться массой**, должен понять, что в его руках спасенье страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре пятого, в феврале и октябре 1917 года, что надо организовать великий **«крестовый поход»** против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий **«крестовый поход»** против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Только массовый подъём передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов,—настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекать от себя и расстреливать всякого, кто «соблазнился» бы — бывает — соблазном спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести **похода** во все концы страны для водворения порядка, для укрепления местных органов советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь порывом-восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского. Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний. Но силу рабочих партий и рабочего класса составляло всегда то, что он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в «его» и в «чужом», эксплоататорском, лагере. Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим **со стороны** рабочих и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма. Это — уже не «общереволюционная», а именно **коммунистическая** задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

На этот бой стоит отдать все силы: велики его трудности, но велико и то дело уничтожения гнета и эксплоатации, за которое мы боремся.

Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно, — каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба, каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником.

В такое время — а для истинно-коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо **овладеть ею практически,** надо добиться **на деле** правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо **очистить всю страну** от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый «крестовый» поход передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удесятерения ее энергии, для помощи местным органам советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, нерадивости. Эта задача не нова. Новых задач, собственно говоря, история не выдвигает, — она только увеличивает размер и размах старых задач по мере того, как увеличивается размах революции, растут ее трудности, растет величие ее всемирно-исторической задачи.

Одно из величайших, неискоренимых дел Октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочий, **как руководитель** бедноты, **как вождь** деревенской трудящейся массы, **как строитель государства труда,** пошел в «народ». Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдали и другие пролетарские центры. Отряды борцов с Калединым и Дутовым, продовольственные отряды — не новость. Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывают сделать **вдесятеро** больше прежнего.

Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала.

Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелкособственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего.

Начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплоататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить — **и, наверное, неминуемо победит, в конце-концов** — старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут двигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих.

Так, именно так стоит дело теперь в России. В одиночку и в разброд не победить голода и безработицы. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше **железных отрядов** сознательного бесконечно-преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны нести и победоносную оборонительную войну против империалистических хищников.

(Ленин — «О голоде», 22 мая 1918 г., т. XXIII, изд. 3)

Ленин о мерах борьбы с голодом

Все эти сведения [1] показывают чудовищную бездеятельность питерских рабочих. Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею?! Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет. Необходимо созвать пленарное собрание Совета и постановить произвести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях. Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать репрессивно — расстреливать на месте.

Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ

Собрать полное собрание Петроградского совета и провести революционные меры борьбы с спекулянтами и спасения от голода:

[1] См. примечание 16-е.

1) Привлечь всю массу солдат и рабочих к образованию нескольких тысяч отрядов (по 10—15 человек, а может быть и больше), которые обязаны уделять ежедневно известное число часов (напр. 3—4 часа) на службу по продовольственному делу.

2) Полки и заводы, которые не будут аккуратно поставлять требуемое число отрядов, лишаются хлебных карточек и подвергаются революционным мерам воздействия и карам.

3) Отряды должны произвести немедленно обыск, во-первых, вокзалов, с осмотром и учетом вагонов с хлебом; во-вторых, путей и узловых станций около Питера; в третьих, всех складов и частных квартир.

Инструкция для осмотра, учета и реквизиций вырабатывается президиумом Петроградского совета с участием делегатов от Районных советов или же Особой комиссией.

4) Пойманных с поличным и вполне изобличенных спекулянтов отряды расстреливают на месте. Той же каре подвергаются члены отрядов, изобличенные в недобросовестности.

5) Из общей суммы революционных отрядов для крайних мер спасения от голода выделяются наиболее надежные и наилучше вооруженные отряды для отправки на все станции и во все уезды главнейших, доставляющих хлеб, губерний. Этим отрядам, при участии железнодорожников, взятых по уполномочию местных железнодорожных комитетов, поручается, во-первых, контроль за продвижением хлебных грузов; во-вторых, контроль за сбором и ссыпкой хлеба; в третьих, принятие самых крайних революционных мер против спекулянтов и для реквизиции хлебных запасов.

6) Революционные отряды, при всяком составлении протокола реквизиции, ареста или расстрела, привлекают понятых в количестве не менее 6 человек, обязательно выбираемых из находящегося в ближайшем соседстве беднейшего населения.

(Ленин — «Выступление по вопросу о мерах борьбы с голодом». На совещании президиума Петр. совета с представителями продовольственных организаций 27 (14) января 1918 г., т. XXII, изд. 3)

Потребительные коммуны

Война, вызванная борьбой между капиталистами из-за дележа их грабительской добычи, привела к неслыханной разрухе. Преступная спекуляция и погоня за наживой, особенно в среде богатых классов, обострили еще более эту разруху, довели до мучений голода и безработицы сотни тысяч и миллионы людей. Необходимость чрезвычайных мер для помощи голодным и для беспощадной борьбы с спекулянтами побуждает рабочее и крестьянское правительство установить, как закон Российской республики, следующие правила:

Все граждане государства должны принадлежать к местному потребительному обществу (сельскому, волостному, поселковому или объединяющему известную часть города, часть улицы и т. п.).

Группировка семей в потребительные общества свободна с тем только ограничением, что не менее ⅔ числа семей каждого общества должно принадлежать небогатым классам (т. е. рабочим, крестьянам, не нанимающим вовсе наемных рабочих, и т. п.).

Каждое потребительное общество ведает, кроме закупки и распределения продуктов, делом сбыта местных продуктов. Правления потребительных обществ образуют **комитеты снабжения**, и без письменных удостоверений от соответствующего комитета снабжения никакая перевозка продуктов не разрешается.

Существующие потребительные общества национализируются, обязуясь включить в свой состав все население данной местности поголовно.

Частные лица могут покупать продукты и не в местном, а в центральных складах, но не иначе, как с записью в книги местного потребительного общества.

Перевозка и купля-продажа продуктов без удостоверений от комитетов снабжения карается конфискацией всего имущества виновного, тюремным заключением на срок не менее полугода и отдачей на принудительные работы.

Удостоверения на перевозку и на куплю-продажу продуктов должны составляться в 2 экземплярах за подписью не менее как трех членов правления соответственного комитета снабжения и с обязательством хранить 1 экземпляр в делах правления.

В каждом удостоверении должно быть указано: из какого потребительного общества продукт отправлен и в какое он должен быть доставлен.

Телеграфные конторы передают телеграммы комитетов снабжения вне очереди.

Все комитеты снабжения действуют под контролем и по указаниям местных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Через свое потребительное общество каждый волен приобретать любые продукты, без всяких ограничений, за исключением ограничительных правил, которые могут быть установлены для привоза продуктов из-за границы.

Продукты, которые производятся для сбыта, обязательно сдаются в местный комитет снабжения по вольным ценам, за исключением тех случаев, когда устанавливаются законом твердые цены. Деньги, следующие в уплату за продукты, записываются на текущий счет собственника в местном (сельском, волостном, городском, фабричном и пр.) отделении Народного банка.

Каждый совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обязан составить группу контролеров, ревизоров и инструкторов для содействия населению в устройстве потребительных обществ (комитетов снабжения) и для проверки их отчетности, а равно всего ведения дел ими.

Инструкция комитетам снабжения о ведении ими отчетности и переписки будет издана особо.

(Ленин. — «Проект декрета о потребительных коммунах» 1918 г., т. XXII, изд. 3)

БОРЬБА ЗА ХЛЕБ НА ЮГЕ РОССИИ

Разговор В. И. Ленина с И. В. Сталиным [1] по прямому проводу

24 марта 1918 г.

Царицын. Сталину.

Говорит Ленин.

Не можете ли передать в Баку только-что полученную телеграмму по радио из Ташкента:

X [2]

Затем о продовольствии должен сказать, что сегодня вовсе не выдают ни в Питере ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, ибо кроме как от вас добыть неоткуда. В Ярославле восстание белых подавлено. Симбирск взят белыми или чехами. Жду ответа.

Ответ Сталина.

Позавчера ночью в Туркестан послано все, что можно было послать. Радио передали в Баку. Запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги не дает возможности отправить их на север.

До восстановления пути доставка хлеба немыслима. В Самарскую и Саратовскую губернии послана экспедиция, но в ближайшие дни не удастся помочь вам хлебом. Дней через десять надеемся восстановить линию. Продержитесь как-нибудь: выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать вам в избытке. Через неделю будет лучше.

Сталин.

(XVIII Ленинский сборник)

Положение продовольствия после перерыва связей с Северным Кавказом стало безнадежно. Свыше семисот вагонов стоит на Северном Кавказе на колесах, свыше полутора миллиона заготовлено, а вывезти весь этот груз не представляется никакой возможности в виду перерыва сношений, как по железной дороге, так и морем (Кизляр, Брянская не в наших руках).

В Царицынском, Котельниковском, Гашунском районах хлеба не мало, но его надо убрать, между тем, как Чекпрод не приспособлен и до сих пор не может приспособиться к этой новой форме заготовки. Необходимо убрать урожай, спрессовать и свезти к одному месту, но прессов у Чекпрода не оказалось; необходимо организовать в большом масштабе уборку хлеба, но организаторы Чекпрода оказались никудышными. В результате дело заготовки хромает на обе ноги.

Взятие Калача дало нам несколько десятков тысяч пудов хлеба. Я отправил в Калач 12 грузовиков и, как только удастся свезти к железнодорожной линии, направлю в Москву. Уборка хлеба плохо ли, хорошо ли все же идет; надеюсь в ближайшие дни добыть несколько десятков

[1] См. примечание 17-е.

[2] Названная телеграмма, повидимому, приложенная к записи разговора, не сохранилась. *Ред.* XVIII Ленинского сборника.

тысяч и также отправить Вам. Скота здесь больше, чем нужно, но сена крайне мало и, так как без сена нельзя отправлять, то отправка в большом масштабе становится невозможной. Было бы хорошо организовать по крайней мере одну консервную фабрику, поставить бойни и пр., но, к сожалению, знающих, инициативных людей пока не могу найти. Я предписал котельниковскому уполномоченному организовать соление мяса в больших размерах, дело уже начато, кое-какие результаты есть и, если дело разрастется, то на зиму мяса будет достаточно (в одном Котельниковском районе скопилось 40 000 голов крупного скота). В Астрахани скота не меньше, чем в Котельникове, но местный Продкомиссариат ничего не делает, представители Заготоселя спят непробудным сном и можно с уверенностью сказать, что мяса они не заготовят. Я послал туда уполномоченного Залмаева для заготовки мяса и рыбы, но сведений от него пока не получал.

Гораздо больше надежды в смысле продовольствия на Саратовскую и Самарскую губернии, где хлеба много и откуда экспедиция Якубова, я полагаю, сумеет выкачать полмиллиона или даже больше пудов хлеба.

В общем нужно сказать, что до восстановления связи с Северным Кавказом рассчитывать (особенно) на Царицынский участок (в продовольственном отношении) не придется.

Ваш Сталин

(«Из письма Сталина Ленину о продовольственном положении на юге» — 4 авг. 1918 г. XVIII Ленинский сборник).

Значение учета и контроля в борьбе с голодом

«Голода не будет в России, если мы подсчитаем хлеб, проверим наличность всех продуктов, и за нарушения установленного порядка будет следовать самая жестокая кара».

(*Ленин* — Из закл. слова по докладу «Об очередных задачах советской власти» в засед. ВЦИК 9 апр. 1918 г., т. XXII изд. 3)

Товарищи! У меня был на-днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «Кто не работает, тот да не ест».

«Кто не работает, тот да не ест» — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы.

Но в том-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь. Когда сотни тысяч и миллионы людей мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами, — в стране, которая зовет себя Социалистической советской республикой, — тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздумать всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест» — как провести это в жизнь? Ясно, как ясный божий день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т. е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых, для этого необходим строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В третьих, для этого необходимо правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому, распределение хлеба между всеми гражданами государства, под контролем рабочего, пролетарского государства.

Достаточно хоть капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма, которые отрицают необходимость государственной власти (и беспощадно суровой к буржуазии, беспощадно твердой по отношению к дезорганизаторам власти) для перехода от капитализма к коммунизму, для избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплоатации. Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, конкретно, практически — и в этом ее неистребимая заслуга — к задачам осуществления социализма, именно теперь, и как-раз на вопросе о главном, на вопросе о хлебе, яснее ясного видна необходимость железной революционной власти, диктатуры пролетариата, организации сбора продуктов, подвоза и распределения их в массовом, общенациональном масштабе, с учетом потребностей десятков и сотен миллионов людей с расчетом условий и результатов производства на год и на много лет вперед (ибо бывают неурожайные годы, бывают необходимы для увеличения сбора хлебов мелиорации, требующие многолетних работ, и т. д.).

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную до-нельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империа-

листами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, т. е. топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август.

Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, но на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия. Деревенский богатей, кулак, мироед, грабивший всю округу десятки лет, предпочитает наживаться на спекуляции, на самогонке: это, ведь, так выгодно для его кармана, а вину за голод он сваливает на советскую власть. Точно так же поступают политические защитники кулака, кадеты, правые эсеры, меньшевики, открыто и тайно «работающие» против хлебной монополии и против советской власти. Партия бесхарактерных, т. е. левые эсеры, бесхарактерна и здесь: она поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и т. п.

Эта партия бесхарактерных отражает в политике нечто подобное тому, что бывает в жизни, когда кулак науськивает бедноту против советов, подкупает ее, дает, напр., какому-нибудь бедному крестьянину пудик хлеба не за шесть, а за три рубля, с тем, чтобы этот развращенный бедняк сам «попользовался» спекуляцией, сам «поживился» спекулятивной продажей этого пудика за 150 рублей, сам превратился в крикуна против советов, запрещающих частную торговлю хлеба.

Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба:

Либо сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворяя правильное распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе; либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности.

Кто вдумывается в политическую жизнь, тот не может не видеть, что кадеты с правыми эсерами и с меньшевиками сговариваются между собой о том: русско-немецкий или русско-японский Корнилов «приятнее», коронованный или республиканский Корнилов лучше и вернее раздавит революцию.

(Ленин — «О голоде»—письмо к питерским рабочим. 22 мая 1918 г., т. XXIII, изд. 3)

Телеграмма о продовольственном положении Петрограда

9 мая [1]918 г.

Секретариат

Всем Губсовдепам и Губпродкомам Наркому П[утей] С[ообщения]

Петроград [в] небывало катастрофическом положении. Хлеба нет. Выдаются населению остатки картофельной муки, сухарей. Красная столица на краю гибели от голода. Контр-революция поднимает голову, направляя недовольство голодных масс против советской власти. Наши классовые враги, империалисты всех стран, стремятся сдавить кольцом голодной смерти социалистическую республику. Только напряжением всех сил советских организаций, только принятием всех мер по немедленной погрузке, по экстренному продвижению продовольственных грузов можно спасти, облегчить положение. Именем Советской Социалистической Республики требую немедленной помощи Петрограду. О всех принятых мерах телеграф[ируй]те Компрод. Непринятие мер — преступление против Советской Социалистической Республики, против мировой социальной революции. [97/т.]

Председатель Совнаркома Ленин.
В. Ульянов (Ленин).

(XVIII Ленинский сборник)

Соотношение классов в продовольственной борьбе

Наши профсоюзы оказали гигантскую помощь в строительстве пролетарского государства. Они были звеном, которое связывало партию с миллионной темной массой. Не будем играть в прятки: профсоюзы выносили на своих плечах всю задачу борьбы с нашими бедами, когда приходилось помогать государству в работе по продовольствию. Разве это не была величайшая задача? Недавно вышел «Бюллетень Центрального статистического управления». Там подведены итоги статистиками, которых заподозрить в большевизме никак нельзя. Там есть две интересные цифры: в 1918 и 1919 гг. рабочие потребляющих губерний получали 7 пудов, а крестьяне производящих губерний потребляли 17 пудов в год. До войны они же потребляли 16 пудов в год. Вот две цифры, показывающие соотношение классов в продовольственной борьбе. Пролетариат продолжал приносить жертвы. Кричат о насилии! Но он оправдал и узаконил это насилие и доказал правильность этого насилия тем, что он принес наибольшие жертвы. Большинство населения, крестьяне производящих губерний нашей голодной разоренной России в первый раз ели лучше, чем за сотни лет царской, капиталистической России. И мы скажем, что массы будут голодать до тех пор, пока не победит Красная армия. Нужно было, чтобы авангард рабочего класса принес эту жертву. У него есть школа в этой борьбе; выходя из этой школы, мы должны итти дальше. Теперь надо сделать этот шаг во что бы то ни стало. Как у всяких профсоюзов, у старых профсоюзов есть своя исто-

рия и прошлое. В этом прошлом они были органами отпора против того, кто угнетал труд, против капитализма. А когда класс стал государственным и когда ему приходится теперь приносить большие жертвы и гибнуть и голодать, положение переменилось.

(Ленин — «Доклад ЦК 9-му съезду РКП 29 марта 1920 г., т. XXV, изд. 3)

Тракторы в борьбе с голодом

За исключением Западной Сибири, где есть громадная площадь первоклассной земли, недоступная для нас потому, что она находится далеко от путей сообщения, в одной Европейской России и по реке Уралу, — нашим Комиссариатом земледелия было дано соответственное задание и определено количество земель, которое мы не сможем обработать, не меньше, чем в 3 миллиона десятин по реке Уралу, оставленных казаками в результате победоносного окончания гражданской войны, — имеются превосходные земли, которые надо поднять, но которые при недостатке скота, при ослаблении производительных сил мы обработать не сможем.

В совхозах Донской области до 800 000 десятин, которые обработать мы не можем, и для обработки которых нужно громадное количество скота, либо целые тракторные отряды, которые пустить мы не можем, а некоторые капиталистические страны, в том числе нуждающиеся до зарезу в продовольствии — Австрия, Германия, Богемия, — могли бы пустить их в ход и получить превосходную пшеницу в летнюю кампанию. Насколько это нам удастся реализовать, мы не знаем. У нас сейчас работает два тракторных завода, в Москве и Петрограде, но при трудных условиях они не могут дать в большом количестве тракторов. Мы могли бы облегчить положение покупкой увеличенного количества тракторов. Тракторы — важнейшее средство для радикальной ломки старого земледелия и для расширения запашек. Этими концессиями мы можем показать целому ряду стран, что мы можем развить мировое хозяйство в гигантских размерах.

Если бы наша пропаганда и наше предложение не увенчались успехом; если бы наше предложение оказалось непринятым, в нем остается не только политическая, но и социалистическая польза. То, что происходит в капиталистическом мире, есть не только расхищение богатства, а безумие и преступление, ибо в одних странах наблюдается избыток продовольствия, которое не может быть продано из-за валютных революций, потому что деньги обесценены в целом ряде стран, потерпевших поражение. Гниют громадные количества продовольствия, а в то же время десятки миллионов населения в таких странах, как Германия, прямо гибнут. Эти нелепости, это преступление капитализма становится очевидным для всех капиталистических стран и для маленьких стран, окружающих Россию. Выступает Советская республика и говорит: «У нас есть сотни тысяч превосходных земель, которые можно поднять тракторами, а у вас есть тракторы, у вас есть бензин и у вас есть обученные техники; и вот мы предлагаем всем народам, в том числе и народам капиталистических стран, сделать краеугольным камнем восстановление народного хозяйства и спасение всех народов от голода». Если капиталисты не понимают этого, это есть — аргумент гнилости,

безумия и преступности капиталистического порядка. Это будет иметь не только пропагандистское значение; это будет коммунистический призыв к революции, ибо показывает с несомненностью, которая внедряется в сознание всех народов все более, что капитализм разваливается, что он не может удовлетворить потребностям. Ничтожное меньшинство империалистических стран наживается, а целый ряд других стран прямо находится на краю гибели. Мировое хозяйство требует реорганизации. И Советская республика с этим планом реорганизации, с этим совершенно деловым, бесспорным, осуществимым предложением выступает: «Вы умираете от голода при капитализме, несмотря на чудовищные богатства техники, — мы имеем возможность, соединяя вашу технику с нашим сырьем, разрешить кризис, но помехой являются капиталисты. Мы предлагаем им это сделать, а они тормозят, срывают».

(Ленин — Докл. СНК на фракции VIII Всеросс. съезда советов. «О концессиях». 22 дек. 1920 г., т. XXVI, изд. 3)

Роль ВЛКСМ в борьбе за улучшение питания

Для примера возьмите работу на подгородных огородах. Разве это не дело Союза коммунистической молодежи? Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по-старому. И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за него, и вы тогда увидите, что огороды увеличиваются, площадь их расширяется, результаты улучшаются. В этом деле союз коммунистической молодежи должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка союза должна считать это дело своим делом.

(Ленин — «Речь на съезде рабочих кожевенного производства». 1920 г., т. XXV, изд. 3)

Социалистическая индустриализация — верный путь борьбы с голодом и разрухой

Чтобы поставить выполнение нашей основной задачи более или менее правильно, руководители всех государственных органов, в частности совнархозов, должны возбудить для этого деятельность в десятках миллионов рабочих и крестьян. Для этого будет дан широкий план перестройки России. Для этого у нас достаточно средств, материалов, технических возможностей, сырья, достаточно всего, чтобы начать эту работу по перестройке со всех концов, привлекая всех рабочих и крестьян. Мы разовьем упорную борьбу, товарищи, борьбу, которая потребует тяжелых жертв в этот период на фронте труда, но которую мы неизбежно должны провести, так как у нас голод, холод, разруха транспорта, сыпняк. Со всеми этими бедствиями мы должны бороться и со всех сторон начать строить наше государство на почве крупных машинных способов промышленности, чтобы сделать нашу страну культурной и путем правильной социалистической борьбы выбраться из того болота,

в котором потонули в настоящее время другие страны мирового капитализма и империализма.

(Ленин — «Из речи на 3-м Всеросс. съезде СНХ 29 янв. 1920 г., т. XXV, изд. 3).

Послевоенное продовольственное положение рабочих в СССР и капиталистических странах

Я хотел остановиться на самом главном, на том, что, может быть, покажет нам причины нашего ужасного кризиса. Мы должны будем поставить перед собой задачу, к разрешению которой мы выберем путь. Путь этот есть, мы его нашли, но у нас нет еще силы итти по этому пути с той настойчивостью, с той систематичностью, которые требуются создавшимися тяжелыми условиями, оставшимися в наследство после войны. У нас большая нищета во всем, но все же мы разорены не больше, чем разорены рабочие Вены. Рабочие Вены умирают, голодают, дети их также умирают, голодают, но у них нет самого главного, что есть у нас: у них нет надежды. Они умирают, подавляемые капитализмом, они находятся в таком положении, что несут жертвы, но не так, как мы. Мы несем жертвы ради войны, которую мы объявили всему капиталистическому миру. Вот отличие положения в котором находятся рабочие Петрограда и Москвы, от положения рабочих Вены. Теперь, весной, продовольственные наши страдания обострились опять, хотя немного ранее мы и наблюдали улучшение продовольственного положения. Здесь вышло так, что мы не рассчитали. Когда был составлен план разверстки, то успех показал нам возможность улучшения.

(Ленин — Из речи на заседании пленума Моск. совета 26 февр. 1921 г., т. XXVI, изд. 3)

БОРЬБА С ГОЛОДОМ В 1921 году

Помощь иностранных рабочих

Товарищ Хилман!

От всей души благодарю вас за помощь. Благодаря вам удалось достигнуть быстро соглашения насчет организации дела помощи Советской России со стороны американских рабочих. Особенно важно при этом, что дело организации этой помощи поставлено теперь также по отношению к тем рабочим, которые **не** являются коммунистами. Во всем мире и особенно в наиболее передовых капиталистических странах миллионы рабочих не разделяют в настоящее время взглядов коммунистов, но тем не менее готовы помочь Советской России, помочь и накормить голодающих, хотя бы часть их, помочь и делу восстановления народного хозяйства Росс. Соц. Фед. Сов. Республики. Такие рабочие с полным убеждением повторяют слова — и, что еще важнее, не только повторяют слова, но и проводят на деле в жизнь — слова руководителей Амстердамского профессионального интернационала (безусловно враждебного коммунизму), именно что всякая победа международной буржуазии над Советской Россией означала бы величайшую победу всемирной реакции над рабочим классом вообще.

Советская Россия напрягает все силы, чтобы преодолеть голод, разорение и разруху. Финансовая помощь рабочих всего мира бесконечно важна для нас в этом отношении, наряду с помощью моральной и с помощью политической. Америка, естественно, стоит во главе государств, рабочие которых могут нам помочь, помогают уже теперь и будут помогать — я глубоко уверен в этом — еще в гораздо больших размерах.

Преданные делу, энергичные передовые рабочие Америки пойдут во главе всех рабочих из ряда промышленных стран, несущих Советской России свои технические знания, свою решимость пойти на лишения ради помощи рабоче-крестьянской республике для восстановления ее хозяйства. Из мирных средств борьбы против ига международного финансового капитала, против международной реакции нет другого средства, которое бы так быстро и так верно обещало победу, как помощь восстановлению народного хозяйства Советской России.

С лучшим приветом по адресу всех рабочих, несущих ту или иную помощь Советской России.

(Ленин — «Письмо Сиднею Хилману» 13 окт. 1921 г., т. XXVII, изд. 3)

ПРОБЛЕМА ПИТАНИЯ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Успехи нашей продовольственной политики

Продовольственная политика Советской России в 1917—1921 гг. несомненно была очень груба, несовершенна, порождала много злоупотреблений. Был ряд ошибок при ее осуществлении. Но она была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом. И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране. Бесспорный факт, что она постепенно совершенствовалась. В первый год нашей полной власти (1. VIII 1918. — 1. VIII. 1919) государство собрало 110 миллионов пудов хлеба; во 2-й — 220; в 3-й — более 285.

Теперь, имея уже практический опыт, мы ставим себе задачей собрать и рассчитываем собрать 400 миллионов пудов (размер продналога = 240 миллионов пудов). Лишь будучи фактически владельцем достаточного продовольственного фонда, рабочее государство в состоянии прочно стоять в экономическом отношении на собственных ногах, обеспечить хотя бы медленное, но неуклонное восстановление крупной промышленности, создать правильную финансовую систему.

(Ленин — «Речь на III конгрессе Коминтерна». (Тезисы доклада о тактике). 1921 г., т. XXVI, изд. 3)

Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать.

Рассчитать на худшее. Опыт уже есть, хоть малый, но практический.

Продовольствие? Фрумкин говорит: идеал — 150 миллионов пудов налог + 50 миллионов пудов обменом + 40 миллионов пудов с Украины = 240 миллионов пудов.

Надо взять расчет на **200** миллионов пудов **всего** в год.

Как быть с этой ничтожной, голодной цифрой? 200 : 12 = 16⅔.

(α) Взять минимум для армии, т. е. на минимум армии рассчитать пайки.

(β) В план внести хозяйственную работу армии скромно, архискромно.

1 субботник 60% армии (участники).

1 из 3 суббот 50% участников (50% армии) и т. п.

(γ) Для служащих — сокращение свирепое.

(δ) Рабочие.

Тотчас список лучших **предприятий** (непременно **предприятий**) по отраслям промышленности.

Закрыть от ½ до ⅘ теперешних.

Остальные пустить в две смены. Только те, коим хватит **топлива и хлеба,** даже при минимуме добычи хлеба (200 миллионов пудов) и топлива (?) **на весь год.**

Сделать это **вчерне,** в порядке первого приближения, немедленно, не больше, как через месяц.

Топливо есть.

НКПС есть.

Продовольствие не углублять, не уточнять; **принять 200 миллионов пудов.**

Промышленность **по отраслям и по губерниям** (отнюдь не откладывая до «целого») провести архибыстро,

и, главное,

засадить 70% членов Госплана за работу по **14 часов в сутки** (пусть наука потерпит; пайки дали хорошие, надо заставить работать).

На выполнение каждым индивидуальных заданий по **«общему наблюдению»** (так, кажись, называется это в положении о Госплане?) — за **отдельными** предприятиями.

Допустим, 700 крупных заведений, предприятий, депо (желдор), совхозов и т. п. и т. д. нам надо (и можно на худой из худых концов: 200 миллионов пудов хлеба в год) поставить и провести без перерыва с 1. X. 1921 по 1. X. 1922.

700 : 35 членов Госплана = **20.**

Пусть будет 30 (не все члены Госплана текущую работу поведут беспрерывно).

Потрудитесь **за 30-ю** следить **неослабно.** Вы отвечаете за это.

А сверх того, за 30—70 неважными дополнительно, мимоходом, слегка, не следить, а иногда, изредка **осведомляться.**

Следить неослабно, это значит **отвечать** головой за рациональное употребление топлива и хлеба, за максимум заготовки того и другого, максимум подвоза, экономию топлива (и в промышленности и железных дорог и т. д.), экономию продовольствия (кормить **только** хороших работников), повышение производительности труда **и т. п.**

Все остальное — в аренду или кому угодно отдать, или закрыть или «бросить», забыть **до прочного улучшения,** позволяющего абсолютно рассчитывать не на 200 миллионов пудов хлеба + X миллионов пудов топлива, а на **300** миллионов пудов хлеба + 150% **X** топлива.

Вот мои мысли о Госплане.

Подумайте. Поговорим.

(Ленин — «Мысли насчет «плана» гос. хоз-ва», т. XXVI, изд. 3)

Планирование потребления

Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти еще не чувствуется. Преобладает стремление «поднять» все и вся, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставшиеся по наследству от капитализма.

Госплану следует так поставить работу, чтобы выработать хотя бы ко времени сбора урожая основы общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период — год или два.

За исходный пункт следует взять продовольствие, ибо именно в этом корень всей массы затруднений. Надо попытаться рассчитать общегосударственный, хозяйственный план на три случая: (1) 200; (2) 250 и (3) 300 миллионов пудов хлеба в руках государства на год (1. IX. 1921—1. IX. 1922). Может быть, если трудности провести до конца, все расчеты на три случая окажутся велики, рациональнее будет ограничиться одним подробным расчетом на случай получения 250 миллионов пудов с тем, чтобы излишек (300—250) считать запасом на черный день, а случай полной недохватки хлеба (200 миллионов пудов) разработать лишь приблизительно (столько-то прикупить из-за границы, так-то в общем «сократиться» по части промышленности, транспорта, армии и т. д.).

Допустим, государственный хлебный фонд такой-то; вычет — запас на случай войны, перерывов ж.-д. сношений и т. д.

В связи с этим, рассчитать возможность экономии продовольствия путем закрытия ненужных предприятий, или небезусловно необходимых, и перевода рабочих (куда? осуществим ли перевод? если нет, — поставить задачей минимальное выделение таких рабочих на уменьшенный паек).

Экономия топлива путем выдачи премий за его сбережение и путем усиления надзора за его расходом. Примерный расчет такой экономии — если есть к тому те или иные опорные пункты.

Армия (отдельно флот, относительно коего нужен особый расчет максимального сокращения, почти уничтожения, флота и расходов на него). Расчет — 1,6 милл. к 1. IX. 1921, затем условный расчет на половину этой величины.

Совслужащие. Наличность. Возможное уменьшение на 25%, на 50%. Премия одной четверти (наличного числа, безусловно необходимой) за сокращение всего числа. Этот вопрос о премировании остающейся четверти (или трети, или половины) за проведение сокращения числа едоков (и за уменьшение количества расходуемого топлива хотя бы,

напр., введением трех смен и закрытием двух заведений из трех) должен быть особо рассмотрен, в виду его исключительной важности.

Промышленность, разделенная на несколько групп, возможно меньшее число основных групп. Водосвет. Минимум необходимого для покрытия минимума потребностей: (α) производительного потребления, (β) личного потребления. Расчет на определенное число основных групп (может быть, с раздачей детальной работы по отдельным отраслям промышленности и по отдельным районам и городам в специальные подкомиссии, или специальным уполномоченным на местах, или в губстатбюро и т. п.) — расчет того, в скольких крупных предприятиях можно бы сосредоточить все производство и сколько закрыть. Это, повидимому, — важнейший вопрос, который требует особенно тщательного изучения: во-первых, чисто-статистического (данные 1920 г., а по возможности и 1918 и 1919 гг., иногда в виде исключения подсобное значение будут иметь и данные довоенной статистики); во-вторых, экономического, которое должно решить следующую специальную задачу:

«нельзя ли изыскать для освобожденных городских и промышленных рабочих, которых государству не следовало бы кормить и которых в городе нельзя поставить на иную работу, занятия временно — на год-два — в хлебных местностях, при условии удовлетворения ими нужд окрестного земледельческого населения?»

Затем, после промышленности, с обязательным выделением строительной промышленности, следует транспорт (может быть, его придется поставить впереди промышленности?) и специально электрификация.

И т. д.

Расчет должен быть дан первоначально, хотя бы в грубых чертах, в порядке первого приближения, но непременно в короткий срок — в один, максимум два, месяца. Именно: расчет общей картины всего расходования всей суммы продовольствия и всей суммы топлива за год. И: том этот грубый план будем уточнять, исправлять, изменять; но, хотя бы основной, хотя бы самый грубый, план на год (или, может быть, отдельно на четыре четверти года, или на три трети 1, IX. 1921 г.—1. I. 1922; 1. I. — 1. V; 1. V. — 1. IX. 1922) иметь в указанный кратчайший срок необходимо.

Сравнение обязательно постоянное с 1920 г. Может быть, ряд расчетов можно и должно сделать именно в смысле сравнительно статистического и экономического изучения данных за 1920 г. и «видов» на 1921—1922 гг.

Прошу президиум Госплана, не внося пока моего предложения в пленум Госплана, сообщить мне свое заключение по поводу настоящего письма как большинства, так и отдельных членов президиума.

Председатель СТО **В. Ульянов (Ленин)**

16 мая 1921 г.

P. S. 1) Особое внимание надо обратить на промышленность, дающую предметы, годные для обмена на хлеб, для получения в обмен хлеба внутри страны. Эту промышленность надо во всяком случае выделить особо, чтобы иметь возможность точно ответить на вопрос: при недостатке хлеба вообще нельзя ли, уделив такое-то количество продовольствия и

топлива на такую-то отрасль промышленности или на такие-то заведения, получить такое-то количество продуктов и в обмен на них столько-то хлеба. Этот условный расчет должен быть сделан заранее для применения его в известных случаях после урожая.

2) Надо попытаться выделить и подсчитать: (а) предприятия (с числом рабочих), которые, безусловно, необходимы государству, и (б) предприятия — с числом рабочих в них, — которые держатся по традиции, по рутине, по нежеланию рабочих переменить профессию и местожительство и т. п., и которые следовало бы закрыть, с точки зрения рационального хозяйничания и перевода промышленности в немногие лучшие заведения, работающие в несколько смен. Общие итоги той и другой категории. Расчет понижения пайка для второй категории, чтобы этим создать стимул в ликвидации этих предприятий.

(Ленин — «Письмо Г. М. Кржижановскому в президиум Госплана», март—апр. 1921 г., т. XXVI, изд. 3)

Против уравниловки в распределении продовольствия

«Не трудящийся да не ест».

В каждом крупном потребляющем центре (большой город, средний город, военные учреждения особого поселка и т. п.) мы кормим много лишних людей, примазавшихся чиновников, притаившихся буржуев и спекулянтов и т. д. Надо систематически «ловить» таких «лишних» едоков, нарушающих основной закон: «не трудящийся да не ест». Для этого в каждом подобном месте должен быть назначаем ответственный статистик, обязанный изучать данные переписи 28/VIII—20 г. и данные текущей статистики и каждые два месяца давать отчет о лишних едоках за своей подписью.

(Ленин — Из наказа от СТО местным советским учреждениям от 21 мая 1921 г., т. XXVI, изд. 3)

В нашем распределении продовольствия оказались недостатки, и дальше так оставаться не может. То распределение продовольствия, которое мы основывали на началах уравнительных, создавало уравнительность, иногда вредную для того, чтобы повысить производство. Нужно, чтобы республика на собранные ею хлебные излишки содержала лишь то, что необходимо для производства. Всех предприятий нашей промышленности мы содержать не можем, но нам это и не нужно: это значило бы хозяйничать расточительно. Восстановить крупную промышленность целиком мы не можем; значит, надо из нее выделить то, что лучше оборудовано, что обещает большую производительность, и только это надо содержать...

Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства. Необходимо давать государственное содержание продовольствием

только тем служащим, которые действительно нужны в условиях наибольшей производительности труда, и если распределять продовольственные продукты, как орудие политики, то в сторону уменьшения числа тех, которые не безусловно нужны, и поощрения тех, кто действительно нужен. Если распределение является орудием политики, восстанавливающей нашу промышленность, то необходимо содержать те промышленные предприятия, которые сейчас действительно нужны, и безусловно не содержать те предприятия, которые нам сейчас не нужны, чтобы этим получить экономию топлива, экономию продовольственных продуктов. Мы в этом отношении хозяйничали в течение целого ряда лет с громадными недостатками. Теперь надо их исправить.

(Ленин — Из речи на 3 прод. совещ., т. XXVI, изд. 3)

С сентября говорим мы о переходе от ударности к уравнительности, говорим это в резолюции общепартийной конференции, утвержденной Центральным комитетом. Вопрос трудный. Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности.

Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония. Ударность это есть предпочтение одного производства из всех необходимых производств во имя его наибольшей насущности. В чем же предпочтение? Насколько велико может быть предпочтение? Это трудный вопрос, и я должен сказать, что для решения его одной исполнительности мало, тут мало и человека героического, у которого быть может много прекрасных качеств, но который хорош на своем месте; тут надо уметь подойти к очень своеобразному вопросу. И вот если ставить вопрос об ударности и уравнительности, то надо первым делом вдумчиво к нему отнестись, а этого как-раз и не заметно в работе тов. Троцкого, чем дольше он свои первоначальные тезисы переделывает, тем больше у него неверных положений. Вот что мы читаем в его последних тезисах:

...«В области **потребления**, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области **производства** принцип ударности еще надолго останется для нас решающим»... (тезис 41, стр. 31 в брошюре Троцкого).

Это совершенная путаница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Если меня так будут предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, так благодарю покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы, все-таки, материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса. Только так мы понимали и понимаем, когда сотни раз обсуждали эти вопросы, по конкретным поводам, в Совете обороны, когда один тянет себе сапоги, говорит: «У меня ударность», а другой говорит: «Мне сапоги, иначе не выдержат твои ударные рабочие и твоя ударность пропадет».

И мы получаем, что в отношении уравнительности и ударности в тезисах вопрос в корне ставится неверно. А кроме того, получается отход назад от того, что практически проверено и завоевано.

(Ленин — «О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», 30 дек. 1920 г., т. XXVI, изд. 3)

Задача комсомола — помощь в распределении питания

Задача союза коммунистической молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле, как обеспечение чистоты или распределение пищи. Как это делалось в капиталистическом старом обществе? Каждый хозяин работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая в силу этого находится в состоянии подавленном и порабощенном. Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут заниматься распределением пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом.

(Ленин — Речь на III Всеросс. съезде РКСМ, т. XXV, изд. 3)

Кооперация и снабжение

Слабой стороной рабочей кооперации до сих пор является все еще недостаточный охват рабочего потребителя и слабая реализация его зарплаты, большую часть которой перехватывает частный рынок. Вот почему первейшей задачей рабочей кооперации при полной поддержке профсоюзов является добиться в ближайшее время добровольного кооперирования всех рабочих и через расширение низовой сети кооперативов и улучшение своей торговой практики добиться того, чтобы рабочий большую часть заработной платы отдавал своему кооперативу за доброкачественные и дешевые продукты потребления.

В условиях, когда еще зарплата не достигает таких размеров, чтобы полностью покрыть все потребности рабочего, кооперация может в значительной степени облегчить и улучшить материальное положение рабочих своими льготами (рабочий кредит, удешевление товаров и скидки и т. п.), тем самым борясь с различными формами закабаления и спекуляции по отношению к рабочим со стороны частной торговли. Со стороны кооперативных центров первейшее внимание в смысле организационной и материальной помощи должно быть обращено на основные рабочие районы (Донбасс, Урал, Ленинград, Баку и др.), а также и на транспортную рабочую кооперацию, которая обслуживает работников одной из важнейших отраслей хозяйства.

Особенно важное значение в деле укрепления рабочей кооперации имеет участие в ней профессиональных союзов, которые, с одной стороны, практически — посылкой работников в кооперацию и своими указаниями — должны помочь ей, а с другой — больше, чем кто-либо, свя-

занные с широкими беспартийными массами, могут лучше всего оказать влияние своей организационно-культурной работой в смысле наиболее полной связи всех рабочих с кооперацией.

(Из резол. 13-го съезда ВКП(б).)

РАЗРЕШЕНИЕ ЗЕРНОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

Причины затруднений на хлебном фронте

При первом взгляде может показаться, что наши хлебные затруднения являются случайностью, результатом лишь плохого планирования, результатом лишь ряда ошибок в деле хозяйственного сбалансирования. Но это может показаться лишь при первом взгляде. На самом деле причины затруднений лежат здесь гораздо глубже. Что плохое планирование и ошибки по хозяйственному сбалансированию сыграли здесь значительную роль, — в этом не может быть никакого сомнения. Но объяснять все плохим планированием и случайными ошибками — значит впадать в грубейшую ошибку. Было бы ошибочно преуменьшать роль и значение планирования. Но было бы еще большей ошибкой преувеличивать роль планового начала, думая, что мы уже достигли той степени развития, когда имеется возможность планировать и регулировать все и вся. Не следует забывать, что кроме элементов, поддающихся нашему плановому воздействию, в составе нашего народного хозяйства имеются еще другие элементы, не поддающиеся пока-что планированию, имеются, наконец, враждебные нам классы, которые не могут быть преодолены в порядке простого госплановского планирования. Вот почему я думаю, что нельзя сводить все к простой случайности, к ошибкам планирования и т. д.

Итак, в чем состоит основа наших затруднений на хлебном фронте?

Основа наших хлебных затруднений состоит в том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб. Растет промышленность. Растет количество рабочих. Растут города. Растут, наконец, районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. Все это ведет к быстрому росту потребностей на хлеб, на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом. Нельзя сказать, что заготовленного хлеба, имеющегося в распоряжении государства, было у нас в этом году меньше, чем в прошлом или позапрошлом году. Наоборот, в этом году у нас имелось в руках государства гораздо больше хлеба, чем в прошлые годы. И все же мы стоим перед затруднениями по хлебу. Вот некоторые цифры. В 1925/26 г. мы сумели заготовить к 1 апреля 434 млн. пуд. хлеба. Из них вывезли за границу 123 млн. пуд. Оставалось, следовательно, в стране заготовленного хлеба 311 млн. пуд. В 1926/27 г. мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 596 млн. пуд. Из них вывезли заграницу 153 млн. пуд. Оставалось в стране заготовленного хлеба 443 млн. пуд. В 1927/28 г. мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 576 млн. пуд. Из них вывезли за границу 27 млн. пуд. Осталось в стране заготовленного хлеба 549 млн. пуд. Иначе говоря, мы имели в этом году к 1 апреля заготовленного хлеба для потребностей страны на 100 млн. пуд. больше, чем в прошлом году, и на 230 млн. пуд. больше, чем в позапрошлом году. И все-таки мы имеем в этом году затруднения на хлебном фронте.

Я уже говорил в одном из своих докладов, что эти затруднения были использованы капиталистическими элементами деревни и, прежде всего, кулаками для того, чтобы сорвать советскую хозяйственную политику. Вы знаете, что советская власть предприняла ряд мер, имеющих своей целью ликвидировать антисоветское выступление кулачества. Я не буду поэтому распространяться здесь об этом. Меня интересует в данном случае другой вопрос. Я имею в виду вопрос о причинах медленного роста производства товарного хлеба, вопрос о том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб, несмотря на то, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей и валовой продукции хлеба.

В самом деле, разве это не факт, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей? Да, факт. Разве это не факт, что валовая продукция хлеба уже в прошлом году равнялась довоенной норме производства, т. е. доходили до 5 млрд. пуд. хлеба? Да, факт. Чем объяснить в таком случае, что, несмотря на эти обстоятельства, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу хлеба раз в двадцать меньше, чем в довоенное время? Объясняется это, прежде всего и главным образом, изменением строения нашего сельского хозяйства в результате Октябрьской революции, переходом от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее количество товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество товарного хлеба. Уже одно то, что до войны мы имели 15—16 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств, а теперь мы имеем 24—25 млн. крестьянских хозяйств, — уже одно это говорит о том, что основной базой нашего сельского хозяйства является мелкое крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба. Сила крупного хозяйства в земледелии, является ли оно помещичьим, кулацким или коллективным хозяйством, состоит в том, что оно, это крупное хозяйство, имеет возможность применять машины, использовать данные науки, применять удобрения, подымать производительность труда и давать, таким образом, наибольшее количество товарного хлеба. И, наоборот, слабость мелкого крестьянского хозяйства состоит в том, что оно лишено, или почти лишено, этих возможностей, в виду чего и является оно хозяйством полупотребительским, малотоварным. Взять, например, колхозы и совхозы. Они дают у нас товарного хлеба в 47,2% всего своего валового производства. Иначе говоря, они дают товарного хлеба больше, чем помещичье хозяйство в довоенное время. А мелкие и средние крестьянские хозяйства? Они дают у нас товарного хлеба всего лишь в 11,2% всей суммы своей продукции. Разница, как видите, довольно красноречивая.

Вот вам несколько цифр, вскрывающих картину строения хлебного производства в прошлом, в довоенный период, и в настоящем, в послеоктябрьский период. Цифры эти даны членом коллегии ЦСУ т. Немчиновым. Они, эти цифры, не претендуют на точность, как оговаривается в своей записке т. Немчинов, — они дают возможность сде-

лать лишь приблизительные расчеты. Но эти цифры вполне достаточны для того, чтобы понять разницу между периодом довоенным и периодом послеоктябрьским с точки зрения строения хлебного производства вообще и производства товарного хлеба в особенности.

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		
	Млн. пуд.	%	Млн. пуд.	%	% товарности
До войны:					
1. Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47
2. Кулаки	1900	38,0	750,0	50,0	34
3. Середняки и бедняки	2500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5000	100	1300,6	100	26
В 1926/27 году:					
1. Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2. Кулаки	617,0	13,0	126,0	20,0	20,0
3. Середняки и бедняки	4052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4749,0	100	630,0	100	13,3

О чем говорит эта таблица?

Она говорит, во-первых, о том, что производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Это значит, что мелкие и средние крестьяне, освободившись вовсе от помещичьего гнета и подорвав, в основном, силу кулачества, получили возможность серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Это — результат Октябрьской революции. В этом сказывается, прежде всего, тот решающий выигрыш, который получили основные массы крестьянства от Октябрьской революции.

Она говорит, во-вторых, о том, что основными держателями товарного хлеба являются у нас мелкие и, прежде всего, средние крестьяне. Это значит, что не только с точки зрения валовой продукции хлеба, но и с точки зрения производства товарного хлеба СССР стал, в результате Октябрьской революции, страной мелкокрестьянского хозяйства, а середняк — «центральной фигурой» земледелия.

Она говорит, в третьих, о том, что ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству, представляющему лишь 11% товарности, при отсутствии сколько-нибудь развитого крупного общественного хозяйства в области хлебного производства (колхозы, совхозы) должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем. Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на довоенную норму валовой продукции хлеба.

Вот где основа наших затруднений на хлебном фронте.

Вот почему нельзя считать наши затруднения в области хлебозаготовок простой случайностью.

Нет сомнения, что известную отрицательную роль сыграло здесь также и то обстоятельство, что наши торговые организации взяли на

себя непомерную обязанность снабжения хлебом ряда мелких и средних городов, что не могло не уменьшить, в известной степени, хлебных запасов государства. Но нет никаких оснований сомневаться, что основой наших затруднений на хлебном фронте является не это обстоятельство, а факт медленного развития товарности нашего сельского хозяйства при усиленном росте потребности на товарный хлеб.

(Сталин — «На хлебном фронте». Из беседы со студентами Ин-та красной профессуры, Ком. акад и Свердловского ун-та 28 мая 1928 г. «Вопр. ленинизма». Изд. 3)

В чем существо наших затруднений на хлебном фронте? Где основа этих затруднений? Разве это не факт, что мы имеем теперь посевные площади по зерновым хлебам почти такие же, как в довоенное время (всего на 5% меньше)? Разве это не факт, что мы производим теперь почти столько же хлеба, сколько в довоенное время (около 5 миллиардов, всего на 200—300 миллионов меньше)? Чем объяснить, что несмотря на это обстоятельство мы производим товарного хлеба вдвое меньше, чем в довоенное время? Объясняется это распыленностью, парцельностью нашего сельского хозяйства. Если до войны мы имели около 16 миллионов крестьянских хозяйств, то теперь мы имеем их не менее 24 миллионов, причем дальнейшее дробление крестьянских дворов имеет тенденцию не прекращаться. А что такое мелкое крестьянское хозяйство? Это есть наименее товарное, наименее рентабельное и наиболее натуральное хозяйство, дающее каких-нибудь 12—15% товарности. Между тем, города и промышленность у нас растут во-всю, строительство развивается и спрос на товарный хлеб возрастает с неимоверной быстротой. Вот где основа наших затруднений на хлебном фронте.

Вот что говорит на этот счет Ленин в своей брошюре «О продналоге»:

«Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, сорганизовало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так представляли себе все социалисты всегда. Именно так смотрит и наша коммунистическая партия» (т. XVIII, ч. I, стр. 189).

Вот в чем, оказывается, основа наших затруднений на хлебном фронте.

(Сталин — Из доклада на собрании актива Ленинградск. организации, 13 июля 1928 г. об итогах июльского пленума ЦК. «Вопр. ленинизма». — Изд. 9)

Если выделить из сельского хозяйства в целом основные его отрасли, как, напр., зерновое хозяйство, животноводство и технические культуры, то положение дел рисуется, по данным Госплана и НКЗема СССР, в следующем виде:

а) Если принять **посевные** площади **зерновых** культур 1913 г. за 100, то получим следующую картину движения посевных площадей зерновых по годам: 1926/27 г.—96,9%; 1927/28 г.—94,7%; 1928/29 г.—98,2%; а в текущем 1929/30 г., по всем данным, составят 105,1% от довоенного уровня.

Обращает на себя внимание факт падения посевных площадей зерновых культур за 1927/28 г. Объясняется это падение не деградацией зернового хозяйства, как болтали об этом невежды из лагеря правых оппортунистов, а гибелью озимых посевов в размере 7700 тыс. га (20% озимых посевов по СССР).

Если взять, далее, **валовую** продукцию зерновых 1913 г. за 100, то получим следующую картину: в 1927 г.—91,9%; в 1928 г.—90,8%; в 1929 г.—94,4%; а в 1930 г., по всем данным, получаем до 110% от довоенной нормы.

Здесь также обращает на себя внимание падение валовой продукции зерновых за 1928 г., объяснимое гибелью озимых на Украине и Северном Кавказе.

Что касается **товарной** части валовой продукции зерновых (внедеревенский оборот), то мы имеем еще более поучительную картину. Если принять товарную часть зерновой продукции 1913 г. за 100, то выходит, что в 1927 г. мы имели 37% товарной продукции; в 1928 г.—36,8%; в 1929 г.—58%; а в текущем 1930 г. будем иметь, по всем данным, не менее 73% от довоенного уровня.

Выходит, таким образом, что по части посевных площадей и валовой продукции зерновых мы достигаем довоенной нормы и немного превышаем ее лишь в текущем 1930 г.

Выходит, далее, что по части **товарной** продукции зерновых мы далеко еще не достигли довоенной нормы и будем отставать от нее в этом году процентов на 25.

В этом основа наших хлебных затруднений, особенно обострившихся в 1928 году.

В этом же основа зерновой проблемы.

(Сталин — «Политотчет 16-му съезду ВКП(б), «Вопросы ленинизма» — 3 изд.)

О генеральной линии партии и борьбе на два фронта в разрешении зерновой проблемы

Я говорил до сих пор о первом основном вопросе тезисов,[1] о темпе развития индустрии. Перейдем теперь ко второму основному вопросу, к вопросу о зерновой проблеме. Характерная черта тезисов состоит в том, что они делают упор на проблеме развития сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности. Правильна ли такая установка тезисов? Я думаю, что правильна. Еще на июльском пленуме говорилось, что наиболее узким местом в развитии нашего народного хозяйства является **чрезмерная** отсталость сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности. Когда говорят о том, что у нас сельское хозяйство отстает от промышленности, и жалуются на это обстоятельство, это, конечно, несерьезно. Сельское хозяйство всегда отставало и будет отставать от промышленности. Это особенно верно в наших условиях, где промышленность максимально сконцентрирована, а сельское хозяйство максимально распылено. Понятно, что объединенная промышленность будет развиваться быстрее, чем распыленное сельское хозяйство. Отсюда, между прочим, и вытекает ведущая роль промышленности в отношении сельского хозяйства. Поэтому обычное отставание сельского хозяйства от промышленности не дает еще оснований для постановки проблемы о зерне. Проблема сельского хозяйства и в частности зернового хозяйства появляется на сцену лишь тогда, когда обычное отставание сельского хозяйства от индустрии превращается в **чрезмерную** отсталость темпа его развития. Характерная черта нынешнего состояния народного хозяйства заключается в том, что мы имеем перед собой **чрезмерное** отставание темпа развития зернового хозяйства от темпа развития индустрии, как факт, при колоссальном росте спроса на товарный хлеб со стороны растущих городов и промышленных пунктов. При этом задача состоит не в том, чтобы **снизить** темп развития индустрии до уровня зернового хозяйства (это перепутало бы все карты и повернуло бы развитие вспять), а в том, чтобы подогнать развитие зернового хозяйства к темпу развития индустрии и **поднять** темп развития зернового хозяйства до уровня, обеспечивающего быстрое продвижение вперед всего народного хозяйства, и промышленности и земледелия. Либо мы разрешим эту задачу, и тем самым будет решена зерновая проблема, либо мы ее не разрешим, и тогда неизбежен розрыв между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней. Так стоит у нас вопрос, товарищи. Такова суть зерновой проблемы.

Не значит ли это, что мы имеем теперь дело с «застоем» в развитии зернового хозяйства или даже с его «деградацией»? Тов. Фрумкин так именно и ставит вопрос в своем втором письме, которое роздали мы сегодня по его требованию членам ЦК и ЦКК. Он прямо говорит в этом письме, что мы имеем в сельском хозяйстве «застой». «Мы не можем, — говорит он, — и не должны писать в печати о деградации, но внутри партии мы не должны скрывать, что это отставание равносильно деградации». Правильно ли это утверждение тов. Фрумкина? Конечно, неправильно. Мы, члены Политбюро, совершенно не согласны с таким утверждением, а тезисы Политбюро в корне расходятся с подобным освещением вопроса о состоянии зернового хозяйства.

В самом деле, что такое деградация и в чем она должна выразиться в сельском хозяйстве? Она должна выразиться, очевидно, в движении сельского хозяйства назад, вниз, в движении от новых форм хозяйствования к старым, средневековым его формам. Она должна выразиться в переходе крестьянства, скажем, от трехполья к переложному хозяйству, от плуга и машин к сохе, от очищенных и чистосортных семян к неочищенным и беспородным семенам, от современной культуры земледелия к низшей культуре и т. д. и т. п. Но разве мы наблюдаем теперь подобные факты? Разве не известно всем и каждому, что крестьянство десятками и сотнями тысяч дворов переходит ежегодно от трехполья к четырех- и многополью, от беспородных семян к чистосортным семенам, от сохи к плугу и машинам, от низшей культуры земледелия к высшей его культуре? Какая же это деградация?

Хороша была бы советская власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации на 11-м году своего существования! Да такую власть следовало бы прогнать, а не поддерживать. И рабочие давно бы прогнали такую власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации. О деградации поют нам всякого рода буржуазные спецы, которые спят и видят во сне, что сельское хозяйство деградирует. О дег-

[1] См. примечание 18-е.

радации пел нам одно время Троцкий. Я не ожидал, что тов. Фрумкин встанет на этот сомнительный путь.

На чем основывает тов. Фрумкин свое утверждение о деградации? Прежде всего, на том, что в этом году посевных площадей под зерновыми культурами оказалось у нас меньше, чем в прошлом году. Чем объяснить этот факт? Может быть, политикой советской власти? Конечно, нет. Объясняется это гибелью озимых в степной полосе Украины и отчасти на Северном Кавказе и засухой летом этого года в той же полосе Украины. Если бы не было этих климатических неблагоприятных условий, от которых целиком и полностью зависит сельское хозяйство, мы имели бы в этом году посевных площадей под зерновыми культурами по крайней мере на миллион десятин больше, чем в прошлом году. Он основывает, далее, свое утверждение на том, что мы имеем в этом году валовой продукции зерна лишь не многим больше, чем в прошлом году (на 70 млн. пудов больше), а пшеницы и ржи миллионов на 200 пудов меньше. А чем объясняется все это? Теми же явлениями засухи и гибели озимых от заморозков. Если бы не было этих неблагоприятных климатических условий, мы имели бы валовой продукции хлеба в этом году миллионов на 300 пудов больше, чем в прошлом году. Как можно отвлекаться от таких факторов, как засуха, заморозки и т. д., имеющих решающее значение для урожая в тех или иных районах? Мы ставим теперь задачу расширить посевные площади на 7%, повысить урожайность на 3% и увеличить валовую продукцию зерновых продуктов, кажется, на 10%. Не может быть сомнений в том, что мы примем все меры к выполнению этих задач. Но не исключено, что, несмотря на наши мероприятия, мы опять нарвемся на частичный неурожай, на заморозки или засуху в тех или иных районах, причем возможно, что эти обстоятельства поведут к известному снижению валовой продукции зерновых культур в сравнении с нашими планами или даже в сравнении с валовой продукцией этого года. Будет ли это означать, что сельское хозяйство «деградирует», что в этой «деградации» виновата политика советской власти, что мы «лишили» крестьянина хозяйственного стимула, что мы «отняли» у него хозяйственную перспективу?

Несколько лет тому назад Троцкий впадал в ту же ошибку, утверждая, что «дождичек» не имеет значения для сельского хозяйства. Тов. Рыков ему возражал, при поддержке громадного большинства членов ЦК. Теперь тов. Фрумкин впадает в ту же ошибку, отвлекаясь от условий климата, имеющих решающее значение для сельского хозяйства, и стараясь свалить все на политику нашей партии.

Каковы пути и способы, необходимые для того, чтобы поднять темп развития сельского хозяйства вообще, зернового хозяйства в особенности? Таких путей или каналов имеется три: а) поднятие урожайности и расширение посевных площадей индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств; б) дальнейшее развитие колхозов; в) расширение старых и развитие новых совхозов. Об этом говорилось еще в резолюции июльского пленума. Тезисы повторяют сказанное на июльском пленуме, но ставят вопрос более конкретно, дают ему цифровое выражение в смысле известных вложений на это дело. Тов. Фрумкин и здесь нашел повод придраться. Он думает, что ежели на первом месте ставится индивидуальное хозяйство, а на втором и третьем — колхозы и совхозы, то это

означает не что иное, как победу его точки зрения. Это смешно, товарищи. Понятно, что ежели подойти к делу с точки зрения удельного веса тех или иных форм сельского хозяйства, то на первое место надо поставить индивидуальное хозяйство, ибо оно дает почти в шесть раз больше товарного хлеба, чем колхозы и совхозы. Но если подойти к делу с точки зрения типа хозяйства, с точки зрения того, какая из форм хозяйства является наиболее близкой нам, то на первое место надо поставить колхозы и совхозы, представляющие высший тип сельского хозяйства в сравнении с индивидуальным крестьянским хозяйством. Неужели еще надо доказывать, что обе точки зрения одинаково приемлемы для нас?

(Сталин — Из речи на пленуме ЦК 19 ноября 1928 г. об индустриализации страны и правом уклоне. «Вопросы ленинизма» — 3 изд.)

О хлебных заготовках

О наших хлебных затруднениях наговорили здесь кучу небылиц. Но главные моменты наших хлебных конъюнктурных затруднений упустили из виду. Забыли прежде всего о том, что в этом году мы собрали ржи и пшеницы, — я говорю о валовом сборе урожая, — миллионов на 500—600 пудов меньше, чем в прошлом году. Могло ли это не отразиться на наших хлебозаготовках? Конечно, не могло не отразиться. Может быть в этом виновата политика ЦК? Нет, политика ЦК тут не причем. Объясняется это серьезным неурожаем в степной полосе Украины (заморозки и засуха) и частичным неурожаем на Северном Кавказе, в ЦЧО ,наконец в Северо-западной области. Этим главным образом и объясняется, что в прошлом году на 1 апреля заготовили мы хлеба на Украине (ржи и пшеницы) 200 млн. пудов, а в этом году — всего лишь 26—27 млн. пудов. Этим же надо объяснить падение заготовок пшеницы и ржи по ЦЧО почти в 8 раз и по Северному Кавказу — в 4 раза. Хлебозаготовки на востоке выросли за этот год в некоторых районах почти вдвое. Но они не могли возместить, и не возместили, конечно, той недостачи хлеба, которая имелась у нас на Украине, на Северном Кавказе и в ЦЧО. Не следует забывать, что при нормальных урожаях Украина и Северный Кавказ заготовляют более половины, а иногда и две трети всего заготовляемого хлеба по СССР. Странно, что это обстоятельство упустил из виду т. Рыков.

Наконец второе обстоятельство, представляющее главный момент наших конъюнктурных хлебозаготовительных затруднений. Я имею в виду сопротивление кулацких и зажиточных элементов деревни политике советской власти по хлебозаготовкам. Тов. Рыков обошел это обстоятельство. Но обойти этот момент — значит обойти главное в хлебозаготовительном деле. О чем говорит опыт последних двух лет по хлебозаготовкам? Он говорит о том, что состоятельные слои деревни, имеющие в своих руках значительные хлебные излишки и играющие на хлебном рынке командующую роль, не хотят нам давать добровольно нужное количество хлеба по ценам, определенным советской властью. Нам нужно для обеспечения хлебом городов и промышленных пунктов, Красной армии и районов технических культур около 500 млн. пудов хлеба еже-

годно. В порядке самотека нам удается заготовить около 300—350 млн. пудов. Остальные 150 млн. пудов приходится брать в порядке организованного давления на кулацкие и зажиточные слои деревни. Вот о чем говорит нам опыт хлебозаготовок за последние два года.

Что произошло за эти два года, откуда такие перемены, почему раньше помогал самотек, а теперь оказался он недостаточным? Произошло то, что кулацкие зажиточные элементы выросли за эти годы, ряд урожайных годов не прошел для них даром, они окрепли хозяйственно, накопили капиталец и теперь они могут маневрировать на рынке, удерживая за собой хлебные излишки в ожидании высоких цен и оборачиваясь на других культурах. Хлеб не есть простой товар. Хлеб — не хлопок, который нельзя есть и который нельзя продать всякому. В отличие от хлопка, хлеб в наших нынешних условиях есть такой товар, который берут все и без которого нельзя существовать. Кулак это учитывает и он придерживает его, заражая этим держателей хлеба вообще. Кулак знает, что хлеб есть валюта валют. Кулак знает, что излишки хлеба есть не только средство своего обогащения, но и средство закабаления бедноты. Хлебные излишки в руках кулака при данных условиях есть средство хозяйственного и политического усиления кулацких элементов. Поэтому, беря эти излишки у кулаков, мы не только облегчаем снабжение хлебом городов и Красной армии, но и подрываем средство хозяйственного и политического усиления кулачества.

(Сталин — Из речи на апрельском пленуме ЦК 1929 г. «Вопросы ленинизма», 3 изд.)

Есть люди, которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства. Эти люди не решаются говорить о возврате к помещичьему хозяйству, понимая, видимо, что опасно болтать о таких вещах в наше время. Но они тем охотнее говорят о необходимости всемерного развития кулацкого хозяйства в интересах... советской власти. Эти люди полагают, что советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса, — на класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплоатация рабочего класса, и на класс рабочих, хозяйственным принципом которых является уничтожение всякой эксплоатации. Фокус, достойный реакционеров. Не стоит и доказывать, что эти реакционные «планы» не имеют ничего общего с интересами рабочего класса, с принципами марксизма, с задачами ленинизма. Разговоры о том, что кулак «не хуже» городского капиталиста, что кулак представляет ничуть не бо́льшую опасность, чем городской нэпман, что в виду этого нам нечего «опасаться» теперь кулачества, — такие разговоры являются пустой либеральной болтовней, усыпляющей бдительность рабочего класса и основных масс крестьянства. Не следует забывать, что если в индустрии мы можем противопоставить мелкому капиталисту в городе крупную социалистическую промышленность, дающую $^9/_{10}$ всей массы промышленных товаров, то крупному кулацкому производству в деревне мы можем противопоставить по линии производства лишь неокрепшие еще колхозы и совхозы, производящие в 8 раз меньше хлеба, чем кулацкие хозяйства. Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне, не понимать того, что удельный вес кулачества

в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности, — это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса.

Итак, где же выход из положения?

1) Выход состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба. Выход — в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии.

К организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции. С тех пор пропаганда идей колхозов не прекращалась у нас в партии. Однако, призыв к колхозам нашел массовый отклик лишь в последнее время. Объясняется это, прежде всего, тем, что широкое развитие кооперативной общественности в деревне подготовило перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов, а наличие ряда колхозов, дающих уже теперь 150—200 пудов урожая с десятины и представляющих 30—40% товарности, создало серьезную тягу бедноты и низших слоев середнячества к колхозам. Не малое значение имеет здесь также то обстоятельство, что только в последнее время получило государство возможность серьезно финансировать колхозное движение. Известно, что в этом году государство отпустило на помощь колхозам вдвое больше денег, чем в прошлом году (более 60 млн. рублей). XV съезд партии был совершенно прав, признав, что условия для массового колхозного движения уже созрели, что усиление колхозного движения является одним из серьезнейших средств для поднятия товарности хлебного производства в стране.

Валовая продукция хлеба в колхозах в 1927 г. составляла, по данным ЦСУ не менее 55 млн. пудов с общей средней товарностью в 30%. Широкая волна образования новых колхозов и расширение старых в начале этого года должны дать значительное увеличение производства хлеба в колхозах к концу года. Задача состоит в том, чтобы сохранить нынешний темп развития колхозного движения, укрупнить колхозы, отшлифовать дутые колхозы, заменив их действительными колхозами, и установить такой режим, чтобы колхозы сдавали государственным и кооперативным организациям весь свой товарный хлеб под угрозой лишения субсидий и кредитов со стороны государства. Я думаю, что при соблюдении этих условий мы могли бы добиться того, чтобы года через 3—4 иметь от колхозов миллионов 40—50 пудов товарного хлеба.

Иногда колхозное движение противопоставляют кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы — одно, а кооперация — другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной. На самом деле, колхозы есть вид кооперации, наиболее яркий вид производственной кооперации. Есть кооперация сбытовая, есть снабженческая, есть и производственная. Колхозы представляют неразрывную составную часть кооперативного движения, вообще, ленинского кооперативного плана, в частности. Проводить ленинский кооперативный план — это значит подымать крестьянство от кооперации сбытовой и

снабженческой к кооперации производственной, к кооперации, так сказать, колхозной. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что колхозы стали у нас возникать и развиваться лишь в результате развития и усиления сбытовой и снабженческой кооперации.

2) Выход состоит, во-вторых, в том, чтобы расширить и укрепить старые совхозы, организовать и развить новые крупные совхозы. Валовая продукция хлеба в нынешних совхозах составляла в 1927 г. по данным ЦСУ, не менее 45 млн. пуд. с товарностью в 65%. Несомненно, что при известной поддержке со стороны государства совхозы могли бы значительно поднять производство хлеба. Но задача этим не ограничивается. Имеется решение советской власти, в силу которого организуются в районах, свободных от крестьянских наделов, новые крупные совхозы (от 10 до 30 тысяч десятин каждый), которые должны дать лет через 5—6 миллионов 100 пудов товарного хлеба. К организации этих совхозов уже приступлено. Задача состоит в том, чтобы провести в жизнь это решение советской власти во что бы то ни стало. Я думаю, что при условии выполнения этих задач мы могли бы добиться того, чтобы иметь от старых и новых совхозов года через 3—4 миллионов 80—100 пудов товарного хлеба.

3) Выход состоит, наконец, в том, чтобы систематически подымать урожайность мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств. Мы не можем и не должны поддерживать индивидуальное крупное кулацкое хозяйство. Но мы можем и должны поддерживать индивидуальное мелкое и среднее хозяйство, подымая его урожайность и вовлекая его в русло кооперативной организованности. Задача эта старая, провозглашенная у нас с особой силой еще в 1921 г. при замене продразверстки продналогом. Эта задача подтверждена нашей партией на XIV и XV съездах. Важность этой задачи подчеркивается теперь затруднениями на хлебном фронте. Поэтому она, эта задача, должна выполняться с такой же настойчивостью, с какой будут выполняться первые две задачи: задача о колхозах и задача о совхозах.

Все данные говорят, что урожайность крестьянского хозяйства можно было бы поднять в продолжение нескольких лет процентов на 15—20. Сейчас имеется у нас в употреблении не менее 5 миллионов сох. Одна только замена их плугами могла бы дать серьезнейший прирост производства хлеба в стране. Я уже не говорю о снабжении крестьянских хозяйств известным минимумом удобрений, очищенными семенами, машинами мелкого типа и т. д. Метод контрактации, метод заключения договоров с целыми деревнями и селами на предмет снабжения их семенами и т. д. при обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов, — этот метод является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию. Я думаю, что при серьезной работе в этом направлении мы могли бы иметь года через 3—4 не менее 100 млн. пудов нового товарного хлеба от мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств.

Таким образом, при условии выполнения всех этих задач мы могли бы иметь через 3—4 года в распоряжении государства новых 200—250 млн. пудов товарного хлеба, более или менее достаточного для того, чтобы должным образом маневрировать как внутри страны, так и вне ее.

Таковы, в основном, мероприятия, необходимые для того, чтобы выйти из затруднения на хлебном фронте.

Соединить эти основные мероприятия с текущими мероприятиями по улучшению планирования в области снабжения деревни товарами, освободив наши торговые организации от обязанности снабжения хлебом целого ряда мелких и средних городов, — такова теперь задача.

(Сталин — «На хлебном фронте». «Вопросы ленинизма» — 3 изд.)

Речь идет о **коренном переломе** в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого **индивидуального** хозяйства к крупному и передовому **коллективному** земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям и колхозам, опирающимся на новую технику, наконец к гигантам-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов. Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось **повернуть** основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, **капиталистического** пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено прозябать в нищете — к новому, **социалистическому** пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает трактором и сельскохозяйственными машинами, для того, чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли. Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот **коренной перелом** в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов.

Вот некоторые цифры. В 1928 г. посевная площадь совхозов составляла 1 425 000 гектаров с товарной продукцией зерновых более 6 млн. центнеров (более 36 млн. пудов), а посевная площадь колхозов составляла 1 390 000 гектаров с товарной продукцией зерновых около 3½ млн. центнеров (более 20 млн. пудов). В 1929 г. посевная площадь совхозов составляла 1 816 000 гектаров с товарной продукцией зерновых около 8 млн. центнеров (около 47 млн. пудов), а посевная площадь колхозов 4 262 000 гектаров с товарной продукцией зерновых около 13 млн. центнеров (около 78 млн. пудов). В наступающем 1930 г. посевная площадь совхозов должна составить по контрольным цифрам 3 280 000 гектаров с 18 млн. центнеров товарной продукции зерновых (около 110 млн. пудов), а посевная площадь колхозов должна составить 15 млн. гектаров с товарной продукцией зерновых около 49 млн. центнеров (около 300 млн. пудов). Иначе говоря, в наступающем 1930 г. товарная продукция зерновых в совхозах и колхозах должна составить свыше 400 млн. пудов, т. е. свыше 50% товарной продукции зерновых **всего** сельского хозяйства (внедеревенский оборот).

Нужно признать, что таких бурных темпов развития **не знает** даже наша социализированная крупная промышленность, темпы развития которой отличаются вообще большим размахом.

(Сталин — «Год великого перелома». «Вопросы ленинизма» — 3 изд.)

СНАБЖЕНИЕ МЯСОМ И ОВОЩАМИ

Развернутый темп индустриализации страны и связанный с ним рост потребности городов в мясных продуктах при отставании крестьянского мясного животноводства, низкой его товарности и малой продуктивности, вытекающих из раздробленности и отсталости индивидуального хозяйства, в условиях обострения классовой борьбы в деревне и при ничтожной роли социалистического сектора в животноводстве вообще и в товарной мясной продукции в особенности выдвигают неотложную задачу коренной реконструкции животноводческой базы путем организации крупных государственных мясопромышленных совхозов, развития животноводческого товарного производства в колхозах и построения мясной промышленности на основе новейших в этой области данных иностранной техники, а также содействия развитию мясного животноводства в индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйствах.

После зерновой проблемы, на пути решения которой партия добилась первых серьезных успехов, мясная проблема является важнейшей задачей экономической политики партии и советской власти, без решения которой не могут быть устранены затруднения в деле снабжения продовольствием рабочего класса.

Исходя из этого, ЦК постановляет:

Задания обобществленному сектору в деле увеличения мясных ресурсов.

1. Добиться такого темпа развертывания новых животноводческих совхозов, развития животноводства в старых совхозах и откорма скота на отходах промышленности, который обеспечил бы в конце пятилетки выход товарного мяса в совхозах в количестве не менее 570 500 т (в том числе совхозы «Скотовода» не менее 244 500 т, совхозы «Овцевода» — 81 500 т, Сахаротреста — 32 600 т, все старые совхозы и выращивание «Союзмясом» на отходах промышленности и Зернотреста — 211 900 т).

Развернуть мясное животноводство (крупного рогатого скота и свиней) в колхозах с тем, чтобы колхозы дали к концу пятилетки не менее 1 630 000 т товарного мяса.

2. Предусмотреть в оперативных планах совхозов, колхозов, машинно-тракторных станций и потребкооперации такое развертывание мясного животноводства и откорма скота мясозаготовителями, при котором эти хозяйства могли бы сдать для снабжения страны уже в 1929/30 г. до 1 500 000 голов крупного рогатого скота, 3 050 000 свиней, 2 млн. овец и в 1930/31 г. — 2 250 000 крупного рогатого скота, 8 100 000 свиней и 4 млн. овец...

План мясоснабжения.

1. Установить план мясоснабжения по Союзу ССР на 1929/30 г. в 760 тыс. т и поручить НКТоргу СССР распределить этот план по районам.

2. Предложить НКТоргу СССР за счет планов централизованного снабжения в первую очередь обеспечить снабжение крупнейших промышленных районов и новостроек, исходя из количества едоков в 12 млн. человек.

3. Помимо централизованных мясозаготовок производятся на нужды местного снабжения местные заготовки мяса...

О мясной промышленности и о плане переработки мясопродуктов на 1929/30 г.

1. Для ликвидации чрезвычайной отсталости мясной промышленности предусмотреть в пятилетнем плане такое развитие боенского и холодильного дела, которое обеспечило бы поступление на крупные районы потребления до 75% мяса в охлажденном и замороженном виде.

2. Сеть строящихся боен и холодильников должна быть расположена в таких районах, которые обеспечивали бы достаточную равномерную загрузку мясной промышленности на протяжении ее работы не менее 720 смен в году. Перевозка скота в живом виде на места убоя не должна превышать 2 дней в пути...

10. Обеспечить производство в текущем году не менее 150 млн. банок консервов и 150 тыс. т колбасы; в 1930/31 г. — 300 млн. коробок консервов и 200 тыс. т колбасы.

11. План дополнительного капитального строительства мясной промышленности на 1929/30 г. увеличить на 35 млн. рублей.

12. Предложить НКТоргу Союза ССР и всем местным организациям оказывать потребительской кооперации содействие в развитии промышленности, обрабатывающей мясные продукты...

Об образовании резерва.

В связи с усиленным предложением скота осенью и возможными трудностями на мясном рынке в весенние месяцы поставить в число ударных задач образование к 1 апреля резерва мяса и мясных продуктов для обеспечения не менее 50-процентной потребности централизованного рабочего снабжения во 2-м полугодии.

(Постан. ЦК ВКП(б) от 20 XII. 1929 г.)

Проблема **животноводства** и **технических культур.** Теперь, когда уже разрешили в основном зерновую проблему, мы можем приступить к одновременному разрешению и проблемы животноводства, представляющей в данный момент животрепещущую проблему, и проблемы технических культур. При разрешении этих проблем нам нужно двигаться тем же путем, которым шли в области разрешения зерновой проблемы, т. е. через организацию совхозов и колхозов, являющихся опорными пунктами нашей политики, постепенно преобразовывать техническую и экономическую основу нынешнего мелкокрестьянского животноводства и технических культур. «Скотовод», «Овцевод», «Свиновод», «Масляно-молочный трест» плюс колхозы в области животноводства; существующие совхозы и колхозы в области технических культур, — таковы отправные пункты разрешения стоящих перед нами проблем.

(Сталин — «Из политотчета ЦК ВКП(б) 16-му съезду». «Вопросы ленинизма» — 3 изд.)

1. Успешно разрешив зерновую проблему, партия уже добилась на этой основе первых успехов в области организации социалистического животноводства.

За период, прошедший со времени постановления ЦК от 20 декабря 1929 г. «О мероприятиях по разрешению мясной проблемы», организована сеть специальных мясных социалистических фабрик (128 совхозов «Скотовода» с поголовьем скота в 1012 тыс., 116 совхозов «Овцевода» со стадом в 2680 тыс. голов, 308 хозяйств «Свиновода» со стадом в 177 тыс. голов и остальные совхозы и пригородные хозяйства рабочей кооперации со стадом в 886 тыс. голов рогатого скота, 456 тыс. голов свиней и 218 тыс. овец).

Эти успехи позволяют широко развернуть животноводство в колхозах и уже к концу 1931 г. довести стадо крупного рогатого скота в «Скотоводе» до 2 800 000 голов, «Свиноводе» — до 1 900 000 голов, «Овцеводе» — до 4 400 000 и в фермах рабочей кооперации — до 130 тыс. свиноматок и 1 200 000 свиней на откорме...

2. Заслушав отчетный доклад Наркомснаба о снабжении мясом и овощами, объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) считает работу Наркомснаба по линии Союзмяса и Союзплодоовоща неудовлетворительной.

ЦК и ЦКК считают, что аппарат Союзмяса и Союзплодоовоща оказался засоренным чуждыми, враждебными и вредительскими элементами (48 расстрелянных вредителей Союзмяса и Союзплодоовоща). Коммунисты, непосредственно руководившие этим делом, не изучили по существу мясного и плодоовощного дела, ограничиваясь бюрократическими циркулярами и «общими» директивами.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) считает, что работа этих органов должна быть решительно перестроена, что необходимо коренным образом обновить их кадры, в кратчайший срок ликвидировать все остатки последствий вредительской работы в этих организациях; решительно изгнать из них чуждые элементы; смело перенести в практику мясозаготовительной работы испытанные методы хлебозаготовок; решительно бороться в области мясозаготовок, так же как в области хлебозаготовок, с оппортунизмом на практике, срывающим успешное выполнение плана мясозаготовок.

3. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подтверждает решения Политбюро от 5 ноября и 20 ноября о годовом плане и методах контрактации и заготовок скота и предлагает всем партийным организациям обеспечить полное выполнение плана скотозаготовок, имеющего исключительное значение для обеспечения рабочего снабжения и дальнейшего развития коллективизации сельского хозяйства.

Обязать Наркомснаб СССР и местные партийные организации добиться к 1 апреля выполнения не менее 70% плана скотозаготовок и немедленно принять все меры, гарантирующие при таком ускорении темпов заготовок недопущение падежа, заболеваний и потери в весе скота, мобилизовав все наличные средства для приемки, передержки, транспортировки и прокорма скота, максимально использовав для этого отходы пищевой промышленности.

4. Пленум поручает Политбюро: 1) мобилизовать 100 ответственных работников, а также группу членов ЦК и ЦКК для посылки на места сроком на 1—2 месяца в помощь местным партийным организациям в деле проведения скотозаготовок и 2) в кратчайший срок укрепить

аппарат Союзмяса и кооперативных мясозаготовителей большевистскими кадрами, в особенности за счет работников, активно участвовавших в хлебозаготовках.

5. Обязать Госплан и Наркомснаб СССР в трехмесячный срок составить развернутый план строительства мясной промышленности и установить основные типы мясных комбинатов и их районирование в соответствии с потребностями рабочего снабжения и перспективами развития мясного скотоводства.

Начало строительства в 1931 г. двух крупных мясопромышленных комбинатов в Москве и Семипалатинске должно послужить базой для широкого развертывания новой мясной промышленности в Советском Союзе. Пленум однако подчеркивает, что Наркомснаб при поддержке местных организаций должен добиться коренного улучшения существующего боенского хозяйства.

ЦК и ЦКК констатируют, что имеющиеся в настоящее время недостатки в деле снабжения овощами объясняются главным образом крайней слабостью заготовительного и снабженческого аппарата, засоренного до последнего времени чуждыми и враждебными элементами, а также крайней отсталостью, а в ряде районов почти полным отсутствием технической базы по приемке, переработке, транспортировке, хранению и распределению овощей...

Объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет:

1. Поручить Совнаркому:

а) Обеспечить такое размещение посевных площадей под картофелем и отдельными видами овощей по районам, при котором потребности отдельных районов удовлетворялись бы за счет продукции пригородных хозяйств и завоза из близлежащих районов с тем, чтобы уже в 1931 г. были полностью изжиты недопустимо дальние перевозки картофеля и овощей, имевшие место до сих пор (перевозки за тысячи километров картофеля в Среднюю Азию, Баку, Дальний Восток и т. д.).

б) Разработать необходимые мероприятия для стимулирования посевов овощей в 25-верстном радиусе вокруг промышленных центров и вытеснения из этой зоны посевов других культур.

Возложить на облисполкомы и горсоветы ответственность за выполнение настоящего постановления.

в) Установить особое наблюдение за ходом строительства пригородных огородных хозяйств, обеспечить выполнение плана рабочей кооперации на площади в 300 тыс. га.

2. Поручить Наркомснабу СССР реорганизовать и укрепить новыми работниками всю систему Союзплодоовоща, таким образом, чтобы решительно устранить обнаруженные в истекшем году недостатки в деле заготовок, переработки и распределения овощей, сосредоточив работу Союзплодоовоща целиком на выполнении централизованного плана заготовок и снабжения. В своей заготовительной работе Союзплодоовощ должен максимально использовать низовую сеть с.-х. и потребительской кооперации.

Обязать Центросоюз и Союз союзов с.-х. кооперации добиться коренного улучшения работы всей низовой сети кооперации в деле заготовок и распределения овощей.

Необходимо привлечь к более активному участию в заготовках местные организации потребляющих районов, прикрепив важнейшие

промышленные центры, нуждающиеся в завозных овощах, к определенным производящим районам, тем самым сводя до минимума звенья прохождения овощной продукции до потребителя.

3. Поручить Наркомснабу СССР: а) организовать до наступления нового овощного сезона в важнейших районах производства овощей оборудованные пункты для приемки, хранения, переработки, сушки и утилизации овощей по типовому проекту с возможной их механизацией; б) устранить разнобой в заготовительных ценах на овощи и снизить накладные расходы заготовительного и снабженческого аппарата не менее чем на 20% против истекшего года.

4. Поручить Наркомснабу и Наркомзему СССР принять меры для обеспечения полной загрузки сырьем старых и вновь строящихся консервных заводов по переработке овощей, значительно удлинив на этих предприятиях уже в этом году сезон производства против истекшего года.

Установить вокруг этих консервных заводов специальные зоны, в пределах которых направление сельского хозяйства должно быть целиком подчинено интересам загрузки этих предприятий сырьем, с возложением работы по контрактации и заготовке сырья в этих зонах на консервную промышленность.

5. Обязать ВСНХ расширить производство тары для плодоовощного хозяйства; НКПС — установить особый контроль над проведением мероприятий по улучшению дела перевозок овощей (ускорение нормы суточного пробега вагонов, оборудование вагонов для перевозки плодоовощей необходимой вентиляцией и увеличение числа изотермических вагонов).

6. Объединенный пленум ЦК и ЦКК обязывает областные партийные органы в течение ближайших двух месяцев пересмотреть весь руководящий состав органов, заготовляющих овощи, и в первую очередь Союзплодоовоща, укрепить их новыми работниками и добиться того, чтобы направленные для этой работы коммунисты не ограничивались бы общим руководством, а овладели бы конкретными знаниями всей техники овощного дела.

(Резолюция ЦК и ЦКК ВКП(б), принятая по докладу т. Микояна и содокладу т. Ароштама от 21 дек. 1930 г.) [1]

РАБОЧЕЕ СНАБЖЕНИЕ

Пленум ЦК особенно подчеркивает важность задачи обеспечения роста реальной зарплаты в 1929/30 г. не менее чем на 12%, для чего требуется продолжение курса на снижение цен на промтовары и напряженная работа всех советских, профессиональных, кооперативных и партийных организаций в деле лучшей организации снабжения промышленных районов, в деле рационального использования и распределения пищевых ресурсов, улучшения хранения и переработки пищевых продуктов, более совершенной организации мясного и молочного дела и т. д. Напряженность продовольственного баланса делает эту задачу особенно необходимой и безотлагательной, выполнимой лишь при величайшей мобилизации сил рабочего класса и всех его организаций.

(Из резол. ноябрьского пленума ЦК 1929 г. о контрольных цифрах нар. хоз. на 1929/30 г.)

[1] Резолюция приведена не полностью.

Съезд считает, что профсоюзы до последнего времени уделяли совершенно недостаточное внимание вопросам рабочего снабжения, борьбе за снижение цен и улучшению работы кооперации.

Для обеспечения непрерывного роста реальной заработной платы профсоюзы должны привлечь широкие рабочие массы к активному участию по развертыванию хозорганами и кооперацией огородных хозяйств, молочных ферм и животноводческих совхозов вокруг промышленных районов и по контрактации кооперацией сельскохозяйственных продуктов.

Профсоюзы должны решительным образом добиваться перестройки работы кооперации, искоренения вопиющих недостатков кооперативных органов, резко отражающихся на материальном благосостоянии рабочих, улучшая ее аппарат и изгоняя из нее бюрократизм, выдвигая рабочих и членов их семей во все звенья кооперативного аппарата и организуя вокруг работы кооперации широкую рабочую общественность.

Профсоюзы должны добиваться более быстрого развертывания сети столовых и фабрик-кухонь и улучшения качества и удешевления общественного питания.

(Из постановления 16-го съезда ВКП(б) о профсоюзах)

Организация дела **снабжения** рабочих имеет важнейшее значение в деле выполнения промфинплана. В целях улучшения организации распределения, кооперации необходимо развернуть оправдавшие себя такие его формы, которые в наибольшей мере обеспечивают интересы производственных рабочих (закрытые распределители, прикрепление рабочих-пайщиков к магазинам, беспощадная борьба с воровством в кооперативном аппарате, усиленные репрессии за злоупотребление карточками, талонами и т. п.), и форсировать в промышленных районах организацию пригородных хозяйств (огородных, молочных, животноводческих). Партийные, профессиональные, комсомольские и хозяйственные организации должны оказать всяческую помощь развитию самодеятельности рабочих в этом деле, укрепить кооперацию и всемерно усилить развитие массового контроля рабочих и работниц над работой коопаппарата.

(Из обращения ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. ко всем парт., сов. и проф. организациям)

Наряду с крайней недостаточностью мероприятий потребкооперации по развертыванию производства сельскохозяйственных продуктов (пригородные огороды, молочные фермы, свиноводство и пр.), ЦК подчеркивает ряд крупнейших прорывов в постановке рабочего снабжения: отсутствие со стороны кооперации особого внимания к снабжению коренных пролетарских кадров дефицитными товарами, к полному и своевременному обеспечению закрытых заводских столовых продуктами; отсутствие систематической борьбы со злоупотреблением продовольственными книжками, с рвачеством и спекулятивными явлениями среди некоторых прослоек пайщиков; бесхозяйственное отношение к перевозке

и хранению продуктов и в связи с этим недопустимо высокий процент порчи их и т. п.

ЦК обязывает партийные, профессиональные и комсомольские организации решительно усилить руководство и участие в работе потребкооперации, мобилизуя рабочие массы для помощи кооперации, для широкого рабочего контроля над ее повседневной работой, направляя его в первую очередь на изживание недочетов и прорывов в производстве, заготовках, перевозке, хранении и распределении продовольственных продуктов и других товаров широкого потребления, на всемерное использование местных ресурсов и развертывание кооперативного производства (огородничество, молочные фермы, свиноводство и пр.) и на улучшение общественного питания.

Рабочий контроль должен быть максимально приближен к низовому кооперативному звену (лавке, складу, столовой, пекарне, ферме, огороду и т. п.) и к рабочему-потребителю. Не допуская превращения рабочего контроля в бумажное ревизорство, партийные, профессиональные и комсомольские организации должны использовать его как форму привлечения массы потребителей к активному содействию кооперации в разрешении задач рабочего снабжения и в особенности в деле производства и заготовки овощей, мяса, молока и других с.-х. продуктов широкого потребления.

ЦК предлагает партийным и профсоюзным организациям шире применять рабочие бригады для содействия и проверки отдельных отраслей работы кооперации (торговая сеть, продовольственные базы, местные заготовки, пригородные хозяйства, общественное питание и т. д.) и наряду с ними обеспечить повседневное руководство работой коопбюро и лавочных комиссий, всемерно улучшая их состав и добиваясь систематической отчетности перед рабочими массами. Кооперативные бюро должны быть созданы, как правило, на всех предприятиях.

ЦК считает боевой задачей лавочных комиссий, кооперативных бюро и рабочих бригад: ликвидацию очередей путем улучшения системы отпуска товаров, борьбу с потерями и порчей продуктов, со вздуванием цен, контроль за осуществлением классового принципа в снабжении.

Для руководства рабочими бригадами, коопбюро, лавочными комиссиями на предприятиях должен быть выделен специальный член фабзавкома.

К массовому контролю над работой кооперации должны быть привлечены также и делегатские собрания работниц и жен рабочих. Особо важную роль в организации массового пролетарского контроля над потребкооперацией должны играть, наряду с профсоюзами, торгово-кооперативные секции горсоветов.

(Из постан. ЦК от 30 сент. 1930 г. О массовом контроле над работой потребкооперации)

Потребкооперация должна перестроить свою работу в сторону безусловного обеспечения в первую очередь важнейших участков социалистического строительства и увязки дела снабжения с выполнением производственных планов, повышением производительности труда, борьбой с текучестью рабочей силы и поощрением социалистических форм организации труда (соцсоревнование, ударничество и т. д.). Важнейшее значение приобретает развернувшаяся в последнее время сеть закрытых распределителей на фабриках и заводах, как новая оправдавшая себя организационная форма классового распределения продуктов. В центре внимания партийных, советских, профессиональных и кооперативных организаций должно быть улучшение работы закрытых распределителей, в которых еще наблюдается ряд грубейших недочетов (неудовлетворительный ассортимент, очереди, преувеличенные штаты и т. д.), заслоняющих зачастую перед рабочими-потребителями преимущества, которые заложены в этой новой форме организации рабочего снабжения.

Одновременно с закрытыми распределителями потребкооперация должна обеспечить улучшение постановки дела в общих кооперативных магазинах, усиление борьбы с хищениями товаров, с утечкой нормированных товаров в руки нэпманских и чуждых элементов, устранение очередей, фактов злоупотребления заборными книжками, искусственного преувеличения контингента снабжаемых («мертвые души») и т. д. ЦК и ЦКК считают необходимым организацию в крупнейших предприятиях самостоятельных закрытых рабочих кооперативов.

(Из резол. плен. ЦК и ЦКК ВКП(б) по докладу Центросоюза — декабрь 1930 г.)

Для закрепления рабочих за предприятием необходимо еще дальнейшее улучшение снабжения и жилищных условий рабочих. Нельзя отрицать, что в области жилищного строительства и снабжения рабочих сделано за последние годы не мало. Но того, что сделано, совершенно недостаточно, для того чтобы покрыть быстро растущие потребности рабочих. Нельзя ссылаться на то, что раньше жилищ было меньше, чем теперь, и что в виду этого можно успокоиться на достигнутых результатах. Нельзя также ссылаться на то, что раньше снабжение рабочих было куда хуже, чем теперь, и что можно, в виду этого, довольствоваться существующим положением. Только гнилые и насквозь протухшие люди могут утешаться ссылками на прошлое. Надо исходить не из прошлого, а из растущих потребностей рабочих в настоящем. Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне.

Рабочий ныне — не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия.

Правда, он не страдает у нас от безработицы, он свободен от ярма капитализма, он больше не раб, а хозяин своего дела. Но этого мало. Он требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование.

Не забудьте, что мы сами выступаем теперь с известными требованиями к рабочему — требуем от него трудовой дисциплины, напряженной работы, соревнования, ударничества. Не забудьте, что громадное большинство рабочих приняло эти требования советской власти с большим подъемом и выполняет их геройски. Не удивляйтесь по-

этому, что, осуществляя требования советской власти, рабочие будут в свою очередь требовать от нее выполнения ее обязательств по дальнейшему улучшению материального и культурного положения рабочих.

(Сталин — «Речь на совещании хозяйственников» 23 июня 1931 г. «Вопросы Ленинизма» — 9 изд.)

В интересах дальнейшего развертывания советской торговли и улучшения рабочего снабжения, пленум ЦК постановляет:

Наряду с дальнейшим расширением розничной торговой сети потребкооперации и органов Наркомснаба, развернуть розничную торговлю объединений легкой промышленности ВСНХ, совхозных объединений Наркомзема, колхозов и промкооперации продуктами своего производства на основе советской политики цен...

Предложить Наркомснабу развернуть сеть баз по снабжению продуктами питания в таких районах, как Донбасс, Урал, Кузбасс и пр., а также образовать необходимые запасы основных продовольственных продуктов для важнейших промышленных районов.

В интересах улучшения товарного снабжения как рабочего класса, так и трудящихся масс деревни и повышения ответственности за исполнение утвержденных планов товароснабжения предложить СТО:

А) При утверждении товарных фондов выделить специальные фонды для снабжения городского и сельского населения и строго определить фонды для нерыночного потребления (армия, прозспецодежда и госбюджетные учреждения и др.).

Б) Образовать в распоряжении комитета резервов при СТО специальный резервный фонд товаров.

Пленум ЦК придает особое значение в деле дальнейшего улучшения рабочего снабжения развертыванию всяких подсобных предприятий при столовых, фабриках, заводах, кооперативных организациях для изыскания дополнительных продовольственных ресурсов, а также развертыванию самозаготовок, в особенности для круга населения, снабжаемого по второму и третьему спискам, в отношении которого дальнейшее улучшение снабжения возможно главным образом за счет мобилизации местных ресурсов.

Отмечая недостаточное количество столовых, слабое их оборудование всем необходимым инвентарем и неприспособленность их для успешного обслуживания столующихся, пленум ЦК считает совершенно необходимым усиленное развертывание строительства и открытие новых столовых для разгрузки существующих и для дальнейшего расширения за счет новой сети дела общественного питания.

Дальнейшее улучшение дела снабжения упирается в крайнюю слабость технической базы пищевой промышленности и торговой сети, в особенности в крайнюю недостаточность механизированного хлебопечения. Пленум ЦК предлагает Совнаркому СССР особо рассмотреть программу развития строительства магазинов, складов, холодильников, хлебозаводов и пекарен, мельниц и крупорушек, предусмотрев в контрольных цифрах народного хозяйства на 1932 г. такое развертывание этих отраслей, которое обеспечило бы бесперебойное снабжение населения и образование необходимых запасов продовольственных продуктов и промтоваров

широкого потребления, а в отношении хлебозаводов — окончание механизации хлебопечения во всех крупных городах и промышленных центрах не позднее конца 1933 г., в Москве же, Ленинграде, Донбассе и на Урале к концу 1932 г.

Пленум ЦК считает обязанностью не только органов Наркомснаба и потребкооперации, но и местных партийных и профсоюзных организаций задачу доведения до рабочего-потребителя установленных фондов снабжения и признает недопустимым какое бы то ни было использование этих фондов не по прямому назначению, обеспечивая, в первую очередь, снабжение по установленным нормам рабочих, служащих и членов их семей особого и первого списка снабжения.

(Из резол. Октябрьского пленума ЦК 1931 г. о развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих)

Рабочее снабжение и советская торговля

Заслушав отчетные доклады Наркомснаба и Центросоюза СССР и содоклад ЦКК РКИ о выполнении постановлений ЦК о развитии советской торговли, пленум ЦК ВКП(б) констатирует:

1. В осуществление решений ЦК об усилении развертывания розничной торговой сети — Наркомснабом СССР в течение 1932 г. открыто 7 100 магазинов, из них: в городских местностях провинции — 2 800 и в сельских местностях — 4 080. За этот же период открыто новых ларьков и палаток 5 900. Розничная сеть госторговли Наркомснаба возросла за 7 месяцев 1932 г. на 67%, достигнув 26 300 магазинов и 9 тыс. палаток и ларьков. Центросоюзом открыто в течение 1932 г. 13 100 магазинов, из них 5 400 в городе, 7 700 в селе; ларьков и палаток открыто 22 500. Розничная сеть потребкооперации выросла в текущем году на 20 проц., составив 167 700 магазинов и 49 700 ларьков и палаток.

2. Развернута во исполнение решений ЦК сеть оптовых баз промышленных объединений Наркомснаба, в том числе в отдаленных краях и областях с 1 мая по 1 сентября открыто 635 оптовых областных баз, в том числе на Дальнем Востоке 14, в Восточной Сибири 6, в Зап. Сибири 27, в Средней Азии 23, в Казакстане 26.

Госторговлей Наркомснаба и потребкооперацией развернута сеть межрайонных торговых баз в количестве 74 единиц по Наркомснабу и 288 единиц по Центросоюзу. Кроме того Центросоюзом открыто 38 областных баз. При значительном количественном развертывании оптовых баз промышленности Наркомснаба, кооперации и госторговли большинство баз промышленности и торговых организаций все еще продолжает оставаться складскими экспедиционными пунктами, нередко механически распределяющими товары, с применением принудительного ассортимента, обслуживанием своей ведомственной розницы в ущерб другим торгующим системам. На ряду с такими положительными фактами, как отпуск в Москве, Ленинграде и других городах кондитерских, табачных изделий, маргарина и консервов с фабрик непосредственно торгующей сети этих городов, минуя базы и отделения, в ряде случаев товары, могущие итти непосредственно в розничную торговую сеть, засылаются на базы, что так же, как и неудовлетворительное размещение

в отдельных районах баз промышленности и торговых систем приводит к встречным перевозкам и задержкам в товаропродвижении.

3. При значительном росте торговой сети, росте и ускорении товарооборота в работе торгового аппарата до сих пор еще не изжиты отмечаемые в ряде решений ЦК крупнейшие недостатки, о чем свидетельствуют факты затоваривания в одних местах, при нехватке этих товаров в других, в результате механического распределения товаров и засылки их без достаточного учета потребностей отдельных районов; факты замораживания товарооборота, применение принудительного ассортимента; ослабление за последнее время дисциплины в проведении государственной политики цен и факты прямого извращения этой политики; рост издержек обращения, в особенности за счет разбухания управленческого аппарата и излишних торговых представительств, случаи хищений и злоупотреблений в торговом аппарате, указывающие на отсутствие достаточной проверки кадров торгового аппарата и на проникновение в него чуждых элементов.

4. Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) о расширении рыночных фондов промтоваров, в особенности для села, за счет сокращения фондов внерыночных потребителей, и об отмене порядка преимущественных и первоочередных отгрузок товаров внерыночным потребителям, практика завоза товаров за последние 3 месяца (начиная с мая—июня) изменена в пользу рыночных потребителей и особенно села.

Решение ЦК об увеличении первоначального плана завоза 12 планируемых промтоваров с 1 500 млн. руб. до 1 800 млн. руб., слабо выполнявшееся в первом полугодии, проводится в последующие месяцы в таких темпах, которые обеспечивают годовой завоз на село в размерах, установленных заданием ЦК ВКП(б). При этом необходимо отметить несвоевременность завоза товаров по районам и недостаточность учета хозяйственных особенностей отдельных районов. Бронируемые фонды промтоваров на стимулирование с.-х. заготовок в 1932 г. сокращены крайне недостаточно, вопреки решениям ЦК. В практике торговых органов, в особенности кооперации, по преимуществу на селе, зачастую по прямому указанию местных партийных и советских органов, имеет место самовольное бронирование и распределение товаров по спискам для различных групп потребителей (в том числе и колхозов) вместо продажи их в магазинах в порядке нормального товарооборота.

В целях дальнейшего развития советской торговли и изжития отмеченных недостатков пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Развитие городской торговой сети сосредоточить в дальнейшем в рабочих районах и новостройках, предусмотрев в народно-хозяйственном плане 1933 года строительство новых торговых помещений.

Значительно расширить сельскую сеть, предложив комитету товарных фондов при СТО в месячный срок определить план развертывания торговой сети на селе Центросоюзом и Наркомснабом в 1933 году.

2. Предложить комитету товарных фондов при СТО в месячный срок рассмотреть и утвердить дислокацию областных оптовых баз промышленности и межрайонных баз госторговли и потребкооперации, а также порядок скорейшего продвижения товаров от производителя к потребителю, минуя лишние звенья, предусмотрев ликвидацию встречных перевозок и устранение параллелизма в размещении оптовых баз

промышленности и товаропроводящих систем. Предложить СТО в кратчайший срок принять решительные меры к ускорению продвижения товаров ширпотреба по железнодорожным и водным путям и к более быстрому рассмотрению и оплате претензий товароотправителей.

3. Учитывая, что наличие широкой сети оптовых баз дает возможность осуществить систему предварительных заказов со стороны низовых кооперативов, пленум ЦК ВКП(б) предлагает комитету товарных фондов при СТО разработать и ввести с 1 января 1933 года систему предварительных заказов госторговли и кооперации с охватом ими не менее 50% рыночной продукции по важнейшим товарам широкого потребления (ткани, обувь, платье и пр.).

Вместе с тем пленум ЦК предлагает производственным Наркоматам и Центросоюзу на деле обеспечить непосредственный отбор товаров низовыми торгующими организациями на базах.

Для обеспечения борьбы за качество ввести обязательную маркировку изделий. Предложить органам промышленности принимать обратно и заменять возвращаемые торгующими организациями недоброкачественные товары.

4. Предложить Наркомснабу, Центросоюзу и всем торгующим организациям провести решительное снижение увеличившихся за последнее время торгово-административных расходов.

5. Предложить Наркомснабу, Центросоюзу, Наркомлегпрому, Наркомтяжпрому, Наркомлеспрому, а также всем торгующим организациям, местным партийным и советским органам строго соблюдать порядок преимущественного и первоочередного выполнения планов завоза промтоваров для широкого рынка и прежде всего для села, не допуская оседания сельских товарных фондов в городах, районных центрах и торговых аппаратах.

6. Считая недостаточными успехи, достигнутые в развитии колхозной торговли, ЦК предлагает местным партийным и советских организациям оказывать всемерное содействие дальнейшему росту колхозной торговли (вовлечение в торговлю большего количества колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян, увеличение колхозной торговой сети, улучшение организации встречной торговли промтоварами, в частности усиление торговли изделиями кустпромкооперации), решительно искореняя спекулянтов и перекупщиков и устраняя с рынка отдельных государственных и кооперативных заготовителей, вздувающих цены и играющих на руку спекулянтам, с тем, чтобы всеми этими мерами добиться снижения непомерно высоких цен на колхозном рынке.

7. Отмечая недостаточность и неупорядочность децентрализованных заготовок сельскохозяйственных продуктов потребкооперации, общественного питания и государственных торговых организаций, пленум ЦК предлагает местным партийным и советских организациям, комитету заготовок при СТО, Наркомснабу и Центросоюзу:

А) развернуть заготовки с.-х. товаров государственными и кооперативными заготовителями, особенно в глубинке, соответствующим образом перестроив их работу;

Б) решительно улучшить руководство работой конвенционных бюро со стороны крайисполкомов, превратив конвенционные бюро в действительные органы борьбы за советскую политику цен против спекулянтского вздувания цен на заготовительном рынке;

в) создать особо благоприятные условия для заготовительной работы ЗРК и столовых крупных заводов, поощряя систему длительных договоров ЗРК'с колхозами и сельпо;

г) укрепить низовой заготовительный аппарат, организовав тщательный отбор агентов по заготовкам, сборщиков, возчиков и т. д., усилив их материальную заинтересованность в заготовках и обеспечив необходимую помощь им со стороны сельсоветов и правлений колхозов.

8. Дальнейшее улучшение снабжения городского населения продуктами питания должно итти, на ряду с полным выполнением планов централизованных заготовок, по линии организации государственных закупок с.-х. продуктов по конвенционным ценам и, главным образом, за счет развертывания децентрализованных заготовок кооперации, столовых и др. торговых организаций, развития колхозных базаров и создания при фабриках и заводах и других предприятиях собственных продовольственных баз (огороды, молочное хозяйство, свиноводство, кролиководство, птицеводство, прудовое хозяйство и т. п.). Задача заводов, фабрик, транспорта и других предприятий в настоящих условиях состоит в том, чтобы иметь не только кооператив и столовую, но и свои с.-х. предприятия, дающие дополнительные продовольственные продукты для снабжения рабочих. В соответствии с этим необходимо дальнейшее развертывание строительства столовых, фабрик-кухонь и хлебозаводов.

9. Для организационно-хозяйственного укрепления сельпо, являющегося основным звеном товароснабжения села, пленум предлагает укрепить выборность и подотчетность правлений сельпо пайщикам, улучшить материально-бытовые условия работников; оставлять в распоряжении сельпо не менее половины всех собираемых ими паевых взносов и 20% ежедневной выручки на проведение своих заготовок. Крайпотребсоюзам решительно усилить свое внимание к работе сельской кооперативной сети, развернув организационно-массовую работу и создав для этого крепкие инструкторские кадры.

10. Считая необходимым укрепление финансового хозяйства потребкооперации, в первую очередь за счет сокращения чрезмерных управленческих расходов, мобилизации внутренних ресурсов, собственных нормальных накоплений, а также за счет решительного сокращения всяких изъятий средств из потребкооперации, пленум предлагает СТО в соответствии с этим пересмотреть финансовые обязательства Центросоюза.

11. Пленум ЦК считает совершенно недопустимым отношение некоторых членов партии и отдельных партийных и комсомольских организаций к торговой работе как к работе второстепенной и менее важной, чем работа в других хозяйственных, профессиональных и советских организациях. ЦК предлагает Центросоюзу, Наркомснабу, ЦК профсоюза работников госторговли и кооперации и местным партийным организациям:

а) систематически пополнять торговый аппарат проверенными коммунистами и комсомольцами;

б) решительно устранить текучесть руководящих и рядовых работников торгового аппарата;

в) улучшить их материальное положение, построив заработную плату торговых работников в зависимости от размеров оборота и установив прибавки к заработной плате за длительную и добросовестную работу в одном и том же торговом предприятии;

г) усилить партийно-массовую и профсоюзную работу среди работников торговли.

12. Указание партии насчет наличия некоего нэпманского духа в работе кооперации приобретает в условиях развертывания советской торговли особое значение. Искоренение всех видов проявления нэпманского духа — решительная борьба со спекулятивным вздуванием цен, растратами, самоснабжением и особенно с хищениями в торговом аппарате — является сейчас одной из основных задач партийных и советских организаций.

13. Пленум ставит перед местными КК-РКИ в качестве главной задачи в их работе повседневную помощь торговым организациям и контроль за их работой в деле выполнения постановлений ЦК о развитии советской торговли.

Мощное развитие тяжелой промышленности и рост продукции социалистического сельского хозяйства сделали возможным более быстрое развертывание легкой и пищевой промышленности и расширение производства предметов широкого потребления, размеры которого, однако, далеко еще не достаточны для удовлетворения возросших потребностей трудящихся. Пленум ЦК считает, что всемерное усиление производства товаров широкого потребления как в отраслях легкой и пищевой промышленности, так и в отраслях тяжелой промышленности и в кустарно-промысловой кооперации, является в настоящее время одной из важнейших хозяйственно-политических задач. Интересы дальнейшего укрепления смычки рабочего класса с крестьянством и улучшения материального положения трудящихся города и деревни требуют всемерного развертывания советской торговли, в частности торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян.

Пленум ЦК требует решительного отпора антипартийной левацкой недооценке значения советской торговли и указывает, что одержанная партией в борьбе с правым оппортунизмом победа в деле организации социалистической производственной смычки между городом и деревней не только не снимает, но выдвигает с особой силой задачу укрепления на этой базе торговой смычки города с деревней.

В связи с этим особое значение имеют проводимые на основании решения Политбюро ЦК мероприятия по увеличению рыночного фонда товаров широкого потребления—усиленное развертывание производства всей промышленностью предметов широкого потребления, решительное ограничение ведомственных потребностей в пользу широкого рынка и развертывание товарооборота.

Пленум ЦК отмечает, что развертывание советской торговли и, в частности, развитие торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян не только не означает, как это пытаются толковать правооппортунистические и кулацкие элементы, развязывание рыночной стихии, допущение нэпмана, спекулянта, а, наоборот, требует «искоренения частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле». Пленум ЦК обязывает все партийные, хозяйственные и профессиональные организации дать беспощадный отпор левацкой антиленинской недооценке значения советской торговли, с одной стороны, и либерально-буржуазному толкованию задач развертывания советской торговли со стороны правых оппортунистов, с другой. Пленум ЦК предлагает развернуть решительную борьбу за искоре-

нение спекуляции вообще и против спекулянтских элементов в торговом аппарате и обеспечить тем самым правильное развитие советской торговли в интересах улучшения снабжения рабочих и крестьян.

(Резолюция пленума ЦК ВКП(б) «О развитии советской торговли» от 29 сентября 1932 г.)

Рабочее снабжение и ширпотреб

I

ЦК ВКП(б) в своих постановлениях признал необходимым решительно увеличить снабжение населения предметами широкого потребления путем увеличения производства товаров ширпотреба, увеличения скорости товарооборота, сокращения внерыночного потребления этих товаров, путем сокращения имевшего место в прошлом значительного и нецелесообразного застревания товаров ширпотреба в каналах госорганизаций.

Этими решениями ЦК была увеличена на 1932 г. производственная программа предметов ширпотреба по всем производственным наркоматам и промысловой кооперации; было сокращено конкретно по объектам внерыночное потребление товаров ширпотреба; постановлено организовать при предприятиях утиль-цехи с целью использования отходов для дополнительного производства предметов ширпотреба; организован специальный сектор ширпотреба в системе Наркомтяжпрома; устанавливаются специальные планы производства предметов ширпотреба и материальные ресурсы для обеспечения выполнения этих планов; для улучшения проверки выполнения планов вводится особый учет производства предметов ширпотреба и т. д.

Решения ЦК, направленные к дальнейшему улучшению материального положения рабочих и крестьян и укреплению смычки между городом и деревней, поставили перед всеми организациями партии, перед всеми хозяйственными органами задачу, имеющую первостепенное политическое значение.

II

Между тем эти решения ЦК проводятся в жизнь Наркомлегпромом, Наркомтяжпромом и промысловой кооперацией **все еще неудовлетворительно...**

1. По Наркомлегпрому:

Производственная программа предметов ширпотреба за 8 месяцев выполнена всего на 88,4%, причем имеется ухудшение выполнения программы за последние два месяца — июль — август (за первые шесть месяцев этого года было 90% выполнения плана)...

2. По Наркомтяжпрому:

...Выполнение программы в июле и августе резко ухудшилось, что представляет прямую угрозу выполнению годового плана.

На ряду с неудовлетворительным количественным выполнением программ, имеет место весьма низкое качество изделий по потребительским свойствам их, неправильное использование сырья как по качеству, так и по количеству, ограниченность и однотипность ассортимента и несоответствие его с потребностями рынка.

3. По промысловой кооперации:

План производства предметов ширпотреба выполнен в первом полугодии 1932 г. на 93,3%. Однако, промкооперация все еще проявляет крайне слабую инициативу, в особенности в использовании местных видов сырья. Качество изделий неудовлетворительное, в частности ассортимент товаров слабо учитывает потребности села.

III

Основными принципами невыполнения решений ЦК о размерах производства предметов ширпотреба за истекшее время являются:

1. Все еще неизжитая хозяйственными организациями недооценка огромного значения для народно-хозяйственного развития производства предметов широкого потребления.

2. Неудовлетворительная организация производства и недостаточно конкретное руководство им.

3. Неудовлетворительная организация труда, неправильная тарификация ведущих профессий, недостаточное обслуживание бытовых потребностей рабочих легкой промышленности, понижение труддисциплины на предприятиях и низкая производительность труда.

4. На ряду с недостатком отдельных видов сырья перерасход сырья против установленных планом норм.

5. Большое количество отходов, отбросов и угаров от производства и недостаточное их использование.

6. Недостаточно быстрое внедрение суррогатов и новых видов сырья.

7. Недостаточное использование наличной мощности оборудования.

8. Крайне недостаточное использование промкооперацией местных сырьевых ресурсов и слабое развертывание заготовок утиля, отходов, брака на предприятиях госпромышленности в городах и селах.

9. Недостаточно внимательное отношение к предприятиям, производящим ширпотреб, и к промысловой кооперации со стороны ряда местных партийных, профессиональных и советских организаций, слабая массовая профсоюзная и партийная работа на предприятиях.

IV

В целях устранения отмеченных недостатков в производстве товаров широкого потребления и обеспечения выполнения установленных программ пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Предложить Наркомлегпрому, Наркомтяжпрому и промкооперации добиться решительного перелома в отношении к производству ширпотреба как центральных аппаратов, так и всех производственных предприятий, установив персональную ответственность за производство предметов ширпотреба в управлениях, трестах и предприятиях.

2. СТО и Госплану предусматривать в хозяйственных планах (годовом и квартальных) специально выделенную программу производства ширпотреба, увязанную со всем народно-хозяйственным планом, и для этой цели предусматривать специальные целевые фонды сырья для ширпотреба.

3. Предложить НКЛП, НКТП и всесоюзным центрам промкооперации усилить учетные органы по производству предметов ширпотреба и преподать всем предприятиям и артелям по согласовании с ЦУНХУ СССР единообразные формы учета.

4. Предложить всем центральным и местным органам печати проводить систематическое освещение хода выполнения заданий по производству ширпотреба, освещая конкретные достижения отдельных предприятий и артелей и ведя борьбу за выполнение производственных программ...

Пленум ЦК отмечает вполне правильное и своевременное заострение внимания всей партии на усиленном развертывании производства предметов ширпотреба. Постановка этой важнейшей политической задачи подготовлена всем ходом осуществления генеральной линии партии на индустриализацию и экономическую независимость страны и в особенности крупнейшими успехами в деле восстановления и технической реконструкции тяжелой индустрии. Разгромив контрреволюционный троцкизм, разоблачив антиленинскую кулацкую сущность правых оппортунистов, партия, во главе со своим ленинским ЦК, развернула подлинно большевистскими темпами дело восстановления и реконструкции тяжелой индустрии, добившись к настоящему времени решающих успехов в области тяжелой индустрии. Тем самым партия создала прочную базу для дальнейшего развития и нового подъема отраслей, производящих предметы массового потребления, и создала условия для полного и безусловного выполнения директив партии о производстве ширпотреба.

Подчеркивая огромное политическое значение расширения производства предметов ширпотреба для укрепления смычки между городом и деревней, пленум ЦК ВКП(б) предлагает всем партийным, комсомольским, профсоюзным и советским организациям оказывать всяческое содействие хозяйственным организациям и промкооперации в деле развертывания производства предметов широкого потребления и ежемесячно проверять исполнение указаний ЦК и СНК и ход производства ширпотреба.

(Из резолюции пленума ЦК ВКП(б) «О производстве товаров широкого потребления» от 1 октября 1932 г.)

Реорганизация рабочего снабжения

В целях дальнейшего улучшения организации снабжения рабочих, борьбы с раздачей фондов продовольственных и промышленных товаров фактически не работающим на предприятиях, прогульщикам и летунам, а также в целях усиления власти директора на предприятии СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют провести следующие мероприятия:

I. О передаче магазинов и подсобных хозяйств ЗРК заводоуправлениям

А) Передать на предприятиях первой группы крупной промышленности (см. приложение) дело снабжения рабочих продовольственными и промышленными товарами непосредственно заводоуправлениям, для

чего передать им весь аппарат ЗРК и, на условиях долгосрочной ссуды, их магазины, инвентарь, денежные средства, наличные товары, столовые Всекопита (за исключением столовых Наркомпита) и подсобные хозяйства: огороды, крольчатники, свинарники, молочные и птицеводческие фермы, рыбные и пр. хозяйства.

Подчеркивая огромное политическое значение расширения произ-

Б) Взамен существующих ЗРК для организации и руководства рабочим снабжением на указанных предприятиях создать при заводоуправлениях отделы рабочего снабжения во главе со специальными заместителями директоров предприятий по рабочему снабжению, назначаемыми, как правило, из состава нынешних председателей ЗРК.

В) Оборотными средствами заводских магазинов, столовых и подсобных хозяйств по рабочему снабжению считать капиталы, полученные от ЗРК, накопления, вклады и специальные взносы рабочих и хозорганов, причем финансовое хозяйство заводских магазинов, столовых и подсобных хозяйств вести на полном хозрасчете и с закончен-ным балансом каждой соответствующей отрасли, с составлением отделами рабочего снабжения заводоуправлений общих сводных балансов по рабочему снабжению предприятий.

Г) Для заводских магазинов, которые должны быть строго закрытыми для неработающих на данном предприятии, сохранить существующую систему снабжения их продуктами и товарами через базы кооперативных и государственных организаций под ответственностью и руководством наркомснаба СССР.

Д) В целях обеспечения участия рабочей общественности в организации снабжения и контроля над ним — организовать при отделах рабочего снабжения предприятий рабочие снабженческие совещания из уполномоченных цехов, лавочных комиссий и т. п.

Е) Приравнять в отношении снабжения и бытового обслуживания работников заводских магазинов к служащим обслуживаемых предприятий.

II. О подчинении ЗРК заводоуправлениям

На остальных предприятиях крупной промышленности, в том числе на железных дорогах и предприятиях НКПС, где **ЗРК остаются в системе потребительской кооперации,** признать необходимым:

А) Усилить права, ответственность и практическое участие заводоуправлений предприятий в организации снабжения рабочих и распределении основных товаров, для чего деятельность ЗРК подчинить заводоуправлениям, на ряду с подчинением директивным указаниям Центросоюза и его органов;

Б) Сохраняя кооперативные формы работы (членство, собрания и конференции пайщиков, выборы правления и контрольных органов), установить, что председатель ЗРК назначается заместителем директора предприятия по рабочему снабжению;

В) Предложить заводоуправлениям при осуществлении систематического руководства работой ЗРК оказывать им в пределах своей сметы материально-финансовую помощь в деле лучшей постановки и развертывания кооперативного хозяйства: торговых помещений, транс-

порта, коопхозов, огородов, кролиководства, свиноводства, птицеводства и т. п.

III. Об организации дела снабжения рабочих на предприятиях, не имеющих ЗРК

Поручить комиссии в составе тт. Кагановича Л., Микояна, Юркина, Пятакова, Любимова, Зеленского и Шверника разработать вопрос о новых формах организации дела рабочего снабжения на всех остальных предприятиях промышленности, сельского хозяйства (совхозы) и транспорта (водного и местного), **не имеющих ЗРК,** и представить свои предложения на рассмотрение ЦК и Совнаркома в 3-месячный срок.

IV. О заборных книжках и талонах

В целях упорядочения выдачи заборных книжек (талонов) и борьбы с злоупотреблениями ими установить следующий порядок выдачи заборных книжек (талонов) как на предприятиях, где остаются ЗРК, так и на предприятиях, где создаются отделы рабочего снабжения:

А) Передать заводоуправлениям выдачу заборных книжек (талонов) как для работающих на предприятиях, так и для членов их семей, причем заборные книжки (талоны) выдавать именные и за номерами;

Б) Выдачу заборных книжек (талонов) производить через аппарат табельщиков, кассиров или раздатчиков в цехах по платежным ведомостям и расчетным книжкам, наравне с зарплатой, обязав директоров предприятий всемерно усилить личный состав табельщиков, кассиров и раздатчиков ,с удалением всех ненадежных элементов;

В) При увольнении работника с предприятия лишать его, на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 года, права пользования выданными ему данным заводоуправлением как работнику данного предприятия или учреждения продовольственными и промтоварными карточками, а также права пользования квартирой в домах данного предприятия или учреждения;

Г) В виду возможности злоупотребления аннулированными заборными книжками (талонами) обязать заводоуправления отбирать заборные книжки (талоны) у уволенных с предприятий, приравняв спекуляцию заборными книжками и злоупотребление ими к уголовным преступлениям (статьи: 58 п. 7 и 105 Уг. кодекса РСФСР и соответствующие статьи Уголовных кодексов Союзных республик);

Д) Установить, что вновь прибывающие на предприятия рабочие и служащие, а также их семьи получают заборные книжки при предъявлении справки с прежнего места жительства или работы о сдаче ими заборных книжек (талонов);

Е) Установить, что заборные книжки (талоны) выдаются работникам с прикреплением к определенным магазинам предприятия или ЗРК,

Закончить прием ЗРК заводоуправлениями предприятий по списку первой группы предприятий, а также введение нового порядка выдачи заборных книжек (талонов) и рабочего снабжения на остальных предприятиях, обслуживаемых ЗРК, не позднее 1 января 1933 года.

Обязать ЦК нацкомпартий, краевые и областные партийные комитеты, соответствующие исполкомы советов и профессиональные организации усилить кадры отделов снабжения заводоуправлений и ЗРК, укрепить состав заместителей директоров предприятий по рабочему снабжению и всемерно улучшить состав табельщиков, кассиров и раздатчиков.

(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы от 4 декабря 1932 г.)

Улучшение общественного питания

„Решающие успехи в области хозяйственного строительства СССР, культурный рост масс и втягивание членов рабочей семьи в производство, в связи с полной ликвидацией безработицы, ставят перед потребкооперацией задачу постепенного переключения продовольственного снабжения с форм индивидуального потребления на общественное питание, как первое условие „перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному" (Ленин)" — [Декабрьский пленум ЦК ВКП(б).]

ЦК констатирует, что за годы революции общественное питание достигло значительного развития: охвачено общественным питанием 5 млн. рабочих, 3 000 000 прочих трудящихся в городах; 3 млн. детей в школах обслуживается горячими завтраками, сеть общественного питания достигла 13 400 единиц; построено значительное количество фабрик-кухонь и механизированных столовых, в капитальное строительство вложено только за последние 3 года больше 200 млн. руб. ЦК считает, что, несмотря на эти успехи, состояние общественного питания не удовлетворяет выросшие потребности масс и имеет ряд вопиющих недостатков, наносящих серьезный ущерб делу улучшения рабочего питания и снабжения.

Крупнейшими недостатками общественного питания являются: неудовлетворительность обедов, зависящая главным образом от плохой постановки дела самого общественного питания; антисанитарное состояние столовых, недопустимо небрежное обслуживание потребителя; слабая материально-техническая база и плохое ее использование; перегрузка предприятий общественного питания; отсутствие хозрасчета, бесхозяйственность и безответственность административно-технического персонала; низкая квалификация поварского персонала; уравниловка в зарплате, обезличка в организации труда и слабая трудовая дисциплина; недостаточное внимание к общественному питанию со стороны кооперативных, партийных, профессиональных и советских организаций.

Придавая исключительно важное значение организации и широкому развертыванию общественного питания для коренного улучшения снабжения рабочих масс, устранения текучести рабочей силы и выполнения промфинплана, ЦК обращает внимание всех кооперативных, партийных, профессиональных и хозяйственных организаций на то, что индустриализация страны, переход к крупному обобществленному хозяйству требуют такой постановки общественного питания, которая бы обеспечила на деле широким массам рабочих, служащих и членов их семей возможность в полной мере пользоваться услугами общественного питания.

В целях коренного улучшения общественного питания ЦК ВКП(б) постановляет:

а) Выделить общественное питание в Москве, Ленинграде и промышленных пунктах Донбасса и Урала из системы потребкооперации и организовать в этих районах государственные тресты и объединения народного питания в системе НКСнаба, работающие на хозрасчете, создав для руководства их деятельностью в системе Наркомснаба СССР Главное управление по народному питанию («Союзнаркит»).

б) В остальных областях, районах и городах организацию общественного питания осуществлять через Всекопит, как автономную секцию потребительской кооперации с тем, чтобы работа Всекопита была коренным образом реорганизована и улучшена.

в) Предоставить объединениям и столовым Всекопита так же как и объединениям и предприятиям народного питания Наркомснаба право самостоятельных заготовок.

1. Мероприятия по улучшению работы существующих столовых.

1. ЦК отмечает совершенно нетерпимое положение с санитарным состоянием в ряде предприятий общественного питания: наличие фактов антисанитарной обработки продуктов, небрежность мойки и обращения с посудой, плохого хранения продуктов, ведущего к порче; отсутствие санитарного надзора.

ЦК считает необходимым, чтобы персональная ответственность за санитарное состояние предприятий народного питания была возложена на заведывающих столовыми и директоров фабрик-кухонь.

НКЗдраву и органам здравоохранения установить специальное наблюдение за санитарным состоянием всех предприятий общественного питания, с привлечением виновных к ответственности, а судебным органам сурово наказывать виновных в допущении антисанитарного состояния столовых.

Для усиления контроля над общественным питанием организовать при РКИ специальную инспекцию с привлечением работников ГПУ и пролетарской общественности, возложив на нее наблюдение за качеством пищи, правильным обслуживанием потребителя и санитарным состоянием столовых.

2. Ввести во всех предприятиях общественного питания браковку продуктов и обедов. Всекопиту и трестам народного питания НКСнаба привлечь к участию в браковке наряду с инспектурой самих столующихся и заводскую общественность.

3. Возложить на правления кооперативных организаций, Всекопит и тресты народного питания НКСнаба ответственность за доставку предприятиям общественного питания доброкачественных продуктов, обязав заведующих столовыми и директоров фабрик-кухонь отказываться от приема недоброкачественных продуктов.

4. Ввести большее разнообразие в меню фабрик-кухонь и столовых, не связывая потребителя стандартными обедами, и развернуть на предприятиях широко работу буфетов; в частности ввести обеды по разным ценам.

5. Обязать Всекопит и тресты народного питания НКСнаба в первую очередь улучшить постановку общественного питания в ведущих отраслях промышленности, горячих и вредных цехах предприятий и установить круглосуточное обслуживание горячей пищей, и в первую очередь рабочих этих цехов.

6. Установить с 1 сентября поощрительную систему оплаты труда на предприятиях общественного питания (столовые, фабрики-кухни) на основе прогрессивной сдельщины. Проведение сдельщины в предприятиях общественного питания обязательно увязать с качеством пищи, для чего установить контроль за приемкой продукции, материальную ответственность за допущение брака и премию за улучшение качества обработки.

Поставить рабочих фабрик-кухонь и крупных механизированных столовых в одинаковые условия с рабочими промышленных предприятий как в отношении зарплаты, так и в отношении снабжения промтоварами. Повысить зарплату поваров до уровня квалифицированных рабочих промышленности.

7. Предложить НКСнабу и Центросоюзу широко развернуть работу по ремонту существующей сети столовых и оборудования их, обязав ВСНХ и НКТруд оказывать практическую помощь как в отношении рабочей силы, так и снабжения необходимыми материалами.

Возложить на заводоуправления ответственность за предоставление в своих предприятиях вполне годных и благоустроенных помещений под столовые и буфеты для рабочих и оказание реальной помощи в деле текущего ремонта инвентаря и оборудования, и в особенности в отношении полуды кухонного и столового инвентаря.

Обязать заводоуправления крупных предприятий при термосной системе снабжения рабочих обедами обеспечить необходимое оборудование и помещение для подогрева пищи.

8. Обязать НКСнаб и Центросоюз не гнаться за увеличением количественного охвата столующихся в ущерб качеству обеда и установленным нормам по общественному питанию. Установить, что всякое увеличение количества столующихся, выходящее за пределы централизованных продфондов, должно итти, как правило, за счет мобилизации дополнительных местных продовольственных ресурсов. В целях увеличения продовольственных ресурсов для общественного питания, развернуть широко сеть подсобных предприятий при столовых по свиноткорму, прицеводству, кролиководству и др., причем продукцию их полностью закрепить за столовыми.

9. Обязать НКСнаб и его отраслевые объединения, равно как органы потребкооперации, при снабжении предприятий общественного питания продуктами централизованных фондов, обеспечить своевременный завоз продуктов по соответствующему ассортименту, согласно заключенных договоров.

2. Обеспечение инвентарем фабрик-кухонь и столовых...

3. О плане развития общественного питания

17. ЦК считает необходимым развернуть общественное питание с таким расчетом, чтобы в ближайшие 2—3 года удвоить число рабо-

чих, служащих и членов их семей, обслуживаемых общественным питанием с доведением числа обслуживаемых до 25 млн. чел., и добиться полного охвата горячими завтраками школьников и детей, обслуживаемых дошкольными учреждениями.

18. В соответствии с этим поручить Госплану СССР к 1 января 1932 г. с участием Всекопита и НКСнаба разработать план развития общественного питания на 1932—33 г., положив в основу следующее:

а) переход от фабрик-кухонь с термосной системой к фабрикам-заготовочным с сетью столовых при фабриках и заводах, обеспечивающих обслуживанием рабочих горячей пищей;

б) строительство не менее 250—300 фабрик-заготовочных с сетью до 3—4 тыс. столовых при фабриках и заводах.

4. Кадры

19. Обязать Центросоюз, Всекопит и НКСнаб обеспечить подготовку кадров для городского сектора на 1931—32 г. по общественному питанию: поваров, директоров фабрик-кухонь и заведующих столовыми, счетных работников, нормировщиков и др. Развернуть сеть ФЗУ общественного питания, техникумов и провести организацию специального втуза.

20. Сохранить однопроцентное отчисление с оборота общественного питания на подготовку кадров и научно-исследовательскую работу по общественному питанию, обязав Цетросоюз и НКСнаб полностью обеспечить использование этих средств исключительно по указанному назначению.

21. Обязать местные, партийные, советские и профессиональные организации принять все необходимые меры по укреплению аппарата общественного питания квалифицированными работниками и провести в этих целях в месячный срок мобилизацию 500 членов партии в крупнейших промышленных центрах.

22. Реорганизовать журналы «Рабочий общественного питания» и «Общественное питание» в газету ЦК союза Всекопит и Главного управления НКСнаба по народному питанию с выходом ее один раз в пятидневку.

ЦК обязывает все партийные, комсомольские, профсоюзные, кооперативные и хозяйственные организации в кратчайший срок обеспечить действительный перелом в деле общественного питания, развернув массовую работу по политическому воспитанию рабочих общественного питания, внедрению в их среду культурных навыков, методов соревнования и ударничества и вовлекая в дело строительства и контроля над предприятиями общественного питания широкие рабочие массы.

ЦК считает, что каждый рабочий, каждый член партии и комсомолец, и в первую очередь все работающие в предприятиях общественного питания, обязаны обеспечить на деле успешную борьбу со всеми недостатками общественного питания и превратить его в важнейшее звено в работе по улучшению быта рабочего класса.

(Постановление ЦК ВКП(б) от 19 авг. 1931 г. О мерах улучшения общественного питания)

Дополнительные ресурсы питания

1. Одобрить инициативу московского и ленинградского областных комитетов о развитии внутриобластного рыбного хозяйства на базе водоемов местного значения (реки, озера, пруды).

2. Предложить московскому комитету в 1932 г.:

А) Организовать прудовое хозяйство в системе Мосрыбтреста на 10 тыс. га сверх 2 тыс. га, вступающих в эксплоатацию весной 1932 г., и немедленно же развернуть изыскательные работы с тем, чтобы в 1933 г. организовать прудовое хозяйство на площади в 17 тыс. га. Кроме того: по линии потребкооперации области — в 1932 г. — 400 га, в 1933 г. — 1500 га; по линии Облколхозрыбаксоюза — в 1932 г. — 5200 га, в 1933 г. — 13 800 га; по линии совхозных трестов — в 1933 г. на площади в 500 га.

Б) Определить общую сдачу рыбы для нужд снабжения Москвы в 1932 г. — 250 тыс. пуд., в 1933 г. — 440 тыс. пуд., в 1934 г. — 1200 тыс. пуд.

3. Предложить Ленинградскому Обкому:

А) Организовать в системе Ленрыбводтреста сверх имеющихся трех рыборазводных заводов строительство еще 6 новых рыборазводных заводов;

Б) Освоить в 1932 г. не менее 400 тыс. га озерных площадей (не считая Чудского, Онежского и Ладожского озер) с тем, чтобы в 1933 г. было организовано рыбное хозяйство во всех озерах, площадь которых не ниже 20 га;

В) Построить в 1932 г. 2 тыс. га прудового хозяйства и обеспечить организацию в 1933 г. не менее 4 тыс. га прудового хозяйства;

Г) Обеспечить добычу рыбы в 1932 г. по линии Леноблрыбаксоюза, Севзапсоюза и Ленгосрыбтреста не менее 2 500 000 пудов;

Д) Утвердить план вылова рыбы в 1933 г. в 3 500 000 пудов.

(Постан. ЦК ВКП(б) от 9 мая 1932 г. О развертывании местного рыбного хозяйства в Московской и Ленинградской областях)

О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом

1. На основе победы колхозной и совхозной системы хозяйства над системой единоличного хозяйства и разгрома кулацких элементов в деревне — СССР в 2 года достиг такого развертывания зернового хозяйства, расширения посевных площадей и роста валовой продукции зерна, что вместо 660 миллионов пудов зерна (вместе с гарнцем), заготовленных от урожая 1928 года на основе единоличного хозяйства,—в 1930 году государственные заготовки достигли 1350 миллионов пудов зерна (вместе с гарнцем), а в 1931 году, несмотря на засуху, — 1400 миллионов пудов (вместе с гарнцем).

Эти успехи объясняются прежде всего тем, что колхозы, как крупное объединенное хозяйство, получили возможность через машинно-тракторные станции применять и наилучше использовать тракторы и машины, расширить посевные площади и улучшить агротехническую

постановку дела, а совхозы превратились в крупнейшие фабрики зерна, обеспечивающие государству из год в год растущий хлебный фонд.

Благодаря осуществлению политики ленинской партии страна вышла из кризиса зернового хозяйства и преодолевает трудности, вызванные засухой прошлого года в восточных районах СССР, гораздо успешнее, чем это имело место в предыдущие засушливые годы, когда мелкое крестьянское хозяйство еще преобладало в нашей стране.

2. Вместе с тем в результате успехов в деле осуществления пятилетки в области промышленности все более растут возможности Советского Союза в области производства промышленных товаров как для удовлетворения производственных нужд колхоза, так и личных потребностей трудящихся деревни.

В связи с этим непрерывным ростом количества промышленных товаров и ростом производства зерна в деревне увеличиваются возможности развертывания колхозной торговли. Колхозная торговля становится все более важным добавочным источником снабжения городов продуктами сельско-хозяйственного производства.

В связи с этим обстоятельством советская власть получила возможность на ряду с методом государственных хлебозаготовок практиковать, как средство снабжения городского населения, другой метод, метод торговли хлебом самими колхозами и колхозниками. Задача состоит в том, чтобы в интересах дальнейшего улучшения снабжения городского населения сочетать эти два метода и развернуть колхозную торговлю хлебом за счет некоторого сокращения государственных хлебозаготовок по крестьянскому сектору, увеличив одновременно заготовки по совхозному сектору.

На основании всего этого Совет народных комиссаров СССР и Центральный комитет ВКП(б) постановляют:

а) Уменьшить государственный план хлебозаготовок по СССР из урожая 1932 года по колхозам и единоличным хозяйствам в сравнении с планом 1931 года на 264 миллиона пудов, установив для 1932 года план в 1103 миллиона пудов при среднем урожае (без гарица) вместо прошлогоднего плана в 1367 миллионов пудов.

б) В соответствии с ростом совхозного хозяйства увеличить в 1932 году план хлебозаготовок по совхозам всех систем до 151 миллиона пудов против сданных в прошлом году 103 миллионов пудов со следующей разбивкой по системам: по Зернотресту — 110 миллионов пудов, по Союзсахару—20 миллионов пудов, по семеноводческим трестам—10 миллионов пудов, по Промсовхозтресту — 5 миллионов пудов, по животноводческим совхозам (союзным и республиканским) — 3 миллиона пудов, по прочим республиканским совхозам — 3 миллиона пудов.

в) Выполнение плана хлебозаготовок из урожая 1932 года закончить не позднее 1 января 1933 года.

г) Образование семенных фондов в колхозах закончить не позднее 15 января 1933 года.

д) Признать целесообразным по окончании выполнения настоящего хлебозаготовительного плана и образования семенных фондов, т. е. с 15 января 1933 года предоставить колхозам и колхозникам полную возможность беспрепятственной продажи излишков своего хлеба по своему усмотрению как на базарах, так и в своих колхозных лавках, обязав местные органы власти оказывать в этом колхозам и колхозникам

полное содействие и применять меры к искоренению частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле.

(Из постановления ЦК ВКП(б) 6 мая 1932 г.)

О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

Уменьшить вдвое государственный план скотозаготовок на остающиеся 3 квартала 1932 года по колхозам, колхозникам и единоличным хозяйствам и установить его в размера 716 тыс. тонн в живом весе, вместо действующего плана 1 414 000 тонн, одновременно увеличив план сдачи скота совхозами (кроме коммерческой реализации) до 138 000 тонн против фактически сданных в 1931 г. 90 000 тонн живого веса.

План скотозаготовок в совхозах (кроме коммерческой реализации) распределить по системам: «Свиновод» — 48 тысяч тонн, «Скотовод» — 30 тыс. тонн, «Овцевод» — 33 тыс. тонн, «Союзсахар» — 8 тыс. тонн, Маслообъединение — 10 тыс. тонн, прочие совхозы — 9 тыс. тонн.

План скотозаготовок устанавливать в живом весе с тем, чтобы хозяйства могли выполнить его любым видом скота.

Отменить какие бы то ни было ограничения по убою крупного рогатого и мелкого скота как для собственных нужд сельского населения, так и для продажи.

Признать целесообразным предоставить колхозам, колхозникам и единоличникам, аккуратно выполняющим централизованный план скотозаготовок, полную возможность беспрепятственной продажи крупного скота, свиней, овец, птицы всякой и мясной продукции своих хозяйств на рынках, базарах и через колхозные лавки.

Воспретить местным органам власти вводить какие бы то ни было ограничения по продаже колхозами, колхозниками и единоличниками мясной продукции их хозяйства, искореняя частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся нажиться на мясной торговле трудящихся крестьян.

(Из постановл. ЦК ВКП(б) 10 мая 1932 г.)

О заготовках масла, молока и сыра

1. Утвердить план сдачи молока совхозами на 1933 год в количестве 30 700 тонн (в переводе на масло) против сданных ими в 1932 году 22 000 тонн.

Из них:

Совхозы Наркомсовхозов	24.975	тонн
» Наркомзема	1,505	»
» Наркомснаба	3,940	»
Прочие совхозы	280	»

2. Отменить существующую договорную (контрактационную) систему заготовок молока, масла и сыра и установить в порядке налога для всех имеющих коров единоличных хозяйств и колхозных дворов обязатель-

ную поставку (сдачу) молока государству по установленным государственным ценам.

(Из постановл. ЦК ВКП(б) 19 декабря 1932 г.)

Потребление во 2 пятилетке

XVII конференция ВКП(б) считает, что в отношении важнейших отраслей народного хозяйства должны быть во втором пятилетии поставлены следующие задачи:

по **легкой и пищевой промышленности** всемерно развернуть производство важнейших отраслей на основе создания крупной машинной индустрии и значительного расширения сельскохозяйственной сырьевой базы и обеспечить утроение норм душевого потребления, исходя при этом из необходимости усиленного развития легкой и пищевой промышленности в новых районах, а именно в районах производства сырья...

В области **животноводства** во второй пятилетке добиться такого увеличения стада и роста товарной продукции, которое соответствовало бы разрешению в основном животноводческой проблемы для СССР, как этого партия добилась в первую пятилетку по отношению к зерновой проблеме...

По хлопку и льну обеспечить не менее чем удвоение, а по сахарной свекле — утроение валовой продукции.

Все эти мероприятия по сельскому хозяйству требуют дальнейшего и еще более быстрого подъема **Зернового хозяйства,** с тем, чтобы зерновая продукция к концу второй пятилетки достигла не меньше, чем 1300 млн. центнеров. Поэтому центральной задачей второй пятилетки должно стать **решительное повышение урожайности** колхозных и совхозных полей и большевистское разрешение вопроса о борьбе с засухой...

(Из постановления 17 парт. конф. ВКП(б) — янв. 1932 г.)

IV. ПОЛОВОЙ ВОПРОС, БРАК, СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ

Морган пришел к тому же выводу, к которому пришло большинство ученых, занимавшихся этим предметом, а именно, что в первобытном состоянии человеческого общества господствовала полная свобода половых отношений в пределах определенного племени, так что в нем каждая женщина принадлежала каждому мужчине и каждый мужчина каждой женщине. Бакофен первый открыл такое состояние.[1] Из этого состояния и, вероятно, весьма рано — развилась:

[1] Но Бакофен неправильно понял то, что он открыл, или, вернее, угадал, что видно из того, что это свободное половое сожитие он назвал **гетеризмом.** Этим именем греки называли любовную связь холостых или в единобрачии живущих мужчин с незамужними женщинами. Следовательно гетеризму предшествовало установление определенной формы брака, вне которого совершалась упомянутая связь, и вместе с тем возможность проституции. В другом смысле это слово никогда не употреблялось. Морган и я оставляем за ним его настоящее значение. Весьма важные открытия Бахофена до невозможности затушевываются его предположением, что источником исторически возникавших отношений между женщиной и мужчиной являлись не действительные жизненные условия, а религиозные представления человека.

1. **Кровородственная семья,** первая органическая форма общества и начало семьи. Здесь брачные группы разделяются по поколениям: в границах такой семьи все деды и бабки между собою мужья и жены, также и их дети, отцы и матери; дети этих последних составляют третью группу общих супругов, а их дети, правнуки первой группы, образуют четвертую группу. Следовательно в этой форме семьи исключаются от права и обязанностей брака (как теперь бы сказали) лишь предки и потомки, родители и дети. Братья и сестры, родные и двоюродные первой, второй и дальнейших степеней все — братья и сестры, а **потому** мужья и жены между собою. При такой семье родственные отношения между братом и сестрой распространяются и на половую связь. Семья этого типа состоит из потомков первой пары, которые между собою братья и сестры, и из дальнейших потомков, из которых каждое поколение тоже между собою братья и сестры, а потому мужья и жены.

Кровородственная семья вымерла. Она не встречается теперь и у самых диких народов, но что такие семейные отношения действительно существовали, — это доказывает гавайская, во всей Полинезии до сих пор принятая система обозначения родства, в которой ясно выражается кровное родство всех членов семьи, возможное лишь при форме кровородственной семьи. Без этой формы необъяснимо дальнейшее развитие семьи.

2. **Пуналуа-семья.** Первое прогрессивное изменение в организации половых отношений состояло в исключении из такового сожития родителей и их детей, второе — в исключении братьев и сестер. Последнее изменение имело весьма важное значение, и ввести его было труднее, чем первое, потому что в этом случае исключались из полового сожития лица более или менее одинакового возраста. Это изменение утвердилось постепенно: вначале только в известных случаях не допускались в половой союз единоутробные братья и сестры (т. е. с материнской стороны), затем мало-по-малу это сделалось общим правилом (хотя в Гаваи встречались изъятия даже в настоящем столетии), и наконец это запрещение распространили на детей, внуков и правнуков единоутробных братьев и сестер. Это изменение, по Моргану, прекрасно иллюстрирует действие естественного подбора, ибо несомненно, что племена, у коих половое сожитие ограничено последним изменением, быстрее и всестороннее развиваются, чем племена сохранившие половой союз между братьями и сестрами. Могучее действие этого изменения обнаружилось в непосредственно из него вышедшем родовом быте, основе социального устройства почти всех варварских народов. Из этого быта греки и римляне прямо перешли в цивилизацию.

Эта первичная семья делилась через несколько поколений. А так как первобытное коммунистическое хозяйство требовало семейного союза известной величины, различной при неодинаковых условиях, но для каждого места довольно определенной, то, когда укрепилось понятие о непристойности половых сношений между единоутробными детьми, оно осталось без влияния на разделение прежних и образование новых хозяйств (которые могли и не совпадать с семейною группою). Одно или несколько поколений сестер составили зерно одного хозяйства, их единоутробные братья — зерно другого. Так или подобно этому образовалась из кровородственной формы семья, которую Морган назвал пуналуа-семьей (семьей товарищей). По гавайскому обычаю известное число

сестер, единоутробных или не столь близкого родства (двоюродные сестры первой, второй и более отдаленной степени), были общими женами мужей, из числа которых исключались их братья; эти мужья называли один другого не братом, и в действительности они не были братьями, а **пуналуа,** близкий товарищ. Таким же образом единоутробные или не столь близкого родства братья имели общих жен, только не своих сестер, и эти жены называли одна другую тоже **пуналуа.** Вот классический тип семьи этого рода. Он впоследствии изменялся, но характерную черту его составляла общность мужей и жен в определенной семейной группе, из которой исключались братья жен и сестры мужей, сперва единоутробные, а потом и более дальнего родства.

В этой форме семьи степени родства вполне соответствуют американской системе обозначения родственных отношений. Дети сестер моей матери и ее дети, дети братьев моего отца и его дети, и все они мои братья и сестры. Но дети братьев моей матери ей племянники и племянницы; дети сестер моего отца ему племянники и племянницы, и все они мои двоюродные братья и сестры. В то время, когда еще мужья сестер моей матери были и ее мужьями, а жены братьев моего отца и его женами, если не в действительности, то по праву, — общественное неодобрение половых сношений между братьями и сестрами разделило детей братьев и сестер, прежде безразличных, на два класса: одни, как и прежде, остались братьями и сестрами между собою (неединоутробными), другие, с одной стороны дети братьев и с другой сестер, **не могли** уже считаться братьями и сестрами, так как не могли иметь общих родителей, ни отца, ни матери, ни обоих вместе. Вследствие этого необходимо явилась новая степень родства — племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры — невозможная при прежних семейных отношениях. Американская система обозначения родства, бессмысленная при какой бы то ни было форме единобрачия, разумна и рациональна до малейших подробностей при семье пуналуа. Граница распространения этой системы обозначения родства есть в то же время граница распространения семьи пуналуа.

Родовая семья

Из пуналуа-семьи, почти без исключения, непосредственно произошел **род** (gens). Правда, и австралийская система полового сожития может привести к тому же, и у австралийцев был род, но у них не было пуналуа-семьи. Впрочем, их семейная организация совершенно исключительная, и мы на ней не будем останавливаться.

Во всяком половом сожитии группами отец ребенка может быть неизвестен, но всегда известна его мать, и хотя она **всех** детей общего семейства называет своими детьми и несет в отношении их материнские обязанности, но непременно она отличает между ними детей, ею самой рожденных. Поэтому в сожитии группами можно проследить лишь поколения **с материнской стороны,** почему в таковых сожитиях признается только **женская линия.** Так у всех дикарей и у народов низшей степени периода варварств. На это в первый раз указал Бакофен; это составляет его вторую заслугу в исследуемом нами вопросе. Он назвал это исключительное признание происхождения по женской линии и основанное на нем впоследствии право наследства — **материнским правом.** Я тоже буду употреблять это название в виду его краткости, хотя оно и неточно. На

этой ступени общественного развития не может быть речи о праве в юридическом смысле.

Таким образом пуналуа-семья принимает две формы. В одной из них такая семья состоит из ряда единоутробных и более дальнего родства сестер (т. е. происходящих от единоутробных сестер в 1, 2, 3 и т. д. коленах) с их детьми и единоутробными и более дальнего родства братьями с материнской стороны (которые отнюдь не могут быть их мужьями). Такая группа охватывает всех лиц, которые впоследствии вошли в состав рода в его зародышном состоянии. Эта группа имеет одну общую прародительницу, в силу чего все женщины одного поколения — сестры между собою. Но так как мужья их не могут быть их братьями, то следовательно у мужей и жен различные прародительницы, они не принадлежат к одной родственной группе. Дети же их принадлежат к этой группе, так как происхождение по женской линии имеет решающее и бесспорное значение. Как только вошло в силу запрещение половых сношений между родственниками по матери и единоутробными и дальними, вышеупомянутая группа обратилась в род, т. е. установился кровородственный союз по женской линии, члены которого не могли входить в половые сношения между собою. Общие социальные и религиозные учреждения все более укрепляли этот союз и обособляли его от других родовых союзов того же племени. Об этом впоследствии будет сказано подробно. Допустив, что род необходимо и естественно образовался из пуналуа-семьи, мы должны с тем вместе признать, что эта форма семьи существовала у всех народов, у которых находим следы родового быта, т. е. у всех варваров и цивилизованных народов...

3. **Парная семья.** Случайное сожитие пары в продолжение более долгого или короткого времени случалось не только при пуналуа-семье, но и ранее. Муж из многих жен выбирал одну, главную (едва ли можно сказать — любимую), и в свою очередь был для нее первым между остальными мужьями. Такое отношение сбило с толку миссионеров, и они видели в пуналуа-семье то беспорядочную общность жен, то произвольное расторжение брака. Такое случайное сожитие парами все более распространялось по мере развития родового начала и исключения из полового союза братьев и сестер все более дальнего родства. Но запрещение сожития между кровными родственниками на этом не остановилось. Так, у ирокезов и большинства других индийцев, находящихся на низшей стадии варварства, брак между родственниками запрещен в сотне случаев по их системе обозначения родства, что сделало невозможным браки группами; их заменили **случайные семьи.** При этой форме семьи мужчина живет с одной женщиной, но за ним остается право многоженства и случайной неверности, хотя первым правом, по экономическим причинам, он редко пользуется. Со стороны же женщины, во все время сожития, требуется верность, и нарушение ее жестоко наказывается. Но такой союз легко расторжим как с той, так и с другой стороны; дети, как при пуналуа-семье, остаются при матери.

Естественный подбор продолжал действовать и при исключении из полового союза все большего числа кровных родственников. Морган говорит: от брака между членами неродственных родов произошло племя, более сильное физически и нравственно; при скрещивании двух прогрессирующих родов естественно увеличился объем черепа и мозга их потомков, ибо способности последних составляют сумму способностей

первых. Поэтому племена с родовым бытом более развились, чем оставшиеся при прежней семейной форме.

Таким образом развитие семьи состояло в ограничении круга лиц, между которыми было дозволено половое сожитие. Вследствие запрещения этих отношений сперва между близкими, затем и более отдаленными родственниками, наконец, даже между свойственниками, брачный союз группами сделался практически невозможным, и в конце-концов осталась лишь одна пара, в прежнее время слабо соединенная, та пара, с распадением которой исчезает самая возможность супружества. Уже из этого видно, как мало причастна установлению единобрачия индивидуальная половая любовь, в теперешнем значении этого слова. То же самое, но еще яснее, свидетельствует наблюдение над жизнью народов, стоящих на рассматриваемой стадии развития. При прежних формах семьи мужчина не затруднялся в отыскании жен, напротив, их было более, чем требовалось, теперь же женщины стали редки. Поэтому с установлением случайного брака входит в обычай **похищение и купля жен;** эти симптомы важного социального изменения составляют лишь различные способы добывания жен, а педант шотландец Мак-Ленан принял их за особенные формы семьи—«брак путем похищения» и «брак путем купли». И прежде у американских индийцев и у других народов на той же стадии развития брак совершался не по желанию жениха и невесты, а по выбору матери. Часто обручались два лица, никогда не видавшиеся. Они знакомились по заключении сделки, пред самым наступлением времени брака. Перед свадьбой жених одаривал родичей невесты (ее родственников с материнской, а не с отцовской стороны), и эти подарки считались куплею. Брак расторгался по желанию обеих или одной из сторон. Но постепенно у некоторых племен, например, у ирокезов, общественное мнение восстало против такого расторжения браков. При семейных раздорах родичи мужа и жены стали принимать посредническое участие, и только в том случае, если не состоялось примирение, разрешался развод; дети оставались при матери, и обе стороны могли вновь вступать в брак.

Случайное семейство, слабое и неустойчивое, не чувствовало ни потребности, ни желания обзавестись отдельным домом и оставалось при прежнем коммунистическом хозяйстве. А такое хозяйство обусловливает первенство в доме женщины, точно так, как исключительное признание матери по крови, при невозможности с полной уверенностью указать на отца по крови, вызывает особое почтение к женщине, т. е. к матери. Перешедшее к нам из XVIII столетия представление, что женщина на первых порах общественной жизни была рабою мужчины, совершенно неправильно. Женщина у диких и у варваров низшего и среднего отдела, а отчасти и высшего, не только совершенно свободна, но и занимает почетное положение в обществе. О положении женщины при господстве случайной семьи Arthur Wright, долго живший в качестве миссионера между Сенека-ирокезами, свидетельствует следующее: «Что касается того времени, когда они жили в старых длинных домах (коммунистическое хозяйство нескольких семейств), то в это время у них преобладал всегда какой-либо один клан (род), и жены выбирали мужей из другого клана (рода)... Обыкновенно домашним хозяйством распоряжались женщины, все припасы были общие, и горе тому несчастному мужу или любовнику, который по лености или неспособности ни-

чего не внес в общий продовольственный запас. Сколько бы детей ни имел, какою бы движимостью ни располагал, каждый мужчина должен был ежечасно ожидать приказания связать дорожный узел и убираться вон. И он беспрекословно исполнял такое приказание, ибо в противном случае, жутко пришлось бы ему; он или возвращался в свой клан (род) или, и это случалось чаще, искал нового брака в другом клане. Женщины пользовались в клане (роде) большою властью, и только случайно они не додумались до того, что могут сменять и обращать в простых воинов предводителей клана (рода)». Таким образом коммунистическое хозяйство, в котором все или бо́льшая часть женщин принадлежали к одному роду, а мужчины к различным, служило основанием весьма распространенному в отдаленные времена господству женщин, на что в первый раз тоже указал Бакофен, и это его третья заслуга. Кстати замечу, что сказанному не противоречат свидетельства путешественников и миссионеров о том, что у дикарей и варваров женщины обременены непосильной работой. Разделение труда между женщиной и мужчиной обусловливается другими причинами, а не социальным положением женщины. У народов, у которых женщина работает больше, чем ей следовало бы по нашим понятиям, она в действительности пользуется бо́льшим уважением, чем женщина в Европе. Цивилизованная госпожа, окруженная внешним почетом и отстраненная от всякого производительного труда, занимает более низкое положение в обществе, чем в поте лица работающая жена варвара, настоящая госпожа своего дома...

Случайное семейство возникло на границе дикого состояния и варварства, по большей части в высшей стадии дикого состояния и реже — в низшем отделе варварства. Это характерная форма семьи в периоде варварства, в то время как брак группами — характерная форма семьи в диком состоянии, а моногамия—в периоде цивилизации. Но для укрепления моногамии требовались не те условия, которые мы до сих пор встречали. В случайном браке группа дошла до крайнего предела, до семейной молекулы: один муж, одна жена. Этим закончился цикл развития естественного размножения; в этом направлении оно не могло уже итти далее. И если бы не действие новых **общественных** явлений, то не было бы причины перехода от случайной к новой форме семьи. В действительности же эти причины оказались...

В приручении животных и размножении стад открылся до того времени неподозреваемый даже источник богатства и вызвал к жизни совершенно новые социальные отношения. До низшего отдела варварства богатство (имущество) заключалось лишь в доме, одежде, грубых украшениях и орудиях, облегчающих добычу и приготовление пищи: челн, оружие и простая домашняя утварь. Запасов не было, пища добывалась изо дня в день. Но в стадах лошадей, верблюдов, ослов, рогатого скота, овец, коз и свиней пастушеские народы, арийцы в индийском Пятиречье, долине Ганга и в то время богатых водою степях Оксуса и Яксарта, и семиты на Тигре и Евфрате приобрели такого рода собственность, которая, при небольшом надзоре и уходе, легко размножалась и давала обильную молочную и мясную пищу. С того времени все прежние источники добычи пищевых веществ заняли второстепенное место; охота из необходимого занятия стала удовольствием, роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство, эта новая собственность? Вначале всему роду, это несомненно. Но скоро стада перешли

в частную собственность... И так же несомненно, что на пороге достоверной истории стада составляли уже частную собственность отдельных семей, как и произведения искусства периода варварства — металлические посуда и украшения и, наконец, как человек, сделавшийся рабом.

Ибо в это время уже существовало рабство, которое не имело еще значения для варвара низшего отдела этого периода. В этом причина, почему американские индийцы иначе поступали с побежденным врагом, чем народы высшей стадии развития. Мужчин они или убивали, или причисляли, как братьев, к роду победителя. Женщин они или брали в жены, или также принимали в состав рода со всеми детьми. На низшей ступени варварства рабочая сила не приносила хорошего барыша; он почти весь поглощался стоимостью содержания рабочего. Но это изменилось с введением скотоводства, обработки металлов, тканья и, наконец, земледелия. Как прежде многочисленные жены, сделавшись редкими, получили особую ценность, так и теперь получила ценность рабочая сила, особенно с тех пор, как стада перешли в частную собственность. Семья размножалась медленнее стада. А надзор за стадами требовал все более людей, и пригодными для этой цели оказались военнопленные, которые к тому же, подобно стаду, размножались естественно.

Эти богатства с переходом в частную собственность, быстро умножились и повели к дальнейшему развитию общества, основанного на случайном браке и роде. Случайный брак ввел в семью новый элемент. К родной матери присоединился признанный родным отец, который, по своему вероятию, имел более прав на это имя, чем многие «отцы» нашего времени. При тогдашнем разделении труда между членами семейства на долю мужа выпала забота о добыче пищи и нужных для этого средств производства, которые составляли его собственность, так что при бракоразводе эти средства оставались у него, а весь домашний скарб принадлежал жене. Таким образом, в силу господствовавшего тогда обычая, муж был собственником новых пищевых источников — домашнего скота, а впоследствии и новых рабочих средств — рабов. Но, по силе же обычая, дети не наследовали отцу.

Но материнскому праву, т. е. до тех пор, пока происхождение считалось лишь по материнской линии, и по первоначальному обычаю родовой наследственности умершему члену рода наследовали его родичи. Имущество не должно было выходить из рода. При незначительности первоначального наследства, вероятно, исстари велось, что оно переходило к ближайшим родичам, т. е. к агнатам с материнской стороны. И так как дети принадлежали не к роду отца, а к роду матери, то они наследовали после нее сперва наряду со всеми агнатами с материнской стороны, а впоследствии они, может быть, были главными ее наследниками, после же отца никогда не наследовали, как не принадлежащие к его роду, а имущество отца должно было оставаться в роде. Следовательно, по смерти собственника, принадлежавшие ему стада переходили сперва к его братьям и сестрам и к детям его сестер и затем к потомкам сестер его матери. Его же дети ему не наследовали.

Но по мере увеличения богатства возрастало значение мужа в семье на счет значения жены, и в нем родилось желание воспользоваться этим значением для изменения существовавшего порядка наследования в пользу своих детей. Но достигнуть этого было нельзя, не уничтожив материнского права. И это не было так трудно, как могло казаться, ибо

этот переворот, один из важнейших между пережитыми человечеством, не затрагивал ни одного из живых членов рода. Положение их после переворота не изменилось. Достаточно было постановить, что на будущее время потомки по мужской линии остаются в роде, а по женской линии переходят в род мужа. Этим положен был конец счету происхождения по женской линии и материнскому праву наследства и введено родословие по мужской линии и право наследства после отца. Как и когда этот переворот совершился у культурных народов, мы не знаем, — он произошел в доисторическое время, вот одно, что можно сказать. Но то, что такой переворот действительно был — это вполне доказывается собранными Бахофеном следами материнского права, а что он совершился легко — это видно из наблюдений над целым рядом американских племен, у которых этот переворот произошел недавно и еще теперь происходит под влиянием отчасти возрастающего богатства и перемены образа жизни (переселение из лесов в прерии), отчасти от воздействия цивилизованных соседей и миссионеров. Из восьми миссурийских племен у шести действует мужская родословная линия и мужское право наследства, а у двух материнское право происхождения и наследства. У других племен было в обычае давать детям имена отцовского рода и тем переводить их в этот род для того, чтобы они могли наследовать своему родителю. «Врожденная человеку казуистика под видом перемены названия изменять самую суть вещей и находить лазейку к уничтожению одного предания другим, когда непосредственный интерес этого требует, объясняет подобные изменения» (Маркс). Рассматриваемый обычай повел к большой путанице, которую необходимо было исправить, что и достигнуто переходом к отцовскому праву.

Уничтожение материнского права было **всемирно-историческим поражением женщины.** Муж стал господином и в домашнем хозяйстве, женщина была унижена, порабощена, сделалась рабою прихотей мужа, годной только рожать детей. Такое униженное положение занимала женщина, напр., в Греции героического и классического периодов; впоследствии оно постепенно прикрылось благовидностью и лицемерием, в некоторых местах облеклось в более мягкие формы, но нигде оно совершенно устранено не было.

Патриархальная семья

Первое проявление единовластия мужчины выразилось образованием патриархальной семьи средней формы между семьей случайной и единобрачной. Отличие патриархальной семьи не в многоженстве, а в том, что в ней под отеческой властью главы семьи соединены свободные и несвободные лица. У семитов глава семьи живет в многоженстве, несвободные члены семьи имеют жену и детей, и цель организации такой семьи — присмотр за стадами, пасущимися в известных, определенных местах. Существенное в патриархальной семье — включение в ее состав несвободных членов и отцовская власть; законченный ее тип — римская семья. Понятие семьи, familia, не совпадало вначале с идеалом филистеров, сложившимся из сентиментализма и семейных дрязг; у римлян первоначально словом familia обозначали не брачную пару и ее детей, а только рабов. Famulus — это дворовый раб, а familia — собрание рабов, принадлежащих одному господину. Еще во времена Гая familia, id est patrimonium (т. е. часть наследства), передавалась по завещанию. Это

слово придумали римляне для обозначения нового общественного организма, главе которого под покровом римской отцовской власти, были подчинены жена, дети и рабы и который имел право жизни и смерти над ними. «Следовательно это слово вошло в употребление одновременно с образованием строгой семейной формы латинского племени, формы, появившейся после отделения арийских италиков от греков и по введении земледелия и на законе основного рабства». К этому Маркс прибавляет: «В новейшей семье лежит зародыш не только рабства (servitus), но и крепостного состояния, так как служба его тесно связана с земледелием. В этой форме семьи заключается зародыш тех противоречий, которые впоследствии широко развились как в обществе, так и в государстве».

Эта семейная форма составляет, как выше сказано, переход от случайного брака к моногамии, единобрачию. Для обеспечения верности жены, а следовательно законности детей, жена подчинена неограниченной власти мужа: убивая ее, он пользуется своим правом.

По уничтожении материнского права быстро распространилось единобрачие, но, прежде чем перейти к рассмотрению этой формы брака, скажем несколько слов о многоженстве и многомужии. Эти две формы брака составляют исключение, так сказать, историческую роскошь и не встречаются одновременно в одной и той же стране. Если бы встретилось противное, то мужчина, оставшийся вне многоженства, утешился бы женщиной, оставшейся вне многомужия, но так как этого нигде не было, и до сего времени, при самых разнообразных социальных учреждениях, число женщин и мужчин было почти равно, то ни полигамия ни полиандрия не могли сделаться всеобщею формою брака. Полигамия была продуктом рабства и распространялась только на известные лица. В патриархальной семье семитов только патриарх, да иногда несколько из его сыновей, жили во многоженстве, остальные довольствовались одной женой. Так и теперь на востоке; многоженство — привилегия богатых и знатных и поддерживается преимущественно покупкою невольниц в других странах. Народная масса живет в моногамии. Такое же исключительное явление многомужия в Индии и Тибете. Происхождение этого брака из пуналуа-семьи нуждается в дальнейших исследованиях. Многомужие гораздо покладистее ревнивого гаремного хозяйства магометан. Так, у наиров в Индии три, четыре и более мужчин держат одну жену, но каждый из этих мужей имеет право взять вторую, третью, четвертую жену в компании с другими мужчинами, для каждой жены отдельными. Удивительно, как это Мак-Ленан, описавший эти брачные клубы, в нескольких из которых можно быть одновременно членом, не отнес их к особой форме брака — форме **клубного брака...**

4. **Единобрачная семья,** как выше показано, есть дальнейшее развитие случайной семьи; она возникла на рубеже среднего и высшего отделов варварства, и окончательное ее укрепление служит одним из признаков начала цивилизации. Эта семья основана на господстве мужа с очевидною целью иметь детей несомненного происхождения, так как они, как кровные наследники, вступают во владение отцовским имуществом. Она отличается от случайной семьи и большею устойчивостью брачного союза; он уже не может расторгаться по обоюдному согласию сторон, только муж может его рушить и отвергнуть жену. Обычай и закон оставляют за ним право нарушения супружеской верности (кодекс Наполеона ясно дозволяет это мужу лишь при условии не помещать своей любовницы в своей семейной квартире), и, по мере общественного развития, муж все чаще пользуется этим правом; но если жена его вспомнит о прежней половой практике и вздумает ее возобновить, то ее наказывают строже, чем когда-либо прежде...

Таково начало моногамии у самого развитого, у самого цивилизованного народа древности.[1] Она не была последствием индивидуальной половой любви, с нею она не имеет ничего общего. Тогда, как и теперь, браки заключались не по любви, а в силу общественных условий. Моногамия — первая семейная форма, основанная не на естественных, а на социальных требованиях. Господство мужа в семье и несомненная законность детей, будущих наследников имущества отца, вот по понятиям греков исключительная цель моногамии. Во всем остальном она их тяготила, она налагала на них обязанности по отношению к богам, государству и предкам...

Появление моногамии не установило равноправия между мужчиной и женщиной. Напротив, моногамия есть подчинение одного пола другому, проявление небывалого до того времени антагонизма между ними. В одной ненапечатанной статье 1846 г., составленной Марксом и мною, сказано: «начало разделения труда — участие в процессе продолжения рода мужчины и женщины»; в настоящем случае добавлю: первое разделение общества на классы совпадает с развитием в моногамии антагонизма между женщиной и мужчиной и первое подчинение одного класса другому — с подчинением женщины мужчине. Моногамия несомненно великий социальный успех, но с ее установлением начинается, наряду с рабством и частною собственностью, тот до сего времени продолжающийся исторический период, в котором всякий прогресс сопровождается регрессом, благосостояние и преуспеяние одного несчастием и придавленностью другого. Моногамия — это клеточка цивилизованного общества, по которой можно изучать все противоречия и несообразности, в нем заключающиеся.

Впрочем, прежняя относительная свобода половых отношений не исчезла с установлением случайного брака и моногамии. «Половые отношения древней системы брака, ограниченные постепенным вымиранием пуналуа-семьи (брака группами), не исчезли и при дальнейшем развитии формы семьи и сопровождали ее до рассвета цивилизации — они затерялись в новой форме гетеризма, которая перешла в цивилизацию, как черная тень, тяготеющая над семьей». Под гетеризмом Морган разумеет существующие, **на ряду с единобрачием,** внебрачные половые сношения мужчин с незамужними женщинами, которые, как каждому известно, процветают во всем периоде цивилизации в самых разнообразных формах и все более обращаются в проституцию. Этот гетеризм, такое же, как и все другие, общественное учреждение, есть таким образом лишь продолжение прежней свободы половых отношений... на пользу и удовольствие мужчин. Его не только терпят, но правящий класс широко им пользуется и только на словах его осуждает. И осуждает только женщин и отнюдь не мужчин: таким женщинам оказывают презрение, не принимают в общество и тем лишний раз доказывают, что господство мужчины над женщиной составляет основной социальный закон.

[1] См. примечание 19-е.

Но уклонение в одну сторону непременно влечет за собою уклонение в другую. Мужчина этого не сознавал, но женщина открыла ему глаза. С единобрачием выступают на общественную арену две характерные фигуры, прежде до того неизвестные: возлюбленный жены и мужрогоносец. Мужчина победил женщину, но побежденная великодушно увенчала победителя. Наряду с единобрачием и гетеризмом, необходимым общественным явлением стало и нарушение супружеской верности; его преследуют, наказывают, но ничего не помогает. Теперь, как и прежде, отец признает ребенка своим лишь по внутреннему убеждению. Параграф 312 кодекса Наполеона, для разрешения этой неразрешимой задачи, постановляет: l'enfant consu pendant le mariage a pour père le mari — отцом ребенка, рожденного в браке, считается муж. Вот результат единобрачия, существующего более 3000 лет.

Таким образом отдельная семья, оставшаяся верною своему историческому происхождению и ясно выражающая в возникающих между мужем и женою недоразумениях исключительное господство мужчины, представляет в малых размерах картину тех противоречий и недоразумений, среди которых живет общество, разделенное со времени наступления периода цивилизации на различные классы, и которые победить или разрешить оно не в состоянии. Конечно, я имею в виду те семьи, брачная жизнь которых сохранила еще первоначальный характер этого учреждения, но и в которых жена не подчиняется беспрекословно мужу. Что не каждый брак похож на этот, лучше всего знает немецкий филистер. Он так же плохо охраняет свою власть в доме, как и в государстве, и находится под башмаком своей жены. А как он гордится перед французом, своим товарищем по несчастью, положение которого часто весьма плохо!...

Однако, хотя из всех известных форм семьи только при моногамии могла развиться новейшая индивидуальная половая любовь, но из этого не следует, что такая любовь исключительно или даже преимущественно выражалась в любви между двумя супругами. Это противоречило бы по существу неразрывному единобрачию под главенством мужа. У всех исторически деятельных, т. е. у всех господствующих классов заключение брака, как было и в случайной семье, основано на общественном приличии и обыкновенно устраивается родителями. Первоначальная историческая форма индивидуальной половой любви, как страсти и именно как страсти, свойственной каждому человеку (по крайней мере из господствующих классов), как высшей формы полового отношения, что составляет специфический характер этой любви, — эта первоначальная форма, средневековая рыцарская любовь, не была супружеской любовью. Рыцарская любовь, в ее классической форме, у провансальцев всегда сопровождалась нарушением супружеской верности, и эту любовь воспевают современные ей поэты. Перлы провансальской поэзии любви—это alba, песни на заре. Обыкновенно в них описывается в пламенных выражениях, как рыцарь лежит в постели с возлюбленною — чужою женою, а под окном дежурит сторож; он при первом появлении беловатого (alba) света занимающейся зари своим окликом будит рыцаря и этим дает ему возможность незамеченным скрыться; сила всей песни — сцена прощанья.

(Ф. Энгельс — «Происхождение семьи, частной собственности и государства»)

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ, БРАК И СЕМЬЯ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Основа буржуазной семьи — частная нажива

На чем основана современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и то и другое исчезнет вместе с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим упразднить эксплоатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении. Но мы, говорите вы, уничтожаем самые дорогие отношения, ставя на место домашнего воспитания общественное.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют его характер, они вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми становятся тем противнее, чем более разрушаются, благодаря крупной промышленности все семейные связи в среде пролетариата и дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как-раз о том, чтобы упразднить положение женщин как простых орудий производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высоко-морального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она почти всегда существовала.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять законных жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью законных жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве только в том, что они хотят ввести вместо лицемерно прикрытой официальную, открытую общность жен. Впрочем, само собой разумеется, что с упразднением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

(Маркс и Энгельс — «Коммунистический манифест») (Партиздат 1932)

Древне-ирландская семья цивилизованнее современной буржуазной

Самое лучшее в древне-ирландском законе — семейное право. Распутным, должно быть, было то время. Многоженство было во всяком случае **терпимо,** и притом конкубины делились на шесть—семь разрядов, в том числе «imris», «whom he (the man) has whit the consent of her husband».[1] В высшей степени наивны также правила о распоряжении имуществом. Если имущество у обоих одинаково, муж и (первая или главная) жена распоряжаются им сообща. Если мужу принадлежит все, а жене ничего, распоряжается муж. Если у жены все, а у мужа ничего, то «жена становится на место мужа, а муж на место жены». Все же это цивилизованнее современных английских законов.

Регулируется у них также правовое положение hommes entretenus.[2]

(Из письма Энгельса Маркесу от 8/V 1870 г.) (Соч. Маркса и Энгельса, т. 23)

Капитализм разлагает семью

Класс, получающий в награду за свою тяжкую работу мало наслаждений и наслаждения исключительно чувственные, должен же слепо набрасываться на эти наслаждения! Если никто не заботится об образовании этого класса, если все его положение таково, что он зависит от самых разнообразных случайностей, и не может быть уверен в завтрашнем дне, то какие у него могут быть основания, какой у него может быть интерес быть предусмотрительным, вести «солидную» жизнь, и жертвовать наслаждением данного момента ради наслаждения в будущем — наслаждения, которое именно для него с его вечно непостоянным положением весьма еще сомнительно? От класса, которому достаются в удел все невыгоды данного социального порядка, и лишенного всех его преимуществ, от класса, которому этот социальный строй лишь враждебен, требуют еще, чтобы он относился к нему с почтением! Это поистине слишком много! Но покуда этот социальный строй существует, рабочий класс уйти от него не может, и если отдельный рабочий против него возмущается, то это оказывается более всего вредным для него самого. Так данный социальный строй делает и семейную жизнь рабочего почти невозможной. Какой может быть домашний очаг в неуютной грязной квартире, достаточно хорошей разве для одного ночлега, плохо меблированной, часто незащищенной от дождя и неотопленной, с тяжелым воздухом, вследствие множества людей? Муж, а часто и жена и взрослые дети работают целый день, все в различных местах, видят друг друга только утром и вечером — и к тому же это постоянное искушение выпить! Какая может быть при таких условиях семейная жизнь? Тем не менее, рабочий не может уйти от семьи, а должен в ней оставаться. Отсюда постоянные семейные раздоры и споры, действующие деморализующим образом как на самих супругов, так в особенности на детей. Пренебрежение всеми семейными обязанностями — особенно пренебрежение детьми слишком частое явление среди английских рабочих и обусловливается, главным образом, современным строем общества. И вот хотят, чтобы дети, выростающие в такой дикой деморализующей обстановке, к которой часто принадлежат сами родители, были впоследствии моральными людьми! Поистине наивные требования ставит рабочим самодовольный буржуа.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

[1] «Которой он (мужчина) обладает с согласия ее мужа».
[2] Мужчин, состоящих на содержании.

Капитализм порождает половую распущенность

Банда[1] состоит из 10—40 или 50 человек, главным образом из женщин, подростков обоего пола (13—18 лет), хотя мальчики, достигнув 13 лет, обыкновенно оставляют банды, и наконец, из детей обоего пола (6—13 лет). Во главе находится gangmaster (артельный староста); это всегда обыкновенный сельский рабочий, по большей части так называемый ловкач, распутный, бродяга, пьяница, но одаренный некоторым духом предприимчивости и делячества. Он навербовывает банду, которая работает от него, а не от фермера. С последним он по большей части договаривается посдельно, и его доход — который в среднем не особенно превышает заработок обыкновенного сельского рабочего — почти всецело зависит от того искусства, с которым он умеет извлечь из своей банды в самое короткое время самое большое количество труда. Фермеры открыли, что женщины хорошо работают только под диктатурой мужчин, но что, с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы, — это знал уже Фурье — между тем как взрослый работник-мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы. Артельный староста переходит из одного имения в другое и таким образом работает с своей бандой 6—8 месяцев в году. Поэтому работать на него для рабочей семьи много выгоднее и вернее, чем на отдельного фермера, который дает детям лишь временные занятия. Это обстоятельство настолько упрочивает его влияние в открытых селениях, что во многих детей невозможно нанять иначе, как при его посредничестве. Сдача детей в одиночку, отдельно от банд, составляет для него побочный промысел.

«Темные стороны» этой системы составляют чрезмерный труд детей и подростков, огромные переходы, которые им ежедневно приходится делать туда и обратно к имениям, находящимся на расстоянии 5, 6, иногда даже 7 миль, и, наконец, деморализация «банды». Хотя артельный староста в некоторых местностях называется «the driver» (погонщик), вооружен длинной палкой, однако он очень редко пускает ее в ход, и жалобы на жестокое обращение являются исключением. Он — демократический император или нечто в роде гамельнского крысолова[2]. Следовательно, он нуждается в популярности среди своих подданных и привлекает их к себе процветающими под его покровительством цыганскими нравами. Грубая непринужденность, веселая распущенность и самое наглое бесстыдство господствуют в банде. Артельный староста обыкновенно расплачивается в кабаке, и потом возвращается во главе банды домой, конечно, пошатываясь, поддерживаемый справа и слева двумя дюжи-

[1] См. примечание 20-е.
[2] См. примечание 21-е.

ми бабами; дети и подростки безобразничают сзади и распевают юмористические и скабрезные песни. На обратном пути обычное явление то, что Фурье называет «фанерогамией» [публично совершаемый половой акт]. Нередко случается, что тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки становятся беременными от своих сверстников. Открытые деревни, поставляющие контингент для банд, превращаются в Содом и Гоморру и дают вдвое большее число внебрачных рождений, чем все остальное королевство. Мы уже раньше указывали, что могут дать в нравственном отношении воспитанные в такой школе девушки, когда они становятся замужними женщинами. Их дети, если только опиум не приведет их к смерти, родятся кандидатами в банды.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23).

Другим пороком английских рабочих рядом с невоздержанностью их в потреблении спиртных напитков является их невоздержанность в половых сношениях. И этот порок вытекает с неизбежной железной необходимостью из общего положения этого класса, предоставленного самому себе, без средств надлежащим образом пользоваться своей свободой. Буржуазия предоставила ему только эти два наслаждения, возложив на него массу тяжкого труда и страданий. Чтобы хоть кое-как насладиться жизнью, рабочие набрасываются, поэтому, со всей страстью на эти два наслаждения, предаваясь им самым чрезмерным и беспорядочным образом. Когда людей ставят в положение, достойное только животного, им ничего более не остается, как или восстать против этого или на самом деле сделаться животными. Кроме того, сколько из 40 000 проституток, наполняющих каждый вечер улицы Лондона, живет на счет добродетельной буржуазии? сколько из них обязано обману буржуа тем, что им приходится продавать свое тело первому встречному, чтобы не умереть с голода? Если поэтому вспомнить, насколько сама буржуазия содействует развитию проституции, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что именно она всего менее имеет право упрекать рабочих в их половых излишествах.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

ПРОСТИТУЦИЯ

Женщина — товар при капитализме

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться между собою. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям и товаровладельцам. Товары суть вещи и поэтому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их.[1]

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 2)

[1] В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между товарами попадались очень деликатные вещи. Так, напр., один французский поэт того времени среди товаров, находившихся на рынке в Landit, называет наряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, шкурами и т. п. также «femmes folles de leur corps» (публичных женщин).

Капитализм насаждает проституцию в колониях

Бесстыдное расточение невозделанных колониальных земель, раздаваемых английским правительством аристократам и капиталистам, — что громко порицает даже Wakefield, — в соединении с потоком людей, привлекаемых золотыми приисками, и с конкуренцией, которую ввоз английских товаров создает даже самому мелкому ремесленнику, — все это породило, особенно в Австралии, достаточное «относительное перенаселение рабочих», так что почти каждая почта приносит печальные вести о переполнении австралийского рабочего рынка — glut of the Australian albour-market», — и проституция расцветает там местами так же пышно, как на лондонском Haymarket.

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 25)

Лицемерие буржуазной болтовни о борьбе с проституцией

В Лондоне закончился недавно **«пятый** международный съезд по борьбе против торговли девушками».

Развернулись герцогини, графини, епископы, пасторы, раввины, полицейские чиновники и всякого рода буржуазные филантропы! Сколько было торжественных обедов и пышных официальных приемов! Сколько было торжественных речей о вреде и гнусности проституции!

Какие же средства борьбы требовали изящные буржуазные делегаты съезда? Главным образом два средства: религию и полицию. Самое, дескать, верное и надежное против проституции. Один английский делегат, как сообщает лондонский корреспондент лейпцигской «Народной газеты», хвалился тем, что он проводил в парламенте **телесное наказание** за сводничество. Вот он каков, современный «цивилизованный» герой борьбы с проституцией!

Одна дама из Канады восторгалась полицией и женским полицейским надзором за «падшими» женщинами, а насчет повышения заработной платы заметила, что работницы не заслужили лучшей платы.

Один немецкий пастор громил современный материализм, который де все более распространяется в народе и содействует распространению свободной любви.

Когда австрийский делегат Гертнер попробовал поднять вопрос о социальных причинах проституции, о нужде и нищете рабочих семей, об эксплуатации детского труда, о невыносимых квартирных условиях и т. д., — оратора заставили замолчать враждебными возгласами!

Зато о высоких особах рассказывали — в группах делегатов — поучительные и торжественные вещи. Когда, напр., императрица германская посещает какой-нибудь родильный дом в Берлине, то матерям «незаконных» детей **надевают на пальцы кольца,** — чтобы не шокировать высокую особу видом невенчанных матерей!!

Можно судить по этому, какое отвратительно буржуазное лицемерие царит на этих аристократически-буржуазных конгрессах. Акробаты благотворительности и полицейские защитники издевательств над нуждой и нищетой собираются для «борьбы с проституцией», которую поддерживают именно аристократия и буржуазия...

(Ленин. — «5 междун. съезд по борьбе с проституцией». 1913 г., т. XVI, изд. 3).

Отношения пролетария к жене и детям не имеют ничего общего с буржуазными

Жизненные условия старого общества уничтожены уже в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное порабощение капиталу, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерло с него весь национальный характер. Законы, мораль, религия — все это для него не более, как буржуазные предрассудки; за каждым из них скрываются определенные буржуазные интересы.

(Маркс и Энгельс — «Коммунистический манифест») (Партиздат 1932)

Действительная половая любовь к жене существует лишь у подчиненных классов, в наше время у пролетариев, живут ли они в законном браке или вне его — все равно. Но такое брачное сожитие свободно от всех требований классической моногамии. Тут нет собственности, для охранения и передачи которой детям возникло единобрачие с господством мужа и, следовательно, нет повода к проявлению последнего. Да нет и средств охранять эту власть: она находится под защитой гражданского права, а это право существует лишь для зажиточных людей и для их отношений к пролетариям; пользоваться этим правом стоит денег, а потому оно как бы не действительно для бедного рабочего и для столь же бедной его жены. Тут действуют иные личные и общественные отношения. Наконец, со времени крупной промышленности женщина оторвана от семейного очага и брошена на рабочий рынок; она часто становится кормилицей всей семьи, а в такой семье нет места господству мужа,—встречается лишь варварское обращение с женой, возникшее вместе с моногамией. Вообще семья пролетария не представляет в строгом смысле единобрачия, даже в том случае, когда между мужем и женой самая страстная любовь и несомненная верность, и несмотря на всевозможные светские и духовные благословения. Поэтому в браке между пролетариями самую незначительную роль играет гетеризм и супружская неверность, эти вечные спутники моногамии; в этом браке женщина фактически возвратила себе право развода; когда жить вместе тяжело, супруги расходятся. Одним словом брак между пролетариями — единобрачие в этимологическом, а отнюдь не в историческом смысле этого слова.

(Энгельс — «Происхождение семьи, частной собственности и государства»)

ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИКТАТУРА КОРЕННЫМ ОБРАЗОМ ПЕРЕСТРАИВАЕТ БРАЧНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

...Коммунистический интернационал выдвигает следующие основные задачи пролетарской диктатуры...

е) Социальное уравнение женщины с мужчиной перед законом и в быту, коренная перестройка брачного и семейного права, признание

материнства социальной функцией, охрана материнства и младенчества. Начало осуществления обществом ухода за детьми и молодежью и их воспитания (детские ясли, сады, дома и т. д.). Создание учреждений для постепенной разгрузки домашнего хозяйства (общественные кухни и прачечные), планомерная культурная борьба с идеологией и традициями, закабаляющими женщину.

(Программа Коминтерна)

Советская страна ликвидировала бесправие женщины и ее ребенка

Недавно мне прислали журнал «Экономист», № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Русского технического общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.

Некий г. П. А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влиянии войны». Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость:

На стр. 83 читаю:

«На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 разводов — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11% — менее одного месяца, 22% — менее двух месяцев, 41% — менее 3—6 месяцев и лишь 26% — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои «аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83).

Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины».

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении, покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, с.-р. и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий

самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, — провела решительную борьбу в указанном отношении как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

Если г. Сорокину 92 развода на 10 000 браков кажется цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия.

Марксистскому журналу[1] придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

(Ленин — «О значении воинствующего материализма». 1922 г., т. XXVII, изд. 3)

Октябрь и раскрепощение женщины

Капитализм соединяет формальное равенство с экономическим и, следовательно, социальным неравенством. В этом одна из основных особенностей капитализма, облыжно прикрываемая сторонниками буржуазии, либералами, непонятая мелкобуржуазными демократами. Из этой особенности капитализма вытекает между прочим необходимость при решительной борьбе за экономическое равенство открыто признать капиталистическое неравенство и даже, при известных условиях, положить это открытое признание неравенства в основу пролетарской государственности (советская конституция).

Но даже и с формальным равенством (равенством по закону, «равенством» сытого и голодного, собственника и неимущего) капитализм **не может** быть последователен. И одним из вопиющих проявлений этой непоследовательности является **неравноправие** женщины с мужчиной. Полного равноправия не дало ни одно, даже самое прогрессивное республиканское, демократическое, буржуазное государство.

А Советская республика России сразу смела **все без изъятия** законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону.

[1] См. примечание 22-е.

Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть верно глубокой истины. С этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень.

Новый, невиданно-могучий толчок женскому рабочему движению неизбежно связан поэтому с основанием (и упрочением) первой Советской республики, — а рядом с этим и в связи с этим с Коммунистическим интернационалом.

Раз речь идет о тех, кто капитализмом был угнетен прямо или косвенно, сплошь или отчасти, то именно советский строй и только советский строй обеспечивает демократию. Это ясно на положении рабочего класса и беднейших крестьян. Это ясно видно на положении женщины.

Но советский строй есть последний решительный бой за **уничтожение классов,** за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола — **нам мало.**

Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство женщины, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача.

Это — борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма.

(Ленин — «К международному дню работниц». 4. III. 1920 г., т. XXV, изд. 3)

Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме. Их давили, их обманывали, их грабили капиталисты и при монархии и в демократически-буржуазных республиках. Этот гнет, этот обман, этот грабеж народного труда капиталистами были неизбежны, пока держалась частная собственность на землю, фабрики, заводы.

Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма, отменяя частную собственность на земли, фабрики, заводы, всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, т. е. дело строительства нового общества. Дело трудное, „массы забиты и задавлены капитализмом, но иного выхода из насмного рабства, из рабства капиталистов нет и быть не может.

А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются

в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашнего семейного хозяйства.

Большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью.

Это первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических, республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью».

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному.

Переход этот труден, ибо дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили.

И в международный день работниц во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться приветы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело. Будут раздаваться бодрые призывы не падать духом перед лицом свиреной и часто зверской буржуазной реакции. Чем «свободнее» или «демократичнее» буржуазная страна, тем более свирепствует и зверствует банда капиталистов против революции рабочих; пример тому демократическая республика Северо-американских соединенных штатов. Но рабочий в массе уже проснулся. Империалистическая война окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии.

Лед сломан во всех концах мира.

Освобождение народов от ига империалистов, освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неудержимо вперед. Это дело повели вперед десятки и сотни миллионов рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. И потому это дело свободы труда от ига капитала победит во всем мире.

(Ленин — «Международный день работниц», 4. III. 1921 г., т. XXVI, изд. 3)

Возьмите религию или бесправие женщины или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелкобуржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет **ни одной** из самых передовых стран мира, где бы **эти** вопросы были решены в **буржуазно-демократическом** направлении **до конца.** У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца.

У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого изъятия, странах земного шара.

Это все — содержание буржуазно-демократической революции. Полтораста и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или **«идеи** религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали — и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало «уважение» — — — к «священной частной собственности». В нашей пролетарской революции этого проклятого «уважения» к этому трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было.

(Ленин — «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». 1921 г., т. XXVII, изд. 3)

Товарищи! Выборы в Московский совет показывают укрепление партии коммунистов среди рабочего класса.

Надо, чтобы женщины-работницы приняли большее участие в выборах. Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, напр. в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью, преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках.

Где есть помещики, капиталисты, купцы, там не может быть равенства женщины с мужчиной даже по закону.

Где нет помещиков, капиталистов, купцов, где власть трудящихся без этих эксплуататоров строит новую жизнь, там есть равенство женщины с мужчиной по закону.

Но этого мало.

Равенство по закону не есть еще равенство в жизни.

Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством.

Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин.

Выбирайте же больше женщин-работниц в Совет, как коммунисток, так и беспартийных. Лишь бы была честная работница, умеющая вести толковую добросовестную работу, пусть она беспартийная, — выбирайте ее в Московский совет!

Больше женщин-работниц в Московском совете! Пусть московский пролетариат докажет, что он готов делать и делает все для борьбы до победы, для борьбы против старой неравноправности, против старого, буржуазного приниженния женщины!

Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин.

(Ленин — «К женщинам-работницам», 21. II. 1920 г., т. XXV, изд. 3)

Раскрепощение женщины и строительство социализма

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.,— законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем **чище** очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться **домашней рабыней,** несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает **мелкое домашнее** хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее **освобождение женщины,** настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, **массовая перестройка** его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к **росткам** коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые **на деле** способны **освободить женщину,** на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо **торгашескими** предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они **начинают** менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, **организаторских талантов,** людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы **не ухаживаем,** как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что **ей** нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров **их** газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при **образцовой коммунистической работе,** может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

(Ленин — «Великий почин», 1919 г., т. XXIV, 3-е изд.)

Пути борьбы с проституцией [1]

«Мне рассказывали, будто одна одаренная коммунистка в Гамбурге издает газету для проституток и хочет их организовать для революционной борьбы. Роза,[2] как коммунистка, чувствовала и поступила человечно, защищая в одной статье тех проституток, которые попадают в тюрьму из-за того, что преступают полицейские предписания при выполнении своей печальной профессии. **Они достойны сожаления и являются двойными жертвами буржуазного общества: во-первых, его проклятого порядка частной собственности, а, во-вторых, его проклятого морального лицемерия.** Это ясно. Только грубый и недальновидный человек может об этом забыть. Но понимать нечто совершенно иное, чем (я не знаю, как это выразить) ну, чем организовать проституток в цеховую, революционную группу и издавать для них профессиональную газету. Разве в Германии нет промышленных работниц, которых надо организовать, для которых следует издавать газету, которых надо вовлекать в нашу борьбу? Здесь дело идет о болезненном нарасте. Это сильно мне напоминает литературную моду, перевоплощающую каждую проститутку в слащавую мадонну. Там тоже было здоровое начало — социальное сочувствие, протест против лицемерной добродетели почтенных буржуа. Но буржуазность подъела здоровое начало, и оно выродилось. **Впрочем, вопрос о проституции и здесь нам выдвинет не одну тяжелую задачу. Важно вернуть проститутку к продуктивной работе, включить ее в социальное хозяйство. Но сложно и трудно провести это при теперешнем положении нашего хозяйства и при данных обстоятельствах. Вот вам часть женского вопроса, которая, после завоевания пролетариатом государственной власти, стоит перед вами и требует практического разрешения. У нас еще много будет возни с ним здесь, в Советской России...»**

(Высказывания Ленина. По книге К. Цеткин — «Ленин и трудящаяся женщина»)

[1] См. примеч. 23-е.
[2] Люксембург.

Суть коммунистической морали

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплоататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать объединение. Боженька такого объединения не создаст.

Такое объединение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, — к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира. И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только он мог создать такую сплоченную силу, за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплоататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

(Ленин — «Речь на III съезде РКСМ». 1920 г., т. XXV, над. 3)

Фрейдизм — модная глупость

«...чем кончается неудовлетворительное, немарксистское обсуждение этого вопроса? Тем, что половой и брачный вопросы рассматриваются отдельно, а не как часть большого социального вопроса. Наоборот, большой социальный вопрос является здесь как часть, как придаток полового вопроса. **Здесь главный вопрос уступает место второстепенному.** Это вредит ясности не только в этом одном вопросе, — это вообще затемняет мышление...».

«Расширение вопроса при помощи гипотез Фрейда производит впечатление «образованности», даже научности, а на самом деле это болтовня профана. Фрейдовская теория теперь также модная глупость...»

«Мне кажется, что этот чрезмерный рост половых теорий, которые в большинстве случаев лишь гипотезы, часто даже очень произвольные гипотезы, что этот рост вытекает из личной потребности оправдать собственную ненормальную или гипертрофированную половую жизнь и выпросить за нее снисхождение у буржуазной морали».

(Высказывания Ленина. По книге К. Цеткин — «Ленин и трудящаяся женщина»)

Вредность теории «стакана воды».

«Вам, конечно, известна эта великолепная теория, по которой удовлетворение полового влечения и потребности в любви в коммунистическом обществе так же просто и не имеет значения, как выпить стакан воды. Эта теория стакана воды совершенно свела с ума нашу молодежь, совершенно... И для многих молодых людей и девушек она стала роковой. Сторонники ее уверяют, что она марксистская. **Благодарю за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества прямолинейно и непосредственно выводит из экономической основы.** Дело все-таки не обстоит так просто. Это установил уже давно, по поводу исторического материализма, небезызвестный нам Фридрих Энгельс.

Знаменитую теорию стакана воды я считаю совершенно немарксистской, а вдобавок к тому и несоциальной. **В половой жизни действует не только то, что дано природой, но и то, что стало культурой, безразлично, высока эта культура или низка.** Энгельс в своем «Происхождение семьи» указал на то, как важно, что общее половое влечение развилось и уточнилось в половую любовь. **Отношение полов между собой все-таки не является простым выражением взаимоотношений между хозяйством общества и физической потребностью, мысленно изолируемой посредством физиологического наблюдения. Было бы рационализмом, а не марксизмом, желание подвести перемену этих отношений к непосредственно-экономическим основам общества, считая их самими по себе и забывая об их общей связи с идеологией»...**

«Питье воды, действительно, индивидуально. Для любви нужны двое, и третья, новая жизнь нарождается. В этом положении заключается общественный интерес, обязанность по отношению к обществу».

(Высказывания Ленина. По книге К. Цеткин — «Ленин и трудящаяся женщина»)

«Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории стакана воды, даже и в том случае, когда она снабжена прекрасной эти-

кеткой: «освобождение любви». Впрочем, это освобождение любви не ново и не коммунистично. Вы, конечно, помните, что оно проповедывалось в середине прошлого столетия в художественной литературе как «эмансипация сердца». В практике буржуазии она выявилась, как эмансипация плоти»...

«Прекрасный парень,[1] высоко одаренный. Я боюсь, что, несмотря на это, из него никогда ничего путного не выйдет. Он порхает от одной женщины к другой. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь за надежность и выдержку в борьбе тех женщин, у которых личный роман сплетается с политикой, также и тех мужчин, которые бегают за каждой юбкой и которых каждая женщина может увлечь. Нет, нет это с революцией не вяжется!»...

«Совсем не сказано, что я своей критикой проповедую аскетизм. Это мне и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а радость бытия, жизненную силу, также и полноту любви в жизни. Но, по моему мнению, так часто наблюдаемая теперь половая гипертрофия дает не жизнерадостность, не жизненную силу, а наоборот—она отнимает ее. В эпоху революции это скверно, очень скверно»...

«Я недоверчиво отношусь к половым теориям в статьях, исследованиях, брошюрах и т. п., одним словом, к той специфической литературе, которая пышно разрастается на навозной почве буржуазного общества. Я отношусь недоверчиво к тем, которые вечно созерцают лишь половой вопрос, на подобие того, как индусский святой созерцает свой пуп»...

«Именно молодежи нужны жизнерадостность и жизненные силы. Здоровый спорт, гимнастика, плавание, путешествия, физические упражнения всякого рода, многосторонность умственных интересов. Возможно более совместно учиться, изучать, исследовать. Все это даст молодежи больше, чем вечные лекции и дискуссии о половых задачах и так называемое изживание. Здоровое тело, здоровый дух! Не монах и не Дон-Жуан, но и не немецкий обыватель»...

«Революция требует сосредоточения, напряжения сил: от масс, от отдельных личностей. Она не переносит таких разнузданных положений, которые нормальны для декадентских героев и героинь романов Д'Аннунцио. **Необузданность половой жизни буржуазна, она — явление упадка. Пролетариат — восходящий класс. Ему не нужен хмель, ни как наркотика, ни как стимул.** Ни хмель половых злоупотреблений, ни хмель алкоголя. Пролетариат не должен и не хочет забыться, ни забыть отвратительность, грязь, варварство капитализма. Самые сильные побудители борьбы для него в его классовом положении, коммунистическом идеале. Ему нужна ясность, ясность и опять ясность. Поэтому — я это повторяю — никакого ослабления, растрачивания, уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина не есть рабство, даже и в любви».

(Высказывания Ленина. По книге К. Цеткин — «Ленин и трудящаяся женщина»).

Реакционность увлечений половым вопросом

«Мне рассказывали, что на вечерах чтений и дискуссий товарки особенно много занимались брачным и половым вопросом. Он является

[1] См. примечание 24-е.

главным предметом интереса, предметом политического преподавания и просвещения. Я не верил своим ушам, когда я это услыхал. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контрреволюцией всего мира. Положение в самой Германии требует величайшего сосредоточения всех пролетарских революционных сил для отражения все больше наступающей контрреволюции, а деятельные товарки занимаются разработкой полового вопроса и вопросом брачных форм в прошедшем, настоящем и будущем. Выяснение работницам этого вопроса они считают своим важнейшим долгом»...

«Уже мудрый Соломон говорил, что все имеет свое время. Я спрашиваю вас, время ли теперь месяцами заниматься пролетарок тем, как надо любить и давать себя любить, как надо выходить замуж и вести мужчин к женитьбе, разумеется, в прошедшем, настоящем и будущем всех народов. И это гордо называют историческим материализмом. Теперь все мысли товарок, женщин рабочего народа должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она дает основу также и для действительного обновления брачных и половых отношений. Теперь, право, на первый план должны выдвигаться совсем другие задачи, чем формы брака у австралийских негров или же брак древнейших времен между сестрами и братьями. Вопрос о советах для немецких пролетарок еще далеко не разрешен — это для них очередной вопрос. Затем, Версальский договор и его последствия для жизни женских масс: безработица, понижающаяся заработная плата, налоги и многое другое. Одним словом, я остаюсь при том, что такого рода политическое, социальное образование пролетарок ошибочно, совершенно ошибочно»...

«Движение нашей молодежи тоже болеет этим модным отношением к половому вопросу и преобладающим интересом к нему (Ленин иронически подчеркнул слово модное и сделал презрительную гримасу). Как мне сообщали (продолжает он далее), в организации вашей молодежи (немецкой) половой вопрос является любимым предметом изучения. Не хватает, будто, даже лекторов на эту тему. Это безобразие особенно вредно, особенно опасно для движения молодежи. В единичных случаях это может привести к преувеличениям, к злоупотреблениям половой жизнью, к разрушению молодого здоровья и молодых сил. Вы должны также бороться с этим явлением»...

«Каким бы оно ни старалось казаться необузданным и революционным, оно в конечном счете подлинно буржуазно. Это особенное любительство интеллигенции и примыкающих к ней слоев. В партии у борющегося пролетариата с классовым сознанием для этого нет места»...

«Свое неправильное отношение к вопросам половой жизни молодежь считает, конечно, «принципиальным» и ссылается при этом на теорию. Некоторые называют свое отношение «революционным» и «коммунистическим». Они искренно верят в то, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя меня менее всего можно считать аскетом, но так называемая «новая половая жизнь» нашей молодежи, а иной раз и стариков — частенько представляется и мне, как чисто буржуазная, как расширение истинно-буржуазного борделя. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем»...

«И у нас также часть молодежи сильно занята «ревизией буржуазного понимания и буржуазной морали» в половом вопросе. И я должен прибавить, что эта значительная часть нашей лучшей, нашей, действи-

тельно, многообещающей молодежи... Половая и брачная форма в буржуазном смысле уже не удовлетворяют. В соответствии с пролетарской революцией нарождается половая и брачная революция. Ясно, что этот запутанный клубок особенно интересует как женщин, так и молодежь. Она, как и женщины, страдает очень сильно от современных половых неурядиц. И она восстает против этого с полной необузданностью своих лет. Это понятно. Ничего нет более неправильного, как проповедывание молодежи монашеского аскетизма и святости грязной буржуазной морали. Но очень опасно, когда в эти годы половой вопрос становится в центре внимания молодежи, в то время, как он уже и так физически занимает значительное место в жизни молодежи. Какое это производит опасное действие»...

«Может быть, я когда-нибудь напишу или буду говорить о затронутых сейчас вопросах. Позже, не теперь. Теперь всю силу и время надо сосредоточить на других вещах. Есть более крупные и более тяжелые заботы. Борьба за утверждение и укрепление Советской власти далеко не закончена. Мы должны переварить последствия войны с Польшей и извлечь из нее наилучшее. На юге еще стоит Врангель. Ну, я твердо уверен в том, что мы с этим справимся. Это заставит призадуматься английских и французских империалистов и их маленьких вассалов. Но перед нами еще самая трудная часть нашей задачи — строительство. **Здесь активно выдвинутся также и вопросы половых отношений, брака и семьи.** А пока вы должны с этим справляться, когда и где это потребуется. Вы должны препятствовать тому, чтобы эти вопросы обсуждались не по Марксу и бороться за то, чтобы они не давали почвы для разрушительных уклонений и искажений».

(Высказывания Ленина. По книге К. Цеткин — «Ленин и трудящаяся женщина»)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ЗАБОТА О ДЕТЯХ

...Дальше: [1]

«8) Воспитание всех детей с того момента, как они могут обходиться без материнского ухода, в государственных учреждениях и на государственный счет».

Это дело у нас осуществляется, но оно далеко еще не осуществлено, так как, разоренные войной и интервенцией, мы еще не в состоянии взять на попечение государства воспитание всех детей в государстве.

(Сталин — «Об оппозиции»)

В противовес интеллигентским воплям о борьбе с хулиганством «вообще», профсоюзы, партия и государство должны провести планомерную борьбу с беспризорностью и безработицей молодежи путем проведения ряда практических мероприятий.

Необходимо в первую очередь:

1) Самым деловым образом подойти к решительной ликвидации беспризорности детей и подростков, считая необходимым полный охват детей рабочих школами соцвоса. В эту работу должны быть вовлечены

[1] См. примечание 25-е.

все пролетарские общественные организации; профсоюзы должны взять на себя главную работу, втянув в нее самые широкие пролетарские массы.

2) Всемерно облегчить поступление на фабрики и заводы детям рабочих (подростков и переростков); профсоюзы и комсомол должны строго наблюдать за действительным проведением в жизнь часто нарушаемой брони подростков.

3) Наркомтруд, профсоюзы и хозорганы должны приступить к организации в рабочих районах ускоренных производственных курсов и школ, дающих возможность безработным детям рабочих приобрести элементарную квалификацию, облегчая для них тем самым возможность получения работы.

4) Профсоюзы должны разработать ряд мер, обеспечивающих полное вовлечение в круг проводимой ими культработы безработной пролетарской молодежи (доступ в клубы, кружки физкультуры, дневные занятия в клубах и т. д.).

(Из постан. 15 парт. конф. ВКП(б) 1926 г. об итогах работы и очередных задачах профсоюзов)

Пионердвижение

За последний год пионердвижение стало явлением крупнейшего политического значения. Сильнейший рост пионерорганизаций, их громадная роль в деле воспитания третьего поколения, перспективы движения не возбуждают сомнений. Но и в этой области налицо, несомненно, ряд явлений, свидетельствующих о необходимости настороженного внимания партии к проблемам воспитания третьего поколения.

Следует отметить, прежде всего явление некоторой размычки авангардных организаций трех поколений, сказывающейся отрицательно и на пионердвижении. Партия уделяет мало внимания комсомолу и почти совсем не уделяет его пионерорганизации; комсомол в целом ряде звеньев «размыкается» с пионерорганизациями, ослабляет внимание к последним; в последних руководящие кадры не обладают достаточной грамотностью, организационным и педагогическим опытом и не справляются со своими задачами.

В несомненной связи с этим явлением и слабостью воспитательной работы следует понимать явление частичных **выходов** детей из пионерорганизаций, выходов, наблюдающихся вместе с общим ростом количества пионеров. Из крупнейших недостатков в работе пионерорганизаций, питающих эти выходы, следует отметить:

а) увлечение внешностью, формой, под которыми зачастую не кроется воспитательной работы **по существу;** это проявляется в барабаномании, с одной стороны, и в голом «политицизме», с другой стороны. Такого рода увлечения имеют своей оборотной стороной отсутствие систематической и тактической работы над ребенком, невнимание к бытовым и другим проблемам, волнующим его, в частности к половой проблеме;

б) неувязка пионердвижения со школьной работой, в результате чего в детской среде наблюдается и двоецентрие влияний, иногда противоречащих друг другу, и чрезмерное переутомление, наступающее в результате перегрузки и подкашивающее детский организм;

в) несоответствие сильного количественного роста пионерорганизаций и слабого роста соответствующей квалификации руководящих кадров их. Самая острая проблема в пионердвижении, это — проблема подготовки квалифицированного вожатого, грамотного не только политически, но хотя бы элементарно грамотного и в медицинском и в педагогическом отношениях.

Партия обязана помочь комсомолу преодолеть эти трудности возможно быстрее и безболезненнее, а также заняться систематическим изучением проблем пионердвижения и выделить для руководящей работы в нем партийные силы соответствующей квалификации.

(Из постан. 14-го съезда ВКП(б) (декабрь — 1925 г.) о работе среди молодежи)

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И СЕМЬЯ

21 вопрос. Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью?

Ответ. Он превратит отношения между обоими полами в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц, в которые обществу нечего вмешиваться. Он может сделать это, так как уничтожит частную собственность и введет общественное воспитание детей и, вместе с тем, уничтожит обе основы современного брака: зависимость женщины от мужчины и детей от родителей вследствие частной собственности.

Здесь дан ответ на вопль высокоморальных мещан против общности жен при коммунизме. Общность жен есть отношение, относящееся исключительно к буржуазному обществу, и ныне существует в виде проституции. Проституция покоится на частной собственности и исчезает вместе с ней.

Коммунистическая организация, следовательно, вместо того, чтобы ввести общность жен, уничтожает ее.

(Энгельс — «Принципы коммунизма»)

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Соединение труда с воспитанием

Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплоатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплоатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление.

Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства, за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы

семьи и отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму или древне-римскую, или древне-греческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собою последовательностью исторического развития. Точно так же ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющееся зачумленным источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, непосредственно сложившейся капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 13)

Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельско-хозяйственные школы, другим — промышленные школы для продолжения образования, в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих стоят в полном противоречии с такими ферментами переворота и с их целью, с уничтожением старого разделения труда. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «Ne sutor ultra crepidam!» [«Сапожник, знай свои колодки!»]. Эта вершина ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, ювелирный рабочий Фультон — пароход.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 13)

Как ни жалки в общем постановления фабричного закона относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда [1]. Их успех впервые доказал возможность соединения

[1] John Bellers, истинный феномен в истории политической экономии, уже в конце XVII века с полной ясностью понимал необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, порождающих гипертрофию [болезненно чрезмерное разрастание] и атрофию [захудание, уничтожение] на обоих полюсах общества, хотя и в противоположном направлении. Он прекрасно замечает, между прочим: «Праздное ученье лишь немногим лучше, чем ученье праздности... Физический труд — первое божественное установление... Труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни; потому что те неудовольствия, которых человек избегает леностью, постигнут его как болезнь...

обучения и гимнастики[1] с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя их обучают вдвое меньше, чем обычных школьников, обучающихся днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше. «Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит от своей работы». Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сеннора, сказанной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непроизводительный и продолжительный школьный день детей в высших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и с прямым вредом заставляет детей расточать время, здоровье и энергию». Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 13)

V. ЖИЛИЩЕ

ОТДЕЛЕНИЕ ГОРОДА ОТ ДЕРЕВНИ ВСЛЕДСТВИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 12)

Во всяком обществе со стихийно развивающимся производством — а современное является таковым — не производители господствуют над средствами производства, но средства производства господствуют над производителями. В такого рода обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Это относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной индустрии был наиболее могущественен, — к разделению труда. Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан — к порабощению каждого в отдельности его детальной работой. Оно уничтожило основу духовного развития первого и физического — второго. Если крестьянин делается собственником земли, а городской ремесленник — своих орудий производства, то земля еще в большей степени порабощает крестьянина, а ремесло — ремесленника. С разделением труда был разорван на части и сам человек. В целях развития какой-нибудь одной его деятельности были принесены в жертву все прочие его физические и духовные способности...

...Первым крупным общественным разделением труда было отделение города от деревни.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос») (Инст. Маркса и Энгельса. Гос. соц.-эк. издат. М.—Л. 1932)

РОСТ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Причины роста

Научив нас преобразовывать, в технических целях, молекулярное движение, которое можно получить более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок. Сила воды была связана с местом, сила пара — свободна. Если сила воды, находящейся в деревне, неизбежно связана с нею, то сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое применение концентрирует ее предпочтительно в городах и преобразует фабричные села в фабричные города. Но тем самым создаются условия, могущие подорвать самое производство. Первая потребность паровой машины и главная потребность почти всех отраслей производства крупной промышленности, это — наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всякую чистую воду в вонючее болото. Таким образом, поскольку концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, постольку же каждый отдельный капиталист постоянно стремится перенести свое производство из необходимо порождаемого капитализмом большого города в сферу сельского производства. Этот процесс можно наблюдать в подробностях в текстильных округах Ланкашира и Иоркшира: капиталистическая крупная промышленность непрерывно создает там новые большие города тем, что постоянно спасается из города в деревню. То же самое и в округах металлургической промышленности, где, впрочем, те же результаты порождаются отчасти другими причинами.

(Ф. Энгельс — «Анти-Дюринг») (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIV. Соцэктиз. 1931)

[1] О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. В. Сеннора на седьмом годичном конгрессе „National Association for the Promotion of Social Science", „Report of Proceedings etc. London 1863», p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 года, p. 118, 119, 120, 126 и сл.

Население столько же централизуется, сколько и капитал, что вполне естественно, ибо в промышленности человек, рабочий рассматривается лишь как известный капитал, которому фабрикант за пользование им платит проценты под видом заработной платы. Для крупного промышленного заведения требуется много рабочих, производящих свою работу вместе в одном здании; они должны жить вместе и уже при фабрике, не очень большой, образуют целую деревню. У них есть известные потребности, и для их удовлетворения требуются уже другие люди: всевозможные ремесленники, портные, сапожники, пекари, каменщики, столяры и т. п. Жители этой деревни, и в особенности молодое поколение, свыкаются с фабричной работой, основательно ее изучают, и когда первая фабрика не может, как это вполне естественно, дать работу всем, то заработная плата понижается, и в результате является устройство новых фабрик. Так деревня превращается в маленький городок и маленький город — в большой. Чем больше город, тем выгоднее в нем селиться: под рукой железные дороги, каналы и хорошие столбовые дороги; все больше становится выбор между опытными рабочими; вследствие конкуренции между строителями и фабрикантами машин, имеющимися под рукой, можно дешевле построить новые фабрики, чем в пустынной местности, куда строевой лес, машины, строительные и фабричные рабочие должны лишь быть привезены; есть рынок, биржа, куда собираются покупатели; можно быть непосредственно связанным с другими рынками, доставляющими сырье или служащими в качестве рынков сбыта. Отсюда поразительно быстрый рост крупных фабричных городов.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Примеры роста городов

В 1790 году Гэнтсман из Шеффильда открыл способ литья стали, что сделало излишним много других работ и дало возможность приготовлять совершенно новые дешевые товары; с большей же чистотой доставляемого материала, усовершенствованием инструментов, новыми машинами и детальным разделением труда, фабрикация металлических изделий значительно усилилась. Население Бирмингама возросло с 73 000 (1801 г.) до 200 000 (1844 г.), население Шеффильда возросло с 46 000 (1801 г.) до 110 000 (1844 г.), и потребление угля в одном этом последнем городе достигло в 1836 г. 515 000 тонн.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Интересен здесь также рост населения:

		в 1801 г.	в 1831 г.	
	Брэдфорд	имел	29 000	77 000 жит.
	Галифакс	»	63 000	110 000 »
	Хеддерсфильд	»	15 000	34 000 »
	Лидс	»	53 000	123 000 »
И весь запад	Йоркшира	»	564 000	980 000 »

С 1831 по 1844 гг. население это должно было возрасти по меньшей мере на 20—25%. В 1835 г. прядением шерсти было занято во всех трех

королевствах 1313 фабрик с 71 300 рабочих; но последние составляли лишь небольшую часть населения, прямо или косвенно снискивающего свое пропитание при переработке шерсти, и в это число почти не входят все ткачи.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Самым наглядным выражением рассматриваемого процесса[1] является рост городов. Вот данные об этом росте в Европейской России (50 губерний) в пореформенную эпоху:

Годы	Население Европ. России в тысячах: Всего	В городах	В уездах	Процент городского населения	Число городов, имеющ. население: Больше 200 т.	100—200 т.	50—100 т.	Итого крупн. городов	Население крупных городов, имеющих (в тысячах): Больше 200 тыс.	100—200 тысяч	50—100 тысяч	Итого	Насел. 14-ти городов (в тыс.), которые в 1863 г. были самыми крупными
1863	61.420,5	6.105,1	55.315,4	9,94	2	1	10	13	891,1	119,0	683,4	1.693,5	1.741,9
1885	81.725,2	9.964,6	71.760,4	12,19	3	7	21	31	1.854,8	998,0	1.302,7	4.155,5	3.103,7
1897	94.215,4	12.127,1	82.088,3	12,76	5	9	20	44	3.238,1	1.177,0	1.982,4	6.397,5	4.266,3

Итак, процент городского населения постоянно возрастает, т. е. происходит отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям. Города растут вдвое быстрее, чем остальное население: с 1863 по 1897 гг. все население увеличилось на 53,3% ,сельское на 48,5%, а городское на 97,0%. За 11 лет (1885—1897) «минимальный прилив сельского населения в города» был определен г. В. Михайловским в 2½ млн. человек, т. е. более чем по 200 тысяч человек в год.

Население городов, представляющих собою крупные индустриальные и торговые центры, растет гораздо быстрее, чем население городов вообще. Число городов, имеющих 50 и более тысяч жителей, более чем утроилось с 1863 по 1897 гг. (13 и 44). В 1863 г. из всего числа горожан лишь около 27% (1,7 млн. из 6,1) были сосредоточены в таких крупных центрах; в 1885 г. около 41% (4,1 млн., из 9,9), а в 1897 г. уже более половины, около 53% (6,4 млн. из 12 млн.). Таким образом, если в 60-х годах характер городского населения определяется преимущественно населением не очень больших городов, то в 90-х годах крупные города достигли полного перевеса. Население 14 городов, которые были самыми крупными в 1863 г., возросло с 1,7 млн. жителей до 4,3 млн., т. е. на 144%, тогда как все городское население увеличилось лишь на 97%. Следовательно, громадный рост крупных индустриальных центров и образование целого ряда новых центров есть один из характернейших симптомов пореформенной эпохи.

(Ленин — «Развитие капитализма в России», т. III, изд. 3)

Крупная машинная индустрия создает ряд новых индустриальных центров, которые с невиданной раньше быстротой возникают иногда

[1] Развитие капитализма. *Составители.* См. примечание 26-е.

в незаселенных местностях, — явление, которое было бы невозможно без массовых передвижений рабочих. Мы скажем ниже о размерах и о значении так наз. отхожих неземледельческих промыслов. Теперь же ограничимся кратким указанием на данные земской санитарной статистики по Московской губернии. Опрос 103 175 ф.-заводских рабочих показал, что рабочих уроженцев данного уезда работает на фабриках своего же уезда 53 238 чел., т. е. 51,6% всего числа. След., почти половина всех рабочих переселилась из одного уезда в другой. Рабочих уроженцев Московской губернии оказалось 66 038 чел.—64%. Более трети рабочих— пришлые из других губерний (главным образом, из соседних с Московской губернией центральной промышленной полосы). При этом сравнение отдельных уездов показывает, что наиболее промышленные уезды отличаются наименьшим процентом рабочих своего уезда: напр., в малопромышленных Можайском и Волоколамском уездах 92—93% ф.-заводских рабочих — уроженцы того же уезда, где они и работают. В очень промышленных: Московском, Коломенском и Богородском уездах процент рабочих своего уезда падает до 24%—40%—50%.

(Ленин — «Развитие капитализма в России», т. III, изд. 3)

Скученность населения в больших городах

Этот Strand, главная улица которого производит на иностранца импонирующее впечатление богатством Лондона, может служить примером того, как люди упаковываются в Лондоне. В одном приходе Strand'a санитарный чиновник насчитал 581 человек на акр, хотя к этому пространству отнесена и половина ширины Темзы.

Само собой разумеется, что всякая санитарно-полицейская мера, которая, как было до сих пор в Лондоне, разрушением негодных домов изгоняет рабочих из одного квартала, на практике приводит лишь к тому, что они лишь тем теснее скучиваются в другом. «Или, — говорит Dr. Hunter, — вся эта процедура как совершенно нелепая должна прекратиться, или же должны пробудиться общественные симпатии (!) к тому, что теперь можно без преувеличения назвать национальным долгом, именно — к доставлению крова людям, которые по недостатку капитала не могут его сами приобрести, но могли бы за сдачу его вознаградить периодическими платежами». Удивительная это вещь капиталистическая справедливость! Земельный собственник, домовладелец, коммерсант при всякой экспроприации по случаю «улучшений», напр., при постройке железных дорог, прокладке новых улиц и т. д., не только получает полное вознаграждение. Мало того, за свое вынужденное «самоотречение» он по законам божеским и человеческим должен быть утешен кроме того еще хорошею прибылью. А вот рабочих с женами, детьми и всем имуществом выбрасывают на улицу, и, если они слишком большими массами отправляются в те городские кварталы, в которых муниципалитет особенно следит за благоприличием, то их преследует санитарная полиция.

Кроме Лондона в начале XIX столетия в Англии не было ни одного города, в котором насчитывалось бы 100 000 жителей. Только в пяти насчитывалось более 50 000. Теперь существует 28 городов более чем с 50 000 жителей каждый. «Результатом этой перемены был не только огромный прирост городского населения, но и то, что старые скученные

мелкие города сделались теперь центрами, которые обстроены со всех сторон, без всякого доступа для свежего воздуха. Так как они уже не доставляют приятной жизни для богатых, то последние переселились из них в более веселые предместья. Преемники этих богачей расселяются в больших домах, по семейству на комнату, и часто еще пускают к себе жильцов. Таким образом население скучивается в домах, предназначенных не для него, совершенно неприспособленных для него, в обстановке, поистине унизительной для взрослых и гибельной для детей».

Чем быстрее в известном промышленном или торговом городе накопляется капитал, тем быстрее прилив доступного эксплоатации человеческого материала, тем хуже на скорую руку и неудовлетворительно построенные жилые помещения рабочих.

Поэтому Ньюкэстль на Тайне, как центр непрерывно развивающегося каменноугольного и горнопромышленного округа, занимает за Лондоном второе место в жилищном аду. В отдельных каморках живет там не менее 34 000 человек. В виду абсолютной опасности для общественного здравия в Newcastle'e и Gateshead'e по распоряжению полиции недавно разрушено значительное количество домов. Постройка новых домов подвигается очень медленно, промышленность развивается очень быстро. Поэтому в 1865 г. город был более переполнен, чем прежде.

(Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23)

Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на данной небольшой площади и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие прогресс богатства «улучшения» и «усовершенствования» (improvements) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, устройства дворцов для банков, универсальных магазинов и т. д., посредством проложения улиц для деловых сношений и роскошных экипажей, проведения городских железных дорог и т. д., быстро вытесняют бедноту все в худшие и худшие, все в более переполненные трущобы. С другой стороны, всякому известно, что дороговизна жилых помещений обратно-пропорциональна их качеству и что рудники нищеты эксплоатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплоатировались когда бы то ни было серебряные рудники Потози.

Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно и отношений капиталистической собственности вообще[1] здесь до такой степени очевиден, что даже английские официальные отчеты по этому предмету переполнены еретическими нападками на «собственность и ее права». Зло так распространяется с развитием промышленности, накоплением капитала, ростом и «украшением» городов, что один страх заразных болезней, не дающих пощады и «чистой публике», с 1847 по 1864 гг. вызвал не менее 10 санитарно-полицейских парламент-

[1] «Нигде еще права личности не приносятся так открыто и так бесстыдно в жертву праву собственности, как в жилищных условиях рабочего класса. Каждый большой город, это — место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежегодно убиваются тысячи для Молоха жадности» (S. Laing „National Distress. 1844", p. 150).

ских актов, а перепуганная буржуазия некоторых городов, как Ливерпуль, Глазго и т. д., вмешалась в эту область посредством своих муниципалитетов.

«Однако, — восклицает Dr. Simon в своем отчете за 1865 г., — вообще говоря, это зло в Англии остается совершенно вне надзора». По распоряжению Privy Council в 1864 г. произведено исследование жилищных условий сельских рабочих, в 1865 г. — беднейших классов в городах. Превосходные работы Dr. Julian Hunter'а напечатаны в седьмом и восьмом отчетах (1865 г.) «Public Health». К сельским рабочим я перейду позже. Описанию же городских жилищных условий я предпошлю следующее общее замечание Dr. Simon'а: «Хотя моя официальная точка зрения, — говорит он, — исключительно медицинская, однако, самое простое чувство гуманности не позволяет игнорировать и другую сторону этого зла. Дойдя до высокой степени, оно (переполнение жилищ) почти неизбежно обусловливает такое отрицание всяких приличий, такое грязное смешение тел и физических отправлений, такую наготу полов, что все это носит звериный, а не человеческий характер. Подвергаться таким влияниям, это — унижение, которое тем глубже, чем дольше оно продолжается. Для детей, родившихся под этим проклятием, оно служит крещением к позору (baptism into infamy). И свыше всякой меры безнадежно было бы желание, чтобы люди, поставленные в такие условия, в других отношениях стремились к той атмосфере цивилизации, существо которой заключается в физической и моральной чистоте».

Лондон занимает первое место по переполненности жилых помещений или даже по абсолютной непригодности их для человеческого жилья. «Несомненны два обстоятельства, — говорит Dr. Hunter, — 1) в Лондоне имеется около 20 больших поселков, каждый приблизительно по 10 000 человек, бедственное положение которых превосходит все, что только было видано в Англии, и положение это почти всецело является результатом плохого устройства жилищ; 2) переполненность и ветхость домов в этих поселках теперь гораздо больше, чем 20 лет тому назад» [1]. «Не будет преувеличением сказать, что жизнь во многих частях Лондона и Ньюкэстли — адская».

Но и лучше поставленная часть рабочего класса, а также мелкие лавочники и другие элементы мелкой буржуазии в Лондоне все более подпадают проклятию этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с тем снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и приток людей в метрополию, — наконец, по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата. «Квартирная плата сделалась настолько непомерной, что лишь немногие рабочие могут оплачивать более одной комнаты». В Лондоне нет почти ни одного домовладения, которое не было бы окутано огромным количеством middlemen [«посредников»]. Цена земли в Лондоне всегда чрезвычайно высока по сравнению с ее ежегодной доходностью, в особенности потому, что каждый покупатель спекулирует на то, чтобы раньше или позже разделаться с ней по Jury Price (по таксе, устанавливаемой при экспроприациях присяжными) или же выиграть от чрезвычайного повышения ее стоимости вследствие соседства с каким-нибудь крупным предприятием. Следствием является постоянная скупка контрактов о найме, срок которых близится к окончанию. «От джентльменов, занимающихся этим делом, можно ожидать, что они будут действовать так, как они действуют, выколачивать все возможное из квартирантов и передавать дома своим преемникам в таком жалком состоянии, как только возможно».

(Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23)

Вследствие постоянных приливов и отливов капитала и труда жилищные условия известного промышленного города сегодня могут быть сносными, а завтра сделаются отвратительными. Или городские власти приступают, наконец, к устранению наиболее вопиющих безобразий. Завтра же появляются как туча саранчи ирландские оборванцы или опустившиеся английские земледельческие рабочие. Их спроваживают в подвалы и амбары или превращают порядочный до того времени дом для рабочих в ночлежку, в которой персонал сменяется так же быстро, как солдатские постои во время тридцатилетней войны. Пример — Bradford. Там муниципальные филистеры как-раз занялись городской реформой. К тому же там еще в 1861 г. оставался 1751 дом без жильцов. Но вдруг дела пошли хорошо, о чем недавно так мило поведал сладко-либеральный г. Форстер, друг негров. С улучшением дел, конечно, наводнение потоками постоянно волнующейся «резервной армии» или «относительного перенаселения». Отвратительные подвальные помещения и каморки, зарегистрированные в списке, полученном Dd. Hunter'ом от агента одного страхового общества, были заняты по большей части хорошо оплачиваемыми рабочими. Они заявляли, что были бы готовы заплатить за лучшие помещения, если бы могли найти таковые. Они со своими семьями все более нищают и подвергаются заболеваниям, в то время как сладко-либеральный Форстер, член парламента, проливает слезы умиления перед благодеяниями свободы торговли и барышами, которые получают на шерстяных делах выдающиеся головы Брадфорда.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23)

Вытеснение рабочих на окраины

Рост современных крупных городов искусственно повышает, часто в невероятной степени, ценность земельной площади в некоторых, особенно центральных кварталах; возведенные на них здания не только не повышают, но по большей части понижают их ценность, так как уже не соответствуют изменившимся условиям; они сносятся и заменяются другими. Прежде всего это происходит с расположенными в центре города рабочими жилищами, наемная плата с которых, даже при величайшей скученности, никогда или, во всяком случае, крайне медленно может выйти за пределы известного максимума. Их разрушают и строят лавки, магазины, общественные здания. Бонапартизм, в лице своего Османа,

[1] Там же, p. 89. Относительно детей в этих поселках Dr. Hunter говорит: «Мы не знаем, как устраивались с детьми до этой эпохи тесного скучивания бедных, но не надо быть смелым пророком, чтобы предсказать все, чего можно ожидать от детей, которые при условиях, не имеющих себе равных в этой стране, теперь подготовляются воспитанием к тому, что они сделаются членами опасных классов, воспитываются, проводя до полуночи с людьми разных возрастов, пьяными, непристойными и сварливыми» (там же, p. 58).

использовал в Париже эту тенденцию в колоссальнейших размерах для мошенничества и личного обогащения, но дух Османа посетил уже и Лондон, и Манчестер, и Ливерпуль и, повидимому, чувствует себя как дома и в Берлине, и в Вене. В конце-концов рабочие вытесняются из центров городов на окраины, рабочие и вообще маленькие квартиры поподаются все реже и становятся все дороже, а часто вовсе отсутствуют, потому что при таких условиях строительная промышленность, которой дорогие квартиры представляют более удобное поприще для спекуляции, лишь в виде исключения будет заниматься постройкой рабочих жилищ.

Эта жилищная нужда, несомненно, гораздо суровее поражает рабочего, чем более зажиточные классы; но и она, подобно надувательству лавочника, столь же мало представляет собою зло, давящее исключительно на рабочий класс, и должна, поскольку она касается рабочего класса, на известной ступени и при известной продолжительности, точно так же найти известный экономический корректив.

(Энгельс — «Жилищный вопрос») (Гос. соц.-эк. издат. М.—Л. 1932)

Ночлежные дома

При всем том счастливы еще те, которые имеют хоть какой-нибудь кров, счастливы в сравнении с теми, которые вовсе не имеют приюта. В Лондоне 50 000 человек, просыпаясь утром, не знают, где они в следующую ночь голову склонят. Счастливейшие из них, которым удается к вечеру съэкономить пару пенсов, отправляются в так называемую ночлежку (lodginghouse), которых во всех больших городах множество, и где они за эти деньги находят себе приют. Но какой приют! Дом сверху до низу наполнен постелями; в каждой комнате четыре, пять, шесть постелей, сколько в нее влезает. В каждую постель набивают пять, шесть человек ,тоже, сколько влезет — больных и здоровых, старых и молодых, мужчин и женщин, пьяных и трезвых, как случится. Начинаются всевозможные споры, драки, избиения, а если товарищи по постели не ссорятся, то результаты бывают еще худшие: сговариваются относительно совместных краж или совершаются вещи столь животного характера, что им нет названия на нашем языке, ставшем более или менее человеческим. А те, которые не могут заплатить за такой ночлег? Они и спят, где находят место, — в пассажах, под арками, во всяком закоулке, во всяком углу, где полиция или собственники дадут им спать. Некоторым удается попасть и в приюты, устроенные кое-где средствами частной благотворительности, другие спят в парках на скамейках, чуть ли не под окнами королевы Виктории. Послушаем, что газета «Times» писала в октябре 1843 г.

«Помещенный у нас вчера полицейский отчет показывает, что каждую ночь спит в парках в среднем человек пятьдесят, спит без всякой другой защиты непогоды, кроме деревьев, и некоторых арок мостов. Большинство из них молодые девушки, соблазненные солдатами, привезенные в столицу и оставленные там на произвол судьбы, столкнутые лицом к лицу с нуждой в большом городе, со всей беспечностью и дикостью раннего порока».

«Это поистине ужасно. Бедные должны быть везде. Нужда везде найдет себе дорогу, и во всем своем отвратительном виде всегда найдет

приют в сердце крупного блестящего города. В тысяче узеньких улиц и переулков многомиллионной столицы должно быть всегда, как нам кажется, много страданий, много такого, что оскорбляет глаз, что никогда и света божьего не видит.

«Но чтобы в местности, полной богатства, веселья и блеска, чтобы почти у королевского дворца, в местности, где встречается старый аристократический квартал с новым, где утонченный вкус современных архитекторов позаботился о том, чтобы ни одна хижинка не осталась для бедноты, в местности, посвященной, казалось-бы, исключительно наслаждению богачей, — чтобы здесь поселились нужда и голод, болезни и всевозможные пороки со всеми их ужасами, со всем тем, что так разрушает и тело, и душу, — это поистине ужасно.

«Положение поистине чудовищное. Величайшие наслаждения, которые могут доставить физическое здоровье, духовная жизнь, более или менее невинные чувственные наслаждения, и рядом с этим полнейшая нищета! Богатства, блестящие салоны, веселый смех, беспечный, но жестокий смех рядом с неведомыми страданиями нужды! Веселие, бессознательно, но жестоко издевающееся над страданиями стонущих внизу! Здесь столкнулись, здесь борются все противоречия, за исключением разве порока, вводящего во искушение, и порока, поддающегося искушению... Но пусть все люди помнят одно: что в самой блестящей части богатейшего города на этой земле каждую ночь, каждую зиму можно найти женщин, молодых летами, но старых пороками и страданиями, отверженных обществом, гниющих заживо вследствие голода, грязи и болезни».

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Антисанитария рабочих жилищ

Нечто подобное рассказывает нам доктор Алисон и об Эдинбурге. Вот опять город, блестящее расположение которого, создавшее ему имя современных Афин, и великолепный аристократический квартал в новом городе составляют вопиющий контраст с грязью и нищетой бедняков, населяющих старый город. По показаниям Алисона, эта крупная часть города столь же грязна и отвратительна, как скверные кварталы Дублина, и благотворительное учреждение «Mendicity Association», о котором мы говорили выше, нашло бы в Эдинбурге не меньше нуждающихся, чем в столице Ирландии. Он даже утверждает, что в Шотландии, и в особенности в Эдинбурге и Глазго, беднякам живется хуже, чем в какой бы то ни было другой местности Великобритании, и более всех нуждаются не ирландцы, а шотландцы. Священник старой церкви в Эдинбурге, доктор Ли, дал в 1836 г. следующее показание перед специальной комиссией — Commission of Religions Instruction: «Мне нигде раньше не случалось видеть такой нищеты, как в этом приходе. Эти люди не имеют ни мебели, ни какого-либо другого имущества; часто живут в одной комнате две супружеские четы. Однажды я в один день посетил семь домов, в которых не нашлось ни одной постели, а в некоторых не было даже и соломы; восьмидесятилетние старцы спали на бревенчатом полу, и почти все оставались ночью в своей одежде. В одном подвале я нашел две шотландские семьи, недавно приехавшие из деревни; двое детей умерло вскоре после их переезда в город, а третье уми-

рало во время моего посещения; для каждой семьи лежало в углах по грязной куче соломы, и тут же жил еще осел; в подвале было так темно, что даже днем трудно было в нем узнать человека. Сердце каждого должно изойти кровью при виде такой нищеты, какая существует здесь, в Шотландии». То же сообщает доктор Генен в «Edinburgh Medical and Surgical Journal». Из одного парламентского отчета видно, какая грязь, — что при таких условиях вполне понятно, — существует в домах эдинбургских бедняков. Куры располагаются на ночлег на постелях, собаки и даже лошади спят с людьми в одной комнате, так что в этих квартирах, естественно, страшная грязь и вонь, как и множество насекомых, всякого рода. Расположение самого Эдинбурга благоприятствует такому отвратительному состоянию его насколько возможно. Старый город расположен по обоим склонам холма, на вершине которого расположена главная улица. От нее сбегает в обе стороны множество узеньких кривых улиц с всевозможными извилинами, и в этих улицах живет городской пролетариат. Дома в Шотландии вообще строятся высокими, в пять и шесть этажей, как в Париже, и в противоположность Англии, где каждый по возможности стремится жить в особняке, населены множеством различных семейств: скученность множества людей на одном небольшом пространстве от этого еще усиливается. «Эти улицы, — говорится в одном журнале в статье о гигиенических условиях жизни рабочих в городах, — часто так узки, что можно из окна одного дома перешагнуть в окно противоположного дома; и к тому же дома так высоки, состоят из такого множества этажей, что свет едва проникает во двор или улицу между домами. В этой части города нет ни клоак, ни отхожих мест, и поэтому вся грязь, все отбросы и экскременты от по меньшей мере 50 000 человек каждую ночь выбрасываются в сточные канавы; вследствие этого, как ни чистят улицы, все же остается масса сухой грязи и страшная вонь, что не только неприятно, но в высшей степени вредит здоровью жителей. Что же удивительного, если в таких местах совершенно пренебрегают всеми соображениями касательно здоровья, нравственности, даже общепринятых правил приличия? Напротив того, все близко знающие эту местность могут многое рассказать о болезнях, нищете и деморализации ее обитателей. Эти обитатели так низко пали, находятся в таком жалком состоянии, что и описать невозможно. Квартиры более бедных классов в общем очень грязны и, повидимому, никогда не подвергаются чистке. В большинстве случаев они состоят из одной только комнаты, которая при всей скверной вентиляции все же всегда бывает холодной из-за разбитых стекол в окнах, часто сыра и вкопана в земле, всегда скверно меблирована или даже совсем без мебели, так-что одна охапка соломы служит постелью для целой семьи, и на ней спят вперемежку мужчины и женщины, молодые и старые. Воду можно достать только из общественных колодцев, и то обстоятельство, что ее трудно достать, способствует, конечно, накоплению всякой грязи».

В других крупных портовых городах дело обстоит не лучше. В **Ливерпуле**, при всей его торговле, роскоши и богатстве, рабочим живется не лучше. Пятая часть всего населения, т. е. свыше 45 000 человек, живет в тесных, темных, сырых и плохо вентилируемых подвалах, которых в городе насчитывается 7882. Сюда нужно прибавить еще 2270 дворов (courts), обстроенных со всех четырех сторон, с неширокими воротами, большей частью сводчатыми, и с рядом этажей наверху, т. е.

лишенных **совершенно** вентиляции, большей частью очень грязных и почти исключительно населенных пролетариями. Подробнее о таких дворах мы поговорим, когда у нас будет речь о Манчестре. В **Бристоле** пришлось раз посетить 2800 рабочих семейств и оказалось, что 46% из них имеют только одну комнату.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Жилищная нужда как средство добавочной эксплоатации рабочих при капитализме

Когда эксплоатация рабочего фабрикантом завершена настолько, что рабочий получает деньгами свою заработную плату, тогда на него набрасываются другие части буржуазии, — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.

Маркс и Энгельс — «Коммунистический манифест») (Партиздат, 1932)

Так называемая жилищная нужда, играющая в современной печати такую большую роль, заключается не в том, что рабочий класс вообще **живет** в скверных, переполненных и нездоровых помещениях. **Эта** жилищная нужда не представляет собою ничего злободневно-своеобразного; она не представляет собою даже одного из страданий, свойственных современному пролетариату, в отличие от всех прежних угнетенных классов; напротив, она постигла довольно равномерно все угнетенные классы всех времен. Прекратить **эту** жилищную нужду в состоянии лишь **одно** средство — устранение вообще эксплоатации и угнетения трудящегося класса классом господствующим. То, что в настоящее время называется жилищной нуждой, это — особенное ухудшение и без того скверных жилищных условий рабочих под влиянием внезапного наплыва населения в большие города, огромное повышение квартирной платы, все усиливающаяся скученность жильцов в отдельных домах, для некоторых невозможность вообще найти себе приют. И **эта** жилищная нужда только потому заставляет о себе так много говорить, что она не ограничивается рабочим классом, а затрагивает вместе с тем и мелкую буржуазию.

Жилищная нужда, испытываемая рабочими и частью мелкой буржуазии наших современных больших городов, представляет собою одно из бесчисленных **мелких** второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства. Она отнюдь не представляет собою непосредственного следствия эксплоатации капиталистами рабочего **как** рабочего. Эта эксплоатация — зло основное, которое будет уничтожено социальной революцией, устраняющей капиталистический способ производства.

(Энгельс — «Жилищный вопрос») (Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Домовая рента как средство эксплоатации бедности

Что касается земли, предназначаемой для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, подобно всем неземледельческим участкам, регулируется в своей основе собственно зем-

ледельческой рентой (Book I, chap. XI, 2 и 3). Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает положение (очень важно, напр., при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидностью полной пассивности собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплоатации прогресса общественного развития, в который собственник ничего не привносит от себя и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как это все же можно сказать о промышленном капиталисте; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно в случаях самой бесстыдной эксплоатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для домовой ренты, чем каким когда бы то ни было являлись рудники Потози для Испании), и чудовищная власть, которую дает эта земельная собственность, соединяясь в одних руках с промышленным капиталом, открывает для нее возможность практически устранять с земли, как с обталища, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за вопросов заработной платы. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле, как и вообще земельная собственность подразумевает право собственников эксплоатировать земной шар, внутренности земли, воздуха, а вместе с тем все ,что необходимо для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышают не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и развитие основного капитала, который или присоединяется к земле, или коренится в ней, покоится на ней, как все промышленные постройки, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Смешение платы за наем, поскольку она предоставляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании, как у Кэри, невозможно в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. Здесь существенны два элемента: с одной стороны, эксплоатация земли с целями воспроизводства или добывающей промышленности, с другой — пространство, которое необходимо, как элемент всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли, как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом.[1]

В книге II, глава XII, в показаниях Эдуарда Каппа, крупного лондонского строительного спекулянта, перед комиссией 1857 г. о банках, мы видели пример того, каким образом в быстро развивающихся городах, особенно, когда постройка ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции служит собственно не дом, а земельная рента. Этот свидетель говорит там, № 5435: «Я полагаю, что человек, желающий преуспевать на свете, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (fair trade)... ему необходимо, кроме того, строить с целями спекуляции, и притом в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает

[1] «Замощение лондонских улиц дало возможность собственникам некоторых голых скал на шотландском берегу извлекать ренту из бесполезной до того времени каменистой почвы». A. Smith, Book I, chap. XI, 2.

очень мало прибыли из самых зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, напр., он снимает участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он, тщательно выработав строительный план, построит на этом участке дома надлежащего разряда, то ему, быть может, удастся извлекать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от построек, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет». При этом не следует забывать, что по истечении договора об аренде, самое большее 99 лет, земля со всеми находящимися на ней постройками и с земельной рентой, которая за этот срок обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правоприемника к первоначальному последнему земельному собственнику.

(К. Маркс — «Капитал» т. III, гл. 46)

Расположение и застройка рабочих кварталов

Перейдем, однако, на классическую почву развития английской промышленности и в центр всех движений английских рабочих — юг Ланкашира с его центральным городом Манчестером. Перед нами вновь красивая холмистая страна, спускающаяся к западу от водораздела отлогими уступами к Ирландскому морю, с восхитительными, покрытыми зеленым ковром, долинами рек Риббля, Ирвелля и Мерсея и их притоков — страна, представлявшая собой еще лет сто тому назад в значительной своей части сплошное болото и мало населенная, а в настоящее время усеянная городами и деревнями и составляющая самую населенную местность Англии. Ланкашир и в особенности Манчестер являются и местом зарождения английской промышленности и ее центром... Вот в виду-то того, что Манчестер представляет собой классический тип современного промышленного города, а также и в виду того, что я его знаю не хуже моего родного города и лучше, чем большинство его жителей, — мы остановимся на этом городе побольше.

Другие города в окрестностях Манчестера мало отличаются в отношении санитарного состояния рабочих кварталов от центрального города... Сами города плохо и неправильно построены, с грязными дворами, улицами и переулками, полны дымом и производят особенно мрачное впечатление своими зданиями, построенными из красного кирпича, но с течением времени почерневшими. Подвальные квартиры представляют здесь обычное явление; эти подземные ямы устраиваются, где только возможно, и в них живет очень значительная часть населения.

Самым худшим из этих городов считается, кроме Престона и Ольдгама, Болтон, лежащий в одиннадцати милях к северо-западу от Манчестера. Насколько я успел заметить в мои неоднократные поездки туда, в городе этом имеется только одна и довольно грязная главная улица, служащая одновременно и базаром, и даже в самую лучшую погоду представляющая мрачную и неприглядную дыру, хотя помимо фабрик она и состоит из одно- и двухэтажных низеньких домов. Более старая часть города здесь, как и везде, особенно ветха и неприютна. Через город протекает какая-то черная жижа, о которой трудно сказать, река ли это или непрерывный ряд вонючих луж, и со своей стороны немало

содействует полному зараженню воздуха... Расположение самого города очень своеобразно: можно прожить в нем много лет, ежедневно выходить из города и возвращаться, ни разу не попадая в рабочий квартал и не придя в соприкосновение с рабочими, если только человек занят своими собственными делами или прогуливается. Объясняется же это главным образом тем, что вследствие бессознательного безмолвного соглашения, как и сознательного вполне определенного намерения, рабочие кварталы самым строгим образом отделены от частей города, в которых живет средний класс, а где это открыто сделать нельзя, на это набрасывается покров лжи. В центре Манчестера находится довольно обширный коммерческий округ, охватывающий пространство в полмили в длину и столько же в ширину и почти весь состоящий из торговых складов и контор. Почти вся эта местность необитаема, ночью становится совершенно пустынной и уединенной, и только кое-где показываются в узеньких и темных улицах ночные сторожа с своими фонариками. Местность эта прорезывается несколькими главными улицами, на которых всегда толпится масса народу и где расположены блестящие магазины; на этих улицах верхние этажи кое-где населены, и здесь уличная жизнь не прекращается до поздней ночи. За исключением этой коммерческой части весь собственно Манчестер, весь Сальфорд и Гульм, значительная часть Пендльтона и Чорлтона, две третьих Ардвика и отдельные участки в Читам-Гилле и Броутоне — все это составляет один сплошной рабочий округ, обнимающий коммерческий квартал тесным кольцом, шириной в среднем в полторы мили. За этим поясом живет высшая и средняя буржуазия — средняя в правильных улицах по близости от рабочего квартала, именно в Чорлтоне и более отдаленных местностях Читам-Гилля, а высшая — в самых отдаленных местностях Чорлтона и Ардвика с его домами посреди садов, устроенными на подобие вилл, или на возвышенностях Читам-Гилля, Броутона и Пендльтона — на чистом здоровом деревенском воздухе, в роскошных удобных домах, мимо которых каждые четверть или полчаса проходят идущие в город омнибусы. И самое интересное во всем этом есть то, что эта богатая денежная аристократия может пройти через все эти рабочие кварталы, чтобы ближайшим путем попасть в свои конторы в центре города и не заметить даже, что вблизи справа и слева копошится самая грязная нищета. Дело в том, что главные улицы, расходящиеся от биржи по всем направлениям к окраинам города, состоят из двух почти непрерывных рядов магазинов и, населены, следовательно, средней и мелкой буржуазией, которая уже в собственных своих интересах заботится и может заботиться о приличном и чистом их виде. Эти магазины имеют, однако ж, некоторые сношения с кварталами, лежащими позади их, и потому вблизи кварталов, где живет буржуазия, и в торговом квартале имеют более элегантный вид, чем там, где они закрывают собой грязные коттэджи рабочих. Во всяком случае они достаточно чисты для того, чтобы скрыть от глаз богатых дам и кавалеров с сильными желудками и слабыми нервами нищету и грязь, составляющие известное дополнение к их богатству и роскоши. Так, напр., улица Денсгат, которая тянется от старой церкви в прямом направлении к югу, представляет собой сначала двойной ряд торговых складов и фабрик, которые затем сменяются магазинами второго ранга и несколькими пивными, и далее к югу, где торговый квартал кончается более невзрачными магазинами, становящимися чем дальше, тем грязнее, и все более и более сменяющимися шинками и трактирами и, наконец, в южном конце улицы вид магазинов не оставляет никакого сомнения в том, что их клиентами являются рабочие и только рабочие... Таким образом, можно, зная Манчестер, на основании главных улиц умозаключать о состоянии прилегающих сюда кварталов, но редко можно отсюда даже увидеть действительные рабочие кварталы. Я прекрасно знаю, что эта лицемерная система постройки города есть явление, более или менее общее всем крупным городам. Я знаю также и то, что лавочники, торгующие в розницу, уже по самому характеру своей торговли должны размещаться на крупных улицах, где движение бывает наибольшее. Я знаю, что на таких улицах бывает всегда больше хороших домов, чем плохих, и что вблизи их ценность земли выше, чем в более отдаленных местностях. Но при всем том я нигде не видал такого систематического отгораживания рабочего класса от главных улиц, такого, полного нежной чувствительности, стремления скрыть все, что может оскорбить глаз и нервы буржуазии, как здесь в Манчестере. И при всем том Манчестер менее планомерно и согласно с полицейскими правилами, а более в зависимости от случая, построен, чем какой бы то ни было другой город; если я при этом вспоминаю страстные заверения среднего класса, что рабочим прекрасно живется, мне начинает казаться, что в этом «стыдливом» устройстве города либеральные фабриканты не так уже невиноваты, как невинные агнцы.

Остается еще упомянуть, что почти все фабричные здания расположены вдоль трех рек или различных каналов, пересекающих город, и затем перейдем к описанию самих рабочих кварталов. Начнем с старого города Манчестера, расположенного между северной границей торгового квартала и рекой Ирк. Здесь улицы и даже лучшие из них, как Тодд-стрит, Лонг-Милльгат, Уиви-Гров и Шёд-Гилль, узкие и кривые, дома грязны, стары и ветхи, а переулки и совсем отвратительны. Если пойти от старой церкви вдоль улицы Лонг-Милльгат, то справа сейчас же начинается ряд старомодных домов, из которых ни один не сохранил своего прямого положения; это остатки старого Манчестера, Манчестера до-промышленной эпохи, обитатели которого переселились с своими потомками в лучше устроенные кварталы, а эти дома, которые были для них слишком неудобны, предоставили рабочей массе с сильно примешанной ирландской кровью. Здесь почти настоящий рабочий квартал, ибо даже магазины и трактиры не блещут особой чистотой. Но все это ничто в сравнении с улицами и дворами, которые расположены позади этой улицы и куда можно попасть только через узенькие проходы, в которых два человека разминуться не могут. Трудно представить себе эту скученность, эту беспорядочную, лишенную всякого разумного смысла, систему устройства домов, ту тесноту, с которой они буквально стиснуты в одну кучу. И это можно сказать не только о зданиях, построенных давно, в до-промышленную эпоху Манчестера. Теснота эта была доведена до крайности лишь в самое последнее время, когда везде, где старая система устройства оставила хоть кусочек пространства, стали строить и настраивать, пока, наконец, между домами не осталось и фута пространства, который можно было бы еще застроить. Для подтверждения моих слов я даю здесь рисунок[1] небольшой части из плана Манче-

[1] По техническим соображениям рисунок опущен. *Составители.*

стера — части, составляющей не худшую и даже не десятую часть всего старого города.

Рисунок этот в достаточной мере дает представление о бессмысленном способе постройки всего округа, именно округа вблизи реки Ирк. Берег реки здесь, на южной ее стороне, очень крут и от пятнадцати до тридцати футов вышины; по этому крутому склону тянутся большей частью еще три ряда домов, из которых низший находится у самой реки, а передняя стена высшего ряда находится уже на уровне вершины холма, и обращена на улицу Лонг-Милльгат. Там и сям вдоль берега реки расположены еще фабрики, — одним словом, и здесь постройки также тесно и беспорядочно расположены, как и в нижней части улицы Лонг-Милльгат. Справа и слева множество крытых ходов ведет с главной улицы в многочисленные дворы и, войдя туда, попадешь в такую отвратительную грязь, которая не имеет себе равной; таковы дворы, спускающиеся к реке; здесь находятся безусловно самые скверные квартиры, которые мне когда-нибудь приходилось встречать. В одном из этих дворов находится у самого входа, там, где крытый ход кончается, отхожее место, не имеющее дверей и столь грязное, что обитатели двора могут попасть в него только через стоячую лужу гниющих экскрементов, окружающую его. Это первый двор у реки выше моста Дум-Бридж, если кому-нибудь захочется убедиться в справедливости моих слов; ниже у самой реки находится несколько кожевенных заводов, наполняющих всю окрестность запахом разлагающихся животных отбросов. В дворы, находящиеся выше моста Дум-Бридж, попадают большей частью по узким, грязным лестницам и, чтобы попасть в дома, нельзя миновать куч мусора и грязи. Первый двор ниже моста Дум-Бридж называется Алленс-Курт и во время холеры был в таком состоянии, что санитарная полиция приказала его очистить и окурить хлором; доктор Кей дает в брошюре описание тогдашнего состояния этого двора — описания, внушающего ужас. С того времени часть его, повидимому, была снесена и заново отстроена; если смотреть с моста Дум-Бридж вниз, видны кое-какие развалины, высокие кучи мусора, рядом с несколькими домами более новой постройки. Вид, открывающийся с этого моста, — стеной, в человеческий рост вышиною, он заботливо скрыт от маленьких смертных, — вообще характерен для всего округа. Внизу в глубине течет или вернее гниет Ирк, узенькая, черная, вонючая речка, полная грязи и отбросов, которые она выбрасывает на правый низменный берег. В сухую погоду на этом берегу остается целый ряд отвратительнейших зеленовато-черных, гниющих, покрытых плесенью, луж, из которых постоянно поднимаются и лопаются пузырьки всевозможных газов гниения, распространяя запах, невыносимый даже наверху на мосту, сорок или пятьдесят футов над уровнем реки. Сама река к тому же на каждом шагу задерживается высокими плотинами, на которых отбросы и плесень оседают толстыми массами, образуя очаги гниения. Выше моста расположены высокие кожевенные заводы; далее, еще выше, расположены красильни, костомольни и газовые заводы, отбросы которых сливаются в ту же речку, куда еще стекается содержимое примыкающих сюда клоак и отхожих мест. Можно, поэтому, себе представить, что за осадки оставляет эта река. Ниже за мостом видны кучи мусора, грязи и отбросов во дворах на левом крутом берегу; один дом тесно примыкает к другому и, так как берег очень крут, то видны части всех домов; все они черны от дыма, ветхи, с разбитыми стеклами и расшатанными оконными рамами; на заднем фоне виднеются старые казарменного вида фабричные здания. На правом более низменном берегу виден длинный ряд домов и фабрик. Второй дом от моста есть развалина без крыши, наполненная мусором, а третий так низко построен, что нижний этаж необитаем и вследствие этого стоит без окон и дверей. Задний фон образует здесь кладбище для бедных, вокзалы Ливерпульской и Лидской железных дорог, а позади рабочий дом, манчестерская «Бастилия для бедняков», которая, подобно цитадели, грозно смотрит с холма из-под высоких зубчатых стен на расположенные на другом берегу рабочие кварталы.

За этим мостом левый берег становится более отлогим, а правый, наоборот, крутым, но состояние домов на обоих берегах становится скорее хуже, чем лучше. Если здесь свернуть с главной улицы — все той же Лонг-Милльгат — влево, человек пропал: попадешь из одного двора в другой, запутаешься во всевозможных узеньких грязных переулках, тупиках и проходах и по истечении нескольких минут теряешь всякое направление и совсем не знаешь, куда повернуть. Везде полу- или совсем разрушенные здания, — некоторые совсем необитаемы, а это здесь очень много значит, — в домах редко встретишь досчатый или каменный пол, но зато почти везде сломанные, плохо вставленные окна и двери, и какая грязь! — Везде кучи мусора, грязи и отбросов, стоячие лужи вместо отводных канав и запах, который один достаточен для того, чтобы человек, мало-мальски цивилизованный, решительно не мог там жить. С удлинением Лидской железной дороги, пересекающей здесь Ирк, некоторые из этих дворов и переулков были срыты, но зато другие открылись взору наблюдателя. Так в непосредственной близости от железнодорожного моста стоит двор, далеко превосходящий все другие своим грязным отвратительным видом, именно потому, что он раньше был так заброшен, что с трудом можно было в него попасть; не будь этого открытого места, созданного постройкой железнодорожного моста, я сам никогда не нашел бы этого дома, хотя мне и казалось, что я прекрасно знаю эту местность. По берегу, полному ухабов, мимо кольев и протянутых от них веревок для сушки белья, попадаешь в этот хаос маленьких одноэтажных хижинок, в которых редко встречаешь какой-нибудь искусственный пол и где одна единственная комната является и кухней, и жилой комнатой, и спальней — решительно всем. В такой дыре, имевшей не более шести футов в длину и пяти в ширину, я нашел две постели — и что за кровати и подушки! — которые вместе с лестницей и очагом как-раз наполняли всю комнату. Во многих хижинах я не увидел **ничего**, хотя дверь была широко открыта, и обитатели были на дворе. Перед дверьми везде грязь и мусор; не было видно и подобия мостовой, а она только то тут, то там чувствовалась под ногами. Вся эта куча населенных людьми хлевов была с двух сторон окружена домами и фабрикой и с третьей — рекой, а узенькая тропинка и тесные ворота вели отсюда в другой, почти столь же плохо построенный и содержимый лабиринт домов и хижин.

...Сделаем, кстати, несколько общих замечаний о том, как обыкновенно строится рабочий квартал в Манчестере. Мы уже видели, как в старом городе группировка домов зависит большей частью от чистой случайности. Каждый дом строится без всякого соображения с располо-

жением других домов, и свободные пространства между отдельными домами называются, за недостатком другого названия, дворами (courts). В немного более новых частях того же квартала и в нескольких других рабочих кварталах, начало которым было положено в первые годы расцвета промышленности, мы находим несколько более планомерное устройство домов. Пространство между двумя улицами разделяется на правильные, большей частью **четырехугольные** дворы, приблизительно так, как это изображено на прилагаемом рисунке; в эти дворы ведут с улицы крытые ходы. Если уже это расположение домов, лишенное всякого плана, чрезвычайно вредно отзывается на здоровье их обитателей, значительно затрудняя вентиляцию, то еще более вредны в этом отношении эти дворы, окруженные со всех сторон зданиями. Никакое движение воздуха здесь невозможно: одни дымовые трубы, покуда в печах есть огонь, вентилируют затхлый воздух дворов [1]. К тому же в большинстве дворов дома построены так, что задние стены двух домов примыкают друг к другу, что само по себе уже достаточно, чтобы сделать всякую хорошую вентиляцию невозможной. Полиция совершенно не интересуется санитарным состоянием этих дворов, все остается спокойно лежать там, куда это бросают, и потому нет ничего удивительного, если везде находишь кучи грязи, золы и нечистот. Мне приходилось бывать во дворах, — они расположены на улице Миллер-стрит, — уровень которых был, по меньшей мере, на полфута ниже главной улицы, и в них не было и следа какой-нибудь канавы, по которой могла бы стечь вода, собирающаяся в них в дождливую погоду! Позднее стали строить рабочие кварталы еще и иначе, и именно так, как это принято строить в настоящее время. Теперь рабочие домики (коттэджи) редко строятся по одному, а всегда дюжинами и даже в большем количестве; один предприниматель сразу строит одну или несколько улиц. Расположение домов здесь следующее: первый ряд образуют коттэджи первого ранга; квартирная плата здесь самая высокая, потому что здесь имеются и задний ход, и маленький дворик; задняя стена домов, двери которых выходят в эти дворики, обращена в узенькую улицу, заднюю улицу (backstreet), застроенную с обоих концов; в эту улицу ведет узенький проход, крытый или открытый; в коттэджах, двери которых ведут в эту улицу, квартирная плата наименьшая, и вообще здесь квартиры всего хуже; у них задняя стена общая с третьим рядом коттэджей, двери которых ведут на противоположную улицу; здесь квартирная плата ниже, чем в первом ряду и выше, чем во втором. Таким образом расположение улиц приблизительно таково, как на прилагаемом рисунке.

При таком расположении домов и улиц в первом ряду коттэджей получается довольно сносная вентиляция, а в третьем ряду

[1] И тем не менее один мудрый английский либерал раз утверждал — в отчете комиссии Children's Empl. Comm. — что дворы эти являются образцом городского благоустройства, ибо они, представляя как бы ряд маленьких открытых площадей, улучшают вентиляцию и содействуют движению воздуха. Оно, пожалуй, так и было бы, если бы в каждом дворе было два или четыре широких, открытых сверху и расположенных друг против друга ворот, через которые воздух мог бы свободно циркулировать, но они *никогда* не имеют двух ворот и очень редко один открытые ворота, а почти все имеют только узенькие крытые выходы.

вентиляция по меньшей мере не хуже, чем в подобных же коттэджах прежнего устройства; зато в среднем ряду вентиляция, по меньшей мере, столь же плоха, как в домах старых дворов, а сама задняя улица не менее грязна и неприглядна, чем улицы старого устройства. Предприниматели предпочитают такой способ постройки потому, что он дает экономию места, да и возможность повысить цены на квартиры в коттэджах первого и третьего ряда и таким образом поэксплоатировать рабочих, получающих высшую плату. — Эти три формы устройства коттэджей можно найти не только во всем Манчестере, но даже во всем Ланкашире и Иоркшире; часто эти три способа встречаются рядом, но большею частью они настолько обособлены, что по одному этому признаку можно уже распознать приблизительно возраст той или другой части города. Третья система, система задних улиц, решительно преобладает в большом рабочем округе к востоку от дороги св. Георга по обеим сторонам Ольдгом-Род и Грейт-Анкоот-стрита и наиболее часто встречается также и в остальных рабочих округах Манчестера и его предместий.

В упомянутом большом рабочем округе расположено у каналов большинство крупных фабрик Манчестера — колоссальные шести- и семиэтажные здания, высоко возвышающиеся своими стройными трубами над низенькими коттэджами рабочих. Население этого округа состоит, поэтому, главным образом из фабричных рабочих, а на худших улицах из ручных ткачей. Улицы, наиболее близкие к центру города, наиболее стары и потому хуже других, но все же здесь имеются мостовые и сточные канавы; я отношу сюда параллельные улицы, наиболее близкие к Ольдгом-Род и Грейт-Анкоот-стриту. Далее к северо-востоку расположены несколько новых улиц; здесь коттэджи имеют довольно милый и чистый вид, двери и окна новые и свежие выкрашены, и внутри стены чисто выбелены; на самих улицах больше воздуха, и промежутки между домами больше и чаще. Но все это можно сказать лишь о немногих квартирах. К тому же следует прибавить, что почти в каждом коттэдже имеется подвальное помещение, что на многих улицах нет мостовых и водосточных канав и — что важнее всего — этот красивый вид домиков есть лишь чистая иллюзия — иллюзия, исчезающая уже по истечении десяти лет. Дело в том, что постройка самих коттэджей не менее скверна, чем расположение улиц. Сначала такие коттэджи все имеют очень приятный и солидный вид, массивные кирпичные стены подкупают глаз, и, если пройти по **новым** рабочим кварталам, не заглянув в здания улицы и в сами дома, приходится согласиться с утверждением либеральных фабрикантов, что нигде рабочие не имеют таких хороших квартир, как в Англии. Но если присмотреться поближе, оказывается, что стены этих коттеджей так тонки, как только возможно. Наружные стены, стены подвала, нижнего этажа, и стены, на которых покоится крыша, бывают толщиною не более одного целого кирпича, так что в каждом горизонтальном слое кирпичи расположены так, что примыкают друг к другу длинной стороной [▭▭▭▭]; но мне приходилось видеть и коттэджи такой же высоты — некоторые даже во время их постройки — в которых наружные стены были толщиной не более половины кирпича; т. е. кирпичи были расположены так, что примыкали друг к другу не длинной, а короткой стороной [▭▭]. Делается это отчасти для экономии материала, но от-

части и потому, что предприниматель, строящий дома, не является собственником земли, а, согласно английскому обычаю, арендует место на двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят или девяносто девять лет, и по истечении этого срока земля со всеми постройками переходит к землевладельцу без всякого вознаграждения. Вот почему арендатор старается так строить дома, чтобы они по истечении арендного срока имели возможно меньшую ценность, а так как такие коттэджи строятся всего только за двадцать или тридцать лет до истечения арендного срока, то ясно, что арендатор много на них тратить не желает. Кроме того предприниматели эти, большей частью каменьщики, плотники или фабриканты, мало или ничего не тратят на починки, отчасти из-за нежелания понизить свой доход, отчасти вследствие краткости срока аренды; в эпохи торговых кризисов, когда множество рабочих лишается заработка, целые улицы становятся пустыми, вследствие чего коттэджи очень быстро разрушаются. Принято обыкновенно считать, что рабочие жилища в среднем служат лишь сорок лет. Это кажется странным, если смотреть на эти красивые массивные стены новых коттэджей, обещающие просуществовать несколько столетий, но тем не менее оно так: скряжничество при первоначальном устройстве коттэджей, отсутствие всяких починок, то обстоятельство, что квартиры часто пустуют, и квартиранты быстро меняются, наконец, опустошения, которые производят квартиранты, большей частью ирландцы, в течение последних десяти лет, часто ломая деревянные части, чтобы топить ими печи, — все это превращает эти коттэджи по истечении сорока лет в развалины. Этим объясняется тот факт, что в Анкоотском квартале, построенном лишь со времени расцвета промышленности, большей частью даже в течение XIX столетия, все же имеется множество старых развалившихся зданий, и даже большая часть домов находится теперь уже в последней стадии обитаемости. Я не буду говорить здесь о том, сколько капитала здесь тратится таким образом понапрасну, как много лет весь этот квартал мог бы оставаться чистым, приличным и обитаемым при несколько больших затратах на первоначальную постройку и позднейшие починки. Меня здесь интересует только состояние домов и положение их обитателей, и я должен сказать, что нет, более вредной, более деморализующей системы, доводящей рабочих до гибели, чем именно эта. Рабочий вынужден жить в таком скверном коттэдже потому, что он не может заплатить за лучший, или потому, что он не находит лучшего по близости той фабрики, где он работает, а иногда и потому, что он принадлежит фабриканту, и последний лишь тогда дает ему работу, когда он нанимает этот коттэдж. Разумеется, этот сорокалетний период не есть нечто безусловное: если дома расположены в оживленной части города, и при дорогой аренде есть надежда всегда иметь жильцов, арендаторы кое-что делают и для того, чтобы хоть до некоторой степени сохранить обитаемость домов и по истечении сорока лет: но делают они, без сомнения, лишь самое необходимое, и именно такие квартиры принадлежат к самым худшим. Временами, когда грозят какие-нибудь эпидемии, спящая обыкновенно совесть санитарной полиции немного просыпается, и тогда предпринимаются экскурсии в рабочие кварталы, запирается целый ряд подвалов и коттэджей, как это, напр., случилось на многих улицах близ Ольдгом-Род; но все это продолжается недолго, квартиры, на которые наложен был запрет, скоро снова наполняются жильцами;

арендаторы не зевают и отыскивают новых жильцов: кто же не знает, что санитарная полиция не так-то скоро вновь явится!

На этой восточной и северо-восточной стороне Манчестера — и только на ней — буржуазия не живет. Не живет она здесь потому, что дующий в течение 10—11 месяцев в году западный и юго-западный ветер относит всегда в эту сторону дым, — а он не мал! — всех фабричных труб. Этот дым могут вдыхать одни рабочие!

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

«Дурные кварталы» капиталистического города

В каждом крупном городе имеется один или несколько «дурных кварталов», в которых ютится рабочий класс. Правда, часто нищета ютится в тесных закоулках, в непосредственной близости от дворцов богачей, но в общем ей отведен совершенно отдельный участок, в котором, вдали от глаз более счастливых классов, она должна сама пробиваться, как умеет. Эти «дурные кварталы» имеют во всех городах Англии в общем один и тот же вид: это — сквернейшие дома в самой скверной части города, длинный ряд большей частью двухэтажных или одноэтажных кирпичных зданий с жилыми подвалами во многих и почти всегда неплановмерно расположенных. Эти домики, состоящие из 3—4 комнат и одной кухни, называются коттэджами и составляют во всей Англии, за исключением некоторых частей Лондона, обычные жилища рабочего класса. Улицы здесь обыкновенно немощеные, грязные, с ухабами, полные растительными и животными отбросами, без сточных канав, но зато с стоячими лужами, распространяющими сильное зловоние. Беспорядочное устройство всей этой части города затрудняет устройство вентиляции, и, так как множество людей живет здесь на небольшом пространстве, то легко представить себе, какой здесь воздух. Ко всему этому, улицы в хорошую погоду служат еще для сушки белья; от одного дома к другому протягиваются веревки, на которых и развешивается белье.

Рассмотрим несколько таких «дурных кварталов», каждый в отдельности. Начнем с **Лондона,**[1] с его знаменитого „воронього гнезда“ (rookery), С.-Джильс, которое теперь, наконец, будет скоро уничтожено и заменено парой широких улиц. Расположена эта местность посреди самых населенных частей города, окружена блестящими, широкими улицами, в которых живут высшие классы Англии, в непосредственной близости от Оксфорд-стрита и Реджент-стрита, от Трафальгарского сквера и набережной. Это — беспорядочная куча высоких трех-четырехэтажных домов с узенькими, кривыми и грязными улицами, на которых по меньшей мере столько же жизни, сколько на главных улицах города, с тем только различием, что здесь живет исключительно рабочий класс. На улицах устроен базар, где продается всякая зелень и фрукты, ко-

[1] Когда это описание было уже набросано, я случайно натолкнулся на статью о рабочих уголках Лондона в «Illuminated Magazine» (Oktober, 1844), содержание которой в одних местах почти дословно совпадает с моим описанием, но и вообще по существу вполне с ним сходится. Заглавие статьи: «The Dwellings of the Poor; from the note-book of an M. D.» (Medicinae Doctor).

печно, дурного качества; всевозможные ящики с товарами загромождают улицу, и от всего этого, как и из мясных лавок, исходит отвратительное зловоние. Дома битком набиты обитателями от подвала до самой крыши, грязны снаружи и внутри так, что кажется, что ни один человек в них жить не может. Но все это ничто в сравнении с домами в тесных дворах и переулках между улицами, куда можно попасть через крытые ходы между домами и в которых грязь и ветхость не поддаются описанию; в них нет почти ни одного целого оконного стекла, стены осыпаются, дверные и оконные рамы сломаны и еле держатся, двери сбиты из старых досок или совершенно отсутствуют, ибо в этом воровском притоне нечего украсть, и потому и двери не нужны. Повсюду кучи мусора и золы, и выливаемые у дверей помои собираются в зловонные лужи. Здесь живут беднейшие из бедняков, рабочие, получающие самую низкую плату, вперемежку с ворами, мошенниками и жертвами проституции. Большинство из них — ирландцы или потомки ирландцев и те, которые сами еще не погибли в водовороте морального упадка, окружающем их, — с каждым днем опускается все ниже, с каждым днем все более и более теряет силы противиться деморализующему влиянию нужды, грязи и окружающего дурного общества.

Но С.-Джильс не единственный «дурной квартал» Лондона. В огромном лабиринте улиц есть сотни и тысячи скрытых переулков и закоулков, дома которых слишком плохи для всех тех, которые имеют некоторые, хотя слабые претензии на человеческое жилье, и такие убежища тягчайшей нищеты можно найти часто в непосредственной близости от прекрасных домов богачей. Так недавно по случаю осмотра мертвого тела, одна местность у самого Портманского сквера, у площади, представляющей очень приличное место для гуляния, была охарактеризована, как местопребывание «кучи ирландцев, деморализованных от грязи и нищеты». Так, на улицах, вроде Лонг-Акра и др., если не аристократических, то все же приличных, имеется множество подвалов, из которых выглядывают больные детские фигурки и полуголодные, одетые в отрепья, женщины. В непосредственной близости от Дрюриленского театра, второго в Лондоне, расположены некоторые из худших улиц всего города, Чарльз-, Кинг- и Паркер-стрит, дома которых тоже битком набиты от подвалов до самых крыш бедными семьями. В приходах св. Иоанна и св. Маргариты в Вестминстере в 1840 г. жило, согласно данным журнала статистического общества, 5366 рабочих семейств в 5294 «квартирах», если их можно так назвать; мужчины, женщины и дети, всего 26 830 человек, были скучены вместе, не взирая на возраст и пол, и из этих семейств лишь три четверти имели по отдельной комнате. В аристократическом приходе св. Георга у Ганноверского сквера жило, согласно тому же источнику, 1465 рабочих семейств, всего 6000 человек, в тех же условиях; и здесь две трети всего числа семейств имели каждое не более одной комнаты. И как имущие классы эксплоатируют на законном основании нищету этих несчастных, у которых даже ворам делать нечего! В этих отвратительных домах у Дрюриленского театра, о которых мы уже упомянули выше, плата за наем выражается в следующих цифрах: два подвала стоят 3 шиллинга в неделю, комната в первом этаже — 4 шиллинга, во втором этаже — 4½ шиллинга, на третьем этаже — 4 шиллинга и под самой крышей — 3 шиллинга. Таким образом одни голодные обитатели Чарльз-стрита

платят домовладельцам ежегодный налог в 2000 фунтов стерлингов, а упомянутые выше 5366 семейств в Вестминстере платят вместе 40 000 фунтов стерлингов.

Но самый крупный рабочий округ лежит к востоку от Тоуэра, в Уайтчепеле и Бетнальгрине, где сконцентрирована главная масса рабочих Лондона. Послушаем, что говорит о состоянии своего прихода Г. Альстон, пастор прихода св. Филиппа в Бетнальгрине. «Здесь 1400 домов, в которых живет 2795 семейств и приблизительно 12 000 человек. Пространство, на котором живет это большое население, имеет в квадрате меньше 400 квадратных ярдов (1200 футов), и при такой тесноте очень часто семья из мужа, жены, 4—5 детей, а иногда и бабушки и дедушки, ютится в одной комнате, в 10—12 кв. футов, и здесь работает, ест и спит. Я думаю, что до того момента, как епископ Лондона обратил внимание общества на этот до чрезвычайности бедный приход, о нем здесь, в западной части города, столь же мало знали, как о дикой Австралии. Если познакомиться на собственном опыте с страданиями этих несчастных, если наблюдать их при их скудном обеде, или видеть их надломленными от болезни и безработицы, то раскрывается такая картина беспомощности и нищеты, что нация, подобная нашей, должна была бы устыдиться, одной возможности ее. Я был священником близ Геддерсвильда в течение тех трех лет, когда фабрики всего хуже работали, и тем не менее я никогда там не видел такой полной беспомощности бедняков, как здесь. Даже один отец семейства из десяти не имеет другой одежды, кроме своего рабочего костюма, да и он состоит из одних лохмотьев: многие из них не имеют ничего, чтобы укрыться на ночь, кроме этих лохмотьев, а постелью им служит лишь мешок с соломой или стружками».

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

ЖИЛИЩЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ

Жилище горнорабочих и их социальная патология

Рабочие в каменноугольных и других шахтах принадлежат к наилучше оплачиваемым категориям британского пролетариата. Какой ценой покупают они свою заработную плату, уже было показано в другом месте. Я брошу здесь беглый взгляд на их жилищные условия. Эксплоататор шахт, будет ли то собственник или арендатор, обыкновенно устраивает известное число коттэджей для своих рук. Они получают коттэджи и уголь для отопления «даром», т. е. это составляет часть заработной платы, выдаваемую натурой [предметами потребления]. Если некоторые не могут быть расквартированы таким образом, они получают взамен этого 4 ф. стерл. в год. Горнопромышленные округа быстро привлекают большое население, состоящее из самих горнорабочих и группирующихся вокруг них ремесленников, лавочников и т. д. Как и повсюду, где плотность населения велика, земельная рента стоит здесь на высоком уровне. Поэтому горнопромышленник старается на самом тесном строительном участке при входе в шахту поставить по возможности больше коттэджей, как-раз столько, сколько необходимо для того, чтобы

втиснуть все свои рабочие руки вместе с их семействами. Если по близости открываются новые копи или вновь начинают разрабатываться старые, то теснота возрастает. При постройке коттэджей решающее значение имеет лишь одна точка зрения: «самоотречение» капиталиста от всяких не абсолютно неизбежных затрат наличными.

«Жилые помещения шахтеров и других рабочих, связанных с копями Northumberland'a и Durham'a — говорит Dr. Julian Hunter, — в общем являются, быть может, наиболее плохим и дорогим из всего, что по этой части представляет в крупном масштабе Англия, за исключением, однако, таких же округов в Monmouthshire'e. Крайне плохое состояние их обусловливается большим количеством лиц, переполняющих каждую комнату, теснотой строительного участка, на котором разбросано множество домов, недостатком воды и отсутствием отхожих мест, нередко применяемым методом ставить дома один над другим или разделять их на flats [так что различные коттэджи образуют этажи, в вертикальном направлении расположенные один над другим]... Предприниматель смотрит на всю колонию таким образом, как будто она просто стоит лагерем, а не живет постоянно».

«Во исполнение полученных мною инструкций, — говорит Dr. Stevens, — я посетил бо́льшую часть крупных горнозаводских селений Durham Union... За очень малым исключением следует сказать, что нигде не принимается каких бы то ни было мер для охраны здоровья жителей... Все горнорабочие прикреплены (bound, — выражение, как и bondage, относящееся к эпохе крепостного права) на 12 месяцев к арендатору («lessee») или собственнику копей. Если они обнаружат свое неудовольствие или иным способом досадят надсмотрщику («viewer»), то он против их имени в своей книге ставит только значок или пометку и увольняет их при заключении нового годового контракта... Мне думается, что ни один из видов trucksistem'ы не может быть хуже того, который господствует в этих густо населенных округах. Рабочий вынужден получать в качестве части своей заработной платы дом, находящийся среди заражающей обстановки. Он не в состоянии сам помочь себе. Он во всех отношениях крепостной (he is to all intents and purposes a serf). Да и вообще приходится сомневаться, чтобы кто-либо сумел помочь ему кроме его собственника, а этот собственник справляется прежде всего со своим балансом, и результат этого нетрудно предугадать. От собственника же получает рабочий и воду. Хорошая она или плохая, доставляется ему или нет, он во всяком случае должен платить за нее или, точнее сказать, допускать соответствующий вычет из заработной платы.

В конфликте с «общественным мнением» или даже с санитарной полицией капитал нисколько не стесняется отчасти опасные, отчасти унизительные условия, в которые он ставит труд и домашнюю жизнь рабочего, оправдывать тем соображением, что это необходимо для более выгодной эксплоатации рабочего. Таково положение дел, когда он самоотрекается от приспособлений для защиты от опасных машин на фабриках, самоотрекается от вентиляции и предохранительных мер в шахтах и т. д. Таково же положение здесь, в случае с жилым помещением горнорабочих.

(*Маркс* — «Капитал», т. I, гл. 23)

Жилище сельских рабочих и их социальная патология

«В оправдание недостойных жилищных условий, — говорит в своем официальном отчете Dr. Simon, медицинский чиновник Privy Council, — ссылаются на то, что шахты обыкновенно эксплоатируются на арендных началах; что продолжительность арендного договора (в каменноугольных шахтах по большей части 21 год) слишком коротка для того, чтобы арендатору стоило устраивать хорошо приспособленные жилища для рабочих, мастеров и т. д., которых привлекает предприятие; если бы даже он и захотел быть щедрым в этом отношении, то землевладелец разрушил бы его планы. Он постарался бы немедленно получить чрезвычайно высокую добавочную ренту за ту привилегию, что на поверхности построено приличное и комфортабельное селение с жилыми помещениями для рабочих, извлекающих его подземную собственность. Эта цена, равносильная воспрещению всякого улучшения, если только не прямое запрещение, во всяком случае устрашила бы тех, кто при иных условиях был бы склонен приступить к устройству селений... Я не буду подробнее останавливаться на вопросе об основательности этого оправдания, а также о том, на кого упали бы в последнем счете добавочные затраты по постройке приличных жилых помещений: на землевладельца, арендатора копей, рабочих или на общество... Но в виду тех позорных фактов, которые разоблачаются в прилагаемых отчетах (Dr. Hunter'a, Stevens'a и др.), необходимо принять меры для их устранения... Правами земельной собственности пользуются здесь таким образом, что совершают большую общественную несправедливость. В качестве собственника копей землевладелец приглашает промышленную колонию для работы в своих владениях, а потом в качестве собственника поверхности делает невозможным для призванных им рабочих отыскать удовлетворительное помещение, необходимое для их жилья. Арендатор копей (капиталистический эксплоататор) денежно нисколько не заинтересован в том, чтобы противодействовать такому умножению торговых операций, так как ему хорошо известно, что, если притязания землевладельца непомерны, то последствия падут не на него, что рабочие, на которых падут они, слишком невежественны для того, чтобы знать свои права на здоровье, и что ни самые отвратительные жилища, ни самая гнилая вода никогда не послужат поводом для стачки».

«Каждая страница отчета Dr. Hunter'a — говорит Dr. Simon в своем официальном санитарном отчете, — свидетельствует о недостаточном количестве и жалком качестве жилищ наших сельских рабочих. И вот уже много лет, как их состояние в этом отношении прогрессивно все ухудшается. Теперь для сельских рабочих много труднее найти жилое помещение, а если и удастся найти, то эти помещения несравненно менее соответствуют их потребностям, чем то было в течение, пожалуй, нескольких столетий. В особенности быстро возрастает это зло за последние 30 или 20 лет, и жилищные условия сельского жителя в настоящее время в высшей степени печальные. Он совершенно беспомощен в этом отношении, если только те, кого обогащает его труд, не сочтут стоящим делом обращаться с ним с известного рода сострадательной снисходительностью. Найдет ли рабочий жилое помещение на той земле, которую он обрабатывает, будет ли оно жилым помещением для человека или для свиней, окажется ли при нем маленький садик, который так облег-

чает гнет бедности, — все это зависит не от его готовности или способности платить соответствующую квартирную плату, а от того употребления, которое заблагорассудится другим сделать «из своего права распоряжаться своей собственностью как им вздумается». Как бы велик ни был арендный участок, нет такого закона, который предписывал бы, чтобы на нем было определенное количество жилых помещений для рабочих,— о приличных жилищах нечего и говорить; закон не предоставляет также рабочему никакого права на ту землю, для которой его труд столь же необходим, как дождь и солнечный свет... Еще одно дополнительное обстоятельство бросает на чашку весов тяжелый груз против него... это — влияние закона о бедных с его постановлениями о праве жительства и налогом в пользу бедных.[1] Под его влиянием каждый приход денежно заинтересован в том, чтобы свести к минимуму число живущих в нем сельских рабочих, потому что земледельческий труд, вместо того, чтобы гарантировать трудящемуся в поте лица сельскому рабочему и его семейству верную и постоянную независимость, к несчастью, в большинстве случаев более или менее окольным путем ведет его к пауперизму, — пауперизму, к которому на всем протяжении пути рабочий настолько близок, что всякая болезнь или хотя бы преходящий недостаток работы заставляет его тотчас же обращаться к помощи прихода; и потому расселение земледельческих рабочих в известном приходе, очевидно, каждый раз знаменует увеличение для него налога в пользу бедных... Стоит лишь крупным земельным собственникам решить, что в их владениях не должно быть никаких жилищ для рабочих, — и они немедленно освобождаются от половины своей ответственности за бедных. Насколько в намерения английской конституции и законов входило установление такого рода безусловной земельной собственности, которая дает лэндлорду возможность «делать с своей собственностью, что он хочет», относиться к возделывателям земли как к чужестранцам и сгонять их с своей территории, это — вопрос, обсуждение которого не входит в задачу моего отчета... Эта власть изгонять — не одна только теория. Она осуществляется на практике в самом крупном масштабе. Это — одно из обстоятельств, оказывающих решающее влияние на жилищные условия сельского рабочего... О размерах зла можно судить по последней переписи, которая показала, что в последние 10 лет, несмотря на увеличение местного спроса на дома, разрушение последних прогрессировало в 821 различных округах Англии; таким образом в 1861 году население, увеличившееся по сравнению с 1851 г. на 5⅓%, было втиснуто в помещения, уменьшившиеся на 4½%, — мы при этом совсем оставляем в стороне лиц, которые вынужденно утратили оседлость в тех приходах, где они работают... Когда процесс обезлюдения завершается, — говорит Dr. Hunter, — его результатом является показная деревня (show-village), где число коттэджей сокращено до незначительного количества и где никому не разрешается жить кроме пастухов овец, садовников и сторожей дичи, — этой постоянной челяди, которая пользуется хорошим отношением милостивых господ, обычным для этого класса.[2] Но земля нуждается в возделывании, и мы видим, что рабочие, занятые этим, живут не у земельного собственника, а приходят из открытой деревни, находящейся на расстоянии, быть может, трех миль, из деревни, в которую их приняли многочисленные мелкие домовладельцы после того, как коттэджи рабочих в закрытых деревнях были разрушены. Там, где все направлено к достижению этого результата, коттэджи своим жалким видом обыкновенно говорят о судьбе, на которую они обречены. Они находятся на различных ступенях естественного разрушения. Пока кровля держится, рабочему позволяют платить квартирную плату, и часто ему приходится радоваться, что ему это позволяют, хотя бы он был вынужден платить такую цену, как за хорошее жилое помещение. Но при этом никакого ремонта, никаких починок, кроме тех, которые сумеет сделать сам нищенски бедный жилец. Когда же дом, наконец, сделается совершенно непригодным для жилья, то это означает лишь, что одним разрушенным коттэджем стало больше, а налог в пользу бедных будет соответственно меньше. В то время как крупные собственники таким образом сбрасывают с себя налог в пользу бедных, удаляя население с принадлежащей им земли, ближайшие городки или открытые местечки принимают выброшенных рабочих, ближайшие, говорю я, но эти «ближайшие» могут лежать в 3—4 милях от фермы, на которой рабочий должен ежедневно работать. Таким образом к его дневному труду, как будто это — сущий пустяк, присоединяется еще необходимость ежедневного прохода в 6—8 миль для того, чтобы заработать свой хлеб насущный. Все сельские работы, производимые его женой и детьми, происходят теперь при таких же тяжелых условиях. Но и это еще не все зло, причиняемое отдаленностью от места работы. В открытых местах строительные спекулянты скупают клочки земли, которые они стараются как можно теснее покрыть самыми дешевыми, насколько возможно, лачугами. И в этих-то жалких жилищах, которые, если даже они выходят в открытое поле, характеризуются отвратительнейшими чертами худших городских жилищ, ютятся земледельческие рабочие Англии...[1] С другой

[1] В 1865 году этот закон несколько улучшен. Опыт скоро покажет, что подобного рода штопанье нисколько не помогает.

[2] Такая показная деревня имеет очень привлекательный вид, но она так же нереальна, как деревни, которые созерцала Екатерина II во время своего пу-

тешествия в Крым. В последнее время и пастух овец нередко изгоняется из этих show-villages. Напр., близ Market-Harborough находится пастбище для овец, занимающее почти 500 акров; здесь требуется труд всего одного человека. Для сокращения длинных переходов через эти обширные равнины, прекрасные пастбища Лейстера и Норгамптона, пастуху обыкновенно предоставляли коттэдж на ферме. Теперь ему дают тринадцатый шиллинг на квартиру, которую ему приходится отыскивать в какой-нибудь отдаленной открытой деревне.

[1] «Дома рабочих (в открытых местечках, которые, конечно, всегда переполнены) обыкновенно построены рядами, задворками к крайней черте того клочка земли, который строительный спекулянт называет своим. Поэтому свет и воздух может проникать к ним только со стороны фасада» (Dr. Hunter's Reports „Public Health, 7-th Report 1864. London 1865», p. 135). Очень часто владелец пивной или лавочник в селе занимается также и сдачей домов. В таких случаях на-ряду с фермером он является вторым господином для сельского рабочего. Последний должен в то же время все забирать у него. «Получая 10 шилл. в неделю, минус 4 фун. стерл. квартирной платы в год, он обязан покупать определенное количество чая, сахара, муки, мыла, свечей и пива по ценам, которые заблагорассудится назначить лавочнику» (там же, p. 132). Эти открытые деревни действительно представляют «исправительные колонии» английского земледельческого пролетариата. Многие из коттэджей являются настоящими ночлежными домами, через которые проходит весь бродячий окрестный сброд. Земледелец и его семейство, которые часто поистине поразительно сохраняют чистоту и честность характера среди отвратительнейших условий, здесь неизбежно погибают. Среди знат-

стороны отнюдь не следует думать, будто даже рабочий, обитающий на возделываемой им земле, находит там жилище, которого заслуживает его жизнь, полная производительного труда. Даже в княжеских владениях коттэджи рабочих часто находятся в самом жалком виде. Существуют лэндлорды, которые полагают, что и конюшня будет достаточно хороша для их рабочих с семействами, и которые, однако, не гнушаются выколачивать как можно больше денег за сдачу таких помещений.[1] Пусть это будет совершенно развалившаяся хижина с одной каморкой для спанья, без очага, без отхожего места, с неоткрывающимися окнами, без водоснабжения, если не считать какого-нибудь рва, без сада, — рабочий ничего не может поделать с таким безобразием. А наши санитарно-полицейские законы (The Nuissances Removal Acts) остаются мертвой буквой. Применение их возложено на тех самых собственников, которые сдают в наем такие берлоги... Не следует допускать, чтобы нас ослепляли более светлые картины, являющиеся исключениями, и закрывали от нас факты, которые представляют позорное пятно английской цивилизации. Действительно, ужасным же должно быть положение вещей, если, несмотря на очевидную чудовищность теперешних жилищ, компетентные наблюдатели единогласно приходят к тому окончательному выводу, что даже повсеместно отвратительное состояние жилых помещений является бесконечно менее тяжелым злом, чем чисто количественный недостаток жилищ. Вот уже много лет, как переполнение жилищ сельских рабочих составляет предмет глубокой скорби не только для людей, которые заботятся о здоровьи, но и для всех вообще, кто ценит приличную и нравственную жизнь. В самом деле, в совершенно однообразных, превратившихся в стереотипные, выражениях авторы отчетов о распространении эпидемических болезней в сельских округах снова и снова указывают на переполнение домов как на причину, которая совершенно разрушает все старания задержать развитие раз появившейся эпидемии. Снова и снова отмечается также то обстоятельство, что, вопреки благоприятному во многих отношениях влиянию деревенской жизни на здоровье, скученность населения, так сильно ускоряющая распространение заразных болезней, содействует появлению и не заразных болезней. И лица, раскрывшие подобное положение, не умалчивают и о дальнейших бедствиях. Даже в тех случаях, когда их первоначальной темой была исключительно гигиена, они почти вынужденно обращались еще к одной стороне предмета. Указывая на то, насколько часто случается, что взрослые люди обоего пола, женатые и неженатые, скучены (huddled) в тесных спальнях, их отчеты должны были приводить к убеждению, что при описанных обстоятельствах чувство стыда и приличия нарушается самым грубым образом, и что нравственность разрушается почти неизбежно.[1] Напр., в приложении к моему последнему отчету Dr. Ord в своем донесении о вспышке лихорадки в Wing'e и Buckinghamshir'e упоминает о том, как туда прошел из Wingrave'a один молодой человек, больной лихорадкой. В первые дни своей болезни он спал в одной комнате с 9 другими лицами. В течение двух недель некоторые из них тоже заболели, в несколько недель заболело лихорадкой 5 из 9 человек, и один умер! В то же время Dr. Harvey, врач госпиталя St. George, посещавший Wing во время эпидемии по случаю своей частной практики, делает однородное сообщение: «Одна молодая женщина, больная лихорадкой, по ночам спала в одной и той же комнате с отцом, матерью, своим внебрачным ребенком, двумя молодыми людьми, ее братьями, и с двумя сестрами, у каждой из которых было по внебрачному ребенку, итого 10 человек. Несколькими неделями раньше в той же комнате спало 13 детей».

Dr. Hunter исследовал 5375 коттэджей сельских рабочих, не только в чисто земледельческих округах, но и во всех графствах Англии. Из числа этих 5375 коттэджей в 2195 было только по одной спальне (часто это одновременно и жилая комната), в 2930 только по две и в 250 более двух.

(Маркс — «Капитал», т. I, гл. 23)

Таковы различные рабочие кварталы Манчестера, которые мне самому приходилось наблюдать в течение двадцати месяцев. Обобщая все, что мы говорили об этих местностях, мы должны сказать, что 350 000 рабочих Манчестера и его предместий почти все живут в плохих, сырых и грязных коттэджах, что улицы, на которых находятся последние, большей частью находятся в самом плохом, самом грязном состоянии, построены без всякой мысли о вентиляции, с одной только мыслью о доходе строителя, — одним словом, что в рабочих квартирах Манчестера не-

---

ных Шейлоков вошло в моду фарисейски пожимать плечами по адресу строительных спекулянтов, мелких собственников и открытых местечек. Разумеется, им превосходно известно, что их «закрытые деревни и показные деревни» — родина «открытых деревень» и не могли бы существовать без последних. «Без мелких собственников открытых селений большей части сельских рабочих пришлось бы спать под деревьями тех имений, в которых они работают» (там же, p. 135). Система «открытых» и «закрытых» деревень господствует во всей средней и во всей восточной Англии.

[1] «Дома рабочих (в открытых местечках, которые, конечно, всегда переполняются трудом человека, которому он платит 10 шиллингов в неделю, а потом опять отнимает у этого бедняка 4 или 5 фун. стерл. годовой квартирной платы за дома, которые при продаже на открытом рынке не стоят и 20 фун. стерл., но которые удерживают свою искусственную цену лишь потому, что собственнику принадлежит власть сказать: «Бери мой дом или убирайся со своими пожитками и попробуй без всякого аттестата от меня найти себе другое пристанище». Если человек хочет улучшить свое положение и отправляется на железную дорогу укладывать рельсы или в каменоломню, та же самая власть ни на шаг не отстает от него: «Работай на меня за такую низкую плату или же убирайся после предупреждения за неделю; забирай свою свинью, если у тебя таковая имеется, а потом посмотрим, что выручишь ты от картофеля, который растет в твоем огороде». Если же интерес диктует собственнику другие меры, то он (или фермер) часто предпочитает в таких случаях просто повысить квартирную плату, что послужит впоследствии карой рабочему за уход с места» (Dr. Hunter, там же, p. 132).

[1] Новобрачная чета не представляет ничего назидательного для взрослых братьев и сестер, которые спят в той комнате; и хотя эти примеры не могут быть зарегистрированы, однако имеются достаточные данные, оправдывающие утверждение, что большие страдания и часто смерть выпадают на долю женщин, совершивших проступление кровосмешения» (Dr. Hunter, там же, p. 137). Один сельский полицейский чиновник, который в течение многих лет был сыщиком в худших кварталах Лондона, говорит следующее о девушках своей деревни: «Такой грубой безнравственности с раннего возраста, такой распущенности и бесстыдства я никогда не видал во всю мою полицейскую жизнь в наихудших частях Лондона... Они живут, как свиньи, взрослые парни и девушки, матери и отцы, — все спят вместе в одной и той же комнате» («Children's Employment Commission. 6-th Report. London 1867». Appendix, p. 77. n. 155).

возможны никакия чистота, никакие удобства, а потому и невозможен никакой домашний очаг, что здесь может чувствовать себя хорошо лишь физически больная раса, интеллектуально и морально опустившаяся до состояния животных. И не я один это говорю: мы видели, что такое же описание дает д-р Кэй, и я приведу еще слова либерала, признанного и весьма ценимого авторитета фабрикантов и фанатического противника всякого самостоятельного рабочего движения, — г-на Сениора: «Осматривая жилища фабричных рабочих в «ирландском городе», рабочем квартале Анкоота и Малой Ирландии, я только изумлялся тому, что возможно сохранить сносное здоровье в таких квартирах. Эти города, — ибо по месту, занимаемому ими, и числу жителей их нельзя не назвать городами, — построены без всяких соображений о чем бы то ни было, кроме непосредственных выгод для спекулятора-строителя. Столяр и каменщик входят в соглашение, покупают (т. е. арендуют на известное число лет) ряд земельных участков и покрывают их так называемыми домами. На одном месте мы находим целую улицу, построенную вдоль рва, чтобы без всяких затрат на выкапывание получить глубокие подвалы — подвалы не для кладовых и складов, а для человеческих жилищ. **Ни одного дома на этой улице холера не оставила без своего посещения.** На улицах этих предместий, обыкновенно лишенных мостовых, то тут, то там видишь кучи навоза или лужи, дома построены так, что два дома имеют одну общую заднюю стену, лишены вентиляции, и целые семьи ютятся в углу какого-нибудь подвала или мансарды».

Я говорил уже выше о той необычной деятельности, которую санитарная полиция развила во время холеры в Манчестере. Когда эта эпидемия стала приближаться, какой-то ужас охватил всю буржуазию города. Сразу вспомнили об антисанитарном состоянии гнезд нищеты и дрожали при мысли, что каждый из этих дурных кварталов может стать центром заразы, откуда та может распространять свое опустошающее действие по всем направлениям, забираясь и в жилища имущего класса. Была тотчас же избрана санитарная комиссия для осмотра этих кварталов и с поручением донести об их состоянии городскому совету. Д-р Кэй, один из членов этой комиссии, специально осмотревший каждый полицейский участок, за исключением одиннадцатого, напечатал некоторые извлечения из этого отчета. Был осмотрен всего 6951 дом, — разумеется только **в самом** Манчестере, за исключением Сальфорда и других предместий; 2565 из них было необходимо выбелить внутри, в 960 не были своевременно произведены необходимые починки (were out of repair), в 939 не было достаточно хороших сточных канав, 1435 были сыры, 452 были с плохой вентиляцией и 2221 не имели отхожих мест. Из осмотренных 687 улиц, 248 совершенно не имело мостовых, 53 были мощены лишь отчасти, в 112 была плохая вентиляция, на 352 были найдены стоячие лужи, кучи нечистот, отбросов и т. п. — Само собой разумеется, что очистить такие авгиевы конюшни до появления холеры, — было прямо-таки невозможно. Поэтому, удовлетворились очисткой нескольких наиболее плохих углов, оставив остальное в прежнем состоянии, и само собой понятно, что на вычищенных местах, как например в Малой Ирландии, по истечении нескольких месяцев появилась прежняя грязь. Что касается внутреннего состояния этих жилищ, то о них та же комиссия сообщает приблизительно то же, что мы уже

слышали о состоянии жилищ в Лондоне, Эдинбурге и других городах: «Часто целая ирландская семья бывает скучена в одной постели; куча грязной соломы и тряпок из старых мешков часто оказывается ложем для целой массы людей, равно деморализованных в нищете, тупоумии и распутстве. Инспекторы часто находили в доме, состоящем из двух комнат, две семьи; в одной все спали, а вторая служила общей столовой и кухней; часто же одно и даже несколько семейств жило в сыром подвале, представляющем одну комнату, в отравленной атмосфере которой находили скученными 12—16 человек; если все это могло быть уже немалым источником болезней, то сюда присоединялось еще и то, что тут же держали и свиней и иным образом разводили всевозможную грязь». Сюда необходимо еще прибавить, что многие семьи, занимающие сами лишь одну комнату, принимают еще к себе за известную плату столовников и ночлежников, что такие столовники того и другого пола нередко спят вместе со всей семьей в одной и той же постели и что, напр., такой случай, когда муж спал с своей женой и взрослой невесткой в одной постели, «отчет о санитарном состоянии рабочего класса» в Манчестере констатирует шесть и более раз.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Критика взглядов буржуазных гигиенистов на происхождение жилищной нужды

Откуда проистекает жилищная нужда? Как она возникла? Г-н Закс, как добрый буржуа, не хочет знать, что она представляет необходимый результат буржуазной формы общества, что не может существовать без жилищной нужды такое общество, где огромная масса трудящихся существует исключительно на заработную плату, следовательно на совокупность средств существования, необходимых для сохранения их жизни и продолжения рода; где беспрерывные новые улучшения в машинной технике и т. д. лишают работы многочисленных рабочих; где сильные, регулярно повторяющиеся колебания промышленности обусловливают, с одной стороны, существование многочисленной резервной армии незанятых рабочих, с другой стороны — по временам выбрасывают на улицу большую массу безработных рабочих; где рабочие массами стягиваются в большие города, и притом гораздо быстрее, чем при существующих условиях увеличивается число жилищ для них, где стало быть, самые мерзкие свиные хлева всегда находят нанимателей; где, наконец, домовладелец, в качестве капиталиста, не только имеет право, но в силу конкуренции даже некоторым образом обязан беспощадно извлекать из своего домовладения как можно более высокую наемную плату. В подобном обществе жилищная нужда не случайность, она — необходимый институт, она со всеми своими влияниями на здоровье и т. д. может быть устранена лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания. Но этого не хочет знать буржуазный социализм. Он не **смеет** объяснять жилищную нужду общими условиями. Ему, следовательно, не остается ничего иного, как в исполненных «благородного негодования» фразах объяснить ее человеческою испорченностью, так сказать, первородным грехом.

«При этом не следует забывать, — а следовательно нельзя и отрицать (какое смелое заключение!), — что вина... лежит отчасти на **самих рабочих**, нуждающихся в жилищах, отчасти же, и в гораздо большей степени, на тех, кто берет на себя удовлетворение этой потребности или, имея средства, не берет на себя даже этой обязанности — **на имущих высших общественных классах.** Вина со стороны последних... заключается в том, что они не заботятся об устройстве достаточного количества хороших помещений».

Подобно тому как Прудон перескакивает из экономии в юриспруденцию, так наш буржуазный социалист делает прыжок из экономии в мораль. И это вполне естественно. Кто объявляет неприкосновенным капиталистический способ производства, «железные законы современного буржуазного общества» и хочет в то же время устранить их неприятные, но необходимые следствия, тому ничего не остается, кроме чтения капиталистам моральных проповедей, трогательное действие которых тотчас же испаряется под влиянием личного интереса или, в случае нужды, под влиянием конкуренции. Эти моральные проповеди напоминают поучения наседки на берегу пруда, в котором весело плавают высиженные ею утята. Утята двигаются по воде, хотя на ней нет жердей, а капиталисты набрасываются на прибыль, хотя у нее нет души. «В денежных делах сентиментальность неуместна», — говорил уже старый Ганземан, который понимал это лучше г. Закса.

«Хорошие квартиры так дороги, что большая часть рабочих **совершенно лишена возможности** пользоваться ими. Крупный капитал... боязливо сторонится от жилищ для трудящихся классов... так что эти классы при удовлетворении своей потребности в жилье большей частью попадают в руки спекулянтов». Отвратительная спекуляция — крупный капитал, конечно, никогда не занимается спекуляцией! Но не злонамеренность, а простое неведение мешает крупному капиталу спекулировать на рабочих жилищах: «Домовладельцы вовсе не знают, какую большую и важную роль играет нормальное удовлетворение потребности в жилье, **они не знают, что они причиняют людям,** предлагая им, как правило, столь невозможно дурные, вредные жилища, и, наконец, они не **знают,** как они сами себе этим вредят» (стр. 27).

Для создания жилищной нужды неведение капиталиста нуждается, однако, в неведении рабочего. Признав, что «самые низшие слои» рабочих, «чтобы не оставаться вовсе без крова, принуждены отыскивать какое ни есть ночное ложе и в этом отношении совершенно беззащитны», г. Закс рассказывает нам: «Общеизвестен факт, что многие из них (рабочих) из легкомыслия, но в основном по неведению, лишают свой организм, с изумительным, можно сказать, искусством, условий нормального развития и здорового существования, **не имея ни малейшего понятия** о рациональной гигиене, в особенности же о том, какое важное значение имеет в этом отношении жилище» (стр. 27).

Но тут-то и высовываются ослиные уши буржуа. Между тем как «вина» капиталистов спаслась бегством в область неведения, неведение рабочих является только поводом для обвинения. Послушайте только: «Таким образом и получается (именно благодаря неведению), что они, лишь бы сделать сбережение на квартирной плате, поселяются в помещениях темных, сырых, тесных, одним словом — представляющих насмешку над всеми требованиями гигиены..., что часто несколько семей

поселяются в одной квартире, более того, в одной комнате — все лишь бы подешевле платить за квартиру, между тем как они **воистину греховным образом растрачивают** свой доход на **пьянство и всякого рода грубые удовольствия».** Деньги, которые рабочие «расточают на водку и табак» (стр. 28), «премяпрепровождение в кабаках со всеми дурными последствиями, влекущее рабочее сословие, подобно свинцовой гире, все снова и снова в грязь», — вот что действительно, подобно свинцовой гире, отягощает желудок г. Закса. Г-н Закс опять-таки не хочет знать, что пьянство среди рабочих при данных условиях столь же необходимое следствие их положения, как необходим тиф, преступления, паразиты, судебные пристава и все другие общественные болезни, столь необходимое, что можно заранее вычислить среднее количество алкоголиков. Впрочем, еще мой старый начальный учитель говаривал: «народ посещает кабак, а господа — клуб», а так как я бывал и там, и здесь, то я могу подтвердить это.

Все эти слова о «неведении» обеих сторон приводят к старым фразам о гармонии интересов капитала и труда. Если бы капиталисты понимали свои истинные интересы, они бы давали рабочим хорошие жилища и вообще устраивали бы их жизнь лучше, а если бы рабочие сознавали лучше свои истинные интересы, они бы не устраивали стачек, не увлекались бы социал-демократией и политикой, а послушно следовали бы за своими господами-капиталистами. К сожалению, обе стороны видят свои выгоды совершенно в ином свете, чем проповедуется г. Заксом и его бесчисленными предшественниками. Евангелие гармонии между капиталом и трудом проповедуется вот уже 50 лет, буржуазной филантропии стоили уже много денег попытки иллюстрировать эту гармонию образцовыми учреждениями, и, как мы увидим ниже, положение вещей ничуть не изменилось за эти пятьдесят лет.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса, Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Характеристика буржуазной социально-гигиенической литературы по жилищному вопросу

Между тем, подвигаясь «медленным, но верным шагом», у нас возникла, наконец, буржуазная литература по общественной гигиене и жилищному вопросу, представляющая собою водянистый экстракт из иностранных, по преимуществу английских писателей, которому громкими и пышными фразами мошеннически придают вид высшего полета мысли. К этой литературе принадлежит и книга д-ра Эмиля Закса **«Жилищные условия трудящихся классов и их реформа»,** Вена 1869.

Я потому выбрал именно эту книгу для изложения буржуазных взглядов на жилищный вопрос, что в ней делается попытка охватить по возможности всю буржуазную литературу по этому предмету. Но хороша же и литература, служащая «источником» нашему автору! Из английских парламентских отчетов, действительно основных источников, упоминаются только три самых старых; вся книга показывает, что автор никогда **не видал в глаза ни одного из них;** зато он приводит целый ряд бессодержательных буржуазных, благомысляще-мещанских и лицемерно-филантропических писаний: Дюкпесьо (Ducpétiaux), Роберте, Холь (Hole), Губер, труды английского конгресса социальных наук (или,

вернее, — чепухи), журнал прусского «Союза попечения о благе трудящихся классов», австрийский официальный отчет о парижской всемирной выставке, официально-бонапартистские отчеты о ней же, «Иллюстрированная лондонская газета», «По суше и морю» и, наконец, «признанный авторитет», человек «острого практического ума», «убедительного увлекательного красноречия» — а именно **Юлиус Фаухер!** В этом списке источников нехватает еще разве «Gartenlaube», «Kladderadatsch» и стрелка Кучке [1].

Во избежание недоразумений относительно его взглядов, господин Закс на стр. 22 заявляет: «Социальной экономией мы называем учение о народном хозяйстве в его приложении к социальным вопросам, выражаясь точнее — совокупность средств и способов, предлагаемых нам этой наукой, **на основе ее «железных» законов, для поднятия, в рамках господствующего ныне общественного строя, так называемых (!) неимущих классов до уровня владеющих классов».** Мы не станем разбирать путаное представление, будто «учение о народном хозяйстве», или политическая экономия, вообще занимается какими-либо другими вопросами, кроме, «социальных». Мы прямо займемся главным пунктом. Д-р Закс требует, чтобы «железные законы» буржуазной экономии, «рамки господствующего ныне общественного строя», иными словами — капиталистический способ производства оставался неизменным и, несмотря на это, чтобы положение «так называемых неимущих классов» было бы поднято «до уровня владеющих классов». Прежде всего неизбежной предпосылкой капиталистического способа производства, является существование не так называемого, а действительно неимущего класса, не имеющего ничего для продажи, кроме своей рабочей силы, — и принужденного поэтому продавать эту рабочую силу промышленным капиталистам. Задача изобретенной господином Заксом новой науки — «социальной экономии» — состоит, стало быть, в следующем: найти способы и средства к тому, чтобы внутри общественного строя, основанного на противоположности между капиталистами, владельцами сырых материалов, орудий производства и предметов потребления, с одной стороны, и неимущими наемными рабочими, не владеющими никакой собственностью, кроме своей рабочей силы, — с другой, чтобы внутри этого общественного строя все наемные рабочие могли быть превращены в капиталистов, не переставая быть наемными рабочими. Г-н Закс полагает, что решил этот вопрос. Пусть он будет столь добр показать нам, каким образом всех солдат французской армии, из которых каждый ведь со времени Наполеона I носит в ранце свой маршалский жезл, можно превратить в фельдмаршалов с тем, чтобы они не переставали быть простыми солдатами. Или же каким образом все 40 миллионов германских подданных сделать германскими императорами!

В этом вся суть буржуазного социализма — сохранить основную причину всех зол современного общества и одновременно стремиться к уничтожению этих зол. Буржуазные социалисты хотят, как об этом уже говорит «Коммунистический манифест», «устранить социальные бедствия, чтобы упрочить существование буржуазного общества». Они хотят **«буржуазии без пролетариата».** Мы видели, что г. Закс точно

[1] «Гартенлаубе» — журнал расчитанный на мещанство, «Кладдерадатч» — юмористический журнал. Примеч. ред. брошюры, изданной в 1932 г. Соц.-Эк. ГИЗом.

также ставит вопрос. Решение социального вопроса он видит в решении жилищного вопроса; он того мнения, что «путем улучшения жилищ трудящихся классов можно было бы успешно облегчить изображенную телесную и духовную нищету — путем широкого улучшения жилищных условий, — и тем самым значительная часть этих классов могла бы быть поднята из болота своего едва ли человеческого существования на чистую высоту материального и духовного благосостояния» (стр. 14). Кстати сказать, буржуазии выгодно затушевывать факт существования пролетариата, созданного буржуазными производственными отношениями и обусловливающего продолжение существования последних. Поэтому г. Закс на стр. 21 рассказывает нам, что под трудящимися классами он разумеет все «необеспеченные общественные классы», «маленьких людей вообще, ремесленников, вдов, пенсионеров (!), низших чиновников и т. д.» на-ряду с собственно рабочими. Буржуазный социализм подает руку мелкобуржуазному!

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса, Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

КАК БУРЖУАЗИЯ „РАЗРЕШАЕТ" ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

Эпидемии и «оздоровление» городов буржуазией

Многократные посещения холеры, тифа, оспы и других эпидемий ясно указали английскому буржуа на настоятельную необходимость в оздоровлении городов, если он не хочет пасть жертвой эпидемии со всем своим семейством. Вот почему описанные в настоящей книге вопиющие условия жизни в настоящее время или совершенно исчезли, или, по крайней мере, смягчились. Введена или улучшена канализация, широкие улицы перекрещивают множество худших улиц «дурных кварталов». Но что же это такое? Целые округа, которые я в 1844 г. мог описать еще в почти идиллическом свете, теперь с ростом городов пришли в то же состояние упадка, необитаемости, нищеты. Правда, свиней и куч мусора в них не видно более. Буржуазия сделала дальнейшие шаги в искусстве скрывать несчастье рабочего класса, но что в отношении рабочих жилищ существенного прогресса не произошло, доказывает отчет королевской комиссии «on the Housing of the Poor» за 1885 г. И точно так же обстоит дело и во всем другом. Полицейские правила сыплются, как из рога изобилия, но они могут только отгородить нищету рабочих, но не могут ее устранить.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Но и для крупной буржуазии [1] этот вопрос представляет значительный, правда косвенный, интерес. Современное естествознание показало, что так называемые «дурные кварталы», в которых скучены рабочие, представляют очаги всех тех эпидемий, которые периодически посещают наши города. Холера, тиф и тифозная горячка, оспа и другие заразные болезни распространяют свои бактерии в зачумленном воздухе и отрав-

[1] См. примеч. 27-е.

ленной воде этих рабочих кварталов; там они почти никогда не исчезают, развиваются, едва только условия позволяют это, в эпидемические массовые болезни и выходят за пределы своих очагов в более богатые воздухом здоровые части города, населенные господами капиталистами. Господа капиталисты не могут безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия падают на них самих, и смерть косит свои жертвы среди капиталистов так же беспощадно, как среди рабочих.

С тех пор, как наука установила этот факт, человеколюбивые буржуа возгорелись пламенным соревнованием в заботах о здоровьи своих рабочих, учреждаются общества, пишутся книги, создаются проекты, обсуждаются и издаются законы с целью уничтожить источники все повторяющихся эпидемий. Жилищные условия рабочих стали подвергаться обследованиям и были сделаны попытки исправить самые вопиющие недостатки. Особенно в Англии, где большинство городов являются крупными и где, следовательно, крупный буржуа сильнее всего грозила опасность, была развита энергичная деятельность; назначены были правительственные комиссии для исследования санитарных условий жизни рабочего класса: их отчеты, выгодно отличающиеся точностью, полнотой и беспристрастием от всех континентальных источников, дали основу для новых, более или менее радикальных законов. Как ни мало совершенны эти законы, они все же бесконечно превосходят все, что сделано в этом направлении на континенте. И все же капиталистический общественный порядок непрерывно воспроизводит бедствия, о лечении которых идет речь, с такой необходимостью, что даже в Англии лечение едва ли подвинулось даже на один шаг вперед.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса. Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

«Борьба» с антисанитарией в буржуазном Петербурге

Буржуазное общество живет и держится исключительно на наемном труде миллионов. Без этого — ни доходы помещиков, ни прибыль капиталистов, ни всяческие «производные» источники сытой жизни вроде гонораров, жалований и пр. были бы невозможны. А той силой, которая загоняет миллионы в ряды наемников, является голод.

Факт это старый, общеизвестный, избитый. Буржуазная публика к нему привыкает и его «не замечает». Но от времени до времени вопиющие случаи нужды и нищеты рядом с роскошью заставляют — особенно если грозит опасность здоровью и благополучию гг. буржуа! — делать «открытия». В каждом большом городе, в любом деревенском захолустье нет-нет да и «откроют» ужасную, отвратительную, недостойную человека грязь, нищету, запущенность. «Откроют», оповестят публику через «большие» газеты, поговорят денек-другой и забудут. Сытый голодного не разумеет...

Недавно в Петербурге познакомил публику с одним из таких «открытий» некий д-р Козловский, осмотревший 251 угловую квартиру Рождественской части.

„Темные, сырые комнаты, удушливый воздух, грязь, спанье на сундуках, на полу, скученность страшная (3578 жильцов в 251 квартире), на стенах раздавленные клопы, картина ужасающая" („Новое Время" № 13236).

Общество народного здравия, слушавшее данный доклад, постановило разработать вопрос... возбудить ходатайство... просить об обследовании... т. е. сделало все, что могло.

Несколько цифр из статистики города С.-Петербурга за 1911 г. В распоряжение «Особого присутствия по разбору и призрению нищих» поступило 16 960 нищих. Из них 1761 **предано суду** — не беспокой чистых господ! — 1371 отправлено на родину (деревня «привыкла» возиться с нищетой), 1892 оставлены для призрения в учреждениях присутствия и 9694 — **освобождено.**

Все таки трудились же в присутствии, делали «разбор», не даром им жалованье платят.

За тот же 1911 г. в городскую биржу труда (за Московской заставой) обратилось 43 156 чернорабочих, ища работы. Получило работу 6076 человек.

«Освобожденные» (нищие от «призрения», чернорабочие от работы) ночуют на улице, в ночлежках, в угловых квартирах... Материал для открытий.

(Ленин — «Об одном открытии» 1913 г. т. XVI, изд. 3)

Метод «Осман»

На самом деле у буржуазии есть только один метод решения жилищного вопроса на **свой** лад, а именно она решает его так, что решение каждый раз снова выдвигает вопрос. Этот метод называется «Осман».

Под словом «Осман» я разумею не только специфически-бонапартистский метод парижского Османа проводить длинные, прямые и широкие улицы сквозь тесно застроенные рабочие кварталы, охватывая их большими роскошными зданиями по обеим сторонам, чем достигаются сразу и стратегическая цель — затруднения баррикадной борьбы — и вместе с тем образование специфического бонапартистского, зависящего от правительства строительного пролетариата, а также превращение города в город роскоши по преимуществу. Я разумею под словом «Осман» ставший обычным прием прорезывания старых рабочих кварталов, особенно расположенных в центрах наших крупных городов, все равно, ради ли общественной гигиены, с целью ли украшения, в виду ли спроса на торговые помещения в центре города или в силу нужд сообщения, вроде прокладки железных дорог, улиц и т. п. Результат всегда один и тот же, как ни различны бывают поводы: самые грязные переулки и закоулки исчезают при величайшем самохвальстве буржуазии по поводу этого огромного успеха, но они... тотчас же возникают где-либо на новом месте, часто даже в непосредственном соседстве.

В «Положении рабочего класса в Англии» я обрисовал вид Манчестера в 1843—1844 гг. С тех пор благодаря железным дорогам, проходящим через город, прокладке новых улиц, постройке больших общественных и частных зданий некоторые из самых худших описанных там округов прорезаны, очищены и улучшены, некоторые совсем разрушены, хотя постройки во многих из них, несмотря на более строгий в настоящее время санитарно-полицейский надзор, находятся в том же или даже в худшем еще состоянии.

Но зато благодаря невероятному расширению города, население которого с тех пор увеличилось более чем наполовину, те округа, которые в то время были еще чисты и полны воздуха, теперь так же застроены, грязны и переполнены жителями, как некогда самые прославленные в этом отношении части города. Приведу здесь один пример. В книге моей, на стр. 80 и сл. я изобразил группу домов, расположенную в долине реки Медлок, которая под именем Маленькой Ирландии (Little Ireland) уже давно была позорным пятном Манчестера. Маленькая Ирландия давно исчезла; на ее месте подымается теперь на высоком фундаменте вокзал; буржуазия торжествующе указывала на благополучное окончательное уничтожение Маленькой Ирландии как на большую победу. Но вот прошлым летом происходит ужасное наводнение, так как вообще запруженные реки в наших больших городах по весьма понятным причинам ежегодно затопляют свои берега. Тут-то оказалось, что Маленькая Ирландия вовсе не уничтожена, а только перенесена с южной стороны Оксфорд-Роуд в северную его часть и процветает попрежнему. Вот как пишет об этом орган радикальных манчестерских буржуа, манчестерская «Wieckly Times» 20 июля 1872 г.

«Несчастье, постигшее в прошлую субботу жителей долины Медлок, повлечет за собой, мы надеемся, **одно** хорошее следствие, а именно, что общественное внимание будет обращено на полнейшее пренебрежение всеми законами гигиены, которое так долго терпелось под носом у городских чиновников и городского санитарного комитета. Резкая статья во вчерашнем дневном издании нашей газеты недостаточно сильно еще обрисовала возмутительное состояние некоторых подвальных помещений на Charles-steet и Brook-street (Чарльзстрит и Брукстрит), затопленных наводнением. Подробный осмотр одного из указанных в названной статье дворов дает нам право подтвердить приведенные там данные и заявить, что подвальные жилища на этом дворе давно должны были быть закрыты, вернее — они никогда не должны были быть терпимы в качестве человеческого жилища. Двор Сквайера окружен семью или восемью жилыми домами на углу Чарльзстрита и Брукстрита, над которыми можно проходить хоть ежедневно, даже по самой низменной части Брукстрита, под железнодорожной аркой, не подозревая вовсе, что тут в глубине живут в пещерах человеческие существа. Двор, скрытый от постороннего взора, доступен только тем, кого нищета заставляет искать пристанища в его помещениях, похожих на могилы. Даже когда стоячие, по большей части запруженные плотинами воды Медлока не выходят за пределы обычного своего уровня, пол этих жилищ едва ли несколькими дюймами бывает выше его: каждый значительный дождь в состоянии поднять отвратительную загнившую воду из выгребных ям или сточных труб и наполнить жилище ядовитыми газами — знак памяти, оставляемый каждым наводнением... Двор Сквайера лежит еще ниже, чем пустые подвалы домов на Брукстрите..., двадцатью футами ниже улицы, и зараженная вода, поднявшаяся из выгребных ям в субботу, достигла до крыш. Мы знали это и были уверены, что или этот двор необитаем, или надеялись застать в нем только служащих санитарного комитета, занятых очисткой вонючих стен и дезинфекцией. Вместо этого мы застали человека, который в подвальном помещении цырюльника накладывал лопатами кучи гнившей дряни, лежавшей в углу, на ручную тачку. Цырюльник, подвал которого был уже в известной степени выметен, послал

нас еще ниже, в ряд квартир, о которых он сказал, что если бы он умел писать, то написал бы в газету и настаивал бы на их закрытии. Наконец, мы достигли двора Сквайера, где нашли красивую, здоровую на вид ирландку, пред которой лежала куча белья. Она и ее муж, ночной сторож на частной службе, живут шесть лет в этом дворе... у них большая семья... В доме, который они только-что покинули, поток достиг почти до самой крыши, окна разбиты, мебель превращена в щепки. Жилец этого дома, по его словам, мог избавляться от невыносимого запаха лишь благодаря тому, что каждые два месяца белил стены известью... Во внутреннем дворе, куда репортеру удалось теперь проникнуть, он нашел три дома, задняя стена которых упиралась в вышеописанные дома; в двух из них были жильцы. Вонь была так ужасна, что самый здоровый человек должен был через несколько минут заболеть морской болезнью... В этой отвратительной дыре жила семья из семи лиц, которые в четверг вечером (день начала наводнения) все спали в доме, но, вернее, как пояснила женщина, не спали, так как ее и мужа бо́льшую часть ночи рвало от вони. В субботу они принуждены были, по грудь в воде, вынести своих детей. Она тоже того мнения, что дыра эта не годится даже для свиней, но она наняла ее в виду дешевизны, полтора шиллинга в неделю, так как муж ее по болезни в последнее время часто лишен заработка. Этот двор и погребенные в нем, как в преждевременной могиле, жильцы производят впечатление самой крайней беспомощности. Мы должны, впрочем, сказать, что по сделанным наблюдениям двор Сквайера является только образцом, может быть несколько преувеличенным, еще нескольких других помещений той местности, допущение существования которых со стороны нашей санитарной комиссии совершенно непростительно. И если допустят, чтобы эти помещения и впредь заселялись, то мы не беремся судить ни об ответственности, которая падает на комиссию, ни об опасности заразной эпидемии, которая угрожает соседям».

Это яркий пример того, как буржуазия на практике решает жилищный вопрос. Очаги заразы, возмутительнейшие пещеры и ямы, в которые капиталистический способ производства загоняет еженощно наших рабочих, не уничтожаются, нет, они попросту... **переносятся** в другие места. Та же экономическая необходимость, которая создала их на первом месте, создает их и на втором. И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо решать отдельно жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение заключается в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств жизни и орудий труда.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос») (Инст. Маркса и Энгельса. Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и ружей. Сумасшедшим был бы тот революционер, который по своей воле выбрал бы для баррикадной борьбы новые рабочие кварталы в северном и восточном Берлине.

(К. Маркс — «Классовая борьба во Франции 1848—1850 гг.)

МЕЛКОБУРЖУАЗНОЕ РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА

Реакционность прудонизма в жилищном вопросе

Ядром как буржуазного, так и мелкобуржуазного решения «жилищного вопроса» является собственность рабочего на свое жилище. Но этот пункт, благодаря промышленному развитию Германии в течение последних 20 лет, получил совершенно своеобразное освещение. Ни в какой другой стране нет столь многочисленных наемных рабочих, являющихся собственниками не только своего жилища, но и огорода или поля; наряду с этим много таких рабочих, которые пользуются, на условиях в достаточной мере обеспеченного владения, домом либо полем в качестве арендатора. Сельская домашняя промышленность в соединении с огородничеством или мелким полеводством образует широкую основу для молодой крупной промышленности Германии; на западе рабочие — преимущественно собственники, на востоке — преимущественно арендаторы своих жилищ. Эта связь домашней индустрии с огородничеством и, следовательно, с обеспеченным жилищем встречается не только повсюду там, где ручное ткачество борется еще с механическим станком, но и на нижнем Рейне, в Вестфалии, в саксонских Рудных горах и в Силезии; мы встречаем это соединение повсюду, где домашняя промышленность какого-либо рода укоренилась как сельский промысел, например в Тюрингенском лесу и на Роне. При обсуждении вопроса о табачной монополии выяснилось, в какой значительной степени распространилось уже изготовление сигар в качестве сельского домашнего промысла. Когда же нужда возникает среди мелких крестьян, как, например, несколько лет тому назад в Эйфеле, тогда буржуазная пресса немедленно поднимает крик о введении какого-нибудь подходящего домашнего промысла как единственного средства помощи. На самом же деле, как растущая среди немецких мелких крестьян нужда, так и общее положение немецкой промышленности ведет к дальнейшему распространению сельской домашней промышленности. Это является особенностью Германии. Нечто подобное мы встречаем во Франции лишь как исключение, например в местностях, где развито шелководство; в Англии, где нет мелких крестьян, сельская домашняя промышленность держится на труде жен и детей сельскохозяйственных поденщиков, и только в Ирландии, подобно тому как в Германии, мы встречаем в крестьянской семье домашний промысел в производстве готового платья. Мы не говорим здесь, понятно, о России и других странах, не выступивших еще на арену мирового промышленного рынка.

Итак, на обширных пространствах Германии в настоящее время существует такое состояние промышленности, которое на первый взгляд соответствует состоянию, господствовавшему повсюду перед введением машинного производства. Но это на первый взгляд только. Сельская домашняя промышленность прежних времен, соединенная с огородничеством и полеводством, представляла собою, по крайней мере в развивающихся в промышленном отношении странах, основу сносного, местами даже вполне достаточного материального положения рабочего класса на-ряду с полным его умственным и политическим ничтожеством. Издержки производства при ручном труде определяли рыночную цену продукта, и при тогдашней ничтожной, в сравнении с современной, производительности труда рынки сбыта росли быстрее предложения. Так было в середине прошлого столетия (XVIII) в Англии и отчасти во Франции, в особенности в текстильной промышленности. В Германии же, с отрудом оправляющейся при самых неблагоприятных условиях от разорений Тридцатилетней войны, дело обстояло совершенно иначе; единственным сельским промыслом, поставлявшим товары на мировой рынок, было льняное ткачество, настолько обремененное налогами и феодальными повинностями, что оно ничуть не поднимало крестьянина-ткача над весьма низким уровнем жизни прочего крестьянства. Все-таки тогда рабочий сельской промышленности вел до известной степени обеспеченное существование.

С введением машинного производства все это изменилось. Цена стала определяться издержками машинного производства, и оплата рабочего домашней промышленности упала вместе с ценой продукта. Но работник принужден был либо брать эту плату, либо искать другой работы, а это значило стать пролетарием, т. е. покинуть свой домик, огород или клочок поля — собственный или арендуемый. На этот шаг он решался в очень редких случаях. Таким образом, полеводство и огородничество сельских ручных ткачей повсюду затянуло борьбу ручного станка с механическим, и до сих пор не законченную еще в Германии. В этой борьбе впервые обнаружилось, особенно в Англии, что то же самое обстоятельство, а именно обладание средствами производства, которое прежде служило основой сравнительного благосостояния рабочего, стало теперь для него помехой и источником несчастья. В промышленности ткацкий станок побил ручной, в сельском хозяйстве крупное земледелие вытеснило мелкое производство. Но в то время как в обеих отраслях производства совместный труд многих, применение машин и науки сделались общественным правилом, домик, огород, клочок поля и станок приковывали его к устарелому способу единичного производства и ручного труда. Владение домом и огородом представляло теперь гораздо меньшую ценость, чем свободная, как у птицы, подвижность. Ни один фабричный рабочий не поменялся бы с умирающим медленной, но неизбежной голодной смертью деревенским ручным ткачом...

Таким образом, буржуазная и мелкобуржуазная утопия — дать каждому работнику право полной собственности на домик и приковать его этим на полуфеодальный манер к капиталисту — принимает теперь совершенно иной вид. Осуществление ее превратило бы всех мелких сельских домохозяев в промышленных домашних рабочих, уничтожило бы старую замкнутость и связанное с этим политическое ничтожество мелких крестьян, вовлеченных теперь в «социальный вихрь»; распространило бы промышленную революцию на деревню и превратило бы самый неподвижный, самый консервативный класс населения в питомник революции, а в завершение всего — экспроприировало бы сельских кустарей машиной, которая насильственно толкнула бы их на путь восстания.

Пусть буржуазно-социалистические филантропы наслаждаются своим идеалом, не переставая в то же время в своих общественных функциях, в качестве капиталистов, осуществлять его навыворот, на пользу и благо социальной революции...

И вовсе не случайно поэтому то обстоятельство, что наш немецкий прудонист занялся прежде всего жилищным вопросом, который, как мы видели, отнюдь не является исключительно рабочим вопросом; он же,

напротив, объявил этот вопрос настоящим, исключительно рабочим вопросом.

«Квартиронаниматель по отношению **к домовладельцу** — то же, что **наемный рабочий** по отношению к **капиталисту».**

Это совершенно неверно.

В жилищном вопросе противостоят две стороны — наниматель и сдатчик, т. е. квартирант и домовладелец. Первый хочет купить у второго временное пользование жилищем; у него имеются деньги или кредит, хотя бы он и принужден был купить этот кредит у самого домовладельца за ростовщическую цену, выражающуюся в надбавке к квартирной плате. Это — простая продажа товара; это не сделка между пролетариатом и буржуазией, между рабочим и капиталистом; наниматель, даже если он рабочий, выступает здесь как **человек имущий,** — он либо продал уже принадлежащий ему товар, рабочую силу, и с выручкой от этой продажи может выступить в качестве покупателя права пользования жилищем, или же он должен быть в состоянии представить гарантии предстоящей продажи этой рабочей силы. Специфические результаты, получающиеся от продажи рабочей силы капиталисту, здесь всецело отсутствуют. Капиталист заставляет купленную им рабочую силу воспроизвести сперва свою стоимость, а затем еще прибавочную стоимость, которая временно, до предстоящего распределения ее среди класса капиталистов, остается в его руках. Здесь создается, таким образом, избыточная стоимость, общая сумма существующих стоимостей увеличивается. В сделке дело обстоит совершенно иначе. Сколько бы сдающий ни сорвал лишнего у съемщика, это всегда лишь передача уже **существующей,** ранее **произведенной** стоимости, и общая сумма стоимостей, находящихся в **совместном** обладании съемщика и сдатчика, остается без изменения. Рабочий всегда лишается части продукта своего труда, все равно — оплачивает ли капиталист его труд ниже, выше или по его настоящей стоимости, наниматель же бывает обманут лишь в том случае, когда принужден оплачивать квартиру выше ее стоимости. Отношение квартиронанимателя к хозяину дома является, таким образом, в совершенно ложном свете, если отождествлять его с отношением рабочего к капиталисту. Напротив, здесь пред нами совершенно обычная товарная сделка между двумя гражданами, и эта сделка происходит сообразно законам экономики, регулирующим продажу товаров вообще и продажу товара «землевладение» — в частности. Прежде всего принимаются в расчет издержки постройки и содержания дома или данной его части; затем — ценность земли, обусловленная более или менее удобным местоположением дома; наконец, окончательное решение принадлежит соотношению между спросом и предложением в данный момент. Это простое экономическое отношение отражается в голове нашего прудониста следующим образом:

«Построенный однажды дом служит **вечным источником права** на определенную частицу общественного труда, хотя бы действительная ценность дома давно уже более чем в достаточной сумме была уплачена владельцу в форме наемного процента. Так-то выходит, что дом, выстроенный, например, 50 лет назад, в течение этого времени 2, 3, 5, 10 и т. д. раз покрывает первоначальную цену издержек».

[1] См. примечание 28 е.

Тут перед нами Прудон во весь рост. Во-первых, упускается из виду, что плата, получаемая от сдачи дома в наем, покрывает не только издержки постройки дома, но и ремонт, и среднюю сумму безнадежных долгов, неуплаченной квартирной платы и цены пустующих от времени до времени помещений; наконец, вложенный в постройку капитал должен погашаться ежегодными долями, так как дом становится со временем негодным для жилья и обесценивается. Во-вторых, не принимается во внимание, что квартирная плата должна также приносить проценты на добавочную стоимость земельного участка, на котором стоит дом, т. е. что часть ее состоит из земельной ренты. Наш прудонист, правда, тотчас же заявляет, что этот прирост стоимости, образовавшийся без воздействия собственника земли, принадлежит по праву не ему, а всему обществу, но он забывает, что тем самым он на деле выдвигает требование уничтожения права собственности на землю, о чем мы здесь распространяться не станем, так как это отвлекло бы нас далеко в сторону. Наконец, он забывает, что здесь вообще все дело идет не о покупке дома у владельца, а лишь о приобретении права пользования им на известный срок. Прудон, который всегда был беззаботен относительно действительных фактических условий, при которых происходит какое-либо экономическое явление, не может, разумеется, объяснить себе, как это первоначальная цена издержек постройки дома может быть при известных обстоятельствах за 50 лет десятикратно уплачена в форме квартирной платы. Вместо того, чтобы этот совсем не трудный вопрос исследовать экономически и установить, действительно ли и каким образом этот факт противоречит экономическим законам, он спасается храбрым прыжком из экономики в область юриспруденции: «однажды построенный дом служит **вечным источником права»** на определенный ежегодный платеж. Как это происходит, **каким образом** дом **становится** источником права, — об этом Прудон умалчивает. А между тем именно это и следовало бы ему пояснить. Расследовав это, он нашел бы, что все источники прав на свете, как бы вечны они ни были, не могли бы наделить дом такой мощью, которая позволяла бы в течение пятидесяти лет десять раз выручить цену издержек на его постройку в виде наемной платы, и что только экономические условия (которые могут получить общественное признание под видом юридических прав) в состоянии привести к подобным результатам. Поэтому в своем объяснении он не подвинулся ни на шаг вперед.

Все учение Прудона покоится на этом спасительном прыжке из экономической действительности в юридическую фразеологию. Где только храбрый Прудон теряет из виду экономическую связь, — а это случается с ним при всяком серьезном вопросе, — он спасается бегством в область права и взывает к **вечной справедливости...**

Наш прудонист предоставляет в этом вопросе своей правовой идее полный простор и потчует нас такой трогательной декламацией:

«Мы вовсе не колеблемся утверждать, что нет более ужасной насмешки над всей культурой нашего славного столетия, как тот факт, что в больших городах 90 и более процентов населения не имеют крова, который они могли бы назвать своим собственным. Истинная точка опоры нравственного и семейного существования, домашний очаг, уносятся социальным вихрем. В этом отношении мы гораздо ниже дикарей. У троглодита своя пещера, у австралийца своя глиняная хижина,

у индейца свой собственный очаг, — современный же пролетарий фактически висит в воздухе» и т. д.

Эта иеремиада рисует прудонизм во всей его реакционной красе. Для создания современного революционного класса пролетариата было безусловно необходимо, чтобы была перерезана пуповина, привязывающая прежнего рабочего к земле. Ручной ткач, владевший домиком, огородом и клочком поля на-ряду с собственным ткацким станком, при всей своей нищете и при всем политическом гнете, был тихим, довольным человеком, полным «благоговения и почтительности», снимал шапку перед богачами, попами и чиновниками и был рабом до мозга костей. Именно современная крупная индустрия, сделавшая из прикованного к земле работника — совершенно лишенного собственности, освобожденного от всех унаследованных цепей, свободного, как птица, пролетария, — именно эта экономическая революция создала условия, необходимые для уничтожения эксплоатации в ее последней форме, в форме капиталистического производства. И вот является этот слезоточивый прудонист и плачет по поводу изгнания рабочих из их собственных жилищ, думая, что это — крупный шаг назад, и не понимая, что именно это изгнание было самым первым условием их духовного освобождения.

27 лет назад (в «Положении рабочего класса в Англии») я как раз описал в общих чертах этот процесс изгнания рабочих из их домов, как он совершился в XVIII столетии в Англии. Подлости, совершавшиеся при этом землевладельцами и фабрикантами, вредное материальное и моральное влияние, производимое этим изгнанием прежде всего на обездоленных рабочих, оценены там по достоинству. Но могло ли мне прийти на ум видеть в этом, безусловно необходимом при данных условиях, историческом процессе развития шаг назад, ставящий англичан «позади дикарей»? Это немыслимо. Английский пролетарий 1872 г. стоит бесконечно выше сельского ткача, имевшего собственный «домашний очаг» в 1772 г. И создаст ли когда-либо троглодит со своей пещерой, австралиец со своей глиняной хижиной, индеец со своим очагом июньское восстание и Парижскую коммуну?

Только у буржуа вызывает сомнение то обстоятельство, что материальное положение рабочих со времени введения капиталистического производства в крупном масштабе в общем ухудшилось. Но обязаны ли мы из-за этого тоскливо озираться на мясной горшочек (очень убогий) египтянина, на мелкую сельскую индустрию, воспитывавшую только холопские души, или на «дикарей»? Напротив. Только созданный крупной индустрией, освобожденный от всех, в том числе и от прикреплявших его к земле, оков, сконцентрированный в больших городах пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который покончит со всякой классовой эксплоатацией и всяким классовым господством. Сельские ручные ткачи прежних времен, с собственным домашним очагом, никогда не были бы в состоянии сделать это, никогда не подумали бы об этом, еще меньше могли бы желать осуществления этого.

Напротив, в глазах Прудона вся промышленная революция последних ста лет, сила пара, крупное фабричное производство, заменяющее ручную работу машинами и в тысячи раз увеличивающее производительную силу труда, представляет собою в высшей степени не-

приятное событие, нечто, чего бы, собственно, и быть не должно. Мелкий буржуа Прудон стремится к такому миру, где бы каждый изготовлял отдельный самостоятельный продукт, который мог бы быть тотчас же потреблен и выменен на рынке; если при этом каждый получит полную стоимость своего труда в виде другого продукта, то и вечная справедливость удовлетворена, и наилучший из миров установлен на земле. Но этот прудоновский лучший мир еще в зародыше своем раздавлен стопою прогрессирующего промышленного развития, которое давно уничтожило обособленный труд во всех крупных отраслях промышленности и с каждым днем продолжает уничтожать его в мелких и мельчайших ее отраслях, которое ставит на его место труд общественный, опирающийся на машины и побежденные силы природы, готовый продукт которого, пригодный к немедленному обмену или потреблению, представляет совместное произведение многих лиц, через руки которых он должен был пройти. И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такой высоты, что получилась возможность — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить продукты в количестве, достаточном для обильного потребления всех членов общества и для богатого запасного фонда, но и предоставлять каждому достаточно досуга, чтобы он мог получить из исторически унаследованного просвещения — наук, искусств, культурных форм общежития все то, что действительно имеет ценность, и не только получить, но и превратить их из монополии господствующего класса в общее благо всего общества и способствовать дальнейшему их развитию. И в этом-то и заключается решающий момент. Как только производительная сила человеческого труда развилась до этой высоты, тотчас пропадает всякий предлог для существования господствующего класса. Последним основанием, служившим для защиты классового различия, было ведь всегда такое рассуждение: должен существовать класс, которому не надо было бы изнуряться при добывании насущного хлеба, дабы он имел время заняться умственным трудом для общества. Подобным рассуждениям, имевшим до настоящего времени свое великое историческое оправдание, промышленная революция последних ста лет раз навсегда подрезала корни. Существование господствующего класса с каждым днем все более и более становится помехой развитию производительной силы промышленности и точно также помехой развитию наук и искусств и особенно культурных форм общежития. Больших невежд, чем наши современные буржуа, никогда не было.

Но все это не касается нашего приятеля Прудона. Ему нужна вечная справедливость — и больше ничего: каждый должен получать в обмен на свой продукт полный трудовой доход, полную ценность своего труда. Но вычислить ее в продукте современной индустрии — дело очень сложное. Современная индустрия затушевывает особенную долю каждого отдельного лица в общем продукте, которая при прежней обособленной ручной работе представлялась сама собой в виде изготовленного продукта. Далее, современная индустрия все более и более устраняет единичный обмен, непосредственный обмен между двумя производителями, — а на этом построена вся система Прудона, — из которых каждый выменивает продукт другого, чтобы потребить его. Поэтому че-

рез весь прудонизм проходит реакционная черта, протест против промышленной революции и то откровенно, то между строк выраженное пожелание выбросить всю современную индустрию, паровые и прядильные машины и прочие выдумки вон и вернуться к старой солидной ручной работе. Что в том, что мы при этом теряем $^{999}/_{1000}$ производительной силы, что все человечество обрекается на ужаснейшее трудовое рабство, что голодовки становятся общим правилом, — лишь бы мы организовали обмен таким образом, чтобы каждый получал «полный продукт труда» и чтобы восторжествовала «вечная справедливость».

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса, Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Критика идеи выкупа квартир

Из предыдущего мы можем знать наперед, как наш прудонист будет решать великий жилищный вопрос. С одной стороны, требуется, чтобы каждый рабочий имел свое собственное жилище для того, чтобы мы не оставались долее «позади дикарей». С другой стороны, нас уверяют, что двух-, трех-, пяти-, или десятикратная оплата первоначальных издержек постройки дома, в виде наемного процента, как это происходит в действительности, опирается на **юридическое право** и что это право оказывается в противоречии с **«вечной справедливостью»**. Решается все очень просто: мы отменяем юридическое право и объявляем, в силу вечной справедливости, уплачиваемый наемный процент частичной оплатой цены самой квартиры. Если пользоваться такими предпосылками, которые уже содержат в себе вывод, то обычной у всех фокусников ловкости хватит на то, чтобы вытащить из мешка приготовленный заранее результат и затем настаивать на непоколебимости логики, приведшей к этому заключению.

Так и здесь. Уничтожение наемных жилищ провозглашается необходимым, причем так, что выставляется требование превратить каждого нанимателя в собственника его жилища .Но как этого добиться? Очень просто: «Наемное жилище выкупается»... Прежнему домовладельцу стоимость его дома уплачивается до последнего гроша. Вместо того, чтобы, как это было доселе, уплачиваемая наемная плата представляла собою дань, платимую съемщиком вечным правам капитала, — вместо этого, со дня провозглашения выкупа квартир, уплачиваемая съемщиком точно определенная сумма становится частичным ежегодным взносом за жилище, переходящее в его владение. Общество таким путем превращается в совокупность независимых свободных квартировладельцев.

Прудонист видит преступление против вечной справедливости в том, что домовладелец не трудясь может получить земельную ренту и проценты с вложенного в его дом капитала. Он декретирует о прекращении этого, он требует, чтобы вложенный в дома капитал перестал приносить проценты и, поскольку он представляет собою купленный земельный участок, не смел давать ренту. Но мы видели, что этим вовсе не затрагивается капиталистический способ производства, основа современного общества. Главный пункт, на который опирается эксплоатация рабочего, это продажа рабочей силы капиталистам и употребление, которое капиталист делает из этой сделки, принуждая рабочего производить гораздо больше, чем составляет оплаченная стоимость рабочей силы. Эта сделка между капиталистом и рабочим является тем, что создает всю прибавочную стоимость, которая потом, в виде земельной ренты, торговой прибыли, процентов с капитала, налогов и т. п., распределяется между всеми подразделениями капиталистов и их слуг. И вот является наш прудонист, который полагает, что если бы **одному единственному подразделению** капиталистов, — и притом таким капиталистам, которые непосредственно вовсе не покупают рабочей силы, т. е. не заставляют производить прибавочной стоимости, — если бы запретить им получение прибылей или процентов, то это было бы шагом вперед. Сумма отнятого у рабочего класса неоплаченного труда ничуть не изменилась бы, если бы домовладельцы были завтра лишены возможности заставлять уплачивать им земельную ренту и процент, однако это не мешает нашему прудонисту заявить: «отмена найма жилищ представляет собою, таким образом, одно из самых **плодотворных и великих стремлений**, возникших в недрах революционной идеи, и должно стать **в первом ряду** требований социальной демократии». Точь-в-точь рыночные зазывания самого великого Прудона, кудахтанье которого всегда обратно пропорционально размеру снесенного яйца.

Представьте себе чудесное положение вещей, когда каждый рабочий, мелкий или крупный буржуа принуждены становиться путем ежегодных платежей сперва частичными и наконец полными собственниками своих жилищ! В промышленных округах Англии, где наряду с крупной индустрией имеются маленькие рабочие домики и каждый семейный рабочий живет в отдельном домике, это еще имело бы известный смысл. Но мелкая промышленность в Париже, как и вообще в большинстве крупных городов континента, дополняется большими домами, в которых живут по 10, 20, 30 семейств. В день объявления спасительного декрета, провозглашающего отмену найма квартир, какой-нибудь Петр работает на машинной фабрике в Берлине. По истечении года он—собственник, скажем $^{1}/_{15}$ части своей квартиры, состоящей из одной комнатки в пятом этаже, где-нибудь у Гамбургских ворот. Он лишился работы и скоро оказывается в подобном же помещении с великолепным видом во двор, в третьем этаже, в Подгофе, в Ганновере, где он после пятимесячного пребывания приобретает $^{1}/_{36}$ собственности, как вдруг стачка переносит его в Мюнхен и награждает его после одиннадцатимесячного пребывания правом собственности на $^{11}/_{180}$ довольно темного помещения в нижнем этаже, на верхнем Ангергассе. Дальнейшие перемещения, столь частые в наши времена у рабочих, дают ему $^{7}/_{360}$ не менее комфортабельной квартиры в С.-Галлене, $^{23}/_{180}$ другой квартиры в Линдсе и $^{347}/_{56223}$, точно вычисленных, чтобы не нарушить «вечной справедливости», еще третьей в Серенге. Что же делать Петру со всеми этими частицами квартир? Кто даст ему их настоящую ценность? Где ему отыскивать собственника или собственников остальных долей своих различных прежних жилищ? И каковы будут отношения собственности какого-нибудь большого дома, этажи которого включают двадцать квартир, причем цена его уже погашена, наем отменен и он оказывается собственностью трех сотен частичных собственников, рассеянных по белу свету? Наш прудонист ответит, что к этому времени

уже будет существовать прудоновский обменный банк, который во всякое время будет выдавать за всякий продукт труда полную выручку его труда, следовательно будет выплачивать за каждую долю жилища полную стоимость. Но, во-первых, здесь нам нет дела до прудоновского обменного банка, потому что и в статьях по жилищному вопросу о нем нигде не упоминается; во-вторых, он основан на странном заблуждении, будто, если кто-либо хочет продать свой товар, он всегда непременно найдет и покупателя по полной стоимости; и, в-третьих, прежде чем Прудон изобрел его, в Англии подобный банк под именем «Labour Exchange Basaar» успел несколько раз обанкротиться.

Вся эта идея, что рабочий должен **купить** себе свое жилище, опять-таки покоится на уже указанном реакционном прудоновском принципе, что созданные современной крупной индустрией условия представляют собою болезненные наросты и что общество насильно, т. е. против течения, которое увлекает его в продолжение ста лет, должно быть возвращено к тому положению, при котором старая неизменная ручная работа обособленных производителей была правилом, и что вообще является не чем иным, как идеализируемым восстановлением погибшего и погибающего мелкого ремесленного производства. Если рабочие будут отброшены назад в эти неподвижные условия и если «социальный вихрь» будет благополучно устранен, тогда рабочий действительно смог бы приобрести право собственности на «домашний очаг», и вышеприведенная теория освобождения приобрела бы некоторый смысл. Но Прудон забывает пустяк, что для осуществления этого необходимо переставить часы всемирной истории на сто лет назад и этим самым снова сделать современных рабочих ограниченными, пресмыкающимися, изворотливыми, рабьими душами, какими были их прадеды.

Поскольку же в прудоновском решении жилищного вопроса имеется разумное, практически осуществимое содержание, постольку оно проводится уже теперь, и этим осуществлением оно обязано не «недрам» революционной идеи», а самим крупным буржуа. Вот что пишет об этом превосходная испанская газета «La Emancipacion» от 16 марта 1872 г.

«Имеется еще один способ решения жилищного вопроса, предложенный Прудоном, ослепляющий на первый взгляд и обнаруживающий свое полное бессилие при тщательном разборе. Прудон предложил превратить нанимателей в покупателей в рассрочку, так, чтобы ежегодно уплачиваемая наемная плата засчитывалась как частичный платеж в счет ценности квартиры и наниматель, по истечении известного срока, становился собственником этой квартиры. Этот способ, казавшийся Прудону очень революционным, в настоящее время во всех странах проводится компаниями спекулянтов, которые таким путем, повышая наемную плату, заставляют уплачивать себе двойную и тройную стоимость домов. Г-н Дольфус и другие крупные фабриканты Северо-Восточной Франции осуществили эту систему не только с целью набить себе карманы, но кроме того еще с задней политической мыслью».

Умнейшие вожди господствующих классов свои деяния всегда направляли на то, чтобы увеличить число мелких собственников, чтобы создать себе армию для борьбы против пролетариата. Буржуазные ре-

волюции прошлого столетия раздробили крупное землевладение дворянства и церкви на мелкие парцеллы, находящиеся в собственности — что хотят сделать в настоящее время испанские республиканцы с еще существующими крупными земельными владениями — и создали таким образом класс мелких земельных собственников, ставших с тех пор самым реакционным элементом общества, постоянной помехой революционному движению городского пролетариата. Наполеон III намеревался выпуском мелких бумаг государственной ренты создать подобный же класс в городах, а г. Дольфус с компанией, продавая своим рабочим маленькие домики путем ежегодных взносов, стремятся задушить в рабочих всякое проявление революционного духа и в то же время приковать их этой земельной собственностью к фабрике, раз они начали на ней работать; план Прудона, таким образом, не только не облегчает положения рабочего класса — он как-раз направлен прямо против него.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса, Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Критика идеи покупки рабочими коттэджей

Наш автор[1] переходит затем к практическому решению вопроса. Как мало революционен был проект Прудона сделать рабочих собственниками их жилищ — видно уже из того, что буржуазный социализм пытался еще задолго до Прудона, да и доныне еще пытается, практически проводить этот план. И г. Закс заявляет, что жилищный вопрос вполне разрешается лишь переходом к рабочим права собственности на жилище (стр. 58 и 59). Более того: он впадает при этой мысли в лирический восторг и изливается в следующих вдохновенных строках:

«Что-то своеобразное имеется в свойственной человеку тоске по землевладению, — в стремлении, которого не могла ослабить даже **современная лихорадочно-пульсирующая чувственная жизнь.** Это — бессознательное чувство важности хозяйственного достижения, заключающегося в землевладении. Вместе с ним человек приобретает прочное положение, одновременно он пускает крепкие корни в землю, а каждое хозяйство (!) приобретает в земле самое основное твердое основание. Но благословенная сила земельной собственности простирается далеко за пределы этих материальных выгод. Кто имеет счастье называть своим участок земли, тот достиг **самой высокой из мыслимых ступеней хозяйственной независимости;** он имеет область, где может **самодержавно** властвовать и господствовать, он **сам себе господин,** имеет известную силу и **обеспеченное убежище** на черный день; его самосознание и вместе с тем нравственная сила растет. Вот в чем глубокое значение собственности в данном вопросе... Рабочий, ныне беспомощно подверженный всем превратностям стечения обстоятельств, пребывающий в постоянной зависимости от работодателя, в известной степени этим самым избавился бы от своего шаткого положения; он стал бы **капиталистом** и был бы огражден от опасности безработицы или неспособности к труду кредитом под заклад его недвижимости. **Таким путем он поднялся бы из класса неимущих в класс владеющих»** (стр. 63).

[1] См. примеч. 28-е.

Г-н Закс как будто полагает, что человек — по существу крестьянин, иначе он не присочинял бы рабочим наших крупных городов тоску по землевладению, тоску — которой до сих пор никто у них не открывал. Для наших городских рабочих свобода передвижения — первое жизненное условие, и землевладение может стать для них только цепями. Дайте им собственные дома, прикрепите их снова к земле, и вы уничтожите таким образом их силу сопротивления против понижения заработной платы фабрикантами. Единичному рабочему, может быть, и удалось бы при случае продать свой домик, но при серьезной стачке, при всеобщем промышленном кризисе все дома, принадлежащие рабочим в данной местности, должны были бы поступить в продажу и, стало быть, либо вовсе не нашли бы покупателей, либо оказались бы проданными гораздо ниже своей цены.

Даже если бы все они нашли покупателей, то вся великая жилищная реформа г. Закса опять-таки оказалась бы безрезультатной, и ему пришлось бы начинать сначала. Поэты живут, однако, в мире воображения, в том числе и г. Закс, который воображает, что землевладелец «достиг самой высшей ступени экономической независимости», что у него «прочная опора», что он **«становится капиталистом»** и обеспечен против опасности безработицы или неспособности к труду, кредитом под заклад своей недвижимости» и т. д. Пусть же г. Закс взглянет на французских и наших рейнских мелких крестьян; их дома и поля сплошь обременены ипотеками, урожай с их полей принадлежит кредиторам еще на корню, а в их «области» самодержавно властвуют и господствуют не они, а ростовщик, адвокат и судебный исполнитель: это, во всяком случае, высшая из мыслимых ступеней экономической независимости... для ростовщика! И, чтобы по возможности ускорить передачу домиков рабочих в самодержавное обладание ростовщика, благожелательный г. Закс заботливо указывает им на **кредит** под **заклад недвижимости,** который они могут использовать во время безработицы и инвалидности, вместо того, чтобы обременять попечительство о бедных.

Во всяком случае г. Закс решил уже поставленный вначале вопрос: рабочий **«становится капиталистом»** путем приобретения собственного домика.

Капитал означает господство над неоплаченным трудом других. Домик рабочего становится , следовательно, капиталом лишь в том случае, когда он сдает его в наем третьему лицу и таким образом присваивает себе в форме наемной платы часть продукта труда этого третьего лица. Когда он живет в нем сам, он прямо препятствует своему дому превратиться в капитал, подобно тому как сюртук перестает быть капиталом в тот момент, когда я покупаю его у портного и надеваю на себя. Рабочий, владеющий домиком в тысячу талеров, правда, не является больше пролетарием, но нужно быть г. Заксом, чтобы назвать его капиталистом.

Но капиталистическое обличье нашего рабочего представляет еще одну сторону. Допустим, что в данной промышленной местности стало правилом, что каждый рабочий имеет собственный домик. В таком случае **рабочий класс в этой местности пользуется бесплатной квартирой;** квартирные издержки не входят более в стоимость его рабочей силы. Всякое понижение издержек производства рабочей силы, т. е. всякое долговременное понижение цен на продукты, жизненно необходимые

для рабочего, «на основании железных законов учения о народном хозяйстве» равняется понижению стоимости рабочей силы и поэтому, в конце-концов, приводит к соответственному понижению заработной платы. Заработная плата, в среднем, упадет на сбереженную сумму квартирной платы, т. е. рабочий будет платить наемную плату за свой собственный дом, но не так, как прежде, в денежной форме своему домохозяину, а в виде неоплаченного труда фабриканту, на которого он работает. Таким образом, вложенные в домик сбережения рабочего действительно становятся в некотором роде капиталом, но не для него, а для дающего ему работу капиталиста.

Таким образом г. Заксу не удается даже на бумаге превратить своего рабочего в капиталиста.

Кстати сказать, все вышесказанное относится ко всем так называемым специальным реформам, которые сводятся к сбережениям или к удешевлению средств потребления рабочего. Либо эти реформы становятся всеобщими, и тогда за ними следует соответственное понижение заработной платы, или они остаются единичными экспериментами, и тогда самое их существование как отдельных исключений доказывает, что проведение их в жизнь в крупных размерах несовместимо с существующим капиталистическим способом производства. Допустим, что в какой-либо местности удалось путем всеобщего введения потребительных товариществ рабочих удешевить продовольственные продукты рабочих на 20%; тогда заработная плата с течением времени должна упасть приблизительно на 20%, т. е. в той же пропорции, в какой соответствующие продовольственные продукты входят в прожиточный минимум рабочих. Если рабочий, напр., тратит в среднем три четверти своей недельной платы на эти продовольственные продукты, то заработная плата упадет, в конце-концов, на $^3/_4 \times 20 = 15\%$. Короче, едва только такая реформа в области сбережений стала всеобщей, рабочий начинает получать заработную плату, уменьшенную в той же пропорции, в какой его сбережения позволяют удешевить жизнь. Дайте **каждому** рабочему сбереженный самостоятельный доход в 52 талера, и его недельная плата, в конце-концов, упадет на один талер. Чем больше он сбережет, тем меньшую заработную плату он получит. Следовательно, он сбережет не в своих собственных интересах, а в интересах капиталиста; что нужно еще, чтобы «самым решительным образом побудить его к бережливости — этой первой хозяйственной добродетели»! (стр. 64).

Впрочем, г. Закс спешит нам сказать по этому поводу, что рабочий должен стать домовладельцем не столько ради собственных интересов, сколько ради интересов капиталистов. «Но не одно рабочее сословие, а все общество в целом в высшей степени заинтересовано в том, чтобы возможно большее число его членов было привязано (!) к земле (я хотел бы хоть раз взглянуть на г. Закса в этом положении)... Все тайные силы,воспламеняющие горящий под нашими ногами вулкан, именуемый социальным вопросом, — пролетарское ожесточение, ненависть... опасные заблуждения ума... — все это исчезает, как туман при восходе солнца, если... рабочие сами таким путем перейдут в класс владеющих» (стр. 65). Другими словами, г. Закс надеется, что рабочие, с изменением своего положения как пролетариев благодаря приобретению дома, потеряют свой пролетарский характер и снова станут послушными, работящими холопами, подобно своим предкам, имевшим соб-

ственные дома. Рекомендую прудонистам обратить на это свое благосклонное внимание.

Г-н Закс полагает, что разрешает таким образом социальный вопрос: **«Более справедливое распределение благ,** — загадка сфинкса, решить которую напрасно пытались уже многие, — разве не представляется нам теперь осязательным фактом, удалившимся из области идеалов и вступившим в область действительности? И не достигнута ли этим осуществлением одна из высших целей, в которой даже **социалисты самого крайнего направления видят вершину своих теорий»** (стр. 66).

Поистине счастье, что мы добрались до этого места. Этот кряж торжества представляет именно «вершину» книги г. Закса, и отсюда он понемногу спускается под гору из «области идеалов» в плоскую действительность, и, спустившись вниз, мы заметим, что там за время нашего отсутствия абсолютно ничего не изменилось.

Первый шаг вниз нам приходится делать вслед за нашим проводником, когда он поучает нас, что существуют две системы рабочих жилищ: система коттэджей, при которой каждая рабочая семья имеет собственный домик, а иногда и садик, как в Англии, и казарменная система больших зданий со многими рабочими квартирами, как в Париже, Вене и т. д. Промежуточную систему представляет северо-германская. Конечно, система коттэджей — единственно правильная и даже **единственная,** при которой рабочий может приобрести право собственности на свое жилище; казарменная система притом же представляет крупные недостатки в смысле вреда для здоровья, нравственности и домашнего спокойствия, — но, к сожалению, к крайнему сожалению, система коттэджей, как-раз в центрах жилищной нужды, в крупных городах, невыполнима в виду дороговизны земли, и надо быть довольным, если вместо больших казарм удастся построить дома в 4—6 квартир или с помощью различного рода строительных ухищрений устранить важнейшие недостатки казарменной системы (стр. 71—92).

Не правда ли, мы уже спустились на порядочное расстояние. Превращение рабочих в капиталистов, решение социального вопроса, собственный дом у каждого рабочего — все это осталось наверху, в «области идеалов»; нам же остается только заняться введением системы коттэджей по деревням и обставить насколько возможно сносно рабочие казармы в городах.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса, Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Устройство фабрикантами жилищ для рабочих

Если верить г. Заксу, то уже в настоящее время со стороны гг. капиталистов сделано довольно много для облегчения жилищной нужды, и это доказывает, что жилищный вопрос может быть разрешен на почве капиталистического способа производства.

Прежде всего г. Закс ведет нас... в бонапартистскую Францию! Луи Бонапарт, как известно, во время парижской всемирной выставки назначил комиссию для исследования положения трудящихся классов во Франции, а на самом деле для изображения этого положения, к вящшей славе империи, в истинно райском виде. На этот отчет комиссии, состоявшей из самых продажных дельцов бонапартизма, ссылается г. Закс в особенности еще и потому, что «результаты ее трудов, **по собственному** выражению этой доверенной комиссии, являются достаточно полным для Франции». Каковы же эти результаты? Из 89 крупных промышленных предприятий, в том числе и акционерных компаний, давших сведения, 31 не устраивали **никаких** рабочих жилищ; в выстроенных жилищах, по собственному расчету г. Закса, помещается максимум 50—60 тыс. человек, а самые жилища почти исключительно состоят из двух комнат на семью!

Само собой понятно, что всякий капиталист, которого условия его производства — водяная сила, местоположение угольных копей, железной руды, других горных промыслов и т. п. — связывают с определенной сельской местностью, принужден строить для своих рабочих жилища, если таковых не имеется. Но чтобы видеть в этом доказательство существования «латентной ассоциации», «явное свидельство роста понимания положения вещей и их высокого значения», «многообещающее начало» (стр. 115), надо обладать сильно развитой привычкой к самообману. Впрочем, промышленники различных стран и в этом отношении отличаются друг от друга национальным характером. Напр., г. Закс на стр. 117 рассказывает нам: «В **Англии** лишь в **новейшее время** проявляется усиленная деятельность работодателей в этом направлении. В особенности в отдаленных от фабрик деревнях... то обстоятельство, что рабочим приходится проходить большое расстояние от своего дома до фабрики и являться на фабрику утомленными от ходьбы, делает то, что они работают недостаточно продуктивно; последнее же является главной **причиной, побуждающей** работодателей **строить** жилища для своих рабочих. В то же время увеличивается число лиц, отличающихся **глубоким пониманием** отношений и в большей или меньшей степени связывающих с жилищной **реформой** все прочие элементы латентной ассоциации: им-то и обязаны своим возникновением эти цветущие колонии... Имена Эштона в Гайде, Эшворта в Туртопе, Гранта в Бюри, Грига в Боллингтоне, Маршаля в Лидсе, Струта в Бельпере, Сальта в Сальтере, Акройда в Коплее и пр. поэтому очень популярны в Соединенном королевстве».

О, святая простота и еще более святое невежество! Только в «новейшее время» английские сельские фабриканты построили рабочие жилища! Нет, любезный г. Закс, английские капиталисты действительно крупные промышленники не только по карману, но и по своим способностям. Еще задолго до того, как в Германии развилась действительно крупная промышленность, они поняли, что в сельском производстве затрата на рабочие жилища представляет необходимую, прямо или косвенно очень доходную часть всего вложенного капитала. Еще задолго до того, как борьба между Бисмарком и немецким буржуа даровала немецким рабочим свободу коалиций, английские фабриканты, горнопромышленники и горнозаводчики практически узнали, какое давление они, будучи домохозяевами рабочих, могут производить на последних во время стачки. Цветущие колонии Грига, Эштона, Эшворта принадлежат «новейшему времени» настолько, что они уже за 40 лет до этого восхвалялись буржуазией как образец и описаны мною самим уже 28 лет назад (см. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 228—230, примечание). Такого же почтенного возраста и колонии, основанные

Маршалем и Акройдом (фамилия его не Acktoyd, а Akroyd), колония же г. Струта еще гораздо старее, она восходит к началу прошлого столетия. А так как в Англии средняя продолжительность рабочего жилища считается в 40 лет, то г. Заксу не трудно будет по пальцам высчитать, в каком разрушенном виде находятся теперь эти «цветущие колонии». К тому же большинство этих колоний находится теперь уже не в деревне: благодаря колоссальному росту индустрии большинство этих колоний оказалось окруженным фабриками и домами, так что они лежат теперь посреди грязных и дымных городов в 20—30 и более тысяч жителей, что, впрочем, не мешает немецкой буржуазной науке, в лице г. Закса, еще и ныне с благоговением повторять старые английские хвалебные гимны 1840 г., которые теперь являются полным анахронизмом.

Да, вот еще старина — Акройд. Этот бравый человек — несомненно филантроп чистейшей воды. Он до того полон любви к своим работникам и в особенности к работницам, что его менее человеколюбивые конкуренты в Йоркшире обыкновенно говорили: у него на фабрике работают исключительно его собственные дети. Г-н Закс, впрочем, утверждает, что в этих цветущих колониях незаконные рождения становятся все реже (стр. 118). Совершенно верно, незаконные рождения **вне брака:** хорошенькие девушки в английских фабричных округах очень рано выходят замуж.

В Англии закладка рабочих жилищ близ всякой крупной сельской фабрики и одновременно с фабрикой стала обычным делом в течение последних 60 лет и даже раньше. Как мы уже упоминали, многие из таких фабричных сел стали ядром, вокруг которого впоследствии образовались целые фабричные города со всеми бедствиями, которые приносит с собой фабричный город. Эти колонии, стало быть, не решили жилищного вопроса, а, напротив, **впервые создали** его в своей местности.

Наоборот, в странах, которые, спотыкаясь, следовали позади Англии в области крупной индустрии и которые только с 1848 г., собственно, узнали, что такое крупная индустрия, а именно во Франции и особенно в Германии, дело обстоит совершенно иначе. Здесь только огромные заводы и фабрики после долгих колебаний решились построить рабочие жилища, как, например, заводы Шнейдера в Крезо и Круппа в Эссене. Значительное большинство сельских промышленников предоставляет своим рабочим шагать в зной, снег и ливень целые мили по утрам на фабрику и по вечерам домой. В особенности это встречается в гористых местностях — во французских и эльзасских Вогезах, на Вуппере, Зиге, Аггере, Ленне и других рейнско-вестфальских реках. В Рудных горах условия не лучше. То же мелкое скряжничество наблюдается у немцев, так же как и у французов.

Г-н Закс знает очень хорошо, что ни многообещающее начало, ни цветущие колонии не имеют никакого значения. Он стремится поэтому доказать капиталистам, какую великолепную ренту они могут получить от постройки рабочих жилищ. Иначе сказать, он стремится показать им новый способ надувательства рабочих.

Сперва он приводит в пример им целый ряд лондонских строительных обществ, отчасти филантропического, отчасти спекулятивного характера, получающих 4—6% чистого дохода. Г-ну Заксу незачем доказывать нам, что капитал, вложенный в рабочие жилища, приносит хороший доход. В них только потому не вкладываются более значительные капиталы, что дорогие квартиры доставляют владельцам еще более высокий доход. Увещания, с которыми г. Закс обращается к капиталистам, опять-таки сводятся к простым моральным проповедям.

Что же касается этих лондонских строительных обществ, о блестящих успехах которых громогласно трубит г. Закс, то, по его собственным исчислениям, — а в них входят все случаи строительной спекуляции, — они доставили жилища 2132 семьям и 706 одиноким мужчинам, т. е. в общей совокупности менее чем 15 000 лиц. И подобные детские забавы осмеливаются в Германии серьезно изображать как крупные успехи, между тем как в одной восточной части Лондона миллион рабочих живут в ужаснейших жилищных условиях. Все эти филантропические стремления на деле так жалки и ничтожны, что о них даже не упоминается в английских парламентских отчетах, посвященных описанию положения рабочих.

Мы не станем уж говорить о курьезном незнании Лондона, обнаруживающемся во всем этом отделе книги г. Закса. Упомянем только об одном факте. Г-н Закс полагает, что приют для одиноких мужчин в Сого прекратил свое существование потому, что в этой местности «нельзя было рассчитывать на многочисленных квартирантов». Г-н Закс представляет себе, как видно, всю западную часть как сплошной город роскоши и не знает, что к элегантнейшим улицам непосредственно примыкают грязнейшие рабочие кварталы, один из которых и есть Сого. Образцовый приют в Сого, о котором упоминает г. Закс, известный мне еще 23 года назад, сначала пользовался большой популярностью, но прекратил свое существование потому, что в нем было невыносимо жить. И при том это был еще один из лучших.

Ну, а мюльгаузенский рабочий городок в Эльзасе — разве это не успех?

Для континентальной буржуазии мюльгаузенский рабочий городок представляет такой же предмет гордости и самохвальства, как покойные цветущие колонии Эштона, Этворта, Грио и К-о, — для английской. К сожалению, этот городок представляет собою продукт не «латентной» ассоциации, а совершенно откровенной ассоциации между второй французской империей и эльзасскими капиталистами. Это — один из социалистических экспериментов Луи Бонапарта, причем для осуществления его была дана государственная ссуда в размере ⅓ капитала. В течение 14 лет (до 1867 г.) выстроено было 800 маленьких домиков по плохой системе, которая была бы невозможна в Англии, где лучше понимают дело; эти домики предоставляются рабочим в собственность после платежа в течение 13 или 15 лет повышенной ежемесячной квартирной платы. Этот способ приобретения собственности, давно введенный, как мы видели уже, в английских строительных товариществах, отнюдь не был изобретен эльзасскими бонапартистами. Выкупная надбавка к наемной плате для покупщика дома довольно высока в сравнении с английской; рабочий получает, например, уплатив частями в течение 15 лет 4500 франков, дом, стоивший 15 л. назад 3300 франков. Если рабочий хочет уехать или же не уплатить в срок хоть одного единственного месячного взноса (в каковом случае он может быть выселен), то из уплаченной суммы высчитывается по 6¾% первоначальной стоимости дома

в качестве годичной наемной платы (например, 17 франков в месяц при 3000 франках ценности дома), а остаток выплачивается ему, но без единого **гроша процентов.** Понятно, что общество и без «государственной помощи» набивает себе карман, понятно также, что предоставленные на таких условиях жилища — уже потому, что они вне города, наполовину, так сказать, в деревне — лучше старых казарменных жилищ в самом городе.

О нескольких жалких экспериментах в Германии, ничтожность которых признается самим г. Заксом на 157-й стр., мы и говорить не станем.

Но что доказывают все эти примеры? Только то, что постройка рабочих жилищ доставляет капиталистический доход, даже если при этом не попираются ногами все законы гигиены. Но этого никто не оспаривал, мы все давно это знали. **Всякое** капиталовложение, удовлетворяющее какой-либо потребности, при рациональном ведении дела, приносит доход. Вопрос именно в том: почему, **несмотря на это,** жилищная нужда продолжается, почему, несмотря на это, капиталисты не заботятся о достаточном количестве здоровых жилищ для рабочих. И тут г. Заксу остается только снова обратиться с увещаниями к капиталу, а ответа на вопрос он все-таки не дает. Истинный ответ на этот вопрос дан нами уже выше.

Капитал — это теперь уже окончательно установлено — **не хочет** уничтожить жилищную нужду, даже если бы мог это сделать. Остаются два исхода: самопомощь рабочих и государственная помощь.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Инст. Маркса и Энгельса, Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Строительные товарищества при капитализме не могут резрешить жилищного вопроса

Г-н Закс, как горячий поклонник самопощи, умеет и в области жилищного вопроса порассказать о ней чудеса. К сожалению, он уже в самом начале принужден согласиться с тем, что самопомощь в известной мере может быть применена лишь там, где система коттэджей либо уже существует, либо вводится, т. е. опять-таки только в деревне; в больших городах, хотя бы в Англии, лишь в очень ограниченном масштабе. Затем, вздыхает г. Закс, «реформа может быть произведена путем самопомощи лишь **обходом,** следовательно **всегда** лишь несовершенным образом, именно лишь постольку, поскольку принцип частной собственности обладает влиянием на качество жилища». Да и это сомнительно; во всяком случае «принцип частной собственности» отнюдь не воздействует в преобразовательном смысле на «качество» стиля нашего автора. Вопреки всему этому «самопомощь произвела в Англии такие чудеса, что она **далеко превзошла** все сделанное там в других направлениях для решения жилищного вопроса». Здесь имеются в виду английские building societies, которыми г. Закс особенно подробно занимается потому, что «о сущности и деятельности их вообще распространены весьма недостаточные или неправильные представления. Английские building societies вовсе не... строительные общества или строительные товарищества, — их следовало бы скорее... на нашем языке назвать «союзами для приобретения домов»; эти союзы имеют целью собрать фонд путем

периодических взносов и, по мере накопления сумм, выдавать ссуды членам для покупки домов... Building society является, таким образом, сберегательным союзом для одних и ссудной кассой для других членов. Building societies представляют собою учреждения поземельного кредита, рассчитанные на удовлетворение потребностей рабочего, пользующиеся главным образом... сбережениями рабочих... для поддержки товарищей-вкладчиков при покупке или постройке дома. В качестве предпосылки эти ссуды требуют залога соответствующей реальной ценности и устанавливаются таким образом, что погашение производится частичными краткосрочными платежами, включающими как проценты, так и амортизацию... Получаемые проценты не выплачиваются вкладчикам, а вписываются в их счета **по сложным процентам...** Востребование вкладов вместе с нарослими процентами... допускается в любой момент после предварительного заявления месяцем раньше» (стр. 170—172). «В Англии существует более 2000 подобных союзов..., имеющих в совокупности около 15 000 фунтов стерлингов капитала, и таким путем уже около 100 000 **рабочих** семейств приобрели себе собственный домашний очаг; это — социальное завоевание, равного которому найти не легко» (стр. 174).

К сожалению, непосредственно за этим нас догоняет неизбежное «но». «Полное решение вопроса, однако, этим **отнюдь не достигнуто.** И не только потому, что приобретение дома... доступно только лучше оплачиваемым рабочим... На санитарные условия рабочих жилищ обращается мало внимания (стр. 176). На континенте... развитие союзов... встречает неблагоприятную почву». Они выдвигают систему коттэджей, которая осуществима только в деревнях, а в деревнях рабочие еще недостаточно развиты для самопомощи. С другой стороны, в городах, где, собственно, могли бы развиваться строительные товарищества, «они встречают важные и серьезные затруднения различного рода» (стр. 179). Они могли бы строить только коттэджи, а в больших городах это не годится. Словом, эта «форма товарищеской самопомощи» не может «при современных условиях — и едва ли сможет в близком будущем — играть главную роль в решении жилищного вопроса». Эти строительные товарищества находятся еще в стадии первых неразвитых начатков. «Это относится даже к Англии» (стр. 181).

Итак, капиталисты не хотят, рабочие не **могут.** Мы могли бы этим закончить настоящий отдел, если бы не представлялось безусловно необходимым дать некоторые объяснения касательно английских building societies, которые выставляются в качестве образца для наших рабочих господами буржуа шульцеделичевского типа.

Эти building societies — вовсе не рабочие общества, и главная их цель — вовсе не доставление собственных жилищ рабочим. Напротив, мы увидим, что это происходит только в виде редких исключений. Building societies по существу — спекулятивные организации, причем мелкие, — какими они являются первоначально, — не менее, чем их крупные подражатели. В каком-нибудь кабаке, обыкновенно по почину кабатчика, у которого происходят еженедельные собрания, составляется строительное товарищество из числа кабацких завсегдатаев и их друзей — лавочников, приказчиков, коммивояжеров, мелких ремесленников и других мелких буржуа, иногда машиностроителей, либо других рабочих, принадлежащих к аристократии своего класса; ближайшим ново-

лом обычно является то, что трактирщик узнал о продаже какого-либо участка земли в окрестности за сравнительно недорогую цену. Большинство участников не связано своей профессией с какой-нибудь определенной местностью: даже многие лавочники и ремесленники имеют в городе только свое предприятие и не имеют жилища; все, кто могут, охотнее селятся вне стен дымного города. Участок куплен, и на нем возводится соответственное число коттэджей. Кредит более зажиточных членов делает возможной покупку, еженедельные взносы и небольшие займы покрывают расходы по постройке за неделю. Те из членов, которые имеют в виду обзавестись собственным домом, получают по жребию готовые коттэджи, и соответственная надбавка к наемной плате погашает покупную цену. Оставшиеся коттэджи отдают в наем или пускают в продажу. Строительное же общество, если дела его идут хорошо, накопляет более или менее значительное состояние, которое принадлежит всем участникам до тех пор, пока они уплачивают свои взносы, и от времени до времени или при ликвидации дел распределяются между ними. Такова биография девяти десятых английских строительных обществ. Остальные общества представляют собою более крупные компании, иногда основанные якобы с политическими и филантропическими целями, но главная их задача, в конце-концов, сводится к спекуляции земельной собственностью с целью лучшего, обеспеченного ипотеками, помещения сбережений **мелкой буржуазии,** при хороших процентах и с надеждами на дивиденды.

На какого рода клиентов рассчитывают эти общества можно видеть из проспекта одной из крупных, если не крупнейших, из этого рода компаний Birkbeck Building Society, 29 and 30, Southampton Building, Chancery Lane, London; приход последней за время ее существования достиг суммы свыше 10½ млн. ф. ст. (100 с лишним миллионов рублей), вклады в банк и вложения в государственные бумаги свыше 416 000 фунтов при 21 441 члене и вкладчике в настоящий момент, и вот эта компания рекламирует себя перед публикой следующим образом:

«Большинству публики известна так называемая трехлетняя система фортепианных фабрикантов, в силу которой, кто берет на прокат фортепиано на три года, тот становится по истечении этого времени собственником фортепиано. До введения этой системы для людей с ограниченным доходом было так же трудно приобрести хорошее фортепиано, как обзавестись собственным домом: люди платили из года в год за прокат фортепиано и тратили вдвое-втрое больше денег, чем стоил самый инструмент. Но такой способ может быть применен не только к приобретению фортепиано, но и к покупке дома... Но так как дом стоит дороже, чем фортепиано... то необходимо более продолжительное время, чтобы выплатить наемной платой покупную цену дома. Вследствие этого дирекция вступила в соглашение с домовладельцами в различных частях Лондона и в его предместьях, в силу которого членам Birkbeck Building Society и другим может быть предоставлен большой выбор домов в самых различных частях города. Система, которую намерена проводить дирекция, состоит в следующем: дома отдаются в наем на 12½ лет, по истечении какового срока, в случае, если наемная плата вносилась аккуратно, дом становится абсолютной собственностью нанимателя без каких бы то ни было дальнейших платежей. Наниматель может также входить в сделку об уменьшении срока при повышенной плате или увеличении срока при пониженной плате... Люди с **ограниченными доходами, служащие в лавках и магазинах и прочие** могут вступать в число членов Birkbeck Building Society и тотчас же стать независимыми от домохозяев».

Это говорит достаточно ясно. О рабочих нет и речи, дело идет о людях с ограниченными доходами, служащих в лавках и магазинах; при этом еще подразумевается, что у клиентов **есть уже фортепиано.** В самом деле, здесь речь идет не о рабочих, а о мелких буржуа и таких, которые хотят и **могут** стать ими, о людях, доход которых, до известных пределов, в общем понемногу возрастает, как, напр., у торговых приказчиков и у лиц с подобными профессиями. Доход же рабочего, сумма которого в лучшем случае не изменяется, на самом деле падает в виду увеличения семьи и роста ее потребностей. В действительности немногие рабочие могут, в виде исключения, принимать участие в подобных обществах. С одной стороны, их доход слишком мал, с другой стороны — он слишком мало обеспечен, чтобы рабочие могли брать на себя обязательство на 12½ лет. Немногие исключения, к которым это не относится, представляют лучше оплачиваемые рабочие или фабричные надсмотрщики [1]... Таким образом из самопомощи рабочих ничего не получается.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Изд. Маркса и Энгельса. Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Буржуазное жилищное законодательство

Остается государственная помощь. Что может предложить нам г. Закс в этом отношении? Три вещи:

«Во-первых, государство должно озаботиться уничтожением или соответственным исправлением в области законодательства и управления всего того, что каким-либо образом ведет к усилению жилищной нужды трудящихся классов» (стр. 187).

Итак, пересмотр строительных законов и свобода строительного промысла, чтобы постройки обходились дешевле. Но в Англии строительные законы ограничиваются минимальным, строительные промыслы свободны, как птица в воздухе, и все-таки жилищная нужда суще-

[1] Здесь еще маленькое добавление касательно деятельности специально лондонских строительных обществ. Как известно, земельная площадь почти всего Лондона принадлежит приблизительно дюжине аристократов, из которых самые знатные герцоги Вестминстер, Бедфорд, Портланд и др. Они сначала отдали отдельные усадебные участки в аренду на 99 лет и по истечении этого срока вступают во владение участком земли и всем, что на нем находится. Они отдают потом эти дома в наем на более короткие сроки, например 39 лет, с так называемой repairing lease, в силу которой наниматели должны привести дом в пригодное для жилья состояние и содержать его в таком же виде. После подписи контракта землевладелец посылает своего архитектора и чиновника строительной полиции (surveyor) данного округа для осмотра дома и указания необходимого ремонта. Ремонт бывает часто очень велик, вплоть до возобновления всей фасадной стены, крыши и т. п. Наниматель отдает в качестве обеспечения наемный договор строительному обществу и получает от него необходимую сумму до 1 000 ф. ст. и более — при годичной плате в 130—150 ф. ст. — для ремонта на *свой* счет. Эти строительные общества стали, таким образом, важным звеном в системе, имеющей целью возобновлять и делать пригодными для жилья, за счет публики, лондонские дома, принадлежащие крупным земельным аристократам, без всякого труда со стороны последних.

И это называется решением вопроса о рабочих жилищах!

ствует. При том в Англии строят так дешево, что дома дрожат при проезде повозки, так что ежедневно происходят обвалы. Еще вчера, 25 октября 1872 г., в Манчестере развалились шесть домов, причем шесть рабочих были тяжело ранены. Следовательно, и это не помогает.

«Во-вторых, государственная власть должна препятствовать тому, чтобы отдельные лица, в своем ограниченном индивидуализме, не распространяли и вновь не вызывали эпидемических заболеваний». Итак, значит: санитарный и строительно-полицейский надзор за рабочими жилищами, предоставление властям права закрывать здания, вредные для здоровья и угрожающие разрушением, как это сделано в Англии с 1857 г. Но как это произошло там?

Первый закон 1855 г. (Nuisances Removal Act) остался, как признает сам г. Закс, «мертвой буквой», равно как и второй закон 1858 г. (Local Government Act) (стр. 197). Г-н Закс полагает все же, что третий закон, Artisans Dwelling Act, распространяющийся только на города с населением свыше 10 000 человек, «несомненно дает благоприятное доказательство глубокого понимания социальных условий британским парламентом» (стр. 199), между тем это утверждение в свою очередь дает лишь «благоприятное доказательство» полного незнакомства г. Закса с английскими «условиями». Что Англия вообще в «социальных условиях» далеко опередила континент, это само собой понятно, она мать современной крупной индустрии, в ней капиталистический способ производства развивался самым свободным и обширным образом; его последствия выступили здесь резче всего и поэтому ранее находят себе отклик в законодательстве. Лучшим доказательством этому служит фабричное законодательство. Но если г. Закс полагает, что парламентский акт, чтобы немедленно быть введенным в практику, нуждается только в том, чтобы получить силу закона, то он сильно заблуждается. И именно Local Government Act из всех парламентских актов (разве за исключением Workchops' Act) может служить самым лучшим примером в этом отношении. Проведение закона было поручено городским самоуправлениям, которые почти повсюду в Англии являются средоточием всякого рода продажности, семейного покровительства (непотизма) и jobbery [1]. Агенты этих городских учреждений, обязанные своей службой всякого рода семейным связям, либо по неспособности, либо намеренно не приводят в исполнение подобных социальных законов, между тем как именно в Англии правительственные чиновники, на которых возложена подготовка проведения социального законодательства, отличаются большей частью строгим выполнением своих обязанностей, хотя в последнее время уж не в такой степени, как двадцать — тридцать лет назад. Почти во всех городских муниципалитетах владельцы нездоровых или полуразрушенных домов почти повсюду имеют прямо или косвенно сильное представительство. Выборы членов городских самоуправлений по небольшим округам ставят выборных в зависимость от мельчайших местных интересов и влияний; ни одно городское самоуправление, желающее быть вновь выбранным, не осмеливается согласиться на применение этого закона в своем избирательном округе. Понятно, почему этот закон встретил сопротивление со стороны почти всех местных властей и почему до сих пор он применялся лишь в случаях, угрожавших величайшим скандалом, и в большинстве случаев также там, где вспыхивала эпидемия, как, напр., в прошлом году в Манчестере и Сельфорде при эпидемии оспы. Апелляция к министру внутренних дел оказывала влияние лишь в такого рода случаях, как вышеуказанный, так как принципом всякого **либерального** правительства в Англии является: предлагать социальные реформаторские законы лишь в случаях крайней необходимости, а уже существующие законы по возможности не исполнять. Данный закон, подобно некоторым другим английским законам, имеет лишь то значение, что в руках правительства, находящегося под властью или давлением рабочих и на деле, наконец, его применяющего, он становится мощным орудием для того, чтобы пробить брешь в современных социальных условиях.

В-третьих, государственная власть, по мнению г. Закса, «должна принять все имеющиеся в ее распоряжении положительные меры для облегчения существующей жилищной нужды в обширнейших размерах».

Это значит, она должна строить казармы — «поистине образцовые здания» — для своих «низших чиновников и слуг» (это, однако, не рабочие!) и «выдавать ссуды... общинным представительствам, обществам, а также частным лицам с целью улучшения жилищ трудящихся классов» (стр. 203), как это делается в Англии, согласно Publik Works Loan Act и как делал Луи Бонапарт в Париже и Мюльгаузене. Но Pyblik Works Loan Act существует только на бумаге, правительство предоставляет комиссарам в распоряжение максимум 50 000 ф. ст., т .е. средства для постройки в лучшем случае 400 коттэджей, а в 40 лет—16 000 коттэджей, или жилищ максимум на 80 000 человек — капля в море! Если даже допустить, что в течение 20 лет средства комиссии удвоились благодаря возврату ссуд, т. е. за эти 20 лет построены были жилища еще для 40 000 человек, то это все же только капля в море. А так как коттэджи в среднем служат только 40 лет, то после 40 лет ежегодно получающиеся 50 или 100 тысяч фунтов стерлингов должны быть затрачены на восстановление старых, разрушенных коттэджей. Для г. Закса (стр. 203) это значит проводить принципы правильно на практике и «в неограниченном объеме»! И за этим признанием, что государство, даже в Англии, «в неограниченном объеме» не сделало, можно сказать, ничего, г. Закс заканчивает свою книгу новой моральной проповедью по адресу всех заинтересованных лиц. [1]

[1] Jobbery означает использование общественной должности для личных выгод чиновника и его семьи. Если, напр. начальник государственного телеграфа какой-либо страны делается анонимным участником какой-либо бумажной фабрики, доставляет этой фабрике лес из своей рощи и потом поручает ей поставку бумаги для телеграфных контор, то это будет небольшой, но во всяком случае настолько приличный job, что он разъясняет полностью значение принципа jobbery.

[1] В последнее время в английских парламентских актах, предоставляющих лондонским строительным властям право экспроприации с целью проведения новых улиц, в известной степени обращается внимание на лишаемых крова рабочих. Включают в них требование, чтобы вновь воздвигаемые здания были приспособлены к удовлетворению жилищных потребностей тех классов населения, которые раньше жили на этом месте. Во исполнение буквы закона, строятся поэтому пятиэтажные казармы на самых малоценных участках для слачи в наем рабочим. Что выйдет из этого нововведения, необычайного для рабочих и совершенно не соответствующего старым лондонским условиям, увидим впоследствии. В лучшем случае вряд ли в них уместится четвертая часть рабочих, изгнанных новой планировкой из прежних жилищ. *(Примечание ко второму изданию.)*

Ясно, как день, что современное государство не может и не хочет устранить жилищное зло. Государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, противопоставленная эксплоатируемым классам, крестьянам и рабочим. Чего не хотят отдельные капиталисты (а здесь только о них речь, так как и участвующий в этом деле землевладелец выступает прежде всего в качестве капиталиста), того не хочет и их государство. Если, следовательно, **отдельные** капиталисты и жалуются на жилищную нужду, но при этом едва шевелятся, чтобы замазать хотя бы поверхностно самые ужасающие ее последствия, то **совокупный** капиталист — государство — не будет делать большего. В лучшем случае оно позаботиться о том, чтобы обычная степень поверхностного замазывания стала повсюду равномерной. Мы видели, что так и делается.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

РАЗРЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уничтожение противоположности между городом и деревней. Постановка вопроса у Маркса и Энгельса

Буржуазное решение жилищного вопроса потерпело крушение, наткнувшись на **противоположность между городом и деревней.** И тут-то мы достигли центрального пункта вопроса. Жилищный вопрос разрешим лишь тогда, когда преобразование общества достигнет той степени, которая позволит приняться за уничтожение противоположности между городом и деревней, доведенной до крайности в капиталистическом обществе. Капиталистическое общество, весьма далекое от возможности уничтожить эту противоположность, принуждено, напротив, с каждым днем все больше обострять ее. Уже первые утопические социалисты современности, Оуэн и Фурье, правильно понимали это. В их образцовых учреждениях противоположности города и деревни больше не существует. Положение, стало быть, как-раз обратное тому, что утверждает господин Закс: не решение жилищного вопроса влечет за собой решение социального вопроса, а лишь после решения социального вопроса, т. е. после уничтожения капиталистического способа производства, сделается возможным одновременное решение жилищного вопроса. Бессмысленно желание решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города. С современными крупными городами будет покончено только с уничтожением капиталистического способа производства, и лишь только начнется этот процесс, дело пойдет совсем о других вещах, а не о том, чтобы каждому рабочему достанить собственный домик.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы шаг за шагом вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и как можно быстрее увеличить совокупность производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, само собой разумеется, в различных странах различны.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры...

Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности между городом и деревней.

(Маркс и Энгельс — «Коммунистический манифест»)

Уничтожить этот новый порочный круг, это постоянно вновь возникающее противоречие современной промышленности, опять-таки возможно лишь с упразднением ее капиталистического характера. Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы, согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупное производство по всей стране, в полном соответствии с его собственным развитием и сохранением и развитием прочих элементов производства. Таким образом, устранение противоречия между городом и деревнею не только возможно, но оно стало просто необходимым в интересах индустриального и земледельческого производства, а также в целях общественной гигиены. Только с соединением города и деревни в одно целое возможно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом хилые городские массы населения смогут добиться такого положения, что их отбросы, вместо того, чтобы порождать между ними болезни, станут полезным материалом, содействуя успеху сельского хозяйства...

...Таким образом, уничтожение поводов к отделению города от деревни, — и с точки зрения возможности осуществления равномерного распределения крупной промышленности по всей стране, — не может представляться утопией. Цивилизация, конечно, оставила нам, в лице крупных городов, наследие, покончить с которым будет стоить много времени и усилий. Но с ним необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс. Независимо от гадания, какая участь постигнет германское государство, созданное прусской нацией, — Бисмарк может лечь в могилу с гордой уверенностью, что его задушевное желание — гибель больших городов — наверное осуществится.

(Ф. Энгельс — «Анти-Дюринг»)

Разоблачение мелкобуржуазных взглядов на невозможность уничтожения противоположности между городом и деревней

Устранения противоположности между городом и деревней требовали и Оуэн и Фурье, видя в нем первое основное условие для упразднения вообще старой системы разделения труда. Согласно мнению обоих, население должно распределяться по стране группами в 1600—3000 человек; каждая группа занимает громадный дворец в центре своей территории и ведет общее хозяйство. И хотя Фурье местами говорит о городах, однако эти города состоят только из четырех или пяти таких, находящихся в недалеком расстоянии друг от друга, дворцов. По плану этих двух утопистов, каждый член общества занимается как земледелием, так и промышленностью. У Фурье в последней главную роль играют ремесло и мануфактура, у Оуэна, напротив, — уже крупная промышленность, и он требует введения силы пара и машин в работы домашнего хозяйства. Но и тот и другой особенно настаивали на том, чтобы организация земледелия и индустрии гарантировала населению возможно большее разнообразие в занятиях и, согласно с этим, они требовали, чтобы воспитание подготавливало юношество для всесторонней технической деятельности. По мнению обоих, человек должен всесторонне развиваться путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь получить утраченную им, вследствие своего разделения, привлекательность, именно посредством такого разнообразия и вытекающей из него небольшой продолжительности каждого сеанса (Sitzung) отдельной работы, употребляя выражение Фурье. Оба названные утописта неизмеримо выше по своим воззрениям г. Дюринга, заимствовавшего свои взгляды у эксплоатирующих классов, согласно которым противоположность между городом и деревней неустранима по природе вещей. Ограниченность такого образа мыслей видна уже из того, что известное количество «существ» приговаривается и в будущем обществе производить всегда какой-нибудь **один продукт** и что, таким образом, увековечивается существование особых «экономических пород» людей, отличающихся от других своим образом жизни и ликующих по поводу того, что они вырабатывают именно эту, а не какую-нибудь другую вещь, следовательно, так глубоко опустившихся, что они **радуются** своему собственному порабощению и вырождению в односторонний автомат. По сравнению с «идиотом» Фурье, с его даже самыми безумно-смелыми фантазиями, и «грубым, плоским, убогим» Оуэном, с его даже самыми убогими идеями, — г. Дюринг, сам еще совершенно порабощенный разделением труда, представляется пошлым и дерзким карликом.

(Ф. Энгельс — «Анти-Дюринг»)

Мюльбергер заявляет: «Что касается специально противоположности между городом и деревней, то стремление к ее уничтожению утопично. Эта противоположность стала естественной, правильнее сказать, исторической... Дело не в том, чтобы **уничтожить** эту противоположность, а чтобы отыскать такие политические и социальные формы, в которых она была бы **безвредной,** даже **плодотворной.** В таком случае можно ждать мирного соглашения, постепенного уравнения интересов».

Таким образом, уничтожение противоположности между городом и деревней — утопия, **потому что** эта противоположность стала естественной, вернее сказать, исторической. Применим же эту логику к другим противоречиям современного общества и посмотрим, куда мы придем. Например:

«Что касается специально противоположности между капиталистами и наемными рабочими, то стремиться к ее уничтожению является утопией. Эта противоположность является естественной, вернее сказать — стала исторической. Речь идет не от том, чтобы уничтожить эту противоположность, но о том, чтобы найти политические и социальные формы, в которых она стала бы безвредной и даже плодотворной. В таком случае можно ждать мирного соглашения, постепенного уравнения интересов». Этим самым мы вернулись к Шульце-Деличу.

Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно становится с каждым днем все более и более практическим требованием индустриального и сельскохозяйственного производства. Никто не заявил этого требования громче, чем Либих в своих сочинениях по земледельческой химии, в которых на первом месте устанавливается правило, что человек должен возвратить земле то, что он от нее получает, и доказывается, что существование городов, в особенности крупных городов, препятствует этому. Если наблюдать, какая масса навоза производится в одном Лондоне (больше, чем во всем королевстве Саксонии) и ежедневно выбрасывается в море, причем на это тратятся огромные суммы денег, и какие колоссальные сооружения необходимы, чтобы обезопасить город от заразы, которою ему угрожают нечистоты, то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней приобретает замечательно практическую основу. Даже сравнительно небольшой Берлин по крайней мере тридцать лет уже задыхается от вони своих собственных экскрементов. С другой стороны, чистейшей утопией является желание преобразовать современное буржуазное общество наряду с желанием сохранить крестьянство как таковое. Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная связь индустрии с земледельческим производством наряду с необходимым расширением средств сообщения — при уничтожении капиталистического способа производства, что является предпосылкой,—в состоянии вырвать сельское население из изолированности и тупости, в котором оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. Вовсе не является утопией утверждение, что освобождение людей от цепей, выкованных историческим прошлым, может совершиться лишь тогда, когда уничтожена противоположность между городом и деревней: утопия возникает лишь тогда, когда делают попытку, «исходя из существующих отношений», предуказать **форму,** в которой должно разрешиться то или иное противоречие существующего общества. А это именно делает Мюльбергер, применяя прудоновскую формулу при решении жилищного вопроса.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Профессор Луйо Брентано уверяет, напр., что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а **естественной необходимостью,** законом убывающего плодородия почвы.[1] Г. Булгаков, вслед за своим учителем, объявлял еще в «Начале» (1899, март, стр. 29) идею об уничтожении противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией», которая «вызовет улыбку у агронома». Герц пишет в своей книге: «Уничтожение различия между городом и деревней является, правда, основным стремлением старых утопистов (и даже «Манифеста»), — но нам все же не верится, чтобы общественный строй, заключающий в себе все условия для направления человеческой культуры к высшим достижимым целям, действительно уничтожил те великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, и, в угоду оскорбленному эстетическому чувству, отказался от этих обильных сокровищниц искусства и науки, без которых невозможен прогресс»... Как видите, Герц защищает буржуазный порядок от социалистических «фантазий» фразами, в которых не меньше «борьбы за идеализм», чем у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита от этого напыщенного идеалистического фразерства нимало не выигрывает.

Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что прикрепляет к месту население вообще, крестьян и сельских рабочих в частности...

И если ничто не мешает уничтожению противоположности между городом и деревней (причем следует, конечно, представлять себе это уничтожение не в форме одного акта, а в форме целого ряда мер), то требует его отнюдь не одно только «эстетическое чувство». В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе, и периодически все, кто могут, бегут из города в поисках за свежим воздухом и чистой водой. Промышленность тоже расселяется по стране, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплоатация водопадов, каналов и рек для получения электрической энергии даст новый толчок этому «рассеянию промышленности». Наконец, — last but not least — рациональная утилизация столь важных для земледелия городских нечистот вообще и человеческих экскрементов в частности тоже требует уничтожения противоположности между городом и деревней.

(Ленин — «Аграрный вопрос и критики Маркса», т. IV, изд. 3)

Коллективизация сельского хозяйства в СССР — путь к устранению противоположности между городом и деревней

...Если колхозное движение будет расти нынешним темпом, «ножницы» будут уничтожены в ближайшее время.

[1] См. статью Каутского в „Neue Zeit" XIX, 2, 1900/1901, № 27: „Tolstoi und Bren ano". Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение Л. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную нанизность своей теории, — и буржуазную экономию, «звезда» которой Брентано (как известно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и i quanti).

Из этого следует, что вопрос об отношениях между городом и деревней становится на новую почву, что противоположность между городом и деревней будет размываться ускоренным темпом.

Это обстоятельство имеет, товарищи, величайшее значение для всего нашего строительства. Оно преобразует психологию крестьянина и поворачивает его лицом к городу. Оно создает почву для уничтожения противоположности между городом и деревней. Оно создает почву для того, чтбы лозунг партии «лицом к деревне» дополнялся лозунгом крестьян-колхозников «лицом к городу». И в этом нет ничего удивительного, ибо крестьянин получает теперь от города машину, трактор, агронома, организатора, наконец, прямую помощь для борьбы и преодоления кулачества. Крестьянин старого типа с его звериным недоверием к городу, как к грабителю, отходит на задний план. Его сменяет новый крестьянин, крестьянин-колхозник, смотрящий на город с надеждой на получение оттуда реальной **производственной** помощи. На смену крестьянину старого типа, боящемуся опуститься до бедноты и лишь украдкой подымающемуся до положения кулака (могут лишить избирательного права!), приходит новый крестьянин, имеющий новую перспективу — пойти в колхоз и выбраться из нищеты на широкую дорогу хозяйственного подъема.

Вот как оборачивается дело, товарищи.

(Сталин — «К вопросам аграрной политики в СССР»)

Полная коллективизация сельского хозяйства, рост крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и вооружение совхозов и колхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей с.-х. труд в разновидность индустриального труда, и значительное укрепление транспортной связи и товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством — создают условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

(«Тезисы по докладам Молотова и Куйбышева, к XVII партконференции ВКП(б)»)

ЭКСПРОПРИАЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Я удовольствуюсь указанием на то, что производство нашего современного общества достаточно для доставления еды всем его членам и что имеется достаточно домов, чтобы трудящимся массам предоставить на первых порах поместительные и здоровые жилища. Рассуждение же о том, как именно будущее общество будет регулировать распределение еды и жилищ, приводит нас прямым путем в область утопии. Самое большее, что мы можем, это утверждать, на основании исследования основных условий всех существовавших доселе способов производства, что с падением капиталистического способа производства определенные формы присвоения старого общества станут невозможными. Даже переходные мероприятия будут повсюду сообразовываться с существующими в тот момент отношениями, в странах мелкого землевладения будут существенно иными, чем в странах крупного землевладе-

ния, и т. д. Что получается в результате попыток решить поодиночке эти так называемые практические вопросы, как напр., жилищный вопрос и т. п., лучше всего видно на примере самого Мюльбергера, который сперва на 28 стр. разъясняет, что «все содержание решения жилищного вопроса дано в слове **выкуп»**, а затем, когда его прижимают к стене, начинает смущенно бормотать, что на деле весьма сомнительно, «будет ли трудящийся народ склонен к выкупу» или другой какой-либо форме экспроприации при фактическом захвате домов.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Как же разрешается жилищный вопрос? В современном обществе он разрешается, как всякий другой общественный вопрос, постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения; такое решение вновь воспроизводит подлежащий разрешению вопрос, следовательно это — не решение. Способ разрешения этого вопроса социальной революцией зависит не только от условий времени и места, но и от решения далеко за пределы его выходящих вопросов, среди которых одним из существеннейших является уничтожение различия между городом и деревней. Так как мы не собираемся создавать утопической системы будущего устройства общества, то было бы более чем бесполезно итти так далеко. Несомненно только, что уже и теперь в крупных городах достаточно зданий для жилья, чтобы при разумном использовании их тотчас облегчить всякую действительную «жилищную **нужду».** Для этого нужно, конечно, экспроприировать нынешних владельцев, иначе сказать — заселить их дома бесприютными или живущими слишком скученно рабочими, и как только пролетариат завоюет политическую власть, эта мера, настоятельно требуемая общественным благом, будет так же легко осуществлена, как и другого рода экспроприации и принудительный постой, к которым прибегает современное государство.

(Ф. Энгельс — «Жилищный вопрос»). (Гос. соц.-эк. изд. М.—Л. 1932)

Здесь[1] изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

«...Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и проч. едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 69).

[1] См. примеч. 29-е.

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, а именно: об экономических основаниях отмирания государства мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

(Ленин — «Государство и революция» т. XXI. изд. 3)

Капиталистическое государство выселяет семью рабочих, потерявшую работника и не внесшую платы. Является судебный пристав, полицейский или милицейский, целый взвод их. В рабочем квартале, чтобы произвести выселение, нужен отряд казаков. Почему? Потому что пристав и «милицейский» отказываются итти без военной охраны очень большой силы. Они знают, что сцена выселения вызывает такую бешеную злобу во всем окрестном населении, в тысячах и тысячах доведенных почти до отчаяния людей, такую ненависть к капиталистам и к капиталистическому государству, что пристава и взвод милицейских могут ежеминутно разорвать в клочки. Нужны большие военные силы, надо привести в большой город несколько полков непременно из какой-нибудь далекой окраины, чтобы солдатам была чужда жизнь городской бедноты, чтобы солдат не могли «заразить» социализмом.

Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и две женщины. — «Вы потесните, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы беготни по лавчонкам и т. п. Затем в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его».

(Ленин — «Удержат ли большевики государственную власть» т. XXI, изд. 3)

... „9) [1] *Сооружение больших дворцов в национальных владениях в качестве общих жилищ для коммун граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их односторонности и недостатков*".

Речь идет, очевидно, о жилищном вопросе в большом масштабе. Вы знаете, что это дело мы двигаем вперед, и ежели оно в основном еще не осуществлено и не скоро, пожалуй, будет осуществлено, то это потому, что, получив в наследство разоренную промышленность, мы не успели еще и не могли успеть накопить достаточные фонды для широкого жилищного строительства. Дальше:

„*10) Разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ и кварталов в городах*".

Этот пункт является составной частью предыдущего пункта, — поэтому сказанное насчет предыдущего пункта должно быть отнесено и к этому пункту.

(*Сталин* — «Об оппозиции». Речь на XV партконференции)

Программа Коминтерна и ВКП(б) по жилищному вопросу

17. Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно обостренного в период войны, советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам, произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.

Задача РКП состоит в том, чтобы, идя по вышеуказанному пути и отнюдь не задевая интересов некапиталистического домовладения, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к радикальному расселению трудящихся.

(Из программы ВКП(б)

11. В виду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, а в эпоху столь глубокого кризиса, как нынешний, ставит как город, так и деревню перед непосредственной опасностью вырождения и гибели, РКП видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства и наряду с общими мерами считает необходимым широкое и планомерное привлечение промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, развитие деятельности учрежденного уже Советской властью в этих целях общегосударственного «Рабочего комитета содействия» и т. п.

(Из программы ВКП(б)

[1] См. примеч. 25-е.

а) Конфискация крупного домовладения.

б) Передача конфискованных домов в управление местных советов.

в) Заселение рабочими буржуазных кварталов.

г) Предоставление дворцов, крупных частных и общественных зданий в распоряжение рабочих организаций.

д) Проведение широкой программы жилищного строительства.

(Из программы Коминтерна)

Коммунальные программы секций КИ должны строиться таким образом, чтобы, во-первых, они содержали конкретные актуальные требования, понятные широчайшим массам и мобилизующие их на борьбу под руководством компартии, во-вторых, чтобы в программе не притуплялось ее острие, направленное против беспринципного приспособления к буржуазной легальности, и, в третьих, чтобы эти частичные требования были увязаны с теми основными требованиями, которые компартия, как партия рабочего класса, проведет после захвата власти. Рабочим и другим угнетенным слоям следует систематически разъяснять, что осуществление отдельных частичных требований не может существенно улучшить их положение.

В условиях нарастающего революционного подъема, когда все более широкие массы трудящихся осознают, что вне пролетарской революции нет выхода из грозящей катастрофы, одна из важнейших задач коммунистических партий заключается в популяризации коммунальной политики в СССР и ее итогов (экспроприация землевладельцев и буржуазии, лишение имущего класса права участия в коммунальной деятельности, передача домов буржуазии под жилье рабочим, соблюдение классового принципа в области налоговой политики с предпочтительным обслуживанием рабочих кварталов при всех коммунальных работах по благоустройству, широкая помощь безработным, бесплатное обучение, пользование культурными учреждениями, бывшими ранее монополией буржуазии, и т. д.).

(Из постановл. расшир. президиума Коминтерна о задачах секций Коминтерна в области коммунальной политики, февраль 1930 г.)

Жилищный вопрос и кооперация

Важнейшим вопросом материального быта рабочих все больше становится жилищный вопрос, который может быть правильно и успешно разрешаем не только одними государственными мерами и помощью, а и самодеятельностью самого населения и его материальным участием. Наилучшей формой такой самодеятельности в изживании жилищной нужды трудящихся является жилищная кооперация, которая своим небольшим опытом практической работы доказала свою жизненность и целесообразность. Все органы советской власти должны всемерно поддерживать в работе жилищную кооперацию.

(Из резол. XIII съезда ВКП(б) — янв. 1924 г.)

О жилищной кооперации

(Утверждено ЦК РКП(б), 17 июля 1925 г.)

Громадные размеры жилищного кризиса захватили не только крупные города и промышленные районы, но остро чувствуются и в целом ряде других населенных пунктов Советского Союза. В первую же очередь и главным образом острота жилищного кризиса отражается на положении широких рабочих масс, ибо условия быта рабочих в значительной степени определяются их жилищными условиями.

Первоначальную и значительную по сумме материальную базу жилищная строительная кооперация уже имеет от государства в виде отчислений от прибылей государственной промышленности и торговли, от прибылей госстраха, отчислений от сдачи в аренду торговых помещений, от целевого квартирного налога и льготного отпуска древесины.

Недостаточность этих средств по сравнению с размерами жилищного кризиса и стихийный рост жилищной кооперации, принимавший за отсутствием надлежащего плана и руководства подчас уродливые формы или носящий явно «собезный» характер, вызывают настоятельную необходимость как наиболее рационального использования материальных средств, так и соответствующего направления жилищной политики.

Исходя из этих соображений, ЦК РКП постановляет:

1. Все внимание партийных, профессиональных и советских организаций должно быть привлечено к ликвидации в первую очередь жилищной нужды рабочих, путем всемерного развития рабочего жилищного строительства в крупных городах и промышленных центрах.

2. Признать, что быстрейшее развитие рабочего жилищного строительства и восстановление существующих жилищ кооперацией в значительной степени зависят от роста собственных капиталов рабочих жилищных кооперативов.

3. В целях усиления мощи жилстроительной кооперации признать необходимым кооперировать в первую очередь те слои промышленных и транспортных рабочих, кои по размерам своего заработка и наличию других условий могут принять наиболее активное участие в развитии жилищного строительства и накоплении собственных паевых капиталов строительных кооперативов.

4. В интересах здорового роста рабочей жилстроительной кооперации необходимы теснейшая увязка и согласование работы Центрожилсоюза с ВЦСПС и ВСНХ. На местах необходима такая же увязка работы жилищных кооперативов с заводоуправлениями, фабзавкомами и профсоюзами. Обратить внимание ВСНХ и ВЦСПС на необходимость дачи указаний как хозорганам, так и профсоюзам о поддержке рабочих жилстроительных кооперативов путем включения соответствующих мероприятий в календарные планы работ и сметы. Признать необходимым, чтобы при кредитовании жилстроительства ЦК ЖБ наравне с хозорганами и исполкомами было уделено внимание жилкооперации и, в первую очередь, рабочей.

5. Признать необходимым выделение части акций ЦК ЖБ в распоряжение жилкооперации и принятие активного участия последней в приобретении акций ЦК ЖБ дополнительного выпуска.

6. Учитывая неправильное использование на местах целевых сборов, установленных по декрету от 16 мая 1924 г., часто идущих на цели, ничего общего не имеющие с рабочим жилстроительством, признать, что означенные сборы должны обращаться исключительно для рабочего строительства и, в первую очередь, для кредитования рабочей жилстроительной кооперации.

7. Придавая большое значение жилищно-арендной кооперации в деле сохранения муниципализированного фонда и увеличения в городах жилищной площади, признать необходимой срочную разработку вопроса о предоставлении этим кооперативам ряда правовых и материальных льгот (налоговых, понижение железнодорожного тарифа, получение лесосек, предоставление банковского кредита и пр.).

8. Предоставить право жилищно-арендным кооперативам выкупа в кооперативную собственность арендуемых ими муниципализированных жилищ путем зачета арендной платы в погашение стоимости дома.

9. Признавая основной задачей поддержку жилищной кооперации индустриальных и транспортных рабочих, необходимо оказывать в то же время содействие и кооперативам служащих и общегражданским, ограничивая лишь соответственно для них сроки кредитования и увеличивая процент требуемой у них наличности собственных средств.

10. Учитывая, что настоящий период деятельности рабочей жилищной кооперации может пока рассматриваться как опытный период и что изучение итогов этого опыта должно составлять одну из основных задач Центрожилсоюза, поручить РКИ произвести плановое обследование для исчерпывающего освещения всех положительных и отрицательных сторон современного состояния рабочего жилстроительства, собрав совершенно конкретный материал по нескольким наиболее характерным жилкооперативам.

Жилищное строительство

Жилищному строительству на ближайший период партия и государство должны придать сугубое значение в виду того, что дальнейший рост промышленности, повышение производительности труда и улучшение быта рабочих упираются в жилищный кризис.

(Из резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г. по вопросу о хоз. положении и хоз. строительстве)

Жилищный вопрос в быту рабочих становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих. Кроме того, усиливающийся жилищный кризис задерживает дальнейшее развертывание промышленности, являясь значительным препятствием в деле вовлечения рабочей силы в производство и отрицательно влияющим на рост производительности труда. Принятые советской властью меры в деле жилищного строительства (национализация городской земли; передача рабочим значительного жилищного фонда за счет квартир высших служащих при предприятиях и буржуазных квартир в городах; ассигнование 350 млн. руб. на рабочее жилищное строительство,

произведенное за последние два года государством, хозорганами и исполкомами; льготы, предоставленные декретом ЦИК Союза от 16 мая 1924 г. по рабочему жилищному строительству и т. п.), хотя и являются значительными, однако не могли смягчить и приостановить рост жилищного кризиса.

Основными причинами катастрофического состояния дела с рабочими жилищами надо признать: безразличное отношение в прошлом со стороны фабрикантов и заводчиков к удовлетворению минимальных нужд рабочих в жилищах (при предприятиях для рабочих строились преимущественно казарменные помещения, которые с развертыванием производства привели к необычайной скученности рабочих в фабрично-заводских казармах) и прекращение, начиная с первых дней империалистической войны, городского строительства и строительства рабочих жилищ, даже казарменного типа, при все увеличивающемся числе рабочих на предприятиях.

Причинами дальнейшего усиления жилищного кризиса явились: прогрессивный рост разрушения жилищ благодаря низкой квартирной плате; неурегулированность всего дела жилищного строительства и отсутствие постоянных источников образования фонда жилстроительства. Кроме того необходимо отметить ряд второстепенных недочетов, тормозивших развитие жилищного строительства, а именно: неурегулированность дела заготовки строительных материалов, отсутствие правильно работающих строительных организаций, отсутствие наиболее дешевого и наиболее рационального типа рабочих жилищ, распыление средств в порядке кредитования по мелким застройщикам и недостаточная планомерность распределения средств по важнейшим промышленным районам и отраслям народного хозяйства.

Придавая первостепенное значение делу постройки рабочих жилищ, которое потребует для своего осуществления ряда лет, пленум ЦК и ЦКК считает необходимым в целях создания большей устойчивости и плановости всего дела жилищного строительства, а равно в целях устранения недочетов прошлого:

1. Создать постоянный фонд рабочего жилищного строительства, который должен составляться:

а) из бюджетного ассигнования;

б) из отчислений от прибылей предприятий (фонд улучшения быта рабочих);

в) из отчислений процента от Госстраха с чистой прибыли;

г) отчисления процента с амортизационных сумм, поступающих по квартирной плате, и

д) из возврата ссуд по жилкредиту.

2. Наряду с образованием твердого жилищного фонда и в целях дальнейшего упорядочения жилищного строительства считать необходимым, чтобы Госплан при составлении пятилетнего плана развития промышленности учел также перспективный план рабочего жилстроительства на этот же период с тем, чтобы жилстроительство соответствовало бы плану восстановления промышленности по крупнейшим промышленным центрам и районам и чтобы жилая площадь по этим районам была бы более равномерна.

При составлении перспективного плана жилстроительства Госплан должен учесть потребность в жилищной площади начсостава РККА.

3. При составлении плана жилищного строительства необходимо вести такую политику, которая дала бы возможность устранить недостатки прошедшего и текущего строительных сезонов, для чего необходимо:

а) вести линию на укрепление строительства рабочих жилищ;

б) на удешевление строительства и упорядочение работы государственных строительных контор; принять меры к дальнейшему развитию строительной промышленности и к урегулированию рынка строительных материалов;

в) на удешевление кредита по жилстроительству путем удлинения сроков кредитования и уменьшения процента по жилищному кредиту, и

г) упрощение и децентрализацию договорной практики жилищного кредитования и своевременное разассигнование кредитов на жилищное строительство.

4. В целях большего единообразия в деле постройки рабочих жилищ поручить Комитету содействия, с привлечением других организаций, регулирующих строительство, принять все меры по выработке наиболее дешевого и приспособленного к нуждам рабочих типа жилищ, сообразуясь при этом как с местными особенностями, так и с возможностью использования местных строительных материалов.

5. Считать необходимым усиление наблюдения со стороны профсоюзов относительно качества, типа построек и приспособленности рабочих жилищ к быту рабочих.

6. В виду того, что жилищное строительство идет, главным образом, по линии хозорганов и исполкомов, необходимо при составлении плана строительства и в дальнейшем рассматривать их как главных застройщиков рабочих жилищ, причем в столичных и крупных промышленных городах строительство по линии хозорганов и исполкомов должно быть согласованным.

7. В целях наибольшего развития дела жилищного строительства, а равно в целях вовлечения в это дело средств самих застройщиков, считать необходимым усиление жилищно-кооперативного строительства и признать вполне целесообразным и своевременным поощрение в деле постройки частных застройщиков.

8. Пленум ЦК и ЦКК считает, что та квартирная плата, которая в настоящее время существует, не гарантирует порой даже текущего ремонта домов, обрекая на разрушение существующий жилищный фонд, и ведет тем самым к обострению жилищного кризиса. Поэтому политика квартирной платы должна быть направлена так, чтобы оплата за жилища гарантировала бы как эксплоатацию и ремонт домов, так и их восстановление. Однако необходимым условием проведения в жизнь этой политики должно быть согласование темпа повышения квартирной платы в прямом соответствии с темпом общего роста реальной зарплаты рабочих и служащих.

(Из резолюции июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г.)

Жилищный вопрос в быту рабочих стал одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно улучшение положения рабочих в дальнейшем, не говоря уже о том, что усиливающийся жилищный кризис является сильнейшим препятствием в деле

дальнейшего развертывания промышленности. Придавая первостепенное значение делу постройки рабочих жилищ, которое потребует для своего осуществления ряда лет, 15 партконференция полностью одобряет практические решения июльского пленума ЦК и ЦКК по жилищному вопросу и считает необходимым ускорить проведение этих решений в жизнь, обратив особое внимание на своевременность отпуска кредитов на жилищное строительство и усиление контроля за правильным использованием этих кредитов.

(Из резолюции 15 партконференции (1926 г.) о хоз. положении страны и задачах партии)

Чрезвычайное внимание следует уделить при построении плана **жилищному рабочему строительству.** В виду крайней остроты жилищного кризиса необходимо такое увеличение жилищного рабочего строительства, которое обеспечило бы на протяжении ближайших 5 лет повышение обеспечения жилищной площадью рабочего населения.

(Из резол. 15-го съезда ВКП(б) о директивах по составлению 5-летнего плана нар. хоз.)

Жилищное строительство для рабочих ведущих отраслей промышленности и новостроек

Необходимо добиться заметных сдвигов в улучшении жилищно-бытовых условий рабочих Югостали, для чего в план Югостали и Цекомбанка должны быть выделены достаточные кредиты на жилстроительство как на заводах, так и на рудниках для того, чтобы в течение ближайших лет обеспеченность рабочих жилфондом была увеличена.

Обратить внимание на качество и удешевление сооружаемых жилищ для рабочих, установив стандартные типы жилых домов, и усилить контроль за работой заводоуправлений и стройорганизаций.

(Из постан. ПК ВКП(б) от 8 авг. 1929 г. о работе Югостали)

По линии жилищного и коммунального строительства ЦК обязывает ВСНХ, Сибкрайисполком и местные организации принять меры к развертыванию жилищного и коммунального строительства в соответствии с темпами капитального строительства, добиваясь реального увеличения жилплощади уже в течение ближайшего года. Одновременно приступить к развертыванию коммунального благоустройства (строительство водопроводов, канализации и т. п.).

Обязать местные организации обеспечить помещениями для жилья направленных в Кузбасс учителей, врачей и инженерно-технический персонал.

(Из постан. ЦК ВКП(б) о работе парторганизаций Кузбасса, окт. 1930 г.)

1. В целях быстрейшего обеспечения жилплощадью рабочих, в первую очередь рабочих угольных районов, признать необходимым в текущем же году развернуть строительство стандартных домов, доведя

общее осуществление этого строительства в объеме, удовлетворяющем потребность не менее 700 тыс. рабочих и их семей в 1931 г.

2. Осуществление указанного строительства повести по линии облегченного строительства с максимальным применением сборных стандартных деревянных домов, изготовляемых заводским способом, а также из местных материалов (шлак и т. п.).

3. Выполнение принятого объема строительства по линии сборных деревянных домов возложить на:

а) Центрожилсоюз в размере 1 200 000 кв. метр. жилой площади.

б) Союзлеспром в размере 1 000 000 кв. метр. жилой площади.

в) Промкооперацию в размере 700 тыс. кв. метр. жилой площади.

г) Кинешемский з-д в размере 250 тыс. кв. метр. жилой площади.

д) Козловский з-д в размере 200 тыс. кв. метр. жилой площади.

4. Из намеченной программы строительства в первую очередь обеспечить:

а) Донбасс жилищем на 250 тыс. рабочих и их семей.

б) Кузбасс жилищем на 100 тыс. рабочих и их семей.

в) Подмосковный бассейн жилищем на 30 тыс. рабочих и их семей.

г) Уралуголь (Кизел и Челябинск) жилищем на 50 тыс. рабочих и их семей.

д) Караганду жилищем на 10 тыс. рабочих и их семей.

5. При выборе типа строительства исходить из необходимости ввода в эксплоатацию готовых домов, начиная с июня месяца с. г., с тем, чтобы к августу месяцу 1931 г. было уже выполнено 50% указанной программы по угольным районам, а к 1/XII 1931 г. — вся программа.

6. Остальную программу строительства облегченных домов ВСНХ Союза распределить между первоочередными промышленными районами, учтя удовлетворение потребности также учащихся втузов.

7. В связи с увеличением установленной ранее программы по изготовлению сборных деревянных домов ВСНХ Союза выделить дополнительные средства в размере 1 800 000 рублей.

8. Снабжение указанного в настоящем постановлении строительства материалами, рабсилой, кадрами, продовольствием и т. п. должно производиться наравне с первоочередными ударными стройками.

9. Все материалы, а также и средства отпускать за счет хозорганов, в районе которых проводится жилищное строительство.

10. Для выполнения этой задачи и руководства всеми строящими организациями создать при ВСНХ СССР специальное объединение «Союзстандартжилстрой», передав в его ведение необходимые проектные и строительные организации и предприятия, определение которых предоставить ВСНХ СССР.

(Постановление ЦК ВКП(б) от 25/III 1931 г. «О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной пром. и о развитии облегченного жилстроительства»)

Особое внимание должно быть уделено в 1932 г. жилищному и культурно-бытовому строительству на новых предприятиях, с всемерным использованием для этого местных и новых материалов и при широком применении стандартного, типового и сборного строительства.

(Из резол. 17-й парт. конференции ВКП(б)

О РАЗВИТИИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

На основе ликвидации паразитических классовых элементов и общего роста народного дохода, целиком идущего в распоряжение трудящихся, должен быть достигнут значительно более быстрый подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс и при этом решительное улучшение всего жилищного и коммунального дела в СССР.

(Из резол. 17-й парт. конференции ВКП(б)

Успехи социалистического строительства и городское хозяйство

Октябрьская революция, ликвидировавшая буржуазно-помещичье господство, **превратила городское хозяйство из средства дополнительной эксплоатации рабочих масс в организацию обслуживания их материальных и культурно-бытовых нужд.**

Советская власть поставила городское хозяйство на **службу пролетариату.** Она «экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским советам, произвела массовое вселение рабочих с окраин в буржуазные дома» (программа ВКП(б).

Ликвидировав старые, буржуазно-купеческие и домовладельческие думы, пролетарская революция положила конец эксплоататорской политике в городском хозяйстве. **Самым характерным для этой политики являлось направление основных средств на благоустройство кварталов, населенных буржуазными и зажиточными элементами,** рабочие же кварталы и окраины тонули в грязи, были лишены света, воды, канализации, мостовых и самых элементарных удобств, несмотря на то, что главная тяжесть городских поборов падала на трудящиеся массы. Снабжение жилищами подавляющей части населения находилось (а в буржуазных странах находится еще и до сих пор) в руках частных предпринимателей и служило средством самой беззастенчивой эксплоатации широких масс трудящегося населения, особенно наименее обеспеченных слоев пролетариата.

Городское хозяйство помещичье-буржуазной России, будучи крайне отсталым, стоявшим далеко позади европейских городов, пришло в еще больший упадок во время империалистической войны и контрреволюционной интервенции. Во время империалистической войны в городское хозяйство не только не вкладывалось никаких новых средств, но даже не производилось самого необходимого ремонта. Дома не ремонтировались с 1914 г., целые кварталы стояли разрушенными. Значительная часть жилищных фондов, водопроводной и канализационной сети вышла из строя и требовала капитального восстановления. Контрреволюционная интервенция и война белогвардейских генералов против советской власти нанесли дальнейшие удары городскому хозяйству. В период интервенции ряд городов подвергся большим разрушениям (Ярославль, Киев, Одесса, Днепропетровск, Ростов, города Поволжья, Урала, севера Сибири и т. д.).

После победы над интервентами и окончания гражданской войны **советской власти пришлось прежде всего восстанавливать промышленность и сельское хозяйство, в виду чего восстановление коммунального хозяйства оказалось на втором плане.** Только за последние 3 года партии и советской власти удалось взяться серьезно за приведение в порядок, восстановление и развитие городского хозяйства, что уже принесло серьезные осязательные результаты. Городское хозяйство в основном закончило восстановительный и вступает в реконструктивный период. В настоящее время наряду с завершением восстановительного процесса там, где еще городское хозяйство полностью не восстановлено, **главная задача состоит в том, чтобы развернуть работу по расширению, перестройке и развитию городского хозяйства применительно к требованиям, какие предъявляются сейчас бурными темпами индустриализации, увеличением городского населения, ростом бытовых и культурных потребностей широких трудящихся масс.**

Индустриализация страны, создание новых промышленных очагов в крестьянских районах, переустройство всего сельского хозяйства на социалистических началах ведут не только к росту населения и прежде всего пролетариата в старых городах, но и к возникновению новых городов, к превращению так называемых городских поселков и нынешних районных центров **в социалистические города,** которые должны обеспечить культурный подъем и охрану здоровья широких трудящихся масс, повышение производительности труда и освобождение женщины-работницы от оков домашнего хозяйства.

В борьбе за пятилетку, за дальнейшие успехи социалистического строительства, за преуспевание социалистических предприятий, за улучшение материально-бытовых условий трудящихся, за культурный подъем и охрану их здоровья, за неуклонный рост реальной заработной платы вопросы городского хозяйства (жилище, водоснабжение, освещение, отопление, канализация, городской транспорт, внешнее благоустройство, бани, прачечные, общественное питание) приобретают крупнейшее значение.

Пленум ЦК ВКП(б) ставит перед всеми партийными, советскими, профсоюзными и хозяйственными органами боевую задачу скорейшей ликвидации отставания городского хозяйства от общего развития и решительного перелома в темпах его развития.

Успехи, достигнутые партией и рабочим классом в борьбе за индустриализацию и коллективизацию страны, создали все необходимые условия для решительного улучшения городского хозяйства — этой важнейшей базы перестройки быта миллионов масс трудящихся на новых социалистических началах.

В вопросах организации нового социалистического быта необходима решительная борьба как с правым оппортунизмом, выступающим против большевистских темпов развития социалистического хозяйства, против перестройки культурно-бытового обслуживания рабочего и колхозного населения, так и с загибами «лево»-оппортунистических фразеров, выступающих со всякого рода прожектерскими предложениями (принудительная ликвидация индивидуальных кухонь, искусственное насаждение бытовых коммун и т. д.).

Партия будет давать решительный отпор как правым оппортунистам, тянущим нас назад и пытающимся сорвать наше строительство, так и «левым» фразерам, не учитывающим конкретных условий настоящего периода и на деле помогающим правым.

На основе проведения ленинской генеральной линии партия добилась успехов в деле восстановления и развития городского хозяйства. На этой же основе сумеет она превратить нынешние города в культурные, технически и хозяйственно развитые пролетарские центры и построить десятки и сотни новых социалистических городов.

(Из резол. пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г. по докладу тов. Кагановича)

Пути дальнейшего развития городского хозяйства

Пленум ЦК констатирует, что нынешнее состояние городского **хозяйства по СССР, несмотря на значительные достижения, не может удовлетворить растущих потребностей масс.**

В старых промышленных центрах, бурно выросших за последние годы (Москва, Ленинград, Харьков, Баку, Тула, Иваново-Вознесенск, Нижний-Новгород, Днепропетровск, Ростов и др.), вопрос о развитии и реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен тысяч и миллионов рабочих. В районах Донбасса, Урала, Кузбасса, Подмосковного бассейна и т. д., не говоря уже о недавно возникших новых промышленных центрах (Магнитогорск, Кузнецк и т. д.), вопрос стоит о перестройке поселков полугородского и полудеревенского типа в города, в которых хозяйство приходится создавать заново. Наряду с этим организация МТС и крупных колхозов и совхозов, ликвидация округов и превращение ряда сел в районные центры приводят к постройке новых сотен городов в бывших селах.

Все это вместе взятое **по-новому ставит перед партией проблему города в реконструктивный период, проблему перестройки старых и строительства новых городов.**

Учитывая, что дальнейшее развитие промышленного строительства страны должно итти по линии создания новых промышленных очагов в крестьянских районах и тем самым приближать окончательное уничтожение противоположности между городом и деревней, пленум ЦК считает нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.

В связи с этим пленум ЦК постановляет:

1. **Ускорить темпы развития городского хозяйства в СССР и в особенности жилищного хозяйства в соответствии с темпами и планами промышленного строительства,** при этом выполнение плана жилищного и городского строительства должно вестись таким образом, чтобы главная масса капитальных вложений была направлена в основные промышленные и городские центры по особому списку с тем, чтобы план строительства этих городов был обеспечен всеми необходимыми материалами и оборудованием.

2. **Ввести в практику применение новых стройматериалов для замены дефицитных и применение новых конструкций жилстроительства облегченного и стандартного типов.**

Несмотря на то, что сейчас уже имеется опыт применения новых стройматериалов в строительстве жилищ (бетонитовые камни, фибролит, пустотелый кирпич, силикат-органик и т. д.), до сих пор эти новые материалы не внедрены еще в строительство. Точно так же применение новых конструкций домов облегченного типа внедряется крайне медленно.

На основе общехозяйственного подъема и индустриализации страны партия добилась значительных успехов в деле развития **городского хозяйства СССР. За последние годы широко развернулось жилищное и коммунальное строительство в промышленных центрах, рабочих кварталах и поселках.**

В новое жилищное строительство за последние пять лет было вложено по СССР 3 миллиарда 500 миллионов рублей, из которых только на 1931 г. приходится 1156 млн. рублей. Выстроено 29 млн. кв. метров жилплощади, из которых на один 1931 г. падает 10 млн. кв. метров, причем количество вселенных в новые дома рабочих семей превышает один миллион, а в одном лишь 1931 г. будет вселено более 600 тыс. рабочих семей. Коренным образом перестроен ряд городов: Баку, Грозный, Сталинград, Новосибирск, Нижний-Новгород и др. Построен заново ряд городов и рабочих поселков (Магнитогорск, Днепрострой, Кузнецк, Дзержинск и др.). Трамвайная, водопроводная и канализационная сеть значительно расширена за последние годы, проведены трамвайные линии заново в таких городах, как Баку, Минск, Сталинград, Свердловск, Пермь и др., причем почти все расширение трамвайной, водопроводной и канализационной сети приходится на рабочие кварталы.

(Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г.)

Московское городское хозяйство

Развитие городского хозяйства отстает от роста рабочего и трудящегося населения столицы и его потребностей. Это отставание особенно обострилось в результате крупнейших недостатков в работе московского коммунального хозяйства. Именно следствием этих недостатков явились прорехи в трамвайном сообщении, недочеты жилищного хозяйства, плохое проведение дорожных и подземных работ, крайне неудовлетворительное санитарное состояние города и т. д.

ЦК констатирует, что на основе достижений партии и советской власти и в результате правильной политики и практической работы московской организации городское хозяйство Москвы также достигло серьезных успехов.

За годы революции переселено в старые благоустроенные дома, в которых жили буржуазно-зажиточные элементы, из подвалов и коечно-каморочных квартир больше полумиллиона рабочих и трудящихся.

Жилищный фонд Москвы за годы революции значительно увеличился. Только за последние 5 лет построено 5 тысяч новых домов с общей площадью свыше 2 млн. кв. метров, не считая надстроенных этажей и перестроенных под жилье нежилых помещений. В **новую** жилплощадь вселено свыше 450 тыс. чел., в том числе 70% рабочих главным образом

новых и реконструированных предприятий. Выросли целые рабочие городки в районах Усачевки, Малых Кочек, Дангауэровки, Дубровки, Трехгорки и т. д.

Пленум ЦК предлагает МК и Моссовету сосредоточить внимание на проведении следующих главнейших мероприятий:

Жилищное хозяйство. ЦК предлагает московской организации и госплану, совместно с Наркомфином, разработать трехлетний план жилищного строительства Москвы и его финансирования с тем, чтобы в течение этих трех лет по бюджету Моссовета и промышленности построить новых домов не менее чем на полмиллиона населения, не считая кооперативного и другого строительства, а также надстройки этажей.

Предложить ВСНХ СССР и РСФСР одновременно с промстроительством развернуть в Москве жилищное строительство в сроки и в размерах, потребных для удовлетворения жилищной площадью новых рабочих и технических кадров строящихся предприятий с тем, чтобы соответствующие хозобъединения уже в текущем строительном сезоне расширили и ускорили жилстроительство для вновь строящихся и реконструирующихся заводов («Шарикоподшипник», инструментальные, станкостроительные и др.).

Пленум ЦК предлагает Мосгоркому и горисполкому обеспечить полное выполнение в течение текущего строительного сезона намеченной программы достройки и нового жилищного строительства в г. Москве в размере 80 млн. рублей и обязывает ВСНХ СССР и ГУКХ обеспечить строительство материалами и оборудованием.

Первоочередной и важнейшей задачей московской организации пленум ЦК считает приведение в должное состояние в течение текущего летнего сезона всего наличного жилфонда — внутренний и наружный ремонт домов, ремонт отопительного хозяйства и т. д. и организацию такой системы управления домами, которая гарантировала бы сохранность жилфонда, санитарное состояние его, всемерное развитие и укрепление жилкооперации.

Необходимо при этом учесть новые задачи быта. Нужно развернуть строительство прачечных для обслуживания отдельных крупных домов либо групп домов, построить в 1932 г. не менее 15 таких общественных прачечных и приступить к строительству двух больших механизированных прачечных для общественных учреждений (больницы, детские дома и т. п.). Необходимо развернуть строительство дополнительной сети детских садов, площадок и яслей, приобретающих исключительно важное значение, в связи со все большим вовлечением широких женских масс в производство. Сеть детских садов, площадок и яслей должна быть развернута таким образом, чтобы в течение двух лет охватить всех детей рабочих, занятых на производстве.

В виду того, что главная сеть магазинов в Москве сосредоточена в центральных кварталах города, что создает для работы закрытых рабочих кооперативов огромные затруднения, ЦК считает, что московская кооперация и Московский Совет должны в течение ближайших двух лет построить достаточное количество магазинов со складами на окраинах города, в рабочих районах. Кооперация должна увязать эту свою работу с Моссоветом в части жилстроительства с тем, чтобы при строительстве домов была учтена необходимость устройства придомовых магазинов, складов и т. д.

Общественное питание и хлебопечение. Для расширения общественного питания и охвата им широких рабочих и трудящихся масс необходимо уже в этом году развернуть строительство широкой сети новых столовых, кафе, чайных, закусочных и создать для них соответствующую производственную базу (фабрики-кухни и т. п.).

Несмотря на то, что к настоящему моменту в Москве построено 5 механизированных хлебозаводов, процент механизированного хлебопечения крайне мал, а качество хлеба неудовлетворительно, ЦК предлагает московской организации и кооперации в ускоренном порядке закончить к 1 октября начатое строительство двух новых хлебозаводов и включить в план 1932 г. строительство двух новых хлебозаводов с таким расчетом, чтобы к концу 1932 г. в основном механизировать хлебопечение Москвы.

Водоснабжение. Несмотря на имеющиеся достижения в расширении водопроводной сети, проводимые до настоящего времени мероприятия не разрешают кардинально всей проблемы обеспечения Москвы водою. Нынешнее состояние Москвы-реки с ее крайне ограниченными водными ресурсами создает уже в ближайшее пятилетие угрозу как для водоснабжения Москвы, так и в особенности для судоходства.

Наряду с проводимыми текущими мероприятиями, обеспечивающими расширение водоснабжения на ближайшие два года, ЦК считает необходимым коренным образом разрешить задачу обводнения Москвы-реки путем соединения ее с верховьем р. Волги и поручает московским организациям совместно с Госпланом и Наркомводом приступить немедленно к составлению проекта этого сооружения с тем, чтобы уже в 1932 г. начать строительные работы по соединению Москвы-реки с Волгой.

Не дожидаясь окончания проекта и работ по соединению Москвы-реки с Волгой, немедленно приступить к осуществлению составной части этих работ — постройки плотины на р. Истре, а также постройки и дополнение к Рублевской станции, новой водофильтрационной станции. Пленум ЦК ставит перед московской организацией задачу добиться к 1935 г. удвоения уровня душевого потребления воды.

Санитарное состояние города. В виду резкого отставания роста канализационной сети от роста города (627 км канализационной сети, при общем протяжении городских улиц свыше 1000 км), пленум ЦК поручает Московскому комитету и Моссовету провести работу в этой области такими темпами, чтобы к 1935 г. привести канализационную сеть в соответствие с протяжением водопроводной сети. ЦК предлагает СНК и ВСНХ обеспечить план расширения канализационной сети трубами.

Предложить Московскому комитету и Моссовету в течение 2—3 лет механизировать все дело очистки города. Поручить ВСНХ организовать производство механизированного коммунального автотранспорта на заводах СССР (для перевозки, поливки, подметания, снегоочистки и т. д.).

В виду того, что количество бань в Москве, несмотря на постройку двух новых бань и расширение установок душа по заводам, совершенно не удовлетворяет потребности населения Москвы, обязать Моссовет, наряду с приведением в порядок, ремонтом и усовершенствованием существующих, приступить к строительству новых бань, с тем, чтобы в этом году начать строительство четырех, а в 1932 г. построить не менее десятка бань в рабочих районах.

ЦК обязывает московские организации широко развернуть работу по развитию зеленых насаждений, разбивке бульваров и скверов, в особенности в рабочих районах, а городские лесные массивы — Сокольники, Петровский парк, Измайловский зверинец и др. — превратить в образцовые парки культуры и отдыха.

Планировка Москвы. Пленум ЦК считает совершенно ненормальным, что Москва не имеет пятилетнего плана развития своего хозяйства и что застройка Москвы проходила стихийно, без общего плана города. Пленум ЦК обязывает московские организации приступить к разработке серьезного научно-обоснованного плана дальнейшего расширения и застройки г. Москвы. При планировке Москвы, как социалистического города, в противоположность капиталистическим городам, не должна допускаться чрезмерная концентрация на небольших участках больших массивов населения, предприятий, школ, больниц, театров, клубов, магазинов, столовых и т. д.

(Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г.)

Жилищно-коммунальное хозяйство Ленинграда

...Наряду с ростом промышленности и связанного с этим увеличения количества рабочих и всего трудового населения возросло и жилищно-коммунальное хозяйство: развивается новое жилищное строительство, значительно расширилось трамвайное хозяйство, проложены новые линии водопровода, канализации и т. д. Эти работы проводятся прежде всего в рабочих районах, что уже обеспечило серьезное улучшение обслуживания нужд рабочих. Значительные и все возрастающие средства расходуются на школьное, больничное, клубное строительство, организацию сети общественного питания, создание все более широкой сети очагов, яслей, клубов, библиотек и т. д.

Тем не менее отмеченные темпы роста коммунально-жилищного хозяйства сильно отстают от бурно растущей промышленности, увеличения кадров рабочих и вообще трудового населения в целом и быстро растущих культурно-бытовых потребностей рабочего класса.

Исходя из этого и общей установки, что «советский рабочий требует обеспечения всех своих материальных и культурных потребностей, и мы обязаны исполнить это его требование» (Сталин), ЦК и Совнарком, в соответствии с решением июньского пленума ЦК ВКП(б) о развитии жилищно-коммунального хзяйства, считают необходимым наряду с Москвой обеспечить в 1932 г. решительный сдвиг вперед во всем жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда.

ЦК и Совнарком ставят перед Ленинградским комитетом партии и Ленинградским советом задачу в 1932 г. приступить к усиленному развертыванию работ по реконструкции городского хозяйства и в первую очередь к разрешению особенно неотложных нужд, а именно: жилищного строительства, городского транспорта и водоснабжения на основе решительного устранения всех недостатков в жилищно-коммунальном хозяйстве, указанных в постановлении июньского пленума ЦК.

ЦК и Совнарком утверждают следующие основные работы по Ленинграду в 1932 г.:

Жилищное хозяйство

1. Определить объем нового жилищного строительства в 1932 г. по Ленинграду как по линии коммунального хозяйства исполкома, так и промышленности и других ведомств — 1 200 000 кв. метров, что должно дать в 4 раза больший прирост жилой площади по сравнению с приростом жилплощади в 1931 г.

2. Программу жилстроительства утвердить по следующим видам:

а) кирпичного — 250 тыс. кв. метров; б) шлакобетонного — 250 тыс. кв. метров; в) надстройки — 100 тыс. кв. метров; г) переустройства и приспособления — 100 тыс. кв. метров; д) деревянного (в пригородной зоне Ленинграда) — 500 тыс. кв. метров.

3. Наряду с установленной программой по новому жилстроительству — предложить ЛК и Ленсовету широко развернуть работы по внутреннему и наружному ремонту старого жилфонда, а также обеспечить со стороны органов жилищно-арендной кооперации усиление ответственности за правильную эксплоатацию арендуемого фонда.

4. В виду недостаточности проводившихся мер по ремонту и обновлению старых зданий (окраска, штукатурка и пр.), разработать и провести специальные меры в отношении этих зданий.

5. Предложить ВСНХ СССР к 15 декабря 1931 г. разверстать по предприятиям и трестам Ленинграда суммы, идущие на жилстроительство по их линии, согласовав с Ленсоветом территориальное размещение нового жилстроительства, осуществляемого органами ВСНХ...

Водоснабжение

В виду недостаточной мощности водопроводных станций и недостаточности сети, особенно в рабочих районах, произвести в 1932 г. следующие основные работы:

1. Увеличить мощность главной водопроводной станции на 90 тыс. кубометров суточной подачи воды.

2. Закончить к началу 1933 г. строительство первой очереди Южной станции мощностью в 160 тыс. куб. м. суточной подачи.

3. Проложить 85 км новой водопроводной сети.

4. Произвести в 1932 г. все подготовительные (проектные, изыскательские) работы по сооружению Ладожского водопровода с тем, чтобы приступить в 1933 г. к осуществлению строительства...

Признавая недостаточность банно-прачечного хозяйства, предложить ЛК и Ленсовету осуществить в 1932 г. строительство 5 бань и 3 банно-прачечных комбинатов с пропускной способностью бань до 400 чел. каждая, а также привести в надлежащее состояние имеющееся банное хозяйство .Одновременно принять меры к развитию домовых прачечных в старом жилфонде и особенно при осуществлении нового жилищного строительства.

(Из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда от 3. XII. 1931 г.)

Жилище и перестройка быта

Успешный ход социалистического строительства, индустриализации страны, в особенности уже на данном этапе, создает необходимые предпосылки для планомерной работы по перестройке быта на социалистических началах. Энтузиазм рабочих масс в деле скорейшего выполнения пятилетки начинает захватывать и область быта. На ряде предприятий создаются бытовые бригады, вступающие в соцсоревнование с кооперацией, принимающие шефство и контроль над постановкой общественного питания, детских яслей, садов и пр.

Партийные организации должны всемерно помочь этому движению и идейно его возглавить. Советы, профсоюзы и кооперация на местах должны взять на себя практическое разрешение задач, связанных с этим делом. К отдельным начинаниям рабочих, принимающихся за перестройку быта, необходимо отнестись с величайшим вниманием, тщательно изучая ростки нового и всячески помогая их проведению в жизнь.

ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей (Ю. Ларин, Сабсович и др.) «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрейшей индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта. К таким попыткам некоторых работников, скрывающих под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность, относятся появившиеся за последнее время в печати проекты перепланировки существующих городов и постройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др. Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта.

Поэтому ЦК постановляет:

1. Предложить СНК Союза в 15-дневный срок дать указания о правилах постройки рабочих поселков и отдельных жилых домов для трудящихся. Эти указания должны предусматривать развертывание общественного обслуживания быта трудящихся (прачечные, бани, фабрики-кухни, детские учреждения, столовые и пр.) как в новостроящихся, так и в существующих городах и поселках.

2. При строительстве рабочих поселков при новых крупных предприятиях (Сталинградстрой, Днепрострой, Магнитострой, Челябстрой и др.) обеспечить достаточную зеленую полосу между производственной и жилой зонами, пути и средства сообщения и предусмотреть оборудование этих поселков водопроводом, электрическим освещением, банями-прачечными, общественными столовыми, детскими учреждениями, клубами, школами и медпомощью. В новом строительстве должны быть

максимально обеспечены доступные гигиенические условия и удобства, а также необходимо принять все меры к максимальному удешевлению строительства.

3. Обратить внимание всех парторганизаций на необходимость, в соответствии с этими задачами, значительно усилить работы по максимальной мобилизации средств самого населения для жилищного строительства через жилищно-строительную кооперацию.

4. В виду существующего разнобоя в финансировании хозорганами и профорганизациями различных культурно-бытовых учреждений, поручить Наркомтруду СССР и ВЦСПС, совместно с кооперацией, принять срочные меры к упорядочению и усилению финансирования перестройки быта.

5. Поручить комиссии по перестройке быта при НК РКИ СССР наблюдение за выполнением настоящего постановления.

6. Предложить СНК СССР дать директиву ВСНХ СССР расширить, начиная с этого хозяйственного года, производство оборудования для обслуживания быта трудящихся (фабрики-кухни, механизированные прачечные, общественные столовые и пр.) и рассмотреть вопрос об увеличении финансирования мероприятий по перестройке быта.

(Постановл. ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г.)

VI. СОЦИАЛЬНАЯ ПАТОЛОГИЯ

Капитализм — источник нищеты, болезней и вырождения

Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза, — союза земледелия и промышленности на основе их антагонистически развитых форм. Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое оно сосредоточивает в крупных центрах, накопляет тем самым, с одной стороны, силу исторического движения общества, а с другой стороны оно препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Благодаря этому оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и интелектуальную жизнь сельских рабочих. Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство вынуждает восстановить его уже систематически, в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека. Как в промышленности, и в земледелии капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время мартирологом [историей страданий] производителей, средство труда — средством порабощения, средством эксплоатации и пауперизации рабочего, общественная

комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизни, свободы и самостоятельности. Рассеяние сельских рабочих на большой площади сламывает силу их сопротивления, между тем как концентрация городских рабочих увеличивает ее.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 14)

Разделение общества на крупных капиталистов и лишенных всякого имущества пролетариев совершалось с постоянно возраставшей быстротой, разрушая промежуточные состояния. Устойчивый средний класс старого времени превратился теперь в колеблющуюся, неустойчивую массу ремесленников и мелких торговцев, ведущих необеспеченный образ жизни и составляющих наиболее текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным, при данных условиях, способом производства, а между тем он успел уже породить вопиющие общественные бедствия. Масса бездомного населения скопилась в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушились традиционные связи, патриархальный семейный быт, даже самая семья; крайнее удлинение рабочего дня изнуряло непосильной работой по преимуществу детей и женщин; испорченность нравов в среде рабочего населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия существования, из деревни в город, из земледелия в промышленность, достигла поражающих размеров.

(Ф. Энгельс — «Развитие соц. от утопии к науке»)

Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма.

(Ленин — «Разногласия в европейском рабочем движении» т. IV, изд. 3)

Депутат Тихвинский говорит, что странной кажется крестьянину продажа земли, воды или воздуха. Я понимаю, что у людей, живущих всю жизнь или почти всю жизнь в деревне, должно было сложиться такое воззрение. Но бросьте взгляд на все современное капиталистическое общество, на крупные города, на железные дороги, на шахты и рудники, фабрики и заводы. Вы увидите, как десятки и сотни тысяч рабочих осуждены на лишение свежего воздуха, на работу под землей, на жизнь в подвалах, на употребление испорченной соседством фабрик воды. Вы увидите, как бешено растут цены на землю в городах и как эксплоатируется рабочий не только фабрикантами и заводчиками, но также и домовладельцами, которые, как известно, наживаются гораздо

больше на квартирах, каморках, углах и трущобах, населенных рабочими, чем на богатых квартирах. Да что говорить о купле-продаже воды, воздуха и земли, когда все нынешнее общество только и держится, что куплей-продажей **рабочей силы**, т. е. **наемным рабством** миллионов людей!

(Ленин — «Проект речи по аграрному вопросу во 2-й Гос. Думе» т. XI, изд. 3)

Какой славный ряд болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии! Женщины лишаются способности рожать, калечатся дети, ослабляется организм мужчин, дробятся, отрываются члены тела, целые поколения гибнут, зараженные всевозможными болезнями и бессилием — и все это для того, чтобы набивать карманы буржуазии. Если же читать о варварстве отдельных случаев, читать о том, как надсмотрщики выгоняют детей из постелей голыми, как они гонят их ударами на фабрики с платьем в руках (напр. Stuart, p. 38 etc.), как кулаками прогоняют у них сон, как они при всем том засыпают за работой, как несчастный ребенок, заснувший за работой, и после того, как машина была остановлена, после окрика надсмотрщика вскочил и с закрытыми глазами стал проделывать обычные приемы своей работы; если читать о том, как дети, слишком усталые для того, чтобы итти домой, забирались в сушильни и, спрятавшись под шерстью, укладывались спать и, как только ударами ремней их можно было оттуда выгнать; если читать о том, как сотни детей каждый вечер приходили домой настолько уставшими, что от желания спать и недостатка аппетита не могли съедать свой ужин, что родители находили их на коленях у постелей, где они заснули во время молитвы; если читать обо всем этом и о сотне других подлостей и мерзостей, и читать в отчете, все показания которого даны под присягой, потверждены многими свидетелями, людьми, которых сами комиссары признали достойными доверия, если принять во внимание, что сам отчет-то «либеральный», буржуазный, составленный для того, чтобы предупредить торнев и доказать голубиную чистоту фабрикантов, что сами комиссары на стороне буржуазии и записывали все показания против собственной воли; если все это читать, все это принять во внимание, чье сердце не загорится негодованием, ненавистью против этого класса, который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как единственно, что для него важно, это набивать карманы во что бы то ни стало.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, возникшее, выражаясь исторически, всего лишь со вчерашнего дня, уже успело в самый корень подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением примитивно-крепких элементов деревни, и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и безграничное господство среди них принципа естественного отбора, благодаря которому выживают лишь

наиболее сильные индивидуумы.[1] Если капитал имеет столь «достаточные основания» отрицать страдания современного поколения рабочих, то перспектива будущего вырождения человечества, т. е. в конце-концов, неизбежного его вымирания, так же мало влияет на его практическую деятельность, как соображения относительно возможности падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. Après moi le deluge! [После нас хоть потоп] — вот лозунг каждого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению.[2] На жалобы относительно физического и духовного искалечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. Свободная конкуренция дает знать отдельному капиталисту об имманентных законах капиталистического производства, как о принудительном внешнем законе.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 8)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Эпидемии в ранний период капитализма

Труд перехожих рабочих употребляется при различных строительных и канализационных операциях, производстве кирпичей, обжигании извести, постройке железных дорог и т. д. Как столп, указующий дорогу заразе, эти рабочие приносят оспу, тиф, холеру, скарлатину и т. д. во все места, по соседству с которым они располагаются лагерями. В предприятиях с значительными затратами капитала, как при постройке железных дорог и т. д., предприниматель обыкновенно сам доставляет своей армии деревянные бараки и т. п., — быстро создаваемые деревни без всяких санитарных приспособлений, не подчиненные контролю местных властей, очень выгодные для господина подрядчика, который вдвойне эксплоатирует рабочих: и как промышленных солдат и как нанимателей. Смотря по тому, сколько конур помещается в деревянной постройке, одна, две или три, жильцу, т. е. землекопу и т. п., приходится платить за нее 1, 3, 4 шиллинга в неделю.

Достаточно будет одного примера. В сентябре 1864 г., — сообщает Dr. Simon, — министром внутренних дел сэром Джорджем Греем было получено следующее донесение от председателя Nuisance Removal Committee [комитет по устранению антисанитарных условий] в приходе Sevenoaks: «Еще 12 месяцев тому назад оспа была совершенно неизвестна в нашем приходе. Незадолго до этого времени открылись работы по постройке железной дороги от Lewisham до Tunbridge. Не говоря уже о том, что главные работы производились в непосредственном соседстве с этим городом, в нем был устроен также и главный склад всего предприятия. Поэтому здесь было занято большое число рабочих. Так как невозможно было всех их поместить в коттэджах, то подрядчик, г. Jay, распорядился построить вдоль дороги на различных пунктах бараки для расквартирования рабочих. В этих бараках не было ни вентиляции, ни стоков, и притом они были по необходимости переполнены, потому что каждому нанимателю приходилось брать других жильцов, как бы многочисленна ни была его собственная семья и несмотря на то, что в каждом бараке было всего две комнаты. Согласно медицинскому отчету, полученному нами, следствием было то, что этим несчастным приходилось по ночам подвергаться всем мукам удушения, чтобы предохранить себя от зачумленных испарений грязных луж и отхожих мест, расположенных прямо под окном. Наконец, нашему комитету была подана жалоба одним врачом, который имел случай посетить эти бараки. Он в самых горьких выражениях говорил о положении этих так называемых жилых помещений и опасался очень серьезных последствий в том случае, если не будут приняты некоторые санитарные меры. Почти год тому назад упомянутый Jay обязался построить дом, в который немедленно следует удалять занятых у него рабочих при заболевании заразными болезнями. В конце прошлого июля он повторил это обещание, но для исполнения его он не предпринял ни малейшего шага, хотя с того времени было несколько случаев оспы и два смертных случая от нее. 9 сентября врач Kelson сообщил мне о новых случаях оспы в этих бараках, положение в которых, по его описанию, ужасное. К вашему (министра) сведению я должен добавить, что в нашем приходе имеется изолированный дом, так называемый заразный дом, в котором лечат прихожан, заболевающих заразными болезнями. Вот уже несколько месяцев, как этот дом постоянно переполнен больными. В одной семье пять детей умерло от оспы и «лихорадки. С 1 апреля по 1 сентября текущего года было не меньше 10 смертных случаев от оспы, в том числе 4 в упомянутых бараках, источниках заразы. Число случаев заболеваний определить невозможно, потому что семейства, в которых они происходят, стараются скрывать их насколько возможно».

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 23)

[1] См. „Public Health. Sixth Report of the Medical Officer of the Privy Council 1863». Опубликовано в Лондоне в 1864 г. Этот отчет трактует как-раз о земледельческих рабочих. «Графство Sutherland изображали как такое, в котором сделаны серьезные улучшения, однако недавнее исследование показало, что в округах этого графства, когда-то столь славившихся красотою мужчин и храбростью солдат, население выродилось в худосочную и захиревшую расу. В наиболее здоровых приморских местностях, расположенных по склонам холмов, лица детей так худы и бледны, как могли бы они быть только в гнилой атмосфере какого-нибудь лондонского закоулка» (Thornton „Overpopulation and ist Remedy. London 1846», p. 74,75). Они в сущности похожи на те 30 000 „gallant Highlanders" (бравых горцев), которых Глазго сбивает в одну кучу вместе с проститутками и ворами в своих wynds-cosles (трущобах и вертепах).

[2] «Хотя здоровье населения является столь важным элементом национального капитала, мы боимся, что, как приходится признать, капиталисты совсем не расположены хранить и ценить это сокровище... Бережное отношение к здоровью рабочих было вынуждено у фабрикантов» („Times", 5 ноября 1861 г.). «Мужчины West Riding'a превратились в суконщиков для всего человечества... Здоровье рабочего населения было принесено в жертву, и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не наступила реакция. Часы детского труда были ограничены и т. д.» („Report of the Registral General for Oktober 1861").

Холера очень серьезно засвидетельствовала нам (я подразумеваю: лондонцам) свое почтение; отчет д-ра Хентера о «Housing of Povt» [1] в VIII докладе «Board of Health», [2] появившемся на прошлой неделе, может послужить мадам Холере путеводителем, который укажет ей, куда ей являться со своими визитами.

(К. Маркс — Ф. Энгельсу 27 июля 1866 г. Из переписки Маркса и Энгельса. Сочинения — т. XXIII)

Современное естествознание показало, что так называемые «дурные кварталы», в которых скучены рабочие, представляют очаги всех тех эпидемий, которые периодически посещают наши города. Холера, тиф и тифозная горячка, оспа и другие заразные болезни распространяют свои бактерии в зачумленном воздухе и отравленной воде этих рабочих кварталов; там они почти никогда не исчезают, развиваются, едва только условия позволяют это, в эпидемические массовые болезни и выходят за пределы своих очагов в более богатые воздухом и здоровые части города, населенные господами капиталистами. Господа капиталисты не могут безнаказанно доставлять себе удовольствие обрекать на эпидемические заболевания рабочий класс; последствия падают на них самих, и смерть косит свои жертвы среди капиталистов так же беспощадно, как среди рабочих.

С тех пор, как наука установила этот факт, человеколюбивые буржуа возгорелись пламенным соревнованием в заботах о здоровье своих рабочих. Учреждаются общества, пишутся книги, создаются проекты, обсуждаются и издаются законы с целью уничтожить источники все повторяющихся эпидемий. Жилищные условия рабочих стали подвергаться обследованиям и были сделаны попытки исправить самые вопиющие недостатки.

(Энгельс — «Жилищный вопрос»)

Разделение труда при капитализме калечит рабочего

Разделение труда в капиталистической мануфактуре ведет к уродованию и калечению рабочего, — в том числе и детальщика-«кустаря». Появляются виртуозы и калеки разделения труда, первые — как редкостные единицы, возбуждающие изумление исследователей, [3] вторые — как массовое появление «кустарей» слабогрудых, с непомерно развитыми руками, с «односторонней горбатостью» [4] и т. д., и т. д.

(Ленин — «Развитие капитализма в России» т. III, изд. 3)

---

[1] «Жилищах бедняков».

[2] Медицинского департамента.

[3] Ограничимся двумя примерами: знаменитый павловский замочник Хворов делал замки по 24 штуки на золотник; отдельные части таких замков доходили до величины булавочной головки (Лабзин, I, с., 44). Один игрушечник Московской губ. почти всю свою жизнь стоял на отделке запряжных коней и дошел до того, что в день отделывал до 400 штук (Сб. ст. св. по Моск. губ., т. VI, в. II, с. 38—9).

[4] Так характеризует г. Григорьев павловских кустарей. «Мне встретился один из таких рабочих..., работающий 6 лет у одних и тех же тисков и простоявший своей голой левой ногой углубление больше чем в полтолщины половой доски; он с горькой иронией говорил, что хозяин хочет прогнать его, когда он простоит доску насквозь» (я. с., с. 108 — 109).

Разделение труда, проведенное здесь до мельчайших деталей (напр. в изготовлении иголок), как и применение паровой силы, дают возможность дать работу множеству женщин и детей, и мы здесь находим (согласно отчету Ch. E. Rept.) те же черты, которые нам знакомы уже из фабричного отчета: работу женщин до самых родов, неспособность их вести домашнее хозяйство, запущенность этого хозяйства и отсутствие надзора за детьми, равнодушие и даже апатию к семейной жизни и общую деморализацию, вытеснение мужчин из этой области труда, постоянное усовершенствование машин, раннюю самостоятельность детей, мужчин, живущих на счет жен и детей и т. д. Дети, по словам отчета, подуголодны и оборваны. **Половина их не знает, что значит быть сытым,** многие живут целый день таким количеством хлеба, какое можно купить за один пенс (около 4 копеек) или до обеда не получают никакой пищи; бывали даже случаи, когда дети с восьми часов утра до семи часов вечера не получали никакой пищи. Одежда их очень часто едва прикрывает их наготу; многие даже зимою ходят босиком. Поэтому, они все малы и слабы для своего возраста и редко развиваются более или менее сильными. Если еще принять во внимание, что при столь скудных средствах восстановления физических сил им приходится совершать тяжкий продолжительный труд в душных помещениях, будет вполне понятно, почему в Бирмингаме оказывается так мало взрослых людей, годных для военной службы. «Рабочие, — говорит один из врачей, свидетельствующих рекрутов, — малы, худы и очень слабосильны, и у многих еще наблюдается искривление грудной кости и позвоночника». По свидетельству одного унтер-офицера, присутствовавшего при наборе рекрутов, мужчины в Бирмингаме меньшего роста, чем где бы то ни было, и большей частью бывают не больше 5 футов 4—5 дюймов, и из 613 принятых солдат только 238 оказались годными.

В Стаффордшире, округе железоделательной промышленности, положение вещей еще хуже. Производится здесь главным образом грубый железный товар, а в этой отрасли труда невозможны ни особенно большое разделение труда (за некоторыми исключениями), ни применение паровой силы и машин. Поэтому здесь, — в Вольвергамптоне, Вилленгале, Бильстоне, Седглее, Веднесфильде, Дарластоне, Дудлее, Валсале, Веднесбёри и других — фабрик немного, а очень много мелких кузниц, в которых работают мелкий мастер с одним или несколькими учениками, которые служат у него до 21 года. Положение мелких мастеров приблизительно то же, как в Бирмингаме, но ученикам живется большей частью гораздо хуже. Кормят их почти исключительно мясом от больных или павших животных, гнилым мясом, гнилой рыбой, мясом выкидышей-телят или задохшихся в железнодорожном вагоне свиней. И так делают не только мелкие мастера, но и более крупные фабриканты, у которых работают 30—40 учеников. В Вольвергамптоне это составляет, повидимому, общее явление. Естественным следствием такого питания являются частые желудочные и другие заболевания. Дети редко наедаются досыта, не менее редко имеют лишнюю одежду, кроме рабочего костюма, так что уже по одной этой причине не могут посещать воскресную школу. Жилища плохи и грязны, часто до того плохи, что они становятся очагами болезней и, несмотря на то, что самый труд бывает большей частью здоровым, дети малого роста, плохо сложены, слабы и во многих случаях страшно изуродованы работой. В городе Вилленгале,

напр., есть множество людей, которые от вечной работы у токарного станка получили горб и **одну** искривленную ногу — hind-leg, как они это называют по английски, так что ноги имеют форму буквы к; кроме того по меньшей мере треть тамошних рабочих страдает грыжей. Здесь, как и в Вольвергамптоне, очень часты случаи запоздавшей возмужалости, как у девушек, и они работают в кузницах! — так и у юношей, и это запаздывание часто достигает 19-летнего возраста. — В городе Седглее и его окрестностях, где изготовляются почти исключительно гвозди, люди живут и работают в жалких хижинах, похожих на хлевы и грязных до невероятности. Девочки и мальчики берутся за молот с 10—12-летнего возраста и только тогда считаются настоящими рабочими, когда они изготовляют 1000 гвоздей в день. За 1200 гвоздей они получают 5¾ п. Каждый гвоздь требует 12 ударов молота, а так как молот весит 1¼ фунта, то рабочему, чтобы заработать эту жалкую плату, приходится поднять 18 000 фунтов. При таком тяжелом труде и недостаточном питании дети не могут не стать малорослыми и слабыми, что и подтверждается свидетельствами комиссаров. О состоянии просвещения в этом округе мы тоже дали уже некоторые сведения выше. Оно здесь в невероятно плачевном состоянии: половина всех детей не посещает даже воскресной школы, а вторая половина посещает их крайне неаккуратно; очень немногие сравнительно с другими округами умеют читать и еще менее писать. И в этом нет ничего удивительного: на седьмом-десятом году, т. е. как-раз в ту пору, когда они могли бы с пользой начать посещение школы, дети принимаются уже за работу, а учителя воскресных школ — из кузнецов или рудокопов — часто сами едва умеют читать и не умеют подписывать даже свою фамилию. Нравственный уровень вполне соответствует этим воспитательным средствам. В городе Вилленгале, — говорит комиссар Горн, подтверждая свои слова множеством примеров, — рабочее совершенно не имеют нравственного чувства. Дети не сознают своих обязанностей по отношению к родителям и совершенно к ним не привязаны. Они были так мало способны рассуждать, так тупы и глупы, что, работая 12—14 часов в сутки, одетые в лохмотья, не надеясь досыта и получая побои, которые они чувствовали еще через несколько дней, они часто говорили, что обращение с ними хорошее, и что им живется превосходно. Они не знали никакого другого образа жизни, работали с утра до самого вечера, пока им не разрешали прекратить работу, и совершенно не понимали вопроса, которого они никогда не слыхали до этого: не устали ли они? (Horne, Rept, and evid).

В **Шеффильде** вознаграждение лучше, а потому лучше и внешнее положение рабочих. Но зато здесь следует отметить некоторые отрасли труда, чрезвычайно вредно влияющие на здоровье рабочих. При некоторых операциях инструменты постоянно давят на грудь, что часто вызывает чахотку: другие, как, напр., изготовление напильников, мешает общему развитию тела и вызывает желудочные заболевания; вырезывание костяных ручек (для ножей) вызывает головные боли, разлитие желчи, а у девушек, которые часто занимаются этой работой — малокровие. Но самым вредным для здоровья трудом является оттачивание ножей и вилок, влекущее за собой неминуемую раннюю смерть, в особенности, если работа совершается на сухом камне. Работа эта столь вредна, отчасти потому, что приходится работать в согнутом положении, в котором грудь и желудок подвергаются постоянному давлению, отчасти по-

тому, что при оттачивании от металла отделяется масса острой металлической пыли, наполняющей атмосферу и попадающей в легкие. Точильщики на сухом камне в среднем едва доживают до 35 лет, а точильщики на мокром камне редко живут дольше 45 лет. Д-р Кнайт в Шеффильде говорит: «Чтобы хоть до некоторой степени ясно охарактеризовать вред от этой работы, я должен сказать, что горьчайшие пьяницы среди точильщиков — самые долговечные среди них, потому что они меньше других остаются за работой. Всего в Шеффильде насчитывается около 2500 точильщиков. Около 150 из них (80 взрослых мужчин и 70 мальчиков) оттачивают вилки: они умирают обыкновенно в возрасте от 28 до 32 лет. Точильщики бритв, работающие как на сухом, так и на мокром камне, умирают между 40 и 45 годами, а точильщики столовых ножей, работающие на мокром камне, умирают между 45 и 50 годами». — Тот же врач следующим образом описывает течение их болезни, так называемой астмы точильщиков: «Начинают они работать обыкновенно на четырнадцатом году, и если организм у них вполне здоров, они до двадцатого года особых недомоганий не чувствуют, затем начинают обнаруживаться симптомы этой своеобразной болезни: при самом малейшем напряжении, при поднятии на лестницу или на гору, они задыхаются; чтобы облегчить постоянную все усиливающуюся одышку, они высоко поднимают плечи, всегда наклоняются вперед и вообще чувствуют себя, повидимому, всего лучше в том наклоненном положении, в каком им приходится работать; цвет лица их становится грязно-желтым, черты лица выражают страх, они жалуются на стеснение в груди, голос становится глухим и хриплым, и они громко кашляют, и кашель их звучит, как из пустой бочки; от поры до времени они отхаркивают большое количество пыли, смешанной с мокротой или в виде цилиндрических или шарообразных масс, покрытых тонким слоем мокроты. Вскоре затем появляется кровохаркание, неспособность лежать, ночной пот, понос, необычайное исхудание всего тела со всеми обычными симптомами легочной чахотки, и, промучавшись многие месяцы и часто годы, неспособные ничего заработать ни для себя, ни для своей семьи, они, наконец, умирают. Мне остается еще прибавить, что все предпринятые до сих пор попытки предупредить и излечить эту астму потерпели полную неудачу». Это было написано десять лет тому назад. С тех пор число точильщиков, как и распространение болезни, значительно возросли, но были предприняты попытки предупредить болезнь устройством закрытых точильных камней и удалением пыли при помощи тяги. Попытки эти удались, по крайней мере, отчасти, но сами точильщики не желают этих усовершенствований, и в некоторых местах даже разбивали их: они боятся, чтобы это не привлекло больше рабочих к их делу и не понизило их заработную плату; они предпочитают «короткую, но веселую жизнь». Д-р Кнайт часто говаривал точильщикам, являвшимся к нему с первыми симптомами астмы: вы умрете, если вернетесь к точильному камню. Но его никогда не слушались; кто раз стал точильщиком, тому и море по колено, как будто он продал душу свою чорту. — Образование стоит в Шеффильде на очень низкой ступени. Один священник, долго занимавшийся статистикой образования, полагал, что из 16 500 детей рабочего класса, которые в состоянии посещать школу, умеют читать не более 6500 человек. Объясняется это тем, что дети на седьмом и — самое позднее — на двенадцатом году оставляют школу, и что учителя никуда не годятся; один

из них был пойманным на месте вором, который по выходе из тюрьмы не нашел никакого другого средства пропитания, кроме учительства.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Сбережение капитала за счет здоровья рабочего

«При конкуренции, господствующей между владельцами каменноугольных шахт, не делается иных затрат, кроме тех, которые необходимы для того, чтобы преодолеть самые очевидные физические трудности; а при конкуренции между рабочими-шахтерами, которые имеются обыкновенно в избытке, рабочие эти охотно подвергают себя значительным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседних поденщиков, так как работа в шахтах позволяет между прочим с выгодой использовать и своих детей. Этой двойной конкуренции совершенно достаточно для того... чтобы работы в большинстве копей велись при самой несовершенной осушке и вентиляции, часто в плохо устроенных шахтах, с плохими скрепами, неподготовленными машинистами, с плохо проложенными и плохо отстроенными штольнями и откатными путями; разрушение жизни и здоровья, увечья рабочих — таковы результаты, статистика которых представила бы ужасающую картину» (First Report on Children's Employment in Mines and Collieries etc. 21 April 1829, p. 102). Около 1860 г. в английских каменноугольных копях еженедельно убивалось в среднем 15 человек. По данным отчета Coal Mines Accidents (6 февр. 1862 г.) за десять лет с 1852 по 1861 гг. было убито в общей сложности 8466 человек. Число это, однако, много меньше действительного, как указывает и сам отчет, так как в первые годы, когда фабричные инспектора были только что учреждены, а подлежащие их надзору округа были слишком обширны, о многих несчастных и смертных случаях вовсе не заявлялось. Естественная тенденция капиталистической эксплоатации лучше всего обнаруживается именно в том, что, несмотря на недостаточное число и незначительную власть фабричных инспекторов, количество несчастных случаев сильно уменьшилось с учреждением инспекции, хотя и в настоящее время избиение рабочих совершается еще в очень крупных размерах. Эти человеческие жертвы являются в большинстве случаев результатом гнусной скаредности владельцев копей, которые, напр., зачастую делают только одну шахту, благодаря чему не только невозможна никакая действительная вентиляция, но невозможен также выход наружу, раз этот единственный путь засыпан.

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и опустошений, вызываемых конкуренцией, относится крайне бережно к труду, уже осуществленному, воплощенному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только благодаря колоссальному расточению индивидуального развития обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества. Так

как вся экономия, о которой здесь идет речь, вытекает из общественного характера труда, то фактически именно этот непосредственно общественный характер труда и вызывает это расточение жизни и здоровья рабочего. Характерным в этом отношении является вопрос, поставленный уже фабричным инспектором Б. Бекером: «Весь вопрос, вызывающий на серьезные размышления, состоит в том, каким образом лучше всего предотвратить **жертвы детской жизнью, обусловленные комбинированным** (congregational) трудом?» (Rep. Fact., Oct. 1863, p. 157).

Фабрики. Сюда относится отсутствие всех предохранительных мер, обеспечивающих безопасность, удобство и здоровье рабочих на фабриках в собственном смысле этого слова. Большая часть боевых бюллетеней, исчисляющих раненых и убитых в промышленной армии (см. ежегодные фабричные отчеты), исходит именно отсюда. Точно так же недостаток места, воздуха и т. д.

Еще в октябре 1855 г. Леонард Горнер жаловался на сопротивление, оказываемое значительным числом фабрикантов, требованиям закона относительно предохранительных приспособлений к горизонтальным валам, несмотря на то, что опасность постоянно доказывается все новыми несчастными случаями, часто со смертельным исходом, и что приспособления эти стоят недорого и никак не могут мешать производству (Rep. Fact., Oct. 1855, p. 6). В своем сопротивлении этому и другим постановлениям закона фабриканты нашли дружескую поддержку со стороны бесплатно отправляющих свою обязанность мировых судей, которые, в большинстве случаев, сами фабриканты или друзья фабрикантов, должны были решать судебные дела подобного рода. Какого сорта приговоры постановляли эти господа, видно, из слов высшего судьи Кемпбеля, сказанных им по поводу одного из таких приговоров, поступивших на его рассмотрение по апелляционной жалобе: «Это не истолкование парламентского акта, а простая его отмена» (l. c., p. 11). В том же самом отчете Горнер рассказывает, что на многих фабриках машины приводятся в движение без предварительного предупреждения об этом рабочих. Так как и на остановленной машине всегда найдется какая-нибудь работа, причем руки и пальцы неизбежно приходят с ней в соприкосновение, то в данном случае, благодаря простой неподаче сигнала, постоянно происходят несчастные случаи (l. c., p. 44). Манчестерские фабриканты образовали в то время с целью противодействия фабричному законодательству трэд-юнион, так называемую «National Association for the Amendment of the Factory Laws», который в марте 1855 г. при помощи сбора 2 шилл. с лошадиной силы собрал сумму свыше 50 000 ф. ст., предназначенную для оплаты судебных издержек членов в случае возбуждения дел фабричными инспекторами и для ведения процессов за счет союза. Задачей было поставлено доказать, что, раз дело идет о прибыли, «killing no murder» («убить еще не значит быть убийцей»). Шотландский инспектор, сер Джон Кинкэрд, рассказывает, что одна глазговская фирма снабдила все свои машины на фабрике предохранительными приспособлениями из старого железа, что обошлось ей в 9 ф. ст. 1 шиллинг. Если бы она присоединилась к вышеупомянутому союзу, ей пришлось бы за свои 110 лошадиных сил уплатить 11 ф. ст. взносов, т. е. более чем стоили для нее все предохранительные приспособления. Тем не менее в 1854 г. была основана национальная ассоциация фабрикантов с решительно выраженной целью противиться закону, предписывающему подобного

рода предохранительные приспособления. За все время с 1844 до 1854 гг. фабриканты не обращали на закон ни малейшего внимания. Фабричные инспектора по предписанию Пальмерстона заявили фабрикантам, что отныне закон будет применяться со всей строгостью. Тотчас же фабриканты основали свою ассоциацию, среди видных членов которой было много мировых судей, обязанных по своей должности следить за применением закона. В апреле 1855 г. новый министр внутренних дел, сер Джордж Грей, обратился к фабрикантам с компромиссным предложением, согласно которому правительство обещалось удовольствоваться почти исключительно минимальным исполнением закона о предохранительных приспособлениях; однако ассоциация с негодованием отвергла и это предложение. Известный инженер Томас Фэрбэрн поставил на карту свою репутацию, выступая в различных процессах экспертом-защитником экономии и нарушенной свободы капитала. Глава фабричной инспекции Леонард Горнер подвергался со стороны фабрикантов всякого рода преследованиям и неприятностям.

Фабриканты не успокоились до тех пор, пока не добились решения Court ot Queens Bench («суда королевской скамьи»), по толкованию которого закон 1844 г., не обязывает устраивать предохранительные приспособления для горизонтальных валов, поднятых над уровнем пола более чем на 7 футов. В 1856 г. им удалось, наконец, при посредстве ханжи Вильсона Паттена, — одного из тех благочестивых людей, показная религия которых всегда готова выполнять черную работу в угоду рыцарям денежного мешка, — провести в парламент закон, которым они пока что могли удовольствоваться. Закон этот фактически лишил рабочих всякой специальной защиты, предоставив им при несчастных случаях, причиненных машинами, искать вознаграждения в обычных судах (прямая насмешка при английской высоте судебных издержек); с другой стороны, он при помощи весьма крючкотворных постановлений о производстве экспертизы сделал для фабрикантов почти невозможным проиграть процесс. В результате число несчастных случаев быстро возросло. За полугодие с мая по октябрь 1858 г. инспектор Бекер отметил повышение числа несчастных случаев на 21% по сравнению с одним только предшествующим полугодием. 36,7% всех несчастных случаев, по его мнению, могли бы быть предупреждены. С другой стороны, по сравнению с 1845 и 1846 гг. число несчастных случаев в 1858 и 1859 гг. значительно уменьшилось, а именно на 29%, несмотря на то, что число рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции, возросло на 20%. В чем же причина этого? Поскольку этот вопрос, возбуждающий такую борьбу, разрешен до настоящего времени (до 1865 г.), он разрешен, главным образом, благодаря введению новых машин, которые с самого начала делаются с готовыми предохранительными приспособлениями и с которыми фабрикант мирится, так как они не требуют от него добавочных издержек. Кроме того, отдельным рабочим удалось получить по суду крупное вознаграждение за потерянные руки; успешно проведя дело до высшей инстанции (Rep. Fact., 30 April 1861, p. 31; также April 1862, p. 17).

Этим мы ограничимся в вопросе об экономии на средствах, обеспечивающих жизнь рабочих (среди которых много детей) от опасностей, и организм от увечий непосредственно обусловленных работой при машинах.

Работа в закрытых помещениях вообще. Известно, в какой сильной степени экономия на пространстве, а следовательно, на строениях способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность. Нижеследующие иллюстрации взяты из отчета о состоянии общественного здоровья (Public Health, 6-th Rep. 1863); отчет составлен доктором Джоном Симоном, хорошо известным читателю из первой книги этой работы.

Соединение многих рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и при таких обстоятельствах, когда решающую роль играет не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

Доктор Симон устанавливает следующее общее правило, доказывая его массовыми статистическими данными. «В прямом отношении к тому, насколько население данной местности вынуждено прибегать к совместному труду в закрытых помещениях, растет при прочих равных условиях норма смертности данного округа вследствие легочных заболеваний» (p. 23). Причина — дурная вентиляция. «И, по всей вероятности, во всей Англии нет ни одного исключения из того общего правила, что в каждом округе, где имеется значительная промышленность, сосредоточенная в закрытых помещениях, повышеннаая смертность рабочих этой промышленности представляет достаточную величину, чтобы окрасить всю статистику смертности данного округа решительным преобладанием легочных болезней» (p. 24).

Статистика смертности в отраслях промышленности, в которых работы производятся в закрытых помещениях и которые в 1860 и 1861 гг. подверглись исследованию со стороны санитарного надзора, дает следующие результаты.

На то же самое число мужчин 15—55-летнего возраста, на которые в земледельческих округах Англии падает 100 смертных случаев от чахотки и других легочных заболеваний, приходится: в Ковентри — 163 смертных случая от чахотки, в Блэкберне и Скиптоне — 167, в Кингстоне и Брадфорде — 168, в Лейстере — 171, в Лике — 182, в Миккльсфильде — 184, в Больтоне — 190, в Ноттингэме — 192, в Рочдэле — 193, в Дерби — 198, в Сальфорде и Аштоне на Лайне — 203, в Лидсе — 218, в Престоне — 220 и в Манчестере—263 (p. 24). Нижеследующая таблица дает еще более поразительный пример. Она приводит смертные случаи от легочных болезней отдельно для обоих полов в возрасте от 15 до 25 лет, вычисленные на каждые 100 000 жителей. Избраны такие округа, в которых только женщины заняты промышленным трудом, сосредоточенным в закрытых помещениях, мужчины же заняты в самых разнообразных отраслях труда.

Округа	Главная промышленность	Число смертных случаев от легочных заболеваний в возрасте 15—25 л. на 100 000 жителей	
		Муж.	Жен.
Berkhampstead	Плетение из соломы, работают женщины	219	578
Leighton Buzzard	Плетение из соломы, работают женщины	509	554
Newport Pagnell	Плетение кружев женщинами	301	617
Towcester	Плетение кружев женщинами	259	577
Yeovil	Перчаточное производство, работают преимущественно женщины	280	409
Leek	Шелковая промышленность, преобладают женщины	437	856
Congleton	Шелковая промышленность, преобладают женщины	566	790
Macclesfield	Шелковая промышленность, преобладают женщины	593	890
Здоровая сельская местность	Земледелие	331	333

В округах с шелковой промышленностью, где участие мужчин в фабричной работе значительнее, сильнее также и смертность среди них. Норма смертности от чахотки и т. п. обнаруживает здесь, как гласит отчет, «возмутительные (atrocious) санитарные условия, при которых ведется значительная часть нашей шелковой промышленности». И это как-раз та самая шелковая промышленность, фабриканты которой, указывая на исключительно благоприятные санитарные условия своего производства, требовали и отчасти добились исключительно продолжительного рабочего времени для детей ниже 13-летнего возраста (см. кн. 1, гл. VIII, 6).

«Несомненно, ни одна из исследованных до сих пор отраслей промышленности не дает столь печальной картины, как портняжный промысел, обрисованный с этой стороны доктором Смитом... Мастерские, говорит он, весьма различны в санитарном отношении; но почти все они переполнены, плохо проветриваются и в высшей степени нездоровы... Такие комнаты, кроме того, неизбежно душны; а когда зажигают газ, как это делается днем во время тумана или зимними вечерами, температура достигает 80 и даже 90 градусов (по Фаренгейту = 27 — 33 Цельсия), вследствие чего рабочие обливаются потом, оконные стекла отпотевают, вода постоянно струится и капает вниз, и рабочие вынуждены держать открытыми несколько окон, хотя они при этом неизбежно простуживаются. Состояние 16 наиболее значительных мастерских в лондонском Вестэнде описывается следующим образом: наибольшее кубическое пространство, приходящееся в этих плохо проветриваемых комнатах на одного рабочего, 270 куб. футов, наименьшее — 105 футов, — в среднем всего 156 футов на человека. В мастерской, окруженной со всех сторон галереей и получающей свет только сверху, работают от 92 до 100 человек; горит значительное количество

газовых рожков; отхожие места находятся рядом с мастерской, и на каждого человека приходится не более 150 куб. футов пространства. В другой мастерской, которая, как собачья конура, помещается в глубине двора, освещаемого только сверху, и проветривается исключительно при помощи небольшого окна, проделанного в крыше, работают 5 или 6 человек, причем на каждого из них приходится всего 112 куб. футов». И «в этих ужасных (atrocious) мастерских, описанных доктором Смитом, портные работают обыкновенно 12—13 часов в день, а порой работа продолжается целых 14—16 часов» (p. 25, 26, 28).

Число занятых в промышленности лиц	Отрасли промышленности и местности	Норма смертности на 100 000 в возрасте от:		
		25—35	35—45	45—55
958 265	Земледелие, Англия и Уэльс	743	805	1195
22 301 мужчин и 12 377 женщин	Портные, Лондон	958	1262	2003
13 803	Наборщики и печатники, Лондон	894	1747	2367

Необходимо отметить — и это действительно отмечено Джоном Симоном, составителем отчета, заведующим медицинским отделом, — что в возрасте 25—35 лет показаны преуменьшенные цифры смертности для портных, наборщиков и печатников Лондона, так как в обеих этих отраслях промышленности лондонские мастера получают из деревни значительное число молодых людей (вероятно, до 30-летнего возраста), работающих в качестве учеников и «improvers», т. е. совершенствующихся в ремесле. Они увеличивают собою число занятых в промышленности лиц, на которое рассчитывают нормы смертности промышленного населения Лондона; но число смертей в Лондоне среди них меньше, чем среди других рабочих, так как их пребывание в городе лишь временное; если они заболевают в течение этого времени, они возвращаются домой в деревню, где и регистрируется их смерть, когда болезнь имеет смертельный исход. Это в большей степени касается более раннего возраста, и потому лондонские цифры смертности для лиц этого возраста лишены всякого значения в качестве показателя антисанитарного состояния промышленности (p. 30).

Приблизительно в таких же санитарных условиях, как портные, работают и наборщики, у которых к недостатку вентиляции, отравленному воздуху и т. д. присоединяется еще ночная работа. Их обычное рабочее время продолжается 12—13 часов, иногда 15—16. «Страшная жара и духота, как только зажгут газ... Нередко случается, что испарения из сливной ямы или смрад от машин и сточной канавы поднимаются вверх из нижнего этажа и усугубляют недостатки верхнего помещения. Разогретый воздух нижних помещений поднимает температуру в верхних уже только нагреванием пола, и если комнаты низки, а газа потребляется много, это — крупное зло. Еще хуже обстоит дело там, где паровые котлы помещаются внизу и наполняют весь дом несносным

жаром... В общем можно сказать, что вентиляция сплошь неудовлетворительна и совершенно недостаточна для того, чтобы в течение ночи удалить продукты сгорания газа, и что во многих мастерских, особенно там, где раньше были жилые помещения, санитарные условия в высшей степени плачевны». В некоторых мастерских, в особенности там, где печатаются еженедельники, работы производятся почти без перерыва в течение двух дней и одной ночи, причем здесь также работают подростки 12—16 лет; в других наборных мастерских, выполняющих срочные работы, рабочие не имеют отдыха даже по воскресеньям, и их рабочая неделя составляет 7 дней вместо 6 (р. 26, 28).

О белошвейках и модистках (milliners and dressmakers) мы говорили уже в книге (гл. VIII, 3), когда речь шла о чрезмерном труде. Их рабочие помещения в нашем отчете описаны доктором Ордом. Если днем они несколько лучше, то в часы, когда зажжен газ, в них чрезвычайно жарко, атмосфера испорченная и нездоровая. В 34 более благоустроенных мастерских доктор Орд нашел следующее кубическое содержание воздуха на одну работницу: «В 4 случаях более 500 футов; в 4 других — от 400 до 500 ф.; в 5 — от 200 до 250; в 4 — от 150 до 200, и, наконец, в 9 случаях — только 100 — 150 куб. футов. Даже самый благоприятный из этих случаев дает содержание воздуха, едва достаточное при продолжительной работе в помещении с несовершенной вентиляцией... Даже при хорошей вентиляции вечером в мастерских становится очень жарко и душно вследствие значительного числа горящих газовых рожков. А вот замечания доктора Орда об одной из посещенных им мастерских низшего ранга, где работы ведутся за счет посредника (middleman): «Комната заключает в себе 1280 кубических футов; в ней находятся 14 лиц; на каждого приходится 91,5 куб. футов. Работницы выглядели здесь переутомленными и измученными. Заработок определяется в 7—15 шиллингов в неделю, кроме того чай... Работают от восьми утра до восьми вечера. Маленькая комната, в которой скучены эти 14 человек, плохо проветривается. Имеются два открывающихся окна и камин, который, впрочем, законопачен; кроме этого нет никаких приспособлений для вентиляции» (р. 27).

В том же самом отчете о чрезмерной работе модисток говорится следующее: «Чрезмерный труд молодых женщин господствует в фешенебельных модных мастерских только в течение приблизительно 4 месяцев, но в такой чудовищной степени, что этим порою вызывалось даже изумление и неудовольствие публики; в течение этих месяцев в мастерской работают обыкновенно 14 полных часов, а при накоплении спешных заказов даже 17—18 часов ежедневно. В остальное время года работы продолжаются, вероятно, 10—14 часов; работающие на дому заняты обыкновенно 12 или 13 часов. В производстве дамских накидок, воротничков, сорочек и т. п. работы в общей мастерской, в том числе и шитье на швейной машине, продолжаются не так долго, обыкновенно не более 10—12 часов»; но, прибавляет доктор Орд, «в некоторых заведениях регулярное рабочее время удлиняется в известные периоды сверхурочными работами, оплачиваемыми особо, в других по окончании обычного рабочего дня работу захватывают с собой на дом, чтобы там закончить ее. Прибавим, что и в той и в другой форме добавочные работы зачастую являются принудительными» (р. 28). Джон Симон делает к этой странице следующее примечание: «Г. Редклифф, секретарь эпидемиологического общества, который имел особенно много случаев исследовать здоровье работниц в заведениях первого типа, нашел, что из каждых 20 девушек, чувствовавших себя, по их словам, «совершенно здоровыми», в действительности здорова только одна; остальные обнаруживали различную степень упадка сил, первого истощения и многочисленных обусловленных этим функциональных расстройств. Причинами этого он считает: в первую очередь продолжительность рабочего дня, которую он определяет даже для тихого времени года минимум в 12 часов ежедневно; во-вторых, переполнение и плохую вентиляцию мастерских, испорченный газовыми рожками воздух, недостаточное или плохое питание, недостаток заботливости о комфорте помещения».

Глава английского санитарного ведомства приходит в конце-концов к заключению: «что для рабочих практически невозможно настоять на выполнении того, что теоретически является их элементарнейшим правом на здоровье, а именно, настоять на выполнении требования, чтобы работодатель, на какую бы работу он их ни назначал, на свой счет устранил, поскольку это от него зависит, все условия, делающие отправление этой совместной работы без нужды вредным для здоровья; между тем рабочие фактически не в состоянии собственными силами добиться этой санитарной справедливости, и вопреки предполагаемому намерению законодателя, столь же мало могут рассчитывать на какую-либо действительную поддержку со стороны чиновников, которым вверено проведение в жизнь Nuisances Removal Acts» (р.29). — «Без сомнения, определение точных границ, в которых работодатели должны быть подвергнуты регулированию, представляет некоторые небольшие технические затруднения. Но... в принципе требования, направленные к охране здоровья, имеют универсальный характер. И в интересах миллионов рабочих и работниц, жизнь которых теперь без всякой нужды отравляется и сокращается бесчисленными физическими страданиями, вызываемыми исключительно обстановкой их труда, я осмеливаюсь высказать надежду, что санитарные условия труда найдут себе столь же универсальную защиту в надлежащих законах; необходимо по меньшей мере гарантировать устройство удовлетворительной вентиляции во всех закрытых рабочих помещениях и в каждой отрасли труда, антисанитарной по самой своей природе, ограничить несколько возможно влияния, особенно вредные для здоровья» (р. 63).

(К. Маркс — «Капитал» т. III, гл. 5).

ТРАВМАТИЗМ — НЕИЗБЕЖНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Работа при машинах сопровождается множеством несчастных случаев более или менее серьезного характера, имеющих для рабочего то последствие, что они делают его нетрудоспособным на некоторое время или навсегда. Чаще всего рабочий лишается какого-нибудь сустава пальца, немного реже — целого пальца, кисти руки или целой руки и т. д. После этих, часто даже незначительных, повреждений, наступает столбняк, который влечет за собою смерть. Кроме множества уродов встреча-

ешь в Манчестере множество калек: у одного отхвачена целая или половина руки, у другого нет ступни и у третьего полноги; так и кажется, что живешь среди армии, только-что вернувшейся с войны. Но самые опасные места машин — приводные ремни, передающие двигательную силу отдельным машинам. Подхваченный этими ремнями, человек с быстротою молнии уносится машиной и с такой силой ударяется об пол или потолок, что в нем ни одна кость не остается целой, и смерть наступает мгновенно. За время от 12 июня до 3 августа 1843 г. газета «Manchester Guardian» — сообщила о следующих серьезных несчастных случаях (о более легких она даже не упоминает): 12 июня умер в Манчестере мальчик от столбняка, наступившего после того, как колеса машины раздробили ему руки; 16 июня мальчик в г. Саддльворте захвачен колесом и разбит до смерти; 29 июня молодой человек, работавший на машиностроительном заводе, в городе Гринакрес-Мур близ Манчестера, попал под точильный камень, который сломал ему два ребра и очень изуродовал; 24 июля погибла в Ольдгаме девушка, которую приводный ремень подхватил, перекинул пятьдесят раз, так что ни одна кость не осталась целой; 27 июля одна девушка в Манчестере попала под машину, принимающую сырую хлопчатую бумагу: она умерла от полученных увечий! 3 августа был подхвачен ремнем, в Декинфильде, токарь шпулек: все ребра оказались переломанными, и он умер. — В манчестерской больнице перебывало за один только 1843 г. 962 человека, искалеченных машинами, между тем всех остальных несчастных случаев больница насчитывала 2426, так что на пять несчастных случев, по всем остальным причинам приходилось два несчастных случая, вызванных машинами. В это число не входят несчастные случаи, происшедшие в Сальфорде, как и те, в которых прибегали к помощи частных врачей. Фабриканты в таких случаях, даже если человек становится нетрудоспособным, оплачивают в лучшем случае врачебную помощь и в самом редком случае платят жалованье во время лечения, а до того, куда рабочий денется, сделавшись нетрудоспособным, им и дела нет.

(Энгельс — «Положение раб. кл. в Англии»)

Каменноугольная копь является ареной множества самых несчастных случаев и именно их следует прямо отнести за счет алчности буржуазии. Углеводородный газ, часто образующийся в копях, образует при смешении с атмосферным воздухом гремучий газ, который при соприкосновении с огнем воспламеняется и убивает всякого, кто находится в местности, пропитанной этим газом. Такие взрывы случаются то там, то здесь чуть ли не ежедневно. 28 сентября 1844 г. произошел такой взрыв в Гасвелль Колльери (в Дургаме), убивший 96 человек. Углекислый газ, тоже часто развивающийся в копях, часто скопляется в более низких местах копей, заполняя их выше роста человеческого, и всякий, кто туда попадает, тотчас же задыхается. Двери, отделяющие друг от друга отдельные части копей, предназначены помешать распространению взрыва и движению газов, но так как они находятся под наблюдением маленьких детей, которые часто засыпают или вообще небрежно относятся к своим обязанностям, то эта предосторожность чисто иллюзорная. При хорошей вентиляции копей это вредное действие обоих газов было бы совершенно устранено, но на это буржуа тратить деньги не станет.

Он лучше довольствуется тем, что заставляет рабочих брать с собой лампочку Дэви, которая своим слабым светом часто не приносит им никакой пользы и которую они, поэтому, охотно заменяют простой свечей. Если же наступает взрыв, то виноват, конечно, рабочий с своей небрежностью, а между тем устрой буржуа хорошую вентиляцию, взрыв стал бы почти невозможным. Очень часто случаются также обвалы в штольнях, целые или частичные, хороня под собой рабочих или придавливая их. В интересах буржуа выбирать уголь по возможности дочиста, а это вызывает обвалы. Канаты, по которым опускаются рабочие в шахту, часто бывают плохи или рвутся, а несчастные рабочие падают на дно шахты и разбиваются. Все эти несчастные случаи уносят ежегодно, по расчету газеты «Mining Journal», около 2400 человеческих жизней. Газета «Manchester Guardian» сообщает еженедельно от 2 до 8 случаев, происходивших в одном Ланкашире. Почти во всех округах комиссия для свидетельствования умерших находится в зависимости от владельцев копей, а там, где этого и нет, делается уже в силу привычки отметка: «смерть от случайности». Кроме того, комиссия не заботится о состоянии копей, ибо ничего в этом не понимает. Но зато отчет Ch. Empl. Rept. открыто обвиняет владельцев копей в огромном большинстве этих несчастных случаев.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Машины увеличивают интенсивность труда рабочих. Например, наиболее распространенный вид жатвенных машин (с ручным сбрасыванием) получил характерное название «лобогреек» или «чубогреек», так как работа на ней требует от рабочего чрезвычайного напряжения: рабочий заменяет собой сбрасывающий аппарат (ср. «Произв. силы», I, 52). Точно так же увеличивается напряженность работы и при молотилках. Капиталистически употребляемая машина создает и здесь (как и везде) громадный импульс к удлинению рабочего дня. Появляется и в земледелии невиданная раньше работа ночью. «В годы урожайные»... работы «в некоторых экономиях и во многих крестьянских хозяйствах производятся даже и по ночам» (Тезяков, l. c., 126), при искусственном освещении — факелами (92). Наконец, систематическое употребление машин ведет за собой травматизм сельскохозяйственных рабочих; работа девушек и детей при машинах ведет, естественно, к особенному обилию повреждений. Земские больницы и лечебницы Херсонской, например, губернии наполняются во время сезона сельскохозяйственных работ «почти исключительно травматическими больными», являясь «своего рода полевыми лазаретами для постоянно выбывающих из строя огромной армии сельскохозяйственных рабочих жертв беспощадной разрушительной деятельности сельскохозяйственных машин и орудий» (ibid., 126). Создается уже специальная медицинская литература о повреждениях, причиненных сельскохозяйственными машинами. Являются предложения об издании обязательных постановлений относительно употребления сельскохозяйственных машин (ibid.). Крупная машинная индустрия и в земледелии, как и в промышленности, с железной силой выдвигает требования общественного контроля и регулирования производства. О попытках подобного контроля мы еще скажем ниже.

(Ленин — «Развитие капитализма в России» т. III, изд. 3)

БОЛЕЗНИ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

В Корнваллисе занято в горном промысле 19 000 мужчин и 11 000 женщин и детей, работающих частью под землей, частью на ее поверхности. В самих рудниках работают почти исключительно мужчины и мальчики старше 12 лет. Судя по отчету Ch. Empl. Rept., материальное положение этих рабочих, повидимому, довольно сносно, и англичане часто хвастают своими сильными и смелыми корнваллийскими рудокопами, отыскивающими рудные жилы даже под морским дном. Впрочем, отчет Ch. E. Rept. дает о силе этих людей несколько иной отзыв. В разумно составленном отчете д-ра Барґама доказывается, что вдыхание воздуха, содержащего мало кислорода и смешанного с пылью и дымом от взрывов пороха, серьезно вредит легким, нарушает деятельность сердца и ослабляет органы пищеварения; что напряженная работа и в особенности хождение вверх и вниз по лестницам, отнимающее в иных копях даже у молодых сильных мужчин свыше часа, до работы и после нее, тоже значительно содействует усилению упомянутых выше страданий, так что мужчины, рано начинающие работать в копях, далеко не обладают той физической силой, какой обладают женщины, работающие на поверхности земли; что многие умирают в молодые годы от скоротечной чахотки, а большинство — в самом цветущем возрасте от медленной чахотки; что рабочие рано старятся и между 35—45 годами теряют способность к труду; что очень многие, взобравшись с трудом по лестнице и покрытые потом при переходе из теплого воздуха шахты на холодный воздух на поверхности земли, простуживаются, получают острые воспаления и без того больных дыхательных органов, часто приводящие к смерти. — Работа на поверхности земли, разбивание и сортировка руды производится девушками и детьми; отчет Ch. E. Rept называет эту работу очень здоровой, потому что она производится на свежем воздухе.

На севере Англии, на границе графств Нортумберландского и Дургамского находятся Альстонмурские значительные свинцовые рудники. Отчет об этой местности, помещенный в отчете комиссии Ch. Emp. Rept., составлен комиссаром Митчелем и почти вполне совпадает с отчетом о Корнваллисе. И здесь указывается на недостаток кислорода, на большое содержание пыли, порохового дыма, углекислоты и сернистых газов в воздухе штолен. Вследствие этого рудокопы здесь, как и в Корнваллисе, малы ростом и, начиная с 30 лет, почти все страдают легочными болезнями, которые в конце-концов, в особенности если больной, как это почти всегда и бывает, продолжает работать, переходят в полную чахотку, значительно понижая их средний возраст. Если рудокопы этой местности живут несколько дольше рудокопов корнваллийских, то это объясняется тем, что они начинают работать в шахтах лишь с 19 лет, тогда как в Корнваллисе, как мы видели, работа эта начинается уже с 12 лет. Но и здесь большинство, по показаниям врачей, умирает между 40 и 50 годами. Из 79 рудокопов, смерть которых была занесена в официальные акты округа, 37 человек умерло от чахотки и 6 от астмы, а средний возраст всех их составлял 45 лет. В окрестных селениях, Аллендале, Стангопе и Миддльтоне, средний возраст составлял 49, 48

и 47 лет, а смертность от легочных болезней составляла 48, 54 и 56% общей смертности. Необходимо при этом иметь в виду, что все эти показания относятся только к рудокопам, начинавшим работать в шахтах **не раньше 19 лет.** Сравним с этим так называемые шведские таблицы — подробные таблицы смертности, относящиеся ко всему населению Швеции, которые в Англии считаются самым верным масштабом средней продолжительности жизни английского рабочего класса. Согласно этим таблицам, средняя продолжительность жизни мужчин, достигших 20-летнего возраста, составляет 57½ лет и, следовательно, жизнь рудокопов северной Англии сокращается их трудом в среднем на десять лет. Но не следует забывать, что шведские таблицы считаются масштабом средней продолжительности жизни **рабочих,** т. е. представляют шансы жизни в неблагоприятных уже условиях пролетариата, т. е. дают продолжительность жизни уже ниже нормальной.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Болезни в связи с чрезмерным трудом при капитализме

По заявлению доктора Greenhow'a продолжительность жизни в гончарных округах Stoke-upon-Thent и Woolstanton чрезвычайно мала. Несмотря на то, что из мужского населения старше 20-летнего возраста в округе Stoke всего 30,6%, а в Woolstanton всего 30,4% занято гончарным производством, на гончаров в первом округе приходится более половины, а во втором около ²/₃ общего числа смертных случаев от грудных болезней между мужчинами данного возраста. Доктор Boothroyd, врач, практикующий в Hanley, заявляет: «Каждое последующее поколение гончаров отличается меньшим ростом и более слабым сложением, чем предыдущее». Точно так же другой врач, г. Mac-Bean, говорит: «С того времени, как я начал практиковать среди гончаров, бросающееся в глаза вырождение этого класса находит себе выражение в ускоряющемся уменьшении роста и веса». Показания эти взяты из отчета доктора Grenhow'a от 1860 г.

Мы заимствуем из отчета членов комиссии 1863 г. следующее. Доктор J. T. Arledge, главный врач больницы северного Стаффордшира, говорит: «Как класс, гончары, мужчины и женщины... представляют вырождающееся население как в физическом, так и моральном отношении. Они обыкновенно низкорослы, отличаются плохим сложением и часто страдают искривлением грудной клетки. Они стареют преждевременно и недолговечны; флегматичные и малокровные, они обнаруживают слабость своего сложения упорными приступами диспепсии, нарушениями в деятельности печени и почек и ревматизмом. Но главным образом они подвержены грудным заболеваниям: воспалению легких, чахотке, бронхиту и астме. Одна форма этой последней специально свойственна им и известна под названием астмы горшечников, или чахотки горшечников. Золотуха, поражающая железы, кости и другие части тела, это — болезнь двух третей гончаров. Если вырождение (degenerescence) населения этого округа не достигает еще больших размеров, то это объясняется исключительно притоком новых элементов из соседних деревенских округов и

браками с более здоровым населением». F. Charles Pearson, незадолго перед тем врач той же больницы, сообщает в одном письме члену комиссии Longe, между прочим, следующее: «Я могу говорить только на основании личных наблюдений, а не статистических данных, но я могу вас уверить, что во мне снова и снова закипало негодование при виде этих несчастных детей, здоровье которых приносится в жертву алчности их родителей и работодателей». Он перечисляет причины заболеваний среди гончаров и, переходя к самой главной их них, заканчивает «long hours» («длинным рабочим днем»). Отчет комиссии выражает надежду, что «мануфактура, занимающая такое выдающееся положение в глазах всего мира, не будет более мириться с тем позорным фактом, что ее выдающиеся успехи сопровождаются физическим вырождением, многообразными телесными страданиями и преждевременной смертью рабочих, благодаря труду и искусству которых достигнуты столь крупные результаты». Сказанное здесь о гончарном производстве Англии относится и к гончарному производству Шотландии.

Мануфактура зажигательных спичек ведет свое начало с 1833 года со времени изобретения способа прикреплять фосфор к спичке. С 1845 года она стала быстро развиваться в Англии и из густо-населенных частей Лондона распространилась на Манчестер, Бирмингам, Бристоль, Норвич, Ньюкестль, Глазго, всюду разнося с собою и судорожное сжатие челюстей, которое один венский врач еще в 1845 г. определил как специфическую болезнь рабочих, занятых в спичечном производстве. Половина рабочих — дети моложе 13-летнего возраста и подростки моложе 18 лет. Эта мануфактура настолько известна своим вредным влиянием на здоровье рабочих и отвратительными условиями, что только самая несчастная часть рабочего класса, — полуголодные вдовы и т. д. — поставляет для нее детей, «оборванных, чуть не умирающих с голоду, безответных, лишенных всякого воспитания детей». Из тех свидетелей, которых выслушал член комиссии White (1863 г.), 270 не достигли 18-летнего возраста, 50 были моложе 10 лет, 10 были всего 8 лет и 5 всего 6 лет от роду. Рабочий день, продолжительность которого колеблется между 12—14 и 15 часами, ночной труд, отсутствие определенного времени для еды, причем приходится есть по большей части в мастерских отравленных фосфором. Данте нашел бы, что все самые ужасные картины ада, нарисованные его фантазией, превзойдены в этой отрасли мануфактуры.

На фабрике обоев более грубые сорта печатаются машинами, более тонкие — ручным способом (block printing). Наибольшее оживление производства приходится на время от начала октября и до конца апреля. В продолжение этого периода работа часто продолжается, и притом почти без перерыва, от 6 часов до 10 часов вечера и позднее, до глубокой ночи.

J. Leach показывает: «Прошлой зимой (1862 г.) из 19 девушек 6 отсутствовали, заболев от чрезмерного труда. Чтобы не дать им заснуть, я должен постоянно кричать на них». W. Duffy: «Часто от усталости дети не могли держать глаза открытыми; в сущности частенько и нам самим это едва удалось». J. Lightbourne: «Мне 13 лет... Прошлую зиму мы работали до 9 часов вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах, на которых образовались язвы». G. Apsden: «Когда моему мальчугану было 7 лет, я ежедневно носил его туда и обратно на спине по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти от нее, ни остановить ее». Smith, компаньон и управляющий одной манчестерской фабрики: «Мы (он разумеет те «руки», которые на «нас» работают) работаем без перерыва для еды, и таким образом 10½-часовой рабочий день заканчивается, собственно в 4½ часа вечера, а все дальнейшее представляет сверхурочные работы».[1] (Интересно было бы знать, неужели же и господин Смит ни разу не ест в продолжение 10½ часов?) «Мы (все тот же Смит) редко оканчиваем ранее 6 часов вечера (он разумеет: оканчиваем потребление «наших» живых машин, представляющих рабочую силу), так что мы (опять Crispinus) в действительности работаем сверхурочное время круглый год... Дети и взрослые (152 детей и подростков ниже 18-летнего возраста и 140 взрослых) одинаково работали в продолжение последних 18 месяцев в среднем самое меньшее по 7 дней и 5 часов в неделю, или по 78½ часов. Для 6 недель, закончившихся 2 мая этого года (1863 г.), средний вывод был выше 8 дней, или 84 час. в неделю!» И все-таки этот самый господин Смит, чувствующий такую симпатию in pluralis majestatis [говорящий о себе, подобно величеству, «мы], с улыбкой прибавляет: «машинный труд легок». А фабриканты, применяющие Block printing (ручную набойку), говорят: «Ручной труд здоровее машинного». В общем господа фабриканты с негодованием высказываются против предложения: «останавливать машины, по крайней мере, во время еды». Вот что говорит по этому поводу господин Otley, директор фабрики обоев в Borough. «Закон, который разрешил бы нам рабочий день продолжительностью от 6 часов утра до 9 часов вечера, был бы нам (!) весьма по нутру, но рабочий день, который предписывает фабричный закон, продолжительностью от 6 часов утра до 6 часов вечера, нам (!) не годится... Мы останавливаем машины на время обеда (какое великодушие!). Правда эта остановка не причиняет сколько-нибудь серьезной потери на бумаге и краске». «Но, — с большим пониманием прибавляет он, — я прекрасно понимаю, что потеря, связанная с этим, не доставляет особенного удовольствия». Отчет комиссии наивно полагает, что боязнь некоторых «руководящих фирм» лишиться времени, т. е. времени, в течение которого присваивается чужой труд, и таким образом «лишиться прибыли», не является еще достаточным основанием для того, чтобы дети, не достигшие 13-летнего возраста, и подростки моложе 18 лет «лишались пищи» в продолжение 12—16 часов, или чтобы они снабжались пищей как средства труда снабжаются вспомогательными веществами: машина водой и углем, шерсть мылом, колеса салом и т. д., т. е. во время самого процесса производства.

[1] Этого не следует считать прибавочным рабочим временем в нашем значении слова. Эти господа рассматривают 10½-часовой труд как нормальный рабочий день, в котором заключается, следовательно, и нормальный прибавочный труд. После этого начинается «добавочное», «сверхурочное время», которое оплачивается несколько лучше. Впоследствии мы еще увидим, что применение рабочей силы во время так называемого нормального дня оплачивается ниже стоимости, так что «добавочное время» есть не что иное, как уловка капиталистов, которую они пускают в ход с той целью, чтобы выжать больше «прибавочного труда»; впрочем, это остается без перемены даже и в том случае, если рабочая сила, применяемая в продолжение «нормального дня», оплачивается действительно полностью.

Ни в одной отрасли промышленности Англии — мы оставляем в стороне машинное производство хлеба, только-что начинающее прокладывать себе дорогу, — не сохранилось такого древнего и даже, в чем могли бы убедить поэты Римской империи, дохристианского способа производства, как в хлебопечении. Но капитал, как уже отмечено раньше, первоначально равнодушен к техническому характеру того процесса труда, которым он овладевает. Он берет его сначала таким, каким застает.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 8)

Туберкулез и чрезмерный труд

Из тех 150 000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, почти на 10 000 распространяется действие фабричного закона 1861 г. Подавляющее большинство остальных 140 000 — женщины, подростки и дети обоего пола, причем, впрочем, мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплоатации видно из следующей сводки д-ра Trueman'a, врача при General Dispensary в Ноттингаме. Из 686 пациентов, кружевниц, большей части в возрасте 17—24 лет, чахоточных было:

1852 г. 1 на 45	1856 г. 1 на 15	1859 г. 1 на 9
1853 » 1 » 28	1857 » 1 » 13	1860 » 1 » 8
1854 » 1 » 17	1858 » 1 » 15	1861 » 1 » 8
1855 » 1 » 18		

Этот прогресс цифры чахоточных должен удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков свободной торговли.

(К. Маркс — «Капитал» т. I, гл. 13)

Калеченье взрослых и детей чрезмерным трудом

Эта усталость, почти всегда доведенная до высшей степени, не остается без влияния на организм рабочих. Первым следствием такого чрезмерного труда является чрезмерное развитие мышц и именно мышц рук и ног, спины, плеч и груди, наиболее деятельных при перетаскивании и подталкивании грузов, между тем как остальные члены тела, страдая от недостатка питания, уродуются. Прежде всего задерживается рост: почти все рудокопы, за исключением тех, которые работают в варвикширском или лейчестерском округе, в особо благоприятных условиях, малы ростом. Потом очень задерживается, как у мальчиков, так и у девушек, наступление зрелости; у первых она часто задерживается до 18 лет. Комиссар Симонс встретил даже одного 19-летнего юношу, у которого были достаточно развиты только зубы, а в остальных частях тела он был развит не более, чем мальчик 11—12 лет. И это удлинение периода детства есть в сущности не что иное, как результат задержанного развития и впоследствии неизбежно приносит свои плоды. При таких условиях и при столь слабом организме неестественное положение тела при работе приводит к искривлению ног, выгибанию колен внутрь и голеней наружу, искривлению позвоночника, и другим уродствам. Все эти уродства составляют столь частое явление, что в Йоркшире и Ланкашире, как и Нортумберланде и Дургаме многие и даже врачи утверждают, что рудокопа можно узнать среди сотни других людей по его телосложению. Особенно страдают, повидимому, от этой работы женщины; телосложение их редко, если никогда, вполне нормально. В отчете приведены также многие доказательства того, что работа в рудниках и копях вызывает у женщин ненормальности в отношении таза, влекущие за собой тяжелые роды, часто кончающиеся смертью.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Сотни показаний свидетельствуют о том, что работа задерживает рост молодых рабочих. Так Ковелль приводит вес 46 семнадцатилетних юношей, учеников одной воскресной школы. Из них 26 работали на фабрике и весили в среднем 104,5 английских фунтов, а 20 не работавших на фабрике, но принадлежавших к рабочему классу, весили в среднем 117,7 англ. фунтов. Один из самых крупных фабрикантов Манчестера, вожак враждебной рабочим партии фабрикантов, кажется, Роберт Гайд Грег, сам однажды сказал, что если так будет продолжаться и дальше, то фабричные рабочие Ланкашира скоро превратятся в расу пигмеев.[1] Член воинского присутствия (Tufnell, p. 59) свидетельствует, что фабричные рабочие мало пригодны для военной службы, что они худы и слабы, и врачи часто забраковывают их. В Манчестере трудно было ему найти людей в 5 футов и 8 дюймов роста, а большинству не хватало 1—2 дюйма, между тем как в земледельческих округах большинство рекрутов было 5 футов и 8 дюймов ростом.

Вследствие всего этого мужчины-рабочие очень быстро изнашиваются. Большинство к сорока годам уже неработоспособны, некоторые держатся до сорока пяти лет, и очень немногие до пятидесяти. Помимо общей слабости организма, неработоспособность вызывается еще ослаблением зрения — следствием работы у мюль-машины, когда рабочему приходится постоянно смотреть на длинный ряд тонких параллельных нитей, причем зрение сильно напрягается. Из 1600 рабочих, занятых на нескольких фабриках в городах Гарпере и Ланарке только десятерым было свыше 45 лет; из 22 094 рабочих, занятых на различных фабриках в Стокпорте и Манчестере только 143 было свыше 45 лет. Из этих последних 16 человек держали из особой милости, а один из них исполнял детскую работу. В списке из 121 прядильщика только семерым из них было свыше 45 лет, и тем не менее всем было отказано в работе фабрикантом, к которому они обратились с просьбой принять их, по причине «слишком преклонного возраста». Из 50 прядильщиков, которым было отказано в Болтоне от места по причине старости, только двум было больше пятидесяти лет, а средний возраст остальных был ниже 40 лет. Крупный фабрикант Ашворт, в письме к лорду Ашлею, сам признает, что к 40 годам прядильщик уже не в состоянии выработать установленное количество пряжи и потому «иногда» получает расчет; сорокалетних рабочих они называют «стариками».[2]

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

[1] Слова эти заимствованы не из фабричного отчета.

[2] Все это позаимствовано из речи лорда Ашлея в заседании Нижней палаты 13 марта 1844 года.

Но даже и этим длинным рабочим днем алчность капиталистов не удовлетворялась. Было необходимо всеми возможными средствами сделать капитал, вложенный в здания и машины, более доходным, заставить его как можно больше работать, и фабриканты ввели позорную систему ночного труда. Некоторые завели две смены рабочих, настолько многочисленные, что фабрика могла быть в полном ходу целые сутки, причем каждая смена работала по двенадцати часов. Не трудно себе представить, какие последствия должно было иметь такое постоянное лишение ночного отдыха, которого никакой дневной заменить не может, для физического состояния не только малолетних, но даже и взрослых рабочих. Возбуждение всей нервной системы, связанное с общим ослаблением всего организма — вот неизбежный результат такого труда. Другим последствием его является усиленное пьянство и большая распущенность в половых сношениях. Один фабрикант свидетельствует (Tufnell, evid, p. 91), что в течение двух лет, когда на его фабрике работали ночью, число незаконнорожденных детей удвоилось, и среди рабочих наступила такая деморализация, что ему пришлось прекратить ночную работу. — Другие фабриканты поступали еще более варварским образом: они заставляли многих рабочих работать по 30—40 часов кряду, и это **по несколько раз в неделю,** ибо полной второй смены у них не было, а она служила только для того, чтобы каждый раз заменить только часть рабочих, которые могли бы соснуть час-другой. Отчеты комиссии об этом варварстве и его последствиях превосходят все, что мне когда-либо приходилось слышать о порядках такого рода. Таких гадостей, о которых рассказывается здесь, нет нигде, а между тем буржуазия, как мы ниже увидим, постоянно ссылается на свидетельство комиссии, толкуя его в **свою пользу.** Последствия такой системы обнаруживались довольно скоро: комиссары рассказывают вам о множестве встреченных ими калек, обязанных этим исключительно слишком длинному рабочему дню. Калеки эти страдают обыкновенно искривлением позвоночника и ног. Франсис Шарп (член королевской хирургической коллегии) в Лидсе описывает их следующим образом: «До своего приезда в Лидс мне никогда не приходилось видеть такого своеобразного искривления нижних концов бедренной кости. Сначала я думал, что это рахит, но в виду множества страдающих этой болезнью больных, как и того обстоятельства, что больные были в возрасте 8—14 лет, т. е. возрасте, в котором дети не страдают обыкновенно уже рахитом, и что искривление начиналось после того, как дети поступали на фабрику, мне пришлось отказаться от своего мнения. До настоящего времени я видел приблизительно сто таких случаев и решительно утверждаю, что они вызваны чрезмерным трудом; насколько я знаю, все больные были детьми, работающими на фабрике, и сами они приписывают свою болезнь чрезмерному труду». — «Число встретившихся мне случаев искривления позвоночника — очевидного следствия слишком продолжительного стояния на ногах — составляло не менее трехсот». (Dr. Loudon, evid., p. 12—13). — Д-р Кэй, прослуживший восемнадцать лет в больнице в Лидсе, пишет: «Ненормальный позвоночник есть очень частое явление среди фабричных рабочих; в одних случаях это следствие чрезмерного труда, в других — следствие продолжительной работы при организме слабом от рождения или ослабленном вследствие дурного питания... Уродства всякого рода здесь, повидимому, чаще встречаются, чем эти

болезни: колени вогнуты внутрь, связки суставов часто бывают ослаблены и дряблы, и длинные кости ног искривлены; особенно искривлены и чрезмерно развиты головки этих костей; пациенты эти работали на фабриках, на которых был очень длинный рабочий день (Dr. Loudon, evid., p. 16). О том же свидетельствуют хирурги Бомонт и Шарп из Брэдфорда. В отчетах комиссаров Дринквотера, Поуера и Лаудона описывается множество таких искривлений; приводят в своих отчетах некоторые примеры их также д-ра Тёфнелль и Давид Барри, обратившие меньше внимания на это явление (в отчете Дринквотера на стр. 69 описаны два брата, на стр. 72, 80, 146, 148, 150 тоже два брата, и другие случаи описаны на стр. 155 и след.; в отчете у Поуера случаи описаны на стр. 63, 66, 67 дважды, на стр. 68 трижды и на стр. 69 дважды; в отчете о Лидсе такие случаи описаны на стр. 29, 31, 40, 43, 53 и след.; в отчете д-ра Лаудона соответствующие случаи описаны на стр. 4, 7 четыре раза, и на стр. 8 много раз и т. д.; у сэра Давида Барри соответствующие случаи приведены на стр. 6, 8, 13, 21, 22, 44, 55 трижды; у Тёфнелля на стр. 5, 16 и др.). Комиссары в Ланкашире Ковелль, Тёфнелль и Гавкинс совсем не обратили внимания на эти последствия английской системы, хотя в Ланкашире не меньше калек, чем в Йоркшире. Мне редко приходилось пройти через Манчестер, не встретив 3—4 таких калек, страдавших именно описанными выше искривлениями позвоночника и ног, и я не раз обратил на это внимание и мог их заметить. Я сам знаю одного калеку, вполне соответствующего данному д-ром Кэй и приведенному выше описанию; нажил он эту болезнь на фабрике г-на Дугласа в Пендльтоне, которая теперь еще пользуется самой лестной репутацией среди рабочих за былую чрезмерную работу, продолжавшуюся иногда целые ночи напролет. Как только посмотришь на такого калеку, можно сразу узнать, почему он сделался таким: колени у всех вогнуты внутрь и немного назад, ноги искривлены внутрь, сочленения неправильны и утолщены, и позвоночник часто искривлен вперед или в сторону. Наиболее варварские условия были, повидимому, у человеколюбивых фабрикантов шелковых изделий округа Меклесфильд, что связано с тем, что на этих фабриках работали очень маленькие дети от пяти до шести лет. В дополнительном отчете комиссара Тёфнелля приведены показания фабричного надсмотрщика Райто (на стр. 26), две сестры которого были страшно изуродованы работой. Он же однажды вздумал сосчитать число калек в некоторых улицах Меклесфильда, среди которых были самые чистые и красивые улицы; на Таунлей-стрите он насчитал 10 калек, на Джорджес-стрите — 5, на Шарлотт-стрите — 4, на Уоткотсе — 15, на Банктопе — 3, на Лорд-стрите — 7, на Миль-Лане — 12, на Грит-Джордж-стрите — 2, в доме для бедных — 2, на Парк-Грине — 1, и на Пикфорд-стрите — 2. Семьи этих калек единогласно утверждали, что уродства эти являются следствием чрезмерного труда на шелкопрядильных фабриках. На стр. 27 описан мальчик, настолько искалеченный, что он не мог подняться по лестнице; упомянуто там же несколько девочек с искривленным позвоночником и тазом.

Чрезмерный труд вызывает и другие уродливости, и особенно часто плоскую ступню; часто встречали ее сэр Д. Барри (напр. на стр. 21 он упоминает о двух случаях) и врачи и хирурги Лидса (Loudon, p. 13, 16 etc.). Молодые люди с более крепким организмом, получавшие хорошее питание и жившие вообще в условиях, которые давали им возможность

преодолеть эти результаты варварской эксплоатации, все-таки страдали болями в пояснице, спине, ногах, опухолью в суставах, расширением кровеносных сосудов, или большими нарывами на бедрах и икрах, с трудом поддающимися лечению. Все эти страдания есть почти общее явление для всех рабочих.

В отчетах Стюарта, Макинтоша и Д. Барри приведены сотни примеров этих болезней. По мнению этих комиссаров нет почти ни одного рабочего, который не страдал бы хотя одной из этих болезней. Свидетельствуют об этих последствиях чрезмерного труда многие врачи и в других отчетах. Бесчисленное множество примеров, приведенных в отчетах о Шотландии, доказывает с полной несомненностью, что тринадцатичасовая работа вызывает еще по меньшей мере эти последствия у 18—22-летних рабочих мужского и женского пола, и это относится как к льнопрядильням Дёнди и Дёнфермлайна, так и хлопчато-бумажным фабрикам Глазго и Ланарка.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Профессиональная патология капиталистической фабрики

Все эти болезни легко объясняются самой природой фабричного труда, который действительно очень «легок», как говорят фабриканты, но именно вследствие этой легкости действует на организм более ослабляющим образом, чем всякий другой. Труд рабочих не велик, но они должны все время стоять на ногах, не имея возможности присесть. Если кто-нибудь садится на подоконник или какую-нибудь корзину, он подвергается штрафу. Это постоянное пребывание на ногах, постоянное механическое давление верхней части тела на позвоночник, таз и ноги не может не вызвать описанных выше последствий. Для самой работы это постоянное пребывание на ногах не необходимо, как показывает пример Ноттингама, где, по крайней мере, в двойльных отделениях фабрик устроены сидения (в результате — исчезновение болезней, а потому и согласие работниц на удлинение рабочего дня). Но на фабрике, где рабочий работает только для фабриканта и не заинтересован в том, чтобы работа была сделана хорошо, он, вероятно, чаще пользовался бы возможностью посидеть, чем это было бы приятно и выгодно фабриканту, и вот для того, чтобы возможно меньше сырого материала пропадало, рабочие должны жертвовать своим здоровьем.[1] Это продолжительное пребывание на ногах в связи с большей частью дурной атмосферой фабрики вызывает, кроме того, ослабление всего организма, сопровождающееся всевозможными другими уже не местными, а общими страданиями.

Воздух на фабриках бывает обыкновенно сырым и теплым, большею частью более теплым, чем это необходимо и при вентиляции, не **очень** хорошей, нечистым, душным, с недостаточным содержанием кислорода, полным пылью и вонью машинного масла, почти повсюду разлитого по полу, впитавшегося в него и испорченного. Рабочие, уже

[1] Были устроены сидения также в прядильной мастерской одной фабрики в Лидсе (Drinkwater, p. 80).

вследствие духоты помещения, одеты легко и потому должны были бы простуживаться, если бы температура в помещении менялась, вследствие чего им сквозной ветер неприятен. Постепенное ослабление всех функций организма уменьшает выделение животной теплоты, вследствие чего теплота тела должна быть поддержана извне; поэтому самому рабочему всего более приятно оставаться в теплой фабричной атмосфере при совершенно закрытых окнах. Сюда присоединяются еще влияние частых и быстрых перемен температуры при выходе из жаркой фабричной атмосферы на холодный или сырой воздух улицы, невозможность для рабочих достаточно хорошо предохранить себя от дождя и переменить мокрое платье на сухое — обстоятельства, постоянно вызывающие простуду. — Если еще принять во внимание, что при всем этом почти ни одна мышца рабочего не напрягается, как следует, кроме разве мышц ног, что это ослабляющее действие упомянутых выше обстоятельств не находит никакой компенсации, так как рабочий никогда и нигде не имеет возможности развивать силу мышц, чтобы они могли получить крепость и упругость, что с малолетства рабочий лишен возможности проводить время на свежем воздухе, никто не будет удивляться почти единогласному утверждению докторов в фабричном отчете, о том, что у фабричных рабочих они нашли особенно слабую способность их организмов противостоять болезням, общее понижение жизнедеятельности и постоянное ослабление всех духовных и физических сил. Послушаем сначала сэра Д. Барри: «Неблагоприятные последствия фабричного труда для рабочих таковы: 1) неизбежная необходимость приноровить свою физическую и духовную деятельность к движению машины, приводимой в действие равномерно действующей и постоянной силой; 2) необходимость оставаться в стоячем положении в течение неестественно долгих и слишком быстро следующих друг за другом промежутков времени; 3) лишение сна (вследствие продолжительного рабочего времени, боли в ногах и общего недомогания всего организма). Часто сюда присоединяются еще низкие, тесные, пыльные или сырые мастерские, плохой воздух, слишком нагретая атмосфера и постоянное потение. Поэтому мальчики, за очень немногими исключениями, очень быстро теряют свежий детский румянец и становятся более бледными и худыми, чем другие мальчики. Даже ученик ручного ткача, стоящий босиком на глиняном полу мастерской, сохраняет лучший вид, потому что кое-когда ему все же удается попадать на свежий воздух. Но у ребенка, работающего на фабрике, едва хватает времени, чтобы поесть, и он бывает на свежем воздухе только тогда, когда ходит обедать. Все взрослые прядильщики-мужчины бледны и худы, страдают несварением желудка и капризным аппетитом. Все они с малолетства работают на фабрике и среди них мало или совсем нет высоких, хорошо сложенных мужчин, откуда не без основания можно сделать тот вывод, что занятие их очень неблагоприятно влияет на развитие мужского организма. Женщины гораздо легче переносят этот труд» (что вполне естественно, но они, как мы увидим ниже, подвержены своим специальным болезням). (General Report by Sir D. Barry). Другой комиссар, Поуер, говорит следующее: «Я могу прямо сказать, что фабричная система в Брадфорде создала очень большое множество калек... и что продолжительный труд не только создает калек, но и — гораздо чаще еще — приводит к недостаточному росту, дряблости мускулов и слабости телосложения». (Power,

Rept. p. 74). Далее цитированный уже выше хирург[1] Ф. Шарп в Лидсе говорит следующее: «Когда я переехал из города Скарбору в Лидс, мне тотчас же бросилось в глаза, что дети выглядят здесь гораздо бледнее, и мускулатура у них гораздо менее развита, чем у детей города Скарбору и его окрестностей. Я нашел также, что многие дети слишком малы для своего возраста. — Я видел множество случаев золотухи, легочных заболеваний и несварения желудка, которые у меня, как врача, не оставляли ни малейшего сомнения в том, что они вызваны работой на фабрике. Я думаю, что продолжительный труд ослабляет нервную энергию организма, подготовляя почву для многих болезней. Не будь постоянного притока свежих сил из деревни, класс фабричных рабочих скоро совсем выродился бы». Брэдфордский хирург Бомонт говорит следующее: «На мой взгляд система труда, практикуемая на здешних фабриках, вызывает своеобразное ослабление всего организма, делает детей в высшей степени восприимчивыми к эпидемиям, как и к случайным болезням. — Я полагаю, что отсутствие всяких необходимых предписаний о вентиляции и соблюдении чистоты на фабриках безусловно является главной причиной той своеобразной восприимчивости к болезням, которую я столь часто встречал в моей практике». Д-р Кэй удостоверяет: 1) что он имел случай наблюдать влияние фабричной системы на здоровье детей при самых благоприятных обстоятельствах (на фабрике Вуда в Брэдфорде, лучшей фабрике этого города, на которой он был фабричным врачом); 2) что это влияние даже при этих благоприятных условиях было безусловно и чрезвычайно вредно; 3) что в 1842 г. он оказал медицинскую помощь 0,6 всех занятых на фабрике Вуда детей; 4) что самым вредным последствием этой системы является не преобладание калек, а преобладание слабых и болезненных организмов; 5) что все это значительно улучшилось с тех пор, как фабрикант сократил продолжительность рабочего дня детей до десяти часов. Сам комиссар д-р Лаудон, приводящий все эти показания, говорит следующее: «С достаточной ясностью, я думаю, доказано то, что детям приходилось работать безрассудно и немилосердно долго, и что даже взрослые должны выполнять такое количество работы, которое едва ли по силам человека. Вследствие этого многие умерли преждевременно, другие на всю жизнь приобрели уродливое и слабое телосложение, так что опасения, что от оставшихся в живых получится слабое потомство, с физиологической точки зрения более, чем основательны».

Эти недостатки могут быть легко сведены к обычаям, созданным современной фабричной системой и **почти неизбежно из нее вытекающим.**

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Профессиональные болезни углекопов

Кроме этих местных уродливостей углекопы страдают еще от целого ряда специальных болезней, которыми страдают и другие горные рабочие и которые составляют последствие их труда. Чаще всего они

[1] Так называемые хирурги (surgeons) такие же ученые медики, как и обыкновенные врачи (physicians), и потому занимаются не только хирургической, но и общеврачебной практикой. По многим причинам их даже предпочитают другим врачам.

страдают болезнями желудка: аппетит исчезает, начинаются боли в животе, тошнота и рвота, а также сильная жажда, которую приходится утолять грязной, часто теплой, водой рудника. Деятельность пищеварительных органов задерживается, что усиливает и другие болезни. По свидетельству многих, углекопы часто страдают болезнями сердца, особенно гипертрофией его, воспалением сердца и околосердечной сумки, пороками клапанов, кровеносной системы, что тоже легко объясняется их чрезмерным трудом. Грыжи тоже почти общее явление и тоже составляют прямое последствие чрезмерного напряжения мышц. Отчасти по этой же причине, отчасти вследствие дурного воздуха, наполненного углекислотой, пылью и смешанного с углекислотой и углекислым газом (что здесь легко было бы избежать), возникает множество тяжелых и опасных легочных болезней, в особенности астма. В некоторых округах эти болезни являются у большинства углекопов к 40 году их жизни, а в других округах даже к 30 году и очень быстро делают их неспособными к труду. У тех, которые работают в сырых штольнях, астма наступает, конечно, гораздо раньше. В некоторых местностях Шотландии она наступает у рабочих в возрасте от 20 до 30 лет. И в этот возраст пораженные легкие чрезвычайно доступны всевозможным воспалениям. Совершенно своеобразную болезнь углекопов представляет «черная мокрота» (black spittle), когда легкие пропитываются мелкой угольной пылью: выражается эта болезнь в общей слабости, головных болях, астме и выделении черной густой мокроты. В некоторых местностях эта болезнь встречается в очень слабой форме, а в других, как например, в Шотландии, она совершенно неизлечима. Кроме упомянутых выше симптомов этой болезни, выступающих здесь в усиленной форме, наблюдается еще короткое свистящее дыхание, частый пульс (свыше 100 ударов в минуту) и прерывистый кашель; больной все более и более худеет и слабеет и скоро становится неспособным к труду. В Шотландии эта болезнь всегда кончается смертью больного. Д-р Макеллар из Пинкайтленда, Кост-Лотиан, свидетельствует, что во всех копях с хорошей вентиляцией болезнь эта вовсе не встречается, а рабочие, которые переходят из хорошо вентилируемых копей в копи с плохой вентиляцией, очень часто заболевают ею. Таким образом виной тому, что эта болезнь вообще существует, — корыстолюбие владельцев копей, не устраивающих шахт с хорошей вентиляцией. Ревматизм есть тоже общее зло углекопов, особенно часто развивающееся в сырых шахтах; реже страдают ревматизмом углекопы Варвикширского и Лейчестерского округов. — Вследствие всех этих болезней углекопы во всех **без исключения** округах рано старятся и после 46 лет — в одних округах раньше, в других позже — становятся неспособными к труду. Углекоп, занимающийся своим делом в 45-летнем и даже в 50-летнем возрасте, — крайне редкое явление. По свидетельству всех, к 40 годам углекоп — дряхлый старик. Это относится только к тем, которые откалывают уголь. Нагрузчики, которым постоянно приходится поднимать тяжелые корзины с углем, старятся уже в 28—30 лет, так что в каменноугольных округах существует даже поговорка: нагрузчики старятся еще раньше, чем они успеют быть молодыми. Что такая ранняя старость углекопов влечет за собой раннюю смерть, понятно само собой, и потому 60-летние старики встречаются среди них крайне редко; даже в южном Стаффордшире, где гигиенические условия в копях сравнительно лучше, лишь немногие живут

дольше 50 лет. В виду того, что углекопы так рано старятся, вполне естественно, что здесь, как на фабриках, очень часты случаи, когда безработные родители содержатся своими детьми, иногда еще очень молодыми. Подведем в кратких словах итог результатам работы в каменноугольных копях. Общий результат можно выразить следующими словами одного из комиссаров, д-ра Соутвуда Смита: с удлинением периода детства с одной стороны и вследствие ранней старости — с другой, значительно сокращается у них тот период жизни, в котором человек находится в полном расцвете своих сил, и вообще продолжительность жизни укорачивается ранней смертью. И это нам надо поставить в счет буржазии!

Приведенные выше данные представляют лишь среднюю характеристику английских копей. Но есть не мало таких, где условия работы гораздо хуже. Сюда относятся те копи, в которых эксплоатируются тонкие пласты угля. Если бы хотели убирать и расположенные между пластами угля пласты песку и глины, уголь обошелся бы слишком дорого, и владельцы заставляют выкапывать уголь, оставляя песок и глину на месте. Вследствие этого ходы, которые обыкновенно в 4, 5 и более футов вышиной, здесь так низки, что прямо стоять в них невозможно. Рабочий отбивает своей киркой уголь, лежа на боку и опираясь на свой локоть. Такое положение вызывает воспаление локтевого сустава, а в тех случаях, когда рабочему приходится работать, стоя на коленях, у него образуется воспаление коленного сустава. Женщины и дети, собирающие уголь, ползут на руках и ногах по низеньким штольням, запряженные в корзины посредством сбруи или цепи, проходящие иногда между ног, а сзади кто-нибудь другой подталкивает корзину головой и руками. Подталкивание головой вызывает местные раздражения, болезненные опухоли и нарывы. Во многих случаях штольни бывают сыры, так что рабочим приходится ползти в грязной, пропитанной солью, воде в несколько футов глубины, что также вызывает раздражение кожи. Не трудно представить себе, насколько такая отвратительная рабская работа усиливает болезни, и без того свойственные углекопам.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Здоровье женщины разрушается трудом на капиталистической фабрике

Влияние фабричного труда на женский организм тоже очень своеобразно. Длинный рабочий день вызывает у женщины еще более серьезные аномалии, чем у мужчин. Труд этот вызывает часто аномалии таза отчасти в форме неправильного положения и развития самих тазовых костей, отчасти в виде искривления нижней части позвоночника. «Хотя я сам и не встречал аномалий таза и некоторых других аномалий, — говорит д-р Лаудон в своем отчете, — я все же, как всякий врач, должен признать их вероятным последствием продолжительного рабочего дня детей, и, кроме того, о том же свидетельствуют наиболее известные авторитеты в медицине». — О том, что фабричные работницы родят труднее, и у них чаще бывают выкидыши, чем у других женщин, свидетельствуют многие отчеты и врачи, как например д-р Гавкинс (evid. p. 11, 13).

Кроме того женщины страдают общей слабостью организма — страданием, общим для всех фабричных рабочих, независимо от пола. Беременные женщины работают на фабриках до **часа наступления родов**, что вполне понятно: бросай они работу раньше, они должны были бы опасаться, что место их будет занято, а их рассчитают; за дни, в которые они не работают, они, конечно, жалованья не получают. Часто случается, что женщины, работавшие до вечера, рожают на другое утро, а нередко они рожают в самой фабрике, среди машин. И если господа буржуа не видят в этом ничего особенного, то, может быть, жены их согласятся со мной, что косвенно заставлять беременную женщину до самого дня родов, работать ежедневно 12—13 (раньше еще больше) часов стоя и часто нагибаясь, — жестокое и низкое варварство. Но это еще не все. Женщины рады и считают это продолжительным сроком, когда они не вынуждены работать в течение двух недель после родов. Многие уже через восемь и даже через 3—4 дня возвращаются на фабрику, чтобы проработать **полный** рабочий день. Я слышал однажды, как фабрикант спросил надсмотрщика: «Такая-то не пришла еще? — Нет. — А давно она родила? — Восемь дней тому назад. — Так она могла уже вернуться. Такая-то остается в таких случаях дома не более трех дней». — Все это вполне понятно: боязнь безработицы заставляет работницу, несмотря на слабость, несмотря на боли, являться на фабрику; не в интересах фабриканта, чтобы его рабочие сидели дома по болезни; они не должны болеть, его работницы не имеют права рожать, чтобы машины его не останавливались, чтобы ему не пришлось ломать свою умную голову над придумыванием временных изменений в ходе работы; чтобы не пришлось этого делать, он рассчитывает своих рабочих, если они позволяют себе хворать. Послушайте, что говорит Ковелль (evid. p. 77): «Девушка чувствует себя очень плохо и едва в состоянии работать. — Почему вы не просите разрешения уйти домой? — Ах, сударь, наш хозяин в этом отношении очень строг: стоит нам пропустить четверть дня, чтобы порой получить за это расчет». А вот еще одно показание (sir D. Barry, evid. p. 44): «Томаса Мак-Дёрта, рабочего, немного лихорадит; он не может оставаться дома по меньшей мере дольше, чем на четыре дня, потому что иначе он может лишиться заработка». И так обстоит дело почти на всех фабриках. — Труд молодых девушек вызывает в период развития их множество различных аномалий. У некоторых, в особенности у тех, которые лучше питаются, горячая атмосфера фабрик ускоряет развитие, так что некоторые девушки в 12—14 лет вполне развиты. Робертон, о котором мы говорили уже выше и которого фабричный отчет называет: «знаменитым» акушером в Манчестере, рассказывает в журнале «North of England medical and surgical journal», что он встретил одиннадцатилетнюю девочку, не только вполне развившуюся, но даже уже беременную, и что в Манчестере нередко пятнадцатилетние женщины уже рожали. В этих случаях жара на фабриках действует подобно жаре тропического климата и, как это бывает в таком климате, за это чрезвычайно раннее развитие человек расплачивается ранней же старостью и слабостью. — Часто, однако, встречается и задержка полового развития женщины: грудь развивается поздно или вовсе не развивается. Такие примеры приводит Ковелль (p. 35). Менструация часто начинаются лишь на семнадцатом или восемнадцатом, а иногда и на двадцатом году, а часто и вовсе не появляются (D-r Hawkins, evid, p. 11; D-r

Loudon, p. 14 etc.; Sir D. Barry, p. 5 etc.); очень часто бывают неправильные менструации, с сильными болями и страданиями, часто встречается анемия, о чем единогласно свидетельствуют все медицинские отчеты.

Рожденные такими женщинами дети не могут быть крепкими, в особенности, если эти женщины работают во время беременности. Напротив того, судя по отчетам, они очень слабы, и в особенности это можно сказать о детях Манчестера: только Д. Барри утверждает, что они здоровы, но он же свидетельствует, что в Шотландии, где он производил осмотр, **почти ни одна замужняя женщина не работает.** К тому же большая часть тамошних фабрик, за исключением фабрик Глазго, расположена за городом, что не мало содействует здоровью детей: дети рабочих в ближайших окрестностях Манчестера почти все имеют цветущий и свежий вид, между тем, как в городе они выглядят бледными и золотушными. Впрочем, на девятом году они все теряют румянец, потому что попадают на фабрику, и очень скоро их и отличить нельзя от городских детей.

Кроме того существуют некоторые отрасли фабричного труда, последствия которого особенно вредны. Так во многих помещениях бумаго- и льнопрядильных фабрик летает масса волоконец, вызывающих, в особенности в чесальных и ворсильных отделениях, легочные заболевания. Одни организмы переносят это, другие — нет. Но у рабочего нет выбора, и он должен поступать в то отделение, где он находит работу, хорошо ли это для его груди или нет. Самыми обычными последствиями вдыхания этой пыли является кровохаркание, тяжелое свистящее дыхание, боли в груди, кашель, бессонница, словом, все признаки астмы, кончающейся в худшем случае чахоткой. Но особенно вредно прядение сырого льна — труд молодых девушек и детей. Вода со шпулек брызжет на платье, которое спереди промокает насквозь, и на полу стоят лужи воды. То же самое, но в меньших размерах, происходит в двоильных отделениях бумагопрядильных фабрик, и последствием этого тоже являются постоянные простуды, и легочные заболевания. У всех фабричных рабочих, но в особенности у прядильщиков мокрого льна и сучильщиков хриплый сухой голос. Стюарт, Макинтош, и Д. Барри в самых резких выражениях отзываются о вреде этой работы, как и о том, как мало большинство фабрикантов заботится о здоровье исполняющих эту работу девушек. Другим последствием льнопрядения является своеобразная уродливость плеча, а именно выпячивание правой лопатки, вызываемое самой природой этого труда. Прядение льна, как и прядение бумаги на машине «Тростль», часто вызывают болезни надколенной чашечки, которой пользуются для остановки шпульки, когда приходится связать оборвавшуюся нитку. Необходимость нагибаться при этих работах, как и низкое устройство машин имеют вообще своим последствием недостаточность роста. В отделениях хлопчато-бумажной фабрики в Манчестере, где работали машины «Тростль», и где я был занят одно время, мне не приходилось встретить, насколько я помню, ни одной высокой стройной девушки; они все были малого роста, плохого и очень некрасивого телосложения.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Замечательно то, что изготовление именно тех предметов, которые служат для украшения **дам буржуазного общества**, сопровождаются самыми печальными последствиями для здоровья занятых этим рабочих. Мы видели это уже, когда у нас шла речь о производстве кружев, а здесь мы докажем это примером модных магазинов Лондона. В этих магазинах занято множество молодых девушек, — насчитывают их до 15 000; обыкновенно это девушки, приехавшие из деревни, получают у хозяев стол и квартиру и таким образом находятся в их полном рабстве. Во время так называемого сезона, который продолжается четыре месяца в году, число рабочих часов даже в лучших магазинах доходит до 15 в день, а в случае спешки — до 18. Но в большинстве магазинов работают в сезон без всякого определенного времени, так что девушки спят не более шести, часто лишь только четыре, а иногда и два часа в сутки. Таким образом, они работают от 19 до 22 часов, а иногда, — и это бывает довольно часто, — работают и всю ночь напролет. Единственным пределом продолжительности их работы является полнейшая физическая невозможность держать иголку в руках. Случается, что эти беспомощные существа по девяти дней кряду не раздеваются и спят только урывками, прикурнув на короткое время на матраце; еду им дают разрезанную, чтобы они скорее могли проглотить ее. Одним словом при помощи морального кнута — угрозы расчета — этих несчастных девушек принуждают к такой долгой и непрерывной работе, какую не мог бы выдержать и крепкий мужчина, а тем более хрупкая девушка в возрасте от 14 до 20 лет. Если вспомнить еще душную атмосферу мастерских и спален, согнутое положение, в котором они работают, часто дурную, трудно переваримую, пищу, но главным образом все-таки продолжительный труд и невозможность дышать свежим воздухом, станет понятным, что все это должно оказывать самое губительное влияние на здоровье девушек. Очень скоро появляются утомление, истощение, слабость, потеря аппетита, боли в плечах, спине и в тазу, и в особенности головные боли, затем искривление позвоночника, высокие, сутулые плечи, худоба, опухшие, слезящиеся и вообще больные глаза, близорукость, кашель, узкогрудость и одышка, как и различные женские болезни. Во многих случаях зрение так сильно портится, что наступает неисцелимая слепота, а если зрение остается еще сносным настолько, что можно продолжать работу, то чахотка обыкновенно прекращает короткую печальную жизнь этих несчастных. Даже у тех, которые рано оставляют эту работу, физическое здоровье не восстанавливается вполне никогда; они постоянно хворают, особенно после брака, и рожают хилых детей. Все врачи, опрошенные комиссаром (Ch. Empl. Comm.), единогласно утверждали, что трудно придумать другой образ жизни, который так разрушал бы здоровье и так приводил к ранней смерти, как жизнь модисток.

С неменьшей жестокостью, но только менее непосредственно, эксплоатируются в Лондоне **швеи** вообще. Труд девушек, занятых изготовлением корсетов, тяжел, утомителен и вреден для глаз.

Живут эти швеи обыкновенно в величайшей нужде, в маленьких мансардах, где в каждой комнате набивается их столько, сколько комната может вместить и где зимой единственным средством отопления является животная теплота жильцов. Здесь они сидят, склонившись над работой с 4—5 часов утра до полуночи, разрушая свое здоровье

в пару лет, и готовят себе раннюю могилу. Они не в состоянии удовлетворить и самых настоятельных своих потребностей,[1] между тем как внизу проносятся по улице блестящие экипажи высшей буржуазии, и, быть может, тут же вблизи какой-нибудь жалкий дэнди проигрывает в один вечер в фараон больше денег, чем они могут заработать в течение целого года.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ

Работа матери и детская смертность

Что работа матерей служит также одной из причин большой смертности малолетних детей, понятно само собой и с полной несомненностью доказывается фактами. Женщины возвращаются на фабрику часто уже через 3—4 дня после родов, оставив, конечно, ребенка дома. В свободные часы им приходится бегом пускаться домой, чтобы накормить ребенка и самим кое-что перехватить, но ясно, какое это может быть кормление. Лорд Ашлей приводит показания нескольких работниц: М. Г., двадцати лет, имеет двоих детей, из которых один грудной ребенок, младший, находится на попечении старшего; она уходит на фабрику в пять часов утра и возвращается оттуда в восемь часов вечера; в течение дня молоко вытекало из груди, просачиваясь через платье. — Г. В. имеет троих детей, уходит из дому в пять часов утра в понедельник и возвращается лишь в субботу в семь часов вечера, и по возвращении ей так много приходится работать для детей, что раньше трех часов утра она спать не ложится. Приходя часто под проливным дождем на фабрику, она вынуждена в этом положении работать. «Груди у меня страшно болели, — говорила она, — и я бывала вся мокрая от выделявшегося молока». При такой недобросовестной системе успокаивания детей при помощи наркотических веществ часто является необходимостью, и этот способ на самом деле употребляется в фабричных округах в самых широких размерах. Д-р Джонс, обер-регистратор манчестерского округа, того мнения, что этот обычай является главной причиной частых смертных случаев от судорог. Работа женщин на фабрике не может не разрушить совершенно семью, и при современном состоянии общества, основой которого служит семья, обстоятельство это имеет самые деморализующие последствия, как для супругов, так и для детей. Мать, у которой нет времени возиться с своим ребенком, окружить его в первые годы жизни самыми обыкновенными заботами, мать, которой редко удается видеть своего ребенка, не может быть ему матерью, не может не относиться к нему равнодушно, без любви, без всякой заботливости,

[1] Томас Гуд, самый талантливый из всех современных английских юмористов, и, подобно всем юмористам, с очень чуткой душой, но без всякой энергии, обнародовал в начале 1844 г., когда описание нужды швей обошло все газеты, прекрасное стихотворение: „The Song of the shirt" (Песня о рубашке). Оно у многих дочерей буржуазии вызвало не мало жалостливых, но бесполезных слез. У меня нет места, чтобы передать здесь это стихотворение. Первоначально оно было помещено в „Punch", а потом обошло все газеты. Положение швей обсуждалось тогда во всех газетах, и потому приводить специальные цитаты не стоит.

как к совершенно чуждому ребенку. И дети, выросшие в таких условиях, впоследствии совершенно пропали для семьи, не могут чувствовать себя, как дома, в семье, которую они сами создают, потому что они слишком привыкли к жизни в одиночку, и тем еще более содействуют разрушению семьи среди рабочих. Другой причиной разрушения семьи является работа на фабриках детей. Как только они начинают зарабатывать больше того, что стоит содержание их родителям, они начинают выплачивать родителям за стол и квартиру, а остальное тратят на себя. Происходит это уже на четырнадцатом и пятнадцатом году (Power, Rept. on Leeds, passim; Tufnell, Rept. on Manchester p. 17 etc. фаб. отчета). Одним словом, дети становятся самостоятельными, смотрят на родительский дом, как на постоялый двор, который они часто и меняют на другой, если он им перестает нравиться.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Мы уже раньше указывали на физическую деградацию детей и подростков, равно как и жен рабочих, которых машина подчиняет эксплоатации капитала сначала прямо, — на фабриках возникающих на ее базисе, — а потом косвенно, — во всех других отраслях промышленности. Поэтому здесь мы остановимся только на одном пункте, на колоссальной смертности детей рабочих в первые годы их жизни. В Англии существует 16 регистрационных округов, в которых на 100 000 родившихся живыми детей до одного года приходится в среднем выводе только 9000 смертных случаев в год (в одном округе всего 7047); в 24 округах больше 10 000, но меньше 11 000; в 39 округах более 11 000, но менее 12 000; в 48 округах более 12 000, но менее 13 000; в 22 округах более 20 000, в 25 округах более 21 000, в 17 — свыше 22 000, в 11 — больше 23 000; в Hoo, Wolverhampton, Ashtonunder-Lyne и Preston больше 24 000, в Nottingham, Stockport и Bradford больше 25 000, Wisbeach 26 000 и в Манчестере 26 125. Как показало официальное санитарное исследование в 1861 г., причиной таких высоких норм смертности являются, оставляя в стороне местные условия, главным образом, занятие матерей вне дома и вытекающие отсюда недостаток попечения о детях, плохое обращение с ними, между прочим несоответствующее питание, недостаток питания, кормление препаратами опия и т. д.; к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокармливание и отравление.[1] Напротив, в таких земледельческих округах, «где женщины наименее заняты, и процент смертности наименьший».

Однако, следственная комиссия 1861 г. пришла к тому неожиданному выводу, что в некоторых чисто земледельческих округах, расположенных по Немецкому морю, смертность детей до одного года почти достигает нормы смертности фабричных округов, наиболее прославленных в этом отношении. Поэтому д-ру Julian Hunter'у было предложено исследовать это явление на месте. Его отчет приложен к «Sixth Report on

[1] «Оно (исследование 1681 г.)... показало сверх того, что при описанных обстоятельствах дети умирают от недостаточного попечения и плохого ухода, обусловливаемого фабричным трудом их матерей, и что матери до такой степени утрачивают естественные чувства к своим детям, что обыкновенно не огорчаются их смертью, а иногда даже... прямо принимают меры, чтобы вызвать ее» (там же).

Public Health». До того времени предполагали, что детей косит малярия и другие болезни, свойственные низким и болотистым местам. Исследование привело к прямо противоположному выводу, а именно, «что та самая причина, которая уничтожала малярию, т. е. превращение в плодородную пахотную землю земли, представлявшей болото зимой и скудное пастбище летом, создала необыкновенно высокую норму смертности грудных детей». 70 практикующих в этом округе врачей, которых опросил д-р Hunter, были «замечательно единодушны» насчет этого пункта. Именно, одновременно с революцией в земледельческой культуре здесь было положено начало и промышленной системе. «Замужние женщины, работающие вместе с девушками и подростками, за известную сумму целыми партиями предоставляются арендатору особым лицом, который называется «gangmaster» (староста партии) и нанимает всю партию. Эти партии часто перекочевывают за многие мили от своих деревень; утром и вечером их можно встретить по проселочным дорогам; женщины одеты в короткие юбки и соответствующие кофты и сапоги, иногда в штаны, очень сильны и здоровы на вид, но испорчены вошедшим в привычку распутством и нисколько не заботятся о тех вредных последствиях, которые их любовь к такой деятельной и независимой жизни обрушивает на их детей, чахнущих дома. Все явления фабричных округов воспроизводятся здесь в усиленной степени: замаскированное детоубийство и кормление детей опиатами.[1] «Мое знакомство с злом, которое порождается всякой продолжительной промышленной работой взрослых женщин, должно послужить оправданием моего отвращения к ней» говорит д-р Simon врач английского Privy Council [Тайного Совета] и главный редактор отчетов о «Public Health» [народном здравии]. «Действительно, — восклицает фабричный инспектор R. Baker в одном официальном отчете, — будет счастьем для мануфактурных округов Англии, если всем замужним женщинам, имеющим семью, будет воспрещено работать на какой бы то ни было фабрике».

Моральное искалечение, вытекающее из капиталистической эксплоатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими писателями, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом.

(К. Маркс. — «Капитал» т. I, гл. 13)

Детская смертность и труд детей

Из работ детей, особенно вредных, следует упомянуть о работе mould-runner'ов: работа эта заключается в том, что дети относят готовые вещи вместе с формой в сушильню и затем, когда вещи подсохнут, приносят форму назад в мастерскую. Так они целый день бегают из мастерской в сушильню и обратно с ношей, слишком тяжелой для их возраста, а высокая температура, в которой им приходится работать,

[1] Как в фабричных округах Англии, так и в земледельческих потребление опиума взрослыми рабочими и работницами все увеличивается. «Развить сбыт опиума... составляет главную цель некоторых предприимчивых оптовых торговцев. Дрогисты признают опиум самым ходким товаром» (там же, p. 459). Грудные дети, принимающие опиум, «смешиваются в маленьких старичков или съежи**ваются в обезьянок» (там же, p. 460). Вот как Индия и Китай метят Англии!**

делает работу еще более утомительной. Дети эти, за очень редкими исключениями, худы, бледны, слабы, малорослы и дурно сложены: почти все они страдают болезнями желудка, рвотой, отсутствием аппетита, и многие умирают от истощения. Почти столь же слабы мальчики, носящие название jigger'ов по колесу (jigger), которое им приходится вращать. Но значительно вреднее работа тех, которые погружают готовый товар в жидкость с большим содержанием свинца, а часто и мышьяка, как и тех, которым приходится брать в руки погруженные в эту жидкость товары. Руки и одежда этих рабочих, взрослых мужчин и детей, всегда мокры от этой жидкости, кожа размягчается и легко сходит от постоянного прикосновения к шероховатой поверхности этих товаров, так что пальцы часто бывают изранены до крови, что чрезвычайно благоприятствует всасыванию опасных для здоровья веществ. В результате сильные боли и серьезные болезни желудка и кишечника, упорные запоры, колики, иногда истощение и у детей **чаще всего эпилепсия.** У взрослых мужчин наступает обыкновенно частный паралич мышц руки, colica pictorum и паралич целых частей тела. Один свидетель рассказывает, что два мальчика, работавшие вместе с ним, умерли во время работы в судорогах; другой рабочий, работавший два года в глазировочном отделении, рассказывает, что сначала у него были сильные боли в животе, затем с ним случился припадок судорог, уложивший его в постель на два месяца, потом судороги стали являться чаще, а теперь они бывают каждый день, и **часто у него бывает от десяти до двадцати эпилептических припадков в день.** Правая сторона его тела парализована, и, как сказали ему врачи, он никогда не сможет более владеть ни рукой, ни ногой. На одной фабрике работало в глазировочном отделении четверо мужчин — все эпилептики и страдавшие упорными коликами — и одиннадцать мальчиков, из которых некоторые уже тоже были эпилептиками. Одним словом, эта страшная болезнь составляет вполне обычное последствие этого занятия, конечно, к вящшей наживе буржуазии! — В мастерских, где каменная посуда полируется, воздух наполнен мелкой минеральной пылью, вдыхание которой столь же вредно, как вдыхание стальной пыли шеффильдскими точильщиками. Рабочие страдают одышкой, ранами в горле, сильным кашлем и совершенно теряют голос. Все они умирают от чахотки.

Перейдем теперь к **производству стеклянных изделий.** И здесь есть отрасли труда, для взрослых мужчин, повидимому, не очень то вредные, но вредно отражающиеся на детях. Тяжелый труд, отсутствие установленного рабочего времени, частые ночные работы и в особенности высокая температура в мастерских (300°—330° Фаренгейта), — все это вызывает у детей общую слабость и болезненность, плохой рост и в особенности болезни глаз, желудка, дыхательных органов и ревматизм. Многие дети бледны, имеют красные глаза, часто лишаются зрения на целую неделю, страдают сильно тошнотой, рвотой, кашлем, склонностью к простудам и ревматизмам. Когда вынимают готовые товары из печей, детям часто приходится оставаться в такой высокой температуре, что доски, на которых они стоят, загораются под ногами.

Выдувальщики из стекла большей частью умирают в раннем возрасте от слабости и чахотки.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Высокая смертность среди детей рабочих и специально фабричных рабочих есть достаточное доказательство тех антигигиенических условий, в которых они проводят свои молодые годы. Причины этой смертности влияют и на тех детей, которые остаются в живых, но, конечно, не с такой силой, с какой они действуют на тех, которых они доводят до гибели. В лучшем случае, следовательно, результатом их являются задатки какой-нибудь болезни или задержанное развитие, а потому и физическая сила меньше нормальной. Девятилетний ребенок фабричного рабочего, выросший в нужде, всевозможных лишениях, в сырости, холоде, всегда плохо одетый и живший всегда в плохой квартире, обладает далеко не той работоспособностью, какой обладает ребенок, выросший в вполне здоровых условиях. Девяти лет его определяют на фабрику, где он работает ежедневно 6½ часов (раньше 8, а еще раньше 12—14, и даже 16 часов), до тринадцатилетнего возраста, а с этого времени до восемнадцати лет — 12 часов. Причины, действующие неблагоприятно на его организм, не прекращаются, а работы набавляется. Нельзя, конечно, отрицать того, что девятилетний ребенок и в особенности ребенок рабочего может выдержать ежедневную работу в 6½ часов без того, чтобы вред от такой работы для его организма был **явен** и ощутителен; но во всяком случае ясно, что пребывание в душной, часто сырой и горячей фабричной атмосфере благоприятно влиять на здоровье не может. Как бы там ни было, недобросовестно то, что время детей, которое должно быть посвящено исключительно физическому и духовному воспитанию, отдается в жертву жадности бесчувственной буржуазии, что детей лишают школы и чистого воздуха, отдавая их в жертву алчности фабрикантов. Правда, буржуазия на это отвечает: дети рабочих останутся в условиях неблагоприятных для их развития и в том случае, если они на фабриках работать не будут. В общем и целом это верно, но что же это значит, если вдуматься в сущность этих слов? Это значит только то, что буржуазия сначала ставит детей рабочих в дурные условия и затем эксплоатирует это положение их в свою пользу. Другими словами, буржуазия здесь ссылается в свое оправдание на то, что в такой же мере есть ее вина, как вся фабричная система, т. е. сегодняшнее преступление она оправдывает преступлением, совершенным вчера. И если бы фабричные законы, по крайней мере, до некоторой степени не связывали им рук, как бы эти «благожелательные», «гуманные» буржуа, которые и фабрики то свои построили исключительно ради блага рабочих, защищали интересы этих рабочих!

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ РАБОЧИХ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ БЫТА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Заболеваемость и быт

Я попытаюсь доказать, что это социальное убийство,[1] как это с полным правом называют английские рабочие газеты, общество в Англии совершает ежедневно и ежечасно: что оно поставило рабочих в положение, в котором они не могут быть здоровыми и не могут долго жить; что оно, таким образом, постепенно, частями подкапывает жизнь этих рабочих, доводя их до преждевременной смерти. Далее я постараюсь доказать, что общество **знает**, как вредно отзывается такое положение на здоровье и жизни рабочих, и тем не менее ничего не предпринимает, чтобы это положение улучшить. Что последствия, к которым приводит его государственный строй, обществу **известны**, что дело идет здесь, следовательно, не о непредумышленном убийстве, а об убийстве сознательном, я уже доказал, раз мне удалось привести в доказательство факта убийства официальные документы, правительственные и парламентские отчеты.

[1] См. примеч. 36-е.

Что класс людей, живущий в описанных выше условиях и столь нуждающийся в самых необходимых вещах для удовлетворения наиболее настоятельных жизненных потребностей, не может быть здоровым и жить долго, ясно само собой. Рассмотрим, тем не менее, еще раз каждое из этих условий и специально с точки зрения здоровья рабочих. Уже одна концентрация населения в больших городах имеет очень неблагоприятные последствия; атмосфера Лондона никогда не может быть столь чистой, столь богатой кислородом, как атмосфера какого-нибудь сельского округа; 2½ миллиона легких, и 2½ сотни тысяч очагов, стиснутые на 3—4 географических квадратных милях, потребляют необъятное количество кислорода, который восстановляется лишь с большим трудом, так как сама распланировка города затрудняет вентиляцию. Образующийся дыханием и горением углекислый газ, благодаря своему большому удельному весу, остается на улице, и главный ток ветра проносится высоко над крышами домов. Легкие населения не получают достаточного количества кислорода и последствием этого является физическое и духовное ослабление и понижение жизнедеятельности. По этой причине жители больших городов менее, чем деревенские жители, подвержены, правда, острым заболеваниям, в особенности сопровождающимся воспалениями, но зато они тем более страдают от хронических болезней. Если же жизнь в больших городах уже сама по себе плохо влияет на здоровье, то как велико должно быть это вредное влияние нечистой атмосферы в рабочих кварталах, где, как мы это видели, все как бы соединяется для того, чтобы сделать эту атмосферу как можно хуже. В деревне, где воздух свободно циркулирует по всем направлениям, может быть совсем не так вредно, если у самого дома находится грязная лужа; но посреди большого города на улицах и дворах, со всем сторон застроенных и отрезанных от всякого притока свежего воздуха, дело обстоит совсем иначе. Всевозможные гниющие животные и растительные вещества развивают газы, абсолютно вредные для здоровья, и если эти газы не имеют свободной тяги, они не могут не заражать атмосферы. Таким образом, грязь и стоячие лужи в рабочих кварталах больших городов являются всегда сильнейшей угрозой общественному здоровью, так как именно они развивают газы, вызывающие болезни; то же самое можно сказать об испарениях загрязненных рек. Но это далеко еще не все. Поистине возмутительно, как современное общество обращается с огромным множеством бедняков. Их привлекают в крупные города, где они дышат атмосферой, худшей, чем в их родной деревне. Их направляют в кварталы, которые из-за своей распланировки хуже вентилируются, чем все остальные. Их лишают всех средств

содержать себя в чистоте, их лишают воды, прокладывая водопроводные трубы только за деньги, и настолько загрязняют реки, что пользоваться ими в целях чистоты совершенно невозможно; их заставляют выкидывать тут же на улице всякие отбросы, выливать всю грязную воду и часто самую отвратительную грязь и навоз, лишая их всех средств освободиться от них как-нибудь иначе; их заставляют, таким образом, самих загрязнять свои собственные кварталы. Но этого еще мало. На головы бедняков сыплются всевозможные злоключения. Если население города становится вообще слишком густым, их первых сжимают на еще меньшем пространстве. Мало того, что их заставляют дышать испорченным воздухом на улице; их набивают еще дюжинами в одну комнату, так что воздух, которым они дышат ночью, становится совершенно невозможным. Им дают сырые квартиры, подвалы, куда вода проникает снизу, или мансарды, куда вода проникает сверху. Строят их дома так, что испорченный воздух не имеет тяги и не может заменяться хорошим. Их снабжают плохой, изорванной или рвущейся одеждой и плохими фальсифицированными и трудно переваримыми съестными припасами. В них возбуждают самые сильные и противоположные настроения, самые сильные переходы от страха к надежде и обратно, их травят, как диких зверей, и не дают им покоя, не дают спокойно прожить ни минуты. Их лишают всех наслаждений, кроме половых и пьянства, но зато заставляют их ежедневно работать до полного истощения всех духовных и физических сил и тем самым постоянно гонят их к самым безумным излишествам в тех единственных двух наслаждениях, которые им предоставлены. И если всего этого мало, если все это они пересиливают, они падают жертвой безработицы во время кризиса, теряя при этом то немногое, что у них остается еще от такой жизни.

Как же возможно, чтобы при таких условиях бедный класс был здоров и долговечен? Какой же другой может быть от этого результат, как не чрезмерный процент смертных случаев, постоянные эпидемии, неизбежное прогрессивное физическое ослабление рабочего класса? Посмотрим, как дело обстоит в действительности.

Что жилища рабочих в плохих кварталах вместе с прочими условиями жизни рабочих являются причинами множества болезней, нам свидетельствуют со всех сторон. Автор цитированной выше статьи в журнале «Artizan» вполне прав, когда он говорит, что такие условия жизни должны иметь своим необходимым последствием легочные болезни, и они на самом деле наиболее часто встречаются среди рабочих. Что скверный воздух Лондона и в особенности его рабочих кварталов в высшей степени благоприятен для развития чахотки, доказывает чахоточный вид столь многих людей, которых встречаешь там на улицах. Когда ходишь по улицам рано утром в то время, когда все спешат на работу, прямо изумляешься этому множеству полу- или совсем чахоточных людей, которых встречаешь. Даже в Манчестере у людей нет такого чахоточного вида; эти бледные, долговязые, узкогрудые привидения с впавшими глазами, которые встречаешь на каждом шагу, эти бессильные, вялые, лишенные всякой энергии, лица я видел только в Лондоне в столь поразительном множестве, хотя в фабричных городах северо чахотка ежегодно тоже пожирает немало жертв. С чахоткой конкурирует еще, если не считать других легочных болезней и скарлатины,

прежде всего тиф — болезнь, производящая самые страшные опустошения среди рабочих. В официальном отчете о санитарных условиях жизни рабочего класса это общераспространенное зло прямо представляется, как следствие плохой вентиляции, сырости и грязи жилищ рабочих. В этом отчете, — не следует забывать, что он составлен первыми светилами медицины в Англии на основании показаний других врачей, — говорится, что достаточно одного двора с плохой вентиляцией, одного тупика без сточных канав — в особенности, если жители живут скученно, и по близости разлагаются органические вещества — чтобы появилась горячка. Эта последняя имеет почти везде один и тот же характер и почти всегда переходит в ясно выраженный тиф. Ее можно найти в рабочих кварталах всех больших городов и даже в некоторых плохо устроенных и содержимых улицах меньших городов, и наибольшее распространение она получает в плохих кварталах, хотя, конечно, отыскивает некоторые отдельные жертвы и в лучших кварталах. В Лондоне она неистовствовала довольно долгое время; ее чрезвычайная сила и опустошение в 1837 г. вызвали упомянутый официальный отчет. Согласно годовому отчету д-ра Саутвуда Смита, в лондонской больнице для лихорадочных больных пребывало в 1843 г. 1462 больных, на 418 больше, чем в какой бы то ни было из прежних годов. Эта болезнь страшно сильно свирепствовала в сырых и грязных местностях восточных, северных и южных округов Лондона. Большая часть пациентов были рабочие, приехавшие недавно из деревни, претерпевшие самые жестокие лишения дорогой и по прибытии в Лондон, спавшие полуголые и полуголодные на улицах за неимением работы и в конце концов павшие ее жертвой. Люди эти по прибытии в больницу были так слабы, что понадобилось необыкновенно большое количество вина, коньяку, аммиачных препаратов и других возбуждающих средств, чтобы несколько оживить их. Из всех больных умерло 16,5%. Знает эту ужасную болезнь и Манчестер; из плохих рабочих кварталов старого города, Ankootского округа, Малой Ирландии и т. д. она не исчезает почти никогда, но все же она здесь, как и вообще в английских городах, не свирепствует с такой силой, какую можно было бы ожидать. Напротив того, в Шотландии и Ирландии тиф свирепствует с силой, превосходящей всякое представление. В Эдинбурге и Глазго она особенно свирепствовала в 1817 г. после наступившего вздорожания съестных припасов, в 1826 и 1837 гг. после торговых кризисов, и каждый раз, пробушевав три года, на некоторое время немного затихала. В Эдинбурге пострадало в эпидемию 1817 г. 6000 человек, и с каждым возвратом эпидемии не только увеличивалось число больных, но возрастали и сила болезни и процент смертных случаев. Но сила болезни во все предыдущие периоды ничто в сравнении с силой, с которой она свирепствовала после кризиса 1842 г. От нее пострадала одна шестая часть всех бедняков во всей Шотландии, и странствующие нищие разносили болезнь с поразительной быстротой из одного места в другое; она не захватила средних и высших классов общества, но за два месяца было больше больных, чем в двенадцать лет до этого. В Глазго переболело этой болезнью в 1843 г. 12% населения, всего 32 000 чел., из которых 32% умерли, между тем как смертность в Манчестере и Ливерпуле не превышает обыкновенно 8%. Во время этой болезни на седьмой и пятнадцатый день наступают кризисы; во время последних пациент обыкновенно становится

желтым; это обстоятельство одно из наших медицинских светил считает доказательством того, что причину болезни следует искать также в душевном возбуждении и страхе. В Ирландии эта эпидемия тоже довольно частое явление. В течение двадцати одного месяца 1817—18 гг. в больнице Дублина перебывало 39 000 больных тифозной горячкой и в один из последующих годов по свидетельству шерифа Алисона (во втором томе «Principles of Population») даже 60 000 больных. В Корке перебывала в больнице в эпидемию 1817—18 г. седьмая часть населения, в Лимерике перебывала в больнице в это время четвертая часть, а в **дурном квартале** города Ватерфорд переболело этой болезнью $^{19}/_{20}$ всего населения.

Если вспомнить условия, в которых живут рабочие, если иметь в виду, как тесны их квартиры, как битком набит в них людьми каждый угол, как в одной комнате на одной постели спят и больные и здоровые, можно будет удивляться только тому, что такая заразительная болезнь, как эта горячка, не распространяется еще более. И если принять во внимание, сколь скудна медицинская помощь заболевшим, сколь многие совершенно лишены медицинского совета и совершенно незнакомы с самыми обычными предписаниями диэты, то смертность окажется еще слишком ничтожной. Д-р Алисон, хорошо изучивший эту болезнь, видит причину ее в нужде и жалком положении бедняков, как и цитированный выше отчет: лишение и недостаточное удовлетворение жизненных потребностей делают, по его словам, организм восприимчивым к заразе и вообще подготовляют плодотворную почву для развития и распространения эпидемии. Он доказывает, что в Шотландии и Ирландии всякой эпидемии тифа предшествовал период лишений, — вследствие торгового кризиса или неурожая, — и что болезнь свирепствовала почти исключительно среди рабочего класса. Замечательно еще то, что, согласно его показаниям, большинство лиц, заболевших тифом, были отцы семейств, т. е. именно те, которые особенно необходимы своей семье; о том же свидетельствует большинство цитированных им ирландских врачей.

Другой ряд болезней имеет своей непосредственной причиной не столько жилища, сколько питание рабочих. Пища рабочих, вообще очень трудно перевариваемая, для маленьких детей совсем уже не годится; и тем не менее у рабочего нет ни средств, ни времени, чтобы доставать своим детям более подходящую пищу. Кроме того, следует упомянуть еще об очень распространенном обычае давать детям водку или даже опиум, чтобы они спали. Все это, вместе с остальными условиями жизни, вредно действующими на физическое развитие детей, вызывает самые различные болезни органов пищеварения, оставляющие свои следы на всю жизнь. Почти у всех рабочих более или менее слабый желудок, и тем не менее они вынуждены оставаться на той диэте, которая создала такой желудок. Как им знать, что этому виной? А если бы они это и знали, как им держаться другой, более подходящей диэты, если условия жизни их не меняются и они остаются при том же образовании? Это плохое пищеварение становится источником новых болезней, развивающихся уже во время детства. Золотухой страдают почти все рабочие: золотушные родители имеют золотушных детей, в особенности, если первоначальная причина болезни продолжает влиять на этих детей, родившихся уже с задатками золотухи. Вторым последствием этого недостаточного питания тела во время роста ребенка является рахит (иначе английская болезнь, вызывающая уродливые костные наросты на сочленениях), тоже очень часто встречающийся у детей рабочих; отвердевание костей при этом замедляется, развитие костного скелета вообще задерживается и рядом с обычными явлениями рахита встречаются часто искривления ног и спинного хребта. Мне нет надобности упоминать о том, как усиливаются эти болезни во время перемен, которые наступают в жизни рабочего во время торговых застоев, безработицы и кризисов. Эти последствия дурного, но зато хоть, по крайней мере, достаточного питания усиливаются еще в период недостаточного питания — период, который почти каждому рабочему приходится переживать, по меньшей мере, хоть раз в жизни. Дети, не наедающиеся как-раз в то время, когда питание им наиболее необходимо, — а сколько бывает таких детей во время каждого кризиса и даже в лучшие периоды развития промышленности, — не могут не стать слабыми, золотушными и рахитичными. Что они такими становятся, показывает действительность. Отсутствие ухода, на который обречена громадная масса детей рабочих, оставляет неизгладимые следы и ведет к ослаблению всего рабочего населения. Если сюда прибавить еще нецелесообразную одежду рабочих и обусловленную ею невозможность защищать себя от простуд, необходимость работать до тех пор, пока болезнь окончательно не сваливает с ног, усиленную нужду семьи во время болезни работника, слишком обычный отказ от всякой врачебной помощи, можно будет создать себе приблизительное представление, каковы гигиенические условия жизни английских рабочих. Я здесь не упоминаю еще вовсе о вредных последствиях работы в некоторых отраслях труда при нынешних условиях работы в них.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Смертность рабочих и быт

Как неблагоприятны условия жизни рабочих в городах, доказывает процент смертности в городе Прескотте, в Ланкашире. Это—округ, населенный углекопами, а так как работа в копях не очень-то хорошо влияет на здоровье, то этот округ по санитарному состоянию населения стоит ниже земледельческих округов. Но рабочие живут за городом, и вот среди них смертность выражается в отношении 1 на 47,54, т. е. почти на $2^1/_2$ ниже средней смертности всей Англии. Все эти данные взяты из таблиц смертности 1843 г. Еще выше процент смертности в городах Шотландии: в Эдинбурге в 1838—39 г. отношение было 1 : 29, а в 1831 г. в одном старом городе даже 1 : 22, в Глазго согласно данным д-ра Коваль («Vital statistics of Glasgow») с 1830 г. отношение в среднем составляло 1 : 30, а в некоторые отдельные годы — 1 : 22 или 24. Что это чрезвычайное сокращение средней продолжительности жизни падает, главным образом, на рабочий класс и что эта средняя цифра, взятая для всех классов, слишком еще мала по отношению к рабочему классу, ибо смертность высших и средних классов ниже, нам заявляют со всех сторон. Одним из новейших свидетельств этого рода является свидетельство врача в Манчестере П. Х. Голланда, исследовавшего по официальному поручению предместье Манчестера, Чорлтон-он-Медлок. Он разделил улицы на три класса, дома в каждом из них тоже на три класса и получил следующие данные:

I	класс	улиц:	I	класс	домов:	смертность	= 1 : 51
„	„	„	II	„	„	„	= 1 : 45
„	„	„	III	„	„	„	= 1 : 36
II	„	„	I	„	„	„	= 1 : 55
„	„	„	II	„	„	„	= 1 : 38
„	„	„	III	„	„	„	= 1 : 35
III	„	„	I	„	„	данных нет	
„	„	„	II	„	„	смертность	= 1 : 35
„	„	„	III	„	„	„	= 1 : 25

Из многих других таблиц Голланда явствует, что смертность на улицах второго класса на 18% и на улицах третьего класса на 68% выше, чем на улицах первого класса; что смертность в домах второго класса на 31% и в домах третьего класса на 78% выше, чем в домах первого класса: что смертность в грязных улицах, после очистки их, уменьшилась на 25%. Заключает он свой доклад следующими словами, в устах буржуа весьма откровенными: «Раз оказывается, что смертность в некоторых улицах в четыре раза больше, чем в других и в целых классах улиц вдвое больше, чем в других классах, когда далее оказывается, что эта высокая смертность в улицах с хорошими условиями остается всегда почти на одном уровне, то нельзя не сделать того вывода, что масса наших ближних, сотни наших ближних соседей преждевременно гибнут (destroyed) вследствие отсутствия самых обычных мер предосторожности». В отчете о гигиенических условиях жизни рабочих классов содержится одно указание, доказывающее тот же факт. В Ливерпуле средняя продолжительность жизни составляла в 1840 г. для высших классов 35 лет, для купцов и более обеспеченных ремесленников 22 года, а для рабочих, поденщиков и слуг вообще только 15 лет. В парламентских отчетах можно найти множество подобных же фактов.

Большие цифры смертности обусловливаются главным образом высокою смертностью среди маленьких детей рабочего класса. Нежный организм ребенка всего менее в состоянии бороться с неблагоприятными воздействиями плохих условий жизни. Отсутствие ухода, на которое он часто бывает обречен, когда оба родителя работают или один из них умер, очень скоро мстит за себя; нет, поэтому, ничего удивительного в том, если, например, в Манчестере, согласно только что упомянутому нами отчету, выше 57% детей рабочих умирает, не достигнув пяти лет, между тем как из детей высших классов до пятилетнего возраста умирает только 20%, а в сельских округах средняя цифра детей всех классов, умирающих до пятилетнего возраста, составляет менее 32%. В не раз уже упомянутой нами статье журнала «Artizan» можно найти по этому поводу более точные указания; здесь сопоставлены по отдельным детским болезням числа смертных случаев в городах и в деревне. Этим способом автор доказывает, что во время эпидемий процент смертных случаев в Ливерпуле и Манчестере в три раза выше, чем в сельских округах, что в городах процент заболеваний болезнями нервной системы в пять раз и болезнями желудка более, чем в два раза, больше, чем в деревне, а число смертных случаев от легочных заболеваний в городах относится к тому же числу в деревне, как 2½: 1. От оспы, кори, коклюша и скарлатины умирает в городах в четыре раза больше детей, чем в деревне, а от судорог в десять раз больше. — Чтобы сослаться еще на один выдающийся

авторитет, я приведу здесь таблицу, которую, д-р Уад дает в своей «History of the Middle and Working Classes» (London, 1835, 3-rd. ed.), заимствовав ее из отчета парламентского фабричного комитета 1832 г.

Из 10 000 человек умирает	Моложе 5 лет	5 — 19	20—39	40—59	60—69	70—79	80—89	90—99	100 и более
В графстве Рутланд — здоровом земледельческом округе	2865	891	1275	1299	1189	1428	938	112	3
В графстве Эссекс — земледельческом округе с болотистой почвой . .	3159	1110	1526	1413	963	1019	630	177	3
В городе Карлейле 1779—87 г., до появления фабрик	4468	921	1606	1201	940	826	533	153	22
В городе Карлейле, после появления фабрик .	4738	930	1261	1134	677	727	452	80	1
В Престоне, фабричном городе	4947	1136	1379	1114	553	532	298	38	3
В Лидсе, фабричном городе	5286	927	1228	1198	593	512	225	29	2

Кроме всех этих болезней, представляющих неизбежное последствие отсутствия ухода и общего тяжелого положения бедных классов, есть еще и другие причины, содействующие возрастанию смертности среди маленьких детей. Во многих семьях жена так же работает вне дома, как и муж, вследствие чего дети остаются совершенно без ухода: их или запирают в доме, или отдают куда-нибудь под надзор. Что удивительного, если при таких условиях сотни детей гибнут вследствие всевозможных несчастных случаев. Нигде в другом месте не гибнет под колесами экипажей и под копытами лошадей, не утопает и не сгорает столько детей, сколько в крупных городах Англии. Особенно часты смертные случаи от ожогов огнем или горячей водой — в Манчестере в течение зимних месяцев бывает почти каждую неделю один случай и в Лондоне столь же часто, но о бэтом редко прочтешь в газетах; у меня под рукой лишь одно показание газеты «Weekly Dispatch» от 15 декабря 1844 г., по которому за неделю от 1 до 7 декабря было шесть таких случаев. Эти бедные дети, гибнущие столь ужасным образом, исключительно жертвы нашего общественного строя и заинтересованных в сохранении этого строя имущих классов. И при всем том трудно сказать, не является ли даже эта страшная мучительная смерть благодеянием для них, освобождая их от долгой жизни, полной мучений и нищеты, богатой всевозможными страданиями и бедной наслаждениями. Вот как обстоят дела в Англии, и буржуазия ежедневно читает об этом в газетах, и горя ей мало.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

САМОУБИЙСТВА

Нищета ставит перед рабочим только одну альтернативу: либо умереть — медленной ли смертью от голода, или быстро, посредством самоубийства, — либо брать себе все, что ему нужно, где только возможно, — попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воровство смерти от голода или самоубийству. Есть, конечно, и среди рабочих множество людей, достаточно моральных для того, чтобы не красть, даже когда они доведены до отчаяния, и вот эти и умирают от голода или убивают себя. Самоубийство, бывшее до недавнего времени завидной привилегией высших классов, вошло в Англии в моду и среди пролетариев, и множество бедных людей убивает себя, чтобы избежать нищеты, от которой они не видят для себя никакого другого спасения.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

АЛКОГОЛИЗМ

Причины пьянства рабочих при капитализме

Есть еще и другие причины, ослабляющие здоровье значительного числа рабочих. Первой из них является пьянство. Все как будто соединяется для того, чтобы сделать рабочего пьяницей. Водка есть почти единственный источник наслаждения для них, и все как будто толкает их к этому источнику. Усталый и истощенный рабочий возвращается с работы домой. Он находит свое жилище без всякого уюта, сырым, непривлекательным и грязным. Ему настоятельно необходимо развлечение, ему нужно что-нибудь, ради чего стоило бы работать, что смягчало бы для него перспективу завтрашнего рабочего дня. Его недовольное и мрачное настроение, вызванное отчасти его нездоровым состоянием, именно несварением желудка, усиливается до невозможности всеми остальными условиями его жизни, мыслями о необеспеченности своего существования, зависимости своей от всевозможных случайностей и невозможности самому что-нибудь сделать для улучшения своего положения. Тело его, ослабленное плохим воздухом и дурной пищей, настоятельно требует какого-нибудь стимула извне. Его потребность в обществе может быть удовлетворена только в трактире; у него нет другого места, где он мог бы встретить своих друзей. Как же ему при таких условиях быть в силах устоять против искушения и не отправиться в трактир? Напротив того, это — моральная и физическая необходимость, при этих условиях очень большое множество рабочих должно предаться пьянству. Но помимо этих скорее физических причин, заставляющих рабочего пьянствовать, здесь влияют еще примеры других, небрежное воспитание, невозможность оградить более молодых людей от искушения, во многих случаях прямое влияние предающихся пьянству родителей, которые сами дают водку детям, уверенность, что под влиянием винных паров забудешь на пару часов нужду и гнет жизни, как и сотни других обстоятельств, так что пристрастие рабочих к водке, действительно, не представляет ничего удивительного. Пьянство перестало здесь быть пороком, за который можно обвинять порочного: оно становится необходимым, неизбежным последствием известных условий, влияющих на безвольный объект, безвольный, по крайней мере, в этих условиях. Пусть за это отвечают те, которые сделали рабочего таким объектом. Но с той же необходимостью, с которой огромное множество рабочих должно предаваться пьянству, с той же необходимостью это пьянство проявляет свои разрушительные действия на теле и душе своих жертв. Оно усиливает все задатки болезней, вытекающих из условий жизни рабочего, легочные и желудочные заболевания и содействует появлению и распространению тифа.

Результатом всего этого является общая физическая слабость у рабочих. Редко встретишь среди них сильных, правильно сложенных и здоровых людей, в особенности среди промышленных рабочих, работающих в закрытых помещениях, а у нас идет, ведь, речь только о них. Почти все они слабы, с некрепким телосложением, худы, бледны, с слаборазвитыми мышцами, кроме разве тех, которые особенно напрягаются в работе. Почти все они страдают несварением желудка и вследствие этого более или менее страдают ипохондрией и вообще бывают мрачны и неприветливы. Их ослабевший организм не в состоянии бороться с болезнью, и они очень часто болеют. Поэтому, они рано стареются и умирают в молодых летах. Таблицы смертности доказывают это с неопровержимой очевидностью.

Согласно отчету генерального регистратора Г. Грагама, смертность во всей Англии и Уэльсе составляет ежегодно немного менее 2¼%, т. е. на 45 человек ежегодно умирает один. Такова, по крайней мере, была средняя норма в 1839—40 г.; в следующем году смертность несколько уменьшилась, так что умирал один человек из 46. Но в больших городах процент смертности получается совсем другой. У меня под руками официальные таблицы смертности (заимствованные из газеты «Manchester Guardian» за 31 июля 1844 г.), согласно которым смертность в больших городах выражается в следующих цифрах: в Манчестере, включая города Сальфорд и Чорлтон, приходится одна смерть на 32,72 жителя, а без этих двух городов — 1 на 30,75; в Ливерпуле, включая предместье Вэст-Дерби, приходится 1 на 31,90, а без этого предместья — 1 на 29,90; во всех же округах Чешира, Ланкашира и Иоркшира, о которых имеются сведения, — а это все округа с сельским или полусельским населением, обнимающим всего 2 172 506 человек, и множеством маленьких городов — приходится одна смерть на 39,80 человек.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Буржуа по уши погряз в своих классовых предрассудках, в принципах, привитых ему с детства: с ним ничего поделать нельзя; он по существу консервативен, хотя бы и в либеральной форме, его интересы неразрывно связаны с существующим строем, и он для всякого движения вперед человек мертвый. Мало-по-малу он перестает стоять во главе исторического развития, и его место пока юридически, — а со временем и фактически, — занимает рабочий.

Все это, как и вытекающая отсюда общественная деятельность рабочих, которую мы рассмотрим еще ниже, образует хорошие стороны характера этого класса: дурные его стороны столь же быстро обозначились и тоже с необходимостью вытекают из приведенных выше причин. Пьян-

ство, беспорядочность половых сношений, грубость и отсутствие уважения к принципу частной собственности — вот главные пороки, в которых его обвиняет буржуа. Что рабочие много пьют, вполне естественно и иначе быть не может. Шериф Алисон утверждает, что в Глазго каждый вечер субботы напиваются пьяными 30 000 рабочих, и это число, без сомнения, не малое; что один трактир приходился в этом городе в 1830 г. на двенадцать домов, а в 1840 г. на десять домов; что в Шотландии было уплачено акциза в 1823 г. с 2 300 000 галлонов водки и в 1837 г. с 6 620 000 галлонов, а в Англии в 1823 г. с 1 976 000 галлонов и в 1837 г. с 7 875 000 галлонов. Пивной билль 1830 г., облегчивший устройство пивных, так называемых Jerry-Shops, владельцам которых была разрешена только распивочная (to be drunk on the premises) продажа пива, облегчил также распространение пьянства, приблизив каждому трактир чуть ли не до порога дома. Почти на каждой улице можно найти несколько таких пивных, а если где-нибудь за городом стоят два-три дома, то можно быть уверенным, что там найдется один Jerry-Shop. Кроме того есть еще во множестве Hush-Shops, т. е. тайные трактиры и не мало тайных винокурень, которые в центре крупных городов, в отдаленных, редко посещаемых полицией, кварталах, выкуривают водку в огромных количествах. Гаскелль считает число этих последних в одном Манчестере больше ста, и их годовое производство равно по меньшей мере 156 000 галлонов. В Манчестере имеется, кроме того, более тысячи трактиров и, следовательно, сравнительно с числом домов, по меньшей мере, столько же, сколько в Глазго. Во всех больших городах дело обстоит точно так же. И если, оставив обычные последствия пьянства в стороне, принять еще во внимание, что мужчины и женщины всякого возраста и даже дети, часто матери с детьми на руках, сходятся в этих трактирах с наиболее низко павшими жертвами буржуазного режима, ворами, мошенниками и проститутками, если вспомнить, что иная мать опаивает водкой грудного ребенка, которого она держит на руках, вряд ли кто-нибудь станет отрицать деморализующее действие этих трактиров на их посетителей. Пьянство это во всей его грубости можно видеть в особенности в субботу вечером, когда выдается заработная плата и прекращают работу немного раньше обыкновенного, и когда весь рабочий класс появляется на своих дурных кварталов на главных улицах. Мне редко удавалось в такой вечер выйти из Манчестера, не натолкнувшись на множество пьяниц, едва державшихся на ногах или валяющихся в канавах. В воскресенье вечером повторяются обыкновенно те же сцены, но шума бывает меньше. А когда все деньги истрачены, пьяница отправляется в первый попавшийся ломбард, которых в каждом большом городе множество — в Манчестере их свыше шестидесяти, а на одной улице города, Сальфорд-Чапель-стрит, от 10 до 12 — и закладывает все, что у него есть. Мебель, праздничная одежда, если она имеется, посуда, — все это каждую субботу массами берется из ломбардов, чтобы почти всегда не позже среды быть принесенным обратно, и так дело продолжается до тех пор, пока какая-нибудь случайность не делает выкуп невозможным, и одна вещь за другой остается в руках ростовщика, или пока последний отказывается выдать что бы то ни было за вещь, ставшую никуда негодной. Кто собственными глазами наблюдал распространение пьянства среди рабочих Англии, тот охотно поверит лорду Ашлею, что они ежегодно тратят на спиртные напитки до 25 миллионов фунтов стерлингов. А на-

сколько такое пьянство ухудшает положение рабочих, какие страшные опустошения оно производит в их физическом и духовном состоянии, какую дезорганизацию оно вносит в семейные отношения, — все это каждому представить себе не трудно. Общества трезвости сделали, правда, немало, но что могут значить несколько тысяч проповедников трезвости в сравнении с миллионами рабочих? Когда отец Матфей, ирландский апостол трезвости, объезжает английские города, от 30 до 60 тысяч рабочих часто дают обет не пить (pledge), но не проходит и четырех недель, как этот обет большей частью забыт. Если, напр., сложить число лиц в Манчестере, давших в последние 3—4 года обет не пить, полученное число превысит общее число всех жителей города, а между тем незаметно, чтобы пьянство уменьшалось.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Скученность многих в одной комнате, которая теперь стала столь общим явлением, тоже введена главным образом ирландцами. А так как и этот бедняк должен иметь какое-нибудь наслаждение, и все другие общество сделало для него недоступными, то он отправляется в трактир и пьет там водку. Водка — вот что делает ирландцу сносной его жизнь — водка, да еще его беззаботный веселый характер, и потому он напивается до бесчувствия. Южный легкомысленный характер ирландца, грубость его, которая почти принижает его до состояния дикости, его презрение ко всем человеческим наслаждениям, на которые он неспособен вследствие именно этой дикости, его грязь и нищета, — все это усиливает в нем стремление к пьянству, искушение слишком велико, чтобы он мог ему противостоять, и как только он получает какие-нибудь деньги, он должен промочить горло. Как же оно может быть иначе? Как может общество, ставящее его в такое положение, в котором он почти должен стать пьяницей, дающее ему почти одичать, как оно может обвинять его впоследствии, когда он на самом деле становится пьяницей.

(Ф. Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Все кабаки переполнены, особенно в субботу и воскресенье, а вечером, к одиннадцатому часу, когда их запирают, пьяные толпами высыпают из них, большинство замертво падает тут же в дорожную канаву. Подонки городского населения совершенно деморализованы, не имеют постоянного крова и определенного заработка; с наступлением дня они вылезают из своих убежищ, сеновалов, конюшен и т. д., если не провели всю ночь где-нибудь на лестнице или на свалке. Ограничением числа кабаков, раньше совершенно неопределенного, власти положили теперь до некоторой степени предел этому безобразию.

Причины этого явления совершенно ясны. Прежде всего, этому очень много способствует фабричный труд. Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше углекислоты и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев начиная уже с шестилетнего возраста, — как-будто предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. Одиночки-ткачи сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и сушат себе спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей — мистицизм или пьянство.

Немногие крепкие фигуры, которые приходится там встречать, почти только столяры и иные ремесленники, все пришлые люди из других местностей; попадаются крепкие люди и среди туземных кожевников, но достаточно трех лет такой жизни, чтобы физически и духовно их погубить: из пяти человек трое умирают от чахотки, и все — по причине пьянства. Это явление, однако, не принимало бы таких ужасных размеров, если бы не безобразное хозяйничанье владельцев фабрик, и если бы одновременно мистицизм не выражался в тех формах, в каких он здесь все более получает преобладание. Среди низших классов господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; сифилис и легочные болезни настолько распространены, что трудно поверить; в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 не попадают на школьную скамью и вырастают на фабрике для того лишь, чтобы фабриканту не платить взрослому вдвое против заработной платы, которую он дает малолетнему. Но у богатых фабрикантов — растяжимая совесть, и оттого, что зачахнет одним ребенком больше или меньше, душа пиэтиста еще не попадет в ад, тем более, если по воскресеньям она два раза бывает в церкви. Ибо установлено, что из фабрикантов хуже всех со своими рабочими обходятся пиэтисты: они всевозможными способами сбивают им плату под предлогом ограничить их пьянство, а при выборах проповедников всегда первые прибегают к подкупу.

(Соч. Маркса и Энгельса, т. II — „Письма из Вуппертала")

Капитализм насаждает наркоманию

Как известно, англо-ост-индская компания кроме политической власти в Ост-Индии добилась исключительной монополии на торговлю чаем и вообще на торговлю с Китаем, и кроме того в ее же руках сосредоточилась монополия транспортировки товаров из Европы и в Европу. Но судоходство у берегов Индии и между островами, а также торговля внутри Индии сделались монополией высших должностных лиц компании. Монополии на соль, опиум, бетель и другие товары стали неисчерпаемыми источниками богатства. Должностные лица сами устанавливали цены и по произволу обдирали несчастных индусов. Генерал-губернатор участвовал в этой частной торговле. Его любимцы получали контракты на таких условиях, которые позволяли им, лучше чем алхимикам, делать золото из ничего. Крупные состояния вырастали как грибы после дождя, и первоначальное накопление осуществлялось без предварительной затраты хотя бы одного шиллинга. Судебный процесс Warren Gastings'a полон такого рода примерами. Вот один из них. Один контракт на поставку опиума был дарован некоему Sullivan'у в момент его отъезда — по официальному поручению — в часть Индии, далеко отстоящую от района производства опиума. Sullivan продает свой контракт за 40 000 ф. стерлингов некоему Binn'у, а Binn перепродает его в тот же день за 60 000 ф. стерлингов. Последний покупатель и выполнитель контракта заявляет, что он еще извлек из него громадную выгоду. Согласно одному документу, представленному в парламент, между 1757 и 1766 гг., компания и ее должностные лица заставили индийцев подарить себе 6 миллионов ф. стерлингов. В 1769—70 г. англичане искусственно устроили голод, закупив весь рис и отказываясь продавать его иначе, как по баснословно высоким ценам.

(*К. Маркс* — «Капитал», т. I, гл. 24)

«Пьяный бюджет» российского царизма

Правительственные газеты, а во главе их подхалимское «Новое Время», расхваливают наше правительство за великолепные результаты государственного хозяйства. Подумайте только: 450 миллионов рублей «свободной наличности»! Не из дому, а в дом — вот как, изволите видеть, «мы» хозяйничаем.

И «Новое время», газета черносотенных помещиков и октябристских купцов, приходит к выводу, что и воевать с таким запасцем в 450 млн. руб. нисколько не страшно.

Посмотрим, однако, на объяснительную записку министра финансов к росписи на 1913 г.: нельзя ли в ней найти, помимо самовосхваления (этого добра в записке сколько угодно!), **точных данных** о происхождении пресловутой «свободной наличности»?

Раскрываем объяснительную записку г. министра и читаем в ней (стр. 15 части I), что за пятилетие 1908—1912 гг. **займы** дали казне 339½ млн. рублей. Выкуплено займов за это же время 252,1 млн. руб.

Значит, **увеличились** займы, в общем и целом, **на 87,4 млн. руб.** Вот вам первый «источник» «свободной наличности». Нехитрый источник, как видите.

Но пойдем далее. Известно, что **с 1 октября 1908 г.** цена на казенную водку поднята до предельных размеров, именно с 8 руб. до 8 руб. 40 коп. за ведро (обыкновенное, а за столовое с 11 р. до 12 р.).

В результате этой «финансовой меры» средняя цена казенной водочки была за пятилетие 1908—1912 гг. — 8 руб. 48 коп. за ведро, т. е. ровнехонько **на 42 копейки дороже,** чем в предыдущее четырехлетие (1904—1907 гг. — 8 р. 06 к. за ведро).

Всего продала казна за 5 лет (1908—1912 гг.) — 440½ миллионов ведер сорокаградусной сивухи. Увеличение прибыли по 42 копейки с ведра дало **185 миллионов рублей.**

Вот вам второй источник «свободной наличности»!

Третий источник, казенные железные дороги, дал «чистой прибыли» за 4 года (1908—1911) — **53 миллиона рублей, если не считать** платежей процентов и погашения на затраченные казной капиталы, размером в 2¼ миллиарда рублей!! Примем за 1912 г. эту «прибыль» в размере 1911 г., т. е. в 105 млн. руб. Получаем за все пятилетие «прибыли» **158 млн. руб.** Понятно, что такое государственное «хозяйство», когда на миллиардные затраты «не считаются» проценты и погашение, больше похоже на государственное фокусничество. Это — образчик **хищнического хозяйства.**

Подводим итоги трем источникам «свободной наличности»:

от займов	87,4 млн. руб.
„ повышения цены на казенную сивуху	185 „ „
„ каз. жел. дорог *(не считая 500 милл. руб. процентов и погашения на затраченные капиталы)*	158 „ „
Всего	430,4 млн. руб.

Кажется, довольно? Более мелких «источников» указывать нет надобности.

Не ясно ли, что наши крепостники-помещики — величайшие финансовые гении? Занять деньги, поднять цену на сивуху, «не считать» процентов и погашения на затраченные (на «хозяйство») миллиарды — это ли не гениальность?

Это ли не доказательство «прочности» нашего бюджета?

(*Ленин* — „Свободная наличность", 1913 г., т. 16, изд. 3.)

КАПИТАЛИЗМ — ИСТОЧНИК СОЦ. ПАТОЛОГИИ ПАУПЕРИЗУЕМОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Торговый капитал хозяев-скотоводов поставил в полную зависимость от себя мелких крестьян, он превратил их в своих скотников, выращивающих для него скот за грошевую плату, он превратил их жен в своих доильщиц коров.[1]

(*Ленин* — «Развитие капитала в России», т. III, изд. 3).

Переселенческая политика царизма — причина массовой заболеваемости

Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России.

Что у представителей правительства и более дальновидных политиков, напр., из октябристов, на уме, то у таких неприкрытых реакционеров, как курский зубр Марков 2-й, на языке. И этот депутат откровенно, с похвальною прямотою, заявил при обсуждении переселенческого вопроса в Думе: «Да, правительство должно разрешить аграрный вопрос именно переселением» (1-я сессия).

[1] Вот два отзыва о жизненном уровне и условиях жизни русского крестьянина вообще. М. Е. Салтыков в «Мелочах жизни» пишет о «Хозяйственном мужичке»... «Мужичку все нужно; но главнее всего нужна... способность изнуряться, не жалеть личного труда... Хозяйственный мужичок просто-на-просто мрет на пей (на работе). «И жена и взрослые дети, все мучатся хуже каторги».

В. Вересаев в статье «Лизар» («Сев. курьер», 1899, № 1) рассказывает о мужике Псковской губернии Лизаре, проповедующем употребление капель и пр. для «сокращения человека». «Впоследствии — отмечает автор — от многих земских врачей и особенно акушерок я не раз слышал, что им частенько приходится иметь дело с подобными просьбами деревенских мужей и жен» «Двигающаяся в известном направлении жизнь использовала все пути и в конце-концов уперлась в слепой закоулок. Выхода из этого закоулка нет. И вот естественно намечается и все больше ярет новое решение вопроса».

Положение крестьянина в капиталистическом обществе, действительно, безвыходное и «естественно» приводит в общинной России, как и в парцеллыной Франции, к неестественному... не «решению вопроса», конечно, а к неестественному средству отсрочить гибель мелкого хозяйства. (*Прим. ко 2-му изд.*).

Нет сомнения, что при правильной организации переселения оно могло бы сыграть известную роль в хозяйственном развитии России. Разумеется, роль эту не следует переоценивать, даже теперь, когда совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света; даже теперь, когда малоземельных и безземельных крестьян, чтобы избавить от соблазна созерцания помещичьих латифундий, всячески поощряют к переселениям и выселениям; когда указ 9 ноября чрезвычайно облегчил для переселенцев ликвидацию остатков своего хозяйства на родине; даже теперь, как должны признать сами апологеты естественного прироста; и лишь в губерниях, дающих наивысший процент выселяющихся (юг, запад и черноземный центр России), оно равняется естественному приросту или лишь немного превосходит его.

Тем не менее значительный запас свободных земель в Сибири, годных для переселения, еще имеется. Правда, сделано еще очень мало, чтобы определить его хотя бы с приблизительною точностью.

Куломзин еще в 1896 г. определял запас колонизационных земель в 130 тыс. душевых долей. С тех пор отведено вдесятеро большее количество долей, а запас еще не исчерпан. Наоборот, по расчетам переселенческого управления, к 1900 г. наличный запас земель, годных для переселения, определяется в 3 миллиона душевых долей на 6 миллионов переселенцев.

Как видим, цифры чрезвычайно различные; диапазон колебания их весьма значителен.

Как бы то ни было, если даже отбросить известный процент в последних цифрах на долю обычного бюрократического благодушия, все же несомненно, что запас земель в Сибири еще имеется, и что, следовательно, переселение туда могло бы иметь известное значение как для Сибири, так и для России, если бы только оно было организовано целесообразно.

Именно это conditio sine qua non и не выполняется настоящим правительством. Нынешняя организация переселенческого дела лишний раз показывает и доказывает, что наш «старый порядок» абсолютно неспособен удовлетворить самые элементарные хозяйственные потребности населения; негодная постановка переселения еще раз свидетельствует, что нынешние господа положения импотентны сделать хоть что-нибудь для хозяйственного прогресса страны...

«Недостаточные, говорится в записке наместника, водоснабжение и орошение переселенческих участков, преимущественно в восточных местностях Закавказья, являются главными причинами обратного выселения уже осевших там переселенцев. Из Черноморья новоселы бегут из-за отсутствия путей, пригодных для колесного сообщения не только между отдельными заселенными пунктами, но и в пределах самих переселенческих участков. К этому следует добавить, что неблагоприятные, непривычные для переселенцев климатические условия, сопровождающиеся во многих местностях Кавказа малярийными заболеваниями, губящими не только людей, но и скот, в свою очередь, не менее бездорожья способствуют бегству из края менее устойчивых новоселов. Под влиянием изъясненных причин непрестанно наблюдается выселение из губерний Елизаветпольской, Бакинской и Дагестанской обл., а также из Тифлисской и Черноморской губ.».

В результате, вот как оцениваются итоги переселения на Кавказе самим наместником. «Практиковавшееся до последнего времени отношение к кавказскому населению в его земельных делах», — говорит наместник, — «далее терпимо быть не может и уже потому, что оно, несомненно, играет довольно видную роль в революционном настроении сельского населения».

Совершенно аналогичные задачи преследуют правительство и правящие классы при переселении крестьян в Сибирь; и в этом случае, преследуя политические цели, совершенно не считаются ни с интересами переселенцев, ни с правами старожилов.

На местах выселения, в России, ведать переселенческое дело поручено теперь землеустроительным комиссиям, земским начальникам и губернаторам. Кровно заинтересованные в том, чтобы разредить местное малоземельное и безземельное крестьянство, чтобы оставить его на местах лишь в мере, потребной для нужд крупного землевладения (в качестве поставщиков наемной силы), землеустроительные комиссии настолько энергично «выселяли» бедняков, что даже возбуждали ропот переселенческого управления. «Землеустроительные комиссии», — протестовал один переселенческий чиновник, — «образуют партии совершенно нищих, нуждающихся с места в путевом пособии, в ссуде не на домообзаводство, а на прокормление; но если, как исключение, и встречается переселенец с небольшими денежными запасами, то он весь расходуется на проезд и прокормление».

И эти «слабые» насынки земельной политики, объявившие своим девизом «ставку на сильных», целыми тучами сплавляются в Сибирь в неприспособленных скотских вагонах, битком набитых стариками, детьми, беременными женщинами. В этих же скотских вагонах (с знаменитой надписью 40 человек, 8 лошадей) переселенцы готовят пищу, стирают белье, здесь же лежат часто заразные больные, которых переселенцы имеют обыкновение скрывать, из боязни, что их высадят и они отстанут, таким образом, от партии. На конечных пунктах и на станциях переселенцев высаживают, в лучшем случае, под специально устроенные палатки, в худшем случае, прямо под открытое небо, под солнце и дождь. Деп. Войлошников рассказывал в Думе, как он сам наблюдал на Сретенском пункте тифозных больных, лежавших без защиты под дождем. И такие-то условия путешествия переселенцев, цитированные выше, два министра (Столыпин и Кривошеин) находили «сносными»: «санитарные условия передвижения переселенцев сносны», — всеподданейше докладывают они, — «в пути многие находят непривычные даже удобства». Поистине, нет границ бюрократическому благодушию!

Претерпевая такие мытарства по пути «в землю обетованную», беднейшие переселенцы не находят счастья и в Сибири. Вот, напр., как характеризовал их устройство на новых местах цитатами из официальных донесений деп. Войлошников.

Один чиновник (чиновник особых поручений переселенческого управления) пишет: «Большинство участков разбросано в урманных местах, без воды, без посевов, без выгона». Другой добавляет: «Ссудное дело совершенно утратило свой характер домообзаводственного значения; размер ссуд сам по себе слишком мал для оказания существенной домообзаводственной помощи. Установившийся порядок выдачи ссуд обратил

это дело в чистейшую филантропию, обзавестись и прокормиться года два на 150 р. ссудных денег невозможно».

А вот, для примера, описание санитарного положения новоселов в тех же официальных донесениях.

„После тифа, — пишет один чиновник[1], — не меньшие размеры приняла здесь цынга; почти во всех поселках, во всех избах есть больные этой болезнью или кандидаты к ней. Часто в одной избе лежат больные той и другой болезнью. На участке Окур-Шаском мне пришлось видеть такую картину: хозяин дома лежит в тифе в периоде шелушения, его беременная жена крайне слаба от недостатка питания; сын, мальчик лет 12, с опухшими железами и цынгой; сестра жены в цынге, ходить не может, у нее грудной ребенок; ее десятилетний мальчик в цынге, кровохаянние из носа и слабость в ногах, и только ее муж здоров из всей семьи.

За цынгой и тифом следует куриная слепота. Можно встретить поселки, в которых буквально все переселенцы, без исключения, слепы. Группы участков по р. Еме образованы из сплошного урмана, где нет ни пашни, ни сенокосов, и за два-три года новоселы едва могли разработать свои усадьбы и построить жалкие избенки. О своем хлебе не могло быть и речи; питались исключительно ссудой, и когда последняя была использована, ощутился страшный недостаток в хлебе; многие буквально голодали. К недостатку хлеба надо прибавить недостаток питьевой воды."

Такие донесения попадаются на каждом шагу. Как ни ужасны эти официальные сообщения, видимо, они все же не договаривают того, что есть, и, таким образом, прикрашивают действительность. Напр., посетивший Дальний Восток уполномоченный обще-земской организацией, князь Львов, человек, как известно, умеренных взглядов, так характеризует колонизацию в Приамурском крае:

„Отрезанность от мира, как на необитаемом острове, среди болотных кочек глухой тайги, заболоченных долин и заболоченных гор, совершенно дикие условия жизни, труда и пропитания естественно подавляют слабого духом и нищего переселенца. Он впадает в апатию, истощив свой небольшой запас энергии в самом начале борьбы с суровой природой, устраивая себе убогое жилище. Цынга и тиф захватывают истощенный организм и уносят его на кладбище. Во многих пгселках 1907 года прямо невероятная смертность, в 25 и 30%. В них сколько дворов, столько и крестов, и не мало поселков обречено на сплошное переводворение на новые участки или на кладбище. Сколько горьких слез несчастных семей, какие дорогие похороны на государственный счет на далекой окраине, вместо колонизации! Не скоро станут на ноги разбитые тайгой остатки прошлогодней усиленной волны переселенцев. Многие еще вымрут, многие убегут, вернутся в Россию, обеславят край рассказами о своих бедствиях, запугают и задержат дальнейшее переселение. Недаром нынешний год происходит небывалых размеров обратное движение из Приморской области и в пять раз меньший прилив в нее переселенцев".

(*Ленин* — „Переселенческий вопрос", т. XV, изд. 3)

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА УСИЛИВАЕТ НИЩЕТУ МАСС И СОЗДАЕТ НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ СОЦ. ПАТОЛОГИИ

Почему капитализм идет на временное улучшение условий труда

Не говоря уже о нарастающем рабочем движении, с каждым днем все более грозном, ограничение фабричного труда было продиктовано тою же самою необходимостью, которая заставила вывозить гуано на английские поля. То же слепое хищничество, которое в одном случае

[1] «Записка», стр. 8. См. примечание 31-е.

истощает землю, в другом случае в корне подрывало жизненную силу нации. Периодически повторявшиеся эпидемии говорили здесь так же вразумительно, как уменьшение роста солдат в Германии и во Франции.[1]

(К. Маркс — «Капитал», т. I, гл. 8)

ВОЙНЫ И ЭПИДЕМИИ

Русские ушли с Дуная[2] не только из-за враждебной им армии. Их собственная неумелость, мужество защитников, малярия, пассивное давление австрийцев на Днестре заставили, наконец, русских прервать осаду и потерять свой поход вместе с Добруджей и княжествами. Союзные генералы пожелали, конечно, использовать этот большой успех по всем правилам той стратегической системы, которую они до сих пор так успешно применяли. Вследствие этого лорд Кардиган повел на Дунай британскую кавалерию для рекогносцировки, при которой он не только не встретил русских, но потерял много лошадей и не стяжал ничего, кроме болезней и смешного положения. А известный своим предательством в национальном собрании 2-го декабря 1851 г. генерал Эспинас повел свою дивизию в Добруджу с таким успехом, что пара великолепных полков была почти уничтожена холерой, и зараза этой эпидемии была занесена в лагерь союзников. Таким образом, если эта эпидемия так свирепствует в лагерях союзников, то они этим обязаны исключительно своей стратегической распорядительности. Жертвой ее пали тысячи солдат, не видевших еще в лицо противника; они умирали, как мухи в своих лагерях, где проводили свои дни мирно и безопасно. Угнетение, недоверие к вождям и дезорганизация явились вследствие всего этого; правда, у англичан, которые меньше страдали, да и вообще имеют больше силы сопротивления, в меньшей степени, чем у французов, национальный характер которых более поддается таким влияниям, особенно, когда по вине полководцев они вынуждены бездействовать...

Что, собственно, произошло в Варне? Целые батальоны гибли там на знойном песке во власти холеры. Старые солдаты начали сравнивать теперешних авантюристов со старыми командирами, которые так прекрасно командовали ими во время африканского похода, и на которых с таким презрением смотрят герои современной пресловутой «импе-

[1] «В общем превышение среднего роста указывает до известной степени на процветание органического существа. Размер тела человека уменьшается, если его благосостоянию наносится ущерб физическими или социальными условиями. Во всех европейских странах, где существует конскрипция, со времени ее введения средний рост тела взрослого мужчины и в общем его пригодность к военной службе уменьшилась. До революции (1789 г.) минимум для пехотинца во Франции был равен 185 см; в 1818 г. (закон 10 марта) — 157, по закону 21 марта 1832 г. — 156 см. Во Франции в общем более половины призывающихся признаются негодными вследствие недостаточного роста и физических недостатков. В Саксонии военная мера в 1780 г. была 178 см, теперь 155 см. В Пруссии теперь 157 см. По данным доктора Мейера, напечатанным в „Bayerische Zeitung" от 9 мая 1862 г., оказывается, что в Пруссии за 9-летний промежуток времени в среднем из 1000 рекрутов 716 признаны негодными к военной службе: 317 из-за недостаточного роста и 399 из-за физических недостатков... В 1858 г. Берлин не мог выставить надлежащего контингента рекрутов, нехватало 156 человек». (Liebig, „Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie", 7. Aufl. 1862, Band I, p. 117, 118.

[2] См. примечание 32-е.

рии». Африка — более жаркая страна, чем Болгария, и Сахара еще менее приятна, чем Добруджа. И никогда не было во время всего периода африканских завоеваний такой смертности в войсках, которая свирепствует сейчас за время спокойного пребывания на Девне и в легких рекогносцировочных маршах вокруг Кюстенджи. Кавеньяк, Бедо, Шангарнье, Ламорсиер водили их в гораздо бо́льшие опасности с меньшими потерями; это было, во всяком случае, тогда, когда Эспинас и Леруа Сант-Арно скрывались в неизвестности, откуда их вызвало политическое бесславие.

(Ф. Энгельс — «Крымская экспедиция». Из сборника «Статьи и письма по военным вопросам»)

Мы познакомились с системой английской военной администрации, под руководством которой разразилась настоящая война. Как только войска высадились на первой их остановке в Галлиполи, так сейчас же выяснилась несогласованность частей английской армии по сравнению с французами и беспомощность английских офицеров и чиновников. Но здесь задача была сравнительно еще легка. Прибытие войск было определено заранее, и число высадившихся было незначительно. Однако, все пошло криво. Десанты скучивались по морскому берегу, где они высаживались, недостаток пространства заставлял отправлять войска на Скутари и далее. Хаос намечался уже совершенно определенно, но так как было лишь начало войны, то с увеличением опыта ожидали улучшений. Войска пошли теперь на Варну. Расстояние от родины увеличивалось, число войск увеличивалось также, беспорядок в администрации увеличивался в свою очередь. Независимые действия пяти ведомств, образующих эту администрацию, подчиненных к тому же различным министерствам, вызвали неизбежные столкновения. В лагере ощущалась нужда, тогда как гарнизон в Варне наслаждался всевозможным комфортом. Комиссариат с большим промедлением собрал из окрестностей перевозочные средства. Но так как обер-генерал не снабдил собранные телеги конвоем, то болгарские возчики исчезли быстрее, чем были собраны. Тогда в Константинополе было образовано центральное депо, своего рода первая операционная база. Это повело лишь к тому, что образовался новый центр затруднений, отсрочек, вопросов о компетенции, споров между армией, командующим, казначеем, комиссариатом и военным министерством. Между тем в Галлиполи, Скутари и Варне армия находилась еще на более или менее мирном положении. И только в Крыму британская администрация получила полную возможность показать во всей красе свои дезорганизаторские таланты. На самом деле. Из 60 000 человек с лишком, отправленных с начала февраля на восток, осталось не более 17 000 боеспособных. Из них умирают ежедневно 60—80 человек, и 200—250 человек выбывают ежедневно из рядов по болезни, причем лишь немногие возвращаются из госпиталя. Из 43 000 раненых или убитых на совести русских лежит не более 7000. Когда в Англии стало впервые известно, что армия в Крыму лишена пищи, одежды и крова, что не имеется ни медицинских, ни перевязочных средств, что больные и раненые лежат на холодной сырой земле, подвергаясь непогоде, или же сгруживаются на корабельных палубах, без ухода и без самых необходимых условий для излечения; когда было сообщено, что сотни умерли от недостатка в продуктах первой не-

обходимости, — все думали, что правительство не успело послать на место военных действий необходимые запасы. Но, во всяком случае, для первого времени это подозрение было неосновательно; позже выяснилось, что все возможное было послано, и даже в большем количестве, чем требовалось. Но, к несчастью, все попало в неурочное время и в неурочные места. Медицинский материал лежал в Варне, а раненые — в Крыму и Скутари. Одежда и съестные припасы направлялись в Крым, но некому было их выгрузить. Что случайно удалось выгрузить, то спокойно осталось на морском берегу. Необходимое содействие флота внесло новый элемент разделения, новую ответственность. Бездеятельность, прикрытая рутинными приемами мирного времени, царствовала повсюду. В богатейшей местности Европы, на морском берегу, вблизи которого стояли на якоре сотни судов, наполненных припасами, английская армия жила на половинном рационе. Окруженная бесчисленным живым скотом, она страдала от цынги, так как была ограничена в употреблении солонины; имея массу угля и дров на кораблях, совсем не имела топлива на суше, так что солдаты должны были есть сырое мясо и никогда не могли высушить платья, которое смачивалось дождем. Они пили кофе не только не молотый, но даже и не жженый. Масса съестных припасов, напитков, одежды, палаток была упакована на кораблях, стоявших почти вплотную к утесам, на которых был расположен лагерь; и все же, подобно Тантулу, британское войско не могло их взять.

Все знали о несчастье, все бегали с проклятьями вокруг, и все отказывались сделать что-нибудь из боязни нарушить долг службы, и все имели свою пачку доказательств, ясно и заботливо составленных и засвидетельствованных компетентными чиновниками, что все случившееся не имеет к ним никакого отношения ,и что водворение порядка было совершенно не в их власти. Если к этому положению вещей прибавить еще все возрастающую суровость времени года, ливни, свойственные как-раз этому времени, превращающие Гераклийский Херсонес в сплошные пуховики грязи, в кучи, вышиной по колена; если вспомнить, что солдаты из четырех ночей, по крайней мере, две проводят на шанцах, а две спят, промокшие насквозь и грязные, на болоте, без кроватей, почти без палаток; если прибавить к этому постоянные простуды, судороги, желудочные заболевания и т. п., вызванные холодом, сыростью и пр.; раскиданность по военным лагерям слабых медицинских штабов, госпитальные палатки на 3000 больных, лежащих почти под открытым небом на сырой земле, госпитали и суда для больных в Константинополе и Скутари, — мы легко поймем, что английская армия в Крыму находится в весьма тяжелом положении, и что английские солдаты приветствуют русские пули, избавляющие их от всех этих мучений.

(Ф. Энгельс — «Об английском военном устройстве». Из сборника «Статьи и письма по военным вопросам»)

Усиление обнищания в эпоху империализма — источник болезней

Буржуазные реформисты, а за ними некоторые оппортунисты из рядов социал-демократии, утверждают, что обнищание масс в капиталистическом обществе не происходит. «Теория-де обнищания» неверна:

благосостояние масс хотя медленно, но растет, — пропасть между имущими и неимущими не углубляется, а уменьшается.

В последнее время вся фальшь подобных утверждений вскрывается перед массами все более и более наглядно. Дороговизна жизни растет. Заработки рабочих, **даже** при самой упорной и **наиболее** удачной для рабочих стачечной борьбе, растут гораздо медленнее, чем повышаются необходимые расходы рабочей силы. А рядом с этим богатство капиталистов возрастает с головокружительной быстротой.

Вот некоторые данные относительно Германии, где положение рабочих несравненно лучше, чем в России, благодаря более высокому культурному уровню, благодаря **свободе стачек** и союзов, благодаря политической свободе, миллионам членов профессиональных союзов, миллионам читателей рабочих газет.

По данным **буржуазных** социал-политиков, опирающихся на официальные источники, заработная плата рабочих в Германии возросла за последние 30 лет в среднем на 25%. За тот же период времени стоимость жизни повысилась по **меньшей мере** на 40%!!

И съестные продукты, и одежда, и топливо, и квартиры — все поднялось в цене. Рабочий нищает **абсолютно,** т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам.

Еще нагляднее, однако, **относительное** обнищание рабочих, т. е. уменьшение их **доли** в общественном доходе. **Сравнительная** доля рабочих в быстро богатеющем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры.

В России нет подоходного налога, нет данных о росте богатства у состоятельных классов общества. Наша еще более печальная действительность закрыта занавеской — занавеской темноты, безгласности.

В Германии есть точные данные о богатстве имущих классов. Напр., в Пруссии **первые** 10 миллиардов марок (5 миллиардов рублей) облагаемого налогом имущества принадлежали в 1902 г. — 1853 лицам, а в 1908 г. — 1108 лицам.

Число самых крупных богачей уменьшилось. Богатство их возросло: каждый из них имел в среднем в 1902 г. имущества на 5 миллионов марок (2½ млн. рублей), а в 1908 г. — на 9 миллионов марок (4½ млн. рублей)!

Говорят о «верхних 10 000». В Пруссии «верхняя 21 тысяча» богачей имела имущества на 13½ миллиардов марок, а остальные 1 300 000 владельцев обложенного имущества — на 3 миллиарда марок.

Четверо крупнейших миллионеров Пруссии (один князь, один герцог и 2 графа) имели в 1907 г. имущества на 149 млн. марок, а в 1908 г. на 481 миллион марок.

Богатство растет в капиталистическом обществе с невероятной быстротой — наряду с обнищанием рабочих масс.

(Ленин — «Обнищание в капиталистическом обществе», т. XVI, изд. 3)

Современный мировой экономический кризис и болезни

После трех лет небывалого в истории мирового экономического кризиса международный пролетариат в нынешнем году встречает 1 мая

в обстановке тягчайшей нужды, голода во всех капиталистических и колониальных странах и войны на Дальнем Востоке. Попытки международного капитала преодолеть кризис принесли пролетариату более 40 миллионов безработных, грабеж зарплаты, невыносимое налоговое бремя, почти полное уничтожение социального страхования, недоедание, истощение и болезни. Миллионы трудящегося крестьянства низвергнуты в бездну нищеты.

(Из воззвания ИККИ к рабочим всех стран к 1 мая 1932 г.)

БОРЬБА С СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Борьба с социальной патологией в программе Коминтерна

Коммунистический интернационал выдвигает следующие основные задачи пролетарской диктатуры...

Г) Охрана труда, быта и т. д.

Д) Широкие санитарные мероприятия, организация бесплатной медицинской помощи. Борьба с социальными болезнями (алкоголизм, венерические болезни, туберкулез).

(Из программы Коминтерна)

Борьба за ликвидацию патологии в СССР в программе ВКП(б)

ВКП(б) ставит своей ближайшей задачей:

1) Решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как-то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха);

б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах;

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней;

г) создание санитарного законодательства.

(Из программы ВКП(б))

Ликвидация последствий войны и голода Укрепление тыла Красной армии

Вы знаете, что всякий шаг помощи, которая оказывается Красной армии в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев. Вы знаете, что осенние холода влияют на настроение красноармейца, понижая его, создают новые трудности, увеличивают болезни и приводят к большим бедствиям. Здесь всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной армии, в укрепление их настроения, в уменьшение числа болезней и в увеличение наступательной способности. Нужно, чтобы каждый рабочий в каждом собрании, в каждой мастерской сделал теперь главным предметом своих бесед, докладов и собраний: все на помощь Красной армии.

Спросим себя: все ли мы сделали, что зависело от нас, чтобы помочь Красной армии? Ибо от этой помощи зависит — как быстро мы сладим окончательно с Врангелем и обеспечим себе полный мир и возможность хозяйственного строительства.

(*Ленин* — «Из речи на съезде рабочих кожевенного производства» 1920 г., т. XXV, изд. 3).

НА ПОМОЩЬ РАНЕНОМУ КРАСНОАРМЕЙЦУ.[1]

С необыкновенным трудом, мучительно медленно нам удается все же, благодаря героизму рабочих и всех трудящихся, поднимать и восстанавливать разрушенное царем и капиталистами хозяйство. Как-никак дело все же пошло понемногу в гору. Но все наши трудности и мучения — ничто по сравнению с тем, что выпало на долю раненому красноармейцу, проливающему кровь на защиту рабочей и крестьянской власти от панов и капиталистов Польши, науськиваемых капиталистами Англии, Франции, Америки.

Пусть же каждый в тылу помнит о своем долге — помочь всем, чем можно, раненому красноармейцу.

(*Ленин* — т. XXV, изд. 3. 1920 г.)

Мобилизация рабочей общественности на борьбу за ликвидацию санитарных последствий войны

Помещики и капиталисты, которых свергли рабочие и крестьяне России, навязали нам двухлетнюю гражданскую войну при помощи капиталистов всего мира.

Мы кончаем эту войну победоносно.

Мы завоевали уже первый мир, показавший превосходство нашей международной политики над политикой объединенных капиталистов всех стран. Эти капиталисты из всех сил мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, — первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой.

Войну кровавую, которую нам навязали эксплоататоры, мы кончаем победоносно. В два года мы научились побеждать и победили.

Теперь очередь за войной бескровной.

К победе на фронте бескровной войны против голода и холода, против сыпняка и разорения, против темноты и разрухи!

Эта бескровная война навязана нам тем разорением, которое вызвано трехлетней империалистской, двухлетней гражданской войной.

Чтобы победить нужду и нищету, голод и бедствия, вызванные этими войнами, нужно твердо запомнить, хорошенько усвоить себе и во что бы то ни стало провести повсюду в жизнь правило:

«Коль война, так по-военному».

[1] Заголовок Ленина.

Рабочие и крестьяне сумели создать Красную армию без помещика и капиталиста против помещика и капиталиста, сумели победить эксплоататоров.

Рабочие и крестьяне сумеют создать Красные армии мирного труда, — сумеют завоевать себе новое счастье, восстановив земледелие и промышленность.

Первый и основной шаг к этому — немедленное, во что бы то ни стало с революционной энергией проводимое, с военной решительностью, сплоченностью, быстротой, беззаветностью осуществляемое **восстановление транспорта.**

Все на работу, товарищи!

Докажем, что на поприще мирного труда мы сумеем проявлять еще большие чудеса героизма и победы, чем на поприще войны против эксплоататоров!

(Ленин — «Коль война, так по-военному», 1920 г., т. XXV, изд. 3)

Товарищи, мы подходим к весне, пережив небывало трудную зиму холода, голода, сыпняка и железнодорожной разрухи. Мы должны победить и этот фронт. Если мы сумели во время войны все принести в жертву, отдать все лучшие силы, — передовые рабочие, коммунисты и курсанты впереди всех погибали, поднимая этим настроение всей армии, — то и теперь мы говорим: нам надо выдержать этот фронт хозяйственной разрухи; как и тогда, коммунисты и передовые рабочие, самые добросовестные, самые честные, самые хорошие, самые твердые, вперед; за каждый поезд, за каждый паровоз надо воевать, надо бороться. К этому я призываю беспартийную конференцию.

(Ленин — Из речи на беспартийной конференции Благуше-Лефорт. р-на, 1920 г., т. XXV, изд. 3)

«Стереть с лица русской земли сыпной тиф»

И третий бич на нас еще надвигается — вошь, сыпной тиф, который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, — всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!».

Главное наше внимание мы должны уделить тому, чтобы укрепить этот наш фундамент — хлеб, топливо, борьба с сыпняком. Товарищи, я об этом тем более хотел бы сказать, что в нашем социалистическом строительстве была заметна некоторая разбросанность. Это понятно. Когда люди решили переделать весь мир, вполне естественно, что к этой работе привлекаются неопытные рабочие и неопытные крестьяне. Нет сомнения, что много пройдет времени прежде, чем мы правильно определим, на что надо больше всего обращать внимание. Неудивительно, что такие великие исторические задачи часто вызывали великие фантазии, а великие фантазии вырастают рядом со многими мелкими неудачными фантазиями. Было много случаев, когда мы брались за постройку с верхушек, с какого-нибудь флигелька, карниза, а на фундамент настоящего внимания не обращали. Я бы хотел вам сообщить, как результат моего опыта, моих наблюдений над работой, мое мнение, что насущная задача для нашей политики — дать этот фундамент. Нужно, чтобы каждый рабочий, каждая организация, каждое учреждение говорило это себе на каждом заседании. Если мы снабдим хлебом, если мы добьемся того, чтобы увеличить количество топлива, если мы напряжем все свои силы для того, чтобы стереть с лица русской земли сыпной тиф, — результат некультурности, нищеты, темноты и невежества, — если мы все те силы, весь тот опыт, который мы приобрели в кровавой войне, применим в этой войне бескровной, — мы можем быть уверены, что в этом деле, которое все же гораздо легче, гораздо человечнее, чем война, что в этом деле мы завоюем себе успеха все больше и больше.

(Ленин — Из речи на VII съезде советов, 1919 г., т. XXV, изд. 3)

Борьба за чистоту

Прежде всего здесь у нас стоит на очереди задача очистить Москву от той грязи и запущенности, в которую она попала. Мы должны провести это, чтобы стать примером для всей страны, в которую все сильнее и сильнее внедряется эта грязь, несущая с собой эпидемии и болезни. Мы должны дать этот пример здесь, в Москве, пример, какие Москва уже не раз давала. Мы должны помнить, что перед нами стоит задача восстановления транспорта. С весны мы должны осуществить контроль рабочих масс. Мы должны провести это относительно тех огородников, которые расселены вокруг Москвы и которые, пользуясь тем, что рядом живет голодный брат, кладут себе в карман миллионы. Благодаря тому, что всякий грамотный огородник может наживать на своем бедном соседе невероятные деньги, получается безобразная несправедливость, допустить которую мы не можем.

Что мы должны сделать? Нужно, чтобы специалисты отдали нам свои знания для проведения в жизнь наших идей. Нужно, чтобы класс, обновивший сейчас Московский совет, бросился на эту работу. Нужно, чтобы эта работа осуществлялась более реально и более детально, чем прежде.

(Ленин — Из речи на VII съезде советов, 1919 г., т. XXV, изд. 3)

О мероприятиях по улучшению положения рабочих и нуждающихся крестьян

Истощение от нужды и бедствий, связанных с семилетней войной, и разорение и переутомление от почти сверхчеловеческого напряжения сил, которое проявлено было рабочим классом России за последние три с половиной года, настолько обострились в настоящее время, что требуют экстренных мер от советской власти.

X съезд РКП требует поэтому от всей партии, от всех партийных и советских учреждений обратить усиленнейшее внимание на этот во-

прос и выработать немедленно ряд мер по улучшению положения рабочих и облегчению их бедствий во что бы то ни стало.

Политика партии должна быть направлена к тому, чтобы в кратчайший срок обеспечить, по крайней мере, для рабочих важнейших центров Республики, такой паек, и такие условия жизни, которые действительно были бы для них стимулом оставаться на фабриках и заводах. Проведение натурализации заработной платы необходимо в первую очередь в этих главных центрах Республики.

Съезд поручает ЦК создать особую центральную комиссию по проведению немедленных мер улучшения положения рабочих, организовав эту комиссию так, чтобы она работала в непосредственной связи, с одной стороны, с ЦК РКП и с ВЦСПС, с другой стороны — с СНК и СТО, для быстрейшего проведения намеченных мер и контроля самих рабочих за осуществлением этих мер. Эта комиссия должна создать подкомиссии при тех ведомствах, которые могут и должны часть их аппарата и средств направить тотчас на меры улучшения положения рабочих (Наркомвнешторг, Наркомпрод, Наркомвоен, Комгосоор, Наркомздрав и т. д.). Равным образом необходимы подкомиссии в губерниях наибольшего сосредоточения рабочих. Разработку положения об этих комиссиях съезд возлагает на ЦК и партработников соответственных ведомств немедленно.

В виду острого бедствия, причиненного неурожаем крестьянству и усиливаемого в очень многих случаях демобилизацией армии, X съезд поручает ЦК провести через СНК и ВЦИК подобные вышеизложенные меры по улучшению положения нуждающихся крестьян, не ограничиваясь созданной уже для сего ВЦИКом комиссией.

(Поеган. X Съезда ВКП(б) об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян).

Первая пятилетка и рост жизненного уровня трудящихся в СССР при наличии падения жизненного уровня трудящихся в капиталистических странах

Неуклонный подъем промышленности и сельского хозяйства в СССР определили два основных факта, коренным образом улучшивших материальное положение трудящихся:

1. Уничтожение безработицы и ликвидация неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих.

2. Охват колхозным строительством почти всей бедноты, подрыв на этой основе расслоения крестьянства на имущих и неимущих и уничтожение в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне.

В результате этих основных завоеваний в области улучшения материального положения рабочих и крестьян, мы имеем за первую пятилетку:

а) рост численности рабочих и служащих крупной промышленности вдвое в сравнении с 1928 г., что дает перевыполнение пятилетнего плана на 57%;

б) рост народного дохода, в том числе доходов рабочих и крестьян, достигшего в 1932 г. 45,1 млрд. руб., что дает увеличение на 85% по сравнению с 1928 г.;

в) рост среднегодовой заработной платы рабочих и служащих крупной промышленности на 67% в сравнении с 1928 г., что дает перевыполнение пятилетки на 18%;

г) рост фонда социального страхования на 292% в сравнении с 1928 г. (4120 млн. руб. в 1932 г. против 1050 млн. руб. в 1928 г.), что дает перевыполнение пятилетнего плана на 111%;

д) рост общественного питания с охватом свыше 70% рабочих решающих отраслей промышленности, что дает перевыполнение пятилетки в 6 раз;

е) переход промышленности на семичасовой рабочий день с охватом подавляющего большинства рабочего класса.

Совершенно другую картину представляет положение рабочих и крестьян в **капиталистических** странах.

Катастрофически возросло количество безработных. В САСШ, по официальным данным, по одной только обрабатывающей промышленности число занятых рабочих уменьшилось с 8,5 млн. человек в 1928 г. до 5,5 млн. в 1932 г., по данным же американской федерации труда, число безработных в САСШ во всей промышленности доходит к концу 1932 г. до 12 млн. человек. В Англии количество безработных по данным официальной статистики возросло с 1290 тыс. в 1928 г. до 2,8 млн. человек в 1932 г. В Германии, по официальным данным, количество безработных возросло с 1376 тыс. в 1928 г. до 5,5 млн. в 1932 г.

Такая же картина наблюдается во всех капиталистических странах, причем, по явно преуменьшенным данным Международного бюро труда при Лиге наций, количество безработных в капиталистических странах (без Китая, Индии, Индонезии, Кореи) уже превысило 30 млн. человек. Систематически проводится снижение заработной платы рабочих. По официальным данным, снижение среднемесячной зарплаты в САСШ достигло 35% по сравнению с уровнем 1928 г., в Англии за тот же срок — 15%, а в Германии — даже 50%. Значительно сокращены и без того незначительные фонды страхования рабочих в Англии и Германии. В САСШ и во Франции совершенно отсутствуют или почти отсутствуют какие бы то ни было формы страхования безработных, в виду чего колоссально растет число бездомных рабочих и беспризорных детей, особенно в САСШ. Не лучше обстоит дело с положением крестьянских масс в капиталистических странах. Сельскохозяйственный кризис в корне подрывает крестьянское хозяйство и пускает миллионы разоренных крестьян и фермеров по миру. Достаточно указать, что в САСШ, по официальным данным, годовой доход среднего фермера упал за последние три года с 847 долларов в 1929 г. до 187 долларов в 1932 г.

(Из резолюции январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г.)

План дальнейшего роста материального уровня рабочих в 1933 г.

8. В целях дальнейшего роста материального и культурного уровня трудящихся объединенный пленум ЦК и ЦКК постановляет:

а) определить размер капитальных вложений в коммунальное хозяйство в сумме 696 млн. руб. и в жилищное строительство — 1472 млн. руб.;

б) установить общий объем затрат на обслуживание социально-культурных нужд трудящихся (соцстрах, просвещение, здравоохранение, отчисление от прибылей на культурное и жилищное строительство, школы фабрично-заводского ученичества и т. д.) в сумме 11 616 млн. руб., что составит прирост в 19,8% по сравнению с расходами в 1932 г.;

в) установить рост заработной платы в 1933 г. по всему народному хозяйству на 6,8% по отношению к средне-годовому уровню зарплаты 1932 г., а по промышленности — на 9%.

План 1933 г., как план первого года второй пятилетки, является дальнейшим развитием дела построения социалистического общества в СССР.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК выражает полную уверенность в успешном выполнении плана 1933 г. Дальнейшее усиление работы по организации труда на государственных предприятиях и в колхозах, подлинное овладение техникой производства, насаждение социалистической дисциплины в колхозах, укрепление в них колхозного актива и борьба с проявлением кулацкого влияния, рост соцсоревнования и ударничества, — все это должно явиться могучим рычагом в деле выполнения плана 1933 г.

(Из резолюции январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г.)

БОРЬБА С АЛКОГОЛИЗМОМ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

6-й вопрос. Как увязывается водочная монополия и борьба с алкоголизмом?

Ответ. Я думаю, что их трудно вообще увязать. Здесь есть несомненное противоречие. Партия знает об этом противоречии, и она пошла на это сознательно, зная, что в данный момент допущение такого противоречия является наименьшим злом. Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива: **либо** пойти в кабалу капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик, и получить за это навестные средства, необходимые для того, чтобы обернуться; **либо** ввести водочную монополию для того, чтобы заполучить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами. Члены ЦК, в том числе и я, имели тогда беседу с Лениным, который признал, что, в случае неполучения необходимых займов извне, придется пойти открыто и прямо на водочную монополию, как на временное средство необычного свойства. Вот как стоял перед нами вопрос, когда мы вводили водочную монополию.

Конечно, вообще говоря, без водки было бы лучше, ибо водка есть зло. Но тогда пришлось бы пойти временно в кабалу капиталистам, что является еще большим злом. Поэтому мы предпочли меньшее зло. Сейчас водка дает более 500 миллионов рублей дохода. Отказаться сейчас от водки значит отказаться от этого дохода, причем нет никаких оснований утверждать, что алкоголизм будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном. Здесь играют, очевидно, известную роль серьезные недостатки по части культурного развития деревни. Я уже не говорю о том, что немедленный

отказ от водочной монополии лишил бы нашу промышленность более чем ½ миллиарда рублей, которые неоткуда было бы возместить.

Значит ли это, что водочная монополия должна остаться у нас и в будущем? Нет, не значит. Водочную монополию ввели мы как временную меру. Поэтому она должна быть уничтожена, как только найдутся в нашем народном хозяйстве новые источники для новых доходов на предмет дальнейшего развития нашей промышленности. А что такие источники найдутся, в этом не может быть никакого сомнения.

Правильно ли поступили мы, отдав дело выпуска водки в руки государства? Я думаю, что правильно. Если бы водка была передана в частные руки, то это привело бы, во-первых, к усилению частного капитала, во-вторых, правительство лишилось возможности должным образом регулировать производство и потребление водки, и, в-третьих, оно затруднило бы себе отмену производства и потребления водки в ближайшем будущем. Сейчас наша политика состоит в том, чтобы постепенно свертывать производство водки. Я думаю, что в ближайшем будущем нам удастся отменить вовсе водочную монополию, сократить производство спирта до минимума, необходимого для технических целей, а затем ликвидировать вовсе продажу водки.

Я думаю, что нам не пришлось бы, пожалуй, иметь дело ни с водкой, ни со многими другими неприятными вещами, если бы западно-европейские пролетарии взяли власть в свои руки и оказали нам необходимую помощь. Но что делать? Наши западно-европейские братья не хотят брать пока-что власти, и мы вынуждены оборачиваться своими собственными средствами. Но это уже не вина наша. Это — судьба. Как видите, некоторая доля ответственности за водочную монополию падает и на наших западно-европейских друзей **(смех, аплодисменты).**

(Сталин — «Беседа с иностранными рабочими» «Вопросы ленинизма», изд. 9).

ЗА ФИЗИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

Усилившаяся среди рабочей молодежи тяга к спорту должна быть использована партией как для физического оздоровления подрастающего поколения рабочего класса, так и для усиления спайки коммунистического союза молодежи с общей массой молодежи. На фабриках и заводах следует объединять рабочую молодежь в кружки физической культуры.

(Из резолюции 12-го съезда ВКП(б))

Ряд задач, в особенности связанных с областью быта, следует пытаться решать, организуя всевозможного вида добровольные объединения, куда наряду с комсомольским ядром входили бы и беспартийные товарищи (сюда относятся сельскохозяйственные кружки в деревне, лиги борьбы с алкоголизмом и табаком, естественно-научные общества и тому подобное). РКСМ совместно с профсоюзами, в связи с намечающейся тенденцией к физической деградации молодежи, в частности учащейся

молодежи, должен усилить свою работу в области физической культуры в самом широком смысле этого слова (физкружки, экскурсии, спорт, пропаганда гигиены и пр.). Формы организации и методы работы в них должны тщательно учитываться РКСМ, который может через подобные организации охватить еще более широкий круг трудящейся молодежи.

(Из резолюции 13-го съезда ВКП(б))

Вместе с тем комсомол не может обойти молчанием вопросы быта, которые обостряются обстановкой хозяйственного роста. Разлагающему влиянию нэпманских и мещанских элементов надо противопоставить организационную борьбу за рационализацию быта; комсомол должен широко обсуждать подобного рода вопросы на общих собраниях, поощрять организации добровольных объединений вокруг и под руководством РЛКСМ, имеющих целью борьбу за эту рационализацию и за повышение культурного уровня комсомольской массы и рабоче-крестьянской молодежи вообще.

В целях физического и морального оздоровления молодежи надо всемерно содействовать развитию физкультурного движения и организации разумных развлечений, отнюдь не превращая последних в их противоположность. С этой точки зрения необходима существенная реорганизация клубной работы РЛКСМ.

(Из резолюции 13-го съезда ВКП(б))

В связи со все еще отстающим культурно-политическим уровнем массы рабочих и работниц и слабым учетом в культурно-просветительной работе их запросов и интересов, необходимо обратить внимание на приспособление отраслей всей культработы к потребностям массы рабочих и работниц.

В виду имеющих место отклонений от правильной линии, конференция напоминает о необходимости проведения указаний 14-го партсъезда о том, что:

«Сама клубная работа должна быть максимально разносторонней, дабы сочетать в себе удовлетворение потребностей своих членов в отдыхе и здоровом развлечении с политико-просветительными и воспитательными задачами». Вся культработа профсоюзов должна быть значительно оживлена и стать более разносторонней. Признавая значительные достижения профсоюзов в этой области, — в то же время следует отметить, несомненно, вновь наметившиеся уклоны в сторону использования клуба исключительно для политико-просветительных задач, постепенно вытесняя из клуба все виды развлечения и отдыха (танцы, драмкружки, хоры, музыку и пр.).

Такой чрезмерный ригоризм ведет к тому, что рабочий из клуба идет искать развлечений в пивную, трактир, чайную и на улицу.

Равным образом, книжный уродливо-«рациональный» подход к физкультуре (физкультура «как гигиена», «зарядка», «разрядка», «корригирующие движения»), пренебрежительное отношение к соревновательным методам (борьба против «рекордсменства» и «спортсменства») и прямая борьба против этого в ряде клубов и у значительной части их работников, навязывание рабочим того, что нравится или что считается полезным их руководителям — все это, вместе взятое, несомненно, тормозит большее развитие физкультуры, большее вовлечение в нее молодежи и грозит законсервировать размах и развитие разнообразных видов и форм физкультуры.

Профсоюзы, отстаивая и рекомендуя рабочим наиболее здоровые и гигиенические методы физкультуры, борясь против всяких ее извращений и уродливостей, в то же самое время должны решительно отказаться от попытки насильственного навязывания тех или иных видов физкультуры каждому отдельному рабочему.

Подобным уклонам, суживающим размах культработы, насквозь проникнутым системой навязывания рабочим массам, не считаясь с их бытовым укладом, индивидуальными и возрастными особенностями, самых «разумных», в кабинете выдуманных форм и методов отдыха и развлечений, надо объявить борьбу.

Профсоюзы не должны ни на минуту забывать своей обязанности всестороннего обслуживания культурных потребностей объединяемых ими масс, приспособляя формы и методы своей работы соответственно их производственным и бытовым особенностям и их культурному уровню, постепенно поднимая эти массы на все более и более высокие ступени культурного развития.

(Из постан. 15-й конф. ВКП(б) о культработе)

Считая состояние физкультурной работы неудовлетворительным (слабый охват широких масс рабочего класса, рекордсменский уклон, ведомственный разнобой, параллелизм и пр.), ЦК ВКП(б) признает необходимым устранить разнобой в физкультурной работе, внести в нее больше организованности и плановости, максимально расширить общий масштаб физкультурной работы, обеспечив вовлечение в физкультурное движение рабочих масс и усилив физкультурную работу в деревне.

Вместе с тем ЦК ВКП(б) считает, что без усиления государственного централизованного руководства, с одной стороны, и без участия в физкультурном движении широкой рабочей общественности — с другой, сдвинуть дело развития физкультурного движения нельзя.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

а) Поручить фракции президиума ЦИК СССР создать при ЦИК СССР Всесоюзный совет физической культуры с функциями государственного руководящего органа, которому подчинить все СФК при ЦИК союзных республик, соответственно реорганизовав их и их местные органы из согласительных комиссий, каковыми они до сих пор являются, в государственные органы руководства физкультурным движением.

Всесоюзный СФК должен быть центральным органом руководства и контроля над всей работой в области физической культуры как по линии государственной, так и по линии физкультурных общественных организаций. Он должен иметь достаточно мощную финансовую базу для своей работы.

б) Поручить ЦК ВЛКСМ и фракции ВЦСПС усилить свою работу по физической культуре, по втягиванию в нее широких рабочих масс,

особенно рабочей молодежи, по подготовке из рабочих руководителей и инструкторов-физкультурников, путем создания соответствующих курсов. Особое внимание должно быть уделено привлечению широкой рабочей общественности к делу физкультуры и усилению работы всех профсоюзных и комсомольских организаций снизу доверху по развитию физкультурного движения.

в) Признать нецелесообразным организацию Всесоюзного добровольного общества физкультуры. Признать необходимым усиление добровольности профсоюзных органов физкультуры, утверждаемых соответствующими профорганами. Поручить фракции ВЦСПС разработать порядок и формы выборности органов физкультуры и доложить ЦК ВКП(б).

г) Вопрос о структуре, положение о советах физкультуры, о средствах, пределах и формах их концентрации поручить разработать фракции президиума ЦИК Союза и фракции президиума ВЦСПС с последующим докладом через месяц в ЦК ВКП(б).

(Постан. ЦК ВКП(б) от 28.IX. 1929 г. о физкультурном движении)

Улучшение культурного и материального положения рабочих и крестьян и повышение их социального здоровья

Выходит, таким образом, что поступательный рост обобществленного сектора как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства является фактом, не подлежащим никакому сомнению.

Что это может означать с точки зрения материального положения трудящихся?

Это означает, что тем самым заложены уже основы для коренного улучшения материального и культурного положения рабочих и крестьян.

а) Начнем с вопроса **о численном росте** рабочего класса и **сокращении безработицы.**

Если количество лиц наемного труда (без безработных) составляло в 1926/27 г. 10 930 тыс., то в 1927/28 г. мы имели 11 456 тыс., в 1928/29 г.— 11 997 тыс., а в 1929/30 г., по всем данным, будем иметь не менее 13 129 тыс. Из них лиц физического труда (включая с.-х. рабочих и сезонных рабочих) в 1926/27 — 7069 тыс., в 1927/28 г. — 7401 тыс., в 1928/29 г. — 7758 тыс., в 1929/30 г. — 8533 тыс. Из них рабочих крупной промышленности (без служащих) в 1926/27 г.—2439 тыс., в 1927/28 г. 2632 тыс., в 1928/29 г. — 2858 тыс., в 1929/30 г. — 3029 тыс.

Это значит, что мы имеем картину последовательного роста численности рабочего класса, причем, если процент роста лиц наемного труда составляет за 3 года 19,5, а лиц физического труда — 20,7, то процент роста индустриальных рабочих составляет 24,2.

Перейдем к вопросу о **безработице.** Нужно сказать, что в этой области существует большая неразбериха как у НКТруда, так и у ВЦСПС. С одной стороны, по данным этих учреждений выходит, что мы имеем безработных около миллиона человек, из коих минимально квалифицированные составляют всего 14%, а около 73% составляют лица так называемого интеллигентного труда и неквалифицированные, причем громадное большинство из числа последних составляют женщины и подростки, не имевшие отношения к промышленному производству. С другой стороны, по тем же данным, мы переживаем ужасающий голод в квалифицированной рабочей силе, биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80, и мы вынуждены, таким образом, наскоро, буквально на-ходу переучивать совершенно неквалифицированных людей и подготовлять из них квалифицированных на удовлетворение хотя бы минимальных потребностей наших предприятий. Попробуйте-ка разобраться в этой неразберихе. Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни **резервной,** ни, тем более, **постоянной** армии безработных нашей промышленности. И что же? Даже по данным НКТруда выходит, что за последнее время количество безработных **сократилось** в сравнении с прошлым годом более чем на 700 тыс. чел. Это означает сокращение числа безработных на 1 мая этого года более чем на 42%.

Вот вам еще один результат роста социалистического сектора в нашем народном хозяйстве.

б) Еще более разительный результат получается, если рассмотреть дело с точки зрения распределения народного дохода по классам. Вопрос о распределении народного дохода по классам является коренным вопросом с точки зрения материального и культурного положения рабочих и крестьян. Недаром буржуазные экономисты Германии, Англии, САСШ стараются запутать этот вопрос в пользу буржуазии, то и дело публикуя свои «совершенно объективные» исследования на этот счет.

По данным Всегерманского статистического управления, доля зарплаты в народном доходе Германии составляла в 1929 г. 70%, а доля буржуазии — 30%. По данным Федеральной торговой комиссии и Национального бюро экономических исследований, доля рабочих в народном доходе САСШ за 1923 г. составляла более 54%, а доля капиталистов — 45% с лишним. Наконец, по данным экономистов Болей и Стемпа, доля рабочего класса в народном доходе Англии на 1924 г. составляла немного меньше 50%, а доля капиталистов немного больше 50% народного дохода Англии.

Понятно, что нельзя принять результаты этих исследований на веру. Нельзя, так как кроме погрешностей чисто экономического порядка, в этих исследованиях имеются еще другого рода погрешности, имеющие своей целью отчасти скрыть доходы капиталистов и преуменьшить их, отчасти раздуть и увеличить доходы рабочего класса, причисляя к рабочим чиновников, получающих огромные оклады. Я уже не говорю о том, что в этих исследованиях часто не учитываются доходы фермеров и вообще сельских капиталистов.

Тов. Варга подверг критическому анализу эти данные. И вот что у него получилось. Оказывается, что доля рабочих и прочих трудящихся города и деревни, не эксплоатирующих чужого труда, составляла в Германии 55% народного дохода, в САСШ — 54%, в Англии — 45%, доля же капиталистов в Германии — 45%, в САСШ — 46%, в Англии — 55%.

Так обстоит дело в крупнейших капиталистических странах.

А как обстоит дело в СССР?

Вот вам данные Госплана. Оказывается, что:

а) **Доля рабочих и трудящихся крестьян, не эксплоатирующих чужого труда,** составляла у нас в 1927/28 г. 75,2% всего народного дохода

(в том числе доля городских и сельских рабочих — 33,3%), в 1928/29 г. — 76,5% (в том числе доля городских и сельских рабочих — 33,2%), в 1929/30 г. — 77,1% (в том числе доля городских и сельских рабочих — 33,5%).

б) Доля **кулаков и городских капиталистов** составляла в 1927/28 г.— 8,1%, в 1928/29 г. — 6,5%, в 1929/30 г. — 1,8%.

в) Доля **кустарей**, большинство которых представляет трудящийся элемент, составляла в 1927/28 г. — 6,5%, в 1928/29 г. — 5,4%, в 1929/30 г.— 4,4%.

г) Доля **государственного сектора**, доходы которого являются доходами рабочего класса и вообще трудящихся масс, составляла в 1927/28 г. — 8,4%, в 1928/29 г. — 10,0%, в 1929/30 г. — 15,2%.

д) Наконец, доля так называемых **прочих** (имеются в виду пенсии) составляла в 1927/28 г. — 1,8%, в 1928/29 г. — 1,6%, в 1929/30 г. — 1,5%.

Выходит, таким образом, что в то время как в передовых капиталистических странах доля эксплоататорских классов в народном доходе составляет около 50%, а то и больше того, у нас, в СССР, доля эксплоататорских классов составляет не более 2% народного дохода.

Этим, собственно, и объясняется тот поразительный факт, что в САСШ в 1922 г., по словам американского буржуазного писателя Денни, «1% собственников сосредоточивал в своих руках 59% всего национального богатства», а в Англии в 1920/21 г., по словам того же Денни, «менее 2% всего числа собственников владело 64% всего национального богатства» (см. книжку Денни «Америка завоевывает Англию».

Могут ли иметь место подобные факты у нас, в СССР, в стране советов? Ясно, что не могут. В СССР давно уже нет и не может быть таких «собственников».

Но если в СССР в 1929/30 г. всего лишь около 2% народного дохода перепадает на долю эксплоататорских классов, то куда девается остальная масса народного дохода?

Ясно, что она остается в руках рабочих и трудящихся крестьян.

Вот где источник силы авторитета советской власти среди миллионов рабочего класса и крестьянства.

Вот где основа систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР.

В свете этих решающих фактов становится вполне понятными систематическое увеличение реальной зарплаты рабочих, рост бюджета социального страхования рабочих, усиление помощи бедняцким и середняцким хозяйствам крестьянства, увеличение ассигнований на рабочее жилищное строительство, на улучшение быта рабочих, на материнство и младенчество, и в связи с этим поступательный рост народонаселения СССР при сокращении смертности, особенно смертности детей.

Известно, напр., что **реальная зарплата** рабочих, считая соцстрах и отчисления от прибылей в фонд улучшения быта рабочих, выросла в отношении довоенного уровня до 167%. Один лишь бюджет социального страхования рабочих вырос за последние 3 года с 980 млн. руб. в 1927/28 г. до 1400 млн. руб. в 1929/30 г. На охрану материнства и младенчества ушло за последние три года (1927/28 г. — 1929/30 г.) 494 млн. руб. На дошкольное воспитание (детские сады, площадки и т. д.) ушло

за тот же период 204 млн. руб. На рабочее жилищное строительство — 1880 млн. руб.

Это не значит, конечно, что уже сделано все необходимое для серьезного увеличения реальной зарплаты, что нельзя было поднять реальную зарплату на более высокую ступень. И если это не сделано, то в этом виноват бюрократизм нашего снабженческого аппарата вообще, бюрократизм потребительской кооперации прежде всего и в особенности. По данным Госплана, обобществленный сектор по внутренней торговле охватывает в 1929/30 г. по опыту более 99% и по розничке более 89%. Это значит, что кооперация систематически побивает частный сектор и становится монополистом в области торговли. Это, конечно, хорошо. Но плохо то, что эта монополия в ряде случаев идет во вред потребителям. Оказывается, что, несмотря на свое почти монопольное положение в торговле, кооперация предпочитает снабжать рабочих более «доходными» товарами, дающими большие прибыли (галантерея и т. д.), и избегает снабжать их товарами менее «доходными», хотя и более необходимыми для рабочих (с.-х. продукты). В связи с этим рабочие вынуждены около 25% своих потребностей в с.-х. продуктах удовлетворять на частном рынке, переплачивая на ценах. Я уже не говорю о том, что аппарат кооперации более всего заботится о балансе, в виду чего слишком туго идет на снижение розничных цен, несмотря на категорические директивы со стороны руководящих центров. Выходит, что кооперация действует в данном случае не как социалистический сектор, а как своеобразный сектор, зараженный неким нэпманским духом. Спрашивается, кому нужна такая кооперация и какая польза для рабочих от ее монополии, если она не выполняет задачи серьезного улучшения реальной зарплаты рабочих?

И если, несмотря на это, реальная зарплата у нас все же неуклонно повышается из года в год, то это значит, что наш строй, система распределения народного дохода и вся установка по линии зарплаты таковы, что они имеют возможность парализовать и перекрыть все и всякие минусы, идущие от кооперации.

Если прибавить к этому обстоятельству ряд других факторов, вроде увеличения роли общественного питания, удешевления жилищ для рабочих, громадного количества стипендий для рабочих и детей рабочих, культурного обслуживания и т. д., то можно смело сказать, что увеличение зарплаты рабочих составит гораздо больший процент, чем это указывается в статистике некоторых наших учреждений.

Все это, вместе взятое, плюс перевод на 7-часовой рабочий день более 830 тыс. индустриальных рабочих (33,5%), плюс перевод на пятидневную неделю более 1½ млн. индустриальных рабочих (63,4%), плюс наличие широкой сети домов отдыха, санаторий и курортов для рабочих, через которые пропущено за последние 3 года более 1700 тыс. рабочих, — все это создает такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество советской страны на должную высоту и защитить ее грудью от покушений со стороны врагов. **(Аплодисменты).**

Что касается помощи крестьянам как индивидуальным, так и коллективизированным, имея в виду и помощь бедноте, то она выразилась за последние 3 года (1927/28—1929/30 гг.) в сумме не менее 4 млрд. руб.,

отпущенных по линии кредита и государственного бюджета. Известно, что одной лишь семенной помощи было выдано крестьянам за эти 3 года не менее 154 мл. пудов зерна.

Неудивительно, что рабочие и крестьяне живут у нас в общем не плохо, смертность населения уменьшилась по сравнению с довоенным временем на 36% по общей и на 42,5% по детской линии, а **ежегодный прирост** населения составляет у нас более 3 млн. душ. **(Аплодисменты).**

(Сталин — Политотчет 16-му съезду ВКП(б) «Вопросы ленинизма», 9 изд.)

4. В результате осуществления большевистских темпов социалистического строительства и ликвидации в основном паразитических классов, уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплоатации человека человеком, растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растут из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР.

(Из резолюции 17-й конференции ВКП(б)

VII. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ. СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

Характеристика медицинской помощи рабочим при капитализме

Другая причина физических недугов рабочего класса заключается в невозможности в случаях болезни пользоваться помощью искусных врачей. Верно то, что этой беде старается помочь множество благотворительных учреждений, напр., что больница в Манчестере оказывает в год помощь 22 000 больным, из которых часть лечится в самой больнице, а другая пользуется лишь советом врача и лекарством. Но какое это может иметь значение в городе, где, по вычислениям Гаскелля, три четверти населения нуждаются в течение года во врачебной помощи? Английские врачи требуют больших денег за визит, а рабочие столько платить не в состоянии. Они вынуждены, поэтому, или не предпринимать ничего, или прибегать к помощи всевозможных шарлатанов, которые, в конце-концов, им скорее вредят, чем помогают. Нет того английского города, где не было бы целой кучи таких шарлатанов, которые при помощи всевозможных анонсов, объявлений и тому подобных реклам приобретают множество клиентов среди бедных классов. Кроме того существует в продаже множество всевозможных патентованных средств на всякие возможные и невозможные случаи: пилюли Морисона, д-ра Майнаринга, жизненные пилюли Парра и тысячи других пилюль, настоек, бальзамов и т. п. лекарств, обещающих излечение чуть ли не от всех болезней мира. Лекарства эти редко, правда, содержат вредные

вещи, но если принимать их часто и много, они все же действуют вредно на организм, а так как во всех анонсах несведущим рабочим толкуют, что чем больше принимать такое лекарство, тем лучше, то они поглощают его в больших размерах, когда это им нужно и не нужно. Часто случается, что изобретатель жизненных пилюль Парра в течение недели продает их в количестве 20—25 тыс. коробочек; принимают их против всевозможных болезней: один против запора, другой против поноса, третий против слабости, лихорадки и т. д. Как наши крестьяне любят ставить себе банки, пускать кровь, так английские рабочие принимают всевозможные патентованные средства, себе нанося этим вред, но зато наполняя карманы фабриканта, изготовляющего эти лекарства. Одним из наиболее вредных среди этих патентованных средств является питье, изготовленное из опиатов, в особенности лауданума, и известное в продаже под названием «Godfrey's Cordial». Женщины, работающие на дому, когда им приходится воспитывать собственных или чужих детей, поят их этим питьем, чтобы они не кричали, или, как многие полагают, чтобы укрепить их. Часто детей начинают лечить чуть ли не с первого дня их рождения, не подозревая, что этим вредят им, и лечат их до тех пор, пока они не умирают. Чем менее восприимчив становится организм ребенка против действия опия, тем в больших количествах его поят им. Если перестает помогать это питье, ребенку дают и чистую настойку лауданума, часто 15—20 капель на один прием. Коронер из Ноттингама свидетельствовал перед правительственной комиссией, что один аптекарь по его собственным словам, в течение года расходовал на приготовление этого питья 15 центнеров сиропа. Каковы последствия такого лечения для детей, легко себе представить. Они бледнеют, вянут и слабеют и большей частью умирают, не достигнув и двухлетнего возраста. Лекарство это находит очень широкое распространение во всех крупных городах и промышленных округах Англии.

(Энгельс — «Положение рабочего класса в Англии»)

Вопросы здоровья и медицинской помощи в программе борьбы рабочего класса

Исходя из этих воззрений, Русская соц.-демократическая партия требует прежде всего: ... 10) закона об обязанности фабрикантов содержать школы и давать медицинскую помощь рабочим.

(Ленин. — Из проекта программы соц.-демокр. партии. 1896 г., т. I, изд. 3).

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня восьмью часами в сутки для всех наемных рабочих.

2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.

3. Полного запрещения сверхурочных работ.

4. Воспрещения ночного труда (от 9 часов вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.

5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16 — 18 лет) шестью часами.

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.

7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже чем через три часа, на время не менее чем на полчаса.

8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов.

9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.

10. Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и прочее).

11. Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрисс в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы.

12. Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан.

13. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни.

14. Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

(Из программы РСДРП, принятой 2-м съездом в 1903 г.)

Программа ВКП(б) в области охраны народного здоровья

25. В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья ВКП полагает прежде всего проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний. Диктатура пролетариата уже дала возможность провести в жизнь целый ряд оздоровительных и лечебных мероприятий, не осуществимых в рамках буржуазного общества: национализацию аптечного дела, крупных частно-предпринимательских лечебных учреждений, курортов, трудовую повинность медицинских рабочих сил и т. п.

В соответствии с этим ВКП ставит своей ближайшей задачей:

1) решительное проведение широких санитарных мероприятий в интересах трудящихся, как то:

а) оздоровление населенных мест (охрана почвы, воды и воздуха);

б) постановка общественного питания на научно-гигиенических началах;

в) организация мер, предупреждающих развитие и распространение заразных болезней;

г) создание санитарного законодательства;

2) борьбу с социальными болезнями (туберкулезом, венеризмом, алкоголизмом и т. д.);

3) обеспечение общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощи.

[Из программы ВКП(б)]

Весь опыт гражданской войны на борьбу с эпидемиями

Товарищи, позвольте мне приветствовать ваш съезд от имени Совета народных комиссаров. Здесь не приходится много говорить о задачах съезда и понесенных вами трудах. Быть может, после военного фронта, никакая другая работа не давала столько жертв, как ваша. Последствия четырехлетней империалистской войны привели к тому, что человечество имеет несколько миллионов калек и ряд эпидемий.

На нашу долю выпала огромная, тяжелая, ответственная задача. Борьба на военном фронте доказала, что попытки империалистов ни к чему не привели. Самые большие трудности военного дела остались позади, но сейчас нужно осуществить задачу мирного строительства. Тот опыт, который мы приобрели на кровавом фронте, мы перенесем и на бескровный фронт, где мы встретим гораздо больше сочувствия.

Мы сумели привлечь на службу тысячи специалистов, громадное число офицеров, генералов, которые наравне с рабочими-коммунистами стоят на ответственных постах. Всю решительность, весь опыт гражданской войны мы должны обратить на борьбу с эпидемиями.

Когда-то представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу, когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя. Теперь и они убедились, что только вместе с пролетариатом можно привести Россию к культурному расцвету. Сотрудничество представителей науки и рабочих, — только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано.

Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила.

(Ленин — «Речь на Всеросс. съезде работников медико-сан. труда 1 марта 1920 г.», т. XXV, изд. 3)

Врачи на борьбу с сыпным тифом

И в этом вопросе мы, товарищи, действуя такими же методами, начинаем достигать успешных результатов. Конечно, есть еще такие врачи, которые относятся с предубеждением и недоверием к рабочей власти и предпочитают получать гонорар с богатых, чем итти на тяжелую борьбу с сыпным тифом. Но таких меньшинство, таких становится все меньше, а большинство — таких, которые видят, что народ борется за свое существование, видят, что он хочет решить своей борьбой основной вопрос спасения всякой культуры, и эти врачи вкладывают в это тяжелое и трудное дело не меньше самопожертвования, чем любой военный специалист. Они согласны дать свои силы на работу для трудящихся. Я должен сказать, что мы из этого кризиса также начинаем выползать. Тов. Семашко дал мне справку относительно этой работы. К 1 октября, по сведениям с фронта, туда прибыло врачей 122, фельдшеров 467. Отправлено из Москвы врачей 150. Мы имеем основание ожидать, что к 15 декабря мы получим на фронт еще 800 врачей, которые помогут в борьбе с сыпным тифом. Мы должны обратить большое внимание на этот бич.

(Ленин — Речь на VII Всеросс. съезде советов, т. XXIV, изд. 3)

Бороться за образцовую чистоту

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала, все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей пресса, так и **каждой** рабочей и крестьянской организации. Все это — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность.

(Ленин — «Великий почин», 1919 г., т. XXIV, изд. 3)

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

Задачи здравоохранения в реконструктивный период

Констатируя, что советская медицина в борьбе с реакционными элементами дореволюционной медицины добилась огромных достижений, ЦК считает, что новые задачи реконструктивного периода требуют коренной перестройки работы наркомздравов союзных республик.

ЦК отмечает, что нынешнее состояние работы наркомздравов на практике не обеспечивает проведения в жизнь директив партии.

Темп развития дела здравоохранения значительно отстает от роста всего народного хозяйства страны и потребностей рабочего класса и крестьянства, слабо развита общественность в работе органов здравоохранения, совершенно недостаточно участие в их работе профсоюзов, особенно союза Медсантруд, недостаточно внимание со стороны местных партийных и советских организаций к вопросам здравоохранения, слаб руководящий аппарат органов здравоохранения, в частности мало рабочих, и, наконец, неудовлетворительно руководство со стороны наркомздравов союзных республик их местными органами.

Исходя из этого, ЦК считает необходимым:

1. Наркомздравам союзных республик коренным образом перестроить всю практическую работу в области здравоохранения, более четко отражая в ней классовую пролетарскую линию.

Улучшить лечебную и профилактическую помощь в промышленных центрах, выделяя в особую группу основные индустриальные районы (горная, металлургическая промышленность и т. п.). В пятилетнем плане здравоохранения особо обеспечить медицинское обслуживание застрахованных.

В связи с переходом на 7-часовой рабочий день и на непрерывную производственную неделю перестроить работу лечебно-санитарных учреждений, обслуживающих нужды рабочих (организация вечерних приемов, расширение пунктов первой помощи, устранение очередей в лечебных учреждениях, приспособление и организация яслей и т. д.).

В виду особо тяжелого санитарного состояния Донбасса, Кузбасса и Урала предложить совнаркомам СССР, РСФСР и УССР провести ряд широких мероприятий по санитарному оздоровлению этих районов.

2. Учитывая резкую недостаточность медицинской помощи в деревне, особенно в обслуживании бедняцко-батрацких масс, ЦК предлагает наркомздравам союзных республик наметить план систематического расширения сельской лечебной сети.

Развертывание работы в деревне должно быть увязано с колхозным и совхозным строительством, охватывающим широкие массы батраков, бедняков и середняков.

3. Признавая неотложной задачей коренное улучшение в составе кадров народного здравоохранения, ЦК считает необходимым:

а) Взять решительный курс на орабочение аппаратов путем выдвижения в органы здравоохранения рабочего и крестьянского актива.

б) Констатируя значительное скопление медицинских работников и оканчивающих медвузы в крупных городских центрах при резком недостатке таковых в деревнях и фабрично-заводских поселках, ЦК считает необходимым, чтобы Наркомтруд СССР совместно с наркомздравами союзных республик и ЦК союза Медсантруд провели в месячный срок мероприятия, обеспечивающие использование этих работников в деревне.

4. Учитывая крайне слабое участие советской общественности в деле здравоохранения, ЦК подчеркивает необходимость большего участия советских, профессиональных и страховых организаций в деле организации здравоохранения путем оживления работы секций советов по здравоохранению, здравпунктов на предприятиях и комиссий по охране труда при фабзавместкомах, комиссий по оздоровлению труда и быта при лечебно-профилактических учреждениях, жилищно-санитарных ко-

миссий, оживления деятельности экономсовещаний здраворганов, поощрения социалистического соревнования и большего привлечения к работе делегатских собраний работниц и крестьянок.

Одновременно ЦК считает, что наркомздравы союзных республик должны повести решительную борьбу за поднятие трудовой дисциплины и среди медикосанитарных работников, а ЦК союза Медсантруд усилить привлечение медработников к социалистическому строительству (участие в экономработе, социалистическое соревнование и т. д.), всемерно укрепляя в их рядах трудовую дисциплину. В то же время ВЦСПС должен усилить борьбу среди членов профсоюзов с нетоварищеским отношением к врачам со стороны больных.

5. Совнаркомы союзных республик должны разработать конкретные мероприятия, обеспечивающие улучшение работы наркомздравов в соответствии с директивами партии и развертывание медикосанитарного строительства в соответствии с потребностями реконструктивного периода, ростом населения страны и колхозного и совхозного строительства. Необходимо решительно устранить случайность и кустарничество в этой работе, осуществить плановость, разработав пятилетний и соответственно годичный планы с обеспечением их необходимыми финансовыми и материальными средствами.

(Постан. ЦК ВКП(б) от 13/XII 1929 г. о медицинском обслуживании рабочих и крестьян)

Рост ассигнований на здравоохранение

Предпосылкой выполнения всего хозяйственного плана является подъем культурного уровня широчайших рабочих и крестьянских масс, с одной стороны, и решительное качественное улучшение кадрового состава работников социалистического строительства — с другой. Пленум ЦК констатирует, что, несмотря на напряженность бюджета в 1928/29 г., производится значительный сдвиг в деле финансирования социально-культурного сектора. Финансирование народного просвещения из разных источников для 1928/29 г. намечается в размере 335 млн. руб. против 270 млн. руб. в прошлом году; капитальные вложения в просвещение по плану должны составить 184 млн. руб. против 96 млн. руб. Расходы на нужды здравоохранения по СССР за то же время возрастают, по неполным данным, с 513 млн. руб. до 610 млн. руб. Особенно значительный сдвиг происходит в силу решений июльского пленума в области профтехнического образования. При всей недостаточности этих сумм они все же обеспечивают значительный подъем культурного строительства нашей страны.

(Из резол. плен. ЦК ВКП(б) 16.XI. 1928 г. о контрольных цифрах нар. хоз. на 1928—29 гг.)

Здравоохранение в ведущих отраслях промышленности

По линии здравоохранения. Госплану РСФСР совместно с Наркомздравом срочно пересмотреть контрольные цифры здравоохранения Кузбасса на 1931 г. с тем, чтобы обслуживание рабочих как лечебной, так

и профилактической помощью было не ниже средних норм обслуживания центральных промышленных районов.

Предложить Наркомздраву провести в ближайшее время значительное укрепление сети лечебных и санитарных учреждений и ее укомплектование необходимым медицинским персоналом.

(Постан. ЦК ВКП(б) от 26 окт. 1930 г. о работе парт. орг. Кузбасса)

Достижения советского здравоохранения

Значительно увеличилось **социально-культурное** обслуживание рабочих и трудящихся Москвы: охват детей школьного возраста начальными школами увеличился с 81 тыс. в 1913 г. до 166 тыс. человек в 1931 г., или на 105%, средними школами — с 30,7 тыс. до 85,2 тыс. чел. или на 184%, профтехническими учебными заведениями (техникумы, курсы и школы ФЗУ) — с 15 тыс. до 155 тысяч человек, или свыше чем в 10 раз, высшими учебными заведениями — с 33 тыс. до 121 тыс. чел., или на 267%. Широко развернута сеть детских площадок, садов и яслей (650 — с охватом свыше 150 тысяч детей, не считая специально организованных детских городков в Парке культуры и отдыха и в Сокольниках, пропускающих в летний период сотни тысяч детей). Ежегодно в летнее время вывозится за город на несколько месяцев до 100 тысяч детей школьного возраста; 96% всех рождающихся в Москве детей проходят через консультацию.

Значительно выросла **лечебная помощь;** расширена и перестроена больничная сеть, число больничных коек увеличилось более **чем в два раза,** число амбулаторий и амбулаторных пунктов на предприятиях с **27** в 1913 г. выросло до **475** в 1931 г., организованы заново пункты помощи на дому, построено **36 санаторий и домов отдыха, а для** рабочих и широкая сеть вспомогательных и профилактических учреждений (диспансеры, консультации и т. п.).

Через дома отдыха и санатории, принадлежащие Мосздравотделу, в 1930 г. прошло **свыше 100 тысяч** рабочих и трудящихся, не считая сотни тысяч прошедших лечение в Крыму, на Кавказе и в других местах вне Московской области.

Эти достижения нашли свое наиболее яркое выражение в уменьшении смертности населения Москвы вообще и детской смертности в особенности. В 1910—1914 гг. **на 1 тысячу населения умирало 25** человек, а в 1930 г. — **13 человек;** на 100 детей в возрасте до одного года умирало в 1910—1914 гг. **27** детей, а в 1930 г. — **12 детей.**

(Постан. июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г.)

Против оппортунистических извращений в здравоохранении

Постановление Московского обкома ВКП(б) о работе Мосздравотдела
(опубликовано в «Рабочей Москве» от 13.III. 1931 г.)

Московский обком ВКП(б) отмечает непрерывное улучшение в области дела здравоохранения: увеличение ассигнований, расширение сети лечебных учреждений, увеличение количества коек, падение более чем

вдвое детской и общей смертности по сравнению с довоенным уровнем, оставляющее позади ряд крупнейших столиц капиталистических стран, снижение заболеваемости рабочих с утратой трудоспособности и т. д. Все это достигнуто на основе общего роста социалистического строительства, гигантских успехов советской власти и партии в области индустриализации и социально-культурного строительства.

Вместе с тем МОК считает, что существующий рост сети здравоохранения (больницы, диспансеры, ясли) недостаточен и отстает от темпов развития социалистического хозяйства.

Несмотря на отмеченные достижения в деле здравоохранения, нынешнее руководство органов здравоохранения Москвы и области в практике своей работы не использовало растущей экономической базы здравоохранения и поэтому не справилось с требованиями, предъявленными к делу здравоохранения социалистической реконструкцией хозяйства, и тем самым не выполнило декабрьского постановления ЦК ВКП(б) 1929 г. о решительном и быстром повороте здравоохранения на обслуживание ведущих участков социалистического строительства.

Нынешнее руководство Мосздравотдела не перестроило коренным образом всей своей практической работы на основе проведения четкой классовой линии, преимущественного внимания к обслуживанию основных отраслей социалистического хозяйства Московской области (крупнейшие металлические заводы, крупнейшие текстильные фабрики, Подмосковный угольный бассейн, Бобриковское строительство, соцсектор сельского хозяйства).

Мосздравотдел не создал вокруг себя рабочего актива, не сумел правильно использовать возросшую активность врачей и остальных медработников. Критика и самокритика в Мосздравотделе не имели места, наоборот, там имели место элементы зажима самокритики.

На фронте борьбы с эпидемиями в Московской области имеется крупнейший прорыв. В течение целого ряда лет допускается например наличие в области очагов сыпного тифа. Это является результатом прямой бездеятельности со стороны руководства Мосздрава и потворства неприкрытому саботажу группы спецов, которым фактически передоверено дело борьбы с эпидемиями.

Правооппортунистическая практика руководства делом здравоохранения привела к тому, что фактически те из специалистов, которые вели борьбу против социалистической реконструкции здравоохранения, продолжали до последнего времени играть значительную роль в теории и практике строительства здравоохранения в Московской области.

Вместе с тем нынешнее руководство Мосздравотдела допустило, что старое оппортунистическое руководство Мосздравотдела продолжает сохранять за собою руководство в ведущем Институте (Институт Обуха), в обществе «Ленинизм в медицине» и на ряде других крупнейших участков здравоохранения в Москве.

МОК констатирует, что партячейка Мосздрава была совершенно оторвана от всей работы Мосздрава, стояла в стороне и не реагировала на вопиющие недочеты в практике Мосздрава, не справилась с задачами, поставленными партией, и проявила правый оппортунизм на практике, выразившийся в непринятии должных большевистских мер по реализации сентябрьского обращения ЦК, последних пленумов ЦК, ЦКК и МК о перестройке работы советских органов.

Как ячейка, так и месткомы в своей работе положились на самотек, отстали от темпов, взятых партией и советской властью, не развернули большевистской самокритики и не привили в работе аппарата Мосздрава социалистических методов организации труда — соревнования и ударничества.

МОК одобряет все мероприятия, намеченные Дзержинским РК ВКП(б) по оздоровлению работы ячейки Мосздрава, в частности роспуск бюро ячейки.

МОК отмечает, что важнейшие вопросы здравоохранения не заняли еще должного места в руководящей работе Мособлисполкома и потому деятельность Мосздрава протекала без конкретного руководства и контроля исполнения со стороны президиума Мособлисполкома. МОК отмечает крайне неудовлетворительное состояние труддисциплины в рядах работников здравоохранения и констатирует, что облотдел союза Медсантруд не вел борьбы за укрепление труддисциплины, не проявил настойчивости в деле оздоровления работы медучреждений и не мобилизовал на устранение непорядков в них на основе пролетарской самокритики массы медработников. Соцсоревнование и ударничество не получили надлежащего развития в медучреждениях. Союз не поставил на надлежащую высоту борьбу с чуждой пролетариату идеологией в здравоохранении. Борьба за кадры также не нашла отражения в его работе. Все это указывает, что облотдел союза в своей повседневной работе сам не перестроился в сторону решительного проведения в жизнь декабрьского решения ЦК ВКП(б).

Московский обком ВКП(б) постановляет:

1. Всю работу Мосздрава перестроить на основе действительного обслуживания промышленности и соцсектора сельского хозяйства, в первую очередь ведущих в борьбе за выполнение промфинплана предприятий, дальнейшего снижения и предупреждения заболеваемости рабочих, реорганизовав всю работу здравоохранения на предприятиях в части пунктов первой помощи как цехов здравоохранения. Одновременно вести решительную борьбу с симуляцией, находящей место среди отсталых групп рабочих.

2. Мосздравотделу обеспечить в существующей системе медобслуживание рабочих и их семей, немедленное устранение выявившегося в ней извращения классовой линии, бюрократизма и волокиты медучреждений, ликвидацию очередей, улучшение качества всех видов медицинской помощи, приспособив работу учреждений здравоохранения к конкретным условиям работы отдельных предприятий и групп рабочих (дневные и ночные смены, пригородные, сезонные рабочие и т. д.).

Ввиду того, что уже в этом году включаются в производство новые десятки тысяч женщин наряду с увеличением ассигнований на расширение учреждений охматмлада, решительно перестроить всю работу охматмлада в направлении создания условий повышающих производительность труда работниц, организуя широкие массы рабочих и работниц вокруг создания на основе их самодеятельности сети яслей и детсадов.

3. Мосздраву совместно с союзом сельхозрабочих по согласовании с МОЗО добиться в кратчайший срок решительной перестройки медико-санитарной сети сельхозсектора в соответствии с темпами коллективизации и строительством совхозов, укрепив ее необходимыми кадрами

врачей. Установить во всей работе очередность в отношении конкретных объектов медобслуживания (МТС, совхозы, крупные колхозы).

Для обслуживания весенней посевной и уборочной кампаний более широко применять метод организации и посылки специальных медицинских бригад на поля работы.

4. Фракции президиума Моссовета:

а) в трехдневный срок пересмотреть состав чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями;

б) совместно с Отделом кадров МОК, Мосздраву мобилизовать в 5-дневный срок коммунистов-врачей для усиления московской санитарной организации и посылки в районы уполномоченных Моссовета по борьбе с эпидемией;

в) в 3-дневный срок обеспечить необходимыми материальными ресурсами все мероприятия по борьбе с эпидемией, а также принять срочные меры по бесперебойной работе бань и прачечных в Москве и усилению транспорта по перевозке заразных больных.

5. МРКИ в декадный срок обследовать все состояние дела по борьбе с эпидемиями и состояние лечучреждений (больницы, пункты первой помощи).

6. Вся работа по борьбе с эпидемией и ликвидацией очагов должна стать более оперативной и ударной.

Мосздраву и Чрезкомиссии разработать в 5-дневный срок план ликвидации очагов эпидемии с указанием сроков этой ликвидации, а также в декадный срок учесть пункты сосредоточения сезонных рабочих и принять меры к подготовке их санобработки.

Обязать фракцию президиума Моссовета каждую пятидневку давать в МОК оперативные сводки о движении эпидемий и о мероприятиях по борьбе с ними.

Наблюдение за ходом выполнения решений МОК по вопросу о борьбе с эпидемиями возложить персонально на т. Гребнева (МКК МРКИ).

7. Освободить т. Попова Н. Ф. от заведывания Мосздравотделом.

8. Отделу кадров МОК в декадный срок пересмотреть руководящий состав Мосздрава и его крупнейших лечучреждений.

9. Культпропу МОК, Отделу кадров совместно с Наркомздравом проработать вопрос о передаче в ведение Мосздрава одного из медицинских институтов Наркомздрава для обеспечения более успешной подготовки необходимых кадров врачей Москвы и области.

10. Культпропу МОК в декадный срок закончить работу по слиянию общества «Ленинизм в медицине» с обществом врачей-марксистов при Комакадемии в единое общество, под руководством Комакадемии.

11. Фракции президиума Мособлисполкома пересмотреть контрольные цифры по Мосздраву в сторону обеспечения соответствующими материальными средствами проведение указанных выше задач в области здравоохранения Москвы и области.

12. Фракции МОСПС в кратчайший срок провести в жизнь решение МОК ВКП(б) об организации на предприятиях групп содействия здравоохранению и здравпчеек.

13. Отделу кадров МОК совместно с МОСПС в 5-дневный срок подыскать кандидата на пост председателя облотдела Медсантруд.

О медицинских кадрах

(Постановление ЦК ВКП(б) от 1. VI. 1931 г.)

Заслушав доклад об итогах Всесоюзного совещания по медкадрам, ЦК отмечает, что при наличии некоторых достижений в области медицинского образования и научной медицинской работе в 1930—31 г. (увеличилось количество вузов, рабфаков и улучшился социальный и партийный состав учащихся, а также расширилась сеть научно-исследовательских институтов с одновременным улучшением социального состава аспирантуры) положение с подготовкой медицинских кадров остается совершенно неудовлетворительным.

Имеющиеся темпы подготовки медицинских работников резко отстают от темпов роста требования на них в связи с происходящими коренными изменениями в экономике страны и растущими культурными потребностями широких масс. Особенно большое отставание отмечается в области подготовки среднего медперсонала и медицинской аспирантуры.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1) учитывая недостаточность контингентов учащихся в мед. учебных заведениях, предложить наркомздравам союзных республик в контрольных цифрах на 1932 г. предусмотреть прием по медвузам Союза — 25 000 чел. и техникумам — 55 000 чел., направив в том числе в медвузы Союза в счет партысячи — 300 чел.;

2) наркомздравам союзных республик обеспечить более решительное проведение реорганизации системы медобразования и ее единство в пределах всего Союза, установив следующие сроки обучения в мединститутах:

а) для лечебно-профилактического факультета, факультета охраны материнства и младенчества и детства и санитарно-профилактического факультета 4 года;

б) для стоматологического отделения лечпрофа и для специальных отделений санпрофа 3½ года;

в) для фармацевтического ф-та 3 года. Для оканчивающих лечебно-профилактический ф-т (за исключением стоматологического отделения) и факультет материнства, младенчества и детства установить обязательное прохождение в течение года практической врачебной подготовки в лечебных учреждениях. В медтехникумах срок обучения для всех отделений установить в 2 года, а в фармтехникумах, а также акушерских и вечерних отделениях медтехникумов в 2½ года. Сроки производственного обучения в медвузах и техникумах довести в среднем до 50% (1 : 1), в полной мере обеспечив оплату преподавателей за руководство НПП.

Наркомздраву построить среднее медобразование (учебные планы, профили специалистов и программы) таким образом, чтобы оно могло стать ступенью к высшему медобразованию, для чего считать обязательным при поступлении в техникум общеобразовательную подготовку не ниже семилетки и организовать при медвузах отделения или специальные курсы для среднего медперсонала, имеющего соответствующий практический стаж работы;

3) констатируя, что наличие контингентов на медрабфаках не обеспечивает выполнения решений ноябрьского пленума ЦК о комплектова-

нии на 75% в ближайшие годы высшей школы рабфаковцами, ЦК предлагает на 1932 г. провести прием на медрабфаки в количестве 30 000 чел., обеспечив специальные ассигнования на строительство учебных заведений и общежитий для рабфаков, а также вечерних рабфаков и подготовительных курсов из националов на рабфаках в нацреспубликах, краях и областях;

4) растущее физкультурное движение ставит перед наркомздравами задачу широкой подготовки врачей-физкультурников, как путем обязательного изучения основ теории и практики физического воспитания каждым врачом, так и путем создания в системе медобразования специальных факультетов физкультуры. Предложить НКЗдравам союзных республик предусмотреть открытие в 1932 г. спец. факультетов физкультуры в ряде мединститутов;

5) предложить наркомздравам союзных республик, в целях более широкой заочной подготовки среднего и высшего медперсонала, организовать институты по заочному обучению, развернув их работу уже к концу текущего года. Организовать при мединститутах, техникумах и институтах по усовершенствованию врачей филиалы институтов по заочному обучению, обратив особое внимание наркомздравов на укрепление и руководство этими формами медобразования;

6) увеличить по РСФСР контингенты аспирантуры на 1932 г. по научным институтам с 365 чел. до 700 и по медвузам с 700 до 1300 (по РСФСР); соответствующее увеличение провести и по др. республикам, уделив особое внимание подготовке кадров по теоретическим и профилактическим дисциплинам и созданию кадров из национальных меньшинств. Предложить партийным, советским и профессиональным организациям усилить внимание подбору и руководству аспирантурой и их научно-исследовательской работе, повысив ответственность местных парторганизаций и директоров институтов за подготовку кадров, возложив ответственность за персональное утверждение аспирантов на коллегии наркомздравов;

7) усилить перестройку медицинской научной работы, сосредоточивая внимание и силу научных работников на разработке конкретных, узловых проблем медицинской теории и практики, связанных с текущими задачами партии и пролетариата.

Исходя из необходимости внедрения марксистско-ленинской методологии в научной работе и непримиримой борьбы с враждебными теориями, необходимо создать условия для подлинного овладения коммунистами медицинской наукой и техникой, используя вместе с тем кадры беспартийных специалистов и создавая им товарищеские условия в их работе.

8) поручить наркомздравам и наркомпросам разработать мероприятия по повышению педагогической квалификации и марксистско-ленинскому воспитанию преподавательского состава мединститутов, техникумов и рабфаков (краткосрочные курсы, курсы-конференции и заочные курсы при Комакадемии и пр.), а также разработать систему краткосрочной подготовки преподавателей теоретических дисциплин (физики, химии, биологии, физиологии и др.), обеспечив со стороны органов НКФина соответствующие ассигнования на это дело. Закрепить за НКЗдравом ближайших 2 выпуска всех врачей, оканчивающих Институт красной профессуры по естествознанию;

9) Комакадемии усилить помощь медработникам в руководстве научно-исследовательскими институтами НКЗдрава и съездами путем организации консультаций и курсов основ марксизма и ленинизма для аспирантов и руководителей аспирантов, участия в составлении учебников и в редактировании специальных изданий и комплектования ИКП достаточным количеством выдержанных партийцев из числа медработников;

10) в целях улучшения качества подготовки и создания соответствующих условий для работы аспирантов считать необходимым:

а) увеличение ассигнования на научную работу аспирантов со 150 до 300 руб. ежегодно на человека с 1932 г.;

б) выделить специальные средства на научные командировки аспирантов, преимущественно внутренние, связанные с производственной практикой аспирантов и пополнением их научного кругозора;

в) довести стипендии семейным аспирантам до 200 руб.;

г) поручить НКЗдравам и местным исполкомам изыскать средства на постройку специальных общежитий для аспирантов и принять все меры к срочному улучшению жилищных условий;

11) обратить особое внимание на улучшение качества работы в существующих научно-исследовательских институтах и обеспечение должного руководства ими со стороны наркомздравов союзных республик. Развернуть сеть медицинских научных учреждений в промышленных районах и в национальных областях;

12) исходя из необходимости социалистической реконструкции санитарно-гигиенических условий труда и быта рабочих и реализации, как первоочередной задачи, проблемы чистоты, считать неотложным укрепление и развитие в системе научных учреждений наркомздравов институтов социальной гигиены, коммунальной санитарии, гигиены труда и профессиональных заболеваний, улучшив преподавание санитарно-гигиенических дисциплин и сделать обязательным изучение студентами первых курсов всех факультетов медвузов и техникумов простейших методов санитарных исследований;

13) Культпропу ЦК и ОГИЗу обеспечить на 1932 г. издание учебных руководств и пособий для медвузов, техникумов, рабфаков, институтов усовершенствования и системы заочного обучения, отвечающих новым учебным программам и методам преподавания;

14) ЦК нацкомпартий, краевым, областным и районным комитетам партии улучшить руководство делом подготовки кадров здравоохранения, заслушивая периодически соответствующие доклады органов здравоохранения и повышая требования и ответственность за это дело со стороны последних, а также наркомпросов, краевых и областных ОНО союзных республик.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

Борьба рабочих за социальное страхование при капитализме

Констатируя, что рабочий класс и его партия, несмотря на все преследования, развили большую энергию в деле отстаивания пролетарских интересов в связи с введением закона о страховании, — Совещание полагает:

1. Необходима самая решительная и дружная борьба против попыток правительства и капиталистов заставить рабочих выбирать своих уполномоченных в больничные кассы в темную — без допущения рабочих собраний.

2. Рабочие должны всюду добиваться устройства явочным путем собраний для предварительного намечения желательных им кандидатов в уполномоченные.

3. Рабочие должны устраивать революционные митинги для протеста против тех насилий и издевательств, которыми сопровождается введение страховых законов.

4. Во всяком случае необходимо предварительно намечать рабочий список кандидатов в уполномоченные из числа наиболее влиятельных с.-д. рабочих и дружно проводить этот список также и там, где никаких собраний устроить не удается.

5. Бойкот выборов уполномоченных Совещание считает нецелесообразным и вредным. Главные усилия капиталистов в данное время направляются на то, чтобы не дать рабочим овладеть известными фабрично-заводскими пролетарскими ячейками, каковыми должны стать больничные кассы рабочих. Бойкот, разъединяя в настоящий момент рабочих, только шел бы на руку указанному стремлению капиталистов.

6. Борьба за правильные выборы делегатов в больничные кассы не должна прекращаться ни на минуту. Всеми средствами, всеми силами, используя всякий благоприятный момент, не давая предпринимателям ни на минуту считать обеспеченным нормальный ход производства, расширяя и развивая борьбу рабочих,—нельзя вместе с тем отказываться от проведения с.-д. списка, вопреки всем препятствиям. Выборы не исключают дальнейшего развития борьбы. Наоборот—проведением в делегаты выдержанных с.-д. рабочих мы облегчим дальнейшую борьбу за правильные выборы, в которых делегаты будут всячески помогать рабочим.

7. Всюду, где выборы проходят без собраний, необходимо агитировать за перевыбрание уполномоченных на началах действительной свободы выборов с устройством собраний — всеми доступными рабочим средствами.

8. С.-д. думская фракция должна немедленно внести новый запрос по поводу отказа рабочим в собраниях для выборов.

9. Всю агитацию по поводу введения страхования необходимо вести в тесной связи с освещением всего положения вещей в царской России, разъясняя наши социалистические принципы и революционные требования.

(Ленин — Из резолюции совещания ЦК РСДРП с парт. работниками, 1913 г., т. XVI, изд. 3)

Страховая программа пролетариата

1. Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможност сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства. Поэтому страхование рабочих во всех указанных случаях является реформой, властно диктуемой всем ходом капиталистического развития.

2. Наилучшей формой страхования рабочих является **государственное** страхование их, построенное на следующих основаниях: a) оно должно обеспечивать рабочих во **всех** случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице; b) страхование должно охватывать **всех** лиц наемного труда и их семейств; c) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения **полного** заработка, причем **все** расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство; d) всеми видами страхования должны ведать **единые** страховые организации, построенные по **территориальному** типу и на началах **полного** самоуправления застрахованных.

3. Всем этим основным требованиям рационально построенного страхования коренным образом противоречит правительственный законопроект, принятый Государственной Думой; он a) касается лишь **двух** видов страхования — от несчастных случаев и болезней; b) он охватывает лишь небольшую (по самым снисходительным подсчетам — одну шестую) часть российского пролетариата, оставляя за бортом страхования целые области (Сибирь, в правительственной редакции еще — Кавказ) и целые категории рабочих, особенно нуждающихся в страховании (сельскохозяйственные, строительные, железнодорожные, почтово-телеграфные, приказчики и т. д.); c) устанавливаются нищенские размеры вознаграждения (максимальное вознаграждение при **полном** увечье — две трети заработка, притом исчисляемого на основаниях, ниже действительного) и в то же время возлагает на плечи рабочих главную часть расходов по страхованию: за счет рабочих проектируется страхование не только от болезней, но и от «мелких» — на практике наиболее частых увечий. Этот новый порядок является ухудшением даже по сравнению с нынешним законом который обязанность вознаграждения за увечья возлагал исключительно на предпринимателей; d) лишает страховые учреждения всякой самостоятельности, отдавая их под перекрестный надзор чиновников (из «Присутствий» и «Совета по делам страхования»), жандармерии, полиции (которым, помимо общего надзора, предоставляется право направлять их деятельность по существу, влиять на их личный состав и т. д.), хозяев (исключительно предпринимательский состав товариществ, страхующих от несчастных случаев; фабричный тип больничных касс, страхующих от болезней; обеспеченное уставом влияние на них предпринимателей и т. п.).

4. Только такой закон, грубейшим образом издевающийся над насущнейшими интересами рабочих, и мог родиться в настоящий момент бешеной реакции, в период господства контрреволюции, в результате многолетних предварительных переговоров и соглашения правительства с представителями капитала. Необходимым условием осуществления страховой реформы действительно отвечающей интересам пролетариата, является окончательное низвержение царизма и завоевание условий для свободной классовой борьбы пролетариата.

(Ленин — Из резол. Пражской конференции РСДРП об отношении к думскому законопроекту о государств. страховании рабочих, т. XV, изд. 3)

ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Коммунистический интернационал выдвигает следующие новые задачи пролетарской диктатуры...

Г. Охрана труда, быта и т. д.

...г) Социальное страхование всех видов (инвалидность, старость, несчастные случаи, безработица и т. д.), на основе полного самоуправления застрахованных, за счет государства (и за счет предпринимателей, поскольку сохранились еще частные предприятия).

(Из программы Коминтерна)

Основные установки социального страхования в реконструктивный период

Социальное страхование в СССР, охватывающее важнейшие стороны бытовой и культурной жизни, является одним из главнейших завоеваний рабочего класса, достигнутых победой Октябрьской революции. В результате мощного развития народного хозяйства и быстрого темпа индустриализации страны социальное страхование превратилось в важнейший фактор улучшения быта, материального и культурного положения рабочего класса.

Социальным страхованием охвачено 10½ млн. рабочих и служащих. Средства социального страхования неуклонно из года в год растут, бюджет его в 1928/29 г. достиг 1150 млн. руб. Круг обеспечиваемых по всем видам социального страхования значительно расширился; развертывается социальное страхование пролетарских элементов деревни (батраки); неуклонно из года в год повышается и уровень обеспечения. Крупнейшим достижением в области социального страхования является введение страхования по старости рабочих основных отраслей народного хозяйства (металлисты, горняки, текстильщики, транспортники — железнодорожники и водники). Социальное страхование обеспечивает в настоящее время значительное количество инвалидов и членов их семейств (свыше 1 млн. пенсий), на что расходуется 260 млн. руб. Значительно выросли расходы на обеспечение безработных, зарегистрированных на биржах труда, достигнув в 1928/29 г. 145 млн. руб. На обеспечение по временной нетрудоспособности расходуется 285 млн. руб. Существенное значение в быту рабочей семьи имеют дополнительные виды обеспечения: при рождении ребенка, на кормление, в случае смерти и др. (60 млн. руб.). В санаториях, курортах и домах отдыха в течение года получают лечение и отдых свыше 600 тыс. рабочих и служащих, из них 70% рабочих. На медицинскую и санаторно-курортную помощь застрахованным израсходовано в 1928/29 г. 300 млн. руб.

За последние годы отмечается также улучшение обслуживания застрахованных путем приближения аппарата страхкасс к застрахованным и выплаты пособий на предприятиях через почту и сберкассы.

Наряду с достижениями в деле социального страхования необходимо отметить ряд существенных недочетов в работе органов социального страхования.

Работа страховых органов недостаточно увязана с широкой рабочей общественностью. Страховые органы и профсоюзы недостаточно уделяют внимания развитию массового страхового просвещения и созданию мощного низового страхового актива. Нередки еще случаи бюрократизма и волокиты в работе страховых органов по обслуживанию застрахованных.

Одним из серьезнейших недостатков в работе страховых органов является отсутствие должного внимания к вопросам рационального расходования страховых средств, которые расходовались часто без достаточной увязки с интересами индустриализации страны и обслуживания индустриальных рабочих.

Страховое законодательство страдает сложностью и недостаточной четкостью в установлении преимущественного обеспечения пролетарских кадров. В результате имеет место засоренность круга обеспечиваемых мелкобуржуазными элементами и выходцами из буржуазных слоев.

Колоссальные средства, расходуемые органами социального страхования, а также задачи, стоящие перед органами социального страхования в деле лучшего обеспечения основных пролетарских кадров и всемерного содействия дальнейшему росту производительности труда на основе общего плана индустриализации страны и социалистического переустройства деревни, — возлагают на органы социального страхования большую ответственность за правильное и целесообразное использование страховых средств.

В дальнейшей работе органов социального страхования необходимо проведение более четкой классовой линии в деле обеспечения пролетарских кадров, а также осуществление ряда мероприятий по переходу от денежных и индивидуальных к трудовым и обобществленным видам помощи (трудовые виды помощи безработным и инвалидам, натурализация дополнительных видов пособий, дальнейшее развертывание профилактических мероприятий — домов отдыха и т. д.).

Наряду с подъемом творческой инициативы широких рабочих масс к повышению производительности труда и трудовой дисциплины имеют еще место, а в отдельных случаях даже усиливаются, среди несознательной части рабочих и служащих, особенно выходцев из других классов, а также среди новых кадров рабочих, не усвоивших еще правил трудовой дисциплины, — необоснованные прогулы по болезни (симуляция, членовредительство), отказы без уважительных причин от предлагаемой работы и т. п. Все это приносит существенный вред социалистическому строительству и сокращает возможности развития и улучшения страховой помощи действительно в ней нуждающимся рабочим и служащим.

В целях борьбы с этими явлениями должна быть пересмотрена существующая система выдачи пособий по временной нетрудоспособности и должен быть проведен ряд мероприятий для устранения злоупотреблений в этой области. Органы социального страхования и органы здравоохранения должны усилить врачебный и рабочий контроль за предоставлением отпусков по болезни и правильным использованием их застрахованными. В целях борьбы с необоснованными прогулами по болезни особое внимание должно быть обращено на привлечение широкой пролетарской общественности к борьбе с прогульщиками.

Для более рационального расходования средств на дополнительные виды пособий и усиления мероприятий по охране материнства и младенчества признать целесообразным переход от денежных форм выдачи по-

собий к натуральным путем развертывания, в первую очередь в промышленных центрах, сети консультаций, молочных кухонь, яслей и выдачи предметов ухода за детьми, с привлечением к этому делу кооперации. Наряду с заменой денежных форм пособий натуральными, улучшающими обеспечение по дополнительным видам фабрично-заводских рабочих, необходимо пересмотреть нормы пособий по этим видам для наиболее состоятельных групп, а также для лиц, живущих в деревне или имеющих побочные доходы.

В целях улучшения обеспечения по безработице квалифицированных и коренных пролетарских кадров, а также для устранения засоренности состава безработных мелкобуржуазными элементами и выходцами из буржуазных слоев, необходимо провести ряд мероприятий, как-то:

установить требование трудового стажа на право получения пособия для всех групп безработных и пересмотреть нормы в целях лучшего обеспечения производственных рабочих;

установить при назначении пособий по безработице определенные размеры доходов, при которых пособие не выдается;

прекращать выплату пособий по безработице лицам, без уважительных причин отказывающимся от предоставляемой им работы;

расширить использование пособий на трудовые виды помощи безработным (трудартели, коллективы и т. д.);

провести в ближайшее время при широком участии профсоюзов и рабочих проверку состава безработных, получающих пособия.

В целях расширения круга рабочих, обеспечиваемых по старости, и вовлечения в производство молодых пролетарских кадров, а также в целях улучшения обеспечения рабочих и инвалидов труда и борьбы с засоренностью инвалидной массы нетрудовыми элементами, необходимо:

распространить в ближайшие годы закон по страхованию старости на всех производственных рабочих, в первую очередь в отношении тех отраслей народного хозяйства, в которых, в связи с рационализацией и изменением техники, особенно необходима замена старых кадров молодыми;

расширить развертывание работ по организации трудовых видов помощи инвалидам (трудовые колонии, профилактории и расширение практики кооперирования в существующих и вновь создаваемых артелях для инвалидов);

установить более длительный стаж работы по найму на право получения пенсии, особенно для непроизводственных групп рабочих и служащих, кроме вредных профессий, установить особо повышенные требования на право получения пенсии для лиц, прибегавших ранее к наемному труду и живших на нетрудовые доходы;

пересмотреть размер пенсии для лиц, имеющих побочные заработки (кустарные промысла, сельское хозяйство и др.).

Ввиду наличия случаев искривления классовой линии в работе бюро врачебной экспертизы при установлении инвалидности и распределения ее по группам, пересмотреть состав врачей экспертизы и обеспечить в работе ВВЭ проведение классовой линии, путем установления преобладающего влияния на работу бюро врачебной экспертизы профсоюзных и страховых органов.

Провести в течение 1929/30 г. проверку наличного состава инвалидов.

Для более рационального использования сумм, отпускаемых на медпомощь застрахованным из средств социального страхования:

установить порядок распределения страховых отчислений на медпомощь по отдельным республикам и районам, гарантирующий улучшение постановки медпомощи в промышленных районах;

организовать лучший контроль за постановкой медпомощи и использованием фонда медпомощи как через ревизионные комиссии страховых касс, так и путем привлечения широкой рабочей общественности к работе по улучшению медпомощи застрахованным;

решительно обеспечить осуществление преимуществ для рабочих с производства в пользовании курортами, санаториями и домами отдыха (не менее 80%);

приспособить санатории и дома отдыха для функционирования в течение круглого года, обратив особое внимание на использование местных санаторий и курортов.

Одним из существенных недостатков социального страхования, понижающим качество страховой работы и ведущим к непроизводительной затрате страховых средств, является слабая научная проработка вопросов практики социального страхования (в области временной нетрудоспособности, инвалидности, использования неполного труда инвалидов, санаторно-курортной помощи), а также по вопросам теории и практики социального страхования. НКТ и НКЗ расширить постановку научной работы по социальному страхованию, используя с этой целью существующие научно-исследовательские институты.

Для укрепления финансовой базы социального страхования образовать резерв в размере не меньше 5% от нового, сверх образованного в этом году бюджета социального страхования. Не допускать дальнейшего механического снижения страхового тарифа: прекратить, как правило, перевод предприятий на льготный тариф, оставить сниженный тариф для предприятий тяжелой индустрии и переводить постепенно на нормальный тариф другие финансово окрепшие предприятия и учреждения.

Для укрепления финансовой базы социального страхования обрано социальным страхованием застрахованных, и более четкого проведения классовой линии необходимо улучшить и укрепить аппарат страховых органов путем привлечения и закрепления на страховой работе лучших кадров рабочих выдвиженцев и изгнания из него обюрократившихся и других чуждых элементов, в частности меньшевиков и эсеров, извращающих классовую линию.

(Постан. ЦК ВКП(б) о соц. страховании от 28. IX. 1929 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К стр. 82. Приведенный отрывок стоит у Ленина в общем контексте с изложением развития капит. мануфактуры в производствах по обработке минеральных продуктов в Гжельском районе.
2. К стр. 86. Маркс, имеет тут в виду Англию.
3. К стр. 102. Статья написана Лениным в связи с фабричным законом от 2 июня 1897 г.
4. К стр. 108. Имеется в виду английский фабричный закон 1850 г.
5. К стр. 113. В приведенном отрывке из „Капитала" Маркс рассматривает те изменения в условиях труда, которые фабрика вносит в мануфактуру.
6. К стр. 116. Приводя в 13 гл. „Капитала" данные об изменениях в условиях труда, вызванных развитием в Англии в середине XIX века фабричного законодательства, Маркс подчеркивает одновременно крайнюю ограниченность возможных при капитализме временных улучшений условий труда.
7. К стр. 122. Маркс имеет в виду переход в ряде отраслей английской промышленности мануфактуры, ремесла и домашнего труда в фабричное производство.
8. К стр. 124. В предисловии ко 2-му изданию „Положения рабочего класса в Англии", написанном в 1892 г., Энгельс ссылается на свою статью, напечатанную в 1885 г. в „Commonweal" и „Neue Zeit". Этим путем Энгельс приводит текст первого издания „Положения рабочего класса в Англии", вышедшего из печати в 1845 г., в соответствие с положением вещей в Англии *в конце* XIX столетия. Приводимый нами отрывок взят из этой части предисловия ко 2-му изданию „Положения рабочего класса в Англии". Таким образом, речь идет о периоде 1845 - 1885 гг.
9. К стр. 130. Жирным шрифтом напечатаны те требования готской программы, которые Маркс подвергает критике.
10. К стр. 133. В брошюре „Материалы по пересмотру партийной программы" (1917 г.), для удобства сравнения новой программы со старой напечатан также и текст старой программы. При этом, обычным шрифтом напечатаны те части старой программы, которые в новой не изменены. Курсивом набраны те части старой программы, которые вовсе удалены из новой. Жирным шрифтом — те части новой программы, которых вовсе не было в старой. В печатаемом тут отрывке сохранен тот же прием.
11. К стр. 138. Речь идет об однодневной газете „Коммунистический субботник", составленной редакциями и сотрудниками „Правды", „Эконом. жизни", „Комм. труда" и РОСТА на субботнике 10 апреля 1920 года.
12. К стр. 176. В 14-й главе III тома „Капитала", откуда взят приведенный отрывок, Маркс, анализируя развитие внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению, разбирает вопрос об избытке капитала при избытке населения, т. е. при относительном перенаселении. Приводимый отрывок из 15-ой главы 3 тома является продолжением этого анализа.
13. К стр. 208. Маркс имеет в виду кризис 1866 г. в Англии.
14. К стр. 216. В статье „Язык цифр" (напечатана в „Нашем пути" 1913 г.), из которой взят приведенный отрывок, Ленин исследует вопрос о влиянии стачек 1905 г. на экономическое положение рабочих в 1905 г. и после 1905 г. Приводимый отрывок является заключительной частью статьи.
15. К стр. 230. В статье „По поводу Государственной росписи" Ленин анализирует бюджет царского правительства на 1902 г., составленный Витте, сопоставляя расходы на войско с суммами, отпускаемыми на голодающих.
16. К стр. 248. Дело идет о выяснившихся на совещании президиума Петросовета данных о крайне медленных темпах разгрузки и приведения в порядок ж.-д. узла, затрудняющих снабжение рабочих.
17. К стр. 251. На заседании Совнаркома 23/V 1918 г. было принято постановление о назначении т. Сталина общим руководителем всем продовольственным делом на юге России.
18. К стр. 270. Имеются в виду тезисы политбюро: об индустриализации, о зерновой проблеме и о правом уклоне как главной опасности.
19. К стр. 313. Энгельс имеет в виду древних греков.
20. К стр. 317. Системой банд Маркс называет бродячие артели с.-хоз. рабочих, возникшие в Англии в связи с пауперизацией крестьян и относительным перенаселением деревни.
21. К стр. 317. Гамельнский крысолов — легендарная фигура. Он заманивает свирелью крыс, иногда и детей.
22. К стр. 322. Имеется в виду журнал „Под Знаменем Марксизма".
23. К стр. 327. Приводя тут и в нескольких листах ниже (стр. 329—332) отрывки из работы К. Цеткин „Ленин и трудящаяся женщина", составители заимствовали из этой работы лишь те места, где Цеткин пересказывает слова Ленина.
24. К стр. 330. Речь идет о половых излишествах одного комсомольца.
25. К стр. 232. И. Сталин на 15-й партконференции, критикуя Г. Зиновьева, показал, как советская власть осуществляет положения, выдвинутые в свое время Энгельсом в „Принципах Коммунизма", откуда и взяты приведенные в тексте цитаты.
26. К стр. 339. Ленин приводит данные, рассматривая их в связи с процессом роста торговопромышленного населения, как выражения развития капитализма в России.
27. К стр. 371. Ф. Энгельс приходит к рассмотрению значения жилищного вопроса для крупной буржуазии после того, как им было установлено значение этого вопроса для мелкой буржуазии.
28. К стр. 378 и 385. Д-р Мюльбергер — автор статей по жил. вопросу в „Nolkstaat".
29. К стр. 404. В. И. Ленин, приводя цитату из „жилищного вопроса" Энгельса (см. предыдущий отрывок), развивает мысль Энгельса для условий пролетарского государства.
30. К стр. 462. Энгельс называет „социальным убийством" капиталистический строй и его законодательства.
31. К стр. 479. Характеризуя положение переселенческого дела, Ленин пользуется официальными материалами царского наместника. О записке наместника здесь идет речь.
32. К стр. 480. Речь идет о Крымской кампании 1853—1856 гг. — борьбе русской армии с союзными турецкими и англо-французскими войсками.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аборт 197, 198, 199, 454.
Алкоголь, Алкоголизм 71, 79, 80, 115, 330, 369, 448, 464, 470, 472, 473, 484, 490, 491, 492, 501. См. также «водка».
Английская болезнь см. Рахит.
Амбулатории 505.
Антисанитария 78, 114, 115, 116, 297, 298, 345, 346, 366, 406, 427, 437.
Анемия — см. малокровие.
Армия Красная 261, 273, 274, 410, 485.
Астма точильщиков 431, 453.
Аномалии 454, 455.
Бани 415, 419, 421, 422, 508.
Бараки 427.
Безработица 134, 138, 151, 179, 180, 183, 194, 199, 200, 208, 209, 226, 228, 247, 248, 249, 254, 296, 331, 359, 404, 467, 488, 494, 495, 498, 512, 514, 516.
Беременность 455, 456.
Близорукость 457.
Болезни 79, 80, 86, 108, 117, 128, 134, 203, 222, 224, 225, 235, 335, 345, 346, 350, 362, 367, 375, 399, 425, 435, 444, 450, 451, 452, 453, 454, 457, 461, 462, 464, 469, 471, 474, 484, 485, 487, 501, 512, 513.
Больничные кассы 134, 512.
Больницы 129, 226, 418, 420, 498, 506, 508.
Брак 164, 172, 176, 192, 304, 307, 308, 310, 312, 313, 314, 320, 321, 334.
Бронхит 86, 443.
Быт 422, 423, 484, 492, 496, 497, 511, 514.
Вегетарианство 67. — — — —
Вентиляция 113, 151, 346, 347, 354, 355, 357, 360, 365, 366, 427, 432, 435, 438, 452, 453, 463, 465.
Вода 337, 346, 360, 361, 372, 374, 390, 402, 414, 424, 425, 453, 464, 484, 501.
Водка 202, 206, 212, 369, 466, 470, 490, 491. См. также Алкоголь.
Водоснабжение 364, 415, 419, 420.
Воздух 77, 78, 84, 88, 102, 205, 348, 350, 357, 372, 374, 399, 402, 424, 425, 438, 439, 442, 450, 457, 464, 470, 484, 501.
Война 241, 332, 414, 481, 487.
Воспитание 120, 141, 152, 315, 321, 332, 335, 422.
Венерическ. болезни 501. См. также Сифилис.
Врачи 89, 117, 197, 204; земские 208, 224, 412, 498, 502, 508, 510.
Вредные производства 147, 156. См. также труд.
Выкидыш. См. аборт.
Вымирание 218, 426.
Вши 486.
Гетеризм 304, 313, 320.
Гигиена 100, 114, 365, 368, 369, 373, 374, 392, 399, 453, 467, 492, 493; социальная 511.
Голод 139, 146, 168, 208, 215, 218, 219, 225, 226, 228, 231, 235, 236, 237, 240, 241, 244, 248, 249, 252, 254, 255, 256, 257, 259, 345, 346, 372, 470, 475, 486.
Грог — и деревня 80, 140, 141, 165, 199, 330, 337, 338, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 406, 408; 339, 343, 347, 349, 350, 351, 357, 371.
Городск. хозяйство 414, 415, 416, 417, 420.
Грыжа 430, 453.
Грязь 114,115, 138, 345, 346, 350, 352, 353, 354, 358, 366, 367, 372, 414, 463, 465, 487, 501. См также «Антисанитария».
Дезинфекция 374.
Деморализация 79, 80, 83, 183, 317, 346.
Деревня 362, 416. См. также «Город и деревня».
Дети 79, 88, 98, 101, 102, 106, 114, 164, 198, 208, 209, 299, 305, 306, 310, 311, 315, 316, 317, 320, 332, 335, 425, 456, 470, 474.
Детские дома 152.
Детские сады 418, 422, 497, 505.
Детские площадки 418, 497, 505.
Детский труд 75, 87, 88, 89, 97, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 113, 114, 126, 130, 131, 133, 136, 147, 178.
Диспансер 446, 505, 506.
Дома отдыха 464, 497, 505, 514, 515, 517.
Дым 349, 357, 442.
Естествознание 371.
Естественный подбор 305, 307.
Женский труд 79, 86, 104, 111, 112, 113, 126, 130, 134, 147, 178.
Жилище 68, 74, 135, 144, 158, 209, 343, 347, 348, 356, 361, 364, 366, 367, 368, 369, 371, 374, 376, 382, 384, 385, 388, 389, 390, 394, 403, 406, 409, 411, 412, 414, 415, 429, 464, 470, 497.
Законодательство фабричное 82, 86, 87, 90, 94, 96, 102, 106, 107, 117, 120, 121, 123, 126, 128, 129, 130, 131, 135, 210; о питании 211, 226, 320, 321, 324, 335, 364, 395, 434, 462, 484.
Заработная плата 118, 131, 134, 150, 151, 152, 157, 158, 160, 161, 165, 175, 176, 178, 201, 205, 206, 207, 208, 212, 217, 265, 282, 295, 319, 331, 347, 348, 359, 360, 367, 387, 415, 484, 489, 490, 496, 497, 500, 512.
Заразные болезни 114, 341, 365, 371, 375, 427. См также болезни.
Здоровье 74, 84, 86, 98, 103, 108, 115, 119, 122, 124, 205, 335, 344, 360, 361, 364, 366, 367, 372, 388, 415, 423, 426, 429, 430, 432, 433, 435, 446, 457, 461, 463, 467, 501.
Здравоохранение 490, 503, 506, 507.
Зеленые насаждения 420.
Земство 231.
Золотуха 70, 157, 202, 204, 443, 452, 466.
Интервенция 332, 414.
Инвалиды, инвалидность 134, 512, 513, 514, 515.
Инфекционные болезни. См. Заразные болезни.
Инспекция труда 133, 134, 135, 147.
Истерия 86.
Искривления конечностей, позвоночника 448, 449, 454.
Кадры медицинские 509, 510.
Канализация 371, 412, 414, 415, 417, 419, 420.
Кварталы рабочие 349, 351, 353, 354, 357, 366, 371, 372, 373, 375, 407, 414, 417, 464, 502.
Квартиры 151, 344, 346, 349, 352, 355, 356, 366, 368, 383, 386, 404, 405, 409, 423, 464, 466, 483.
Клетка 67, 69.
Климат 68, 204, 477.
Кодекс законов о труде 147.
Колхозы 200, 275.
Комиссии по охране труда 154.
Коммунальное строительство 412.
Коммунальное хозяйство. См. Городское хозяйство.
Консультация 505, 516.
Конституция физическая, влияние на нее пищи 67.
Кости 64, 200.
Котлы (Комиссии по улучшению труда и быта) 503.
Коттеджи 354, 355, 356, 357, 359, 360, 362, 363, 365, 388, 393, 397, 427.
Красный крест 224.
Кризисы экономические 88, 118, 127, 156, 161, 166, 176, 180, 181; и население 188; и питание 209, 224, 225, 241, 243, 464, 467.
Кровь 67.
Куриная слепота 479.
Курорты 497, 501, 514, 517.
Лекарства, лекарственная помощь 134, 147, 498, 499, 501.
Литература медицинская 441.
Малокровие 223, 430, 456.
Малярия 460, 477, 480.
Мальтузианство 190, 196.
Машины 79, 81, 83, 104, 114, 122, 125.
Медицинская помощь 134, 135, 422, 452, 466, 484, 498, 499, 500, 514, 517.
Медицинская пропаганда 199, 402.
Мед. кадры. См. Кадры.
Медсантруд 503, 504, 507, 508.
Менструации 454, 455.
Мозг 66, 67, 68, 74, 200.
Молоко 68, 145.
Молочные кухни 516.
Многоженство 312, 313.
Мускулы 64, 74, 98, 200 451.
Мясо 67, 202, 203, 204, 206, 208, 211, 212, 213, 252, 278, 279, 284, 429, 482.
Наркомания 474.
Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) 208, 502, 503, 504, 509, 510, 514.
Население 157, 189, 192, 195, 197, 205, 398.
Неомальтузианство 198, 199.
Нервная система 76, 200, 448.
Нервы — трата их в труде 74.
Несчастные случаи. См. Травматизм.
Нечистоты 346, 401.
Нищета 106, 124, 138, 166, 167, 179, 182, 200, 212, 236, 319, 345, 346, 357, 358, 359, 367, 371, 372, 403, 424, 470, 478, 486, 487, 501.
Ночной труд 87, 97, 98, 100, 101, 103, 121, 131, 132, 133.
Нормирование труда 148.
Ночлежные дома 226, 343, 344, 373.
Нравственность 114, 119, 122, 430.
Обед, обеден. время 84, 88, 129.
Обмен веществ 67, 71, 73.
Обоняние 66.
Обувь 144, 204, 289.
Общественное питание. См. Питание.
Одежда 74, 115, 158, 204, 205, 206, 211, 212, 233, 264, 359, 429, 461, 464, 482, 483.
Опий, опиум 202, 215, 318, 459, 460, 466, 474, 489.
Организм 64, 450, 451, 454.
Органы чувств 66, 77.
Осень 114, 371, 397, 426, 427, 468.
Осязание 66.
Отдых 95, 98, 99, 102, 128, 131, 147, 156, 493, 499.

Отопление 415.
Отхожие места 346, 352, 360, 364, 427, 437.
Очаги детские 420.
Охрана материнства и младенчества 321, 496, 497, 507, 509, 515.
Охрана труда 127, 128, 133, 136, 147, 148, 151, 152, 153, 154, 155, 439, 484, 500, 514. См. также Законодательство фабричное.
Патология. См. Болезни.
Пауперизм 165, 166, 177, 178, 183, 197, 209, 362, 488, 498. См. также нищета.
Перенаселение 162, 163, 165, 166, 171, 174, 176, 177, 187, 189, 191, 192, 193, 194, 196, 197; аграрное 199.
Переселенчество 476, 477.
Пинной билль 472.
Пиво 472.
Пироговские съезды врачей 197.
Питание 102.203, 204, 208, 210, 212, 223, 235, 259, 265, 283, 284, 290, 296, 297, 299, 300, 415, 419, 422, 454, 466, 467, 484, 489, 497.
Пища 67, 74, 84, 102, 158, 196, 201, 203, 204, 206, 208, 233, 265, 299, 429, 457, 466, 470.
Пищеварение 67, 204.
Планировка 463.
Плоская стопа 449.
Подростки 108, 120, 147, 148, 151, 317, 332, 333.
Пол 74, 105, 119.
Полигамия 312.
Поселки 152.
Потребление раб. силы 71; средств существования 200, 201, 202, 238, 240, 261.
Праздники. См. Отдых.
Прачечные 321, 415, 418, 422, 423, 508.
Предохранительные меры (от зачатия) 198, 199.
Прогулы 515.
Продовольствие, дело 219, 230, 231, 249, 252.
Продолжительность жизни 85, 164, 442, 454, 467, 468.
Производительность труда 128, 148, 149, 150, 152, 154, 167, 515.
Проституция 165, 314, 315, 318, 319, 327, 334, 358.
Простуда 442, 451, 458, 461, 467, 482.
Профилактории 516.
Пункты первой помощи 503.
Пыль 88, 115, 138, 431, 442, 473.
Пьянство. См. Алкоголь.
Рабочая сила 71, 72, 74, 82, 84, 85, 122, 124, 151, 157, 160, 161; и кризис 186, 188, 200, 201, 215, 370, 383, 386, 425, 495.
Рабочее время 74, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 104, 116, 119, 120, 122, 125, 128, 130, 136, 147, 149, 151, 152, 156, 165, 424, 439, 441, 444, 445, 448, 452, 457, 489, 499.
Рабочие поселки. См. Поселки.
Разделение труда. См. Труд.
Равноправие женщины 322, 325.
Развод 321, 322.
Размножение 85, 194, 195, 196, 201.
Расплата товарами. См. Заработная плата.
Расширение вен 450.
Рационализация производства 149.
Рахит 448, 467.
Ревматизм 86, 443, 453, 461.
Резервная армия труда 166, 167, 169, 170, 171, 191, 367, 495.
Религия 68, 434.
Речь 65, 66.
Роды 455, 458.
Рука — продукт труда 63, 64, 66, 68, 71.
Рост 64, 84, 102, 128, 204, 429, 443, 446, 447, 480.
Самоубийства 470.
Санатории 497, 514, 517.
Санитарный надзор 135, 298, 396, 500.
Санитарная инспекция 135, 447.
Санитарное законодательство. См. Законодательство.
Санитарная полиция 145, 340, 352, 356, 357, 360.
Санитария. См. Гигиена.
Свет 78, 84, 98, 113, 151.
Семья 68, 192, 198, 210, 304, 305, 306, 307, 309, 310, 311, 312, 314, 315, 316, 317, 320, 334, 335, 421, 458, 459.
Семейное право 320.
Симуляция 515.
Система смен 97, 126, 131.
Сифилис 157, 474.
Скученность 340, 341, 342, 347, 364, 366, 371, 372, 406, 409, 435, 473.
Сон 84, 101, 102, 451.
Спорт 330, 491, 492.
Средняя продолжительность жизни. См. Продолжительность жизни.
Слух 66.
Смертность 107, 108, 115, 116, 176, 186, 193, 204, 435, 436, 437, 443, 458, 459, 462, 467, 468, 471, 496, 498, 505.
Скарлатина 420, 468.
Совхозы 276.
Социальное страхование 134, 151, 489, 490, 496, 513, 514, 515, 517.
Статистика 90, 91, 92, 95, 111.
Столовые 237, 286, 290, 297, 298, 299, 327, 422, 423, 502.
Субботники 139, 260.
Суррогаты продуктов питания 207.
Сыпной тиф, сыпняк. См. Тиф.
Таблица смертности 445, 443, 467, 471.
Теплорум 117, 118, 119.
Температура помещений, предприятий 77, 99, 151, 450, 451, 460, 461.
Техника 118, 137, 138, 148, 150, 156, 197.
Техника безопасности 151, 153, 154, 155, 433.
Тиф 221, 223, 224, 235, 258, 360, 371, 426, 465, 466, 471, 478, 479, 486, 487, 502, 506.
Травматизм 78, 130, 131, 153, 432, 434, 439, 440, 441, 469, 512, 513.
Труд — создал самого человека 63; 67, 68, 70, 71, 73, 74, 79, 80, 81, 82, 83, 89, 118, 119, 132, 133, 137; коммунистический 138, 139; 140, 141, 142, 145, 146, 147, 150, 151, 156, 157, 167, 168, 201, 204, 205, 212, 261, 269, 284, 285, 293, 297, 309, 310, 319, 327, 335, 336, 337, 362, 363, 400, 409, 428, 429, 448, 450, 473, 500, 511.
Трудовая дисциплина 82, 138, 141, 504, 507.
Туберкулез 86, 117, 204, 430, 431, 435, 436, 442, 443, 446, 456, 457, 461, 464, 474, 484, 501.
Увечья. См. Травматизм.
Умственный труд. См. Труд.
Уравниловка 263, 264.
Ударничество 146, 285, 300, 490, 507.
Усталость 106, 446.
Утомление 106, 333, 446.
Фабрика 87, 338.
Фабрика-кухня 283, 290, 297, 298, 299, 411, 423.
Фабричное законодательство. См. Законодательство.
Фабричная инспекция, фабричные инспектора 87, 89, 117, 130, 131, 133, 134, 335, 432, 433, 434, 500.
Физическая культура 333, 491, 493, 494.
Физическое развитие 69, 80, 84, 108, 124.
Хлебопечение 419.
Хлебозавод 419.
Хлеб 144, 146, 201, 202, 206, 207, 208, 211, 212, 216, 218, 220, 221, 222, 225, 231, 239, 241, 243, 244, 246, 247, 251, 252, 254, 260, 262, 264, 266, 267, 269, 274, 275, 301, 429, 487.
Холера 352, 366, 371, 426, 428, 480, 481.
Цынга 223, 224, 235, 479, 482.
Чахотка. См. туберкулез.
Чистота 114, 211, 365, 502.
Шум 77, 102.
Ясли 134, 152, 327, 418, 420, 422, 500, 503, 505, 506, 516.
Ядовитые вещества 113.
Эпидемии 357, 364, 365, 366, 371, 372, 396, 397, 452, 464, 465, 468, 487, 501, 506, 508.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Стр.

Вместо предисловия . . . . . 3— 62

I. Труд . . . . . 63—156

Социальное и биологическое в труде . . . . . 63—74

Труд создал самого человека . . . . . 63— 71
Общая характеристика процесса труда . . . . . 71— 74

Характеристика труда при капитализме . . . . . 74—119

Интенсификация труда . . . . . 81— 82
Труд в капиталистической мануфактуре в России . . . . . 82— 83
Принудительный труд при капитализме . . . . . 83— 84
Рабочий день . . . . . 84— 89
Рабочий день на фабриках Моск. губернии . . . . . 89— 95
Урезывание отдыха рабочих царским правительством . . . . . 95— 97
Ночной труд . . . . . 97—104
Женский и детский труд . . . . . 104—113
Антисанитарные условия труда при фабричном и мануфактурном производстве . . . . . 113—116
Капиталистическая рационализация . . . . . 116—119

Борьба за нормальный рабочий день . . . . . 119—129

К характеристике фабричного законодательства царской России . 128—129

Программа борьбы рабочего класса за улучшение условий труда . . . . . 130—136

Охрана труда в программе Коминтерна 136

Труд после победы пролетарской революции . . . . . 136—138

Коренное различие в условиях труда и развитии техники при капитализме и социализме . . . . . 137—138

Коммунистический труд . . . . . 138—156

Социалистическое соревнование . . . . . 142—145
Новое отношение к труду . . . . . 145—146
Социалистическая рационализация и охрана труда при диктатуре пролетариата . . . . . 147—150
Охрана труда молодежи . . . . . 151—152
Вопросы оздоровления труда в плане 1-й пятилетки . . . . . 152—153
Об усилении партруководства работой по охране труда . . . . . 153—155
За большевистские темпы в организации, охране и оздоровлении труда . . . . . 155—156
Механизация труда во вредных производствах в плане завершающего года первой пятилетки 156
Труд у них и у нас 156

стр

II. Население . . . . . 157—200

Законы населения при капитализме

Относительное перенаселение . . . . . 162—163
Различные формы существования относительного перенаселения 163—169
Возрастающее производство промышленной резервной армии . . 169—176
Кризисы и законы населения . . . . . 176—177
Пауперизм . . . . . 177—182
Особенности движения населения в период империализма 182

Мальтузианство, его несостоятельность и реакционность 182—199

Классовые корни мальтузианства . . . . . 190—197
За беспощадную борьбу против реакционного неомальтузианства 197—199

Ликвидация „перенаселения" в СССР . . . . . 199—200

III. Питание . . . . . 200—304

Закономерности потребления в условиях капитализма . 200—203

Питание рабочих при капитализме . . . . . 203—217

Рабочие питаются хуже преступников в тюрьмах . . . . . 203—205
Лицемерие буржуазии в вопросе о питании рабочих . . . . . 205—207
Питание и заработная плата . . . . . 208—209
Расходы на питание в бюджете рабочего . . . . . 210—211
Фальсификация продуктов питания . . . . . 211—215
Капиталистическая эксплоатация и голодание населения колоний 215
Расплата продуктами . . . . . 215—217

Как царское правительство „боролось" с голодом . . . 218—238

Голод . . . . . 218—225
Отношение царского правительства к голоду . . . . . 225—229
Размеры „помощи" голодающим 230
Борьба с голодающими . . . . . 230—235
Голод и черная дума . . . . . 235—237
Большевики о задачах партии в борьбе с голодом при царизме . 237—238
Лицемерие буржуазного регулирования потребления во время войны . . . . . 238—241
Бессилие временного правительства капиталистов и соглашателей в борьбе с голодом . . . . . 241—243

Современный мировой экономический кризис и голод . . 243

Большевистская программа борьбы с голодом накануне Октября . . . . . 244—245

Героическая борьба за хлеб в период блокады и интервенции . . . . . 245—250

Мобилизация рабочей самодеятельности на борьбу с голодом . . 245—248
Ленин о мерах борьбы с голодом . . . . . 248—249
Потребительные коммуны . . . . . 249—250

стр.

Борьба за хлеб на юге России . . . . . 251—258

Разговор Ленина со Сталиным по прямому проводу . . . . . 251—252
Значение учета и контроля в борьбе с голодом . . . . . 252—254
Телеграмма о продовольственном положении Петрограда 255
Соотношение классов в продовольственной борьбе . . . . . 255—256
Тракторы в борьбе с голодом . . . . . 256—257
Роль ВЛКСМ в борьбе за улучшение питания 257
Социалистическая индустриализация—верный путь борьбы с голодом и разрухой . . . . . 257—258
Послевоенное продовольственное положение рабочих в СССР и капиталистических странах 258

Борьба с голодом в 1921 г. . . . . 258—259

Помощь иностранных рабочих . . . . . 258—259

Проблемы питания в восстановительный период . . . . 259—266

Успехи нашей продовольственной политики . . . . . 259—261
Планирование потребления . . . . . 261—263
Против уравниловки в распределении продовольствия . . . . . 263—265
Задача комсомола — помощь в распределении питания 265
Кооперация и снабжение . . . . . 265—266

Разрешение зерновой проблемы в реконструктивный период . . . . . 266—277

Причины затруднений на хлебном фронте . . . . . 266—270
О генеральной линии партии и борьбе на два фронта в разрешении зерновой проблемы . . . . . 270—273
О хлебных заготовках . . . . . 273—277

Снабжение мясом и овощами . . . . . 277—282

Рабочее снабжение . . . . . 282—304

Рабочее снабжение и советская торговля . . . . . 287—292
Рабочее снабжение и ширпотреб . . . . . 292—294
Реорганизация рабочего снабжения . . . . . 294—297
Улучшение общественного питания . . . . . 297—300
Дополнительные ресурсы питания . . . . . 300—304
Потребление по 2-й пятилетке 304

IV. Половой вопрос, брак, семья и воспитание . . . . . 304—336

Происхождение семьи . . . . . 304—314

Половая жизнь, брак и семья при капитализме . . . . 314—328

Основа буржуазной семьи — частная нажива 315
Древне-ирландская семья цивилизованнее современной буржуазной 316
Капитализм разлагает семью . . . . . 316—317
Капитализм порождает половую распущенность . . . . . 317—318

Проституция . . . . . 318—320

Женщина — товар при капитализме 318
Капитализм насаждает проституцию в колониях 319
Лицемерие буржуазной болтовни о борьбе с проституцией . . . 319
Отношения пролетария к жене и детям не имеют ничего общего с буржуазными 320

стр.

Пролетарская диктатура коренным образом перестраивает брачное и семейное право . . . . . 320—332

Советская страна ликвидировала бесправие женщины и ее ребенка 321—322
Октябрь и раскрепощение женщины . . . . . 322—326
Раскрепощение женщины и строительство социализма . . . . . 326—327
Пути борьбы с проституцией 327
Суть коммунистической морали 328
Фрейдизм — модная глупость . . . . . 328—329
Вредность теории „стакана воды" . . . . . 329—330
Реакционность увлечения половым вопросом . . . . . 330—332

Советская власть и забота о детях . . . . . 332—334

Пионердвижение . . . . . 333—334

Коммунистический общественный строй и семья . . . 334

Коммунистическое воспитание . . . . . 334—336

Соединение труда с воспитанием . . . . . 334—336

V. Жилище . . . . . 336—423

Отделение города от деревни вследствие разделения труда . . . . . 336—337

Рост больших городов при капитализме . . . . . 337—359

Причины роста . . . . . 337—338
Примеры роста городов . . . . . 338—340
Скученность населения в больших городах . . . . . 340—343
Вытеснение рабочих на окраины . . . . . 343—344
Ночлежные дома . . . . . 344—345
Антисанитария рабочих жилищ . . . . . 345—347
Жилищная нужда как средство добавочной эксплоатации рабочих при капитализме 347
Домовая рента как средство эксплоатации бедности . . . . . 347—349
Расположение и застройка рабочих кварталов . . . . . 349—357
„Дурные кварталы" капиталистического города . . . . . 357—359

Жилище и социальная патология . . . . . 359—371

Жилища горнорабочих и их социальная патология . . . . . 359—360
Жилища сельских рабочих и их социальная патология . . . . . 361—367
Критика взглядов буржуазных гигиенистов на происхождение жилищной нужды . . . . . 367—368
Характеристика буржуазной социально-гигиенической литературы по жилищному вопросу . . . . . 369—371

Как буржуазия разрешает жилищный вопрос . . . . . 371—375

Эпидемии и „оздоровление" городов буржуазией . . . . . 371—372
„Борьба" с антисанитарией в буржуазном С.-Петербурге . . . 372—373
Метод Осман . . . . . 373—375

Мелкобуржуазное решение жилищного вопроса . . . . 375—398

Реакционность прудонизма в жилищном вопросе . . . . . 376—382
Критика идеи выкупа квартир . . . . . 382—385
Критика идеи покупки рабочими коттэджей . . . . . 385—388
Устройство фабрикантами жилищ для рабочих . . . . . 388—392
Строительные товарищества при капитализме не могут разрешить жилищного вопроса . . . . . 392—395
Буржуазное жилищное законодательство . . . . . 395—398

стр.

Разрешение жилищного вопроса в пролетарской революции . . . . . 398—414

Уничтожение противоположности между городом и деревней. Постановка вопроса у Маркса и Энгельса . . . . . 398—399
Разоблачение мелкобуржуазных взглядов на невозможность уничтожения противоположности между городом и деревней . . . 400—402
Коллективизация сельского хозяйства в СССР — путь к устранению противоположности между городом и деревней . . . . 402—403
Экспроприация буржуазного домовладения социалистической революцией . . . . . 403—406
Программа Коминтерна и ВКП (б) по жилищному вопросу . . . . 406—407
Жилищный вопрос и кооперация . . . . . 407—409
Жилищное строительство . . . . . 409—413

О развитии городского хозяйства СССР . . . . . 414—423

Успехи соцстроительства и городское хозяйство . . . . . 414—416
Пути дальнейшего развития городского хозяйства . . . . . 416—417
Московское городское хозяйство . . . . . 417—420
Жилищно-коммунальное хозяйство Ленинграда . . . . . 420—421
Жилище и перестройка быта . . . . . 422—423

VI. Социальная патология . . . . . 423—498

Капитализм — источник нищеты, болезней и вырождения . . . . 423—426

Общая характеристика социальной патологии при капитализме . . . . . 426—439

Эпидемии в ранний период капитализма . . . . . 426—428
Разделение труда при капитализме калечит рабочего . . . . . 428—432
Сбережение капитала за счет здоровья рабочего . . . . . 432—439

Травматизм — результат капиталистической техники . . 439—441

Болезни и физическое вырождение рабочих при капитализме . . . . . 442—458

Болезни в связи с чрезмерным трудом при капитализме . . . . 443—446
Туберкулез и чрезмерный труд 446
Калеченье взрослых и детей чрезмерным трудом . . . . . 446—450
Профессиональная патология капиталистической фабрики . . . . 450—452
Профессиональные болезни углекопов . . . . . 452—454
Здоровье женщины разрушается трудом на капиталистической фабрике . . . . . 454—458

Детская смертность . . . . . 458—462

Работа матери и детская смертность . . . . . 458—460
Детская смертность и труд детей . . . . . 460—462

Заболеваемость и смертность рабочих в связи с условиями быта при капитализме . . . . . 462—470

Заболеваемость и быт . . . . . 462—467
Смертность рабочих и быт . . . . . 467—469

Самоубийства 470

стр.

Алкоголизм . . . . . 470—476

Причины пьянства рабочих при капитализме . . . . . 470—474
Капитализм насаждает наркоманию . . . . . 474—475
„Пьяный бюджет" российского царизма . . . . . 475—476

Капитализм — источник социальной патологии пауперизуемого крестьянства . . . . . 476—479

Переселенческая политика царизма — причина массовой заболеваемости . . . . . 476—479

Развитие капитализма усиливает нищету масс и создает новые источники социальной патологии . . 479—480

Почему капитализм идет на временное улучшение условий труда 479—480

Войны и эпидемии . . . . . 482—484

Усиление обнищания в эпоху империализма — источник болезней 482—483
Современный мировой экономический кризис и болезни . . . 483—484

Борьба с социальной патологией при диктатуре пролетариата . . . . . 484—490

Борьба с социальной патологией в программе Коминтерна . . . 484
Борьба за ликвидацию патологии в СССР в программе ВКП(б) . . 484
Ликвидация последствий войны и голода. Укрепление тыла Красной армии . . . . . 484—485
На помощь раненому красноармейцу 485
Мобилизация рабочей общественности на борьбу за ликвидацию санитарных последствий войны . . . . . 485—486
„Стереть с лица русской земли сыпной тиф" . . . . . 486—487
Борьба за чистоту 487
О мероприятиях по улучшению положения рабочих и нуждающихся крестьян . . . . . 487—488
Первая пятилетка и рост жизненного уровня трудящихся СССР при наличии падения жизненного уровня трудящихся в капиталистических странах . . . . . 488—489
План дальнейшего роста материального уровня рабочих в 1933 г. 489—490

Борьба с алкоголизмом в переходный период . . . . 490—491

За физическую культуру . . . . . 491—498

Улучшение материального и культурного положения рабочих и крестьян и повышение их социального здоровья . . . . . 494—498

VII. Организация здравоохранения. Социальное страхование . . . . . 498—517

Характеристика медицинской помощи рабочим при капитализме . 498—499
Вопросы здоровья и медпомощи в программе борьбы рабочего класса . . . . . 499—500
Программа ВКП (б) в области охраны народного здоровья 501
Весь опыт гражданской войны на борьбу с эпидемиями . . . . . 501—502
Врачи на борьбу с сыпным тифом 502
Бороться за образцовую чистоту 502

Здравоохранение в реконструктивный период . . . . . 502—511

стр.

Задачи здравоохранения в реконструктивный период . . . . . 502—504
Рост ассигнований на здравоохранение 504
Здравоохранение в ведущих отраслях промышленности . . . . . 504—505
Достижения советского здравоохранения 505
Против оппортунистических извращений в здравоохранении . . . 505—508
О медицинских кадрах . . . . . 509—511

Социальное страхование . . . . . 511—513

Борьба рабочих за соцстрахование при капитализме . . . . . 511—512
Страховая программа пролетариата . . . . . 512—513

Задачи пролетарской диктатуры в области соцстрахования . . . . . 514—517

Основные установки соцстрахования в реконструктивный период . 514—517

Приложения . . . . . 518—519
1. Примечания . . . . . 520—523
2. Предметный указатель . . . . . 524—530
3. Оглавление . . . . .

Редактор *С. Шмерлинг.* Техн. редактор *Л. Кричевская.*

Ленгорлит № 18494 МД—21. Медгиз № 30/л. Тираж 5200. печ. л. 33¾. Типографск. знак. в л. 53000. Статформ 62×94. Сдано в производство 27/VIII—32. Подписано к печати 26/VIII—33.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
12	1 снизу	Iahr-buch	Jahrbuch
20	1 „	основые фемографи-	основы демографи-
	19 „	Familieh	Familien
32	11 сверху	Fischer	Fischer
33	2 снизу	Глазко	Глазго
40	10 сверху	социал-гигиенит	социал-гигиенист
41	24 снизу	болезни грязи"	„болезни грязи
46	20 сверху	geschieben	geschehen?
52	8 „	разгромы	разгром
52	4 „	почту	почву
55	6 „	социальи.го-гигиениче- ского	социально-гигиениче- ского
55	17 снизу	функциям ицентрального	функциями центрального
92	13 „	населений	поселений
97	15 сверху	постоянный капитал	постоянного капитала
103	10 „	послушась	послушалось
103	22 „	производствах	производствах
271	19 „	розрыв	разрыв
274	23 „	„Вопрсы	„Вопросы
293	8 „	принципами	причинами
295	5-7 „	ские фермы, рыбные и пр. хозяйства. Подчеркивая огромное политическое значение расширения прона-	ские фермы. рыбные и пр. хозяйства. Б) Взамен
		б) Взамен	
297	16 „	ЦК ВБП(б)	ЦК ВКП(б)
329	4 снизу	трудящаяяся	трудящаяся
330	5 „	трудящаяяся	трудящаяся
331	25 „	модное	„модным"
332	19 „	трудящаяяся	трудящаяся
330	Подстр. прим.	„Развитие"	„развития"
343	20 снизу	Dd. Hunter'ом	D-r Hunter'ом
402	1 „	i quanti	tutti quanti
407	13 „	презид. Коминтерна	презид. исполкома Коминтерна
459	подстр. прим.	1681 г.	1861 г.
476	15 сверху	капитала	капитализма
507	25 снизу	промышленоети	промышленности
518	8 сверху	к стр. 108	к стр. 107
519	15 „	дистах	местах
„	19 „	к стр. 232	к стр. 332
„	23 „	приводит данные	приводит эти данные
„	24 „	выряжения	выражение
519	29 „	Nolkstaat	Volkstaat
„	34 „	законодательства	законодательство
520	18 „	прав, Грод	Город
522	снизу	столбец теплору	тейлоризм